

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

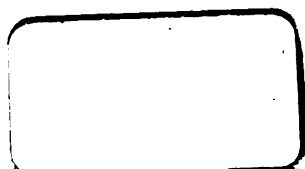
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatæ plane aures, quæ non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXXII.

САЛТРИЦЫНЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

1844.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 31 декабря 1843.
Цензоры А. Никитенко и С. Кутюра.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Сердце-незабудка!
Угомонъ возьми,
Хоть на мигъ разсудча
Голосу вонми.
Радъ принять душою
Всю болѣзнь твою;
Сни, Господь съ тобою.
Баюшки-баю.

Не касайся къ ранѣ —
Станеть подживать!
Не тоскуй по нянѣ,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою;
Засыпай, малютка;
Баюшки-баю.

А не то, другая
Нянюшка прійдетъ,

Слезет молодая,
 Пѣсни запоетъ:
 • Посмотри, родное,
 • На красу мою,
 • Да усни въ покой.
 • Баюшки-баю! •

Что жь ты повернулось?
 Старой няни жаль?
 Знать опять проснулась
 Старая печаль?
 Знать пуста скамейка,
 Даромъ что пою:
 Что жь она злодѣйка?
 Баюшки-баю.

Подожди, вотъ къ лѣту
 Станешь подростать,
 Кольбельку эту
 Надо промѣнить.
 Я кровать большую
 Дамъ тебѣ свою
 И свѣчу задую,
 Баюшки-баю.

И долга кроватка,
 И безъ няни въ ней
 Спится сладко-сладко,
 До скончанья дней.
 Перестанешь биться
 И навѣкъ въ раю,
 Только будетъ сниться,
 Баюшки-баю.

А. ФЕТЪ.

СЕН-БЕРНАРЪ.

Во дядныхъ шлемахъ великаны
Стоять, тердая въ небесахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на вѣшнихъ раменахъ;
Туманы выбкини градами
Какъ молсъ станъ ихъ облегли,
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.

Храните благодатный югъ,
Соедився въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада пламени, о Альпы-исполнны!
Храните вы изъ рѣка въ вѣкъ
Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ
И вѣчно-злачвыя Ломбардин долины.

Кто мчится къ Альпамъ? Кто летитъ
На огнеиномъ дитомцѣ Нида?
Въ очахъ покойныйи взоръ горитъ,
Души неодолимои сила.
Въ немъ арѣтъ новая борьба,
Грядущий рядъ побѣдъ летучихъ,
И неизбѣжны, какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.

Съ коня сошелъ онъ. Чуж бой,
Воскликнулъ Сен-Бернаръ: «Кто мой покой
Нарушить смѣлъ?» Онъ рекъ,—и шумная лавина
Ниспала и закрыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошелъ,
И Альпы слили въ громъ глаголы исполнна.

• Я узнаю тебя! ты съ нильскихъ пирамидъ
• Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
• Тебя, бессмертный вожьдъ, мучительно томитъ
• Побѣды гласъ неутолимый;
• И ния, какъ Самуэль, на пламенныхъ пескахъ,
Шумящее губительной грозой,
• Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопую
• Въ моихъ नेताющихъ снѣгахъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! Италію не уступлю безъ боя!»

—Впередъ! отвѣтъ могучій прозвучалъ.

Уже надъ безднами виситъ стезя героя,

И вверхъ по ребрамъ голыхъ скалъ,

Гдѣ нѣтъ костей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы,

Идутъ полки съ доврѣемъ за вождемъ,

Всходя цѣпляются безстрашныхъ вереницы,

И въ мѣдныхъ жерлахъ вносятъ громъ.

Мрачится Сен-Бернаръ, одѣявъ бурной мглю

Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою.

Сто усть—сто безднъ раскрывъ со всѣхъ сторонъ,

Всѣмъ мразомъ смерти дышитъ онъ.

—Впередъ! воскликнулъ вновь:—впередъ! промчались клики,

И гордую стогу уже занесъ Великій

На исполниское чело!

• Я узнаю тебя, мой чудный побѣдитель!

• Въ лучахъ блеститъ Маренго! цѣпь побѣдъ

• По міру прогремитъ,—но встанетъ крѣпкій мститель,

• И ты на свой наступишь слѣдъ.

• Свершая замыслы всемірнаго похода,

• Ты помни, твой предтеча Аннибалъ,

• Съ юнѣющей судьбой могучаго народа,

• Въ борьбѣ неровной шумно пагъ.

• Страхись! Уже на кликъ отечества и славы

• Встаетъ народъ; онъ — громъ твоихъ путей!

• Входящая звѣзда мужающей державы

• Уже грозитъ звѣздѣ твоей!

• Въ полночной мглѣ есть конь и всадникъ мѣдвйй,

• Ударитъ конь копытами въ гранитъ,

• И, кинувъ огонь въ сердца, онъ искрою побѣдной

• Твой грозвнй лавръ испепелитъ.

А. ОД—СКІЙ.

БАРЫШНЯ.

«.....Давно ль
«Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала?
«А я такъ за уши драла?»
— А я такъ пряникомъ кормила?»

(Евг. Островскій. Глава VII.)

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Моя барышня—настоящая барышня. Отъ нея безъ ума маменька и папенька... Но прежде надо поговорить о томъ, что такое маменька. Маменька ея — простая, добрая и толстая русская барыня. Отъ нея, въ свое время, были также безъ ума папенька и маменька, —папенька богатый помѣщикъ, извѣстный во всей губерніи суровостью и крутостью нрава, знаменитый псовый охотникъ. Маменька— добрая и слабая женщина, которая не имѣла никакой власти въ домъ и дрожала отъ страха при видѣ своего супруга съ вѣчно-нахмуренными бровями и вѣчно-вооруженнаго арапникомъ. (Впрочемъ, она никогда не жаловалась на свою участь—и въ самыя горькія минуты своей жизни разсуждала такъ: «На то онъ мнѣ мужъ, чтобъ съ меня «взъискивать... И законъ мнѣ велитъ ему повиноваться»). Бывало, глядя на свою Лизу съ невыразимою нежностію и глядя ее по курчавой головкѣ, она говорила: «Не хочешь ли покушать чего-нибудь, «ненаглядное мое сокровище?..» И потомъ съ безпокойствомъ прибавляла: «Похудѣла ты что-то у меня, душенька... Мало ты со- «всѣмъ кушаешь... Вотъ тебѣ пирожокъ, я испекла его своими ру- «ками...» И въ дрожавшихъ звукахъ ея голоса было столько чув- ства, и въ ея безпокойномъ взглядѣ было столько любви!

Любовь некоторых матерей — любовь безпредельная, и чѣмъ болѣе такого рода матери любятъ дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе онѣ ихъ кормятъ. Бывали примѣры на Руси, что матери, изъ любви, закармливали дѣтей своихъ до болѣзни или до смерти. Что дѣлать, если до сихъ-поръ материнская любовь не находила у насъ другаго выраженія!..

Бабушка моей барышни не хлопотала о воспитаніи своей дочки. «Что мучить ребенка по-пустому!» говорила она: «добро бы еще смальчикъ, — ну, мальчику еще куда не шло, а дѣвчкѣ вовсе не слѣдъ пичкать голову разными вздорами; только чтобъ у нея чувства были — это главное, да чтобъ была доброй женой и хорошей хозяйкой, а на остальное на все наплевать. Я вѣкъ свой прожила безъ ученья, благодаря Бога...»

Дѣдушка еще менѣе хлопоталъ о ея воспитаніи. Дѣдушка любилъ свою дочку, потому-что она иногда служила для него развлеченіемъ въ свободное отъ охоты время. Онъ тѣшился ею, какъ тѣшился своими лгавыми и гончими.

Однажды, на-веселѣ, окруженный ватагою полупьяныхъ пріятелей, онъ неожиданно съ охоты нагрязнулъ домой... Дома продолжалась попойка. Шумъ, крикъ, гамъ раздавались далече. Весь домъ ходилъ ходенѣмъ. Уже шутъ Васька, давно мертвецки-пьяный, въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ и съ шлемомъ на головѣ, валялся на полу; уже два гостя еле-держались на стульяхъ и готовы были послѣдовать примѣру Васьки. Вдругъ дѣдушка, въ шестой разъ наполнивъ позолоченный старинный кубокъ, закричалъ зычными голосомъ:

— Малой!.. И всѣ малые вздрогнули при этомъ голосѣ. — Позвать сюда барыню и сказать ей, чтобъ, молъ, она привела съ собою барышню, что будутъ-дескать пить за ихъ здоровье. Слышишь?

— Слушаемъ-съ... И пять съдыхъ исполноровъ въ одно мгновеніе бросились изъ комнаты исполнить приказаніе барина.

Барыня явилась.

— А гдѣ же Лиза? вскрикнулъ баринъ, косо взглянувъ на жену...

— Лиза, Иванъ Васильчъ, почиваетъ, отвѣчала жена: — ужъ болѣе двухъ часовъ какъ няня уложила ее въ постельку... У нея, у бѣдняжки, цѣлый день болѣла головка...

— Вздоръ! принести ее сюда!

Она вышла изъ залы и черезъ нѣсколько минутъ снова явилась, неся на рукахъ четырехъ-лѣтнюю дѣвочку, которая хныкала и терла ручонками заспаные глаза. На глазахъ матери дрожали слезы...

— Ну, давай ее сюда ко мнѣ на руки!..

Мать хотѣла что-то возразить; но слова замерли на языкѣ ея и она бессознательно повиновалась.

Иванъ Васильичъ, охвативъ дочь лѣвою рукою, въ правую руку изъясъ бокалъ, поднялъ его горѣ и, обведя взоромъ собраніе, произнесъ: «А теперь мы выпьемъ за здоровье моей наследницы, да чуръ выпивать до дна!»

— Лизавета Ивановна! многоя лѣта! Онъ самъ выпилъ кубокъ и опрокинулъ его, какъ-будто для доказательства, что въ немъ не осталось ни капли.

— Многоя лѣта, многоя лѣта! хоромъ встали гости, осушая свои бокалы.

Дѣвочка, со сна, испуганная этими криками и видя вокругъ себя все незнакомыя лица, начала вырываться изъ рукъ отца и плакать...

— Тсс! У меня на рукахъ не смѣть ревѣть... Ну, кланяйся и благодари гостей.

Иванъ Васильичъ поставилъ Лизу на столъ, загроможденный стаканами и бутылками, и наклонилъ ея голову сначала на-право, потомъ на-лѣво.

— Слышишь, Лизавета, продолжалъ Иванъ Васильичъ:— у меня смѣтри... у меня ни-ни!.. Ну, хочешь подброшу?

Онъ ухватилъ дочь за щеку и, въ-самомъ-дѣлѣ, схватилъ ее на руки, чтобъ подбросить...

— О, Бога ради! простонала несчастная мать, бросаясь къ Ивану Васильичу, чтобъ выхватить ребенка изъ рукъ его.— Въ своемъ ли ты умѣ? Ты на вѣкъ ее можешь сдѣлать уродомъ...

— Прочь, баба! загремѣлъ Иванъ Васильичъ, съ сердцемъ оттолкнувъ жену и высоко, какъ мячикъ, подбросивъ Лизу почти къ самому потолку; при обидѣ и единодушномъ хохотѣ.

Мать вскрикнула и закрыла глаза руками.

Но Лиза уже была въ объятіяхъ отца...

— Ну, чего испугалась? сказалъ Иванъ Васильичъ, обратясь къ женѣ:— чего глаза-то закрыла? Не понимаешь что ли, что я играю съ ребенкомъ? Охъ вы мнѣ, вѣжески!.. Ну, возьми ее, да уберите на свою половину, а насъ оставьте погулять!..

Мать съ быстротою молніи схватила Лизу, крѣпко прижала къ груди своей и выбѣжала изъ комнаты.

Такого рода сцены повторялись не разъ. Лиза, благодаря Бога, не сдѣлалась уродомъ. Лиза, оставленная на произволъ природы, росла и наливалась, какъ здоровый плодъ, не по лѣтамъ, а по часамъ... Въ шестнадцать лѣтъ, она была завидная невѣста, — настоящая русская красавица: и кругла, и бѣла, и румяна. Станъ ея, можетъ-статься, былъ немножко-толстоватъ, но это потѣшу,

что она никогда не нашивала корсета. Образование ея было окончено. Она въ ариметикѣ дошла до дѣленія и умѣла по-русски читать и писать. Первые три правила ариметики ей пригодились въ жизни за вѣстомъ и за преферансомъ; умѣнье читать не послужило ей къ чему, потому-что кромѣ «Новѣйшей и Полнѣйшей Стряпухи» она не имѣла ни случая, ни потребности читать книжки... За то она помогала матери варить варенье, дѣлать желе и пастилу. Она вообще обнаруживала большіе хозяйственные таланты и по особенному способу приготовляемая ею яблочная пастила скоро прославилась ея въ цѣлой губерніи.

Отецъ, глядя на нее съ самодовольствіемъ, обыкновенно говаривалъ:

— Экая пышка!

И, потомъ обращаясь къ своему гостю и указывая на дочь, обыкновенно прибавлялъ:

— Что, дружище, кажется, не ударилъ себя лицомъ въ грязь? а? Дѣвка-то я тебѣ скажу! Оно все бы, конечно, сынишка лучше, да впрочемъ...

Иванъ Васильичъ при этомъ обыкновенно съ досадою махалъ рукой.

— Съ мальчишками возни много. Куда съ ними дѣнешься? Что такое нынѣшнее воспитаніе? Куда оно годится?... Дѣвчонку по-крайней-мѣрѣ сбывъ съ рукъ да и концы въ воду. Выйдетъ замужъ, такъ и отрѣзанный ломоть. Это что? (онъ снова указывалъ на дочь) это вѣдь такой товаръ, что дома не залежится...

Иванъ Васильичъ былъ правъ. Въ двадцать-три года, Лиза вышла замужъ за отставнаго майора, Евграфа Матвѣича Ветлина, человѣка отлично-добронравнаго, съ брюшкомъ, и страстнаго охотника до всего съѣстнаго вообще и до яблочной пастилы въ особенности. Лиза перѣехала въ губернской городъ. Лиза изъ уѣздной барышни сдѣлалась губернской барыней и завелась своимъ хозяйствомъ. Иванъ Васильичъ вскорѣ послѣ ея брака скончался отъ удара, покушавъ за ужиномъ не въ-мѣру и тотчасъ же послѣ ужина разсердясь за что-то не въ-мѣру на своего буфетчика. А жена его черезъ годъ послѣдовала за нимъ; тоска по мужѣ свела ее въ могилу. «И побранить-то меня теперь некому», часто говорила она, заливаясь слезами. Мысль о будущихъ внучкахъ поддерживала еще немного ея существованіе; но неисповѣдимымъ судьбамъ угодно было, чтобъ Лизавета Ивановна забеременела не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ ея смерти. Старушка умирала спокойно, тихо, въ полномъ сознаніи, что она, по мѣрѣ силъ своихъ, исполняла на землѣ долгъ христіанки, то-есть, была всегда послушною и вѣрною женою и доброю матерью... Она приобщилась

за часъ до своей смерти... это было въ теплый и тихій майскій вечеръ... Окна ея спальни, выходившія въ садъ, были открыты... Весенній воздухъ, растворенный запахомъ черемухи, освѣжалъ лицо умиравшей; потухавшая заря освѣщала комнату своимъ яркимъ румянцемъ... Лизавета Ивановна сидѣла на стулѣ, дрожа весьмъ тѣломъ и прислонясь лицомъ къ подьоконнику. Супругъ стоялъ близь нея, заложивъ пальцы за обшлага своего сюртука, и безпрестанно говорилъ супругъ: «полноте-съ, полноте-съ», — а слезы такъ и катились по его доброму и изрытому рябинами лицу. Старушка подозвала ихъ къ себѣ, поцаловала и благословила; Евграфъ Матвѣичъ произнесъ всхлипывая: «Мамеышка, будьте покойны касательно счастья Лизаветы Ивановны; я все употреблю, повѣрьте, чтобъ сдѣлать ихъ частливыми...» (Евграфъ Матвѣичъ, не смотря на то, что былъ женатъ два года, никакъ не могъ говорить жене *ты*). И онъ, произнеся этотъ обѣтъ, не удержался и зарыдалъ. Старушка сказала слабыющимъ голосомъ: «Не плачьте, мои голубчики, я иду къ моему Ивану Васильчу...» И уста старушки замерли съ именемъ мужа.

Послѣ смерти ея, супруги погрустили, поплакали, и — пораздумавъ немножко, занялись устройствомъ своихъ дѣлъ. Покойный Иванъ Васильчъ былъ разоренъ псами, на имѣніи было пропасть долгу. Супруги, посоветовавшись, продали бѣдшую половину имѣнія, уплатили долгъ, и оставили только въ своемъ владѣніи одно село Ивановское—Брысскую—Топь-тожь.

— Распоряжайтесь всѣмъ по своей волѣ, говорила Лизавета Ивановна мужу: — но ужъ это село оставьте неприкосновеннымъ. Въ немъ родилась я, въ немъ и умереть хочу. Тутъ лежитъ прахъ моихъ родителей. Такъ, еслибъ мы его продали, насъ бы и громоуъ убило, да и люди въ глаза бы намъ наплевали.

Истинно-умилительно было видѣть картину домашней жизни Лизаветы Ивановны въ первые года замужства. Супруги, казалось, созданы были другъ для друга.

Они ни въ чемъ не противорѣчили другъ-другу, такъ сходны были ихъ понятія и образъ мыслей... Только однажды и то нечаянно супругъ огорчилъ супругу. Лизавета Ивановна вязала чулокъ, Евграфъ Матвѣичъ раскладывалъ грань-пасьянсъ. Онъ первый превралъ молчаніе.

— А знаете, голубчикъ: вѣдь то, о чемъ я загадалъ, вышло?..

Надобно замѣтить, что онъ всегда звалъ супругу *голубчикомъ*, а она звала его *голубушкой* или *дружечкомъ*.

— А о чемъ вы загадали, дружечикъ?

— Будто ужъ вы не догадываетесь?

Евграфъ Матвѣичъ пришелъ въ замѣшательство и покраснѣлъ.

- Нѣтъ, я не догадываюсь.
- На счетъ того, понимаете?
- На счетъ чего?

Евграфъ Матвѣичъ наклонился къ уху Лизаветы Ивановны и ска-
залъ шопотомъ:

— То-есть на счетъ того, голубчикъ, чѣмъ насъ Богъ обрадуетъ—
сынкомъ или дочкой.

Лизавета Ивановна въ свою очередь пришла въ замѣшательство и
покраснѣла.

— Что же вышло? робко спросила она: — сыночекъ или дочка?

— Сыночекъ.

— Не-ужь-то сыночекъ?... Такъ, стало-быть, вамъ бы хотѣлось сына?

— Признаюсь откровенно.

— Отъ-чего же сына? Ну, а если будетъ дочка, такъ, стало-быть,
вы ее и любить не станете?

— Какъ же это можно? За какое вы чудовище меня принимаете?
Чтобъ я не любилъ свое дѣтище!.. А видите ли, сына я натурально
больше потому желаю, что это по моей части... Я бы его самъ
обучалъ... всему, чему слѣдуетъ... и определялъ бы его въ
тотъ полкъ, въ которомъ самъ началъ службу...

Воображеніе Евграфа Матвѣича разыгралось... маленькіе, сонные
глазки его одушевились... Онъ продолжалъ:

— И вышелъ бы онъ въ офицеры... этотъ клопъ-то, котораго вы
на рукахъ носили... Представьте себѣ: офицеръ, со шпагой и съ эпо-
летами и въ шарфѣ!.. ну, словомъ, офицеръ въ полной формѣ, какъ
слѣдуетъ!.. Этакій молодець рослый, плечистый!!.

— Чтобъ я отдала его въ военную службу! вскрикнула Лизаве-
та Ивановна. — Сохрани Господи!.. Чтобъ онъ въ походъ пошелъ,
да чтобъ его на сраженіи убили...

Евграфъ Матвѣичъ посмотрѣлъ на супругу съ некоторымъ неудо-
вольствіемъ.

— Такъ чѣмъ же ему быть, съ позволенія сказать, приказной
строкой, что-ли, чтобъ у него руки были въ чернилахъ измараны?..
Какъ же это можно!

— И по штатской службѣ можно до большихъ чиновъ дослужиться,
возражала Лизавета Ивановна.

— Какихъ чиновъ не дослуживайся, а все штатскій... замѣтилъ
Евграфъ Матвѣичъ.

— Нѣтъ, лучше вы мнѣ и не говорите! возразила Лизавета Ива-
новна: — ужь какъ вы хотите, а сынъ нашъ пойдетъ по штатской
части.

II.

РОЖДЕНІЕ БАРЫШНИ И ЕЯ ДѢТСТВО.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора, Лизавета Ивановна разрѣшилась отъ бремени дочкою — героинею моего разсказа.

— Ну, что, Палагея Ильинишна, что Богъ далъ? въ одинъ го- лось закричали дворовыя дѣвки, бросясь навстрѣчу старухи-няни.

— Нишните, голубки, нишните... Охъ, все косточки разломи- ло... устала... дайте отдохнуть.

Няня сѣла на стулъ.

— Помучилась, моя сердечная, да и насъ-то помучила. Ну, да теперь слава Богу.

— Да скажите, Палагея Ильинишна, что же Богъ далъ?

Дѣвки съ любопытствомъ обступили няню и смотрѣли на нее вы- тарана глаза. Няня перевела духъ и проманисла:

— Барышню.

— Барышню!

— А что, Палагея Ильинишна, замѣтила Матреша, которая бы- ла побойчѣе, покрасивѣе, и почище другихъ: — а вы какъ все говорили, что по всемъ вашимъ примѣтамъ будетъ барченочкъ... Вотъ вамъ и барченочкъ!..

— Ужь ты мнѣ быстроглазая!.. Палагея Ильинишна! Палагея Ильинишна! Языкъ-то безъ костей, такъ все пустяки мелить... Бар- ченочкъ!.. И потомъ няня продолжала, какъ-будто про себя: — Слава Богу, маменьку вынянчила, такъ вотъ теперь дочку привелось нянчить.

Въ этотъ же вечеръ, вѣроятно съ радости, старуха порядочно выпила, такъ-что уже не могла показаться въ комнаты: она дре- мала въ людской у стола, нѣсколько покачиваясь и безпрестанно облизывая губы... Платокъ, которымъ повязана была голова ея, сбился на-сторону, и сѣдые волосы торчали изъ-подъ него въ без- порядкѣ: Дѣвки, стоя вокругъ стола, поддразнивали ее, подсмѣива- лись надъ нею и потомъ пересмѣхались между собою. А она без- престанно повторяла сквозь зубы и какъ-будто сквозь сонъ:

— Зубоскалки вы проклятыя... чего это обрадовались?.. зубо- скалки...

— Что? не угодила я вамъ, голубушка? шептала Лизавета Ива- новна своему супругу слабымъ голосомъ: — вѣдь вамъ хотѣлось сынка?

— А Богъ съ нимъ съ сыномъ! отвѣчалъ супругъ, съ лицомъ сіяю-

шимъ радостію.— Я и дочку буду любить, голубчикъ, такъ же, какъ любилъ бы сына... Еще за сына, можетъ-быть, мы бы ссорились (Евграфъ Матвѣичъ, произнося это дурное слово, старался какъ-можно пріятнѣе улыбнуться); а объ дочкѣ у насъ споровъ не будетъ... Дочка по вашей части...

Крестины праздновались съ шумомъ... Восприемникъ новорожденной былъ губернаторъ; восприемницею—вице-губернаторша... Новорожденную нарекли Катериной, въ честь отцовой тетки. Гости за обѣдомъ были необыкновенно любезны. Они безпрестанно повторяли:

— Красавица у васъ будетъ дочка, Лизавета Ивановна! безприданница... И здоровенькая такая, Богъ съ нею!

Вице-губернаторша была любезнѣе всѣхъ гостей... Она по-крайней-мѣрѣ разъ пятнадцать повторила:

— У васъ, милая Лизавета Ивановна, дочка, а у меня сыночекъ... Вотъ вамъ и женихъ съ невѣстой.

Обѣдъ былъ на-славу и продолжался часовъ пять сряду. Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна, какъ истинно-русскіе люди, отличались хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. Евграфъ Матвѣичъ самъ не сидѣлъ за столомъ, а все ходилъ около стола и угощалъ гостей... Онъ безпрестанно говорилъ:

— Ваше превосходительство, возьмите грудинку: это хорошій кусочикъ... да ужь и крылышко-то кстати. Вы что-то мало кушаете, ваше превосходительство... Видно, моя хлѣбъ-соль вамъ не нравится.

Или:

— Не прикажете ли винца? Винцо, смѣю доложить, доброе, изъ Москвы выписано. Гобарзакъ перваго сорта. Это не то, что въ иныхъ погребахъ продаютъ укусъ въѣсто вина.

Или:

— Что же, ваше превосходительство, грибочковъ-то? вѣдь это моеи Лизаветы Ивановны соленье. Сдѣлайте милость. Ужь не оскорбите ее.

— Отпустите, братецъ, душу на покаяніе, возражали гости:— дышать нѣтъ мочи... совсѣмъ закормили.

Лизавета Ивановна въ свою очередь говорила вице-губернаторшѣ:

— Анна Гривгорьевна, что это вы ничего не кушаете?... Возьмите хоть немножко... пожалуйста, я вамъ сама положу... это легкое кушанье—утка подъ краснымъ соусомъ... Я ужь на Марью Антоновну и не смотрю (Она обращалась къ разрумяненной барынѣ въ чепцѣ съ крыльями). Марья Антоновна никогда ничего не кушаетъ: она воздухомъ питается...

Къ концу обѣда, вдругъ нѣсколько пробокъ съ шумомъ полетѣли въ потолокъ...

— Вотъ и артиллерійское ученье начинается, остроумно замѣ-

тилъ, крутя високъ, отставной поручикъ своему сосѣду, жирному по-мѣщику, который ужасно кушалъ и еще ужаснѣе сопѣлъ.

Первый тостъ провозглашенъ былъ за здоровье новорожденной. Балагуръ, или простонароднѣе *балажникъ* — лицо безъ котораго еще до-сихъ-поръ не можетъ существовать провинція, безъ котораго тамъ обѣдъ не обѣдъ, балъ не балъ (шуты съ шлемами и съ бубенчи-ми—увы! почти уже вывелись въ наши дни!) балагуръ (изъ семинаристовъ) всталъ и, обратясь къ Евграфу Матвѣичу и Лизаветѣ Ивановнѣ, съ поднятымъ бокаломъ произнесъ:

День восторга, восхищенья
Вашей дщери днесъ крещенье!
Всѣ несутъ къ вамъ поздравленья.
На Парнасѣ девять музъ
Превозносятъ вашъ союзъ..
Родилась десятя муза
Отъ прекраснаго союза.
Веселитесь и ликуйте,
День сей дивный торжествуйте!
Веселися домъ Евграфѣ
Веселися, но не въ малѣ!

Стихотвореніе это было ужасно-длинно и все въ такомъ же родѣ. Въ немъ была тонкая и лестная похвала родителямъ, въ особенностяхъ же воспріемникамъ, которыхъ семинаристъ между-прочимъ величалъ «знаменитыми сановниками и представителями чело-вѣчества». Оно оканчивалось слѣдующимъ пятистишіемъ:

Хоть ода нѣсколько быть-можетъ и слаба,
Безъ риторическихъ прикрасъ, безъ ухищренья,
Но да не взыщется съ низайшаго раба
За искреннее чувствъ живѣйшихъ выраженье, —
За нее у всѣхъ особъ онъ проситъ снисхожденья.

Когда семинаристъ кончилъ и выпилъ бокалъ, обведя взоромъ собраніе... страшный шумъ рукоплесканій, хохотъ и одобритель-ные крики потрясли столовую... А семинаристъ, положила руку на сердце, кланялся низко на всѣ стороны и повторялъ съ самодовольною улыбкою:

— Не достоинъ, не достоинъ!

Послѣ обѣда, когда всѣ гости вышли изъ столовой и разбрелись по другимъ комнатамъ, въ то время, какъ лакеи собирали со стола, добѣдая и долизывая барскіе остатки, няня, какъ старшая въ домѣ, подѣ предлогомъ надзора за людьми, все прохаживалась кругомъ стола и допивала оставленное въ стаканахъ и рюмкахъ вино... Вечеромъ же, въ людской, при собраніи всей дворни, подилясывая и прищелкивая руками, напѣвала:

Ай, лоли, ай, лоли,
Ай вы люшиньки мои!

И вся дворня катаясь со смѣха, приговаривала: — Ай-да Ильи-
дшна! ну-ка еще... Воть-такъ... порастряси-ка старыя кости!..

Но я боюсь васъ утомлять подробностями быта, вѣроятно знако-
мага вамъ, мой читатель.

Къ-тому же, мнѣ давно пора обратиться къ моей героинѣ.

Вотъ она—моя барышня, румяное и полное дитя, ей полтора года,
но ея еще не отняли отъ груди;—вотъ она—на рукахъ у заплывшей
жиромъ кормилицы, которую разь-десять въ день поять чаемъ и
безпрестанно кормить селедками. Кормилица обыкновенно по буд-
нямъ носить толстую рубашку, ситцевый сарафанъ и ситцевую ша-
почку на головъ, а по воскресеньямъ и по праздникамъ—непремѣн-
но камлотовый сарафанъ, обшитый голуномъ, кисейную рубашку и
бархатный кокошникъ... Барышня только-что перестала плакать,
еще у нея не обсохли слезы на глазахъ... Кормилица грязными ла-
пами вытираетъ ей глазки и носикъ, и приговариваетъ:—Безстыд-
ница этакая... ну что разревѣлась-то? а вонъ ужь трубочистъ прій-
детъ и съестъ тебя.

Бѣдное дитя подымаетъ визгъ отъ страха и жмется къ кормили-
цѣ... Кормилица страшаетъ ее розгами,—дитя еще пуще плачетъ.
На ея визгъ и плачь прибѣгаютъ мамсенька, папенька и няня.

Мамсенька кричить:

— Ну, такъ и есть, опять раздразила ребенка. Не умѣешь ты,
мужичка этакая, обращаться съ барскимъ дитятей... Не плачь, ан-
гельчикъ мой, не плачь... А посмотри, вотъ бобо, душенька.

Папенька кричить:

— Охъ вы мнѣ! изуродуете вы ес... Каточекъ, Каточекъ, по-
смотри на меня... Гдѣ папа? А-а!.. вотъ цапа...

Няня кричить жалобнымъ голосомъ:

— Что это съ тобой, започка ты моя, что съ тобой приключи-
лось... Ужъ не зубки ли?... Покажи-ка.

Няня всовываетъ грязный палецъ въ ротикъ дитяти и вотомъ
обращается къ барынь:

— Вотъ, посмотрите, матушка, у нея тутъ, у моей голубушки,
зубокъ прорѣзывается.

Вследъ за няней, мамсенька и папенька всовываютъ свои пальцы
въ ротикъ дитяти, чтобъ ошупать зубокъ.

— Вѣстимо, къ зубкамъ плачетъ, замѣчаетъ кормилица:—отъ-
чего жъ ей больше плакать?

Около ребенка шумъ и крикъ; ребенка совсѣмъ затормошили;
ревъ несчастнаго ребенка раздается по всему дому...

— Да гдѣ же эти всѣ дѣвчонки? вскрикиваетъ маменька: — пошлите ихъ... Палашка! Дашка! Машка!...

Дѣвчонки прибѣгаютъ.

— Вотъ я васъ! Гдѣ вы тамъ бѣгаете? постойте...

— Дитя плачетъ, цѣль и горя мало, перебиваетъ папенька...

— Вы забыли свою должность... забыли, что надо утѣшать ребенка, продолжаетъ маменька.

Испуганныя дѣвчонки становятся въ рядъ и начинаютъ прыгать и коверкаться передъ барышней.

Мою барышню отняли наконецъ отъ груди... Кормилицу удалили, чтобъ барышня отвыкла отъ нея и перестала тосковать; но кормилица, приученная къ барскому столу и къ различнымъ удобствамъ въ барскомъ домѣ, въ надеждѣ, что авось ее снова призовутъ къ барышнѣ, если барышня будетъ больно скучать по ней, старается нарочно показываться ей на глаза. Когда няня несетъ ее на рукахъ по двору, кормилица становится на дорогѣ, пригорюнься, и качая печально головой, приговариваетъ, такъ, чтобъ дитя слышало ея голосъ:

— Отняли отъ меня мое красное солнышко... Похудѣла ты безъ меня, моя косаточка; уморить они тебя, мою ласточку...

Дитя, увидѣвъ кормилицу, рвется къ ней. Начинается ссора между кормилицей и няней. Няня жалуется на кормилицу барышнѣ. Барышня наконецъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, запрещаетъ приближаться кормилицѣ къ барскому двору.

Между-тѣмъ, барышня уже начинаетъ ходить и бѣгать. Какая радость для нѣжныхъ родителей! Къ ней приставлены, кромѣ няни, еще двѣ дѣвки, которыя должны неотлучно находиться при ней, чтобъ дитя не упало и не расшиблось. И если немножко выпившая няня и полусонныя дѣвки не доглядятъ, и дитя ушибется объ уголъ дивана или стула и зареветъ, маменька въ ту же секунду вдругъ выскакиваетъ, какъ-будто изъ-подъ пола. Ея звонкій и пронзительный голосъ пробуждаетъ растрепанныхъ и полусонныхъ дѣвокъ, которыя привыкли преспокойно спать подъ визгъ барышни.

— Гдѣ у васъ глаза-то? Няня — старый человекъ, няню нельзя за ребенкомъ вездѣ усмотрѣть... ребенокъ рзвится, бѣгаетъ... а вы что? только спать, да ѣдать цѣлый день... А вотъ я васъ, подождите.

Дѣвки, впрочемъ, не боятся угрозъ барыни, потому-что эти угрозы никогда не приводятся ею въ исполненіе. У барыни доброе сердце.

— Ничего, моя маточка, продолжаетъ барышня, глядя по лицу дочку: — ничего. Вишь стулъ какой гадкой!.. плюнь на него, душенька. Ударь его хорошенько... вотъ такъ... Какъ онъ смѣлъ ушибить мою Катиньку? Вотъ мы его!..

Барышню кормятъ разъ до шести въ день, и, не смотря на это, маменька безпрестанно повторяетъ:

— Что это, нянюшка, мнѣ кажется, Катенька сегодня что-то мало кушала? Здорова ли она?

— Ребенокъ много требуетъ пищи въ эти лѣта, говоритъ папенька:—ребенка надо больше кормить, такъ онъ расти лучше будетъ...

Няня съ этимъ совершенно согласна. Она всегда ужинаетъ въ дѣтской въ то время, когда дѣвки укладываютъ барышню почивать, и, не смотря на то, что у барышни претугой животикъ, няня всегда еще покормитъ ее изъ своихъ рукъ или гречневой кашкой, или кислой капусткой, или тюреей.

— Ничего; лучше заснетъ, говоритъ няня:—что смотреть-то на барыню въ-самомъ-дѣлѣ? Накрошить ребенкуъ бѣлаго хлѣбца въ бульйонъ, да и думать, что ребенокъ будетъ сытъ этимъ... Наша пища лучше, отъ нашей пищи она будетъ здоровѣе. Кушай, голубушка, Христось съ тобой.

Если же дитя на другой день сдѣлается нездорово, и барыня спрашиваетъ у няни:

— Отъ-чего бы это она нездорова, няня?

Няня отвѣчаетъ:

— Да вѣрно съ глазу, матушка. Ничего, не безпокойся. Вотъ погоди. Я ее слизну ужъ вечеркомъ, какъ мыть буду (°).

— А, можетъ, это къ росту, няня?

— А можетъ, сударыня, и къ росту.

Барышня моя дѣлается толстымъ, тяжелымъ и сырымъ ребенкомъ. Она растетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ длину. Она, играя съ своими забавницами-дѣвчонками, безпрестанно на нихъ сердится за то, что онѣ лучше ея бѣгаютъ, за то, что онѣ смѣютъ обгонять ее... И потомъ на нихъ же жадуется маменькѣ, а маменька при ней же и вскинется на бѣдныхъ дѣвчонокъ:

— Да какъ вы, негодницы, смѣете обижать барышню? да я вамъ за это ушонки надеру! Да развѣ вы не чувствуете съ кѣмъ играете? да развѣ вы не помните, что она госпожа ваша?..

Способности барышни развиваются туго: ее явно закормили. И папенька, и маменька, и няня, и гости, и дѣвки, и лакеи, и дѣвчонки—всѣ ей только и твердятъ о гостинцахъ, да объ лакомствахъ.

(°) Операція *слизванія* производится слѣдующимъ образомъ: когда ребенка вымоютъ въ корытѣ, няня обыкновенно поводитъ три раза языкомъ по его спинѣ, начиная отъ затылка... и потомъ собранную на языкѣ сырость сплевываетъ черезъ корыто.

— Хочешь полакомиться, хочешь бомбошек? спрашивает ее маменька по нескольку разъ въ день.

— Катенька—то вся въ вась, дружокъ, продолжаетъ Лизавета Ивановна, обращаясь къ мужу:— ужь такая жадная до яблочной пастилы, что ужасть!..

Если Катенька капризничаетъ и плачетъ, ей няня говоритъ:

— Перестань же плакать. Утри глазки. А тому гостинца не дадутъ, кто будетъ плакать!

Если ея довольны, то или маменька или папенька непременно скажутъ ей:

— Вотъ ты сегодня умница. За это тебѣ сейчасъ дадутъ гостинца.

Гости, имѣющіе какую-нибудь нужду до папеньки, въ угодность ему всегда возятъ дочкѣ гостинцы...

И Катя спрашиваетъ у нихъ:

— А скоро ли вы опять къ намъ прїедете? а скоро ли вы опять мнѣ гостинцевъ привезете?..

— Вишь, какая интересанка! замѣчаетъ папенька, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ и смотря съ любовію на дочку.— Ухъ, будетъ плуть—дѣвка!..

— Катенька, хочешь быть моей невѣстой? говоритъ гость, сажая ее къ себѣ на колѣни.— Я тебя буду кормить всякій день конфетами, сладкими пирожками и вареньемъ.

— Хочу, отвѣчаетъ Катя.

— Ужь она у насъ такая сластѣна! восклицаетъ маменька.

Катя охотница играть въ куклы. У нея есть кукла—барышня, и есть кукла—дѣвка. У нея есть кукла—женихъ и есть кукла—невѣста, и женихъ все кормитъ невѣсту гостинцами.

Нельзя сказать, чтобъ маменька не хлопотала о ея гардеробѣ: передничкамъ, платицамъ, панталончикамъ счету нѣтъ, а Катя всегда нечисто одѣта.

— Чтò это, няня, какой на ней грязный передничекъ? говоритъ папенька.

— Чтò же, баюшка, дѣлать? вѣдь на нее не напасешься чистаго; ну, натурально, дитя рѣзвится, бѣгаетъ на травкѣ, иной разъ повалится и на песокъ посидитъ; дѣтское, глупое дѣло.

— Правда, правда, няня.

Евграфъ Матвѣичъ большой охотникъ до садоводства. Онъ самъ развелъ небольшой садикъ. Этотъ садикъ расположенъ симметрически (у Евграфа Матвѣича страсть къ симметріи). Деревья въ садикъ подстрижены въ видѣ вазъ, шаровъ и даже треугольниковъ. Дорожки усыпаны желтымъ песочкомъ; ни одна травка на свѣтъ роста тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Отъ этого садика, аккуратно, привлаженна-

го, вычищенного и выглаженного, всѣ въ восторгѣ. Евграфъ Матвѣичъ самъ любитъся имъ, какъ игрушкой, и горе тому, кто въ этомъ садикѣ сорветъ листочекъ или цветочекъ! Онъ даже не на шутку однажды раскричался на свою Лизавету Ивановну, когда та, гуляя съ нимъ въ садикѣ, оторвала, въ разсѣянности, ветку отъ куста... Но Катя позволяетъ все. Такова безиредѣльная любовь Евграфа Матвѣича къ дочери! Катя безнаказанно рветъ цветы и ломаетъ сучья кустовъ. Катя бросается въ самую середину клумбы съ цвѣтами и кричитъ нянь:

— Няня, няня, посмотри-ка, что у меня...

Катя беретъ свѣтлозеленаго червяка на руку и бѣжитъ на встрѣчу няни.

— Стыдно, сударыня, возражаетъ няня:— этакую гадость брать въ руки. Только ручки перемараешь. Брось его, душенька, раздави.

Когда Евграфъ Матвѣичъ съ супругой живутъ въ деревнѣ, Катя, часто, смотря изъ окна дѣтской вдалѣ на лугъ, пестряющій цвѣтами, и на играющихъ на этомъ лугу дѣвчонокъ, говорить нянь:

— Няня, я хочу туда, къ этимъ дѣтямъ.

—И, барышня, барышня! отвѣчаетъ няня, качая головою:— чего ты только не выдумаешь? Мало тебѣ здѣсь, что ли, мѣста бѣгать по саду или по двору? Мало, что ли, у тебя здѣсь забавницъ? Ну, что тебѣ дѣлать въ полѣ? Тамъ только простые, деревенскіе ребятишки, грязные, а ты барское дитя, тебѣ нѣчего тамъ дѣлать съ ними.

Палашка — одна изъ дворовыхъ дѣвчонокъ, забавляющихъ мою барышню, пользуется особенною ея милостію. Палашка ея фаворитка. Барышня даже даетъ ей гостинцы, и если это случается при нянь, няня обыкновенно говоритъ Палашкѣ:

— Ну, что жъ ты, дура, стоишь? Кланяйся барышнѣ, да цалуи ея ручку...

А родители, иногда, смотря на это, восклицаютъ въ удивленіи:

— Что это, какое у нашей Катиньки доброе сердце!

Но разъ какъ-то, играя, Палашка вздумала поцаловать барышню. Барыня увидѣла это, всплеснула въ ужасъ руками и бросилась къ нянь:

— Помилуй, няня, что это такое? да на что это похоже? да какъ же это ты позволяешь дѣвчонкѣ, простой дѣвчонкѣ, цаловать барышню? Какъ же ты ее не остановишь? Какъ же она, мерзкая, такъ смѣетъ забываться?

И потомъ она продолжала, обратясь къ Палашкѣ:

— Съ чего ты, этакая дрянь, взяла, что ты можешь цаловать барышню? Что, ты ей ровная, что ли? А знаешь ли ты, что за это я вею тебя выгнать въ людскую, чтобъ ты и глазъ въ барскія

комнаты не смѣла показывать?.. Ты должна, дура, чувствовать, что ты забавляешь!

III.

Воспитаніе барышни.

Барышня минуло шесть лѣтъ.

Пора моей барышни и за азбуку приниматься.

И въ-самомъ-дѣлѣ, папенька уже купилъ ей азбуку и, разумеется, не простую, а съ картинками.

— Вотъ видишь ли, душенька, говоритъ ей папенька, указывая на картинки:— вотъ буква А... видишь ли арбузъ? Вотъ Е—ёлка; а Э, другое, па-выворотъ, Эгна, огнедышущая гора... Видишь, вотъ огонёкъ изъ нея выходитъ?.. Хорошія картинки? а?

Барышня выхватываетъ книжку изъ рукъ папеньки и бѣжитъ показать картинки нянь. Черезъ недѣлю, отъ этой азбуки остаются цѣлыми только три листика. Папенька покупаетъ другую азбуку. И другую, и третью, и четвертую, и даже пятую постигаетъ та же участь. Впрочемъ, по уничтоженіи шестой, моя барышня, надо отдать ей справедливость, начинаетъ читать довольно-бойко.

— А что, голубчикъ, говоритъ Евграфъ Матвѣичъ своей супругѣ:— намъ объ Катинкѣ—то надо хорошенько подумать. До-сихъ-поръ она все училась у насъ шутя, играючи, а теперь ей пора посерьёзнѣе заняться. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Да не рано ли будетъ? возражаетъ Лизавета Ивановна—вѣдь еще время не ушло, вѣдь она еще у насъ совсѣмъ ребячье. Пусть ее, моя пташечка, еще немножко побѣгаетъ.

Евграфъ Матвѣичъ качаетъ головою.

— Оно точно, коли признаться, и по-моему немного рано: однако посмотри, голубчикъ, вѣдь губернаторскія-то дочки въ-ва лѣта уже болтаютъ по-французски.

Лизавета Ивановна задумывается.

Евграфъ Матвѣичъ продолжаетъ:

— Какъ ни думай, а Катеньку надо воспитать намъ какъ слѣдуетъ. Она у насъ одна, единственное сокровище; для нея намъ ужъ ничего жалѣть не приходится. Нынче, па-примѣръ, безъ французскаго языка и обойдись нельзя. Что дѣлать! время такое. Посмотришь, дѣвчонки еще отъ земли не видно, еще и по-своему-то говорить не умѣютъ, а ужъ по-французски стрекочетъ,—настоящая мечотка!

Лизавета Ивановна печально вздыхаетъ.

Евграфъ Матвѣичъ опять продолжаетъ:

— Въ прошедшій понедѣльникъ, у предводителя мы разговорились съ Никаноромъ Григорьичемъ о томъ, о сѣмъ; онъ, между-прочимъ, и говоритъ мнѣ: «Не имѣете ли намѣренія отдать вашу дочку въ институтъ? Мою, говоритъ, я отвожу непременно на слѣдующую зиму...»

— Въ институтъ! вскрикиваетъ Лизавета Ивановна: — въ институтъ! Чтобъ я мою Катеньку отдала въ институтъ, чтобъ я рассталась съ моимъ ангеломъ! Да я лучше соглашусь за-живо лечь въ могилу, чѣмъ расстаться съ нею!

— Полно-те, голубчикъ, Христось съ вами! Кто вамъ говоритъ объ этомъ? Я и самъ ни за какія блага не рѣшился бы на это... Единственную дочь отдать изъ дома! Слыханное ли это дѣло! Да развѣ у меня каменное сердце?

— Къ-чему же вы и упоминали объ институтѣ?

— Позвольте, вы мнѣ не дали докончить. Никаноръ-то Григорьичъ и говоритъ мнѣ: ну, а если вы не желаете, говоритъ, отдать дочь въ институтъ, такъ, вѣроятно, вамъ понадобится гувернантка? И посоветовалъ мнѣ для этого заглядывать въ «Московскія Вѣдомости». По «Московскимъ, говоритъ, Вѣдомостямъ» часто выписываютъ очень-хорошихъ гувернантокъ. Я, говоритъ, самъ для однихъ своихъ родственниковъ выписалъ такимъ образомъ отличнѣйшую гувернантку и за дешевую цѣну.

— Ну, это другое дѣло. Безъ гувернантки ужъ, конечно, нельзя обойдтись, замѣчаетъ Лизавета Ивановна.

— Ахъ! восклицаетъ Евграфъ Матвѣичъ: — какое трудное дѣло воспитаніе дѣтей въ нынѣшнее время! То-есть, голова кругомъ поидетъ, какъ подумаешь объ этомъ!

Необходимость гувернантки рѣшена.

И съ этой минуты, Евграфъ Матвѣичъ постоянно и внимательно, чѣмъ когда-нибудь, началъ прочитывать «Московскія Вѣдомости».

Однажды, онъ остановился на слѣдующемъ объявленіи:

«Молодая дѣвица, благороднаго происхожденія, изъ Русскихъ, сно знающая въ совершенствѣ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и отчасти итальянскій, и свободно объясняющаяся на первыхъ трехъ языкахъ, также могущая обучать и первоначальнымъ «правиламъ» музыки, сама играющая на фортепьяно и на арфѣ, притомъ имѣющая о себѣ одобрительные аттестаты отъ особъ, заслуживающихъ довѣріе, желаетъ опредѣлиться въ какой-либо благородный домъ гувернантою или собесѣдницею за весьма-умѣренную «плату». Она соглашается и на отъездъ въ провинцію или за границу. Спросить объ ней на Плющихъ, въ Приходѣ Николы-на-«Пометномъ-Иражкѣ, въ домѣ подъ № такимъ-то.»

— Да это просто кладъ! подумалъ Евграфъ Матвѣичъ. — Четы-

ре языка въ совершенствѣ знаетъ, да еще при этомъ и музыкѣ обучаетъ... Покорно прошу! Да еще сверхъ-того и Русская... и молодая дѣвица; можетъ, еще хорошенькая...

Добрый Евграфъ Матвѣичъ какъ-то странно улыбнулся и покраснѣлъ, какъ-будто какая-нибудь несовсѣмъ-скромная мысль промелькнула въ головѣ его. Онъ, въ отсутствіе супруги, иногда позволялъ себѣ поглядывать на хорошенькихъ; впрочемъ, внутренне упрекалъ себя за это и всякій разъ со вздохомъ говорилъ самому-себѣ: «что это какъ подумаешь-то, какъ слабъ человекъ!»

Евграфъ Матвѣичъ раза три или четыре прочиталъ заманчивое объявленіе, не вѣря глазамъ своимъ, отмѣтилъ его сначала ногтемъ, потомъ карандашомъ, потомъ чернилами и, наконецъ, опрометью бросился съ листомъ газеты къ своей Лизаветѣ Ивановнѣ:

Когда Лизавета Ивановна прочла строки, указанныя ей супругомъ, она сказала:

— Все это хорошо, дружочекъ; да только я боюсь, не вѣтренница ли это какая-нибудь. Вишь, тутъ сказано, что *молодая*...

— Отъ-чего же? можетъ-быть, и не вѣтренница. Часто и изъ молодыхъ встрѣчаются очень-скромныя.

Супруги долго трактовали объ этомъ предметѣ и, наконецъ, рѣшились выписать «молодую дѣвицу, знающую въ совершенствѣ четыре языка и играющую на фортепьянѣ и на арфѣ».

Черезъ мѣсяцъ, она была привезена.

Ей на лицо казалось лѣтъ за двадцать за семь. Она была ни хороша, ни дурна, но довольно-полна. Говоря, она имѣла привычку закатывать глаза подъ лобъ; вмѣсто *р* произносила *л*, изъяснялась языкомъ нѣсколько-книжнымъ и, по всѣмъ примѣтамъ, очень желала нравиться.

Евграфъ Матвѣичъ съ перваго взгляда остался ею доволенъ.

Лизавета Ивановна замѣтила, что она слишкомъ-жеманна.

Евграфъ Матвѣичъ возразилъ, что это еще ничего не доказываетъ, что ~~можетъ-быть~~, она всегда жила въ знатныхъ домахъ; а известно, что въ знатныхъ домахъ всегда особенныя манеры и совсѣмъ другое обращеніе, нежели въ среднемъ кругу. И точно: гувернантка, черезъ нѣсколько времени, объявила полковницѣ, что она все жила въ Москвѣ въ самыхъ знатныхъ домахъ, что ее вездѣ любили и обращались съ нею, какъ съ родственницей; что она никогда не разсталась бы съ домомъ княгини Кагашевой, еслибъ только князь Кагашевъ не вздумалъ ей однажды объясниться въ любви; что послѣ такого оскорбительнаго для ея чести поступка со стороны князя Кагашева, она уже никакъ не могла оставаться въ его домѣ; что она обо всемъ тотчасъ же рассказала княгинѣ; что княгиня, разставаясь съ нею, заливалась слезами и говорила: «я никогда не за-

буду васъ, милая Любовь Петровна!»; что она вездѣ, гдѣ ни жила, старалась главное — дорожить своей репутаціею, потому-что она беззащитная дѣвушка и притомъ круглая сирота; что ея родители некогда были очень-богаты, и потому воспитывали ее самымъ блестящимъ образомъ, но потомъ, по особенному какому-то несчастію, вѣрнувшись лишились всего; что она, въ-слѣдствіе этого, рѣшилась скитаться по чужимъ домамъ для того, чтобъ содержать своихъ стариковъ; что они, умирая, называли ее безпримѣрной дочерью, и прочее, и прочее.

Лизавета Ивановна до того была тронута этимъ разсказомъ, что даже прослезилась. Она сказала потомъ мужу:

— Послушайте, голубушка; ужь намъ надо обращаться съ нею не такъ, какъ съ простою гувернанткою: вѣдь она изъ дворянокъ... Правда, сначала она показалась мнѣ темного-жеманною... ну, это точно отъ-того, что она, должно быть, привыкла тамъ, въ знатномъ кругу, къ такому обращенію; но нравственность у ней прекрасная, и она такъ мило, такъ солидно обо всемъ разсуждаетъ... Да надобно сказать ей, дружочекъ, чтобъ она какъ-можно-нѣжнѣе и деликатнѣе обращалась съ Катенькой и не слишкомъ вѣрнувшись на-задъ, на-нее, чтобъ, знаете, такъ исподоволь приучала къ наукамъ, а то вѣдь беда: дѣтя съ-непривычки и захворать можетъ.

— Когда же прикажете начать наши занятія съ мамзель Катринь? спросила гувернантка у Лизаветы Ивановны дней черезъ пять послѣ своего приѣзда.

— Погодите еще немножко, моя милая, отвѣчала Лизавета Ивановна; — не торопитесь. Вы еще съ дороги немножко поотдохнете, а ребенокъ покуда къ вамъ попривыкнетъ да попривыкнетъ.

Утромъ, въ тотъ день, въ который барышнѣ назначено было начать ученіе, маменька, сопровождаемая папенькой и няней, явилась въ учебную комнату съ образомъ казанской Божіей Матери. Маменька была въ волненіи, глаза ея были красны. Она осыпала Катю образомъ и проговорила голосомъ торжественнымъ, поднимая слезы и дрожавшимъ отъ чувства:

— Пусть она, пресвятая и пречистая Дѣва, наставитъ тебя на всякую истину и на всякое добро! Приложись, душенька.

— Катя, а за нею и гувернантка, приложились къ образу.

Тогда маменька поставила образъ на столъ, покрытый чистою саваткою, и сказала:

— Помолимся же теперь за ея успѣхи.

И всѣ начали молиться.

По окончаніи молитвы, маменька взяла Катю за руку и подвела къ гувернанткѣ.

— Вотъ вамъ, Любовь Петровна, моя Катя. Прѣжде всего; про-

шу васъ, не будьте къ ней слишкомъ-възискательны и строги. А коли она въ чемъ-нибудь проштрафится, относитесь прежде ко мнѣ. Мы вивствъ и подумаемъ, какъ бы ее исправить.

— А ты, душенька (Лизавета Ивановна обратилась къ дочери), должна во всемъ слушаться свою наставницу и стараться заслужить ея любовь... Ну, теперь благословить тебя Богъ!

Маменька перекрестила Катю и поцаловала ее.

— Учись, Катюша, прилежно, сказалъ папенька и также перекрестилъ ее и поцаловалъ.

Затѣмъ, няня подошла къ своей питомицѣ, обняла ее и зарыдала надъ нею; какъ малъ умирающую.

Затѣмъ разревѣлась Катя, и, въ-слѣдствіе этого, долго не могла приняться за урокъ.

Гувернантка занималась съ Катей только по утрамъ, и во время этихъ занятій маменька обыкновенно не нѣсколько разъ выглядывала изъ полурастворенной двери и обыкновенно говорила:

— А что, Любовь Петровна, не довольно ли?.. Мнѣ кажется, у Кати сегодня что-то головка горяча; да и она, моя крошечка, всю ночь была безпокойна. Не отложить ли лучше урокъ до-завтрава?

Если не болѣзнь, то выискивался какой-нибудь другой предлогъ для освобожденія Кати отъ ученія. Ужь маменьки былъ чрезвычайно-хитеръ и изобрѣтателенъ въ этомъ случаѣ.

Когда маменька или папюшка спрашивали у гувернантки:

— Ну, что, милая Любовь Петровна, усивастъ ли наша Катенька? довольно ли вы ею?

Гувернантка, какъ дѣвица тонкая и хитрая, обыкновенно отвѣчала:

— Я вамъ скажу по-совѣсти, что такого понятливаго, благонаправнаго и милаго дитяти я еще и не видала. Вотъ и у княгини Кагашевой Надинька прекраснѣйшій ребенокъ; но ея, по способностямъ, и сравнить невозможно съ вашей Катечкой. Ваша Катечка — феномень! Признаюсь, я ни къ одной еще изъ моихъ воспитанницъ не была такъ приваана, какъ къ ней. Въ-продолженіе года, она сдѣлала такіе успѣхи во французскомъ языкѣ, что просто невѣроятно!

Своимъ поведеніемъ и въ-особенности такими похвалами Кати, повторявшимися очень-часто, гувернантка приобрѣла совершенную довѣренность и любовь ея родителей.

Гувернантка обладала удивительнымъ даромъ слова, то-есть, смелничала безъ всякаго милосердія. Надобно замѣтить, что Лизавета Ивановна, не смотря на доброту своего сердца, чувствовала также въ-которое поползновеніе къ смелностямъ, подобно всѣмъ барышнямъ, и по-этому находила несказанное удовольствіе въ обществѣ Любови Петровны. Гувернантка получила значеніе въ домѣ. Она

завела между дворовыми дѣвками двухъ фаворитокъ: Машку и Соньку, и приняла подъ свое покровительство одного лакея, Фомку, который въ-особенности подольщался къ ней, — объявивъ остальнымъ дѣвкамъ и лакеямъ войну непримиримую. На этихъ остальныхъ она безпрестанно наговаривала и жаловалась то барину, то барынь. Дворня пришла въ волненіе... Дѣвки передрались и перессорились между собою, лакеи грозились отдубасить Фомку и называли его *шматомомъ*, а Фомка, подбоченясь, хорохорился и говорилъ:

— Ахъ вы, бодяжники! Ну-ста посмотримъ, какъ вы меня отдубасите!

Няня ненавидѣла гувернантку (ужь на Руси искони няни ненавидятъ гувернанокъ) и приходила въ ужасное негодованіе при одномъ ея имени.

— И говорить-то о ней не хочу. Вотъ ей — тѣфу! (няня плевала). Ея дѣло только каверзничать... да вотъ погоди ты у меня! (няня грозилась пальцомъ). Я выведу твои шапки на чистую воду. Дай срокъ! Будешь ты у меня съ офицерами перемигиваться.

Но няня слишкомъ увлекалась личною враждою, и подобно всѣмъ нянямъ, не отдавала должной справедливости гувернантѣ... А моя барышня точно была ей обязана многимъ. Успѣхи Катя во французскомъ языкѣ не были подвержены ни малѣйшему сомнѣнію... Она утромъ, цалуя ручку папеньки, лепетала: *бонжуръ, papà*; вечеромъ, прощаясь съ маменькой и обнимая ее, говорила: *болюи, мамá*... Она выучила наизусть двѣ басни Лафонтена и брэнчала на фортепянахъ качучу, ежеминутно впрочемъ сбиваясь съ такту, — и всякій разъ при гостяхъ по приказанію родителей пробормотавъ эти двѣ басни, садилась за фортепяно. И гости — знающіе и незнающіе по-французски, имѣющіе музыкальное ухо и не имѣющіе его, всякій разъ отъ этого бормотанья и брэнчанья приходили въ восторгъ совершенно одинаковымъ образомъ, и родители всякій разъ, глядя на Катю млыющими глазами, гладили ее по головѣ и потомъ говорили, указывая на гувернантку:

— Всѣмъ этимъ она обязана Любови Петровнѣ...

Катя также выучилась плясать съ шалью и по-русски, но плясала при гостяхъ только въ торжественные случаи, то-есть, въ именины и рожденья родителей...

И тогда обыкновенно раздавались со всѣхъ сторонъ одобрительные возгласы:

— Безподобно!

— Прелесть!..

— Bravo!

смѣшанные съ рукоплесканіями. У Еяграфа Матвѣича, въ такихъ случаяхъ, отъ удовольствія показывались слезы на глазахъ, и онъ,

толкая гостя и указывая ему на дочь, говорилъ: — Ну, посмотри, Яковъ Ивановичъ, какъ мило, какъ ловко... а плечиками-то какъ поводить!..

Глядя на всѣ эти штуки, губернскія барыни кричали въ одинъ голосъ:

— Ну, ужъ касательно чего: другаго — мы не знаемъ, а надо отдать справедливость Лизаветѣ Ивановнѣ, что она очень, очень-мило воспитываетъ свою дочку. Даже можно сказать блестящимъ образомъ.

Гувернантка и вѣжные родители называли Катю всегда *послушнымъ ребенкомъ*... Впрочемъ, гувернантка отзывалась такъ о своей питомицѣ только при гостяхъ и при вѣжныхъ родителяхъ; а наединѣ, очень-часто выведенная изъ терпѣнія капризами Кати, бормотала сквозь зубы: — У! мерзкая дѣвчонка, еслибъ моя воля — я такъ бы тебя выдрала!..

И въ-самомъ-дѣлѣ, моя барышня любила иногда покапризничать. Что дѣлать? Вѣдь она была дитя!

Если гость говорилъ Катѣ:

— Здравствуйте, Катинька, пожалуйста ручку,

Катя непременно начинала ломаться и пицала:

— Не хочу, оставьте меня...

И тогда или папенька или маменька, или оба они въ одинъ голосъ восклицали:

— Катюшка, душенька! что это такое? Это не хорошо, это стыдно... дай сейчасъ Петру Антонычу ручку...

И потомъ, обращаясь къ гостю, маменька и папенька замѣчали:

— Не понимаемъ, что это случилось сегодня съ Катей: она у насъ обыкновенно такая послушная...

Вице-губернаторшу Господь благословилъ дочками: кромѣ Коли—катинькинова жениха—у нея есть Петя, Наташа, Даша, Аннеточка, Вѣрочка, Дунюшка. И вице-губернаторша часто со всѣмъ семействомъ на цѣлый день прѣзжаетъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Въ эти дни, подымается въ домѣ страшный шумъ, пискъ и визгъ, гувернантки и няньки бѣгаютъ за дѣтьми изъ одной комнаты въ другую. И среди этого шума, писка и визга раздаются крики:—Прене гардъ, мамзель Натали, или мамзель Аннетъ, ву томбрѣ.—Что это ты, сударыня, выдумала? развѣ можно бить брата?.. Ахъ ты пакостница этакая! а вотъ я маменькѣ скажу!.. Катя цалуетъ Колю и спрашиваетъ у папеньки:

— Папа, вѣдь это мой женихъ?

— А развѣ ты Сергѣю-то Яковличу изменила? возражаетъ папенька.—Помнишь, ты хотѣла выйти за него замужъ, а онъ обещалъ тебѣ много, много конфетокъ и пирожковъ.

— Не хочу его, пишите Катя сквозь слезы: — онъ гадкій, рябой; мой женихъ не онъ, а Коля.

— Что жь, Лизавета Ивановна, говорить съ пріятностію вице-губернаторша, тасуя карты: — пора, я думаю, подумать и объ ихъ свадьбѣ? Какъ вы думаете? Приготовляйте-ка невѣсть приданое.

Всѣ смѣются.

Катя спрашиваетъ:

— А что, маменька, ты много мнѣ сошьешь къ свадьбѣ платьицовъ?

Смѣхъ увеличивается.

— Много, много, душенька...

— Хорошенькихъ?

— Хорошенькихъ.

— Мамаша, я хочу такое платьице, какъ у Вѣрочки, и такой платочекъ, какъ у Дунечки... Слышишь, мамаша?

— Слышу, слышу, душенька... Не мѣшай.. Видишь ли, мы дѣломъ занимаемся...

Маменька играть въ преферансъ.

Барышня моя замѣтно начинаетъ подрастать, способности ея по-маленьку изощряются. Прежде, для нея существовали только гостинцы, теперь для нея однихъ гостинцевъ мало: ее начинаютъ занимать и платья и платочки... Она одѣваетъ свою куклу-фаворитку въ шелковое платье, втыкаетъ въ голову цвѣты и говоритъ дѣвчонкѣ, играющей съ нею: — Видишь ли, Палашка, она поѣдетъ на балъ танцовать, — тамъ будутъ офицеры...

Роковое слово: *офицеры* уже произнесено моею барышнею!

Она такъ часто слышитъ это слово отъ всѣхъ, въ-особенности отъ своей гувернантки и отъ ея фаворитки Соньки.

Гувернантка, напримѣръ, наряжается; фаворитка Сонька затягиваетъ ей корсетъ и говоритъ:

— Барышня, надѣньте сегодня пунцовое платье... оно ужасно какъ къ вамъ идетъ... Сегодня еще, можетъ-быть, у насъ кто-нибудь да будетъ...

— А которое ко мнѣ больше идетъ, Соня: голубое или пунцовое?

— Пунцовое, барышня, къ вамъ не въ-примѣръ больше идетъ. Да и ихней любимой цвѣтъ пунцовый.

— А ты по чему знаешь?

— Да ужъ я знаю-съ.

Сонька потупляетъ глаза.

— Ахъ, да я и забыла... Гувернантка грозитъ горничной пальцомъ.

Сонька усмѣхается и вдругъ подбѣгаетъ къ окну...

— Барышня, барышня... офицеръ!

— Офицеръ?... (гувернантка наклонивъ на себя платочекъ и бросается къ окну)...

— Ахъ, какой хорошенькій, Соня! — Да это, кажется, Макнавеевъ... посмотри, какая у него ножка... Ну, только талія у него хуже чѣмъ у Непекина, гораздо-хуже.

— Барышня, посмотрите, вонъ и господинъ Вавиловъ съ Берстиннымъ идутъ.

— Гдѣ? гдѣ?

И гувернантка съ горничной долго висятъ на окнѣ, слѣдя жадными взорами за идущими по улицѣ офицерами и совершенно позабывъ о бѣдной Катѣ, которая тутъ же играетъ въ куклы и съ любопытствомъ прислушивается къ ихъ разговору...

И всякій разъ, когда къ Евграфу Матвѣичу являлись офицеры, гувернантка смотрѣла на нихъ или въ щелку двери, или въ замочную скважину... и сердце ея сильно билось, если между ними красовался одинъ блондинъ, высокій, курчавый и съ большимъ носомъ...

Этотъ офицеръ вообще почему-то нравился многимъ губернскимъ барышнямъ и въ особенности одной, которую очень любила Лизавета Ивановна... Гувернантка, узнавъ это, возненавидѣла ее, начала употреблять все мѣры, чтобъ поссорить ее съ Лизаветой Ивановной—и наконецъ достигла своей цѣли. И добрая Лизавета Ивановна, которая создана была Господомъ Богомъ такъ, чтобъ жить со всеми въ ладу, быть приветливой и ласковой ко всемъ, и къ дурнымъ и къ хорошимъ людямъ,—вдругъ прекратила всякія сношенія съ своей лучшей пріятельницей, къ величайшему удивленію не только ея, но и всего губернскаго города...

Лизавета Ивановна была совершенно, какъ говорится, ослѣплена гувернанткой и даже не замѣчала того, что гувернантка въ присутствіи ея бросала очень-странные и не совсѣмъ-скромные взгляды на Евграфа Матвѣича, отъ которыхъ онъ приходилъ всегда въ волненіе и замѣшательство. Впрочемъ, это волненіе и замѣшательство были самыя невинныя. Къ чести Евграфа Матвѣича надо замѣтить, что онъ всегда умѣлъ побороть въ себѣ всякую искусительную мысль, которая порою случайно забѣгала въ его облысѣвшую голову... Къ тому же, онъ всегда чувствовалъ необыкновенную робость, если ему случалось быть наединѣ съ женщиною.

Однажды подъ-вечеръ, въ отсутствіе своей Лизаветы Ивановны, онъ встрѣтился съ гувернанткой въ темномъ корридорѣ...

— Ахъ, кто это здѣсь? вскричала гувернантка, притворясь испуганной.

— Ничего, ничего-съ, не пугайтесь; это я-съ... проговорилъ Евграфъ Матвѣичъ дрожащимъ голосомъ.

— Это вы, Евграфъ Матвѣичъ?

— Да-съ.

— А у меня, вообразите, такъ и замерло сердце. Мгъ показалось, что кто-то чужой.

— А вы куда изволите идти?

— Я иду къ себѣ въ комнату.

— Къ себѣ въ комнату-съ?

Евграфъ Матвѣичъ колеблющимися шагами приблизился къ гувернанткѣ.

— А вы куда? спросила она его шопотомъ.

— Я-съ... я-съ... я такъ здѣсь искалъ человѣка-съ... Фильку...

Евграфъ Матвѣичъ пришелъ въ неописанное замѣшательство и вдругъ закричалъ: — Позвольте поцаловать-съ вашу ручку!.. схватилъ ручку Любови Петровны, крѣпко прижалъ ее къ губамъ своимъ и потомъ, какъ-будто преслѣдуемый кѣмъ, изъ всѣхъ силъ пустился бѣжать къ себѣ въ кабинетъ, оставивъ Любовь Петровну въ совершенномъ недоумѣннн и изумленнн. Съ-этихъ-поръ, онъ явно старался избѣгать встрѣчи съ нею въ корридоръ.

Когда Катъ минуло одиннадцать лѣтъ, гувернантка объявила папенькѣ и маменькѣ, что для ея питомицы необходимо теперь нанять учителей, которые бы обучали ее высшимъ наукамъ, что она высшія науки преподавать не можетъ, а будетъ по-прежнему заниматься съ ней языками (закону Божию уже давно обучалъ ее отецъ-діаконъ). Любовь Петровна замѣтила между-прочимъ, что и у вице-губернаторскихъ дочерей гувернанта сама-по-себѣ, а учителя кромѣ-того сами-по-себѣ, и что ужъ это всегда такъ водится въ хорошихъ домахъ...

— А коли это нужно, такъ противъ этого мы спорить не будемъ, сказала Лизавета Ивановна.—Мы не захотимъ, чтобъ наша Катенька въ чемъ-нибудь отстала отъ другихъ...

Потомъ она обратилась къ мужу и прибавила:

— Ужъ это, дружечикъ, твоя забота нанять учителей, какихъ нужно. Я въ этомъ дѣлѣ — сторона...

Учители математики, исторіи и рисованія тотчасъ же были наняты по рекомендаціи инспектора губернской гимназіи.

— Славные ребята! говорилъ объ нихъ Евграфъ Матвѣичъ:—отмѣнно-знающіе свою часть, и съ перваго слова объявившіе за урокъ очень-сходную цѣну, такъ-что я почти съ ними и не торговался.

Преподаваніе же російской словесности взялъ на себя тотъ самый пьяный семинаристъ, который за обѣдомъ на крестинахъ моей барышни произнесъ торжественную оду...

— Вы не смотрите на то, что онъ шутъ, обыкновенно говорилъ объ немъ Евграфъ Матвѣичъ:—онъ точно-что ломается, кривляется,

всякій вздоръ болтаеть, да это все не мѣшаетъ ему быть учонимъ... поговорите-ка съ нимъ серьезно,—просто книга, заслушаешься; а ужъ о стихахъ и толковать нечего — стихи ему ни-по-чемъ, на какой хотите предметъ задайте — онъ вамъ такъ и начнетъ безъ запинокъ рѣзать. Не будь онъ горькій пьяница, не пей онъ запоемъ, да это былъ бы просто драгоценный человекъ и, можетъ-быть, пошелъ бы далеко!..

И вотъ, въ-продолженіе двухъ лѣтъ, учителя постоянно даютъ уроки моей барышни. Два года проходитъ незамѣтно.

Я не могу навѣрно сказать, до какой степени она успѣла въ высшихъ наукахъ, подъ руководствомъ пьнаго семинариста, учителей, нанявшихся по сходной цѣнѣ и гувернантки, которая перемигивалась съ офицерами; но моя барышня (это я говорю навѣрное) значительно округлилась и выросла въ эти два года. Ей уже четырнадцать лѣтъ, а на лицо кажется даже болѣе. Она уже затянута въ корсетъ, она уже закатываетъ глаза подъ лобъ, по примѣру своей гувернантки, и знаетъ, какой цвѣтъ идетъ ей къ лицу и какой не идетъ; она уже прочитала два романа Польде-Кока, которые валялись въ комнатѣ ея гувернантки... Она уже въ именины папеньки протанцевала два или три французскіе кадрили съ офицерами и сказала маменькѣ:

— Ахъ, шатап! когда у насъ будетъ еще балъ? Я такъ люблю танцевать!

Маменька и папенька не могутъ достаточно ею налюбоваться и говорятъ другъ-другу:

— Вотъ подъ старость-то будетъ намъ утѣшеніемъ!

И все идетъ своимъ чередомъ въ домъ Евграфа Матвѣича; только Лизавета Ивановна стала въ послѣднее время замѣчать, что гувернантка держать себя уже черезъ-чуръ вольно; что она слишкомъ-часто отпрашивается со двора; что на танцевальныхъ вечерахъ она совершенно забываетъ о существованіи своей воспитанницы и такъ и носится въ танцахъ, сломя голову, съ офицерами; что на послѣднемъ балѣ (на именинахъ Евграфа Матвѣича) она вдругъ исчезла изъ танцевальной залы, и что ее вездѣ искали и не могли отыскать... Все это показалось Лизаветѣ Ивановнѣ страннымъ. И она стала внимательнѣе слушать рассказы няни о разныхъ подвигахъ гувернантки.

— Ахъ, няня! восклицала Лизавета Ивановна: — да не-уже-ли же это правда?

А няня возражала:

— Убей меня Богъ, матушка, пусть лучше у меня языкъ отсохнетъ; — разрази меня Господь на маковыя зернышки, если я лгу...

Если мнѣ не вѣришь, спроси у Евдокима. Онъ все своими глазами видѣлъ...

Но Лизавета Ивановна все еще сомнѣвалась. Она, простодушная женщина, не легко разставалась съ своими убѣжденіями, хотя вся ея убѣжденія никогда ни на чемъ не основывались... «Да какъ же» думала она: «я всегда считала Любовь Петровну прекрасной, скромной дѣвушкой, а теперь она вдругъ сдѣлалась дурная?»

У Лизаветы Ивановны кружилась голова при мысли, что ей нужно будетъ совершенно намѣнить мнѣніе о гувернанткѣ.

— Да нѣтъ, этого быть не можетъ, говорила Лизавета Ивановна самой-себѣ, но, къ величайшему своему ужасу, въ одно прекрасное утро, по-пристальнѣе разсмотрѣвъ гувернантку, не могла не убѣдиться въ справедливости словъ няни... И гувернантку выгнали изъ дома.

Это происшествіе сильно подѣйствовало на Лизавету Ивановну: она не шута призадумывалась, тяжело вздохнула и сказала Евграфу Матвѣичу:

— Вотъ, голубушка, думали ли мы, что она такого сраму намъ надѣлаетъ?.. Вотъ подлинно въ чужую душу не влѣзешь. Вотъ ужъ истинно говорить, что чужая душа — потемки.

Няня не долго торжествовала безъ гувернантки. На другой день, послѣ именинъ кучера, который въ особенности ухаживалъ за нею, какъ за почетной гостью, и безпрестанно подносилъ ей наливку и настойку, старуха умерла отъ удара такъ же внезапно, какъ дѣдушка моей барышни.

Вскорѣ послѣ смерти няни и происшествія съ гувернанткой, Евграфъ Матвѣичъ, по покровительству одной значительной особы, которая приходилась ему съ-родни, — получилъ весьма-выгодное мѣсто въ Петербургѣ...

Лизавета Ивановна вѣкъ готова была бы не покидать этихъ мѣстъ, гдѣ она родилась, выросла и начала старѣться, гдѣ все было такъ знакомо, такъ близко ея сердцу; гдѣ каждый шагъ пробуждалъ въ ней воспоминаніе ея дѣтства и молодости, гдѣ, наконецъ, заключалась ея святыня — прахъ родителей.

За недѣлю до отъѣзда своего въ Петербургъ, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна задали прощальный обѣдъ въ своемъ селѣ Ивановскомъ, а въ день отъѣзда, тотчасъ послѣ обѣдни и напутствознаго молебна, они пошли на кладбище. Когда Лизавета Ивановна поравнялась съ могилами своихъ родителей, она схватила дочь за руку.

— Здѣсь лежатъ твой дѣдушка и твоя бабушка, сказала она рыдая: — помолись, Катинька, поклонись въ землю, вотъ такъ, проси ихъ благословенія... проси... Она хотѣла сказать еще что-то,

но слезы задушили ее... Она застонала голосомъ раздравшимъ душу, и безъ чувствъ упала на могилу матери...

Когда ее подняли и привели въ чувство, она крѣпко сжала руку мужа и произнесла, указывая на могилу :

— Если я умру на чужой сторонѣ, не оставляйте меня тамъ... Ради Бога, не оставляйте... Пусть мой прахъ будетъ лежать здѣсь, въ родной землѣ, волея ея праха... Не разлучайте насъ... И она снова бросилась на могилу.

Ее подняли съ этой могилы и положили въ дорожную карету.

IV.

БАРЫШНЯ-НЕВѢСТА.

Сначала, Лизаветь Ивановнѣ и Евграфу Матвѣичу показалось дико въ Петербургѣ. Лизавета Ивановна, между-прочимъ, долго не могла привыкнуть къ мысли, какъ въ одномъ домѣ могутъ помѣщаться по нѣскольку семействъ, совершенно-познакомыхъ другъ съ другомъ и съ безпокойствомъ спрашивала Евграфа Матвѣича: «кто это, дружокчикъ, живетъ съ нами стѣна-объ-стѣну? да хорошіе ли это люди? да нѣтъ ли въ нашемъ домѣ какой-нибудь сволочи, какихъ-нибудь дурныхъ женщинъ?» Ей также очень-непріятно было, что въ Петербургѣ плохи кладовыя и ледники, и что въ квартирахъ нѣтъ никакого хозяйственнаго устройства: ни чуланчиковъ, ни полочекъ.. «Ужъ тутъ нѣчего и думать о хозяйствѣ» со вздохомъ замѣчала она: «какое тутъ хозяйство, безъ удобства и безъ простора: здѣсь люди живутъ какъ сельди въ бочеккѣ!» Глядя на огромные пяти-этажные дома, она обыкновенно говорила: «Да это настоящее вавилонское столпотвореніе! Долго ли тутъ до грѣха?..» Невскій-Проспектъ совсѣмъ ей не нравился. «Что это такое? Экой Содомъ! Экая гибель народу!» твердила она: «и не въ примѣръ еще хуже, чѣмъ у насъ на ярмаркѣ... того-и-гляди, что или съ ногъ сшибутъ, или лошади задавятъ, или дышломъ убьютъ!» И потомъ обыкновенно прибавляла, глядя въ окно: «одинъ только меня здѣсь, на нашей квартирѣ, и радуешь, что, по-крайней-мѣрѣ, храмъ Божій передъ глазами: только черезъ дорогу перейти.» Между-прочимъ, Лизавета Ивановна находила еще, что въ Петербургѣ народъ грубый и необразованный, что когда идешь по улицѣ, то никто посторопиться не хочетъ, и вниманія никакого не обращаетъ; что въ Петербургѣ никому до нея нѣтъ дѣла, никто и знать ея не хочетъ, тогда-какъ въ своемъ губернскомъ городѣ она лицо почетное, всѣми уважаемое и что тамъ

на улицѣ передъ нею всѣ шапки снимаютъ. Но весной и лѣтомъ, Лизаветь Ивановнѣ особенно было тяжело и грустно... Весной и лѣтомъ, Петербургъ казался ей просто нестерпимымъ,—потому—что въ это время всегда живѣе воскресали въ ея памяти и безконечное золотистое поле, волнующееся и колыхающееся какъ море; и лѣсъ, дышащій смолистой, благоуханною свѣжестью, тотъ лѣсъ, въ которомъ она, бывало, собирала грибы; и рѣчка съ крутыми и живописными берегами, въ которой деревенскіе мальчишки ловили раковъ; и гумно, гладкое, какъ паркетъ, уставленное скирдами хлѣба; и рядъ почернѣлыхъ и склонившихся на сторону избъ; и плетень при въездѣ въ деревню; и праздничные хороводы крестьянскихъ дѣвокъ, и заунывная пѣсня мужика, возвращающагося съ барщины... Все, все... Сердце Лизаветы Ивановны такъ и ныло, такъ и разрывалось при воспоминаніи этихъ поэтическихъ картинъ (хотя она и не подозрѣвала о томъ, что такое поэзія). Что же касается до Евграфа Матвѣича, онъ находилъ много хорошаго въ Петербургѣ. Ему нравились, на—примѣръ, блестящіе магазины Невскаго-Проспекта — и онъ часто останавливался передъ ними и думалъ: «пустал роскошь, изволите видѣть; а что ни говори, для глазъ приятно.» Еще ему нравился въ Петербургѣ турецкій табакъ дюбекъ Саркиса Богосова, по 5 рублей фунтъ; но больше всего ему нравились Милютины—Лавки. «Вѣдь вотъ что, понимаете, въ этихъ лавкахъ хорошо», разсуждалъ Евграфъ Матвѣичъ самъ съ собою: «тутъ все, на—примѣръ, что душа просить. И балыкъ, какъ янтарь, и фруктъ сочный, румяный, и окорокъ провѣсный, жирный, и кievское варенье, и постила яблочная, и сыръ швейцарскій со слезой, и икра зернистая свѣжая, и лукъ шпaнскій, и эти масляныя рыбки въ жестяныхъ коробочкахъ .. какъ-бишь ихъ... чортъ возьми... пу, да словомъ сказать, все, что создано на соблазнъ чelовѣку!»

И онъ, бывало, никогда не проходилъ мимо Милютиныхъ-Лавокъ, —непремѣнно зайдетъ въ свою знакомую лавку и отвѣдаетъ то того, то другаго: то солѣненькаго; то сладенькаго, полюбуется то тѣмъ, то другимъ; понюхаетъ то то, то другое, спросить: «а это, братецъ, что у тебя такое въ баночкѣ?» — «Мармолать, сударь.» — «Ну, а тамъ, вонъ на—право, въ бочкѣ-то?»—«Виноградъ, сударь.» — А! дай—ка, братецъ, кисточку винограда. Ну, а вонъ, въ углу-то... четвертая отъ угла банка... это что такое?..»

И Евграфъ Матвѣичъ, по обыкновенію, долго не отводилъ страстныхъ очей отъ всѣхъ этихъ жестянокъ, стклянокъ, банокъ и бочекъ, и, при каждомъ посѣщеніи лавки, отыскивалъ въ ней что-нибудь новенькое, что-нибудь замѣчательное... Такъ художникъ смотритъ и не насмотрится на картины великихъ мастеровъ и всякій

разъ отыскивается въ нихъ какія-нибудь новыя, дотоле незамѣченныя красоты...

Покораясь необходимости и помаленьку устроясь, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна нашли нужнымъ продолжать воспитаніе дочери. Они наняли для нея танцмейстера, компаньонку, которая называла себя Французенкой, а была изъ Нѣмокъ и могла давать уроки на фортепьяно, учителя Француза и еще другаго учителя, Русскаго — для всѣхъ остальныхъ наукъ.

Къ величайшему изумленію и горести родителей, оказалось, что Катенька не имѣла понятія даже о самыхъ первоначальныхъ правилахъ французскаго языка, хотя и обучалась у гувернантки, знавшей въ совершенствѣ четыре языка...

— Ужь вы, пожалуйста, позаботитесь съ ней хорошишко, говоритъ папенька Французу. — Покорнѣйше васъ прошу объ этомъ... еще время не ушло... да главное-то, чтобъ она свободно объяснялась по-французски, вотъ такъ какъ вы, на-примѣръ... безъ этого, знаете, нельзя: ужь это такъ принято въ свѣтъ...

Въ 17 лѣтъ, воспитаніе Кати было совершенно окончено. По-французски хотя она и не говорила отлично, но могла поддержать обыкновенный разговоръ, танцевала очень-недурно, особенно мазурку и галопъ (мазурка и галопъ, какъ извѣстно, два самые важнѣйшіе танца въ наше время), вальсировала довольно-легко и разыгрывала на фортепьяно балные танцы довольно-бѣгло. Чего же больше?

И такъ, наступила торжественная минута въ жизни моей барышни. Ее надобно было вывозить въ свѣтъ...

Свѣтъ — грозное слово!..

Какой-то приговоръ произнесетъ свѣтъ надъ моею барышнею?

Лизавета Ивановна, разумеется, вскорѣ по своемъ прїездѣ въ Петербургъ познакомилась со многими домами такъ-называемаго средняго круга. Для нея это была горькая необходимость, жертва, которую она безропотно приносила дочери изъжно-любимой, ибо въ обществѣ всѣхъ этихъ напыщенныхъ петербургскихъ барынь, отпускающихъ французскія фразы кстати и некстати, безпрестанно и ужь рѣшительно-некстати толкующихъ о княгиняхъ и о графиняхъ, о послѣднихъ модахъ и о хорошемъ тонѣ, Лизаветъ Ивановнѣ было тяжело и неловко. Она не умѣла принимать участія въ ихъ тонкихъ и любезныхъ разговорахъ, не вмѣшивалась въ ихъ прекрасныя разсужденія о томъ, что такое нравственность, о томъ, что прилично и что неприлично, о томъ, какъ всякій долженъ дорожить мнѣніемъ свѣта, и проч. Безмолвно слушала она этихъ барынь и, смиренно сознавая собственное ничтожество, удивлялась ихъ уму и образованію. Ее поддерживали и выручали въ самыя критическія минуты карты, потому-что всѣ эти умныя и свѣтскія

барыни, подобно моей Лизаветѣ Ивановнѣ, были страстныя охотницы играть въ преферансъ по 10 копеекъ мѣдью.

Лизаветѣ Ивановнѣ хотѣлось пристроить свою Катеньку за хорошаго и солиднаго челоуька. Это очень-понятно: вѣдь не вѣкъ же ей было сидѣть подъ крылышками папеньки и маменьки. Вѣдь же и на воспитаніе барышень потрачиваются родители, какъ не для того, чтобъ этимъ воспитаніемъ приманивать жениховъ? И Лизавета Ивановна очень-справедливо рассуждала, какъ рассуждаютъ всѣ маменьки, что только вывозя дочку въ свѣтъ можно надѣяться устроить ея участь; но она, по простотѣ своей, никогда не рѣшилась бы прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ иногда прибѣгаютъ отчаянныя петербургскія маменьки для сбыванія съ рукъ своихъ дочекъ. Ей не пришло бы, на-примѣръ, въ голову заставлять дочь кокетничать и употреблять всѣ роды соблазновъ передъ какими-нибудь безпутнымъ богачомъ; отъ-того только, что тотъ однажды, и то печально, навелъ въ театрѣ лорнетъ на ихъ ложу; она не стала бы разглашать по всему городу, что ея дочь выходитъ за г-на N. N., когда г. N. N. и не думаетъ о ея дочери, и не рѣшилась бы поддерживать своего кредита въ магазинахъ именемъ этого г-на N. N.; она не могла бы обѣщать жепиху своей дочери и капиталы и деревни въ приданое, а послѣ брака объявить вятю и дочери, что она покуда, къ-сожалѣнію, ничего не можетъ дать имъ, а что, со-временемъ, если позволятъ обстоятельства, и прочее, — да еще въ довершеніе всего, заставить легковѣрнаго зятя заплатить за вѣнчальное платье...

Все это казалось Лизаветѣ Ивановнѣ просто несбыточнымъ, и она говорила съ свойственнымъ ей простосердечіемъ:

— И вѣрить не хочу, чтобъ были на свѣтъ такія матери...

Но обратимся къ моей барышнѣ. Уже близка рѣшительная и желанная минута ея жизни. Сегодня балъ у одной изъ тѣхъ генеральшъ, съ которыми знакома ея маменька. Балъ!.. О, какое блаженство! На этомъ балѣ, она первый разъ предстанетъ *свѣту*! Сердце ея бьется и замираетъ; ей мерещется то золотой, то серебряный вполетъ; передъ ней уже, кажется, трепещутъ аксельбанты... ахъ, она такъ любитъ аксельбанты! И слышатся ей порою звуки вальса и брэнчанья шпоръ... А часы идутъ такъ медленно, досадные часы!.. А ужъ бальное платье ея готово... вотъ оно виситъ на стулѣ; и какое платье, еслибъ вы видѣли! и какъ оно къ-лицу ей! и какъ обрисовываетъ роскошныя ея формы! Парикмахеръ-Французъ уже причесалъ ее; на ея темныхъ волосахъ бѣлая роза... Барышня то посидитъ на стулѣ и помечтаетъ, то подбѣжитъ въ волненіи къ зеркалу...

Маменька и папенька въ такой же тревогѣ, какъ и она.

— А что, хорошо ли, голубчикъ, будетъ одѣта наша Катенька? спрашиваетъ съ безпокойствомъ папенька у маменьки.

— Не знаю, дружочекъ, отвѣчаетъ вздыхая маменька: — на ней будетъ все хорошее и дорогое; все, кажется, такъ, какъ слѣдуетъ; а впрочемъ, Богъ-знаетъ...

Вотъ, наконецъ, барышня совсѣмъ одѣта... Боже мой! какая у нея талія! Но она еле-дышетъ, бѣдная моя барышня!..

Маменька уже нѣсколько разъ осмотрѣла ее съ ногъ до головы. И папенька начинаетъ ее осматривать.

— Мило, мило, замѣчаетъ папечка: — да только мнѣ кажется, что грудь-то ужъ слишкомъ открыта. Прилично ли это?

— Ахъ, пацѣ, восклицаетъ барышня: — какіе вы смѣшные; да вѣдь *всѣ* такъ носятъ...

Балъ великолѣпный. Все какъ водится: и въ залѣ накурено ледораномъ, и лампы горятъ довольно-ярко, и много генераловъ военныхъ и штатскихъ со звѣздами, и музыка гремитъ, и мороженое разносятъ, и расплывшіяся барыни въ чепцахъ сидятъ кругомъ стѣнъ, и барышни, нарядныя и перетянутыя, прыгаютъ подъ музыку съ офицерами... Царицы бала — двѣ дочери хозяйки, Sophie и Lise, полнещія и бѣленькія, съ томными глазами. Онѣ слывутъ красавицами; отъ нихъ съ ума сходятъ мои приятели-офицеры и о существованіи ихъ знаютъ даже въ высшемъ свѣтѣ... Штатскихъ немного, человекъ пять, да и то одинъ изъ нихъ не танцуетъ, а ходитъ по комнатамъ, безпрестанно зывая (хотя ему звать совсѣмъ не хочется), и иногда приставляетъ къ глазу лорнетъ, съ равнодушной и нѣсколько-презрительной гримасой поглядывая на барынь, на барышень, на кавалеровъ, на фотолокъ и на стѣны. Онъ всѣмъ хочетъ показать, что какъ-то случайно попалъ въ общество, которое гораздо-ниже его... Говорятъ, будто этотъ господинъ въ-самомъ-дѣлѣ принадлежитъ къ высшему свѣту — что мудреного? Онъ резко отличается отъ всѣхъ на этомъ балѣ, да и не даромъ же хозяйка дома болѣе всѣхъ ухаживаетъ за нимъ.

Ослѣпленная и пораженная блескомъ бала, моя барышня робко вступила въ залу.

— Ахъ, сколько здѣсь офицеровъ! подумала она. — Ахъ, какъ здѣсь должно быть весело! Но она не смѣла ни на кого взглянуть. Она проходила черезъ залу покраснѣвъ и потупивъ головку. И взгляды всѣхъ обратились на нее, какъ на лицо новое...

— Это еще что такое? Кто это такая? спросила глухая и брюзгливая старуха-барыня у своей сосѣдки, показывая на мою барышню и неблагожелательно осматривая ее съ головы до ногъ въ лорнетъ. — Слава Богу, еще новое лицо!

(У брюзгливой старухи-барыни пять дочерей, — пять! и ни одна не замужем!)

— Кто же это такая, матушка?.. а?

— Это, кажется, дочь Ветлиной, закричала ей на ухо соседка...

— Вишь какая жирная! пробормотала себя под-носъ старуха. — Вишь какъ раскормили ее!..

(У брюзгливой старухи-барыни всѣ пять дочерей тонки, какъ спички.)

— Ахъ, та chère, говорила одна барышня другой барышнѣ, смотря на мою героиню прищуренными глазками:— взгляни, Бога-ради, какъ она затянута... Бѣдная! на нее смотреть жалко... Вотъ ужъ не понимаю, что за охота такъ тянуться...

Барышня, горорящая эти слова, сама до того была затянута корсетомъ, что ей не было никакой возможности наклониться и въ продолженіи бала ей уже дѣлалось три раза дурно.

— А что? эль не па мать, толковали между собою офицеры о моей барышнѣ.

— Такъ, живеть-себѣ.

— А каковы плечики-то!

— Да! знаешь ли, она похожа на Таню...

— И очень!.. Только Таня, кажется, немножко повыше ея...

Одинъ изъ офицеровъ ангажировалъ мою барышню... Она пода-ла ему руку, и рука ея дрожала... и она отвѣчала ему на его вопросы едва слышнымъ голосомъ...

Лизавѣта Ивановна не спускала глазъ съ Кати... Лизавѣта Ивано-новна даже отказалась отъ преферанса!

Евграфъ Матвѣичъ хотя и игралъ въ карты, но онъ не былъ покоенъ. Онъ часто вскакивалъ изъ-за картъ посмотреть, что дѣ-лаетъ Катя.

А Катя была такъ счастлива! Она безпрестанно танцевала; на мазурку ангажировалъ ее какой-то штатскій. Это было ей немнож-ко досадно. Она не любила штатскихъ...

Штатскій, танцовавшій съ нею мазурку—хотя не казался фран-томъ, но былъ одѣтъ очень-аккуратно и прилично: въ черномъ фракъ, въ бѣломъ жилетъ, въ жолтыхъ перчаткахъ. Онъ былъ небольшого роста, имѣлъ круглое и румяное лицо, съ котораго не сходила пріятная улыбка... Онъ говорилъ необыкновенно-выжлив-но и, говоря, всегда наклонялъ свой станъ немного впередъ. Всѣ зна-комыя дамы безъ памяти его любили, потому-что онъ никогда не бывалъ лишнимъ въ домъ. Не доставало ли, напримѣръ, кавалера для танцевъ, нуженъ ли былъ тремъ старымъ генеральшамъ че-твертый для преферанса,—хозяйка дома ужъ непременно подбига-ла къ нему съ просьбой или съ карточкой, и онъ всегда выручалъ

ее изъ бѣды... Его всѣ называли обязательнымъ и примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ. Имѣя не болѣе двадцати-семи лѣтъ, онъ уже исправлялъ должность начальника отдѣленія и имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника. Онъ былъ Нѣмецъ, а по-нѣмецки говорилъ очень-плохо; къ-тому же, Нѣмцевъ совсѣмъ не любилъ, и велъ знакомства больше все съ Русскими. Его даже звали не Карломъ Карлычемъ, и не Иваномъ Иванычемъ, а такъ какъ Русскаго: Александромъ Петровичемъ. Превосходный чиновникъ—обладавшій въ высшей степени терпѣнiемъ и трудолюбіемъ, строгій и възыскательный съ подчиненными, онъ, впрочемъ, имѣлъ слабость — казаться человѣкомъ свѣтскимъ и былъ большой охотникъ до барышень, хотя барышни вообще терпѣть его не могли. Съ той минуты, какъ его произвели въ надворные совѣтники, онъ началъ помышлять, какъ бы завести надворную совѣтницу и ему непременно хотѣлось, чтобъ за будущей надворной совѣтницей было по-крайней-мѣрѣ 200 душъ крестьянъ или полтораста тысячъ капитала...

Когда мазурка кончилась, Александръ Петровичъ довелъ мою героиню до ея маменьки и почтительно поклонился и той и другой.

— Что, вы, я думаю, устали? сказала ему привѣтливо Лизавета Ивановна. — Шутка ли, мазурка-то вѣдь больше двухъ часовъ длилась.

— Помилюте, сударыня, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, закусивъ нижнюю губу и изъ вѣжливости нѣсколько покачнувшись впередъ:—эти часы показались мнѣ однимъ мгновѣнiемъ.

Онъ бросилъ бѣглый, но значительный взглядъ на мою барышню и, снова почтительно поклонясь, исчезъ въ толпѣ.

— Вотъ кавалеръ, такъ кавалеръ, сказала Лизавета Ивановна дочери, поправляя ей брошку. — Онъ, по мнѣ, лучше всѣхъ этихъ, которые танцовали съ тобою...

— Фи, маменька! вскрикнула дочь.—Онъ такой противный!

Вскорѣ послѣ мазурки, то-есть, когда моя барышня совсѣмъ остыла, маменька увезла ее домой. Папенька, увидѣвъ приготовленіе къ ужину и форель, которую втаскивали въ столовую на огромномъ блюдѣ, не утерпѣлъ, и остался ужинать...

За ужиномъ, нѣсколько офицеровъ расположилось около барышень... Другіе же, охотники попить, сѣли за особенный столъ. Послѣ ужина, по обыкновѣнію, еще немного потанцовали и гораздо по свободнѣе, чѣмъ передъ ужиномъ—и наконецъ всѣ разъѣхались.

Два франта, сходя съ лѣстницы, говорили между собою:

— А, что, мон-шеръ, скажи пожалуйста... ты *Лизистъ*, или *Софистъ*?

— Разумѣется, мон-шеръ, *Софистъ*, хотъ, впрочемъ, я и не охотникъ до *софизмовъ*...

Франты захохотали.

Въ это время, уже моя барышня почивала—и снилось ей, будто она, озираясь кругомъ съ біеніемъ сердца, выдернула бѣлое перо изъ султана и цаловала его...

Первый шагъ въ свѣтъ былъ сдѣланъ—и уже съ-этихъ-поръ моя барышня только и грезила о балахъ, маскарадахъ, театрахъ и на-рядахъ. Она познакомилась со всеми барышнями своего круга—и взяла себѣ за образецъ одну, которая была очень-богата и за которой бѣгали молодые люди толпами. Изъ застычивой и даже робкой, моя барышня незамѣтно превратилась въ развязную и бойкую. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, она умѣла прикинуться величайшей скромницей. Она совершенно взяла въ руки маменьку и папеньку, и дѣлала изъ нихъ все, что хотѣла. Ея комнату устали диванами и кушетками Гамбса. Она разложила у себя на столахъ кипсеки и книги; она сдѣлалась страшною охотницей до французскихъ любовныхъ стишковъ и, читая ихъ, обыкновенно отмѣчала карандашомъ или ногтемъ тѣ строфы, которыя ей больше нравились, въ надеждѣ, что авось-либо онъ (этотъ онъ былъ кирасирскій офицеръ) раскроетъ книжку и остановится на строфахъ, отмѣченныхъ ею. Она смѣялась надъ теми барышнями, которыя читали русскія книги и восхищались г-мъ Бенедиктовымъ. Она знала всѣ выпуски и петлички на мундирахъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, и все рисовала въ своемъ альбомѣ офицеровъ, но только однихъ кавалерійскихъ, въ различныхъ видахъ: и верхомъ, и на дрожкахъ, и въ саняхъ, и въ каретахъ, и въ коляскахъ... Она почти каждую недѣлю ѣздила во французскіе спектакли и возила съ собою маменьку, которая, разумѣется, не понимая ни слова, зѣвала, смотря на сцену.

— Да не съѣздитъ ли намъ, Катюша, когда-нибудь въ русскій театр? сказала ей однажды Лизавета Ивановна.

— Какая гадость, маман! Да кто же изъ порядочныхъ ѣздитъ въ русскій театр? Коли вы хотите, такъ поѣзжайте одинъ, а ужъ я ни за что не поѣду.

— Ну, какъ тебѣ угодно, отвѣчала Лизавета Ивановна: — ты знаешь, что одна—безъ тебя ужъ я никуда не поѣду.

Если на вечеръ вдругъ моей барышни дѣлалось скучно, или потому-что тамъ не было кирасирскаго офицера, или потому-что онъ слишкомъ-много говорилъ съ другой барышней, она подходила къ карточному столу, за которымъ сидѣла ея мать.

— Маман, скоро вы кончите?

— Нѣтъ еще, душенька, вотъ сѣйчасъ, только передъ твоимъ приходомъ безъ двухъ въ червяхъ осталась...

— У меня голова болитъ, я не могу больше оставаться здѣсь. Поедемте домой.

— Что это съ тобой? не простудилась ли ты?

Лизавета Ивановна смотрѣла на дочь съ безпокойствомъ.

— Погоди немножко, мой другъ... нельзя же мнѣ недокомчивши игры встать изъ-за стола...

— Ужь этотъ несносный преферансъ! Какъ хотите, маменька,— я вамъ говорю, что я не могу ждать... Мнѣ можетъ сдѣлаться дурно...

Лизавета Ивановна приходила въ смущеніе и не знала что дѣлать, но въ такихъ случаяхъ обыкновенно являлся выручать ее обязательный Александръ Петровичъ и доигрывалъ за нее партію.

Однажды, случилось совершенно на-оборотъ. На одномъ вечерѣ, Лизавета Ивановна сдѣлалась нездоровою въ то время, какъ дочь ея танцевала мазурку съ кирасирскимъ офицеромъ.

Лизавета Ивановна подошла къ дочери.

— Другъ мой, Катенька, сказала она ей: — мнѣ что-то нехорошо... Поѣдемъ...

— Вотъ еще, маменька! отвѣчала Катя. — Я не могу ѣхать прежде окончанія мазурки. Вы вѣчно лишаете меня всѣхъ удовольствій...

Лизавета Ивановна не произнесла ни слова. Она вышла изъ залы, не показавъ ни малѣйшаго неудовольствія дочери, вѣрнула нѣсколько комнатъ, не зная зачѣмъ,— и очутилась въ комнатѣ, въ которой никого не было. Здѣсь слезы закапали у нея изъ глазъ.

— Не-уже-ли ей не жалко меня? подумала она. — Не-уже-ли она меня не любитъ?..

Но отъ этой страшной мысли, которая въ первый разъ пришла ей въ голову, бѣдная женщина пошатнулась и упала на стулъ, закрывъ лицо руками...

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, говорила она сама-себѣ: — ей не любить меня,—меня!.. да за что же? ни я, ни отецъ, кажется, ни въ чемъ ей не отказываемъ, исполняемъ ея малѣйшія желанія, для нея живемъ сверхъ состоянія, — и она еще говоритъ, что я лишаю ее всѣхъ удовольствій!..

Но никто,—ни хозяйка дома, ни гости, ни моя барышня не видали слезъ моей Лизаветы Ивановны. Лизавета Ивановна едва дождалась окончанія мазурки, такъ ей было тяжело, а въ передней, не смотря на то, что она едва стояла на ногахъ, сама укутывала дочь, говоря:

— Дай, я тебя закрою хорошенько, чтобъ какъ-нибудь вѣтеръ на тебя не пахнулъ... Видишь, какая ты горячая. Долго ли тутъ простудиться?

И, страшное дѣло! всѣ ласки, вся заботливость матери казались только въ тягость моей барышнѣ. Она часто съ своими друзьями

ницами подсмѣивалась надъ матерью, она въ обществѣ безпрестанно стыдилась ея и думала:

— Это ни на что не похоже, какія манеры у маменьки! Я вѣчно должна за нее красить.

Да не подумаютъ послѣ этого, что у моей барышни было жестокое сердце и что она въ-самомъ-дѣль не любила своей маменьки. Совсѣмъ нѣтъ: сердце у нея было очень-нѣжное, какъ вообще у всѣхъ барышень, потому-что, во время представленія чувствительной пьесы, она безпрестанно подносила платокъ къ глазамъ и приходила въ разстройство отъ малѣйшей бездѣлицы. Что же касалось до любви ея къ маменькѣ, то въ этомъ смѣшно было бы и сомнѣваться. Да притомъ, горничная ея рассказывала кому-то, что «когда барыня была опасно больна, то барышня, вѣрите ли вы Богу, «не отходили отъ ихной постели и такъ вотъ и заливались, видно «жалко было смотрѣть на нихъ».

Съ папенькой моя барышня обращалась поласковѣе, нежели съ маменькой, въ-особенности если ей нужно было выпросить у папеньки денегъ сверхъ тѣхъ, которыя онъ выдавалъ ей ежемѣсячно на булавки. Впрочемъ, она исподтишка надъ папенькой подсмѣивалась такъ же, какъ и надъ маменькой. Ихъ предразсудки казались ей грубы и странны, хотя моя барышня сама любила иногда по-кокетничать предразсудками... Она морщилась, на-примѣръ, когда кто-нибудь подносилъ ей за столомъ—солонку или предлагалъ булавку. Она ни за что ни отъ кого не хотѣла брать ни солонки, ни булавки...

Иногда, моя барышня ѣздила въ церковь вмѣстѣ съ маменькой и съ папенькой, но она уже не молилась такъ искренно, такъ усердно, какъ молились ея родители. Она кушала постное только на первой и на послѣдней недѣлѣ великаго-поста, и то въ это время чувствовала себя нездоровою и говорила, что ея желудокъ не можетъ переносить грубаго постаго кушанья.

Она любила гадать на рождествѣ (гаданье она не считала предразсудкомъ). Вмѣстѣ съ своей горничной она выливали олово, или жгла бумагу на поднось, а потомъ смотрѣла, какія изъ олова или изъ жженой бумаги выходили на тѣни фигуры. Разумѣется, выходили всегда офицеры съ султанами, въ саняхъ или въ коляскахъ, а вдали церковь. И горничная всегда замѣчала барышню:

— Вотъ, барышня, вы ужъ биспримѣнно выйдете нынѣшній годъ замужъ.

Однако, пророчество горничной не сбывалось. Пять зимъ сряду моя барышня выезжала въ свѣтъ, и ни одинъ изъ ухаживавшихъ за нею офицеровъ не думалъ за нее свататься. Кирасиръ болѣе всѣхъ за нею приволакивался, и злые языки говорили, будто даже

барышня писала къ нему раздушенныя записочки на французскомъ языкѣ (съ небольшими орфографическими ошибками) и получала отъ него таковыя же; будто... ну, да можно ли вѣрить сплетнямъ злыхъ языковъ? Известно было навѣрное только, что послѣ кирасира ей очень нравился конно-егерь, послѣ конно-егеря гусарь, а послѣ гусара уланъ.

Лѣто она любила даже болѣе, нежели зиму, потому-что лѣтомъ на дачѣ такъ пріятны прогулки въ саду, особенно при лунѣ... Ахъ, луна! луну обожала моя барышня!.. Ей хотѣлось также очень ѣздить верхомъ, но касательно верховой ѣзды ея воля не могла восторжествовать надъ волею родителей.

— И слышать не хочу объ этомъ, кричалъ папенька:—что за безстыдство такое дѣвицъ ѣздить верхомъ... Это ни на что не похоже... Это просто противно!..

— Отъ-чего же, папа? И *кляжны* и *графини* ѣздятъ. Отъ-чего же мнѣ не ѣздить?..

— Замолчи! сдѣлай одолженіе, замолчи! Ты знаешь, что я тебя ни въ чемъ не противоречу. Уступи же мнѣ хоть въ чемъ-нибудь. Пожалуй, коли хочешь, это мой капризъ... Ну, да исполни же хоть капризъ папенькинъ.

Добрый Евграфъ Матвѣичъ даже начиналъ немного сердиться.

Тогда Лизавета Ивановна обращалась къ нему:

— Полно, дружечикъ, полно, не тревожь себя; она не будетъ ѣздить верхомъ. Сохрани ее Господи отъ этого! Она совсѣмъ этого и не хочетъ; вѣдь это она такъ только пошутила.

— Совсѣмъ не пошутила, шептала барышня себѣ подъ носъ.

Съ дачей моя барышня всегда рѣзставалась почему-то со слезами. За день до переезда, она обыкновенно отправлялась гулять для того, чтобъ проститься съ садомъ и съ паркомъ, заходила во всѣ бесѣдки, на колоннахъ писала карандашомъ французскіе стишки, втыкала въ деревья булабочки, клала въ чугунныя и мраморныя вазы бантики и ленточки, и прочее.

Она изъ простой барышни по-маленьку превращалась въ настоящую петербургскую барышню средняго круга (въ Петербургъ, есть еще и другаго рода барышни, но о тѣхъ я поговорю когда-нибудь кстати.) *Приличіе* и *мода*—эти два слова сдѣлались цѣлію ея жизни, ея жизнию... Къ приличію и къ модѣ, она стремилась всѣми силами души своей. Приличіе и мода обратились для нея въ несокрушимое вѣрованіе и убѣжденіе.

— Ахъ, папа, или ахъ, шатап! толковала она ежедневно: — да какъ это можно, да это *не принято*, да надъ этимъ будутъ смѣяться въ *свѣтѣ*, да это *не въ модѣ*. И, въ такихъ случаяхъ, она

всегда ссылалась на авторитетъ дамъ и дѣвицъ высшаго свѣта, которыхъ она знала по именамъ и отчествамъ, хотя видала ихъ только въ театрахъ и на гуляньяхъ.

Маменька и папенька, смотря на свою Катю, находили, можетъ-быть, въ ней много такого, что имъ очень не нравилось. Но они никогда не сердились на нее, не упрекали ея ни за что и думали:—Что жъ дѣлать? Она, голубушка, въ этомъ не виновата... Ужъ измѣнить этого нельзя. Нынче ужъ свѣтъ таковъ! Нельзя же ей не соображаться съ обычаями...

Ни папенькѣ, ни маменькѣ не нравилась большая часть молодыхъ людей вздвигшихъ къ нимъ въ домъ.

— Нѣтъ, это не то, что было въ наше время! говорилъ со вздохомъ папенька, глядя на нихъ.

— Они всѣ вѣтрогоны, прибавляла маменька: — куда же имъ быть хорошими и добрыми мужьями!

Но и папенькѣ и маменькѣ—обоймъ имъ очень приходился по сердцу молодой надворный совѣтникъ, исправлявшій должность начальника отдѣленія.

Онъ отзывался о немъ, какъ отзывались о немъ всѣ пожилые люди — съ отличной стороны:

— Александръ Петровичъ кроткій, благонравный человекъ, и пойдетъ далеко; одно только жаль — Нѣмецъ.

— Да онъ и на Нѣмца совѣтъ не походить, дружечикъ.

— Правда... но все у него нѣмецкая фамилія.

Александръ Петровичъ познакомился съ Евграфомъ Матвѣичемъ и Лизаветою Ивановной вскорѣ послѣ того времени, какъ онъ въ первый разъ увидѣлъ мою барышню на балѣ и протанцовалъ съ нею мазурку. Съ-тѣхъ-поръ онъ постоянно являлся къ нимъ въ домъ по воскресеньямъ, постоянно игралъ въ преферансъ съ Лизаветою Ивановной по двѣ копейки серебромъ (потому-что Лизавета Ивановна только въ гостяхъ играла по десяти копеекъ мѣдью), и постоянно устремлялъ кроткіе и сладкіе взоры на мою барышню, хотя она постоянно не обращала на него ни какого вниманія, называла его, какъ всегда, *противнымъ* или *досаднымъ*, и подсмѣивалась надъ нимъ вмѣстѣ съ офицерами. Послѣ полутора-годоваго знакомства, онъ рѣшился однако просить ея руки у папеньки и у маменьки. Папенька и маменька приняли его предложеніе очень-благосклонно, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что они принуждать дочери не могутъ, что они считаютъ это грѣхомъ и что, если ихъ дочь съ своей стороны изъявитъ согласіе, то они съ своей стороны будутъ этому очень-рады, и дадутъ на бракъ полное свое благословеніе.

Когда папенька и маменька призвали мою барышню къ себѣ и объявили ей такую важную для нея новость — она сначала заплакала,

потомъ зарыдала, потомъ захохотала, потому-что съ ней случался истерическій припадокъ... Мамонька и папенька перепугались, сами заплакали, а на другой день объявили Александру Петровичу, что ихъ дочь еще слишкомъ-молода, что она еще не думаетъ о бракѣ, но что, вѣроятно, со-временемъ, когда она съ нимъ (то-есть съ Александромъ Петровичемъ) короче ознакомится и увидитъ его достоинства, то не пожелаетъ себѣ лучшаго мужа; что молодья дѣвушки — дуры; что онъ сами своего счастья не знаютъ; что постоянство и терпѣніе — города берутъ, и прочее...

Александру Петровичу нечего было говорить о Фершннн. Онъ бросился на шею къ Евграфу Матвѣичу, поцаловалъ ручку Лизаветы Ивановны и сказалъ, что онъ терпѣть и ждать будетъ сколько имъ угодно, лишь-бы только его поддерживала лестная надежда — удостоиться чести вступить съ ними въ родство.

И не смотря на то, что моя барышня совсѣмъ перестала говорить съ нимъ, узнавъ о его намѣреніяхъ, — Александръ Петровичъ показывалъ, что онъ ни мало не оскорбляется этимъ, и продолжалъ на нее смотрѣть по обыкновенію, кротко и сладко.

Такъ прошло пять лѣтъ. Александръ Петровичъ по-прежнему являлся къ Евграфу Матвѣичу и Лизаветѣ Ивановнѣ каждое воскресенье и по-прежнему игралъ съ Лизаветой Ивановной въ преферансъ по двѣ копейки серебромъ... А между-тѣмъ, его произвели въ коллежскіе совѣтники и утвердили въ должности начальника отдѣленія. А между-тѣмъ, моя барышня очень измѣнилась въ-продолженіе этого времени: она похудѣла и потеряла надежду выйдти замужъ за офицера, хотя все еще поглядывала неравнодушными глазами на улана...

Въ началѣ шестаго года (считая съ перваго ея выезда на балъ) она стала чрезвычайно-ласково обращаться съ Александромъ Петровичемъ и къ концу этого года торжественно объявила родителямъ, что, убѣдясь въ его постоянствѣ, и, главное, желая сдѣлать имъ удобное, она готова выйдти за него замужъ... Въ послѣдніе годы, ей запала въ голову странная мысль, что можно быть женой и не любя мужа; оставаться же вѣчно дѣвушкой — неловко, и совсѣмъ неудобно. Къ тому же, она часто слышала отъ одной изъ своихъ пріятельницъ такого рода фразу:

— Ахъ, mesdames, вы не повѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть мужа дурака, такъ чтобъ я могла имъ вертѣть, какъ пшшкой. О, тогда бы мнѣ было такъ весело!..

И въ ту же самую минуту, какъ моя барышня объявила родителямъ свое согласіе на бракъ съ Александромъ Петровичемъ, — воображенію ея предстала отличная карета съ великолѣпными креслами и съ гербомъ, четверня лошадей вороныхъ съ сѣрыми на-перекосокъ,

взвѣснѣе и визитныя платья, и шляпки, и чепчики... «А ко мнѣ очень пойдетъ чепчикъ!» между-прочимъ подумала она.

Александръ Петровичъ просіялъ, сдѣлавшись женихомъ. Онъ все цаловалъ ручку невесты и думалъ: «Правду говорятъ пословица: терпи, казакъ, атаманъ будешь!..»

Благословляя дочь къ вѣнцу, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна, какъ водится, плакали назврьдъ. Свадьба праздновалась великолѣпно. Александръ Петровичъ стоялъ подъ вѣнцомъ въ мундирѣ съ богатымъ шитьемъ на воротникѣ. У него въ карманѣ былъ ломбардный билетъ въ 150,000 рублей ассигнаціями—цѣль его желаній. Къ-тому же, тещѣ и тещѣ, улыбаясь, дали ему замѣтить, что у нихъ нѣтъ другой наслѣдницы, кромѣ ихъ милой и ненаглядной Катеньки—и все, что останется послѣ ихъ смерти, принадлежить ей одной...

Здѣсь и кончается исторія моей *барышни*, потому-что, какъ видите, барышня превратилась въ барыню. Мнѣ остается досказать очень-немногое.

Евграфъ Матвѣичъ скончался черезъ годъ послѣ брака дочери, и неутѣшная Лизавета Ивановна, разумѣется, тотчасъ переехала въ домъ зятя, отдавъ свое село Ивановское-Брысскую-Топь-тожь (впрочемъ уже заложенное), въ его распоряженіе. Четыре года только прошло со смерти ея милаго Евграфа Матвѣича,—а она смотритъ соввѣмъ старухой. Ее ничто не утѣшаетъ кромѣ внучекъ, которымъ она вполне замѣняетъ мать... Здоровье ея хилѣетъ съ каждой минутой, глаза ея бываютъ часто красны, говорятъ, будто отъ слезъ,—и она уже не играетъ болѣе въ преферансъ. Катерина Евграфовна веселѣе, чѣмъ когда-нибудь. Она всякій день или на балѣ, или въ театрѣ... Александръ Петровичъ облысѣлъ и похудѣлъ; его щеки ввалились, и на нихъ нѣтъ признака бывшаго румянца. Одинъ мой знакомый нынѣшнею осенью встрѣтилъ его въ Ломбардѣ... Онъ бралъ деньги изъ капитала, чтобъ по приказанію жены абонировать ложу въ бѣль-этажѣ на итальянскую оперу.

Лизавета Ивановна часто съ грустію смотритъ на зятя и думаетъ, тяжело вздыхая:

— Какъ онъ перемѣнился, голубчикъ!.. Катя не умѣла составить его счастья. О, Катя! Катя!

И, произнося имя дочери, Лизавета Ивановна обыкновенно заливается слезами.

— Отъ-чего же это такъ?.. Я, кромѣ удовольствія, ничего, кажется, не доставляла моему Евграфу Матвѣичу. Видитъ-Богъ, я двадцать-три года жила съ нимъ душа-въ-душу,—а она!.. Развѣ

во мнѣ она видѣла дурной примѣръ? Развѣ мы не внушали ей хорошихъ правилъ? Отъ-чего же она огорчаетъ своего мужа? Отъ-чего же она мало занимается своими дѣтьми?.. Катя! Катя! Отъ-чего же... отъ-чего же она, моя Катя, такъ часто забываетъ свою старуху-мать? Развѣ она не видитъ, что мнѣ ужъ не долго остается погостить здѣсь?..

Отъ-чего? Отъ-чего?..

Но я не берусь разрѣшать всѣ эти вопросы.

Не разрѣшите ли вы ихъ, мой благосклонный читатель, или вы, моя благосклонная читательница?

КЪ. КАНАКЪ.

Т О Л П А.

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Скитаюсь я — безъ цѣли, безъ дѣла. Я.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ,
Мнѣ самому смѣшнѣй мой страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаётъ,
Толпа — могучая — и ѣсть и пить исправно;
И что въ душѣ *задумчивой* живеть,
Богъзню считаетъ своенравной.
И права ты, толпа! Ты велика,
Ты широка, ты глубока, какъ море...
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска
Нелѣпая — и истинное горе.
И ты сильна.

Передъ тобой я преклониться могъ —
Но полюбить тебя мнѣ невозможно.
Я ни одной тебѣ не дамъ слезы,
Не отъ тебя я ожидаю счастья...
Но ты растешь, какъ море въ часъ грозы,
Безъ моего ненужнаго участья.
Гордись, толпа! ливней, толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо...
Но все жъ я радъ, что независимъ я,
Что не служу тебѣ я ради хлѣба!...
И я молчу о томъ, что я люблю.
Молчу о томъ, что страстно ненавижу,
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмѣшками толпы я не обижу...
А толковать, мечтать съ самимъ-собой,
Бесѣдовать съ прекрасными друзьями—
Съ такой смѣшной, ребяческой мечтой
Разстался я, какъ съ дѣтскими слезами...
А потому... мнѣ *жить* не суждено
И я тяну съ усмѣшкой горошливой
Холодной злости, злости молчаливой,
Хоть горькое—но пьяное вино.

Т. Л.

AURORA = WALZER.

Въ моей глуши однообразной,
Съ незримыхъ струвъ легко звѣня,
Напѣвъ знакомый безотвязно
Весь день преслѣдуетъ меня.

Не будить онъ въ воспоминаньи
Ни томный блескъ лазурныхъ глазъ,
Ни часъ блаженнаго свиданья,
Ни разлуки скорбный часъ.

Подъ звукъ его, главой усталой
Склоняся, сновъ я не видалъ
И, мчась безумно въ вихрь бала,
Я ручки бѣленькой не жалъ.

Но страннымъ полонъ онъ толеньемъ,
Но имъ душа увлечена
И въ даль съ мучительнымъ стремленьемъ
За нимъ уносится она...

Н. ОГАРЕВЪ.

Когда давно забытое названье
Расшевелить во мнѣ, внезапно, вновь,
Уже давно затихшее страданье,
Давнымъ-давно погибшую любовь,—

Мнѣ стыдно, что такъ медленно живу я,
Что этотъ хламъ хранить душа моя,
Что ни слезы, ни даже поцалуй —
Что ничего не забываю я.

Мнѣ стыдно, да; а тамъ мнѣ грустно становь,
И не-уже-ль подумать я могу,
Что жизнь меня теперь ужъ не обманеть,
Что до конца я сердце сберегу?

Что въ правѣ я отринуть горделиво
Всѣ прежнія, всѣ дѣтскія мечты,
Все, что въ душѣ цвѣтеть такъ болячиво,
Какъ первые, весенніе цвѣты?

И грустно мнѣ, что то воспоминанье
Я былъ готовъ презрѣть и осмѣять...
Я повторю знакомое названье —
Въ былое весь я погружень опять.

Т: Л.

ДОМАШНІЙ СЕКРЕТАРЬ.

Романъ Жоржа Занда.

I.

Одѣжды, въ прекрасный лѣтній день, по дорогѣ изъ Ліона въ Авиньонъ, шелъ молодой человекъ, довольно-порядочной наружности. Его звали Луи де-Сен-Жюльенъ, и онъ по праву пользовался титуломъ графа, ибо принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ фамилій своей провинціи. Тѣмъ не менѣе, онъ шелъ пѣшкомъ, съ маленькой сумкой за спиною; нарядъ его былъ болѣе чѣмъ скромный, и ноги часъ-отъ-часу болѣе натекали подѣ запыленными камашами изъ толстой кожи.

Этотъ молодой человекъ, воспитанный добрымъ и честнымъ деревенскимъ священникомъ, былъ прямодушенъ, имѣлъ недурныя умственныя способности и познанія достаточныя для того, чтобъ надѣяться получить должность учителя, библіотекаря или домашняго секретаря. Онъ имѣлъ достоинства, и даже добродѣтели; но при этомъ въ немъ были и слабыя стороны, даже недостатки; пороковъ же онъ не имѣлъ. Онъ былъ добръ и мечтателенъ, но гордъ и робокъ, то-есть щекотливъ и недоверчивъ, какъ все люди неопытныя въ жизни и незнакомыя съ дѣйствительностію.

Если этотъ краткій очеркъ его характера не въ состояніи возбудить участія въ читатель, то, можетъ-быть, читательница подаритъ меня нѣкоторою снисходительностію, когда узнаетъ, что у г. Луи де-Сен-Жюльена были прекрасные глаза, бѣлая рука, бѣлые зубы и черные волосы.

Отъ-чего же этотъ молодой человекъ путешествовалъ пѣшкомъ? Вѣроятно отъ-того, что нѣ на что было развѣзжать въ каретѣ. Откуда шелъ онъ? На это мы отвѣтимъ въ свое время. Куда? этого т. XXXII. — Отд. I.

онъ и самъ не зналъ; но прошедшее и будущее его можно, однакожь, изобразить немногими словами: онъ шелъ изъ мрачной страны дѣйствительности, и хотѣлъ, не озираясь, не выбирая, броситься въ неизвѣстныя, но свѣтлыя страны мечтаній.

Ужь восемь дней былъ онъ въ дорогѣ, и съ героизмомъ переносилъ усталость, солнечный жаръ, пыль, дурные ночлеги и непобѣдимый страхъ, который, безмолвно и мрачно, но неотступно слѣдитъ за тѣмъ, у кого нѣтъ денегъ. Ранивъ ногу, онъ долженъ былъ присѣсть подлѣ забора мызы, преобразованной незадолго предъ тѣмъ въ почтовую станцію.

Только-что успѣлъ онъ опуститься на край канавы, какъ мимо его провхалъ прекрасный дорожный берлинь. За берлинемъ слѣдовали коляска и почтовая бричка, въ которыхъ, по-видимому, помѣщалось семейство или свита какой-нибудь важной особы.

Въ головѣ Жюльена блеснула мысль занять запятки послѣдняго экипажа; но почтальионъ, обративъ назадъ опытный взоръ, тотчасъ увидѣлъ, что слугѣтъ человѣческой фигуры перебѣгаетъ по бѣлому песку дороги, вслѣдъ за профилемъ брички. Онъ остановилъ лошадей и поведительно велѣлъ ему сойти. Сен-Жюльенъ слѣзъ и обратился къ лицамъ, сидѣвшимъ въ экипажѣ, воображая, въ простотѣ души своей, что подобной просьбѣ можетъ отказать одинъ только почтальионъ. Но двое особъ, сидѣвшихъ въ бричкѣ, были чтица и домоправитель, люди грубые и безчувственные по своимъ должностямъ. Они нагло ему отказали.

— Грубияны! закричалъ имъ Сен-Жюльенъ съ негодованіемъ: — по всему видно, что вы только на то и годны, чтобъ стоять на запяткахъ за экипажами порядочныхъ людей.

Сен-Жюльенъ сказалъ это громко и съ особенной энергіей. Дорога шла въ гору, и экипажи подвигались медленно, безъ шума, по матовому, горячему песку. Голоса Жюльена и почтальиона, который, въ угожденіе своимъ съдокамъ, перебраивался съ нимъ, долетѣли до особы, сидѣвшей въ берлинь. Она выглянула изъ кареты, чтобъ посмотреть, что случилось, и Сен-Жюльенъ съ дѣтскимъ восторгомъ увидѣлъ прекраснѣйшій женскій бюстъ, какой когда-либо представлялся его воображенію. Но онъ не имѣлъ времени ему удивляться. Незнакомка взглянула на него, и онъ робко опустилъ глаза. Прекрасная женщина, обратившись къ почтальиону и къ своимъ людямъ, возвысила свой густой контральтъ, и, съ весьма-замѣтнымъ иностраннымъ произношеніемъ давъ имъ строгій выговоръ, дружески сказала молодому человѣку:

— Пожди сюда, другъ мой, сядь на козла берлиня, и уступимъ только крошечное мѣсто моеи собачкѣ: она будетъ сидѣть на

водошки. Скорѣе, скорѣе! поклоны и благодарности оставь до другого времени.

Сен-Жюльенъ не ждалъ повторенія. Задыхался отъ усталости и волненія, онъ влезъ на козла и взялъ на козлѣнн собачку. Достигнувъ вершины пригорка, карета помчалась галопомъ.

На первой станціи, до которой доехали очень-скоро, Сен-Жюльенъ, боясь употребить во зло данное позволеніе, оставилъ козла, вѣшался въ группы почтальоновъ, лошадей, домашнихъ птицъ и нищихъ, какими всегда бываютъ окружены станціи, и могъ спокойно наблюдать за прекрасной путешественницей. Она не обращала на него ни малѣйшаго вниманія, и тономъ полусерьезнымъ, полушутливымъ журала всѣхъ своихъ людей, поочередно, одного за другимъ. Это было странное существо, какихъ Сен-Жюльенъ никогда еще не видывалъ. Она была высока и стройна; широкія плечи и бѣлая шея ея, принимали какія-то величественныя и мощныя формы; на-видъ ей можно было дать лѣтъ тридцать, а въ-самомъ-дѣлѣ ей, можетъ-быть, было не больше двадцати-пяти. Лицо ея показывало нѣкоторую усталость; но блѣдность, худоба щекъ и темное полукружіе подъ большими черными глазами, придавали выраженіе воли и задумчивости, свѣтлаго, пронизательнаго ума, твердости и меланхоліи всей этой головѣ, которая, по правильности очертанія, могла безболзненно выдержать сравненіе съ самыми совершенными камнями древности.

Богатство и изысканность ея дорожнаго платья также удивляли Сен-Жюльена. Она казалась очень-живою и очень-доброю, и бросала бѣднымъ деньги полными пригоршнями. Въ каретѣ ея сидѣли еще два лица, на которыя Сен-Жюльенъ, весь углубленный въ созерцаніе прекрасной путешественницы, и не взглянулъ.

Когда лошади были готовы, она опять взглянула въ окошко кареты и начала глазами искать Сен-Жюльена. Онъ, не осмѣляясь повторить своей просьбы, приблизился со шляпой въ рукѣ, чтобъ поблагодарить ее; но она предупредила его:

— Развѣ, сказала она: — ты остаешься здѣсь?

— Цель моего путешествія, отвѣчалъ Жюльенъ:—Авиньйонъ; но я бы никогда...

— Полно, полно! произнесла она отрывисто, своимъ мужскимъ голосомъ: — я доведу тебя туда еще сегодня вечеромъ. Безъ отговорокъ, садись.

Они точно пріѣхали въ Авиньйонъ еще до ночи. Дорогою, Сен-Жюльенъ нѣсколько разъ хотѣлъ бросить взглядъ во внутренность кареты, и для этого стоило ему сдѣлать только небольшое движеніе, но онъ не осмѣливался, и чувствовалъ; что такое любопытство будетъ имѣть видъ грубости и неблагодарности. Только на

всѣхъ станціяхъ онъ позволялъ себѣ сѣзвать съ козелъ и принималъ разсыянный и равнодушный видъ, смотрѣлъ, никъмъ-заинтересованный, на прекрасную путешественницу, наблюдалъ за ея поступками, прислушивался къ каждому ея слову и старался слѣдить за каждымъ ея движеніемъ. Его безпрестанно поражаало это смѣшеніе пріемовъ, то величественно-царскихъ, то добродушно-престыхъ, и онъ не могъ вывести о ней никакого заключенія. Не смѣя обратиться къ людямъ ея свиты и сообщить имъ безпокойное любопытство, которое его мучило, онъ волновался и безпрестанно повторялъ себѣ вопросы, на которые не могъ дать никакого отвѣта: — Кто она? думалъ онъ: — королева или актриса? Какъ узнать это? Но чтò мнѣ за дѣло? Почему меня такъ занимаетъ женщина, которую я увидѣлъ въ первый разъ только сегодня, и которой завтра ужь не увижу?

Путешественница и свита ея съ шумомъ вѣхали въ первую гостиницу Авиניона. Сен-Жюльенъ бросился съ козелъ и поспѣшно удалился, чтобъ его не почли за нищаго бродягу.

Но увидѣвъ содержателя гостиницы, который, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ въ бѣлыхъ курткахъ, кинулся встрѣчать привѣзшую даму, Сен-Жюльенъ, прикованный непобѣдимымъ любопытствомъ, остановился, и у него свалился камень съ сердца, когда онъ услышалъ привѣтственные слова хозяина дома:

— Я ожидалъ вашу свѣтлость, и надѣюсь, что вы изволите остаться довольны.

Сен-Жюльенъ, успокоенный въ своемъ тяжкомъ сомнѣніи, рѣшился въ первый разъ на благоразумный поступокъ. Въмѣсто того, чтобъ, по обыкновенію своему, идти отыскивать дешовый ночлегъ въ какомъ-нибудь скромномъ дворѣ отдаленнаго предмѣстья, онъ спросилъ себѣ комнату въ той же гостиницѣ, гдѣ остановилась герцогиня, въ надеждѣ, что увидитъ ее еще хоть разъ, хоть издали, и рисковалъ издержать въ одинъ день болѣе, чѣмъ израсходовалъ бы въ цѣлую недѣлю.

Онъ встрѣтилъ привѣтливую улыбку на всѣхъ лицахъ; всѣ его желанія предупреджались какъ слѣдуетъ, потому-что его считали принадлежащимъ къ свитѣ ея свѣтлости: богатые путешественники, во всѣхъ гостиницахъ свѣта, пользуются особеннымъ уваженіемъ хозяевъ.

Переодѣвшись на скорую руку, онъ вышелъ на внутренній дворъ, помѣстился на лавкѣ, и устремилъ глаза на тѣ окна, въ которыхъ, во его мнѣніи, могла показаться герцогиня. Надежда его скоро исполнилась: окна растворились. Два человека вынесли на балконъ кресло и табуретъ, и герцогиня опустилась въ кресло избрежно, кура благовоющую сигаретту. Между-тѣмъ, маленькій, сухой чело-

вѣчекъ, съ напудреннымъ парикомъ на головѣ, поставилъ стулъ близъ нея, медленно развернулъ печатный листъ, и сталъ, самымъ почтительнымъ тономъ, читать вслухъ итальянскую газету.

Не переставая курить сигаретты, подаваемая ей одна послѣ другой очень-хорошенькою горничной, которую Сен-Жюльенъ, по изящному туалету ея, принялъ-было, по-крайней-мѣрѣ, за маркизу, — за-альпійская свѣтлость смотрѣла на него прищуривъ глаза, и такъ пристально, что онъ покраснѣлъ до самыхъ кончиковъ ушей. Потомъ она обратилась къ своей служанкѣ, и, безъ всякаго уваженія къ лёгкимъ аббата, который читалъ для стѣнъ, сказала:

— Жинета, это, кажется, тотъ мальчикъ, котораго мы нашли на дорогѣ?

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— Онъ, значить, переодѣлся?

— Кажется, ваша свѣтлость.

— Такъ онъ остановился здѣсь?

— Вѣроятно, ваша свѣтлость.

— Но, аббатъ! къ-чему же вы прерываете чтеніе?

— Мнѣ показалось, ваша свѣтлость, что вы не изволите обращать вниманія...

— А вамъ что до этого?

Аббатъ принялся опять за дѣло. Герцогиня спросила что-то у Жинеты, и та принесла лорнетъ. Герцогиня направила лорнетъ на Жюльена.

Красота Сен-Жюльена имѣла въ себѣ что-то въжливое и интересное; лицо его, поблѣднѣвшее отъ усталости и горя, носило на себѣ особый отпечатокъ домности и чувствительности.

Герцогиня возвратила Жинетѣ лорнетъ и сказала:— *Non è troppo brutto*; потомъ взяла опять лорнетъ, и взглянула еще разъ на Жюльена. Аббатъ все читалъ.

Сен-Жюльенъ не могъ похвастаться блестящимъ туалетомъ. Онъ досталъ изъ своей дорожной сумки тиковую блузу, бѣлые панталоны, бѣлую и тонкую рубашку. Но эта блуза, стянутая около талии, обрисовывала станъ тонкій и гибкій, какъ у женщины. Надъ откинутымъ воротникомъ рубашки виднѣлась бѣлая, какъ снѣгъ, шея, полузакрытая черными волосами. Черный бархатный беретъ, нагнутый нѣсколько въ сторону, придавалъ ему видъ поэта или влюбленнаго пажы. — Теперь, какъ онъ вымылся, сказала Жинета: — онъ смотритъ очень-порядочнымъ человекомъ.

— Гм! произнесла герцогиня, бросивъ сигару на журналъ, который тотчасъ загорѣлся подъ самымъ носомъ достопочтеннаго аббата: — это какой-нибудь бѣдный студентъ.

Сен-Жюльенъ не слышалъ, что говорили эти двѣ женщины, но

ясно видѣлъ, что онѣ говорили о немъ, потому-что онѣ ни сколько не скрывали этого. Его немножко оскорбляло одно обстоятельство—что на него почти указывали пальцемъ, какъ-будто онѣ были вовсе не мужчина, и какъ-будто онѣ почитали невозможнымъ, чтобъ, въ присутствіи его, какой бы то ни было поступокъ ихъ могъ показаться неприличнымъ или предосудительнымъ. Чтось положить конецъ этому деракому разсматриванію, онѣ всталъ и удалился въ общую залу.

Тодько-то хотѣлъ онѣ сѣсть за общій столъ, какъ почувствовалъ легонькій ударъ по плечу. Онѣ обернулся и увидѣлъ передъ собой желтое лицо и тошую фигуру аббатика, читавшаго газеты на балконѣ.

Аббатъ отвелъ его въ сторону, сталъ разсыпаться въ привѣтствіяхъ и церемонныхъ поклонахъ, и наконецъ спросилъ его, не угодно ли ему будетъ отужинать съ ея свѣтлостью герцогиней де-Кавальканти. Сен-Жюльенъ чуть не опрокинулся отъ удивленія при этомъ неожиданномъ приглашеніи; потомъ, опомнившись, онѣ вообразилъ, что подлѣ жалкой наружности аббата легко можетъ скрываться насмѣшка или злая шутка, и вооружившись торжественнымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ:—безъ сомнѣнія, сударь, угодно, если ея свѣтлость сдѣлаетъ мнѣ честь пригласить меня,

и это приглашеніе, возразилъ аббатъ, наклонившись до земли: оно возложено именно на меня, и я имѣю честь передать его вамъ.

— Этого недостаточно, отвѣчалъ Сен-Жюльенъ, которому предсказалось, что сама герцогиня смѣется надъ нимъ:—герцогиня де-Кавальканти должно быть извѣстно, что у людей нашего званія аббаты никогда не употребляютъ посланниками. Я хочу имѣть дѣло съ особой болѣе-важнѣй, чѣмъ ваша милость, или получить письмо, подписанное собственною рукою ея свѣтлости.

Аббатъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія на эту смѣшную выходку; лицо его не выразило никакого личнаго мнѣнія о переговорахъ, въ которыхъ онѣ служилъ только орудіемъ. Онѣ низко поклонился Сен-Жюльену и ушелъ, говоря, что передастъ его отъ себя ея свѣтлости.

Сен-Жюльенъ сѣлъ опять къ общему столу, вполне-убѣжденный, что онѣ прекрасно отдался отъ мистификаціи. Молодой человекъ никакъ мало зналъ свѣтъ, что его удивленіе не было продолжительное.

Видно, подумалъ онѣ:—ужь это такъ водится въ обществѣ.

Онѣ погружился было въ свое привычное серьезное расположеніе духа; какъ вдругъ его пробудило имя Кавальканти, раздавшееся на аршинѣ отъ него стола.

— Позвольте васъ спросить, сказалъ онѣ молодому купцу, слышавшему подлѣ него:—это за герцогиня Кавальканти?

— Что-съ? приближесь принашникъ, закручивая свои белокурые усы, и принимая видъ человека, для котораго нѣтъ ничего новаго въ мирѣ: — герцогиня Квинтилія Кавальканти? Право, я объ ней мало забочусь; это герцогиня, какихъ есть тысячи! Породы итальянской, подновленной германскою. Она очень-богата; ее выдали за какого-то нѣмецкаго князька, и тотъ, ради ея состоянія, согласился не называть ей своей фамиліи. Такія дѣла случаются въ Италіи каждый день. Я извѣдиль Италію вволю и поперегъ, и знаю ее какъ свои пять пальцевъ. Герцогиня влѣтъ изъ Парижа и возвращается въ свои владѣнія, славонское княжество, которое приноситъ ей въ годъ около милліона дохода. Эка важность! У насъ, между купцами, есть капиталы гораздо-позначительнѣе, да ими никто такъ не важничаетъ, какъ она...

— Но какой характеръ у этой герцогини Кавальканти?

— Характеръ! возразилъ молодой купецъ тономъ презрительной насмѣшки:—характеръ! а на что вамъ ее характеръ?

Сен-Жюльенъ только-что хотѣлъ отвѣтить, но содержатель гостиницы, коснувшись его плеча, попросилъ его выйти съ нимъ на минуту изъ комнаты.

— Милостивый государь! началъ онъ голосомъ человека, совершенно-потерявшагося: — между вами и ея свѣтлостью герцогиней де-Кавальканти происходятъ престранныя дѣла.

— Какъ? Что вы хотите сказать?..

— Помилуйте! ея свѣтлость проситъ васъ къ себѣ на ужинъ, и вы отказываетесь! Вы виноваты, что этому превосходному аббату Сиципею дали сейчасъ очень-строгій выговоръ. Герцогиня не хотѣла вѣрить, что онъ дурно исполнилъ данное ему порученіе, и складываетъ на него всю вину неожиданнаго оскорбленія. Она приказала мнѣ попросить у васъ объясненія въ вашемъ странномъ воступкѣ.

— Вотъ еще! Это выходитъ изъ границъ, вскричалъ Сен-Жюльенъ. — Важной дамѣ вздумалось надо мной помыслиться, и когда я на эту дабаву не соглашаюсь, ея свѣтлость изволитъ находить эту неопорность оскорбительною для своего достоинства.

— Герцогиня не любитъ противорѣчій, замѣтилъ робко хозяинъ дома: — и...

— Герцогиня де-Кавальканти можетъ не любить противорѣчій сколько ей угодно, прервалъ Сен-Жюльенъ; — но она здѣсь не въ своихъ владѣніяхъ, и я, по-крайней-мѣрѣ, не знаю ни одного французскаго закона, который принуждалъ бы меня ужинать съ нею, когда я не хочу съ ней ужинать.

— Ради самаго неба, сударь, сжальтесь надо мною! Если герцогиня будетъ оскорблена въ моемъ домѣ, она въ-состояніи никогда ужъ больше не останавливаться въ немъ. Разсудите сами: герцогиня

протянется здесь каждый годъ, и никогда, пробывъ дня два, не издерживаетъ менѣе пяти-сотъ франковъ! Ради Бога, сударь, умоляю васъ, пожалуйте къ ней ужинать. Ужинъ превосходный. Я самъ приготовляю его. Есть фазаны съ трюфелями, отъ которыхъ не отказался бы самъ король французскій; есть желѣ...

— Да оставьте меня въ поков...

— Боже мой! воскликнулъ потерявшійся содержатель гостиницы, скрестивъ руки на толстомъ животѣ своемъ: — право, не понимаю, что за свѣтъ нынче сталъ! Молодой человѣкъ отказывается ужинать съ прелестнѣйшей женщиной въ мѣрѣ, и бонится, чтобъ надъ нимъ не посмѣялись! Да еслибъ герцогиня знала настоящую причину вашего отказа, такъ ужъ дѣйствительно замѣтила бы, что Французы очень-смѣшны!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, подумалъ Жюльенъ: — я, можетъ-быть, разыгрываю глупѣйшую роль съ своими подозрѣніями. Ну, еслибъ и вздумали смѣяться надо мною, развѣ я не могу отомстить? — Ступайте, сказалъ онъ хозяину: — передайте герцогинѣ мои извиненія, и скажите, что я исполню ея приказаніе.

— Слава Богу! воскликнулъ хозяинъ. — Вы не будете раскаиваться: на столѣ будетъ прелестнѣйшая воклюзская форель!..

И онъ исчезъ, сіяя отъ радости.

Сен-Жюльенъ, чтобъ дать ему время исполнить порученіе, вошелъ опять въ общую залу. Здесь онъ замѣтилъ высокаго, блѣднаго мужчину довольно-красивой наружности, который бродилъ около столовъ, и, казалось, собиралъ слова всѣхъ разговаривавшихъ. Сен-Жюльенъ принялъ его за шпиона, потому-что онъ никогда не видывалъ шпионовъ и, по природной подозрительности своей, готовъ былъ считать шпиономъ всякаго любопытнаго. А между-тѣмъ, въ приемахъ незнакомца не было и тѣни того, что могло бы сколько-нибудь оправдать такое предположеніе. Онъ былъ медленъ въ движеніяхъ, задумчивъ, разсѣянъ, и смотрѣлъ даже въсколько простакомъ. Проходя мимо Жюльена, онъ произнесъ два раза сряду, вполголоса и ударяя на два первые слога, имя Квинтилин Кавальканти.

Потомъ онъ подошелъ опять къ столу, и сталъ спрашивать объ ней у посѣтителей.

— Право, не знаю, отвѣчалъ ему одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ: — я не могу дать вамъ о ней никакихъ свѣдѣній. Обратитесь лучше къ этому молодому человѣку, что стоитъ около печки. Онъ изъ числа ея лакеевъ.

Сен-Жюльенъ вскинулся отъ стыда, быстро повернулся и хотѣлъ оставить залу. Но незнакомецъ, упорствуя въ своемъ намѣреніи, остановилъ его за руку, и кланяясь съ вжливостію чело-

вѣка, который рѣшился сдѣлать важную уступку необходимости, сказалъ:—Позвольте спросить васъ: герцогиня ѣдетъ прямо изъ Парижа?

— Это мнѣ совершенно неизвѣстно, сударь, отвѣтилъ сухо Жюльѣнъ. — Я ея вовсе не знаю.

— Прошу извинить меня. Мнѣ сказали...

Сен-Жюльѣнъ поклонился и ушелъ. Блѣдный путешественникъ подошелъ опять къ столу.

— Ну, что? спросилъ прикащикъ, который замѣтилъ его ошибку.

— Вы заставили сдѣлать меня промахъ, отвѣчалъ блѣдный путешественникъ тому изъ гостей, который указалъ ему на Жюльѣна.

— Извините, отвѣчалъ тотъ.— Но мнѣ показалось, будто этотъ молодой человѣкъ сидѣлъ на козлахъ герцогининой кареты.

Странствующій прикащикъ, забавникъ, какъ и всѣ его собратья, нашель, что тутъ представляется прекрасный случай, какъ онъ выражался, выкинуть штуку. Ему было очень-хорошо извѣстно, что Сен-Жюльѣнъ не знаетъ герцогини, потому-что онъ самъ отвѣчалъ на распросы молодого человѣка, но ему показалось забавнымъ продолжать заблужденіе длиннаго путешественника.

— А я, чортъ побери! вполне увѣренъ, что вовсе не ошиблись, сказалъ онъ.— Я хорошо знаю въ лицо этого мальчика: онъ лакей госпожи Кавальканти. Если бъ вы были знакомы съ приемами этихъ итальянскихъ слугъ, васъ не удивило бы, что онъ вамъ ничего не сказалъ—даромъ. Стояло только показать ему пяти-франковый эку...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, подумалъ путешественникъ, желавшій, во что бы ни стало, удовлетворить свое любопытство. Онъ досталъ изъ кошелька лундоръ, и побѣжалъ догонять Сен-Жюльѣна.

Жюльѣнъ стоялъ въ снѣгахъ, прислонясь къ колоннѣ, и ожидалъ возвращенія хозяина. Блѣдный путешественникъ опять подошелъ къ нему, но съ гораздо-большею увѣренностію, нежели въ первый разъ, и, схвативъ его руку, вложилъ въ нее двадцати-франковую монету.

Сен-Жюльѣнъ, неспотыгавшій этого движенія, взялъ деньги, и, не закрывая простертой руки, смотрѣлъ на нихъ съ выраженіемъ человѣка, остолбенѣвшаго отъ удивленія.

— Теперь, другъ мой, скажите мнѣ, произнесъ блѣдный путешественникъ: — сколько времени герцогиня прожила въ Парижѣ?

— Какъ! опять? вскричалъ Жюльѣнъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, и бросивъ монету о-земь. — Да они съ ума сошли съ своей герцогиней Кавальканти!

Онъ убѣжалъ на дворъ, и въ негодованіи хотѣлъ бѣжать совсѣмъ изъ дома, вообразивъ, что всѣ обитатели его согласились его дурачить. Въ эту минуту, хозяйка гостинницы, схвативъ его за руку,

дрожность самых-учтивыхъ голосомъ: — Пойдемте, войдемте, сударь; все улажено; аббата немножко побранили; но насъ герцогиня ожидаетъ...

II.

Приближаясь къ комнатамъ герцогини, Сен-Жюльенъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ то спокойствіе, до котораго мы достигаемъ, когда обстоятельства безпощадно осадятъ нашу робость въ ея послѣднихъ укрѣпленіяхъ. Онъ затянулъ покрѣпче пряжку своего пояса, взявъ въ одну руку беретъ, другою провелъ по волосамъ, и дошелъ съ твердою рѣшимостью съѣсть спокойно въ своей тиковой блузѣ за столъ госпожи де-Кавальканти, не смотря на то, чѣмъ бы иа была она — герцогинею или комедіанткою.

Герцогиня ходила по комнатамъ и разговаривала съ слугами, проводившими ее въ путешествіи. Увидѣвъ Сен-Жюльена, она сдѣлала шагъ два къ нему и сказала:

— Вы, однако, любите заставлять себя просить! Развѣ вы боитесь запятнать свою родословную, садясь за нашъ столъ? Нѣтъ ни одного дворянскаго рода, сударь, который не имѣлъ бы своего начала, и даже вашъ...

— Мой, сударыня!.. прервалъ безъ церемоніи Сен-Жюльенъ: — мой извѣстенъ съ тысяча-сто-седьмаго года.

Герцогиня, неподозрѣвавшая природной недоверчивости Сен-Жюльена и его сомнѣній, въ настоящемъ случаѣ громко захохотала. Рѣзвая Жинета, убиравшая какіе-то наряды своей госпожи, послѣдовала ея примѣру, а аббатъ, видя, что герцогиня смѣется, сталъ также усердно хохотать, самъ не зная чему. Единственное лицо, не принявшее участія въ общей веселости, былъ длинный офицеръ, въ фантастическомъ ментикѣ шоколаднаго цвѣта, обтянутый, облитый золотомъ во всю грудь, съ усами, завивающимися до самыхъ висковъ, выгнутый какъ танцовщица, и украшенный шпорами не хуже шпоръ боеваго пѣтуха. Увидѣвъ спокойствіе Сен-Жюльена и веселое расположеніе герцогини, онъ выпучилъ свои ястребиные, налитые кровью глаза, и сталъ поводить ими съ безпокойствомъ. Но Сен-Жюльенъ такъ мало понималъ смыслъ всего имъ видѣннаго, что ему показалось, будто герцогиня переглядывается и перемигивается съ своимъ адъютантомъ.

— Пора; садемъ за столъ, сказала герцогиня, когда подали супъ. — Успокоивъ первый голодъ, мы попросимъ васъ рассказать намъ чудесныя подвиги вашихъ предковъ. Право, для насъ, владѣтель-

ныхъ себѣ, очень жалко, что не вся соотечественники ваши разделяютъ вашъ образъ мыслей. Тогда изъ-за Альвовъ не угрожала бы намъ политическая инфиуенза, столь вредная здоровью аристократовъ.

Сен-Жюльенъ сталъ ужинать съ наружнымъ видомъ безопасности и спокойно разглядывать своихъ собеседниковъ. — Если я въ-самомъ-дѣлѣ за столомъ свѣтлѣйшей особы, подумалъ онъ: — то честь эта менѣе велика, чѣмъ я вообразилъ сначала. Вотъ люди, съ которыми она цѣлый день обходилась какъ съ лакеями, и которые тѣмъ не менѣе сидятъ теперь рядомъ съ нею.

Герцогиня, въ-самомъ-дѣлѣ, имѣла обыкновеніе, впрочемъ только въ дорогѣ, обѣдать за однимъ столомъ съ главными лицами своей свиты: аббатомъ, исправлявшимъ должность ея секретаря, чтицей, безмолвно разрѣзывавшей дичь, домоправителемъ, соблюдавшимъ всегда важность, приличную шитью на его кафтанѣ, и даже Жинетой, состоявшей на правахъ фаворитки. Два лакея, втораго разряда прислуживали за столомъ, а двое другихъ помогали хозяину приносить кушанья изъ кухни въ верхній этажъ. — Это, можетъ-быть, любовница какого-нибудь князя, подумалъ Сен-Жюльенъ: — для этого, она довольно-хороша собою. — Но, разочарованный такимъ предположеніемъ, молодой человекъ все-таки продолжалъ смотреть на нее.

И точно, она была необыкновенно-хороша при свѣчахъ. Цвѣтъ ея кожи, днемъ нѣсколько-желтоватый, становился вечеромъ привлекательной матовой бѣлизны. По мѣрѣ того, какъ ужинъ продолжался, глаза ея принимали ослѣпительный блескъ; слова ея были коротки, вѣтки, рѣшительны; разговоръ блескъ остроуміемъ; но, кромѣ Жинеты, которая, какъ фаворитка, успѣвала вездѣ вставить свое словечко и довольно-удачно подражала приемамъ и тону своей госпожи, другіе собеседники мало ей помогали. Чтица и аббатъ взоромъ и улыбкой одобряли каждое изъ ея мнѣній и не осмѣливались произнести ни одного слова. У воинственнаго адъютанта, случайное угрюмое расположеніе духа сливалось съ умственной ничтожностью, сдѣлавшеюся его нормальнымъ состояніемъ. Герцогиня была, кажется, расположена къ разговору; но все ея старанія ничего не могли извлечь изъ этой куклы, раззолоченной по всемъ швамъ. Сен-Жюльенъ чувствовалъ себя въ-состояніи поддерживать разговоръ, но еще робѣлъ. Наконецъ, онъ рѣшился, и, подвергнувъ себя тѣмъ холодно-любопытнымъ взглядамъ, которыми, въ подобныхъ случаяхъ, встрѣчаютъ новое еще неговорившее лицо, онъ съ первыхъ же словъ отвѣтился на прямое, немаскированное опроверженіе какого-то язвительнаго афоризма г-жи де-Кавальканти. Не обращая вниманія на то, что приводитъ въ безпокойство штальмейстера ея свѣлости, мало-знакомаго съ французскимъ язы-

комъ, онъ сталъ выражаться на немъ. Герцогиня, владѣвшая нѣтъ вполнѣ, отвѣчала тоже по-французски, и съ четверть часа всѣ собесѣдники въ почтительномъ безмолвіи слушали разговоръ ихъ.

Въ двадцать лѣтъ, мы быстро переходимъ отъ презрѣнія къ энтузиазму. Въ это время, мы такъ бываемъ расположены судить о людяхъ съ выгодной стороны, что при малѣйшемъ хорошемъ признакъ готовы на огромныя, преувеличенныя вознагражденія. Сен-Жюльенъ, пораженный свѣтлымъ умомъ герцогини, былъ близокъ къ этой крайности, но въ другія минуты мысль, что вся эта сцена нарочно устроена для одураченія его, вызывала передъ его глазами толпу насмѣшливыхъ призраковъ. Онъ готовъ былъ принять этотъ итальянскій дворъ за трупъ странствующихъ актёровъ. — Примадонна, думалъ онъ:—играетъ тутъ роль благородной герцогини; адъютантъ — не что иное, какъ теноръ безъ голоса и безъ души; этотъ глухо-нѣмой домоправитель привыкъ, можетъ-быть, играть роль мраморнаго всадника въ «Донъ-Хуанъ»; Жинета—настоящая Зерлина, а этотъ бессмысленный аббатъ, конечно, какой-нибудь жидъ-банкиръ, прикованный къ колесницѣ примадонны и который платитъ всѣмъ и за всѣхъ.

Послѣ ужина, герцогиня, обращаясь къ своему италъмейстеру, сказала по-итальянски: — Лучъйоли, побывайте отъ моего имени у хорошаго знакомаго моего, генерал-майора Н..., живущаго въ этомъ городѣ. Отъищите его и скажите, что, уставъ отъ дороги, я не могла пригласить его къ ужину, но поручила вамъ передать ему мое сожалѣніе объ этомъ. Ступайте.

Лучъйоли, недовольный порученіемъ, очень-похожимъ на предлогъ къ его удаленію, не осмѣлился однако противорѣчить и вышелъ.

Сен-Жюльенъ, не зная что дѣлать, хотѣлъ тоже идти; но герцогиня остановила его, увѣряя, что ей нравится его разговоръ и что она желаетъ продолжать съ нимъ бесѣду. Сен-Жюльенъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Съ мыслью о женщинѣ высокаго званія, предающейся разврату, въ немъ соединялось чувство отвращенія, доходившее до ужаса. Теперь же, онъ тѣмъ болѣе находилъ причину ненавидѣть такую женщину, что боялся ея, ибо она была окружена всѣми обольщеніями и владѣла тонкимъ, хитрымъ умомъ. Она прямо и пристально взглянула на итальянскую герцогиню и стала подлѣ дверей, принявъ самый холодный и гордый видъ.

Герцогиня, казалось, не обратила на это вниманія. Она сдѣлала знакъ Жинетѣ и подала чтить книгу. Субретка тотчасъ воротилась, неся туалетный ларецъ, который поставила на столъ. Она вынула изъ шитаго бархатнаго мѣшка огромный черепаховый гребень съ золотой обдѣлкой и, развязавъ шолковую сѣточку, удер

живавшую волосы герцогини, принялась ихъ чесать, но такъ медленно и съ такимъ вызывающимъ, кокетливымъ видомъ, какъ-будто хотѣла ослѣпить Сен-Жюльѣна богатствомъ этихъ прекрасныхъ волосъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, во всей Европѣ, можетъ-быть, не было волосъ красивѣе. Они были цвѣта воронаго-крыла, гладки, ровны, блестящи какъ атласъ и такъ длинны и густы, что надали до земли и облакали станъ герцогини какъ-будто черной шолковой мантией. Сен-Жюльѣнъ никогда не видалъ ничего подобнаго даже въ своихъ фантастическихъ мечтаніяхъ. Золотомъ обдѣланный гребень Жинеты то металъ искры, то исчезалъ въ этомъ темномъ потокѣ волосъ, то отбрасывалъ ихъ легкими лентами на бѣлые плечи герцогини, то отдвигалъ ихъ на грудь широкими волнами. Потомъ, собравъ въ одну связку все эти сокровища, Жинета расчесывала ихъ медленно и, будто не-хотя, подымала эту огромную массу блестящаго мрака.

Пышная Квинтилія, въ желтой камчатной тюникѣ, кругомъ обшатай красною шерстью, въ юбкѣ и панталонахъ изъ бѣлой кисеи, подвязанная шолковымъ шнуркомъ, упавшимъ до коленъ, въ богато-вышитыхъ туфляхъ, — съ своими широкими рукавами и распущенными волосами, походила на греческую царицу, и названія Іанты или Анды не были бы слишкомъ-поэтическими именами для этой красавицы чистѣйшаго восточнаго тина.

Во время этого прихотливаго и сладострастнаго туалета, чтница громко читала, а герцогиня, казалось, вовсе не слушала ея, но была совершенно занята своими руками; она то снимала, то надѣвала кольца, вычищала ногти мягкимъ благовоннымъ мыломъ и отирала ихъ кружевнымъ батистовымъ платкомъ.

Сен-Жюльѣнъ не могъ смотреть на нее безъ удивленія, съ которымъ тщетно боролся. Чтобъ избѣгнуть очарованія, онъ хотѣлъ бы слушать чтеніе; но книга была нѣмецкая, а онъ не зналъ по-нѣмецки.

— Фанчуло, спросила его герцогиня, не поднимая глазъ: — понимаешь ли ты это?

— Ни одного слова.

— Мистриссъ Уайтъ, сказала она по-англійски:—читайте латинскій переводъ на другой страницѣ. Я предполагаю, господинъ-дворянинъ, прибавила она, глядя на Сен-Жюльѣна: — вы занимались древними языками?

Луи отвѣтилъ наклоненіемъ головы. Мистриссъ Уайтъ стала читать латинскій текстъ. Въ книгѣ говорилось о нѣмецкой метафизикѣ; она была навязана очень-головоломно.

Герцогиня, отъ времени до времени, перерывала чтеніе, и не

переставая заниматься мелочами туалета, съ такимъ свѣдѣлымъ разумствіемъ, съ такимъ превосходствомъ ума оспаривала положенія автора и неправяла его логику, бросала такой ясный, такой смѣлый взглядъ на изгибы этого таинственнаго анализа, что Жюльѣнъ совершенно не зналъ, на какомъ мѣстѣ ему остановиться. Вызванный ею сообщить свое мнѣніе о мечтаніяхъ аскетическаго Намца, онъ развернулъ весь запасъ своихъ сужденій, но скоро убѣдился, что они очень-незначительны въ сравненіи съ познаніями госпожи де-Кавальканти. Она оспаривала его доводы со всею возможною мягкостію, и скоро доказала ихъ несостоятельность. Оставивъ неблагодерный способъ систематическаго диспута, онъ вѣрнулся указаніямъ природнаго своего ума и внушеніямъ совѣсти. Квинтилія, радуясь этой переменѣ, стала его слушать съ большимъ вниманіемъ. Незамѣтно, онъ предался этому разумному наслажденію, которое мы ощущаемъ, отдавая себя ясный отчетъ въ своихъ собственныхъ понятіяхъ.

Мало-по-малу, онъ забылъ свою робость, оставалъ принужденную позу, и подошелъ ближе. Въ самомъ пылу своихъ разсужденій, онъ вдругъ замѣтилъ, что, облокотясь о туалетный ящикъ герцогини, стоитъ прямо передъ нею, и находится подъ самымъ огнемъ ея большихъ, черныхъ глазъ. Она тоже оставила свои ручьяя поточки и остановила гребень Жинеты. Кругомъ оббитая волосами, она положила правую ногу на лѣвую; а руки обвѣла вкругъ праваго колѣна. Въ этомъ восточно-граціозномъ положеніи, она смотрѣла на Жюльѣна съ добродушной улыбкой, между-тѣмъ, какъ слегка сдвинутыя брови свидѣтельствовали о серьезномъ вниманіи.

Сен-Жюльѣнъ, испугавшись опасности, въ которой увидѣлъ себя, вдругъ, какъ пораженный, остановился посреди фразы; но тѣтено онъ старался придать взору своему выраженіе твердости и скрыть робкую любовь. Она блеснула въ его глазахъ, и вызвала легкую улыбку на уста герцогини.

— Довольно, сказала она: — мистрисъ Уайтъ, вы можете удалиться.

Луи ничего не понималъ; голова шла у него кругомъ. Онъ со страхомъ почувствовалъ приближеніе рѣшительной минуты. Ему представилось, какъ смѣшна будетъ его роль, когда онъ станетъ уклоняться отъ ласкъ первой красавицы міра. Тамъ не менѣе, онъ внутренно клялся, до какой бы степени разврата самъ ни дошелъ, никогда не увидѣться до того, чтобъ служить пресарнишымъ орудіемъ сладострастію гордой красавицы.

Вдругъ герцогиня сказала ему ласковымъ голосомъ: — Спкойной ночи, другъ мой; я думаю, вы нуждаетесь во снѣ, и чув-

ствую, что самой пора уснуть. Не думайте, чтобъ вашъ разговоръ усыпалъ меня; напротивъ, онъ мнѣ былъ очень-приятенъ, и я желала бы продлить наше знакомство. Если ваши дорожные планы согласны съ моими, я предложу вамъ мѣсто въ моей каретѣ.. Вы куда намерены ѣхать?

— И самъ не знаю; у меня нѣтъ ни состоянiя, ни прiюта; но какъ я имъ бъденъ, никогда не соглашусь я быть кому-нибудь въ тягость.

— Вѣрю отъ всего сердца, отвѣчала герцогиня съ выраженiемъ искренней доброты: — но между людей, уважающихъ другъ-друга, обменъ услугъ можетъ быть равно-выгоднымъ и приятнымъ для обихъ сторонъ. У васъ есть дарованiе, — я нуждаюсь въ даровитомъ чловѣкѣ; мы можемъ быть полезны другъ-другу. Зайдите завтра ко мнѣ; можетъ-быть, если мы поймемъ другъ-друга такъ скоро и такъ хорошо, намъ удастся устроиться такъ, чтобъ не разлучаться скоро.

Послѣ этихъ словъ, она взяла у него руку и пожала ее съ добродушной фамильярностию молодого чловѣка. Сходя по лестницѣ, Сен-Жюльенъ слышалъ какъ за нимъ запирались двери.

— Боже мой, я былъ просто дуракъ, сумасшедшiй! сказалъ онъ самъ себѣ: — г-жа де-Кавальканти самая прекрасная, самая благородная, самая добрая женщина въ мiрѣ!

III.

Жюльенъ долго не могъ заснуть. Весь этотъ день представлялся ему какъ-будто главой изъ романа, и когда онъ на другой день по-утру проснулся, ему не вѣрилось, чтобъ прошлое не было сномъ.

Спѣша увидѣть герцогиню, которая собиралась выѣхать рано, онъ одѣлся нѣ-скоро, и явился къ ней съ радостнымъ сердцемъ, съ умомъ, освобожденнымъ отъ вчерашнихъ несправедливыхъ подозрѣнiй. Госпожа Кавальканти была уже совсѣмъ готова къ отъѣзду. Жинета приготовляла ей шоколадъ, а герцогиня между-тѣмъ просматривала какую-то брошюру о политической экономiи.

— Я думала о васъ, мой милый, сказала она Жюльену. — Я знаю степень вашихъ свѣдѣнiй: это — ни слишкомъ-много, ни слишкомъ-мало. Изучали вы какой-нибудь предметъ въ особен-ности, о которомъ не говорили мы вчера?

— Нѣтъ. Ваша свѣтлость докавали мнѣ, что вы во всемъ гораздо-болѣе меня свѣдуши. Вотъ почему я не вижу, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ.

— Вы именно такой человекъ, какого мнѣ надо: я хочу сократить число окружающихъ меня людей и сдѣлать построжее ихъ выборъ; хочу соединить въ одномъ лицѣ обязанности моей чтицы и моего секретаря; первую я выдаю очень-выгодно замужъ за человека, надъ которымъ мнѣ надо посмѣяться, а второй — глупецъ, и изъ него я сдѣлаю превосходнаго конюха, съ тысячью эку годоваго дохода. Оба они будутъ довольны, и вы займете у меня ихъ мѣста. Жалованье вамъ будетъ — тысячу эку за одну должность и четыре тысячи франковъ за другую; сверхъ-того, полное содержаніе, столъ, квартира, и проч.

Это предложеніе, столь блистательное для человека безъ всякаго состоянія, какимъ былъ Сен-Жюльенъ, болѣе испугало его, чѣмъ обрадовало.

— Простите моеѣ откровенности, сказалъ онъ послѣ минутнаго колебанія: — но я гордъ. Я единственная отрасль благородной фамиліи, и не стану краснѣть, зарабатывая себѣ необходимое для жизни, но, принимая благодѣянія важныхъ особъ, боюсь быть принужденнымъ надѣть ихъ ливрею.

— Никто здѣсь не говоритъ ни о ливрѣ, ни о благодѣяніяхъ. Обязанности, которыя я на васъ возлагаю, поставятъ васъ въ самыя близкія, дружественныя отношенія со мною.

— Безъ-сомнѣнія, это великое счастье, отвѣчалъ Жюльенъ, записываясь: — но — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ: — мамзель Жинета также пользуется дружбою вашей свѣтлости...

— Понимаю, прервала герцогиня: — вы бонтесь быть моимъ лакеемъ. Успокойтесь, сударь: я уважаю благородное сердце и никогда не оскорблю его. Если вы видите, что я обхожусь съ бѣднымъ аббатомъ Спиниономъ какъ съ слугою, это потому-что онъ самъ вздумалъ взять на себя роль, которой я ему вовсе не назначала. Подумайте о моемъ предложеніи. Если вы не доверяете моеѣ разборчивости, развѣ не въ вашей волѣ будетъ покинуть меня въ тотъ самый день, когда я перестану обходиться съ вами благородно?

— Мнѣ ничего не остается, отвѣчалъ Сен-Жюльенъ съ увлеченіемъ: — какъ только повергнуть къ ногамъ вашимъ всю мою преданность и признательность.

— И я принимаю ихъ дружески, отвѣчала Квинтилія, раскрывая большую книгу съ золотыми застежками. — Не угодно ли будетъ вамъ самимъ написать здѣсь наши условія и означить свое имя, лѣта, и происхожденіе? Я подпишу.

Когда герцогиня подписала условія, которыхъ копію Жюльенъ положилъ къ себѣ въ бумажникъ, она велѣла созвать всѣхъ своихъ

людей, начиная отъ адъютанта и до жокея, и продолжая пить шоколадъ, сказала имъ медленно и повелительно:

— Господинъ-аббатъ Сципионъ и мистриссъ Уайтъ не состоятъ болѣе въ моей свитѣ. Ихъ мѣсто займетъ г. графъ де-Сен-Жюльёнъ. Уайтъ и Сципионъ остаются моими друзьями, и дѣло идетъ не о немилости къ нимъ, но о вознагражденіи ихъ. Вотъ г. де-Сен-Жюльёнъ. Пусть всѣ обходятся съ нимъ почтительно, и никогда не называютъ его иначе, какъ графомъ. Надѣюсь, всѣ мои служители будутъ мнѣ покорны и преданны: они знаютъ, что я не оставляю ихъ въ старости... Не троньте вашихъ платковъ и не показывайте вида, что будто-бы плачете отъ умиленія. Я знаю, что вы меня любите, и бесполезно преувеличивать доказательства. Прощайте.

Она вынула изъ-за пояса часы, и прибавила:

— Черезъ полчаса я хочу ѣхать.

Служители поклонились и вышли въ глубокомъ молчаніи. Приказанія герцогини не вызвали на ихъ покорныя лица ни малѣйшаго признака порицанія или удивленія. Неограниченная власть носить на себѣ характеръ какого-то величія, которому трудно противостоятъ даже и тогда, когда она заключается въ тѣсныхъ предѣлахъ. Сен-Жюльёнъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ душѣ его, безъ всякаго неприятнаго чувства и безъ усилія, возникло глубокое уваженіе къ герцогинѣ.

Онъ воротился въ свою комнату, чтобъ взять нѣкоторыя вещи, и спускался уже съ лѣстницы, съ дорожной сумкой подъ-мышкой, какъ вдругъ длинный и блѣдный путешественникъ, который наканунѣ обнаружилъ такое странное любопытство, подбѣжалъ къ нему, и кланяясь, сталъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, извиняться во вчерашнемъ своемъ оскорбительномъ поступкѣ. Сен-Жюльёну хотѣлось бы убѣжать отъ него, но это было невозможно, и онъ принужденъ былъ обмѣняться съ незнакомцемъ нѣсколькими учтивыми фразами, надѣясь тѣмъ и отдѣлаться отъ него. Надежда оказалась тщетною: блѣдный путешественникъ, схвативъ его за руку, сказалъ ему патетическимъ и торжественнымъ тономъ чловѣка, который приглашаетъ васъ на свои похороны,—что онъ имѣетъ надобность передать ему нѣчто важное, и хочетъ просить его о величайшей услугѣ. Сен-Жюльёнъ, который, не смотря на свою безпрерывную недовѣрчивость, былъ добръ и снисходителенъ, рѣшился выслушать разсказъ блѣднаго путешественника.

— Послушайте, сударь, сказалъ ему тотъ: — считайте меня за сумасшедшаго; я согласенъ; но ради самого Бога, не подумайте, чтобъ я былъ нахаль, и отвѣчайте мнѣ на вопросъ, который я сдѣлалъ вамъ вчера: что это за герцогиня Квинтилія Кавальканти?

— Клянусь вамъ, я знаю ее не больше вашего, отвѣчалъ Сен-Жюльенъ: — и въ доказательство, расскажу вамъ какимъ образомъ познакомился съ нею.

Когда онъ окончилъ рассказъ, путешественникъ, слушавшій его съ большимъ вниманіемъ, вскричалъ:

— Это странно, что-то похоже на романъ, и еще больше утверждаетъ меня въ мнѣніи, что эта непонятная особа не кто другой, какъ моя прелестная незнакомка на оперномъ балѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать? произнесъ Сен-Жюльенъ съ удивленіемъ.

— Такъ-какъ вы были добры и рассказали мнѣ свое приключеніе, возразилъ путешественникъ: — я вамъ расскажу свое. Шестъ недель назадъ, я былъ на балѣ въ Оперѣ, въ Парижѣ. Тамъ одно домино, полное граціи, ловкости и рзвости, такъ меня заинтересовало, что я былъ рѣшительно упоенъ. Я увлекъ незнакомку въ ложу, и она показала мнѣ свое лицо: это было прелестнѣйшее, выразительнѣйшее лицо, какое я видалъ когда-либо. Я слѣдилъ за нею въ-теченіе всего бала, и не смотря на то, что она разсыпала передо мной все свое кокетство, она, казалось, дѣлала все усилія, чтобъ скрыться отъ меня. Разъ какъ-то ей удалось это; но, руководимый тѣмъ вторымъ зрѣніемъ, которое даетъ намъ любовь, я опять ее догналъ въ галлерей, въ то самое время, когда она садилась въ изящную карету, на которой, однакожь, не было ни герба, ни диврен. Я сталъ умолять ее выслушать меня. Она отвѣчала, что занимаетъ важное мѣсто въ свѣтъ, что ей необходимо соблюдать приличіе, и что она должна положить условія моему счастью. Я клялся согласиться на все. Первое, отвѣчала она, чтобъ я позволилъ завязать себѣ глаза, Я согласился; только-что сѣли мы въ карету, она завязала мнѣ глаза платкомъ и начала хохотать, какъ ребенокъ. Когда экипажь остановился, она смѣло и крѣпко схватила меня за руку, заставила выйти и повела такъ легко и проворно, что я нѣсколько разъ чуть-чуть не упалъ. Наконецъ, она сильно толкнула меня, и я въ ужасѣ свалился на превосходнѣйшую софу. Въ то же время она сдернула съ меня повязку, и я увидѣлъ себя въ богатомъ кабинетѣ, гдѣ все показывало изящный вкусъ, любовь къ искусству и высокую образованность его обитателей. Она позволила мнѣ разсматривать все это съ любопытствомъ, и сколько можно было судить по книгамъ, это была женщина ученая, которая читала по-гречески, по-латинѣ и по-французски. Она была Итальянка, и, казалось, всегда жила въ самомъ высочайшемъ обществѣ: такъ были благородны ея манеры и пріятельскій разговоръ. Должно вамъ признаться, что я сначала чуть-было не сошелъ съ ума отъ восторга и гордости, и потомъ испу-

гался разстоянія, какое, по всеѣмъ вѣроятностямъ, отдѣляло меня отъ этой женщины. Сколько я былъ самонадѣянъ и смѣлъ на балѣ, столько же теперъ сдѣлался покоренъ и робокъ, видя, что имѣю дѣло не съ какой-нибудь интриганткой, а съ женщиной высокаго званія и ума. Робость моя, вѣроятно, ей нравилась, потому-что она опять сдѣлалась рѣзвою, и даже какъ-будто старалась ободрить меня.

Сен-Жюльенъ покраснѣлъ; путешественникъ, замѣтивъ это, сдѣлался еще блѣднѣе и сказалъ ему болѣе-серьезнымъ тономъ:

— Вы, можетъ-быть, думаете, что я говорю вамъ, какъ фать; увѣрю васъ, что все, мною сказанное — чистѣйшая истина. Вы видите, я, кажется, не похожъ ни на фанфарона, ни на хвастуна.

— Нисколько, возразилъ Жюльенъ. — Я васъ слушаю; продолжайте.

— Это было странное созданіе; важное, насмѣшливое, гордое, дерзкое, и — скажу ли? нѣсколько-безстыдное. Я произнесъ одно смѣлое слово—она повелительно заставила меня молчать, и потомъ начала разсказывать самыя забавныя и вовсе не цѣломудренныя вещи...

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ Жюльенъ, подстрекуемый негодованіемъ.

— Увѣрю васъ, продолжалъ путешественникъ. — И что же! Не смотря на эти странности, а можетъ-быть и по причинѣ этихъ странностей, я полюбилъ ее безъ ума, но не тою идеальною и чистою любовью, къ которой способенъ вашъ возрастъ, но любовью безпокойною, жгучею, какъ само желаніе. Наконецъ, въ этотъ вечеръ, я былъ счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ и умолялъ ее позволить мнѣ видѣть ее на другой день. Она мнѣ обѣщала, съ условіемъ, чтобъ я не старался узнавать ни ея имени, ни дома. Я клялся свято исполнить ея волю. Она снова завязала мнѣ глаза, проводила до дверей и заставила войдти въ карету. Черезъ полчаса меня попросили выйдти. Когда я ступилъ на подножку, нѣжная и благоуханная щочка, которую я тотчасъ узналъ, слегка коснулась моею, и голосъ, столько памятный сердцу, шепнулъ мнѣ на ухо: *до застра!* Я сдернулъ повязку; но меня толкнули на-земь, и дверцы быстро закрылись. Карета была безъ фонарей и помчалась какъ стрѣла. Я очутился въ Елисейскихъ-Поляхъ, въ одной изъ самыхъ темныхъ аллея. Ничего не было видно, и сколько ни употреблялъ я усилій, чтобъ догнать экипажъ, вскорѣ совсѣмъ пересталъ слышать стукъ его. На дворѣ была страшная гололедица; я падалъ на каждомъ шагу, и рѣшился воротиться домой.

— А на другой день? спросилъ Жюльенъ.

— Потому я никогда ужъ не встрѣчалъ моею незнакомки до

нынѣшняго дня: я увидѣлъ ее въ окнѣ, которое выходитъ во дворъ: это герцогиня Квинтилія Кавальканти.

— Увзрены ли вы въ этомъ? спросилъ Жюльенъ, опечаленный и смущенный.

— У меня есть другое доказательство, отвѣчалъ путешественникъ, вынимая изъ кармана дорогіе часы изящной отделки и открывая ихъ:—взгляните на этотъ вензель, не означаетъ ли онъ Квинтиліи Кавальканти съ этимъ сокращеніемъ *Pra*, то-есть *prig-sirezza*? Проклятыя буквы, заставившія меня столько ломать надъ ними голову!

— Какъ вамъ достались эти часы? спросилъ Жюльенъ.

— По странному случаю. У меня были точно такіе же, и я положилъ ихъ на каминъ будуара, въ который привела меня маска. Потомъ, въ поспѣшности, вмѣсто своихъ часовъ схватилъ тѣ, которые лежали возлѣ, и только чрезъ нѣсколько дней замѣтилъ вензель, вырѣзанный внутри.

— Ужъ не во снѣ ли я? произнесъ Сенъ-Жюльенъ, рассматривая часы:—мнѣ кажется, что я сейчасъ видѣлъ точно такіе же въ рукахъ этой женщины...

— Часы изъ русской платины, съ эмалью, сдѣланные на востокѣ, отвѣчалъ путешественникъ.

— Кажется, такъ.

— Откройте ихъ, и вы увидите тамъ имя Шарля де-Дортана. Откройте, умоляю васъ!

— Какъ? вы хотите, чтобъ я сталъ требовать у герцогини, чтобъ она показала мнѣ часы? Да, впрочемъ, что же вы отъ этого выиграете?

— О! я хотѣлъ бы наказать ее за безстыдство. Такъ не шутятъ съ человѣкомъ, который добросердечно покорился всѣмъ этимъ таинственнымъ предосторожностямъ. Я хочу сорвать личину съ этой безстыдной кокетки, или — пусть она исполнитъ свои обѣщанія: тогда я готовъ хранить тайну этого происшествія, потому-что, долженъ сказать вамъ, сударь, я еще способенъ любить ее до безумія.

— Я васъ поздравляю, холодно отвѣчалъ Жюльенъ:—что касается до меня, я ненавижу подобныхъ женщинъ, и...

— Вотъ подають карету, вскричалъ путешественникъ.—Я буду ожидать ее у входа, шепну ей свое имя, уничтожу ее однимъ взглядомъ... Но, ради Бога, скажите ей прежде, что я хочу говорить съ нею; назовите меня по имени: она его очень-хорошо знаетъ; она спросила его у меня. Впрочемъ, имя мое у нея на часахъ...

Домоправитель герцогини позвалъ Жюльена. Онъ повиновался, и нашолъ пажа, дуэнья и другихъ людей уже въ экипажахъ со-

всѣмъ-готовыми къ отъѣзду. Вскорѣ показадась герцогиня съ Жинетой. Обѣ онѣ, чтобъ сохранить себя отъ пыли, закрылись большими черными вуалями. Герцогиня подняла свой вуаль; но, увидѣвъ, что карета ея окружена любопытными, она съ досадою опустила вуаль. Въ эту минуту, блѣдный путешественникъ бросился къ ней, чтобъ взглянуть въ лицо; но ужь было поздно, и онѣ ничего не видѣлъ.

Не смѣя заговорить съ женщиной, которой черты лица нельзя было рассмотреть, онѣ схватилъ Сен-Жюльена за руку, и съ настойчивостью сказалъ:

— Ради Бога, скажите мое имя.

Сен-Жюльенъ, не подумавъ, уступилъ просьбѣ и сказалъ герцогинѣ:

— Ваша свѣтлость, вотъ г. Шарль де-Дортанъ.

— Я не имѣю чести знать его, отвѣчала герцогиня. — Господа, садитесь въ экипажи. Пора.

При этомъ повелительномъ тонѣ, служители герцогини быстро раздвинули толпу любопытныхъ, и Квинтилія вошла въ карету, такъ-что блѣдный путешественникъ не смѣлъ съ ней заговорить. Сен-Жюльенъ видѣлъ, какъ онѣ сжималъ кулаки и съ безпокойствомъ вскочилъ на скамью, чтобъ смотрѣть въ карету.

— Что это за человекъ, который такъ на насъ смотритъ? безпечно произнесла герцогиня, садясь въ углубленіе кареты, передокъ которой занимали Жинета и Сен-Жюльенъ.

— Не знаю, сударыня, спокойно отвѣчала Жинета, поднявъ свой вуаль.

— Шарль де-Дортанъ, сказалъ съ негодованіемъ Жюльенъ.

— Это, кажется, часовой мастеръ? произнесла герцогиня такимъ спокойнымъ тономъ, что Сен-Жюльенъ не могъ рѣшить, былъ ли этотъ вопросъ сказанъ чистосердечно, или въ немъ скрывалась безстыдная насмѣшка.

Герцогиня тоже подняла свой вуаль, потомъ обратилась къ Дортану, и сказала ему холодно-повелительнымъ тономъ:

— Отойдите, сударь; такъ не смотрятъ на женщину.

Дортанъ поблѣднѣлъ, какъ луна, и остался недвижимъ на мѣстѣ. Карета поскакала въ галопъ.

— Какъ дерзки Французы! произнесла чрезъ нѣсколько минутъ Жинета.

— Почему же? спросила герцогиня, которая забыла уже о приключеніи.

— Этотъ Дортанъ, подумалъ Сен-Жюльенъ, или чрезвычайно-глупъ или съ ума сошелъ.

Спокойный тонъ герцогини вскорѣ совсѣмъ его разувѣрилъ, и

ему казалось, что вся эта исторія Дортана пригрезилась ему. Между-тѣмъ, дорога исчезала подъ копытами лошадей, и Авиньонъ исчезалъ въ пыльномъ отдаленіи.

IV.

Дни путешествія проходили для Жюльѣна, какъ сонъ. Въ разговорахъ съ нимъ, герцогиня, казалось, перерождалась въ мужчину. Она обладала неподражаемымъ искусствомъ — изъ всякаго вопроса извлекать всевозможныя выгоды, упрощать его, пояснять, и потомъ облекать всеѣмъ блескомъ своей обширной и блистательной мысли. Всѣ ея мнѣнія показывали въ ней душу сильную, волю непреклонную, логику строгую и сжатую. Этотъ мужественный характеръ ослѣплялъ молодого графа. Одно только печалило его — зачѣмъ не проглядывало въ немъ болѣе чувствительности. Нѣсколько-больше увлеченія, нѣсколько-меньше разсудка — и онъ былъ бы привлекательнѣе, оставаясь, можетъ-быть, столько же могущественнымъ. Но Сен-Жюльѣнъ не могъ рѣшить въ-точности — не ошибался ли онъ, предполагая въ герцогинѣ перевѣсъ ума на-счетъ доброты сердца. Можетъ-быть, въ этой глубокой душѣ таилось не одно сокровище, ему невѣдомое, не одна сторона, для него закрытая. Не смотря на то, онъ страшился, замечал, что Квинтилія была больше расположена къ насмѣшкѣ; чѣмъ къ симпатіи, всякій разъ, когда онъ удалялся отъ положительной дѣйствительности и блуждалъ въ области какой-нибудь сантиментальной мечты.

И однакожь, съ другой стороны, онъ любилъ это холодное воображеніе, которое, по мнѣнію его, имѣло источникомъ своимъ привычку къ строгимъ и цѣломудреннымъ нравамъ. Простота языка и дружеское обращеніе совершенно истребили въ немъ ложное впечатлѣніе, какое имѣлъ онъ сначала о смѣлыхъ приемахъ и развязности герцогини. Да и какъ, впрочемъ, соединить начала возвышеннаго порядка и гармоніи, которыя она, при всякомъ случаѣ, такъ ясно выражала, съ привычками безстыднаго распутства? Развращеніе въ душѣ столь возвышенной было бы явленіемъ чудовищнымъ.

Потомъ, ему казалось, что женщина эта скрывала свою доброту, какъ слабость, но что пламя любви къ ближнему горѣло въ душѣ ея. Она непрерывно занималась филантропическими идеями, и съ негодованіемъ видѣла на пути своемъ столько безпомощной нищеты. Тогда она изобрѣтала средства къ ея облегченію, и удив-

лялась, что о нихъ никто не думаетъ. Отъ общихъ идей она переходила къ частнымъ, и говорила о трудности сдѣлать народы счастливыми.

И послѣ того, она впадала въ глубокую задумчивость; брови ея слегка нахмуривались; большіе темные глаза углублялись въ орбиты; казалось, честолюбіе расширяло ея пылающій лобъ. Ее можно было принять за дочь Наполеона.

Въ эти минуты, Сен-Жюльенъ чувствовалъ къ ней страхъ.

—Что такое благотвореніе? что такое любовь? говорилъ онъ самъ себѣ: что такое всѣ эти добродѣтели, вся поэзія сердца, всѣ эти кроткія и нѣжныя чувства для души, пылающей такимъ безпрельнымъ честолюбіемъ?

Но когда герцогиня разбрасывала свое золото бѣднымъ и отдавала имъ свои вещи; когда она съ такимъ дружескимъ и материнскимъ участіемъ разпрашивала больныхъ и утѣшала несчастныхъ, — эти знаки доброты душевной трогали Жюльена сильнее, нежели сколько могли бы тронуть его въ другой женщинѣ подвиги гораздо-важнѣйшіе.

Однажды почталыонъ упалъ подъ лошадей и былъ тяжело раненъ. Герцогиня первая бросилась къ нему на помощь, и не боясь забачнать свое платье кровью и пылью, не страшась опасности отъ лошадей, посреди которыхъ находилась, она подняла его и сама перевязала ему раны. Она дѣлала это съ такою заботливостью и усердіемъ, что Сен-Жюльенъ готовъ былъ принять это за притворство и желаніе выказать свою доброту, еслибъ онъ не видѣлъ, какъ герцогиня не-шутя бранила своего важа, который кричалъ отъ легкой параличи, и съ негодованіемъ отгоняла вѣщихъ съ накладными ранами: словомъ, какъ она не любила безмозлаго и легкомысленнаго состраданія.

Наконецъ, прибыли въ Монтерегаль, и герцогиня издали показала Сен-Жюльену башни небольшой красивой крѣпости, владычествовавшей надъ ея столицей. Вокоръ показалась и самая столица, бѣлая, маленькая, окруженная очаровательной долиной. Гарнизонъ изъ пятисотъ человекъ вышелъ на-встрѣчу къ своей повелительницѣ. Двѣнадцать крѣпостныхъ пушекъ, какъ могли, произвели громъ, и неизбежная рѣчь магистрата встрѣтила герцогиню у воротъ города.

Квантилія принимала эти почести съ нѣкоторой иронической надменностью. Можетъ-быть, она охотнѣе сносила бы скуку подобныхъ встрѣчъ, еслибъ блескъ владычества нѣсколько-больше возвысилъ ихъ до степени ея гордости. Между-тѣмъ, она довольно-весело и радушно знакомила Сен-Жюльена съ своимъ маленькимъ герцогствомъ. Она была такъ умна, что не могла долго страдать при

мысли, какъ смѣшонъ ея магистратъ, какъ малочисленны воинскія силы и ограничены государственныя имущества; но добродушно сѣясь надъ этимъ, герцогиня тѣмъ не менѣе не упускала случая искусно замѣчать Жюльѣну благія дѣйствія умнаго управленія.

Впрочемъ, она трудилась напрасно. Сен-Жюльѣнъ, во всю жизнь свою не видавшій ничего, кромѣ старыхъ башенъ своего наследственнаго жилища и плохихъ его окрестностей, съ наивнымъ удивленіемъ смотрѣлъ на всю принадлежности этого маленькаго государства. Красота южнаго неба, богатыя краски пейзажа, прихотливая изящность дворца, построеннаго въ восточномъ вкусѣ, по рисунку герцогини; важная поступь придворныхъ ея небольшого двора; нѣсколько-отсталые, но блестящіе костюмы сановниковъ, — все принимало въ глазахъ молодаго провинціала видъ пышности и величія, и его новая участь представлялась ему какою-то мечтою.

По пріѣздѣ во дворецъ, Квинтилія такъ была осаждена со всѣхъ сторонъ привѣтствіями и поздравленіями, что ей некогда было подумать о помѣщеніи своего новаго секретаря. Когда Сен-Жюльѣнъ, чувствуя усталость, захотѣлъ удалиться, слуги, разсмѣря свое уваженіе соотвѣтственно богатству платя, отвели его на чердакъ. Онъ не обратилъ на это вниманія. Нѣжный по сложенію и не привыкнувъ переносить усталость, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

— На другой день поутру, его разбудила Жинета.

— Вамъ здѣсь дурно, графъ, сказала она ему тономъ челоуѣка, принимающаго все достоинство своей особы. — Ея свѣтлость не знаетъ гдѣ отвести вамъ помѣщеніе; вчера она не имѣла времени заняться вами; но она во всякомъ случаѣ проситъ васъ побыть здѣсь еще день или два, здѣсь же имѣть столъ, выходить какъ-можно-рѣже, не показываться въ толпѣ, не говорить ни съ кѣмъ и быть увѣрену, что вы скоро будете имѣть квартиру, которою останетесь довольны.

Жинета поклонилась и вышла величественнымъ шагомъ. Сен-Жюльѣнъ свято соблюдалъ волю своей повелительницы. Старый слуга приносилъ ему кушанья самыя изысканныя, и служилъ почтительно, но молча. Онъ передалъ молодому графу нѣкоторыя книги. Это были единственныя предметы, напоминавшіе Жюльѣну о герцогинѣ въ теченіе трехъ дней.

Вечеромъ этого третьяго дня, когда Жюльѣнъ начиналъ уже приходить въ нетерпѣніе и нѣсколько беспокоиться о своей участи, онъ вдругъ, въ то самое время, когда часы были полночь, услышалъ легкіе шаги женщины; къ нему вошла Жинета.

— Пожалуйте, сударь, сказала она ему почтительнымъ тономъ, но

взглядъ ея выражалъ насмѣшку:—ея свѣтлость приказала мнѣ проводить васъ въ ваше новое жилище.

Сен-Жюльенъ слѣдовалъ за ней по всемъ извилинамъ дворца. Послѣ многочисленныхъ переходовъ, она отворила дверь, отъ которой ключъ висѣлъ у нея на шеѣ. Только-что Жюльенъ ступилъ черезъ порогъ, чья-то фигура, воспламененная гнѣвомъ, бросилась къ нему и закричала:

— Куда вы?

— Вамъ что за дѣло? гордо отвѣчала Жинета.

При слабомъ свѣтѣ факела, который несла горничная, Сен-Жюльенъ узналъ шталмейстера или адъютанта Лючьиоли, который кидалъ на него яростные взоры.

— Я начальствую надъ этою частью замка, сказалъ онъ:—и вы не пройдетеъ безъ моего позволенія.

— Вотъ другое позволеніе, которое стѣитъ вашего, отвѣчала Жинета, подавая ему бумагу.

Лючьиоли взглянулъ на бумагу, съ бѣшенствомъ сжалъ ее въ рукахъ, и, произнося страшныя проклятія, швырнулъ ее внизъ по лѣстницѣ. Потомъ онъ исчезъ, бросивъ еще разъ на Жюльена мстительный взглядъ.

Эта быстрая сцена пробудила всѣ сомнѣнія въ молодомъ графѣ.

— Или я неспособенъ ни къ какому размышленію, сказалъ онъ самъ себѣ:—или такъ можетъ поступать одинъ только оставшей любовникъ, который видитъ въ мнѣ своего наследника.

Эта мысль такъ возмущила его, что онъ, весь дрожа, едва дошелъ до низу лѣстницы. Когда Жинета оборотилась, чтобъ передать ему ключъ отъ комнатъ, онъ былъ блѣденъ и колѣни подгибались подъ нимъ.

— Что жь? сказала Жинета, и глаза ея загорѣлись: — развѣ вы боитесь?

— Только не Лючьиоли, сударыня, холодно отвѣчалъ Сен-Жюльенъ.

— Такъ чего же? возразила она съ простодушіемъ. — Ну, вотъ, графъ, вы теперь у себя. Герцогиня дастъ вамъ знать завтра, когда она можетъ васъ принять. Нарочно-назначенный для васъ служитель явится на вашъ звонокъ. Покойной ночи, графъ.

И она бросила на него двусмысленный взглядъ, въ которомъ Сен-Жюльенъ не могъ отличить простодушнаго лукавства ребенка отъ колкой насмѣшки кокетки. Онъ вошелъ въ комнату весь въ смущеніи, но убѣдился, что волненія его были напрасны, и боялся, не разыгралъ ли онъ передъ самимъ-собою роль фата.

Комнаты убраны съ отличнымъ вкусомъ. Занавѣски такъ свежи, что Сен-Жюльенъ, не смотря на свою недоверчивость, не могъ не

подумать, что это помѣщеніе было приготовлено собственно для него. Строгая простота украшеній, умѣренность въ бездѣлакахъ роскоши, выборъ предметовъ искусства,—все это, казалось, имѣло назначеніе, соответственное его вкусу и характеру. Гравюры изображали поэтовъ, которыхъ Жюльѣнъ предпочиталъ другимъ; любимыя его книги наполняли стеклянные шкапы; даже Библія была развернута на томъ самомъ псалмѣ, который онъ часто, во время дороги, приводилъ съ такимъ восторгомъ.

— Невозможно, чтобъ все это было дѣломъ случая, сказалъ онъ самъ-себѣ:—но что я за важное лицо, что она занимается мною, и еще даритъ меня нѣжною дружбой?... Квинтилія! Пусть накажетъ меня свѣтъ ядовитой насмѣшкой, но я почелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ пришлось обмѣнять сокровище этой дружбы на другія удовольствія!.. А между-тѣмъ, какова будетъ моя гордость, если я сдѣлаюсь единственнымъ обладателемъ такой женщины?.. Не глупецъ ли я? Не сошелъ ли я съ ума?..

На другой день поутру, онъ потянулъ за снурокъ звонка не столько изъ нужды въ человѣкѣ, сколько изъ безпокойнаго и неопредѣленнаго любопытства, обращеннаго на всѣ окружавшіе его предметы. Двѣ минуты спустя, вошелъ пажъ герцогини. Это былъ ребенокъ шестнадцати лѣтъ, столь нѣжнаго сложенія и такого малаго роста, что ему нельзя было дать больше двѣнадцати лѣтъ. Тонкія черты его подвижной физиономіи, веселый, смѣлый видъ, живость движеній, бѣлокурые, завитые волосы и театральныи костюмъ—все это олицетворяло собою самый лучшій типъ ~~дѣлаваго~~ пажка и избалованнаго ребенка, который когда-либо нашивалъ опашало королевы.

— Какъ? это ты, Галеотто? спросилъ графъ съ удивленіемъ.

— Да, это я, отвѣчалъ съ гордостью пажъ:— герцогиня назначила меня къ вашимъ услугамъ. Но, послушайте: вы никогда не должны забывать, что я именуюсь Галеотто дели-Стратигополи, что я потомокъ славянскихъ князей, и во всемъ вамъ равенъ. Если бѣдность сдѣлала меня авантюристомъ, она никогда не въ состояніи сдѣлать изъ меня лакея. Знайте, что я здѣсь другъ и товарищъ. Я повинуюсь герцогинѣ и готовъ служить ей преклонивъ колѣни, потому-что она женщина, и женщина прекрасная собою: но—что касается до васъ,—я согласусь только «дѣлать одолженія...» Согласны ли вы?

— Я не нуждаюсь въ слугѣ, отвѣчалъ Сен-Жюльѣнъ:— но ишу друга. И, кажется, на этотъ разъ случай помочь мнѣ; не такъ ли?

Галеотто протянулъ къ нему руку и дружеская улыбка полураскрыла его розовыя уста.

— Ея свѣтлость, началъ онъ:— угадала, что вы скоро сойдѣся.

и будемъ братьями. Она желаетъ, чтобъ мы не имѣли никакого сношенія съ лакеями. Мы такъ молоды, и такъ бѣдны, что можемъ обойтись безъ этихъ комнатныхъ служителей; но намъ нужна взаимная дружба и совѣты. Вотъ для чего наши хорошенькія кельи такъ близки одна къ другой, и изъ вашей въ мою проведенъ колокольчикъ. Но берегитесь: такое же сообщеніе проведено изъ моей кельи въ вашу, и вы это сейчасъ увидите.

Пажъ вышелъ, и чрезъ нѣсколько минутъ колокольчикъ, скрытый въ занавѣскахъ постели Жюльѣна, сильно зазвенѣлъ. Молодой графъ понялъ въ чемъ дѣло, и поспѣшилъ выйти. Прошедъ два или три шага, онъ увидѣлъ Галеотто на порогѣ его комнаты.

— Мой милый господинъ, сказалъ Сен-Жюльѣнъ: — я слышу вашу призывъ и повинуюсь.

— Хорошо, отвѣчалъ пажъ:—теперь возвратимся къ вамъ, я помогу вамъ одѣться. Это весьма-важная вещь, прибавилъ онъ, видя, что Жюльѣнъ нѣсколько церемонится: — я исполняю долгъ свой; предоставьте мнѣ это.

Галеотто вынулъ изъ кармана золотой ключъ и отперъ ящики огромнаго сундука изъ кедроваго дерева, служившаго коммодомъ въ комнатѣ Сен-Жюльѣна. Онъ вытащилъ оттуда платя такой странной формы, что молодой Французъ, увидѣвъ ихъ, вскрикнулъ и отступилъ съ отвращеніемъ.

— Какъ вы просты, мой любезный другъ! сказалъ ему пажъ:— вы боитесь быть смѣшнымъ, натянувъ на себя театральныя костюмы? Въ такомъ случаѣ, вамъ не слѣдовало бы подчиняться власти женщины. Вы вѣрно забываете, что послѣ обезьяны и попугая, мы играемъ здѣсь первую ролю? Со мной было то же въ первый разъ, когда съ меня сняли мою истертую рясу (надо вамъ знать, что я убѣжалъ изъ семинаріи) и хотѣли надѣть это шолковое полукафтаниѣ, эти вышитыя чулки и эти перья, которые даютъ мнѣ видъ какаду. Я плакалъ, кричалъ (мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ); мнѣ хотѣлось разорвать манжеты и забросить къ чорту эту шапочку; но Жинета, дѣвушка умная, дала мнѣ добрый совѣтъ, и повѣрьте, что съ-тѣхъ-поръ я чувствую себя отлично-хорошо.

— Посмотрите, прибавилъ лукавый пажъ, прохаживаясь передъ зеркаломъ, въ которомъ онъ отражался съ головы до ногъ: — эта маленькая круглая, стройная ножка—не была ли бѣ она потеряна подъ солдатскими панталонами или въ венгерскомъ сапогѣ? Думаете ли вы, что мой станъ былъ бы такъ гибокъ, движенія такъ граціозны подъ шнурками доломана или подъ складками вашего грубаго фрака? Что касается до моихъ кружевъ, они немного-чѣмъ бытъ моихъ рукъ—этого довольно. Можетъ-быть, вы находите,

что волосы у меня несколько-женоподобны: но ихъ чешеть и завиваетъ Живета. И такъ, мой милый, если хотите знать, что намъ къ лицу, положитесь на вкусъ женщины. Тамъ, гдѣ онѣ царствуютъ, мы не слишкомъ-несчастливы.

— Галеотто, сказалъ Сен-Жюльенъ, уступая, съ разсыяннымъ видомъ, его настояніямъ:—признаюсь вамъ, если все правда, что вы говорите,—этотъ дворъ не совсѣмъ въ моемъ вкусъ. Вы веселы, остроумны, и подобная жизнь вамъ нравится. Впрочемъ, вы еще не достигли до того возраста, когда потребность роли нѣсколько-серьезнѣе чувствуется ясно. Вы приобрѣли уже гордость мужчины, но въ васъ еще осталось счастливое легкомысліе ребенка. А я—я ужъ старъ, по тому-что у меня нравъ меланхолическій, характеръ угрюмый. Жизнь вѣчныхъ праздниковъ мнѣ не-по-нутру; я не умю нравиться женщинамъ, и предпочитаю образъ жизни, приличный возмужалому человеку.

— Прелестная герцогиня! вскричалъ Галеотто, застегивая на Жюльенъ черный бархатный камзолъ.

— Я, подобно вамъ, не хочу стоять съ ружьемъ на какомъ-нибудь бастионѣ или курить табакъ на гауптвахтѣ, продолжалъ Жюльенъ:—я не сотворенъ для этой суровой жизни.

— Что за проницательный взглядъ у ея свѣтлости! подхватилъ пажъ, подвязывая ему выше колѣнки серебряную подвязку.

— Но я бы хотѣлъ, продолжалъ Сен-Жюльенъ: — исполнить здѣсь какое-нибудь полезное дѣло, и имѣть право посвящать наукамъ свободные часы свои.

— Да здравствуетъ ея свѣтлость, герцогиня Квинтилія! вскричалъ пажъ.

— Чему вы такъ радуетесь? спросилъ Жюльенъ.— Вы меня не слушаете?

— Совершенно напротивъ, отвѣчалъ ребенокъ: — и если я въ продолженіе вашего разсказа дѣлалъ свои восклицанія, такъ это потому, что убѣдился, какъ хорошо уже герцогиня знаетъ васъ. Все, что вы мнѣ говорили теперь, она уже сказала мнѣ вчера. Можете изъ этого заключить, что если она умѣла такъ хорошо понять васъ, то, конечно, не станетъ отвлекать васъ отъ вашего призванія. Все, чего вы желаете, она для васъ приготовила. Она, по глазамъ, проникла въ глубину вашей мысли; по голосу отгадала вашу душу. Подождите нѣсколько дней, и если вы тогда будете недовольны своею участью, вамъ останется повѣситься, потому-что тогда сдѣлается ясно, что у васъ сплнѣть. А въ ожиданіи, взгляните на себя и скажите, не говоритъ ли выборъ этого наряда, что у нашей повелительницы много изящнаго вкуса и особенный женскій тактъ?

— Вижу, что вы большой насмѣшникъ, отвѣчалъ Жюльёнъ, глядя въ зеркало и не видя себя: — это не въ моемъ вкусъ.

— Развѣ вы щекотливы?

— Немножко; признаюсь, къ стыду своему.

— Напрасно. Но, клянусь честію, я не смѣюсь. Пожалуйста, взгляните на себя. Я уйду, чтобъ вамъ не мѣшать.

Безпечный Жюльёнъ остался передъ зеркаломъ, вовсе не думая слѣдовать совѣту пажа. Мало-по-малу, однакожь, онъ началъ осматривать себя, сначала съ отвращеніемъ, потомъ съ удивленіемъ, наконецъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Черный бархатный камзолъ, широкіе бѣлые веротнички, длинные гладкіе волосы, падающіе на виски, — все это превосходно шло къ блѣдному лицу, робкой походкѣ и кроткому, нѣсколько недовѣрчивому виду молодого философа. Сен-Жюльёнъ никогда не замѣчалъ своей красоты, да никто изъ деревенскихъ его товарищей и не подозревалъ ея. Напротивъ, на его извѣстное сложеніе привыкли смотрѣть какъ на природный недостатокъ, какъ на организацію довольно-жалкую. Вотъ почему, видя себя похожимъ на одинъ изъ тѣхъ типовъ, которыми онъ восхищался въ копіяхъ древнихъ картинъ, Сен-Жюльёнъ не могъ не удивиться, что въ первый разъ въ жизни онъ не находитъ своей худобы смѣшною, свою неловкость непріятною. Простодушное удовольствіе разлилось у него по лицу и такъ его поглотило, что онъ, совершенно забывшись, простоялъ предъ самимъ-собою цѣлые четверть часа, принимая, въ оноемъ неподвижномъ созерцаніи, зеркало за прекрасную картину, повѣшенную передъ нимъ.

Два веселыя физиономіи, показавшіяся на второмъ планѣ, вызвали его изъ заблужденія. Онъ какъ-будто пробудился отъ сна, и увидѣлъ позади себя пажа и Жинету, которые аплодировали ему, хохоча отъ всей души. Нѣсколько смѣшавшись отъ такого неожиданнаго посѣщенія, молодой графъ прислонился къ стѣнѣ, и сложивъ руки, ожидалъ пока пройдетъ эта веселость: но его нечаянный и немного-презрительный взглядъ ни мало не остановилъ ея порыва. Пажъ, схвативъ себя за бока, вскочилъ на постель, а Жинета упала на полъ съ легкостью и граціей разъяренной кошки.

Вдругъ она вскочила, и, сложивъ на груди руки, прислонилась къ стѣнѣ, какъ-разъ напротивъ Жюльёна, принявъ такое же точно положеніе, какое онъ; потомъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ начала разсматривать его съ головы до ногъ, и обратясь къ пажу, сказала важнымъ тономъ:

— Однакожь, ноги нѣсколько-тонки и колѣнки немного сходаются. Впрочемъ — это не безорбазно... совсѣмъ нѣтъ.

Сен-Жюльенъ, чрезвычайно-оскорбленный такимъ обхожденіемъ, покраснѣлъ отъ стыда и гнѣва, какъ вдругъ ударило одиннадцать часовъ. Пажъ и горничная, вздрогнувъ какъ гончія собаки при звукъ рожка, схватили графа подъ руки, крича: скорѣй! скорѣй! на мѣста! и прежде нежели успѣлъ опомниться, онъ былъ уже въ комнатѣ герцогини.

V.

Квинтилія лежала на богатомъ коврѣ и курила латамійскіи табакъ изъ длиннаго чубука, усыпаннаго драгоценными камешками. На этотъ разъ, въ греческій костюмъ, который она, не-видному, предпочитала другимъ, ослѣпала своею великолѣпною пышностію. Балыя, усыпанныя цвѣтными индійскія шелковыя ткани окаймлялись украшеніями изъ дорогихъ камней. Брильянты горѣли на плечахъ и рукахъ; феска изъ голубаго бархата, слегка наклоненная надъ распущенными волосами, была, въ самыхъ граціозныхъ узорахъ, обшита жемчугомъ. Богатый книжалъ блестялъ изъ-за нашешмироваго пояса. У ногъ ея лежала молодая ручная серна, сдѣлавъ нижнюю мордочку свою на тонкую лапу. Квинтилія, окруживъ себя благовонными облаками латакіи, опершись на руку и полузакрывъ глаза, казалось, погружена была въ то сладострастносторженное состояніе, которому жители востока умѣютъ предаваться вполне и безотчетно. Между-тѣмъ, Жинета занята была приготовленіемъ кофе; пажъ набивалъ трубку, которую герцогиня подавала ему небрежно и безпечно, дѣлая чуть-примѣтный дружескій знакъ головой; а Жюльенъ оставался посреди комнаты, погруженный въ удивленіе, не зная что ему изъ себя дѣлать.

Наконецъ, Квинтилія, разогнавъ опаловое облако, окружавшее ее, замѣтила своего домашняго секретаря, который робко ожидалъ ея приказаній.

— А! вотъ и ты, Джульано! пронесла она, протягивая къ нему прекрасную ручку. — Доволенъ ли ты своимъ новымъ помѣщеніемъ? сумѣла ли я убрать какъ слѣдуетъ твой маленькій дворецъ? Тебя, однакожь, ждетъ здѣсь не мало дѣла; но объ этомъ завтра. Сегодня я представляю тебя моимъ придвернымъ; старайся лучше разыграть свою новую роль. Посмотришь: сперва твой костюмъ. Пройдись немножко. Какъ ты его находишь, Жинета?

— Я вполне одобряю выборъ вашей свѣтлости.

— А ты, Галеотто?

— Если бы мадамъ Жинета ничего не сказала, мнѣ еще было

бы что отвѣчать вашей свѣтлости; но теперъ я не найду ничего вѣрнѣе и остроумнѣе ея отвѣта.

— Жинета, сказала герцогиня: — запрещаю тебѣ мучить Галеотто. Притомъ, прибавила она, замѣтивъ нѣсколько-разстроенный и неловкій видъ Сен-Жюльена: — эти шутки не нравятся графу, и для него вы должны будете нѣсколько обуздывать свой шаловливый нравъ.

— Позвольте, герцогиня, отвѣчалъ Сен-Жюльенъ, которому не хотѣлось прослыть педантомъ: — позвольте ихъ веселости выказываться на мой счетъ. Я такъ грубъ и неловокъ; можетъ-быть, ихъ сарказмы хоть немного образуютъ меня.

— Это предоставьте нашей дружбѣ, отвѣчала Квинтилія. — Но, милое дитя мое, ты еще не рассказывалъ мнѣ исторіи своей жизни, и я не знаю по какой прихоти судьбы благородный графъ де-Сен-Жюльенъ рѣшился послѣдовать за мною въ Иллирію. Готова биться объ закладъ, что тутъ кроются любовныя приключенія, какая-нибудь страсть; ей препятствуютъ непреклонные родители... словомъ, въ похожденияхъ своихъ, ты вѣрно не миновалъ ужъ прыжка изъ окошка? И такъ, *Рагаццо*, покайся мнѣ въ своихъ подвигахъ. Скажи, какой игорный долгъ, какой шпажный ударъ, какое похищеніе и обольщеніе заставили тебя покинуть родину?

Говоря такимъ-образомъ, Квинтилія положила на спину спящей серны ножку, обутую въ шелковый, съ серебряными полосками, чулокъ, и, принимая чубукъ изъ рукъ пажа, медленно поцаловала его въ лобъ.

Это обращеніе, ничуть-несмутившее Галеотто, который, по-видимому, вполне сдружился съ наложенной на него ролью ребенка, — бросило всю кровь въ лицо робкаго Жюльена.

— Намъ остался еще часъ до открытія церемоніи, произнесла герцогиня, будто не замѣчая смущенія молодого графа: — не скажешь ли ты намъ своихъ приключеній?

— Лучше бы ваша свѣтлость, отвѣтилъ Жюльенъ: — приказали прочесть вамъ сказку изъ «Тысячи Одной Ночи», или какой-нибудь романтической эпизодъ Сервантеса; такое чтеніе было бы для васъ занимательнѣе безцвѣтныхъ страданій человѣка столько обыкновеннаго, какъ я, особливо, если они предстанутъ предъ вами въ моемъ неискусномъ, нестройномъ разсказѣ.

— Мнѣ кажется, я понимаю причину твоего отказа, возразила герцогиня: — Ты боишься, что тебя будутъ слушать равнодушно, и ошибаешься. Я прошу объ этомъ не изъ пустаго любопытства, но желая прочесть на днѣ твоего сердца, и чтобъ научить мою дружбу средствамъ, какъ сдѣлать тебя счастливымъ. Если ты сомнѣваешься въ участіи, съ которымъ мы будемъ слушать твою

слова, — подожди, пока родится въ тебѣ довѣріе. Наше дѣло будетъ счумѣть заслужить его.

— Я былъ бы бессмысленнымъ и неблагодарнымъ человѣкомъ, отвѣчалъ Жюльенъ: — еслибъ сомнѣвался въ благоволеніи вашей свѣтлости, послѣ всѣхъ милостей, которыми вы меня осыпали. Я вѣрю также въ дружеское расположеніе моего товарища и въ молчаливость синьоры Жинны. Притомъ, въ моей біографіи нѣтъ никакихъ завлекательныхъ тайнъ, а домашнія несчастія, которыми я страдалъ, не могутъ ни возрасти, ни облегчиться отъ разглашенія о нихъ.

Галеотто взялъ Жюльена за руку и посадилъ на коврѣ, между собой и серной. Молодой графъ сталъ говорить такимъ-образомъ:

— Я родился въ Нормандіи, отъ благородныхъ родителей, состояніе которыхъ разстроилось въ революцію прошлаго столѣтія. Мать моя, уѣзжая за границу, почла себя счастливою, что можетъ ввѣрить воспитаніе мое священнику, облагодѣтельствованному ею въ счастливое время ея жизни, и который теперь, изъ признательности, взялъ меня къ себѣ. Мнѣ было шесть лѣтъ, когда меня перевезли въ домъ деревенскаго священника. Онъ былъ еще молодъ; но это былъ человѣкъ строгій и религіозно-пламенный, какъ христіане первыхъ вѣковъ; умный и образованный, онъ хотѣлъ расширить кругъ моихъ понятій, сколько дозволяли тѣ предѣлы святой вѣры. Обо всемъ человѣческомъ священникъ судилъ строго, но спокойно. Правила его были непреклонны, и совершенная непорочность совѣсти давала ему право быть въискательнымъ и неумолимымъ противъ людей порочныхъ. Онъ мало былъ доступенъ энтузіазму, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надо было заклеить грозной рѣчью порокъ, или раскрыть обманчивую личину живыхъ святошъ.

Не смотря на такую благородную искренность и на отвращеніе, какое онъ цталъ ко всякому духовному макиавелизму, этого почтеннаго человѣка не понимали и не любили. Его облачали въ недостаткъ терпимости и смѣщивали съ фанатиками, которые, подъ одеждою левитовъ, скрываютъ ненависть и жолчность озлобленнаго сердца. Но я могу засвидѣтельствовать, что о немъ судили несправедливо. Это былъ самый цѣломудренный, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не угрюмый священникъ. Твердость, любовь къ порядку и справедливости, составлявшія основныя начала его характера, придавали всѣмъ его поступкамъ и словамъ какую-то патріархальную, свѣтлую тѣнь. Въ домѣ у него наблюдался строгій порядокъ; сестра его, достойная и опытная хозяйка, раздавала милостыню съ благоразумнымъ выборомъ, и онъ такъ усердно надзиралъ за своей паствой, что во всемъ приходѣ ни одинъ

преступникъ, ни одинъ бродяга, не возмущалъ спокойствія честныхъ и мирныхъ людей.

Мелкіе, ограниченныя филантропы обвиняли его, говоря, что онъ болѣе походилъ на непреклоннаго судію, чѣмъ на милосердаго проповѣдника. Эти люди не хотѣли понимать, что священникъ воевалъ только съ порокомъ, и что въ людяхъ онъ ненавидѣлъ не ихъ самихъ, а ихъ грѣховныя пятна.

Что до меня, я любилъ въ этомъ человѣкѣ всѣ стороны его души, но особенно его строгую добродѣтель, разгонявшую всѣ сомнѣнія моей совѣсти и уничтожавшую передо мной всѣ препятствія къ добру. Подъ руководствомъ его, я чувствовалъ въ себѣ силу быть, подобно ему, добродѣтельнымъ. Его совѣты, ободренія и похвалы наполняли меня небесною радостію, и я не опасался искать въ благородной гордости той силы, безъ которой человѣкъ не можетъ бороться съ вредными обольщеніями. Онъ одобрялъ во мнѣ это чувство самоуваженія, и утверждалъ, что оно составляетъ лучшую опору противъ испорченности невѣрующаго вѣка.

При этихъ словахъ, Жинета уронила опахало, и нѣжныя взоры ея, полусонныя, полузадумчивыя, смугли разскащика. Галеотто слегка улыбнулся и сказалъ ему:

— Не теряйте смѣлости, краснорѣчивый Фенелонъ! Эта милая вѣтренница умѣетъ только вырѣзывать напильйотки и завивать маленькихъ собачекъ. Герцогиня велѣла замолчать пажу и просила Сен-Жюльена продолжать.

— Когда я вступилъ въ лѣта юношества, невѣдомое волненіе начало возмущать мои сновидѣнія и молитвы. Я сообщилъ это моему воспитателю — не какъ духовнику, но какъ другу. Онъ отвѣчалъ мнѣ откровенно, и раскрылъ передо мной всѣ тайны жизни. «Если бъ вы были назначены къ безбрачію духовной жизни» сказалъ онъ: «я старался бы продлить ваше невѣдѣніе, и страхомъ кары потушить пылкость молодаго воображенія; но зерно страстей обнаруживается въ васъ съ такою силою, что я не хочу удалить васъ отъ мірскаго пути, который вамъ предназначенъ. Стоить только направить страсти, и онѣ будутъ богаты благородными помыслами и обильны прекрасными дѣлами.»

— Священникъ старался пояснить мнѣ два рода любви, изъ которыхъ одинъ пятнаетъ, а другой очищаетъ сердце: приманки чувственнаго удовольствія, ведущія къ униженію духа, и истинную любовь сердца, которая, сближая созданія чистыя, добродѣтельныя, ведетъ къ благородному соединенію мужчины и женщины. Онъ говорилъ о подругѣ Адама, этомъ небесномъ лучѣ, посланномъ во снѣ первому человѣку, какъ лучшей даръ, сбереженный Богомъ для увѣщанія всего міротворенія. Онъ говорилъ также и объ

этомъ выродившемся существѣ, которое, въ нашемъ испорченномъ обществѣ, забывъ свое небесное назначеніе, упоеть мужчину отравами сладострастія, горькаго и нетлѣннаго плода древа познанія. Эти изображенія женщины чистой и порочной, глубоко вѣзались въ мое дѣтское сердце, и оставили въ немъ два неизгладимые образа: одинъ божественный, убѣдительный славою и свѣтомъ, какъ образъ Мадонны; другой тяжелый и страшный, какъ болѣзненный кошмаръ. Теперь я вижу ясно, какъ ошибочна была эта двойная картина, начертанная неопытнымъ сердцемъ, но и до сихъ-поръ еще не совсѣмъ могу забыть глубокаго впечатлѣнія моей молодости. Безобразіе тѣла и души мнѣ кажутся неразлучными между собою, и когда случается встрѣтить, что прекрасная наружность прикрываетъ испорченное сердце, я смотрю на это явленіе какъ на двойной обманъ, и тогда меня обнимаетъ ужасъ, какъ будто-бы я въ этомъ вѣчномъ неизмѣнномъ порядкѣ вселенной открылъ страшный переворотъ.

При восстановленіи Бурбоновъ, родители мои воротились изъ-за границы; я со слугами оставилъ домъ священника и побрелъ въ полуразвалившійся замокъ своихъ предковъ. Отецъ пожертвовалъ послѣдними средствами, чтобъ приобрести этотъ древній, фамильный замокъ, но онъ могъ купить только незначительную часть принадлежавшихъ къ нему деревень и полей; и такъ-какъ поддержка дома и обширнаго парка требовала значительныхъ издержекъ, то мы должны были вести самую уединенную и скучную жизнь. Сначала, я надѣялся почерпнуть невѣдомое счастье въ привязанности матери и съ горячею признательностію вспоминалъ тѣ ласки и заботы, которыми она охраняла мой дѣтскій возрастъ. Она была еще хороша, не смотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ, и съ природнымъ, прямымъ умомъ соединяла достаточныя свѣдѣнія и здравое сужденіе; но, по несчастному предопредѣленію, мы были разныхъ мнѣій о главныхъ вопросахъ жизни. Правда, мать моя, не чуждая веселости и даже любившая насмѣшку, мало обращала вниманія на наши пренія, и, казалось, не замѣчала того тяжкаго впечатлѣнія, какое они на меня производили; но я скорбѣлъ всею душею, видя въ женщинѣ, которую желалъ бы окружить чувствомъ святаго благоговѣнія, такую легкость и непрочность убѣжденій, такъ мало отвѣчавшія моимъ ожиданіямъ. Мало-по-малу, вѣтренность, съ какою она говорила о самыхъ драгоценныхъ моихъ вѣрованіяхъ, и насмѣшливое сожалѣніе, обнаруживаемое къ моему характеру, придали мнѣ больше смѣлости, и я нѣсколько разъ пытался внушить ей свои убѣжденія; но тогда мать моя повелительно приказывала мнѣ молчать и горячо упрекала въ педантизмѣ и нетерпимости. Отецъ мой никогда не вмѣ-

чивался въ эти споры. Почти все время дня онъ дремалъ въ своихъ креслахъ, и только партія въ шикетъ, на которую матушка, сказать правду, соглашалась всегда съ примѣрнымъ великодушiемъ, интересовала его вечеромъ. Онъ боялся лишь нарушенiя своихъ привычекъ; впрочемъ былъ равно доволенъ всѣми лицами и всѣми характерами. Одинъ небогатый сосѣдъ нашъ, почти противъ моего желанiя, оказалъ мнѣ горестную услугу. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ прежнiе годы матушка часто обманывала добродушнаго мужа, и совѣтовалъ быть осторожнѣе, не пробуждать въ ней непрiятныхъ воспоминанiй, или упрековъ совѣсти, громкимъ и безпощаднымъ высказыванiемъ моихъ строгихъ понятiй. Я поблагодарялъ его за извѣщенiе и послѣдовалъ его совѣту. Я понялъ, что не должно болѣе спорить, если не хочу присвоить себѣ право порицать поступки матери; но, возвращаясь въ предѣлы наружной почтительности, я чувствовалъ, какъ изъ груди моей исчезаетъ та святая привязанность, которой я жаждалъ и которую надѣялся найдти на груди матери.

Я погрузился въ самого-себя и сдѣлался задумчивымъ; мнѣ стало грустно, тяжело, и скука овладѣла душой моей. Въ этомъ духовномъ уединенiи я привыкалъ молчать, и это еще болѣе отдаляло отъ меня сердца родителей. Три или четыре раза, они дали мнѣ это больно почувствовать, и при послѣднемъ, я рѣшился положить конецъ этимъ бесполезнымъ страданiямъ. Я ушелъ ночью и оставилъ имъ письмо, въ которомъ просилъ извинить мой отъѣздъ, и увѣрялъ ихъ, что какая бы судьба меня ни постигла, они никогда не будутъ краснѣть за меня. И такъ, я пустился въ путь на-удачу, безъ плана, почти безъ всякихъ средствъ, ибо стѣсненное положенiе родителей не позволяло требовать отъ нихъ ни малѣйшей жертвы. Я надѣялся на провидѣнiе, а нѣсколько и на собственную предприимчивость. — Остальное извѣстно вашей свѣтлости, и благодаря вамъ, я не долго переносилъ трудность и лишенiя дороги...

— Благодарю тебя, мой милый Жюльѣнъ, сказала герцогиня: — я вижу, что въ тебѣ есть прямота души и благородное сердце. Но позволь мнѣ говорить съ тобой, какъ другу и какъ матери, которую ты оставилъ. Я боюсь, чтобъ ты противъ собственнаго желанiя не заразился тѣмъ духомъ упрямства и гордости, въ которомъ порицаютъ французское духовенство. Ты испыталъ влiянiе священниковъ съ его хорошей стороны, но здѣсь же кроется и опасность. Твой деревенскiй священникъ, безъ сомнѣнiя, человекъ искреннiй и добродѣтельный; но, можетъ-быть, тѣ, которые обвиняли его въ недостаткѣ христіанской любви и милосердiя, не совсѣмъ не правы. Я не люблю, чтобъ бродягъ и преступниковъ

выговяли изъ какой бы то ни было страны: это значить передавать чуму своему ближнему. Гораздо-лучше, бродягамъ дать осядлость и занятіе, и стараться исправить преступниковъ или сдѣлать ихъ безвредными. Мать твоя кажется мнѣ доброй женщиной, которую слѣдовало бы тебѣ любить съ ея хорошими сторонами и недостатками; и я почитала бы тебя еще больше, если бъ ты закрылъ глаза или предалъ совершенному забвенію слабости ея молодыхъ лѣтъ. Берегись, дитя мое; этотъ своенравный характеръ, эта холодная привычка безмолвно осуждать, и потомъ безъ возврата и не прощая убѣгать отъ всего, что не походитъ на насъ, можетъ сдѣлать насъ виновными, даже опасными для другихъ и для самихъ-себя. Ты видишь, что ты обрекъ уже самого-себя страданію, и отравилъ счастье, котораго могъ ожидать отъ семейнаго круга; безъ-сомнѣнія, мать твоя, какъ она ни легкомысленна, оплакивала уже твой отъѣздъ и его причины. По-крайней-мѣрѣ, пишешь ли ты ей иногда?

— Писалъ, отвѣтилъ Сен-Жюльенъ.

— Продолжай писать и впередъ, возразила Квинтилія:—и пусть тонъ твоихъ писемъ хоть отчасти заставитъ ее забыть все оскорбительное и жестокое, что таится въ твоёмъ отсутствіи. Впрочемъ, прибавила герцогиня вставая и подавая ему руку:— вы, графъ, сдѣлали хорошо, что рассказали намъ все это; теперь намъ понятнѣе, какъ мы должны уважать вашу задумчивость. Дѣти мои, сказала она пажу и Жинетъ:—вы умны и поймете, что сердце Сан-Джюліано не одного возраста съ вашимъ. Съ нимъ не надо обходиться, какъ съ товарищемъ дѣтства. Ты же, милый другъ мой, сказала она маршалу графу:— ты долженъ быть уступчивъ и снисходителенъ въ ихъ молодости и ихъ безпечной веселостью разсѣивать себя. Мы употребимъ всѣ старанія, чтобъ сдѣлать твое будущее счастливѣе прошедшаго, и если намъ не удастся, значить, дружба не имѣетъ власти надъ твоей душой, и что сердце твое не знаетъ забвенія.

Такъ-какъ наступилъ часъ, когда герцогиня, въ первый разъ по приѣздѣ, должна была принять всѣхъ своихъ придворныхъ, то она накинула на себя, сверхъ шолковаго платья, соболью шубу, крытую бархатомъ, съ золотыми узорами. Пажъ взялъ въ руки опахало изъ павлиныхъ перьевъ. Жюльену вручили большую книгу, съ золотыми застежками, для внесенія просьбъ, подаваемыхъ герцогинѣ. Жинета, пользовавшаяся особыми преимуществами, присоединилась къ тремъ важнымъ австрійскимъ дамамъ, которыя, по наслѣдственному праву, имѣли почетную должностъ являться предъ дворомъ при особѣ ея свѣтлости. Имъ очень не нравилось, что Венеціанка, безъ рода и племени, и, какъ онѣ утверждали, не совсѣмъ

строгихъ нравовъ, шла рядомъ съ ними и безъ церемоніи вырывала у нихъ шлейфъ герцогинина платья. Но герцогиня не любила противорѣчій, и скорѣе прогнала бы почетныхъ матронъ, чѣмъ согласилась бы огорчить свою фаворитку. Мужчины же, находившіеся при дворѣ, отнюдь не возставали противъ появленія въ приемныхъ комнатахъ герцогини такой миловидной особы, какъ Жюльета.

Герцогиня, принявъ привѣтствія придворныхъ, представила имъ своего домашняго секретаря, графа де-Сен-Жюльѣна. По одному голосу, которымъ она говорила, всѣ поняли, что это не былъ преемникъ аббата Спидіона, и что съ графомъ надо обходиться иначе. Со всѣхъ сторонъ Сен-Жюльѣна осыпали комплиментами и увѣреніями въ преданности, такъ-что онъ самъ теперь только понималъ, какую цѣну придавали его должности.

— Боже мой! подумалъ онъ: — да еслибъ я былъ мужъ герцогини, мнѣ нельзя было бы ожидать ничего болѣе. Однако, всѣмъ людямъ должно быть очень-хорошо извѣстно, въ какомъ костюмѣ пріѣхалъ я сюда.

Видя, какъ гибки и низкопоклонны люди передъ всякимъ, кто, по-видимому, пользуется милостію повелителя, Жюльѣнъ сталъ удивляться своей прежней робости. — Гдѣ же это величіе, о которомъ я мечталъ? подумалъ онъ: — гдѣ эти возвышенные люди, которые благородными дѣлами поддерживаютъ знатность рода и сана, и у которыхъ сердце гордое и смѣлое, какъ девизъ ихъ древняго герба? Не-уже-ли истинное благородство такъ же рѣдко, какъ и истинный талантъ?

Въ тотъ же самый день, праздновали свадьбу адъютанта Лучъиоли и тщицы мистриссъ Уайтъ. Для Жюльѣна было очень-удивительно, что этотъ молодой и красивый мужчина рѣшился жениться на старой дѣвѣ низкаго происхожденія и самаго жалкаго ума. Но удивленія Жюльѣна никто не раздѣлялъ. Герцогиня давала за невѣстой значительное приданое, слѣдовательно, Лучъиоли могъ вполне удовлетворить своему мелкому тщеславію и уничтожить враговъ дерзкимъ великолѣпіемъ времени. Онъ совершенно примирился съ своимъ положеніемъ, и въ лицѣ Квинтилія, невыразимъ ни малѣйшей ироніи, напозолъ болѣе снисхожденія къ своему самолюбію, чѣмъ даже смѣлъ надѣяться.

Въ-самомъ-дѣлѣ, герцогиня присутствовала при бракосочетаніи съ неизмѣннымъ наружнымъ спокойствіемъ. Глядя на строгое и материнское выраженіе ея лица, невозможно было подозрѣвать, что она внутренно смѣется надъ этой жалкой и безнравственной жертвой собственнаго эгоизма. Ни въ одномъ углу часовни, ни на какомъ лицѣ не блеснула ни малѣйшая улыбка. Уста Квинтилія были

неподвижны и снаты, какъ у математика, мысленно развязывающаго важную задачу. Но Жюльенъ не повѣрилъ этой личинѣ. Вотъ почему, когда, около полуночи, онъ опять очутился въ комнатѣ герцогини, въ присутствіи ея, Жинеты и Галеотто, — разыгранная передъ ними сцена, служившая развязкой и объясненіемъ брака Лучиоли, не удивила его: онъ ожидалъ ее. Жинета, приложивъ платокъ ко рту, казалось, съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидала знака своего освобожденія, и Квинтилія, падала въ изнеможеніи на коверъ, дала ей примѣръ безконечнаго и почти конвульсивнаго смѣха. Пажъ тоже залился ребяческимъ хохотомъ. Когда смѣхъ нѣсколько утихъ, блглый огонь злыхъ сарказмовъ и острыхъ замѣчаній увѣчалъ великолѣпнѣйшій фарсъ, въ которомъ роль буфера, или жертвы, разыгралъ отвергнутый вздыхатель или увлеченный любовникъ.

— Мнѣ это не нравится, сказалъ Жюльенъ пажу, воротившись въ свою комнату. — Или Лучиоли добрый простакъ, надъ которымъ безжалостно надѣваются, или онъ подлецъ, утѣшавшійся деньгами, и въ такомъ случаѣ лучше бы прогнать его.

— Кажется, отвѣчалъ пажъ довольно-сухо и серьезно:— вы поощаете поступки нашей благодѣтельницы; я вамъ скажу тоже, г. де-Сен-Жюльенъ: мнѣ это не нравится.

— Поставьте себя на мое мѣсто, возразилъ Сен-Жюльенъ, нѣсколько смутившись: — не подумали ли бы вы, что герцогиня или очень-строга къ тѣмъ, кто смѣетъ подымать на нее взоры, или очень-непостоянна къ тѣмъ, кого сама на мигъ возвысила до себя?

Въ отвѣтъ пажъ громко захохоталъ. Потомъ, принявъ опять серьезный видъ, онъ оставилъ Сен-Жюльена, сказавъ ему: — Другъ мой, ни усердіе, ни осторожность не доускаютъ духа пылливости.

VI.

На другой день, герцогиня позвала Жюльена и заперлась съ нимъ въ кабинетъ. Она была занята множествомъ проектовъ: хотѣла сдѣлать значительное сбереженіе въ своихъ издержкахъ, устроить новую больницу, сократить доходы духовенства, написать разсужденіе о политической экономіи, и пр. и проч. Сен-Жюльенъ устранился при мысли, сколько она задумала, и въ первую минуту ему показалось, что для исполненія всего этого мало человеческой жизни. Но герцогиня такъ понятно изложила ему главныя основанія и сопровождала ихъ такими точными и подробными объясненіями, что онъ вскорѣ ясно сталъ видѣть то,

въ чемъ прежде предполагалъ совершенный хаосъ, изобрѣтенный женской головою. Отсылая его, она дала ему довольно-важную работу, которую онъ долженъ былъ представить ей на другой день, и которой она осталась довольна, не смотря на то, что сдѣлала на поляхъ множество замѣтокъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ было употреблено на то, чтобъ приготовить и написать всѣ эти проекты. Въ-продолженіе этого времени, герцогиня не выходила изъ своего дворца; праздники и придворные выходы были прекращены; улицы сдѣлались безмолвны, и фасады дворца не освѣщались блескомъ огней. Квинтилія, надѣвъ длинное платье изъ чернаго бархата и спрятавъ свои прекрасныя волосы подъ вуаль, казалась, позабыла наряды, шумъ и блескъ, которые, обыкновенно, столько любила. Погруженная въ серьезныя изученія и занятая полезными размышленіями, она не позволяла себѣ другаго отдыха, кромя того, что вечеромъ, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ, т. е. пажа, домашняго секретаря и Жинеты, выходила на террасу и курила тамъ сигары. Иногда она, въ гондолѣ, прогуливалась съ ними по небольшой живописной рѣчкѣ, называемой Челлина, которая протекала по герцогству; но рѣзная веселость была изгнана изъ ихъ разговоровъ. Безпрерывныя новые проекты и недоконченность старыхъ поставляли ее въ самыя частыя и непосредственныя сношенія съ Сен-Жюльеномъ. Между нами родилась та близость отношеній, которая имѣла въ себѣ что-то тихое и братское, которая была лучше дружбы, и однакожь не походила на любовь. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думалъ Жюльенъ; но вся его душа и всѣ способности были заняты одною мыслию. Если бы время, въ которое герцогиня отпускала его отъ себя, не было посвящено неотложнымъ работамъ, порученнымъ ею же — оно для Жюльена показалось бы невыносимымъ. Чуть только просыпался, онъ тотчасъ спѣшилъ къ ней и не оставлялъ ее до самой ночи. Она обѣдала съ нимъ вѣсело, но эти обѣды были короткіе, почти наполеоновскіе. Случалось ли ей отъ своихъ умственныхъ, серьезныхъ занятій отдохнуть на какой-нибудь мысли болѣе-приятной, она всегда дѣлилась ею съ своимъ молодымъ секретаремъ. Она разговаривала съ нимъ объ искусствахъ, которыя такъ любила и которымъ онъ горячо сочувствовалъ. Она съ удовольствіемъ слушала нѣсколько легкихъ, игривыхъ стиховъ, которыми онъ вдохновлялся въ ея присутствіи, или говорила ему о благотѣльномъ дѣйствиіи трудолюбивой и умѣренной жизни, о наслажденіяхъ чистой и святой дружбы. Сен-Жюльенъ слушалъ ее съ уношеніемъ, и, смотря на ея свѣтлое лицо, на ея добрый, материнскій взоръ, забывалъ, что къ такой женщины можетъ родиться страсть бурная и роковая; онъ увѣрялъ себя, что достигъ

до прадѣла самыхъ лучшихъ желаній, какія могутъ только родиться въ благородной душѣ, и думалъ, что съ нимъ неразлучно и навсегда ужъ будетъ это чистое, невозмущаемое счастье. Правда, когда онъ, послѣ этихъ сладкихъ бесѣдъ, вдругъ оставался одинъ, голова его воспалялась, сердце билось шибко, всѣ внутреннія ощущенія обращались въ какое-то неопредѣленное страданіе; но за этими волненіями вскорѣ послѣдовало успокоительное, кроткое чувство. Онъ благодарилъ Бога за избавленіе его отъ мучительно-горестнаго состоянія и за всѣ эти радости; онъ проливалъ слезы и произносилъ имя Квинтиліи... Когда, такимъ-образомъ, сердце его облегчалось, онъ съ жаромъ принимался за дѣло, назначенное его повелительницей, и впередъ предавался удовольствію при мысли, что заслужитъ отъ нея похвалы и благодарности.

Совершенно-отдѣленный отъ другихъ приближенныхъ герцогини, Сен-Жюльенъ имѣлъ сношенія только съ Галеотто и Жинетой. Его робкій и немного-гордый характеръ, серьезныя и постоянныя занятія, и въ особенности чувство внутренняго довольства, дѣлавшее для него потребность высказаться совершенно ненужною, препятствовали всякому сообщенію между нимъ и остальными людьми. По-этому, онъ жилъ въ такомъ разобщеніи со всѣмъ, что было не Квинтилія, что едва зналъ имена лицъ, встрѣчаемыхъ имъ во дворцѣ. А между-тѣмъ, при такой увѣренности въ своемъ благополучіи, въ немъ, невѣдомо для него-самого, загоралась дѣйствительная страсть, — страсть пожирающая, упорная, неистребимая. Воображеніе этого молодого человѣка было столь чисто, онъ такъ мало зналъ любовь, что не вѣрилъ въ ея страданія, и, испытывая всю ихъ муку, не узнавалъ ихъ.

Шесть мѣсяцевъ прошли такимъ образомъ. Однажды вечеромъ, работа была кончена. Герцогиня весь этотъ день была серьезна и задумчива болѣе обыкновеннаго. Она собственною рукою набросала послѣднюю страницу, въ концѣ записки, представленной Жюльеномъ. Въ то время, какъ она писала, Жинета, войдя тихонько въ комнату, съ нетерпѣніемъ ожидала конца. Ея черные, быстрые глаза непрерывно обращались то на дверь, въ которой Жюльенъ примѣтилъ полу плаща Галеотто, то на мрачное лицо и сдвинутыя брови герцогини. Наконецъ, герцогиня, съ разсѣяннымъ видомъ, положила перо и закрыло лицо руками; потомъ снова взяла его, поиграла нѣсколько секундъ локонами своихъ распущенныхъ волосъ, вздрогнула, быстро набросала нѣсколько словъ, подписала записку, закрыла ее и далеко оттолкнула отъ себя. Потомъ, она встала, съ перомъ въ рукѣ, и оборотаясь къ Жинетѣ, воткнула его въ ея густые черные волосы. Горничная вскрикнула отъ радости.

— Наконецъ, все это кончено? Ваша прекрасная ручка броситъ ли перо и возьмется ли опять за овалъ? Достигли ли мы конца этого скучнаго поста? Раскроютъ ли удовольствія камень гробницы, въ которой вы себя схоронили? Позвольте ли мнѣ выбросить это гадкое перо, которое давитъ меня, какъ свинецъ?

— Брось его въ огонь! отвѣчала Квинтилія: — въ этотъ годъ я не стану ужь больше работать.

— Да здравствуетъ праздность! вскричалъ Галеотто, вбѣжавъ въ комнату однимъ прыжкомъ.—Подъ опасеніемъ получить выговоръ, осмѣливаюсь преклонить колѣно предъ моею повелительницей и просить разбить желѣзныя цѣпи ея оруженосца.

— Лети куда хочешь, мой прекрасный мотылекъ! отвѣчала герцогиня, цалуя пажу въ лобъ.

— Клянусь святою Дѣвой! сказалъ пажъ, вставая: — вотъ ужь болѣе шести мѣсяцевъ, какъ ваша свѣтлость не дарила этой честью вашего бѣднаго карлика. Теперь мы всѣ спасены. Мы снова возрождаемся, развертываемъ наши куколки, оживаемъ...

— Сожжемъ проклятое перо! сказала Жинета.

— Нѣтъ, отвѣчалъ пажъ, выхвативъ у нея перо. — Пригнѣнимъ его къ берету господина домашняго секретаря, и бросимъ въ Челину обонхъ, педанта и его чернила, скуку и записки.

— Ничуть, сказала герцогиня. — Уважайте, въ свою очередь, трудъ, размышленіе и порядокъ. Мой добрый Джуліано, мы встрѣтимся опять съ-глазу-на-глазъ въ пыли книгъ; а теперь, отдохнемъ и скинемъ наше траурное платье. Станемъ смѣяться съ этими дѣтьми, сдѣлаемся молодыми. Пажъ! вели освѣтить фронтоны моего дворца; а ты, Жинета, дай свободу моимъ волосамъ и сини с моего пальца это послѣднее чернильное пятно.

Жинета вытерла руки герцогини лимоннымъ сокомъ. Пажъ растворилъ окна, и съ криками радости подалъ знакъ къ иллюминаціи; потомъ увлекъ Жюльѣна на террасу, и, отдавая ему букетъ цвѣтовъ, сказалъ:

— Отнесите къ ея свѣтлости, станьте передъ ней на колѣни и старайтесь, чтобъ она подарила васъ сладкою улыбкой. Въ особенноти, бросьте этотъ смущенный, унылый видъ. Чему вы удивляетесь? Не-уже-ли же вы думали, что мы навѣки должны будемъ проститься съ веселостями, и что все пойдетъ здѣсь по вашему вкусу и понятіямъ? Но научитесь цѣнить дружбу. Я могъ бы сегодня отмстить вамъ за скуку, которую такъ долго терпѣлъ по милости вашей, а я, напротивъ, хочу помочь вамъ возстановить вашъ кредитъ, который колеблется.

— Право? Клянусь вамъ, я ничего не понимаю, отвѣчалъ Жюльѣнъ, принимая машинально букетъ.

— Ступайте, ступайте! кричалъ пажъ, толкал его. — Если вы искусны, не теряйте времени и случая, потому-что вотъ уже вихрь подвигается къ намъ, и шѣбашъ начинается.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ воздухѣ раздались звуки множества инструментовъ, и уже бураки и ракеты летали по улицамъ.

— Чтò значить весь этотъ шумъ? спросилъ Жюльенъ.

— Это дѣло моихъ рукъ, отвѣчалъ Галеотто съ восторженнымъ видомъ: — оно спасетъ или погубитъ многихъ льстецовъ, однихъ заставитъ летать подобно орламъ, а другихъ пресмыкаться, подобно сутенятамъ.

Сен-Жюльенъ, подталкиваемый пажомъ, подошелъ къ герцогинѣ съ неловкимъ и смущеннымъ видомъ.

Она переодѣлась и была ужъ совсѣмъ не та женщина, которую видѣлъ Жюльенъ шесть мѣсяцевъ сряду. Волосы ея были раздвинуты, на головѣ горѣли самоцѣтные брильянты; въ нарядѣ замѣтны роскошь и блескъ. Тѣло ея приняло другое положеніе; физиономія измѣнила выраженіе. Безъ сомнѣнія, она казалась и моложе и лучше, и привлекательнѣе, чѣмъ была въ своемъ черномъ платьѣ, съ этимъ задумчивымъ лицомъ; но Жюльенъ любилъ ее больше въ такомъ видѣ, — а теперь опять онъ почувствовалъ къ ней страхъ. Сомнѣніе его, спавшее долгое время, пробудилось; довѣрчивость и радости стали блѣднѣть по мѣрѣ того, какъ красота Квинтиліи озарялась блескомъ болѣе-и-болѣе живымъ.

— Преклоните колѣни, шопталъ ему пажъ: — и старайтесь поцаловать у ней руку.

Жюльенъ воображалъ, что надъ нимъ смѣются, и готовъ былъ подумать, что и Квинтилія приняла участіе въ инстинкціи, приготовленной противъ него. Онъ опустился однимъ колѣномъ на бархатной ковверъ, лежавшей у ногъ ея, и дрожа всѣмъ тѣломъ, подпалъ на нее взоръ, который, казалось, выражалъ грустный и хроткій упрекъ. Но, вмѣсто того, чтобъ смѣяться надъ нимъ, какъ воображалъ онъ, Квинтилія взяла его за руку.

— Какъ! цвѣты въ рукахъ Джуліано! весело сказала она: — видно свѣтъ перевернулся. Ты принесть мнѣ именно тѣ цвѣты, которые я люблю — турецкую розу и упоющій помпадуръ. Подай, Джуліано, подай! Вѣрно ты тоже хочешь перерядиться и помолодѣть? Прекрасно, дитя мое. Покажемъ имъ, что трудъ не слѣжалъ насъ безсмысленными, и что умы наши не притушились, какъ наши перья.

Говоря эти пріятныя слова, Квинтилія поцаловала своего домашняго секретаря въ обѣ щеки. Это было въ первый разъ, и Жюльенъ такъ мало былъ къ тому приготовленъ, что голова у него закружилась, и онъ не могъ понять, чтò вокругъ него происходило.

Фейерверкъ былъ сожженъ на водѣ, и великолѣпный ужинъ, который казался импровизованнымъ, во который Жинета и Галеотто приготавлили съ давнихъ поръ, продлилъ праздникъ далеко за полночь. Сен-Жюльенъ сначала машинально слѣдилъ за Квинтилей; онъ былъ еще подъ вліяніемъ упомительнаго пощалуя; онъ находилъ ее прекрасною въ новомъ нарядѣ, остроумною и; граціозною съ тѣми, кто подходилъ привѣтствовать ее. Но мало-помалу, эти придворные поклонники, которыхъ онъ отвыкъ уже видѣть между ей и собою; этотъ шумъ, пренятствовавшій Квинтилейнъ внимать ему одному; эта, суэта, которая, казалось, такъ восхищала ее—все это слѣдалось ему ненавистнымъ. Не разъ хотѣлось ему бросить въ глушее сборище и запереться въ своей комнатѣ; но чувство безнокѣйной, мучительной ревности удерживало его предъ герцогиней.

VII.

— Другъ мой, сказалъ ему Галеотто на другое утро:—ты вчера вечеромъ былъ необыкновенно-смѣшонъ.

— Почему такъ?

— Скучный, блѣдный, съ разстроеннымъ лицомъ! Берегись. Герцогиня расположена теперь къ забавамъ, и если ты не будешь веселиться, ты погибъ.

— Погибъ? спросилъ Сен-Жюльенъ:—какъ? почему?

— Почему? потому, мой милый, что ты ей наскушишь. Какъ? потому-что она, наконецъ, позабудетъ даже твое имя.

— Гдѣ мы, Боже мой! произнесъ Сен-Жюльенъ съ чувствомъ неодолимой грусти, и закрывъ лицо руками. — Не во снѣ ли я? Не-уже-ли въ двѣнадцать часовъ могло все такъ измѣниться?

— Ты не знаешь свѣта, отвѣчалъ нажъ:— не знаешь, что не должно надвѣяться ни на что; что надо быть готову ко всему и всегда имѣть въ запасъ двадцать нарядовъ, чтобъ вѣчно преобразовываться по волѣ тѣхъ, кто любитъ преобразования.

— Но объясни мнѣ, что такое Квинтилей? До другихъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Квинтилей! возразилъ нажъ, повысивъ голосъ. — Ты хочешь, чтобъ я объяснилъ тебѣ эту женщину!.. Милый мой, мнѣ только шестнадцать лѣтъ! Во мнѣ есть такъ, сметливость, честолюбіе, ловкость; я хорошо вижу, хорошо слышу; не стараюсь понимать; повинуюсь и угадываю впередъ, что мнѣ прикажутъ. Этого, для моихъ лѣтъ, кажется, уже довольно. Но найди причину того, что я вижу, слышу и дѣлаю,—это слишкомъ-много для моей юности.

своей опытности. Вамъ, господинъ—философъ, скорѣе бы слѣдовало дать мнѣ ключъ къ загадкамъ, около которыхъ вращался я, какъ планета, не зная куда влечетъ меня мое солнце.

— Я прошу тебя только объ одномъ, продолжалъ Сен-Жюльенъ, грустно остановивъ свои большіе глаза на живыхъ, блестящихъ глазахъ пажъ: —я вижу въ ней двухъ различныхъ женщинъ: одну истинную, другую искусственную; одну такую, какую создала ее природа; другую образовали люди и въкъ. Скажи, которая изъ нихъ твореніе рукъ Божіихъ?

Губы пажъ нервно сжались, какъ-будто онъ хотѣлъ произнести циническое слово. Сен-Жюльенъ угадалъ то слово, которое готово было слетѣть съ напыщенныхъ устъ Галеотто, и болѣзненная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Но пажъ вдругъ всталъ, съ гибкостью придворнаго перемѣнилъ всѣ приемы и образъ выраженія, сталъ важно и степенно ходить по комнатамъ, и отвѣчалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ:

— Вашъ вопросъ, любезный другъ, не имѣетъ здраваго смысла. Чувство и метафизика разстроили ваше сужденіе. Развѣ мы родимся чѣмъ-нибудь? Нашъ характеръ зависитъ отъ воспитанія и отъ случая. Если бѣ я былъ френологомъ, я объяснилъ бы вамъ, какія возвышенія черепа ея свѣтлости условливаютъ въ ней противорѣчія, замѣченные вами. Но такъ-какъ я шутъ и невѣжа, то предпочитаю любоваться ея прелестными черными волосами и подставлять мой узкій и ограниченный лобъ подъ поцалун герцогининыхъ устъ.

Вспомнивъ недавно-полученный имъ поцалуй, Сен-Жюльенъ задрожалъ, блѣднѣлъ и краснѣлъ. Галеотто замѣтилъ это, остановился противъ него, скрестилъ на груди руки и сказалъ:

— Ты влюбленъ, другъ мой; ты погибъ!

— Влюбленъ, возразилъ Жюльенъ, смѣшавшись: — нѣтъ, я не влюбленъ. Я люблю повелительницу нашу со всемъ благоговѣніемъ, съ...

— Молчи, ты бредишь, отвѣчалъ пажъ: — теперь не рыцарскія времена.. Ты влюбленъ; но въ этомъ—то и сумасбродство.

— Галеотто, прошу тебя не смѣяться.

— Я не смѣюсь. Вчера, когда она тебя поцаловала, ты чуть не упалъ въ обморокъ. Для человека, желающаго только проложить себѣ дорогу, это слѣжало бы отличный эффектъ. Подобная робость нравится здѣсь больше, чѣмъ дерзость Лучьиоли. Васъ не женятъ на старой дѣвѣ и не пошлютъ въ деревенскій замокъ разыгрывать роль феодалнаго барона, съ пятидесятью тысячами франковъ дохода и движущейся муміей, вмѣсто жены. Но на васъ надѣнутъ золотой ошейникъ, и вы проведете свой въкъ лёжа между пестрой серпой и бѣлой любимой собачкой.

— Но вы сами какую же разыгрываете здѣсь важную роль? спросилъ Сен-Жюльенъ, нѣсколько-оскорбленный.

— Никакой; но я не влюбленъ; и когда меня целуютъ въ лобъ, я не забываю, что я игрушка, домашній звѣрикъ, ребенокъ, осужденный никогда не имѣть возмужалости. Въ ожиданіи же ея, я возвращаю Жинетъ получаемые поцалуи. Дѣлай и ты то же, Джуліано. Жинета мила и привѣтлива...

Голова Сен-Жюльена пошла кругомъ. Онъ схватился за ручку кресель, и съ горестью произнесъ:

— Боже мой! куда ты меня привелъ?

На это мистическое замѣчаніе Галеотто отвѣчалъ громкимъ хохотомъ.

Простодушный Жюльенъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и съ какимъ-то ужасомъ. Воспитанный въ деревнѣ, съ душой чистой и безпорочной, онъ не могъ постичь преждевременнаго перерожденія этого сына гражданственности.

— Быть такъ молодую и красивую, продолжалъ онъ, глядя на пажу съ искреннею скорбью, увеличившею веселость молодого шалуна:—и съ такимъ свѣтлымъ челомъ, и съ такою плѣнительною граціею быть уже до того сухимъ, холоднымъ, расчетливымъ! Торжествовать, въ такіе годы, надъ любовью, надъ энтузіазмомъ, надъ голосомъ крови! Посвятить всю свою жизнь одному честолюбію и не имѣть ни молодого сердца, ни пылкаго воображенія, которое увлекало бы и заставляло забывать всѣ расчеты! Какъ! не любить даже Жинеты? Смѣяться въ душѣ и презирать поцалуи одной, не до-вѣрять и оставаться холоднымъ подъ устами другой! Что же любишь ты, что же будешь любить, старикъ въ шестнадцать лѣтъ?.. Что же я такое? вскрикнулъ Жюльенъ, смущенный и изумленный.

— Хотите, чтобы я вамъ сказалъ? и не разсердитесь?

— Нѣтъ.

— А Квинтилія?

— На это отвѣчу вамъ когда-нибудь, если встрѣтятся съ вами мнѣхъ во стѣ отсюда.

VIII.

Во дворцѣ приготовлялся большой балъ. Никогда Жюльенъ не видѣлъ такой роскоши и такихъ безмѣрныхъ издержекъ. Никто не могъ быть допущенъ къ герцогинѣ, если являлся говорить не о нарядахъ, люстрахъ или музыкантахъ. Бѣдный секретарь, чуждый всему этому, блуждалъ, блѣдный и печальный, посреди безпорядка, въ пыли приготовленій и между толпами работниковъ. Три дня

прошли, и онъ не видѣлъ герцогини. Онъ впалъ въ мрачную меланхолю и оплакивалъ потерю своей прекрасной мечты, своихъ сладкихъ сновидѣній. Поутру, въ день праздника, Квинтидія вспомнила о немъ и позвала его, чтобъ отдать ему его костюмъ. Она съ самымъ важнымъ тономъ дала ему наставленія самая пустѣйшая, спросила у него совѣта на-счетъ выкройки рукавовъ, которые Жинета примѣривала на ней; потомъ забыла о немъ и не примѣтила, когда онъ вышелъ.

Балъ былъ великолѣпный. По странной, причудливой выдумкѣ герцогини, весь дворъ представлялъ обширную коллекцію мотыльковъ и насѣкомыхъ, Пестрыя полукафтанія стягивали талии; большія шелковыя крылья на непримѣтныхъ проволокахъ распускались позади плечъ или шли вдоль боковъ. Нельзя было довольно надивиться точности всѣхъ оттѣнковъ, формъ всѣхъ принадлежностей, виду и положенію крыльевъ и даже физономіи каждаго насѣкомаго, выражаемой головнымъ уборомъ той особы, которая обязана была представлять его. Добрый аббатъ Сциціонъ, превращенный въ кузнечика, довольно-удачно скакалъ въ своемъ узенькомъ платьѣ изъ свѣтло-зеленаго крепа. Чопорный Лучъйоли, зашитый въ выпуклую чешую изъ темнаго атласа и въ длинный жилетъ съ бѣлыми и черными волосками, удивительно-хорошо представлялъ майскаго жука самой большой породы. Высокая и тонкая маркеза Лучъйоли, экс-мистриссъ Уайтъ, была блистательна въ длинномъ платьѣ изъ чернаго бархата, съ огромными тафтяными крыльями желтаго цвѣта съ черными полосками. Ея длинное блѣдное лицо, выкройка крыльевъ, ея неловкая, старающаяся казаться рѣзвой походка, — все это напоминало ту огромную бабочку, называемую подальрией, которая до-того затрудняется своимъ длиннымъ тѣломъ, что ласточки, изъ презрѣнія, не преслѣдуютъ ея, а оставляютъ сражаться противъ вѣтра вмѣстѣ съ желтыми и зубчатыми листьями египетской смоковницы. Прекрасный пажъ Галеотто представлялъ красиваго мотылька аргуса; драгоценные камни всѣхъ цвѣтовъ разбѣгались по его крыльямъ изъ свѣтло-голубаго бархата, подбитымъ атласомъ, отливавшимъ цвѣтами розовымъ, абрикосовымъ и перламутровымъ. Жинета была въ лазуревомъ щиткѣ съ темными полосками. Ея темно-каштановые волосы собраны были на вискахъ въ большихъ косахъ. Съ этой красивой прической, съ ея веселымъ лицомъ, затаенная въ тѣсный корсажъ, ловкая, игривая, съ прозрачными крыльями изъ голубаго крепа, она представляла лучшей типъ самой красивой стрекозы, каную когда-либо видѣли. Жюльена переодѣла въ дневную бабочку съ черными бархатными крыльями, окаймленными золотомъ.

Герцогиня сама присутствовала при выборѣ и распредѣленіи всѣхъ

этихъ костюмовъ. Она совѣтовалась съ двадцатью учеными и справлялась со всѣми энтомологіями своей библіотеки, чтобъ достигнуть возможнаго совершенства въ костюмахъ и привести въ восторгъ и упоеніе самаго степеннаго и ученѣйшаго изъ всѣхъ профессоровъ естественной исторіи. Она каждую роль или, по-крайней-мѣрѣ, каждый цвѣтъ, подбираала подъ характеръ или физиономію каждаго лица. Вокругъ нея прекрасныя Венеціанки порхали, превращенныя въ осъ, совницъ, бѣлянокъ; блестящія офицеры занимали роли туровъ-рогачей, усачей, бражниковъ. Нѣсколько молодыхъ аббатовъ были одѣты муравьями, а домоправитель нарядился въ паука. Много удивлялись бражнику-мертвецу; богомолъ-проповѣдникъ имѣлъ полный успѣхъ, а женщины, при видѣ огромнаго навознаго жука, чтимаго Египтянами, кричали отъ ужаса.

Между всѣми воздушными толпами мотыльковъ, Квинтилія отличалась богатствомъ и простотою своего костюма. Она набрала своей эмблемой фалену, бѣлую ночную бабочку. Ея платье и крылья изъ серебрянаго матоваго газа падали небрежно вдоль стана. Головной уборъ ея украшался двумя бѣлыми марабу, которыя, отъ лба склоняясь на плечи, превосходно представляли два пушистые усика.

Залы были устланы коврами и усыяны цвѣтами. Шолковыя лѣстницы, скрытыя въ гирляндахъ изъ розъ, были развѣшаны вдоль стѣнъ или прикрѣплены къ сводамъ. Смѣльчаки ползали по этимъ легкимъ подпорамъ; сложивъ крылья, они прицѣплялись гдѣ-нибудь подъ потолкомъ, или колебались межъ колоннами, или бросались съ одной на другую, взмахнувъ прозрачными крыльями. Зрѣлище было истинно-волшебное, и новость его на-минуту увлекла Сен-Жюльѣна. Но неожиданная мученія скоро вывели его изъ этого простодушнаго удовольствія. Квинтилія, окруженная привѣтствіями, угодливостію и мольбами, съ такимъ юношескимъ упоеніемъ предавалась удовольствію возбуждать къ себѣ всеобщее удивленіе, что Сен-Жюльѣнъ не могъ болѣе сомнѣваться въ обманѣ, которому предавался онъ въ эти шесть мѣсяцевъ тихаго счастья. — Безумецъ! говорилъ онъ самъ себѣ: — какъ могъ я думать, что эта женщина цѣпаетъ въ душѣ своей что-нибудь другое, кромѣ тщеславія своего пола и гордости своего сана? Какъ могъ я заблуждаться до такой степени, не подозрѣвая безпутства, царствующаго адѣсь? Какое удовольствіе было ей обманывать меня и себя-самоѣ этими минимыми филантропическими проектами, этими порывами души высокой, когда самое пламенное изъ ея желаній, самая утонченная изъ ея радостей — разорительный праздникъ и пошлая лесть двора!

И, не смотря на эти печальныя размышленія, онъ слѣдилъ за нею съ безпокойствомъ; онъ подсматривалъ каждый взоръ ея, каж-

дое движеніе. Когда ему казалось, что она занималась однимъ изъ гостей больше, чѣмъ другимъ, сердце его билось сильнѣе, голова горѣла, и онъ готовъ былъ сдѣлать какую-нибудь смѣшную выходку; потомъ онъ останавливался, спрашивалъ у себя отчета въ своихъ собственныхъ волненіяхъ и пугался, чувствуя въ одно и то же время и любовь и отвращеніе.

Въ вальсъ, прическа герцогини нѣсколько разстроилась. Она тихонько ускользнула съ бала и пошла въ свои комнаты, чтобъ поправиться. Жинета въ это время танцевала гдѣ-то въ дальнихъ залахъ; Квинтилія не хотѣла звать ее и вошла одна, совершенно безъ шума, въ свою уборную; но въ ту минуту, какъ она стала затворять дверь, чья-то блѣдная фигура мелькнула передъ нею. То былъ Сен-Жюльенъ, слѣдовавшій за герцогиней. Въ припадкѣ ревности, ему вдругъ показалось, что Квинтилія обмѣнялась взглядомъ съ Лучьею, и голова его пошла кругомъ.

— Что ты, Джуліано? спросила она съ удивленіемъ.—Ты, кажется, печаленъ или боленъ? Не хочешь ли сказать мнѣ что-нибудь? — Что я могу для тебя сдѣлать?

— Я вамъ помѣшалъ, герцогиня, отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — прикажите мнѣ оставить васъ.

— Нѣтъ, возразила герцогиня съ совершенной безпечностью: — присядь на этотъ диванъ, пока я поправлю свое перо; и если имѣешь сказать мнѣ что-нибудь, я слушаю.

Жюльенъ сѣлъ и молчалъ. Квинтилія, стоя передъ зеркаломъ, синию къ нему, спокойно поправляла прическу. Окончивъ, она вспомнила о немъ, и посмотрѣла на него въ зеркало. Жюльенъ готовъ былъ упасть въ обморокъ.

Герцогиня прямо подошла къ нему, и съ увѣренностью, которая столько же могла происходить отъ доброты ея души, сколько и отъ смѣлости характера, взяла его за руку.

— Ты что-то отъ меня скрываешь, сказала она: — ты разстроены ты или несчастливъ? Говори; я другъ твой.

Сен-Жюльенъ склонилъ голову на прекрасныя ручки Квинтилія, и облизъ ихъ слезами.

— Ты влюбленъ? произнесла она, съ участіемъ пожимая ему руки.

— Да, герцогиня.

— Да, не правда ли?

— Да, да.

— Въ кого?

— Я никогда не осмѣлюсь...

— Въ Жинету?

— Нѣтъ...

— Ну, въ меня?

— Да, герцогиня.

— Что жь! тѣмъ хуже для тебя, отвѣчала она съ нетерпѣливымъ движеніемъ, похожимъ на гнѣвъ: — тѣмъ хуже для насъ обонхъ!

Сен-Жюльенъ вообразилъ, что онъ оскорбилъ ея гордость.

— Простите мнѣ, сказалъ онъ: — я безумецъ, наглоцъ. Вы велите прогнать меня; но я постараюсь предупредить ваши приказанія. Все, чего желалъ бы я, прежде чѣмъ навсегда лишусь счастья васъ видѣть — это — услышать одно слово состраданія.

— И, Боже мой! ты не знаешь, что ты говоришь, Сен-Жюльенъ. Я тебя не прогоню, а если ты уйдешь, это будетъ противъ моего желанія. Ты думаешь, что ты меня оскорбилъ, и ошибаешься. Еслибъ я тебя любила, я сказала бы тебѣ; а еслибъ сказала, то была бы твоей женою.

Сен-Жюльенъ былъ пораженъ этими словами и началъ было протирать себѣ глаза, какъ человекъ пробуждающійся отъ сна. Но онъ въ то же время почувствовалъ, сколько оскорбительнаго для него заключала въ себѣ эта откровенность. Онъ потупилъ глаза и пробормоталъ нѣсколько словъ.

— Полно же, брось этотъ отчаянный видъ. Видишь, Жюльенъ, всѣ молодые люди — или фаты или мечтатели. Ты не фатъ, но мечтатель. Ты воображаешь, что влюбленъ въ меня; а вѣдь это го нѣтъ. И какъ это можетъ быть? ты меня не знаешь.

— Да, герцогиня, вскричалъ Жюльенъ: — вы правы. Я не знаю васъ; и еслибъ узналъ, тогда я или совершенно вылечился бы, или остался бы навѣки неизлечимымъ. Я васъ любилъ бы до безумства, или ненавидѣлъ бы столько, что покинулъ бы безъ сожалѣнія. Но дѣло въ томъ, что я не знаю, что вы такое, и эта неизвестность губитъ меня. То я благоговѣю передъ вами, въ глубинѣ души моей, какъ передъ ангеломъ неба, то...

— Продолжайте, графъ; я васъ слушаю.

— Смѣйтесь надо мною, презирайте меня, продолжалъ Жюльенъ съ отчаяніемъ: — вы имѣете на то право. Считайте меня сумасшедшимъ: я сумасшедшій. И что мнѣ за дѣло до вашего гнѣва, до вашего презрѣнія? Въ минуту, когда я готовъ лишиться васъ навсегда, я ничѣмъ не рискую, и могу высказать все.

— Говорите, Жюльенъ, спокойно отвѣчала Квинтилія.

— И такъ, герцогиня, я вамъ скажу, что это не можетъ долѣе продолжаться, и надо, чтобъ я оставилъ васъ. Вы дарите меня своею довѣренностью, и я недостоинъ ея; вы изливаете на меня всю свою доброту, и я остаюсь неблагодаренъ. вмѣсто того, чтобъ служить вамъ и въ молчаніи любить васъ выше всего въ мірѣ, я мучусь каждымъ шагомъ вашимъ. Я подозрѣваю васъ въ самыхъ

безстыдныхъ поступкахъ, высматриваю васъ, какъ навятой убійца, распрашиваю вашихъ людей, читаю ваши взгляды, истолковываю ваши слова; я ненавижу ваши наряды и готовъ убить всѣхъ, кто восхищается вами. Я ревнивъ, ревнивъ и подозрителенъ! Я самъ смѣюсь надъ собою, и такъ горько, какъ никто надо мною не можетъ смѣяться. Для три навады, въ-особенности, я сдѣлался безумцемъ, совершенно безумцемъ. Каждое мгновение я готовъ быть присутствовать къ вамъ съ угрозами и потребовать у васъ отчета въ своихъ мученіяхъ!.. Я—у васъ! я —ваша лакей!.. Герцогиня, я вѣдь знаю, что я ваша лакей!..

— Вы слишкомъ-много придумываете, прервала Квентилія. — Я не хотѣла васъ оскорблять; такія средства хороши только для тѣхъ, у кого нѣтъ другихъ. Вы не лакей мой, и никогда имъ не будете. Кажется, я достаточно объяснила вамъ это при началѣ нашего знакомства. Впрочемъ, еслибъ мы даже и были лакеемъ, и тогда, въ одномъ случаѣ, вы имѣли бы право говорить мнѣ такимъ образомъ, какъ теперь. Знаете ли въ какомъ?

— Скажите: я ничего не боюсь — все равно я погибъ!

— Скажу вамъ безъ гнѣва и оскорбленія: Это, Жюльенъ... это тогда, когда бъ я васъ ободрила къ тому хотя бы только... какъ вамъ спазать? хотя бы только въ-продолженіе пяти минутъ. Кажется, это немного?

— Ваша насмѣшка яловита, герцогиня; но я заслужилъ ее! Нѣтъ, вы не поощрили меня ни въ-теченіи пяти минутъ; вы не подарили меня ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ, которое дало бы мнѣ право надѣяться!..

— По-крайней-мѣрѣ, если вы не приняли за доказательство моей любви или моего кокетства—того вниманія и тѣхъ попеченій благородной дружбы, которыя говорили объ искренности моего къ вамъ уваженія... Мнѣ часто твердили, что женщины моложе пятидесяти лѣтъ не должны поступать такъ, какъ я поступила, что откровенность ихъ не ведетъ ни къ чему, и что ихъ свидѣтельства не принимаются на мнимомъ судѣ здраваго смысла: я сама это испытала... но съ кѣмъ? съ глухцами и негодяями. Васъ же я считала человѣкомъ способнымъ судить мои поступки.

— Герцогиня... вы несправедливы. Вы меня спрашиваете такимъ повелительнымъ тономъ; вы предупредили мое признаніе. Вся моя вина, слѣдовательно, заключается въ томъ, что я не умѣлъ солгать, когда вы сейчасъ сказали: «если ты влюбленъ, такъ это въ меня!».

— Ваша вина не въ признаніи, Жюльенъ, а въ томъ, въ чемъ вы признались.

— Не думаете ли вы, что такими чувствами можно владеть?

— Можетъ-быть! Еслибъ я была мужчиной, я была бы другомъ Квинтилиці. Я поняла бы ее, я отгадала бы ее, и, можетъ-быть, уважала бы.

— Такъ дайте жь мнѣ понять васъ, сказалъ Жюльенъ, бросившись на колѣни:—и тогда, можетъ-быть, я въ состояніи буду сдѣлаться вашимъ другомъ, оставаясь вашимъ подданнымъ.

— Графъ, сказала герцогиня вставая: — я никому не отдаю о себѣ отчета. Давно ужъ научилась я презирать людское мнѣніе. Развѣ не прочитали вы девиза моего герба: *Богъ мой судья?*

Она ушла и Жюльенъ остался на своемъ мѣстѣ, стоя на колѣняхъ.

IX.

Опомнившись отъ перваго изумленія, онъ всталъ въ отчаяніе, закрылъ руками лицо и вскричалъ:

— Несчастный! Не-уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалъ ты то, что сдѣлалъ, и сказалъ, что сказалъ! Какъ! Ты въ уборной герцогини! Кто привелъ тебя сюда? Какъ ты осмѣлился? Въ какомъ шантажѣ ума нашелъ ты столько дерзости? Откуда взялъ ты всю эту гордость, все это сумасбродство, которыя обнаруживалъ здѣсь за нѣсколько минутъ врагъ свой? Такъ вотъ развязка этой прекрасной жизни, этого великаго счастья? Шестъ мѣсяцевъ ты былъ царемъ міра, а теперь тебя презирають, тебя выгоняють, или, что еще хуже, тебя можетъ-быть будутъ терпѣть, какъ смѣшного школьника, какъ ничтожную тварь, заброшенную въ толпу слугъ, изъ которой тебя возвысили, передъ которой отличали! Нѣтъ, прочь, прочь! Уйду отъ этой тоски, отъ мучительной невѣстности, отъ вѣчнхъ, жгучихъ сомнѣній!.. Говоря такимъ-образомъ, онъ не трогаясь съ мѣста, и плакалъ какъ ребенокъ.

— Ты черезъ-чуръ себя растрепываешь, произнесъ спокойно Галеотто, вошедшій незамѣтно въ комнату и слышавшій восклицанія Жюльена. — Вотъ я уже принесъ тебѣ доброе извѣстіе. Ея свѣтлость запрещаетъ тебѣ оставлять дворецъ, и приказываетъ явиться къ ней завтра, послѣ бала.

— Какъ, вскричалъ Сен-Жюльенъ: — она тебѣ сказала?

— То, что я тебѣ передалъ, ни слова больше. Но, мнѣ кажется, это такъ ясно, что я могу носить все случившееся. Ты рвешься объясниться. Что жъ? ты правъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, твое простодушіе послужило тебѣ лучше, чѣмъ другимъ вся возможная дитрошь. Что ты на меня смотришь съ такимъ изумленіемъ?

смъ? Видно, ея свѣтлость не-на-шутку изволила разсердиться. Да это впрочемъ лучше, чѣмъ спокойная насмѣшка. Возвращаясь въ танцевальную залу, она была мрачна, и хотя тотчасъ же понеслась въ вальсъ съ герцогомъ де-Гуркъ, но танцы какъ-то не ожились, по-крайней-мѣрѣ, минуты съ три. Всѣ на-перерывъ припимажи видѣ, будто не примѣчаютъ гнѣвнаго чела повелительницы, но въ-самомъ-дѣль никто не могъ оторвать отъ него своихъ взоровъ. О! владѣтельница лица имѣютъ магнетическую силу притяженія! Быть повелителемъ, право, чудесно!

Сен-Жюльенъ не слушалъ. Галеотто взялъ его подъ руку, и увлекъ въ садъ.

— Слушай, сказалъ онъ, когда они очутились въ уединенномъ мѣстѣ: — я твой другъ и хочу тебѣ услужить. Ты въ-самомъ-дѣль влюбленъ?

— Я? отвѣчалъ Сен-Жюльенъ, частію по чувству гордости, частію въ бреду: — И не думаю! развѣ можно быть влюблену въ женщину, которой не знаешь?

— Bravo! я радъ, что ты такъ говоришь. Въ такомъ случаѣ, ты разсуждаешь благоразумнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Но куда же ты мѣтишь? Чтѣбъ съ тобой ни случилось, это все можетъ тебѣ далеко завести. Никто, до тебя, не открылъ себѣ здѣсь дороги, и съ тобой будетъ то же.

— Объяснись, ради Бога!

— Ты хочешь быть любовникомъ герцогини?

Сен-Жюльенъ сдѣлалъ знакъ отвращенія, котораго панъ не замѣтилъ.

— Ты хочешь, продолжалъ онъ, царствовать надъ этой землей, повелѣвать этими крошечными вельможами? Это немного; но всѣ-таки больше чѣмъ ничто, и молодому дворянчику-семинаристу на нѣкоторое время можетъ даже показаться чѣмъ-то порядочнымъ. Ты этого хочешь? Такъ, слушай же: берегись! можно поставить десять противъ одного и биться объ-закладъ почти на-вѣрное, что ты не будешь здѣсь повелѣвать ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ. Можно нравиться, но не управлять. Можно съ хвастотствомъ поправлять воротничокъ рубашки, но къ чему это послужить, если въ головѣ есть что-нибудь другое, кромѣ нустой страстишки? Въ этой женщинѣ невозможенъ никакой успѣхъ; любовникъ ея останется всегда только любовникомъ, то-есть ея покорнѣйшимъ слугою. Теперь, предоставляю тебѣ-самому рѣшать, захочешь ли ты посвятить столько заботъ и трудовъ достиженію счастья, въ которомъ ты имѣлъ столько предшественниковъ, и будешь имѣть столько преемниковъ!

Эти слова до того охладили бѣднаго домашняго секретаря, что

онъ почувствовалъ въ себѣ силу выражаться такъ же, какъ Галеотто. Онъ принялъ видъ, что рѣзываетъ его мнѣніе, и надѣялся такимъ образомъ дойти наконецъ до какой-нибудь увѣренности.

— Прежде, чѣмъ буду тебѣ отвѣчать, сказалъ онъ: — я долженъ подумать. Но чтобъ подумать не даромъ, я нуждаюсь въ болѣе-подробныхъ историческихъ свѣдѣніяхъ, чѣмъ ты, которыя мнѣ известны. Можешь ли и хочешь ли ты снабдить меня ими?

— Да, потому-что мнѣ жалко твое положеніе; и если ты когда-нибудь вздумаешь мнѣ измѣнить, я знаю чѣмъ тебѣ отомстить; я знаю твою тайну.

Сен-Жюльенъ содрогнулся, подумавъ, въ какое положеніе онъ поставилъ себя своимъ притворствомъ; однако онъ продолжалъ:

— Расскажи мнѣ, сказалъ онъ:— жизнь г-жи де-Кавальканти.

— Ужъ этого-то не будетъ!

— Какъ, ты отказываешься?

— Потому-что ничего объ этомъ не знаю и никто не знаетъ ничего, кромѣ развѣ одной Жинеты, — да и то я сомнѣваюсь. Или уста этой дѣвушки безмолвны какъ могила, или герцогиня бросаетъ въ огонь даже свои чепцы, какъ-скоро они сдѣлаются очевидцами какой-нибудь тайны. Я скажу тебѣ все, что знаю, и это займетъ меня недолго. Я скажу тебѣ все, что предполагаю, и ты увидишь всю строгость моей логики. Ее выдали замужъ двѣнадцати лѣтъ. Она обвинчалась съ представителемъ настоящаго своего мужа, и овдовѣла, никогда не выдавъ его въ лицо. Это было для нея очень-выгодно, ибо мужъ былъ безобразенъ и глупъ. Дворянинъ, представителью обвинчавшійся съ герцогиней, назывался просто Максомъ. Онъ былъ побочный сынъ какого-то нѣмецкаго князька. Ему было двѣнадцать лѣтъ, какъ и герцогиня: Церемонія, говорятъ, была презабавная. Оба ребенка, по пышному разсказу аббата Сципіона, были усыпаны драгоценными камнями, покрыты золотомъ; по словамъ мистриссъ Уайтъ, она были важны какъ дѣдовскіе портреты, и прекрасны какъ ангелы. По выходѣ изъ церкви, они занялись куклами, и лакомились конфетами въ-продолженіе всего бала. Не знаю, въ-слѣдствіе какихъ дипломатическихъ соображеній, Максъ провелъ три года при здѣшнемъ дворѣ. По истеченіи этого времени, родственники герцогини выслали, почти выгнали его *son fuir* изъ ея владѣній. Но герцогиня, овдовѣвъ...

— Призвала опять Макса? сказалъ Жюльенъ.

— Вовсе нѣтъ; она его забыла, и полюбила... О! времена съ-тѣхъ-вѣрхъ измѣнились! Потомъ, далѣе... какъ мнѣ знать? Кого она не любила?

Галеотто съ минуту помолчалъ, и потомъ прибавилъ:

— Какъ ты думаешь, любила ли она кого-нибудь?

— Я съ ума сойду, сказала Жюльенъ:—или уже сонеть, потому-что мнѣ кажется, будто всѣ другіе бредягъ. Галеотто, что долженъ я о тебѣ думать? хочешь ты меня оскорблять? хочешь ли драться? Отвѣчай!

— Творецъ мой праведный! Чего же это мы напились? сказала Галеотто:—мы бредимъ оба, какъ пьяные. Дай мнѣ собрать свои мысли. Онъ, какъ легкий пухъ, разлетаются подъ дуновѣніемъ твоихъ словъ. Что я тебѣ сказала? то, что имѣлъ полное право сказать. Вѣришь ли ты, что, кромѣ Жинеты, никто не можетъ имѣть свидѣній лучше меня? Если не вѣришь, види самъ, разсиранивай, подглядывай, подслушивай у дверей, и когда узнаешь что-нибудь, сообщи мнѣ: потому-что и я любопытень, и прихожу иногда въ бѣшенство, что за этими густыми тканями не могу открыть мушки, служащей пищей пауку. Словомъ, не смотря на всѣ свои старанія, я не вижу ничего и ничего не знаю, въ этомъ даю тебѣ честное слово. Здѣсь никто не говоритъ, потому-что никто не мыслить. Предполагаютъ ли у герцогини интриги или нѣтъ, это все равно. Здѣсь нѣтъ людей съ правилами, чтобъ оцѣнить ея добродѣтель, нѣтъ людей съ ловкимъ умомъ, чтобъ воспользоваться ея пороками. Никто не знаетъ, что она такое: добродѣтельнѣйшая ли, или порочнѣйшая изъ женщинъ, и, можетъ-быть, мы этого никогда не узнаемъ. У такихъ женщинъ на лбу долженъ бы быть начертанъ ауль, чтобъ всѣ знали, что онѣ стоятъ внѣ человеческого рода, и что на нихъ должно смотрѣть, какъ на существа отвлеченныя.

— Но отъ-чего же? вскричала Жюльенъ:—отъ-чего? отъ-чего?

— Отъ-того, что онѣ не говорятъ, не дѣлаютъ, не думаютъ, не чувствуютъ ничего такъ, какъ другіе. Это натуры неестественныя, умы развращенныя, слова, лишеныя смысла, струны опущенныя и неспособныя произвести звука, ловимаго ухомъ. Это существа нестройныя, неправильныя, загадки безъ объясненія, кабалистическіе арабски, образы, подобные являющимся въ тажикихъ сновидѣніяхъ послѣ обильнаго пиршества и горячихъ винъ. Это ландшафты, нарисованныя морозомъ на стеклѣ: въ нихъ видно все, и ничего не видно... Словомъ, это не мужчины, не женщины, — это неданты.

— Ты, можетъ-быть, и враль, произнесъ Сен-Жюльенъ задумываясь.

— Эти существа, продолжалъ нахъ: — и любятъ и не любятъ. Сегодня они играютъ одну роль, завтра другую.—Они то поэты, то философы, то метафизики. У нихъ нѣтъ ни возраста, ни пола. Посмотри на нашу герцогиню. Чѣмъ же она держится? притязаніемъ на первенство, и мажкимъ подражаніемъ царскому блеску!

— Така вы неавидите эту женщину? спросил Сен-Жюльенъ.

— Я не могу ея ни любить, ни ненавидѣть. Для меня ея нѣтъ, она не существуетъ. Вещь любопытная, странная, забавная иногда, вотъ и все. Преклоняюсь передъ ея діадемой, а голова ея не въ состояніи управлять и пансіономъ дѣвчонокъ.

— А я думаю, что вы ошибаетесь; я думаю, что ея не смутилъ бы и санъ полководца. О! въ ней, конечно, нѣтъ ничего того, что мнѣ такъ дорого въ женщинѣ, но есть все, чему я удивляюсь въ мужчинѣ. Она, можетъ-быть, способна къ героизму; но что намъ до этого? мы не короли и не полководцы.

— Еслибъ я былъ полководцемъ или королемъ, возразилъ пажъ:—я былъ бы тѣмъ взискательнѣе, непреклоннѣе въ своемъ домѣ, и хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ моя сестра, мать или любовница вадумали бы повелѣвать моими солдатами или подданными! Но не бойся: мужчины стужаютъ укредити неспокойный духъ прекраснаго пола, и салическій законъ водворится вездѣ, для большаго безопасности мужчинѣ. Слушай, Жюльенъ, продолжалъ пажъ, понизивъ голосъ:—не оскорбилъ ли ты сегодня глубоко герцогини? Если оскорбилъ, ищи ея прощенья, или уйди; ночь темна, — Квинтэля мстительна, и воли ея исполняется сапо...

— Докажи мнѣ, Галеотто; докажи свое предположеніе, и я перестану любить, перестану страдать.

— Я готовъ быть откровеннымъ съ тобою; но что мнѣ порукой за тебя?

— Какъ?

— Быть можетъ, ты уже цѣлый часъ вывѣдываешь меня о предметахъ, тебѣ очень-знакомыхъ?

— Ты же мнѣ видишь иніона?

— Нѣтъ. Но я еще не опытенъ. Я отъ природы остороженъ, и то немногое, что я видѣлъ въ жизни, не располагаетъ меня къ добродушію. Я ничему не смѣю вѣрить; всего болѣе боюсь попасться въ обманъ, и черезъ то сдѣлаться смѣшнымъ. Мое воображеніе видитъ все въ черномъ. Когда я въ чемъ-нибудь ошибся, тѣмъ лучше для меня; а нѣтъ, — значитъ, мой опасенія были уместа.

— О, холодное сердце! о, мрачная душа! сказалъ Сен-Жюльенъ:— сколько жолчи и презрѣнія ко всему заключается подъ этою милою наружностью, за этимъ молодымъ и свѣжимъ лицомъ! Но чѣмъ я заслужилъ вашу недоверчивость? Что я сдѣлалъ дурнаго?

— Ничего; я тебя и не обвиняю ни въ чемъ. Только иногда у меня мелькаетъ мысль, что ты, быть-можетъ, совсѣмъ не така простъ, какъ кажешься съ-виду; что, можетъ-быть, ты нарочно

разыгрываемъ роль недогадливаго, чтобъ заставить говорить другихъ и получше ихъ вывѣдать. Слушай, поклянись мнѣ честно: любовникъ ты герцогини, или нѣтъ?

— Клянусь, что нѣтъ!

— Жинета говорить то же, но она жетъ такъ искусно!.. А воля твоя, Жюльенъ, это невѣроятно. Какъ! Ты ей понравился съ перваго раза; она взглянула на твое личико, и подобрала тебя съ пыльной дороги. Приѣхавъ въ Авиньонъ, она сажаетъ тебя съ собою за ужинъ; и усылаетъ Лучъюли Богъ-знаетъ куда; потомъ вдругъ награждаетъ женой и удаляетъ отъ себя этого несчастнаго фаворита, который въ продолженіе года слѣдовалъ за нею вездѣ, какъ тѣнь. И вотъ, съ-тѣхъ-поръ вы провели шесть мѣсяцевъ вмѣстѣ, съ-глазу-на-глазъ, съ утра до вечера; и будто она, съ своими свободными привычками, съ своимъ рѣшительнымъ тономъ, съ своимъ циническимъ хладнокровіемъ, заставила тебя даромъ вздыхать, и блѣднѣть, и томиться! И будто ваши важныя занятія (которымъ я вовсе не вѣрю) не были, время-от-времени, прерываемы болѣе нѣжными изъясненіями! Не вѣрю, Жюльенъ! Сегодня вечеромъ ты разсердилъ ее; ты, вѣрно, приступилъ къ ней, какъ деревенская дѣвушка къ молодому офицеру, съ просьбой о женитьбѣ... Но вчера, но поутру еще, ты былъ въ большой милости, и я называлъ себя дуракомъ, вспоминая, что вздумалъ тебя ободрить къ предприимчивости. Часто, Сен-Жюльенъ, я смѣялся надъ твоимъ волненіемъ, надъ твоею робостью, и, можетъ-быть, въ то самое время, ты внутренно издѣвался надъ моею недалновидностью.

— Какъ? мнѣ смѣяться, и изъ чего?

— Изъ чего! изъ того, что я, можетъ-быть, уступилъ тебѣ мѣсто, которое долженъ былъ бы занять самъ. Ну, говоря откровенно, не слѣдовало ли мнѣ быть ея любовникомъ?

— Я тебѣ скажу то же, что ты сказалъ мнѣ: развѣ я убѣжденъ въ томъ, что ты не любовникъ?

— Клянусь честно, вскричалъ весело пакъ: — я не любовникъ! и, чортъ побери! меня это бѣситъ, прибавилъ онъ полу-сердитымъ, полу-шутливымъ тономъ.—Теперь, можете мнѣ вѣрить, Сен-Жюльенъ, я вамъ вполне открываюсь; вы видите, я даже смѣюсь надъ собою.

— Я не стану смѣяться надъ заблужденіемъ, которое самъ раздѣлялъ, сказалъ добродушный Жюльенъ:—вы тоже влюблены въ герцогиню?

— Я? вовсе нѣтъ, съ вашего позволенія. Прощу васъ, говорите объ одномъ себѣ.

— Но вы ее любили прежде?

— *Per Vasso!* никогда, сколько мнѣ извѣстно. Влюбиться въ эту великолѣпную королеву! Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, ея черные глаза и орлиный носъ пугали меня: я боялся ихъ какъ чорта. Теперь, съ своими государственными дѣлами, эстетическими разговорами, бабочками и латынью, она наводитъ на меня нестерпимую скуку... Впрочемъ, она красивая женщина, и я не порицаю вашей любви. Я самъ хотѣлъ бы быть ея фаворитомъ и съ удовольствіемъ разыгралъ бы, на нѣкоторое время, роль владѣтельнаго князька; но герцогиня всегда обходилась со мной какъ съ ребенкомъ, и изъ презрѣнія ли, или для шутки, постоянно сбавляетъ пять или шесть лѣтъ отъ моего настоящаго возраста. Я за это ей мишу по-своему: каждый разъ, когда посторонніе меня тихонько спросятъ объ ея лѣтахъ, я никогда не забываю надбавить ей эти пять или шесть лѣтъ.

— Вы, однако, видите сами, сказалъ задумчиво Жюльенъ: — что можно жить вблизи ея цѣлые мѣсяцы и годы, пользоваться ея благоволеніемъ и однако не быть счастливымъ въ томъ смыслѣ, какъ вы подозрѣвали.

— Вотъ прекрасное доказательство! Да вы меня принимаете за фата! Развѣ я не знаю, что я въ-самомъ-дѣлѣ еще не очень-похожъ на мужчину? Вотъ у васъ ужъ пробивается борода, а я, Богъ-знаетъ, дождусь ли ея когда-нибудь!.. Но я вижу, вы человекъ нераспутный: такъ и быть, повѣрю вамъ; вы не любовникъ, но желали бы имъ быть.

— Я бы охотно отказался отъ этого желанія, еслибъ вы мнѣ рассказали все, что знаете.

— Конецъ исторіи Макса?

— Что жъ это за конецъ?

— Все, что я знаю, это только таинственный слухъ, невѣрная догадка — и больше ничего.

— Но есть ли тутъ какая-нибудь связь съ тѣми призраками смерти и ада, которые промелькнули у меня въ головѣ при вашихъ намѣкахъ?

— Да, Жюльенъ; немилость къ Максѹ, говорить, была строже чѣмъ съ Лучьйоли. Но позвольте мнѣ оставить эту бездѣлицу до другаго дня; и такъ-какъ мы почти въ одинакомъ положеніи, то соединимся, и подадимъ другъ-другу руку.

— Противъ кого же? спросилъ Жюльенъ.

— Противъ женскаго притворства, отвѣчалъ Галеотто. — Вы влюблены и отвергнуты; я имѣлъ притязанія, и меня не замѣтили. Намъ надо узнать, жертвуютъ ли нами въ пользу этихъ грубыхъ австрійскихъ офицеровъ, танцующихъ вотъ тамъ, въ сапогахъ, или для грязныхъ Парижанъ, для которыхъ ея свѣтлость оставляетъ

ежегодно свое *пространное царство* и нашъ благословенный климатъ. Намъ надо узнать, имѣемъ ли мы дѣло съ бѣдной педанткой-Минервой, или съ благосклонной богиней Венерой. Что касается до меня, меня приводитъ въ бѣшенство, что я осужденъ по цѣлымъ годамъ вращаться около завѣтнаго круга и оставаться вѣчно слѣпымъ. Меня бѣситъ, что я знаю всѣ туалетныя тайны Жинеты, и не могъ изъ ея сомкнутыхъ устъ извлечь ни одного слова, чтобъ утолить свое любопытство. Но какую же я здѣсь играю роль? Хорошъ пажъ, который ничего не знаетъ, ничего не примѣчаетъ, не умѣетъ проскользнуть сквозь отверстие замка, не ловить словъ, вѣтранныхъ подушкѣ, не беретъ своей пошлщины съ красавицы прежде, чѣмъ введетъ любовника въ розовый будуаръ. Отличный пажъ, ей-Богу! который передаетъ нисѣма, какъ лакей, не зная, что заключается въ нихъ, полицейскія ли правила или любовныя бредни. О, вѣкъ! о, униженіе! Но кончено! пора просрѣть. Клянись сообщать мнѣ все, что съ тобой случится; а я клянусь передавать тебѣ все, что открою.

Жюльенъ, оглушенный возгласами пажа, терявшійся въ легендахъ и соображеніяхъ, не зная кому вѣрится, поклялся во всемъ, чего хотѣлъ Галеотто, и возвратился на балъ.

Х.

Онъ старался избѣгать взглядовъ герцогини, и бродилъ во все залы, въ которой она танцевала. То онъ смотрѣлъ сквозь гирлянды, вьющіяся вокругъ оконъ, какъ она уносилась въ вальсѣ, то углублялся въ темную галлерею, въ слѣдъ за танцующими группами людей, которые, казалось, были заняты болѣе важными предметами, чѣмъ танцы и музыка. Сен-Жюльенъ, преобразовавшись въ шпіона, былъ озабоченъ и скученъ. Въ первый разъ, онъ рѣшался искать истины средствами, отвергаемыми его совѣстью. Но въ то же время въ этомъ лихорадочномъ любопытствѣ онъ находилъ что-то возбуждающее, что-то невѣдомое, величественное, одна-кожъ, нѣкоторой прелести.

Онъ чувствовалъ себя нѣсколько-оскорбленнымъ, что съ нимъ обходились какъ съ ребенкомъ; шесть мѣсяцовъ провелъ онъ взаперти, въ уголку дворца, и, можетъ-быть, одинъ не-зналъ того, что такъ его занимало. Теперь, думалъ онъ, настала пора мщенія, и воображалъ, что исполняетъ свитую обязанность противъ самого себя, отталкивая всей силой всѣ убѣжденія, которыя составляли его счастье, но которыя, можетъ-быть, и обманывали его. Сен-

Жюльенъ раздѣлялъ въ высшей степени эту грубую спѣсь, которую мы всѣ питаемъ въ отношеніи къ женщинамъ. Мы ихъ уважаемъ только тогда, когда онѣ уважаемы свѣтомъ, и ни за что въ мірѣ не согласимся оказывать имъ уваженіе, когда свѣтъ ихъ презираетъ. Недовѣрчивость, свойственная робкимъ и скрытнымъ характерамъ, и эта жесткая твердость, составляющая какъ-бы изнанку людей съ правилами, подкрѣпили его еще болѣе въ новомъ рѣшеніи. Ему казалось, что онъ пробудился отъ тяжкаго сна. Онъ ходилъ мрачный, дрожалъ, чувствуя стыдъ на лицѣ, и смотрѣлъ на всѣ его окружающіе предметы, какъ на совершенно-новыя, ему неизвѣстные. Какое бы пустѣйшее замѣчаніе ни коснулось его уха, онъ во всякомъ словѣ думалъ найти глубокой смыслъ, яркій свѣтъ. На всѣхъ лицахъ онъ видѣлъ сарказмъ и улыбку презрѣнія. Ему казалось, что всѣ смотрятъ только на него. Видно, волненіе его было сильно, когда онъ могъ такъ ошибаться, потому что невозможно было представить себѣ ничего наружно-безстрастнѣе этого маловажнаго двора: всѣ лица были натянуто-форменны и выражали осторожность и важность. Придворные, проникнутые положительной выгодой слѣпаго повиновенія, всегда поддерживали на устахъ своихъ улыбку, и никогда ни въ чемъ не обнаруживали своихъ мыслей и чувствъ. Сен-Жюльенъ, убѣдясь, что онъ ничего не узнаетъ отъ своихъ, сталъ наблюдать за чужими. Но и они при герцогинѣ надѣвали на себя маску непроницаемой привѣтливости. Можетъ-быть, думалъ Жюльенъ, эти вассалы чужихъ новеллистовъ осмѣлятся хотѣть *in petto* составить себѣ какое-нибудь нѣжное рѣчь де-Кавальканти.

Онъ замѣтилъ, что съ начала бала около герцогини особенно увивался герцогъ Гуркъ, молодой и красивый Каринтіецъ, прибывшій на-канунѣ, и въ честь котораго, какъ говорили, былъ данъ этотъ великолѣпный праздникъ. Скоро звѣзда герцога стала померкать, разговоръ его становился скуднѣе, остроумія не такъ мѣткіи, вальсъ медленнѣе и неопредѣленнѣе. Онъ увидѣлъ, какъ въ блестящемъ кругу, въ которомъ Квинтілія увлекала покорныя ей планеты, звѣзда графа Штейнаха заблестѣла ярче, между-тѣмъ, какъ поблекшая звѣзда герцога удалялась все дальше и дальше отъ центра притяженія, какъ отдѣльный міръ, отвергнутый небеснымъ средоточіемъ свѣта и жизни. Словомъ, графъ Штейнахъ вошелъ въ путь крылатаго Меркурія, а герцогъ Гуркъ совершалъ безконечное и холодное вращеніе Сатурна.

Сен-Жюльенъ примѣтилъ, какъ герцогъ тихонько ударилъ по плечу своего тайнаго совѣтника, Шрабба, и, минуто спустя, оба разошлись въ-разныя стороны, исчезли изъ залы.

Онъ осторожно поспѣдовалъ за герцогомъ, и увидѣлъ, какъ

близ пруда онъ встрѣтился съ своимъ совѣтникомъ. Запущенный густыми бесѣдками парка, Жюльенъ сталъ прислушиваться къ разговору двухъ Австрійцевъ.

— Кажется, началъ Шраббъ:—наше посольство кончено, и побѣда осталась за Штейнахомъ.

— Я могъ бы, подобно вамъ, отчаиваться, отвѣчалъ герцогъ, оскорбленный тономъ:—если бы интересовался только порученіемъ нашего повелителя; но для меня тутъ кроется другое честолюбіе, гораздо-болѣе-близкое къ моей личности. Герцогиня ослѣзительно-хороша, и принявъ на себя изъ покорности роль, выгодъ которой и не поддѣржалъ, я намѣренъ теперь продолжать ее уже собственно для себя.

— Понимаю: для своей собственной славы! сказалъ Шраббъ.

— И для моего удовольвія, прибавилъ Гуркъ.

— А если она смѣется и надъ Штейнахомъ и надъ вами?

— У насъ всегда есть въ запасѣ маленькое средство: потребовать исчезающаго челоука.

— Она отвѣтитъ, что не обязана отдавать намъ отчета, и что ей не извѣстно куда дѣвался этотъ...

— Я именемъ моего государя потребую, чтобъ она представила или самого Макса, или ясныя доказательства о его смерти.

— Но эти требованія и велѣны и несправедливы, и она отвѣтитъ...

Вѣтеръ унесъ остальные слова Шрабба. Разговаривавшіе стали удаляться отъ того мѣста, гдѣ былъ Сен-Жюльенъ, и онъ могъ слышать только первыя слова фразы, произнесенной герцогомъ съ рѣшительнымъ тономъ:

— Триста кавалеристовъ сдѣлаютъ заставить...

Они вышли на открытую площадку, освѣщенную луною. Жюльенъ не посмѣлъ слѣдовать за ними, и рѣшился воротиться на балъ. Подымаясь по парадной лѣстницѣ, онъ встрѣтился съ Галеотто. Тотъ взялъ его подъ руку, отвелъ на конецъ галлерей и сказалъ:

— Ура! я открылъ государственную тайну!..

— А передо мной, прервалъ Жюльенъ:—раскрывается бедна беззаконій, и я съ ужасомъ стою на краю, не смѣя заглянуть въ нее.

— О-го! возразилъ Галеотто:— видно твои извѣстія важнѣе моихъ. Ну, скорѣе! что ты узналъ! рассказывай первый.

Сен-Жюльенъ передалъ слово-въ-слово то, что слышалъ.

— Тутъ для меня нѣтъ ничего новаго, сказалъ нажъ:—я знаю всѣ догадки на-счетъ пропажи Макса, и всѣ эти господа знаютъ, видно, не болѣе насъ. Что касается до плановъ г. де-Гурка и его государя, я тебѣ ихъ сейчасъ объясню. Небольшое Монтерегаль-

ское Герцогство, въ которомъ мы имѣемъ счастье обитать подъ благодѣтельными законами нашей обожаемой повелительницы...

— Пожалуйста, безъ фразъ, прямо къ дѣлу.

— Я только-что слышалъ дипломатическій разговоръ, и не могу выразаться иначе. И такъ, это драгоцѣннѣе герцогство, зарытое, подобно брильянту, въ пески морскаго берега, имѣло счастье обратить на себя ясные взоры могущественнаго сосѣда, которому оно вовсе не нужно, но который, не зная откуда ему взять награды всѣмъ своимъ приближеннымъ, нашель, видно, эту земельку приличнымъ даромъ для одного изъ нихъ. По этому случаю, сюда прислали графа Штейнаха, человѣка, котораго ремесло — быть непреодолимо-увлекательнымъ. Ему вѣрно побѣдить герцогиню, жениться на ней, и сдѣлаться нашимъ благосклоннымъ повелителемъ. Съ другой стороны, второй, не менѣе могущественный сосѣдъ, хочетъ соединить всѣхъ иллирійскихъ князьковъ въ какой-то общій союзъ. Зная, что наша Квинтилія независимаго и твердаго нрава, и имѣетъ большое вліяніе на своихъ мелкихъ сосѣдей, и желая противодѣйствовать исканіямъ Штейнаха, противнымъ его политическимъ видамъ, онъ отрядилъ сюда несравненнаго, по любезности, герцога Гурка, и далъ ему въ помощники глубокомысленнаго Шрабба. Эти два героя, одинъ своей высокою породой, другой увлекательнымъ краснорѣчіемъ, должны удалить герцогиню отъ мысли вступить въ союзъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ ихъ повелителя. Однимъ словомъ, чтобъ опредѣлить это занимательное стеченіе обстоятельствъ, эту встрѣчу враждебныхъ стремленій, скажу тебѣ, что герцогиня, предметъ столь важныхъ соображеній и гигантскихъ замысловъ, находится теперь между двухъ огней, между графомъ Штейнахомъ и герцогомъ Гуркомъ, которые обещаютъ счастья сдѣлаться ея близкими друзьями. Все это доказываетъ, что ты выбралъ не самое лучшее время для объясненія въ любви, и что, проведя, въ благоговѣнномъ молчаніи, полные шесть мѣсяцевъ, съ-глаза-на-глазъ съ ея свѣтлостію, господинъ домашній секретарь по-напрасну отлагалъ свою рѣчь именно до сегодняшняго дня, когда герцогиня вздумала надѣть свои розовые наряды и бросить въ окошко перо и ключъ отъ кабинета, чтобъ, переодѣвшись въ фалену, удобнѣе носиться въ быстромъ вальсѣ съ этими двумя иностранцами, равно обшитыми золотомъ и равно дерзкими.

— Но какимъ образомъ, спросилъ Сен-Жюльенъ, стараясь подавить въ сердцѣ досаду: — могъ ты все это узнать?

— Мнѣ сами открылись...

— Какъ?

— Меня подкупаютъ.

— Боже праведный! что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что я, для вида, даю себя подкупить. Я болтал и вкривь и вкось съ пажомъ графа Штейнаха; внушилъ ему къ себѣ полную вѣру, и выведалъ изъ него столько, что могъ уже отгадать остальное. Въ разговорѣ съ нимъ я обнаружилъ полное удивленіе къ волосамъ и манжетамъ графа, не скрылъ, какъ очарованъ имъ, и какъ отъ всей души желалъ бы имѣть его своимъ новелителемъ. Словомъ, нашь въ восторгъ, что я такъ преданъ его сіятельству, и приписывая мнѣ огромное вліаніе на ея свѣтлость, долженъ завтра же представить меня графу. Наконецъ-то я начну разыгрывать роль пажа, въ томъ видѣ, какъ она начертана во всѣхъ хроникахъ, драмахъ, балладахъ и романахъ! Наконецъ-то я начну передавать записки влюбленнаго рыцаря, стану вѣтъ его романсы у ногъ моей царицы и восхвалять его мужество на войнѣ! Тогда-то стану я жить и свѣтаться надъ всѣми! *à l'opra!* Ты, Жюльенъ, старайся сдѣлаться союзникомъ герцога, и это будетъ протоптанная комедія...

— Я не такъ ловокъ, чтобъ могъ притворяться, отвѣчалъ Жюльенъ: — притомъ ты говоришь, что даю себя подкупить...

— О! тише, прошу тебя. Пажъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы отъ графа. Я, для вида, согласился; но, въ-самомъ-дѣлѣ, я еще не сдѣлался до такой степени итальянцомъ. Завтра я долженъ получить прекрасную лошадь, которую увидѣлъ сегодня подъ графомъ и похвалилъ. Конечно, когда успѣю разстроить любовные планы его сіятельства, я возвращу ему обратно и лошадь; но до-тѣхъ-поръ такъ постараюсь отдѣлать скакуна, чтобъ онъ уже съ трудомъ могъ дотаняться отъ графскихъ конюшенъ до бойни.

— Но эта исторія Макса? сказалъ Жюльенъ, въ раздумьи.

— А! у тебя все похоронныя мысли; сегодня давай рѣзвиться, бѣситься, а завтра, пожалуй, взлетимъ на воздухъ, подобно ему!

XI.

Возвратившись въ залы, Жюльенъ замѣтилъ новое лицо, котораго еще не видѣлъ. Это былъ очень-красивый земляной жукъ, называемый крикуша. Жукъ этотъ бываетъ блестящаго, краснаго цвѣта, съ острой и очень-умной головой. Тѣ, кто рассматривалъ его въ микроскопъ, находили въ немъ много-обширнаго вышуклости и взоръ, исполненный привѣтливости. Крикуша произвелъ на балѣ большое впечатлѣніе, не столько своимъ щиткомъ, безспорно лучшимъ изъ всѣхъ, сколько удивительнымъ совершенствомъ от-

дѣлки лица. На немъ была маска, до того подобная головѣ жука, что придворный профессор естественной исторіи сталъ протирати себѣ лѣвый глазъ, воображая, что передъ его зрачкомъ находится превосходнѣйшій микроскопъ, въ который онъ видитъ настоящаго крикушу. Убѣдясь наконецъ, что исполинскій жукъ стоялъ предъ нимъ въ дѣйствительныхъ и осязаемыхъ размѣрахъ, онъ впалъ въ некоторый бредъ горячив, поблѣднѣлъ, опрокинулся въ креслахъ, и, поднимая руки къ небу, закричалъ:

— Прости мнѣ, Творецъ вселенной, прости мнѣ, Всемогущій Создатель, смерть столькожъ смиренныхъ насѣкомыхъ! Да; сознаюсь, я убивалъ самыхъ невинныхъ бабочекъ! Я пронзалъ булавкой и осуждалъ на страшную муку самыхъ безупоризонныхъ жестокорылыхъ! Но я дѣлалъ это не изъ ненависти или мщенія — беру въ свидѣтели солнечный свѣтъ, или лучше — свѣтъ лунный; ибо теперь должна уже взойти луна: теперь два часа тридцать пять минутъ семнадцать секундъ, а въ это время года...

— Ради Бога, успокойтесь, мой милый Кантаридъ, вскричала герцогиня, закрываясь платкомъ, чтобъ не разразиться громкимъ смѣхомъ: она очень уважала достойнаго натуралиста, и не хотѣла подать другимъ примѣръ веселости, которая могла бы сдѣлаться для него оскорбительной. Но крикуша, желая знать причину страннаго состоянія, которое постигло Кантариду, приблизился къ нему въ числѣ прочихъ. Несчастный ученый, рассмотрѣвъ поближе эту удивительную голову, столь близкую къ природѣ, пришелъ въ совершенное помѣшательство.

— Это привидѣніе! страшное привидѣніе! вскричалъ онъ. — Нѣтъ, на землѣ не существуетъ такого костюмера, который, даже при помощи наставленій ученѣйшихъ мужей въ мѣрѣ, могъ бы произвести подобную голову крикуши! Гигантское травоядное! Грозный призракъ! Удались отъ меня, ношадн, помилуй!.. Увы! совершенная правда: прошедшей ночью я тебя поймалъ въ чашечкѣ прекраснѣйшей лиліи, наклоненной надъ водою; правда, я безчеловѣчно схватилъ тебя въ золотой пыли, куда ты убивалъ было, и безъ милосердія вытанилъ тебя изъ твоего душистаго дворца! Да; я прѣвѣкъ дни твоей невинной жизни, жизни, исполненной любви, свободы, зефира и счастья. Я развѣкъ тебя на части; я вонзилъ въ твой бока острыя иглы, и видѣлъ, какъ медленно умиралъ ты въ судорогахъ предсмертнаго томленія, О, да прости мнѣ Богъ твои мученія! Я чувствую страшное угрызеніе совѣсти. Изъ безчисленныхъ преступленій, тяготѣющихъ надъ моею головою; самое жесточайшее — смерть твоя. Увы, скрепящее и граціозное созданіе! Когда я увидѣлъ члены твои распростертыми на моемъ микроскопѣ, меня объялъ ужасъ, и я спросилъ себя, не

какому праву... Но пощади меня отъ твоего взора! Твой призракъ, увеличенный до человѣческихъ размѣровъ леденить мою душу. Что будетъ со мною, если всѣ насъкомыя, изувѣченныя мною, четвертованныя, посаженныя на колъ, вдругъ явятся предо мною въ этотъ мигъ, вооруженныя своими рогами, зубами, шипами, когтями, жаалами...

Герцогиня не могла долго удерживать себя, слыша эту необыкновенную рѣчь; къ-несчастью еще, она встрѣтила взглядъ Жинеты, и вдругъ, какъ-бы по какому-то симпатическому движению, обѣ онѣ громко захохотали. Вида это, придворные, даже тѣ, которые не слышали ни одного слова изъ рѣчи Кантариды, предались самой отчаянной судорожной веселости. Они выворачивали себѣ руки, раздирали рты до ушей, а нѣкоторые, стоявшіе близъ герцогини, надѣясь заслужить ея вниманіе, даже падали на полъ. При такомъ страшномъ шумѣ, при видѣ всѣхъ этихъ криканий, Кантаридъ подумалъ, что наступилъ послѣдній часъ, и что ему пришлось расчитываться съ адомъ, посреди этого шабаша призраковъ и чертей, превращенныхъ въ насъкомыхъ. Въ ужасъ вскопчилъ онъ, и, опрокидывая все встрѣчное на пути, побѣжалъ, крича страннѣйшій, напѣвнѣйшій голосомъ:— Scaraboni! Scarafaggi...

Герцогиня, опасаясь за его здоровье, однимъ движеніемъ заставила всѣхъ замолчать; потомъ, бросясь вслѣдъ за профессоромъ, и схвативъ Кантариды за одно изъ крыльевъ (профессоръ былъ одѣтъ тѣмъ прекраснымъ жукомъ, или испанской мухой, именемъ которой назвала его герцогиня), сказала:

— Мой добрый другъ, любезный профессоръ, ради Бога, успокойтесь и увѣрьтесь, что все это мечта вашего разстроеннаго воображенія. Вы, съ нѣкотораго времени, предаетесь слишкомъ-слабымъ занятіямъ, и ваша чувствительная душа создаетъ себѣ мученія и упреки въ дѣлахъ, которымъ бы позавидовалъ самый строгій и непорочный человѣкъ. Прошу васъ, оставайтесь и вмѣстѣ съ нами подивитесь превосходному костюму этого крикуши.

— Ахъ, милостивая герцогиня! вскричалъ Кантаридъ, бросая вокругъ себя испуганные взоры: — если вамъ сколько-нибудь дорога жизнь вашего слуги, пусть этотъ страшный крикуша не является мнѣ на глаза. Нѣтъ, нельзя съ помощью картона и стекла произвести этихъ глазъ съ безчисленною гранью, которыя дѣлаютъ физическое и умственное существованіе насъкомыхъ столь выше нашего! Нѣтъ такого чистаго, прозрачнаго хрустала, который могъ бы произвести брилліантовый блескъ глазъ крикуши! Нѣтъ такого человѣка, который бы до того изучилъ физиономію насъкомаго, что могъ бы ее воспроизвести въ такомъ совершенствѣ. Я самъ не былъ бы въ состояніи этого сдѣлать, а между-тѣмъ, во всемъ мірѣ есть

одинъ только человекъ, превосходящій меня въ этой наукѣ: это тотъ молодой человекъ, котораго я зналъ въ Парижѣ, и котораго зовуть...

Въ эту минуту, крикуша, стоявшій позади Кантарида, наклонилъ къ нему на-ухо и шепнулъ ему слово, которое заставило ученаго вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Праведное небо! вскричалъ онъ:—долженъ ли я вѣрить своему слуху?

И вслѣдъ за тѣмъ, бросившись въ объятія крикуши, Кантаридъ прижалъ его такъ крѣпко къ груди своей, что сломалъ у себя крыло и три ножки.

Видя, что эта смѣшная сцена окончилась такъ трогательно, герцогиня оставила Кантарида, и два жука, удалясь въ сторону, перешли самому живому разговору. Она воротилась въ танцевальную залу, какъ вдругъ аббатъ Сципiонъ, по особенной милости герцогини исправлявшій въ этотъ день должность церемонiейстера, почтительно приблизился къ ней и просилъ позволенiя сказать ей нѣсколько словъ. Квинтилія пѣзвала его на балконъ, бывшій отъ нихъ неподалеку. Сен-Жюльенъ, который непрерывно слѣдилъ за нею, тотчасъ вышелъ на балконъ другою дверью и былъ въ двухъ шагахъ отъ герцогини, скрытый густыми кустами геранiи и душистыхъ лимонновъ.

— Свѣтлѣйшая герцогиня, сказалъ аббатъ: — осмѣлюсь довести объ одномъ весьма-важномъ обстоятельстве, въ которомъ я не могу рѣшительно дѣйствовать безъ приказанiя вашей свѣтлости.

— Говори, Сципiонъ, отвѣчала Квинтилія: — объясни и мнѣ, какое это важное обстоятельство.

— Ваша свѣтлость, началъ аббатъ: — дали мнѣ приказанiе не впускать на балъ никого съ замаскированнымъ лицомъ; вы изволили только разрѣшить, что всякій можетъ прибавлять къ своей прическѣ или къ своему лицу отличительный признакъ того наряда, которое онъ представляетъ. Такъ, на-примѣръ, нѣкоторымъ предоставлены накладные носы, другимъ металлическіе лбы, инымъ жала, инымъ стеклянные глаза, и проч. Но здѣсь представляется обстоятельство совершенно-другаго рода...

— Какое же? сказала герцогиня съ нетерпѣніемъ.

— Прошу милостиваго извиненiя, если отнимаю драгоценныя минуты у вашей свѣтлости, продолжалъ аббатъ: — но я долженъ довести о важномъ нарушенiи законовъ, установленныхъ вами: Крикуша — такъ, кажется, называетъ его нашъ любезный Кантаридъ...

— Ну, что жъ крикуша? Кончимъ ли мы нынче?

— Осмѣлюсь ли доложить вашей свѣтлости, что крикуша на-

дѣлать полную маску, которая скрываетъ все лицо его! Это обстоятельство не могло избѣжать пронизательнаго взора вашей свѣтлости, и безъ-сомнѣнія мнѣ не прилично...

Квинтилія сдѣлала знакъ нетерпѣнія; бѣдный аббатъ остановился въ испугѣ; потомъ онъ началъ дрожащимъ голосомъ: — Я считалъ обязанностію донести вашей свѣтлости объ этомъ затрудненіи. Если вы изволите допускать исключеніе въ пользу крикуши...

— Совсѣмъ-нѣтъ, быстро прервала его герцогиня: — кто осмѣлился не исполнить моихъ приказаній? Какъ его зовутъ?

— Праведное небо! отвѣчалъ аббатъ: — видя веселость и прекрасное расположеніе духа вашей свѣтлости, я полагалъ, что вамъ очень-хорошо извѣстно его имя; но я... я рѣшительно не знаю его.

— Какъ, аббатъ? съ гнѣвомъ вскричала Квинтилія: — здѣсь, въ моемъ дворцѣ, въ моихъ залахъ, есть человекъ, котораго имени вы не знаете? Какой-нибудь неизвѣстный, какой-нибудь наглецъ, шпионъ, можетъ-быть! И вы называете это исполненіемъ обязанностей, возложенныхъ мною на васъ! Клянусь именемъ отца моего — я васъ выгоню...

— Всемиловѣйшая повелительница!.. вскричалъ бѣдный аббатъ, бросаясь на колѣни.

— Ступайте, сударь, прервала Квинтилія повелительнымъ тономъ:—ступайте и узнайте имя того, кто осмѣливается шутить со мною такимъ-образомъ. Вся эта глупая сцена съ Кантаридомъ помѣшала мнѣ рассмотреть эту маску. Я думала, что это одинъ изъ нашихъ; я воображала, что окружена друзьями, и во всемъ полагалась на васъ. Не возражайте; ваша безопасность неизвинительна. Ступайте и тотчасъ принесите мнѣ отвѣтъ. Я ожидаю васъ здѣсь. Я не ступлю ногой въ залу, гдѣ неизвѣстная маска осмѣливается являться предо мною. Ступайте скорѣе, и если это кто-нибудь непрощенный, велите его тотчасъ же вывести.

Несчастный аббатъ, весь блѣдный и облитый холоднымъ потомъ, бросаясь въ залу, повторяя глухимъ голосомъ: *Maschera! ah! maschera maladetta!*

— Милостивый государь, сказалъ онъ незнакомцу съ надменностію, которую употребилъ въ первый разъ въ своей жизни: — кто вы? Ея свѣтлость желаетъ знать это.

Незнакомецъ наклонился на ухо церемоніймейстеру и сказалъ свое имя; но оно не произвело на него такого дѣйствія, какъ на профессора Кантариды. — Я не знаю васъ, сказалъ аббатъ: — я такъ какъ вы не приглашены, то я имѣю приказаніе просить васъ выйти.

— Сначала подите и скажите мое имя герцогинь, отвѣчалъ незнакомецъ: — и если она прикажетъ мнѣ выйти...

Между ними готовъ былъ завязаться споръ, еслибъ не вмѣшался Кантаридь.

— Ему выйти! вскричалъ онъ: — выйти такому человѣку, какъ онъ! первому энтомологу въ мирѣ, самому любезнѣйшему человѣку, котораго я встрѣчалъ когда-либо!.. Оставайтесь, другъ мой; я все беру на себя, и пойду вмѣстѣ съ аббатомъ доложить герцогинь, кто вы такой.

— Это бесполезно, отвѣчалъ незнакомецъ: — герцогиня меня знаетъ. Не угодно ли будегъ г. церемоніимейстеру сказать только ей мое имя.

Аббатъ неохотно уступилъ и возвратился къ герцогинь, которая ожидала его на балконѣ. Ноги у него подкашивались, и онъ съ трудомъ произнесъ имя, сказанное ему незнакомецемъ.

— Розенгаймъ! вскричала въ волненіи герцогиня: — такъ ли я слышала? Говорите громче... или нѣтъ, говорите тише. Розенгаймъ?

— Розенгаймъ, повторилъ аббатъ, готовый упасть въ обморокъ.

Но, вмѣсто того, чтобъ бранить его, герцогиня вскрикнула, бросилась къ нему на шею и обняла его изъ-всей силы, повторяя: «ахъ, аббатъ, любезный аббатъ!» Аббатъ сначала подумалъ, что она хочетъ его задушить; но когда онъ увидѣлъ во всѣхъ чертахъ ея выраженіе радости; когда почувствовалъ на своихъ старыхъ, изсохшихъ щекахъ поцалуй свѣтлѣйшихъ устъ, онъ бросился на колѣни, и потокомъ слезъ выразилъ свою признательность и удивленіе. Герцогиня, боясь, чтобъ ихъ не услышали, оглянулась вокругъ себя, потомъ сказала аббату что-то на ухо, но такъ тихо, что Жюльенъ не могъ ничего слышать, кромѣ послѣднихъ словъ: — И будь нѣмъ, какъ мертвецъ.

— Теперь, подумалъ Сен-Жюльенъ; — для меня наступила решительная минута; я открою здѣсь что-нибудь адское.

Герцогиня минутъ пять оставалась на балконѣ неподвижною. Она похожа была на статую, озаренную луной. Потомъ, она подняла глаза къ звездному небу, глубоко вздохнула, приложила руку къ сердцу, и вошла на балъ съ лицомъ совершенно-спячьею.

Сен-Жюльенъ искалъ взорами таинственнаго незнакомца, но онъ исчезъ. Немного спустя, герцогиня удалялась и не являлась болѣе. Сен-Жюльенъ провелъ остатокъ ночи, блуждая по всему дворцу, но ничего не открылъ. Онъ опять встрѣтился съ Галеотто, который всходилъ по лѣстницѣ съ озабоченнымъ видомъ.

— Куда ты идешь? спросилъ онъ.

— Я иду крикушу, отвѣчалъ пажъ: — но онъ, вѣроятно, улетѣть въ окно. Видно, это въ-самомъ-дѣль настоящій жукъ, какъ воображалъ Кантаридъ...

— Я думаю, что нынче мы ничего не откроемъ, сказалъ Сен-Жюльенъ. — Я чрезвычайно усталъ, и иду спать.

— А я покляся не ложиться, возразилъ пажъ: — пока не допытаюсь, кто этотъ незнакомецъ.

— Знаешь ли ты, кто такой Розенгаймъ? спросилъ Сен-Жюльенъ.

— Не слыхалъ и ничего не знаю, отвѣчалъ пажъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы ничего съ тобой не знаемъ, возразилъ Сен-Жюльенъ, и оставилъ празникъ.

ХИ.

— Какъ, любезный Кантаридъ, сказала на другой день Квинтилія своему ученому бібліотекарю: — вся эта трагическая сцена была не что иное, какъ шутка?

— Какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, свѣтлѣйшая герцогиня.

— Но знаешь ли, мой милый, что я могла бы разсердиться и найти комедию нѣсколько-дерзкою?

— Она, можетъ-быть, составлена плохо; но ваша свѣтлость, надѣюсь, извините меня ради развязки.

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія, другъ мой, отвѣчала герцогиня: — но смотри, не проговорись ни передъ кѣмъ объ этой плохой завязкѣ. Всѣ ошиблись, повѣрили какъ я, но никто не имѣетъ, подобно мнѣ, причинъ прощать тебя. Я убѣждена, что во всемъ городѣ теперь только и говорятъ, что о странномъ сумасшествіи, въ которое впалъ вчера, посреди бала, твой бѣдный мозгъ, разстроенный излишними занятіями.

— Ужъ болѣе тридцати человекъ, отвѣчалъ ученый: — приходилъ сегодня поутру навѣдываться о моемъ здоровьи, и, чтобъ не измѣнить себя, я отвѣчалъ, что мнѣ теперь гораздо-лучше, но, впрочемъ, какъ-будто со страхомъ, избѣгалъ малѣйшаго намека о насѣкомыхъ.

— И конечно, возразила герцогиня: — сострадательные ближніе всякими средствами старались заговаривать объ интересномъ предметѣ, чтобъ удовлетворить вполне своему любопытству, хотѣ бы этотъ разговоръ и окончательно свелъ тебя съ ума. Но объясни мнѣ одно обстоятельство, которое я не совсемъ понимаю. Нацѣ другъ сказалъ мнѣ, какъ онъ, желая поразить меня неожидан-

ностию, уведомилъ тебя впередь о своемъ прїездѣ, какъ ты его встрѣтилъ, спряталъ въ своемъ павильонѣ и преобразовалъ въ крикушу. Совершенно постигаю, отъ-чего ты, видя, что я не обращаю вниманія на новую маску, произнесъ этотъ великолѣпно-смѣшной монологъ, который всѣхъ насъ такъ развеселилъ, и воображаю, какъ ты между-тѣмъ внутренно радовался своей удачѣ и смѣялся надъ нашимъ легковѣріемъ. Но скажи мнѣ, отъ-чего въ ту минуту, когда я подходила къ тебѣ, и когда крикуша, нагнувшись къ твоему уху, казалось, шепнула какое-то таинственное слово, отъ-чего ты вдругъ закричалъ отъ удивленія, и бросился обнимать пришельца, какъ-будто обрадованный неожиданною вѣстію?

— Этимъ, свѣтлѣйшая герцогиня, отвѣчалъ профессоръ: — я хотѣлъ еще болѣе остановить на немъ ваше вниманіе; и если бы вамъ благоугодно было разслушать мои слова, вы бы тотчасъ догадались, кто этотъ таинственный гость. Я вамъ говорилъ, слово-въ-слово, слѣдующее: «Нѣтъ такого человѣка, который бы до того изучилъ фізіономію насѣкомаго, что могъ бы воспроизводить ее въ такомъ совершенствѣ; я самъ не былъ бы въ состояніи этого сдѣлать, а между-тѣмъ, во всемъ мірѣ есть одинъ только человѣкъ, превосходящій меня въ этой наукѣ...»

— Я очень-хорошо помню всю эту фразу, прервала герцогиня: — ты прибавилъ: «Это тотъ молодой человѣкъ, котораго я звалъ въ Парижъ, и котораго зовутъ...» Тутъ я тебя ущипнула за руку. Думая, что ты въ-самомъ-дѣлѣ въ бреду, я боялась, чтобъ ты не произнесъ этого имени, которое не должно переходить ни черезъ чьи уста... Стовъ, который вырвался у тебя при моемъ живомъ напоминаніи, былъ тотчасъ же заглушенъ объятіями нашего друга...

— И я надѣялся, ваша свѣтлость, прервалъ въ свою очередь профессоръ: — что, обративъ моими словами ваши мысли на особу, съ которой я имѣлъ счастье познакомиться въ Парижѣ, и которую такъ уважаю и люблю, — я окончателно объясню вамъ тайну, бросившись вдругъ въ объятія крикуши, который до таинственного слова, произнесеннаго мнѣ на ухо, казалось, былъ для меня предметомъ ужаса. Вся эта сцена была между нами заранѣе условлена. Сверхъ-того, онъ долженъ былъ, проходя мимо вашей свѣтлости и меня, произнести свое собственное имя такъ громко, чтобъ оно могло быть услышано нами обоими. Но къ-счастію, въ то самое время къ вамъ подошелъ плѣнительный герцогъ Гуркъ, и нашъ другъ, избѣгая взоровъ его, увлекъ меня въ сторону и отложилъ до болѣе-удобной минуты...

— Не показалось ли вамъ, прервала Квинтилія:—что кто-то сей-

часть промелькнулъ передъ окошкомъ? За вами, на стѣнѣ, пробѣжала точно тѣнь.

— Не думаю, отвѣчалъ профессоръ:— но для большей предосторожности позвольте притворить окна и двери.

Съ этимъ словомъ, профессоръ важно подошелъ къ балкону и затворилъ дверь. Галеотто, спрятавшійся въ жасминахъ, не могъ услышать продолженія разговора, и воротился во дворецъ, досадуя, что ему такъ не кстати помѣшали узнать, наконецъ, эту тайну.

Этотъ и слѣдующій день прошли такъ, что ни пажъ, ни секретарь не видѣли герцогини иначе, какъ посреди двора. Сен-Жюльенъ не удивлялся, что ему запретили входъ во внутреннія комнаты, и множество странныхъ предположеній, догадокъ, соображеній, тѣсившихся въ его головѣ на счетъ герцогини, не позволяло ему предаваться скорби, которую онъ невольно ощущалъ, помышляя объ утратѣ ея благосклонности. Онъ послушался совѣта Галеотто, и по остатку ли привязанности къ герцогинѣ, или по непремѣнному желанію узнать то, что ему еще было неизвестно,—какъ бы то ни было, онъ не покинулъ дворца. Пажъ собиралъ свѣдѣнія съ такой дѣятельностью, предавался своей рѣзвости и шаловливости съ такой веселостью, что успѣлъ даже нѣсколько увлечь задумчиваго и угрюмаго Жюльена, и отчасти заразить его своимъ неостановившимъ умомъ. Не выходя изъ смутнаго состоянія, въ которомъ находился, Жюльенъ надѣлъ на свою слабую душу личину irony и облекся въ какую-то принужденную веселость.

Но, во протекшіи сорока-восьми часовъ, эта роль ему стала нестерпима. Его веселость вдругъ исчезла. Все, что происходило вокругъ его, стало возбуждать его ужасъ. Онъ изнемогалъ подъ гнетомъ скорби и грусти. Услышавъ первые звуки придворнаго концерта, онъ накинулъ плащъ, поспѣшно бросился въ паркъ, и, проскользнувъ по мраморнымъ аллеямъ, скоро достигъ наружной ограды и открытаго поля. Онъ тихо взомелъ на одинъ изъ холмовъ, возвышавшихся надъ городомъ, и сталъ бродить по рошамъ, покрывавшимъ холмы.

Уставъ, Сен-Жюльенъ остановился, и замѣтилъ, что онъ находится на открытой лощинѣ, гораздо ближе къ дворцу, чѣмъ предполагалъ. Онъ прилегъ на траву и сталъ созерцать неясный ландшафтъ, лежавшій передъ его глазами. Подъ горою темнѣлъ даркъ; сквозь его черныя массы въ разныхъ мѣстахъ прорѣзывались порожики, усыпанныя бѣлымъ пескомъ, сквозили дерновыя ротонды, храмы, бюски, эмблематическіе алтари и мраморныя статуи, подобныя неподвижнымъ привидѣніямъ. Дворецъ, съ своими тысячею оконъ, отражался въ зеркаль Челицы. Тяжелыя массы тумана

покрывали городъ, расположенный амфитеатромъ около парка; и молчаливыя ракеты, пушенные тамъ-и-сямъ, въ ровные промежутки, подымались на разныхъ концахъ города.

Спорокко, сильно-дувшій до-тѣхъ-поръ, вдругъ утихъ, и небо прояснилось. Заблестѣли звѣзды, ночь стала прозрачнѣе, и Жюльенъ могъ хорошо обнимать подробности чудной картины. По мѣрѣ-того, какъ передъ глазами его выступали предметы, воздухъ, прояснившись, сталъ доносить до него звуки концерта. Жюльенъ прилежь къ самой землѣ, и замѣтилъ, что чѣмъ ниже опускалъ онъ голову, тѣмъ ландшафтъ становился очаровательнѣе. Линии отдѣлялись другъ отъ друга, массы обрисовывались вѣрнѣе; тѣни ложились съ большей гармоніей. Онъ былъ какъ-будто въ партеръ театра, для котораго рассчитываются всѣ декорации и несравненно больше чѣмъ сидящіе въ ложахъ, наслаждался художественнымъ обманомъ сцены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сен-Жюльенъ уловлялъ вполне всю мелодію концерта. Звуки доходили до него слабо, но чисто, и вибраціи некоторыхъ нотъ и инструментовъ были такъ воздушны, такъ могущественно проникали въ душу, что нервы молодаго челоуѣка вышли, наконецъ, изъ болѣзненнаго напряженія, и ему сдѣлалось легко. Онъ сталъ дышать свободнѣе, и слезы покатались по щекамъ его.

Приближался къ *tutti finale*, всѣ инструменты загремѣли громче; послѣдніе звуки поднялись на воздухъ, и все замолкло. Сен-Жюльенъ долго еще слушалъ, и однообразное журчаніе небольшого потока, протекавшаго вблизи, замѣнило ему звуки концерта. Наконецъ, онъ всталъ и хотѣлъ идти. Въ это время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, онъ замѣтилъ стройнаго мужчину, который стоялъ молча и, казалось, тоже раздѣлялъ его наслажденіе. Когда Сен-Жюльенъ проходилъ мимо его, незнакомецъ вѣжливо поклонился, и послѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Сен-Жюльенъ довольно-проворно сталъ спускаться между скалъ, шимо которыхъ шла дорога; тогда незнакомецъ, назвавъ его синійоромъ, попросилъ его подождать.

— Чтò вамъ угодно, синійоръ? спросилъ Сен-Жюльенъ.

Въ этихъ немногихъ итальянскихъ словахъ, незнакомецъ тотчасъ узналъ произношеніе Француза. Онъ заговорилъ по-французски, и въ совершенно-правильныхъ, но съ нѣмецкимъ акцентомъ выраженіяхъ, просилъ у Жюльена позволенія дойти вмѣстѣ съ нимъ до города.

— Прошу меня извинить, продолжалъ онъ:— я здѣсь чужой, и недавно только пріѣхалъ. Вечеромъ, я не узнаю этой тропинки, по которой ходилъ днемъ; да притомъ, я очень-близорукъ. Если

вамъ не неприятно, позвольте мнѣ слѣдовать за вами и воспользоваться вашей опытностію.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Сен-Жюльенъ, очарованный пріятнымъ голосомъ иностранца. — Я пойду тише и увѣренъ, что при вашемъ разговорѣ вовсе не замѣчу этого маленькаго замедленія.

Они сперва заговорили о музыкѣ. Потомъ разговоръ коснулся другихъ предметовъ, о которыхъ можно сообщить другъ-другу мысли при первой встрѣчѣ, и до того занялъ новыхъ знакомцевъ, что оба они пожелали продлить свое свиданіе. Незнакомецъ предложилъ Жюльену зайти въ биррерію, и Жюльенъ согласился. Тотъ спросилъ пива и табака, и они провели вмѣстѣ еще часъ; передъ разставаньемъ каждый изъ нихъ сообщилъ другому свое имя и занятія.

— Я изъ Мюнхена, сказалъ незнакомецъ: — мое имя Шпаркъ; мнѣ тридцать лѣтъ; я студентъ, и больше ничего; не богатъ, но дѣтеленъ и бережливъ, и потому доволенъ своей судьбой, и нахожу, что жизнь не дурная вещь. Я путешествую для своего образованія, и нечаянно захватилъ въ это маленькое герцогство; положеніе города столь живописно, пребываніе въ немъ такъ пріятно, что я рѣшился остаться здѣсь на нѣсколько недѣль. Я почти себя счастливымъ, если вамъ угодно будетъ заходить иногда сюда, или подарить меня вашими свободными минутами для прогулки за-городъ.

Сен-Жюльенъ съ радостью принялъ это предложеніе, и они согласились встрѣтиться на другой день, въ тотъ же часъ, и у того же стола.

Когда Сен-Жюльенъ воротился во дворецъ, концертъ уже давно кончился. Была полночь, и герцогиня, утомленная бессонными балными ночами, удалилась въ свои комнаты. Молодой секретарь только-что вошелъ къ себѣ, какъ у двери его послышался легкій стукъ, и голосъ Жинеты, сквозь скважину замка, объявилъ ему, что ея свѣтлость проситъ его къ себѣ.

XIII.

Квинтилія сидѣла у окна, и, погруженная въ тихое мечтаніе, смотрѣла на темное небо. Лицо ея было такъ ясно и спокойно, какъ Сен-Жюльенъ давно уже не видалъ его. Онъ явился къ герцогинѣ съ сердцемъ полнымъ гордости и ненависти, но ея спокойствіе покорило его. Слѣдуя поданному знаку, онъ сѣлъ и не смѣлъ

произнести ни одного слова. Жинета, выходя, затворила за собою дверь. Оставшись наединѣ съ Жюльеномъ, Квинтилія подала ему руку, и сказала твердымъ, но кроткимъ голосомъ:—Будемъ друзьями.

Сеп-Жюльенъ, уступая болѣе ошущенію, чѣмъ внутреннему чувству, почтительно коснулся руки герцогини и опустилъ глаза. Она снова подала ему знакъ съѣсть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и онъ повиновался.

— Я была къ вамъ строга, Жюльенъ, начала она голосомъ, въ которомъ выражалась сердечная доброта и достоинство.—Вы были ко мнѣ несправедливы; вы хотѣли обойтись со мной, какъ съ простой женщиной, и ошиблись. Давно уже я стала внѣ обыкновеннаго порядка, и характеръ мой, умъ, правила, все мое носить на себѣ особую печать. Можетъ-быть, отпечатокъ ея и не хорошъ. Я знаю, что онъ возмущалъ многихъ, и что обо мнѣ часто судятъ ложно. Не скажу, чтобъ я была къ этому равнодушна:— я не имѣю ни этой гордости, ни этой философіи. Но судьба моя такъ расположилась, что дѣлаетъ неотразимыми, даже необходимыми всѣ мои дѣла, всѣ вкусы, и, слѣдовательно, всѣ подозрѣнія, порождаемыя ими. Роль моя должна ограничиваться тѣмъ, чтобъ имѣть довольно силы и ни на волосъ не отступать отъ того пути, который я себѣ предназначала. Всѣ усилія моего ума устремлены на то, чтобъ безпрестанно и ясно сознать свою жизнь и свое сердце. До-сихъ-поръ, я съ успѣхомъ противилась всѣмъ вліяніямъ внѣшняго міра, осталась тѣмъ, чѣмъ сотворилъ меня Богъ, и, какъ самородный металлъ, не поддаюсь ни чьей прихотливой рукѣ. Въ свѣтъ, никто безнаказанно не уединяется, Жюльенъ, и я должна была ожидать, что меня окружаютъ ненависть и подозрѣнія. Но я не отступила ни на шагъ. Женщина, которая теперь передъ вами, — та самая, которая десять лѣтъ назадъ вступила въ свою независимость, и съ той поры прошла сквозь многое, не измѣняя себѣ. Я многое заимствовала у другихъ, но никому не давала отвѣта, кромѣ Бога и — могилы.

Слово «могила» отозвалось какъ-то неприятно въ ушахъ Жюльена, и онъ неволью почувствовалъ въ себѣ какой-то непонятный страхъ.

Герцогиня продолжала:

— Недоступная приманкамъ мелкаго честолюбія, которыми другая женщина могла бы увлечься, рѣшившись жить въ самой-себѣ, я находя, что жизнь возможна только при какомъ-нибудь чувствѣ, при какой-нибудь мысли, совершенно-чуждыхъ всему тому, что меня въ обществѣ окружаетъ, я старалась устроиться такъ, чтобъ сдѣлать по-крайней-мѣрѣ сноснымъ тотъ образъ жизни, который мнѣ былъ назначенъ судьбою. Я предалась всѣмъ своимъ влеченіямъ и отдаляла отъ себя всѣ удовольствія, всѣ привязанности, которые

меня занимали. Я любила охоту, труды, усталость, науку, учение; я мечтала о дружбѣ, — а любовь, какъ я вамъ сказала, — любовь я похоронила особо. Дружба обманывала меня часто, но я не перестала въ нее вѣрить. Душа моя привыкла уповать на нее. Если эта надежда не осуществится, я съумю прожить и безъ нея. Есть нѣчто въ душѣ моей, что можетъ обойтись безъ всѣхъ васъ. Но жизнь моя будетъ свѣтлѣе, сердце мое будетъ крѣпче, поступки тверже, совѣсть счастливѣе, если мнѣ улыбнется дружба. Вотъ почему, Жюльенъ, я дѣлаю для васъ то, что дѣлала не для многихъ: вотъ почему я передъ вами объясняю себя и оправдываюсь. Если у васъ, въ чемъ и не сомпываюсь, гордый духъ и чистое сердце, вы поймете, какъ велико это доказательство дружбы.

Сен-Жюльенъ, побѣжденный, поклонился съ почтеніемъ. Она сдѣлала знакъ, что хочетъ еще говорить, и продолжала:

— Оставаться вѣрной одному воспоминанію, одной клятвѣ, одному имени, — подобную роль женщина, богатая и окруженная льстецами, не можетъ громогласно принять на себя. Это значило бы вызвать всѣ насмѣшки, возбудить всѣ желанія, возмутить зависть, словомъ, добровольно подвергнуть себя непріятностямъ, которыхъ нѣтъ въ обыкновенномъ теченіи жизни. Я схоронила свою тайну въ глубинѣ сердца, и, отвергнувъ всякое объясненіе, всякое обнаруженіе чувствъ, пошла скрытой дорогой, не говоря никому, къ какой цѣли стремлюся. Я шла безъ притязаній, безъ притворства, безъ жалобъ, безъ хвастовства; и шла съ открытымъ челомъ, съ поднятой рукой, съ свободнымъ духомъ, съ прозорливымъ взоромъ, и ухомъ, закрытымъ для лести. Вы могли видѣть, много ли я сдѣлала зла вокругъ себя?

— О нѣтъ, герцогиня. Я знаю, что вы прекрасная правительница, отвѣчалъ съ чувствомъ Жюльенъ: — но отъ-чего же вы хотите быть только этимъ?

— Не жалѣйте обо мнѣ и не удивляйтесь мнѣ, отвѣчала она. — Сперва, страданіе мое было тяжело, но Богъ сдѣлалъ чудо, и я стала счастливѣй. Это тайна, которой я не могу вамъ открыть теперь, но которую надѣюсь сообщить со-временемъ. Знайте одно, что съ-тѣхъ-поръ мнѣ было уже не трудно не измѣнить своему рѣшенію, и что выгоды моего положенія далеко превышали неудобства. Эти неудобства, однакожь, не малы, и вы, Жюльенъ, дали мнѣ ихъ почувствовать больше, чѣмъ кто-нибудь другой. Вы судили обо мнѣ по наружнымъ примѣтамъ, какъ дѣлаете всѣ вы, и сказали себѣ: «этого нѣтъ, потому-что это невѣроятно». Кто разсуждаетъ такъ, тотъ сто разъ уклоняется отъ обмана, но одинъ разъ пропускаетъ дружбу. Пропустить друга, Жюльенъ, — значить сдѣлать большую потерю, ибо кто одинъ разъ въ жизни об-

рять совершенную дружбу, тотъ почти можетъ обойтись безъ любви. Хвала тѣмъ великодушнымъ сердцамъ, которыя вѣрятъ, предаются вполне и не страшатся измѣны! они пьютъ чашу Александра, и ставятъ свою жизнь, чтобъ выиграть друга. Я тоже искала друзей, и чтобъ найти ихъ, ставила болѣе жизни: ставила честь свою, и Богъ-знаетъ сколько пятнали и оскорбляли ее люди, непонявшіе меня и избравшіе меня цѣлю своего мелкаго честолюбія и низкихъ желаній. Разуверья ихъ, я стала имъ ненавистна, и нѣтъ такой черной клеветы, которою бы они не награждали меня. Видя, какъ спокойно иду я своей дорогой, вы, можетъ-быть, думали, что я не слышу криковъ и брани, преслѣдующихъ меня? Вы, можетъ-быть, думали, что я поступаю необдуманно, дѣлая всякаго незнакомца своимъ повѣреннымъ, слугою, или другомъ, и не знаю, что его будутъ выдавать за моего любовника, или онъ самъ, можетъ-быть, станетъ хвастать тѣмъ же? Нѣтъ, я всегда вижу или предвижу всѣ послѣдствія моихъ смѣлыхъ поступковъ, но продолжаю быть смѣлою: мужество свое почерпаю я изъ неистощимаго источника—изъ чувства своей правоты. Свѣтъ не одобряетъ, не награждаетъ меня, но я все иду, и, можетъ-быть, когда-нибудь успѣю убѣдить его. Настанетъ наконецъ день, когда онъ меня узнаетъ, а если этотъ день и не наступитъ, меня это не убьетъ: меня утѣшитъ мысль, что я указала дорогу другимъ женщинамъ. Другія женщины будутъ счастливѣе меня, и, не покидая пѣжности своего пола, овладѣютъ, можетъ-быть, твердостію вашего.

— Золотыя мечты, прервалъ Жюльенъ:—надежды души восторженной!

— Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ восторженнаго, возразила Квинтия:—не я знаю себя, чувствую себя. Когда я оглядываюсь назадъ, вижу, что вся жизнь моя была какъ-бы изъ цѣльнаго куска, и говорю себя, что, конечно, не я одна въ этомъ мѣрѣ никогда не говорила лжи. Не принимайте меня за добродѣтельную женщину, Жюльенъ. Я не знаю, что значить бороться съ собою; мнѣ этого никогда не случалось. Я никогда не подчиняла себя разсчитаннымъ правиламъ, потому-что никогда не чувствовала въ томъ нужды; я никогда не была увлечена тѣмъ, чѣмъ бы мнѣ не хотѣлось быть увлеченною. Я всегда предавалась всѣмъ внушеніямъ моего сердца, и сердце не ввергало меня ни въ какую опасность. Мужчина, не имѣющій въ сердцѣ постыдныхъ ранъ, можетъ пить до опьяненія, и потерявъ память, онъ безъ опасенія можетъ раскрыть сокровеннѣйшіе изгибы своего сердца. Женщина, не любящая порока, можетъ не страшиться его. Она можетъ пройти по этой грязи, не запятнавъ и краевъ своего платья; она можетъ касать-

ся нечистыхъ язвъ чужой души, какъ сестра милосердія ка-сается больничной проказы; она имѣетъ право быть снисхо-дительною и прощать, и если не пользуется этимъ правомъ, она зла. Быть злой и цѣломудренно-благопристойной, значить быть хо-лодной; быть цѣломудренной и доброй, значить быть честной. Я никогда не думала, чтобъ это было трудно для душъ хорошо на-правленныхъ; но какъ ихъ немного! Сожалѣю о тѣхъ, кото-рыхъ рокъ обезславилъ, но не оскорбляю ихъ. Знаю, мнѣ это ставятъ въ большую вину; знаю, какія порицанія возбудили нѣко-торыя изъ моихъ привязанностей, какой ироніей осыпали меня за мои усилія поддержать и утѣшить тѣхъ, которыхъ толпа угнета-ла. Здѣсь-то я прибѣгала къ силѣ, данной мнѣ Богомъ, и позволя-ла гордости своей возставать противъ несправедливости свѣта. Вотъ почему я предала свою голову оскорбленіямъ фарисеевъ, и покрыла сердце чугуною броней, чтобъ сохранить въ немъ небесную бла-годать. Кто вѣрвался моему покрову, тотъ не былъ выдаваемъ, и толпа осипла, крича на меня.

— Я это знаю, герцогиня, сказалъ Жюльенъ. — Не болѣе двухъ или трехъ дней, какъ я сталъ отглядываться вокругъ себя, и мнѣ уже стало извѣстно, что думаютъ о васъ даже тѣ, которые, изъ страха, не смѣютъ говорить. Я знаю, что вида, какъ вы при-нимаете обезславленныхъ женщинъ и защищаете преслѣдуемыхъ мужчинъ, васъ обвиняютъ, говоря, что вы разделяете заблужденія ихъ прошедшей жизни. И я удивлялся бы великодушію, съ ко-торымъ вы ихъ возстановляете, еслибъ не предвидѣлъ, еслибъ не зналъ, что вы должны будете опять понизить ихъ и свергнуть ту-да, откуда взяли...

— Вы думаете, Жюльенъ, что для многихъ больныхъ нѣтъ совершен-наго выздоровленія? А я-такъ никогда впередъ не отчаиваюсь ни въ комъ. Впрочемъ, мы оба правы: вы, если совѣтуете мнѣ остро-рожность; я—если налагаю на себя долгъ милосердія. Весь вопросъ въ томъ, имѣю ли я столько силы, чтобъ не страшиться труд-ныхъ послѣдствій моихъ пожертвованій? Если имѣю, въ чемъ могутъ меня укорить? Развѣ мнѣ откажутъ въ правѣ быть себѣ вредною?

— Странный характеръ! произнесъ Жюльенъ: — и я не знаю восхищаетъ ли онъ меня, или пугаетъ.

— Вы говорите то, что мнѣ уже часто говорили, отвѣчала Квин-тилія. — Меня удивляетъ одно, что я кажусь страшною. Когда я начинала свое поприще, я ожидала, что найду вокругъ себя только союзниковъ и друзей. Каково жь было мое удивленіе, когда мнѣ объяснили, что я сумасшедшая!.. сумасшедшая, я! Я и до-

сихъ-поръ не перестаю удивляться, что кажусь имъ сумасшедшею! Нѣтъ, не я сумасшедшая, а вы, вы все обезумѣли.

— Но, герцогиня, какое добро можно сдѣлать злымъ, защищая ихъ дерзость?

— Я ненавижу дерзость, и никогда ея не защищаю. Я принимаю подъ свой покровъ только раскаяніе и страданіе.

— Или, подъ ихъ личиной, притворство?

— Да, ваша правда, я обманывались, Жюльенъ; это были терніи моего пути. Они изранили мнѣ ноги, и кровь еще течетъ. Но не-уже-ли вернуться назадъ, когда впереди слышны вопли и жалобы, зовущія на помощь? Бояться быть обманутымъ? по для сердце чувствующихъ потребность творить добро, такая боязнь — низкій порокъ, который надо побѣдить. Милостыня подается не даромъ, не безъ ущерба для подающаго.

— Герцогиня, вы рождены быть повелительницей великаго народа, и творить великія дѣла!

— Или же, отвѣчала она съ улыбкою: — быть сестрою милосердія; это было бы самое высокое назначеніе, и я не исполнила его.

— Но какое же добро удалось вамъ сдѣлать? грустно произнесъ Жюльенъ: — Ваши тюрьмы пусты, ваши больницы лучше устроены, и доброта ваша служить прибѣжищемъ всякому, кто вызываетъ къ ней. Но, облегчивъ судьбу этихъ несчастныхъ, облагородили ли вы ихъ падшія души, исправили ли ихъ дурицыя наклонности, или побѣдили ли ихъ грубую праздность? Мы часто съ вами бесѣдовали объ этомъ, и вы мнѣ говорили, герцогиня, что желанія ваши не часто увѣнчивались успѣхомъ. Возьмемъ примѣръ самый близкій, и изъ высшаго сословія, прибавилъ онъ, подстрекаемый остаткомъ недоувѣрчивости. Все знали Лучійоли за низкаго честолюбца. Снисходительность ваша долго противилась истинѣ, и вы возвысили его до вашей довѣренности. Что жъ? наконецъ, вы были-таки принуждены открыть глаза, и удалить его.

— Это одна изъ иголъ, ранившихъ мои ноги, отвѣчала она. — Въ тотъ день, когда этотъ покорнѣйшій слуга сдѣлался дерзкимъ, я его оттолкнула отъ себя, и еслибъ я, Жюльенъ, воспользовалась урокомъ по примѣру свѣта, я послѣ того не приблизила бы тебя къ себѣ, я не подарила бы тебѣ своего довѣрія, опасаясь встрѣтить въ тебѣ другаго Лучійоли. Ты видишь, другъ мой, что у сумасшедшихъ есть своя мудрость, которая стѣдитъ вашей.

Этотъ отвѣтъ тронулъ Жюльена.

— Вы добры и великодушны, отвѣчалъ онъ: — и я, можетъ-быть, не достоинъ дружбы вашей.

— Пойдите, Жюльенъ, сказала Квинтилія съ улыбкой: — мы еще не помирились, Я объяснила вамъ свой характеръ и об-

разъ мыслей; вы меня поняли. Теперь, остается вамъ увѣриться въ истинѣ всего сказаннаго мною, а я вамъ не дала еще никакого доказательства моей искренности.

Жюльёнъ, видя близость разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, содрогнулся отъ радости. Въ его строгой душѣ необходимость уваженія говорила громче необходимости любви. По-этому, послѣднія слова Квинтиліи были ему такъ дороги, что онъ не промѣнялъ бы ихъ на признаніе въ любви, еслибъ когда-нибудь дождался его отъ герцогини.

— О, да! вскрикнулъ онъ добросердечно: — дайте мнѣ эти доказательства, чтобъ я могъ на колѣняхъ раскаяваться и плакать, чтобъ я могъ навсегда васъ уважать и благословлять. Да, да! докажите мнѣ, что вы искренни, и я буду дѣлать все, что вы прикажете. Я буду служить вамъ цѣлую жизнь и задушю любовь свою, чтобъ никогда, никогда не напоминать вамъ о ней.

Онъ вдругъ замолчалъ, увидя, что Квинтилія остановила на немъ холодный, почти-презрительный взоръ. Съ минуту продолжалось молчаніе, столько таинственное для Жюльёна, что онъ, въ волненіи, сталъ ходить по комнатѣ.

Герцогиня опять сдѣлалась спокойною, и, показывая на украшенный перламутромъ ларчикъ изъ сандалнаго дерева, сказала:— Я могла бы отпереть вотъ этотъ ларчикъ и представить неотвергаемыя доказательства чистоты всей моей жизни. Менѣе чѣмъ въ пять минутъ, я могла бы вамъ указать, на чемъ основаны всѣ клеветы, разглашенныя на мой счетъ, и убѣдить васъ, до какой степени ложно и низко самохвальство Лучьёли и многихъ другихъ. Но не-уже-ли мы дошли до этой необходимости, Жюльёнъ, и не-уже-ли вы дружбу свою можете продать только за такую цѣну?

Жюльёнъ не смѣлъ отвѣчать; онъ поблѣднѣлъ, и стоялъ неподвиженъ.

— Замѣтили ли вы, что я сдѣлала хоть одно злое дѣло?

— Нѣтъ, герцогиня.

— Сказала ли я когда-нибудь низкую мысль? обнаружила ли хоть одно неблагородное чувство въ-теченіи шести мѣсяцевъ, которые мы провели съ вами съ-глазу-на-глазь?

— Нѣтъ, никогда.

— Пытали ли вы когда-нибудь ко мнѣ полную вѣру?

— Почти всегда, герцогиня.

— Что же могло ее поколебать?

— Не заставляйте меня говорить... внѣшнія обстоятельства, нелѣпые рассказы, присутствіе Жинеты возлѣ васъ, иногда вашъ собственный голосъ и ваши манеры, а болѣе всего ваши стран-

пости, ваши столь противоположныя, вѣчно-смѣняющіеся и неисключающіе другъ-друга вкусы; словомъ, чего я не понимаю, все это страшитъ меня... Но на что вамъ мое уваженіе?

— Я у васъ его не прошу, сударь; я надѣялась, что имѣю право его требовать.

Опять наступило молчаніе; но герцогиня, слѣлавъ видимое усиліе, чтобъ побѣдить свою гордость, начала снова:

— Вы грубы, сказала она ему: — и никогда мужчина вашихъ лѣтъ не смѣлъ говорить со мною такъ, какъ вы. Именно по этому-то я васъ уважаю и желала бы быть уважаема вами. Но замѣйте, Жюльенъ, что значить довѣрчивость! Развѣ, въ эту минуту, я не имѣла полнаго права подумать, что вы самый тонкій и хитрый интриганъ, и что ваша грубая, безопаднаая откровенность не что иное, какъ ловко-надѣтая маска? Однако, я знаю, что вы меня не обманываете, и не въ шутку даете мнѣ выборъ между вашимъ отъѣздомъ и моимъ оправданіемъ. Мнѣ оправдывать себя! прибавила она съ выраженіемъ оскорбленія: — возьмите, вотъ вамъ ключъ отъ ларчика... И она съ негодованіемъ бросила ключъ къ погамъ Сен-Жюльена.

— Я не подыму его, сказалъ онъ съ досадою: — вы смотрите на меня какъ на наглеца; я заслужилъ это — и ухожу.

— Прощайте! сказала она, протягивая ему руку: — я сожалею, что мы не могли остаться друзьями, какъ были.

Онъ подошелъ къ ней, и увидѣвъ, что Квинтилія плачетъ. Весь гнѣвъ его исчезъ. Жюльенъ остановился передъ ней какъ ребенокъ, который не смѣетъ просить прощенія, и самъ горько заплакалъ.

— А, Жюльенъ! сказала она: — возможно ли, чтобъ я должна была столько страдать отъ друзей! Отъ-чего они не поступаютъ такъ, какъ я? Отъ-чего они не вѣрятъ мнѣ, какъ я имъ вѣрю? Что же такое разрушаетъ всѣ мои привязанности? Почему всѣ сочувствія, внушаемая мною, подавляются при самомъ зарожденіи? почему я всегда одними презираема, другими ложно судима? Что я такое сдѣлала — я, которой вся жизнь была безпрестанное жертвоприношеніе дружбѣ, не-уже-ли я должна покупать дружбу у тѣхъ, кому подарила свою? Когда я васъ нашла на большой дорогѣ, раненнаго, усталаго, покрытаго пылью и дурно одѣтаго, отъ-чего я васъ не приняла за бродягу и за низкаго обманщика? Отъ-чего я повѣрила истинѣ вашего взора и благородству словъ? Такъ, видно, на лицѣ моемъ написаны обманъ и двуличность? Какъ! и вы можете оправдаться у другихъ, что вамъ думать обо мнѣ! И ваше сердце того не сказало вамъ! Такъ, значить, я не сумѣла проникнуть до него? И что маѣ въ вашемъ уваженіи, если оно будетъ вынуж

дено? Вы тогда воздадите мнѣ только должное, мое, а душа ваша не подаритъ меня ничѣмъ...

— Вы правы, произнесъ Сен-Жюльенъ, падая передъ нею на колѣни: — оставьте свои доказательства у себя, я не хочу ихъ. Берегите свою любовь для того, кто заслужилъ ее. Что касается до моего благоговѣнія, до моей преданности, до моей дружбы, — если позволено мнѣ повторить слово, которое вы произнесли, — испытайте ихъ. Вы побѣдили самую недовѣрчивую и упрямую натуру. Видно, Богъ одарилъ вашу душу безпредѣльнымъ могуществомъ надъ душами другихъ. О! не жалуйтесь болѣе; вы всегда найдете друзей, когда захотите; притомъ же, если у васъ не будетъ друзей, я разорву себя на сто частей, чтобъ вамъ повиноваться.

Квинтилія вся въ слезахъ бросилась къ нему, и Жюльенъ обнялъ ее съ увлеченіемъ брата.

Въ эту минуту, тихонько постучались въ дверь, и Квинтилія пошла отворять. То была Жинета. Ей что-то нужно было передать герцогинѣ. Герцогиня съ горничной вышла на балконъ, и дала знакъ Жюльену подождать ее. Ихъ разговоръ показался ему продолжительнымъ. Весь еще подъ вліяніемъ сладостнаго волненія, которымъ было наполнено его сердце, Жюльенъ скорѣе хотѣлъ увидѣть Квинтилію и передъ уходомъ услышать отъ нея еще хоть одно слово. Въ нетерпѣніи онъ сталъ перебирать, не разсматривая, разныя вещицы, разбросанныя на столѣ. Случайно, въ его рукахъ очутились часы герцогини, и онъ отворилъ ихъ, какъ-бы желая сосчитать минуты, которыя Жинета у него похищала. Но при первомъ на нихъ взглядѣ, по жиламъ его пробѣжалъ смертельный холодъ. Неясное и мучительное воспоминаніе сжало его сердце, и вслѣдъ за тѣмъ непобѣдимое любопытство овладѣло всѣмъ существомъ его. Онъ поднесъ часы къ свѣчкѣ и прочелъ явственно имя — Шарля Дортаана.

— Безстыдная! произнесъ онъ глухимъ голосомъ, бросивъ часы на столъ... Потомъ онъ взялъ ихъ опять, чтобъ вполне убѣдиться, не обманываютъ ли его глаза; слова прочелъ несчастное имя, и сталъ внимательно разсматривать украшенную эмалью платанную крышку. Она во всемъ была совершенно сходна съ тою, которую блѣдный путешественникъ показывалъ ему на крыльцѣ авицѣйонской гостинницы, въ день его отъѣзда.

Эта исторія, которая съ самаго начала сильно потрясла Жюльена, скоро потомъ вышла изъ его памяти. Въ то время, онъ, гораздо-менѣе опытный, гораздо-болѣе остерегался своихъ впечатлѣній. Онъ разсудилъ, что разсказъ путешественника похожъ на романъ и неправдоподобенъ; что его имя и лицо не сдѣлали на герцогиню ни малѣйшаго впечатлѣнія, и что самъ Дортаанъ не сумѣлъ

довести своей роли до конца, и не осмѣлился заговорить съ Квинтилейей. Онъ рѣшалъ по-свѣдому, что Дортанъ былъ или сумасшедшій, или безстыдный хвастунъ, желавшій посмѣяться надъ его добродушной простотой, такъ-что все это приключеніе представлялось уму Сен-Жюльѣна очень-рѣдко, и то въ видѣ какого-то запутаннаго, нелѣпаго и тяжкаго сна.

Но теперь, когда онъ, вдругъ такъ неожиданно убѣдился въ искренности Шарля Дортана, имъ овладѣло глубокое негодованіе. Эта женщина, такъ великолѣпно-высказывавшая минимую откровенность души, предлагавшая доказательства, представлялась ему теперь безстыдной комедіанткой, ненавистной кокеткой, играющей, по прихоти своей, всѣ возможныя роли, и презирающей всѣ разгрызаемыя ею добродѣтели.

Въ эту минуту, герцогиня воротилась въ комнату, и Жюльѣнъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобъ скрыть свое негодованіе; но усилія его были ненужны: герцогиня думала совсѣмъ о другомъ и вовсе не замѣчала его. Она ходила суетливо по комнатѣ, и нѣсколько разъ повторяла Жинетъ:

— Скорѣе, скорѣе мантилью съ бархатнымъ капшюномъ, и потаенный фонарикъ...

Вдругъ она замѣтила Жюльѣна, и, казалось, была недовольна, что въ разсѣянности проговорила эти слова. Тѣмъ не менѣе она подошла къ нему очень-спокойно, и, протянувъ руку, пожелала ему доброй ночи. Сен-Жюльѣнъ медленно поцаловалъ ея руку, и, стараясь принять на себя натянутую наглость придворнаго, сказалъ только самую отчаянную фразу, какую могъ выдумать. Она не слыхала ея и отвѣчала:

— Да, да, до завтра; спокойной ночи, мой другъ.

XLV.

Подавляемый гнѣвомъ и ненавистью, бѣдный Жюльѣнъ вошелъ въ комнату Галеотто. Пажъ заснулъ надъ романомъ.

— Ахъ, это ты, пробормоталъ онъ: — откуда? Тебя не видать цѣлый вечеръ.

— Я отъ Кавальканти, отвѣчалъ Жюльѣнъ.

— А, а! что такое? сказалъ пажъ, вставая. — Васъ, должно-быть, выгнали, господинъ домашній секретарь, или вы счастливейшій изъ смертныхъ. Тогда позвольте мнѣ снять колпакъ и привѣтствовать вашу свѣтлость!.. Герцога на тридцать-шесть часовъ, по-крайней-мѣрѣ!

— Я никогда не унижусь до этого, отвечал Жюльенъ.

— Что же случилось?

— Ничего, Галеотто, кроме того развѣ, что я теперь узналъ, какъ мнѣ понимать эту женщину. Вы приписывали ей много чести, считая ее педанткой, и говоря, что, можетъ-быть, она никогда не имѣла столько чувствительности и увлеченія, чтобъ сдѣлать какой-нибудь проступокъ. Нѣтъ, это вовсе не то. Это просто развратница, и очень-неосторожная, которая исполняетъ всѣ свои прихоти, предается втайнѣ всѣмъ порокамъ, и имѣетъ притязаніе казаться образцомъ дѣвственной целомудренности и итальянскою сентиментальности; это женщина безстыдная съ претензіями игуменьи и насмѣшливымъ лицемеріемъ маркизы временъ регентства; наконецъ, что всего отвратительнѣе — это порокъ подъ личиною добродѣтели.

Послѣ такого вступленія, Сен-Жюльенъ разсказалъ какъ онъ провелъ вечеръ.

— Мнѣ это очень-пріятно узнать, отвечалъ Галеотто съ видомъ нѣкотораго размышленія: — но, по-истинѣ, я все-таки удивляюсь. Значитъ, эта женщина довольно-искусна и ловка, потому-что были дни, когда она даже и на меня производила подобное впечатлѣніе. Вы можете мнѣ повѣрить, Жюльенъ; я не слишкомъ доверчивъ, и, однакожь, были дни, когда, слыша отъ нея такія вещи, я почти расказывался въ вчерашнихъ о ней мнѣніяхъ... Правда, эти дни были рѣдки, и я на другое же утро смѣялся надъ собою; но... Сказанное вами удивляетъ меня, какъ-будто я ожидалъ чего-нибудь другаго... Увѣрены ли вы, Сен-Жюльенъ, что вы не ошиблись?

— Я въ томъ совершенно убѣжденъ, Галеотто; и какъ я тоже находился въ нестоянномъ невѣдѣніи, и непрерывно — то вѣрилъ ей, то не доверялъ (за исключеніемъ того, что у меня дни недоверчивости были очень-рѣдки), — изъ этого выходитъ, что я еще болѣе пораженъ и огорченъ, чѣмъ вы.

— Огорченъ! вскричалъ Галеотто. — Развѣ я огорченъ? Нѣтъ! ни сколько... Что мнѣ до этого за дѣло? Я никогда не былъ въ нее влюбленъ. И хотите ли, я вамъ скажу, какія мысли пришли мнѣ теперь въ голову? Странно! Но мнѣ кажется, я теперь способенъ влюбиться въ эту женщину.

— Какъ? теперь, когда вы должны презирать ее?

— Я ее не презираю; напротивъ! О, да! теперь дѣло совсѣмъ другаго рода! Я ее считалъ педанткой, нелюдой; я находилъ ее смѣшной и смѣялся надъ нею. А теперь я надъ ней не смѣюсь, потому-что теперь она въ глазахъ моихъ получила совсѣмъ-другое значеніе. Она хитра, ловка, измѣнчива, неосторожна; она такъ хорошо играетъ всякія роли, что настоящій ея характеръ неуло-

внѣ и ускользаетъ отъ взора. Знаете ли, что это женщина: высоко-шаго разряда, настоящая придворная женщина, которая могла бы двигать всѣмъ свѣтомъ, еслибъ управляла обширнымъ государствомъ? Съ такою гибкою совѣстью, съ такимъ искусствомъ, съ такимъ хладнокровіемъ и коварствомъ можно пойдти далеко... И кто намъ сказалъ, что она не пойдеть? Пусть только представится благоприятный случай — она заставитъ говорить о себѣ. Знаете ли, какая изъ всѣхъ способностей первая въ мірѣ? Это — располагать свою власть на другихъ. Истинное величіе заключается во власти, какую имѣють надъ умами; и только такимъ образомъ достигаютъ до владычества надъ самыми дѣлами. — Словомъ, конечно! я примираюсь съ ней, не стыжусь быть ея наженъ. Я могу брать у ней добрые уроки, и чтобъ лучше воспользоваться ея нисколой, хочу, въ свою очередь, сдѣлаться ея любовникомъ...

Пажъ на минуту остановился; потомъ прибавилъ съ видомъ размышленія:

— Еслибъ я только могъ! Потому-что дѣло теперь представляется мнѣ нѣсколько труднѣе, чѣмъ я воображалъ... А стоитъ попытаться... Чортъ возьми! Это что-нибудь бы значило!

— Это не такъ трудно, возразилъ Жюльенъ.—Довольно, если вы пройдете по улицѣ мимо нея, и ваша физиономія ей понравится. Вы недолго станете ожидать, пока васъ схватятъ, посадятъ въ карету и привезутъ въ ея секретныя комнаты.

— Въ томъ-то и дѣло, чортъ возьми! Женщины, которыя имѣютъ такія желанія и удовлетворяютъ ихъ такъ непринужденно, доступны не для всѣхъ. Можно прожить десять лѣтъ подъ одной съ ними кровлей и ни разу не поцаловать у нихъ руки. Онѣ могутъ сопротивляться самому ловкому и обольстительному изъ мужчинъ. Ихъ нельзя захватить врасплохъ. Онѣ обыкновенно отдаются или сдаются. По-этому, удовольствіе принадлежитъ тому, кто имъ понравился, честь — кто умѣлъ ихъ покорить. Теперь я готовъ ручаться головою, что Лючіяоли никогда не была ея любовникомъ. Онѣ слишкомъ-недовоки, милый другъ мой! Она бы могла ему отворить дверь своего будуара, еслибъ онѣ умѣлъ скрыть, что хочетъ войти въ залу совѣта. Что до меня—я вовсе не думаю о герцогѣ монтерегальскомъ; мои мечты, отнынѣ, простираются гораздо-выше. Я постараюсь, чтобъ она подарила меня своей довѣренностью и поучила — какъ управлять людьми посредствомъ жи.

— Итакъ, те, что угасило мою любовь, зажигаетъ вашу? сказалъ Сен-Жюльенъ.

— Назовайте это любовью, если вамъ такъ хочется. Я назыву

иначе: любопытствомъ, любознаниемъ, любомудриемъ, какъ вамъ угодно.

— И то, что заставляетъ меня ненавидѣть и вризирать ее, то васъ мирить съ нею?

— Вполнѣ. Но чрезъ это я не перестану вести съ нею нашу маленькую обсервационную войну. Напротивъ, приложу къ ней все свое стараніе, и открытія мои будутъ теперь имѣть гораздо больше значенія. Будь покоешь, Жюльенъ — что бы ни случилось, я тебя не измѣню.

— Вы можете измѣнять мнѣ сколько вамъ угодно; я не долго здѣсь останусь. Но послушайте: прежде, нежели пожелаю вамъ доброй ночи, надо, чтобъ вы рассказали мнѣ исторію Макса.

— Это не долго. — Максъ былъ любовникомъ ея свѣтлости. Когда, по смерти своего супруга — герцога, котораго она никогда не видѣла, какъ я уже вамъ говорилъ, она сдѣлалась единственной повелительницей, Максъ былъ у нея въ такой милости, что, по увѣренію всего двора, долженъ былъ на ней жениться. По-этому, съ нимъ обходились здѣсь съ самымъ глубокимъ почтеніемъ, не смотря на то, что онъ былъ побочный сынъ и имѣлъ всего только шестнадцать лѣтъ. Однажды вечеромъ, за ужиномъ, когда тщеславіе вмѣстѣ съ токайскимъ зашумѣло въ головѣ молодаго любимца, онъ, не знаю, право, чѣмъ, похвастался въ присутствіи ея свѣтлости. Ея свѣтлость, говорятъ, слегка нахмурила брови и не сказала ни слова. На другой день, слуги Макса не нашли своего господина ни въ комнатѣ, ни во дворцѣ, ни въ городѣ, ни внѣ города. Его искали и ожидали напрасно. Онъ никогда ужъ не являлся, и о немъ никогда не говорили. Кажется, здѣсь случилось убійство, мастерски сдѣланное ..

— И никто не требовалъ мщенія за такое злодѣйство?

— Максъ былъ побочный сынъ, отъ котораго, конечно, очень рады были отдѣлаться, посылая его къ маленькому двору, гдѣ, казалось, онъ готовъ былъ пустить корни. Ожидала ли его тамъ смерть или женитьба, какое дѣло! лишь бы можно было не думать о немъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, о немъ не думали. О немъ говорили даже тихо, чтобъ не быть въ необходимости призывать его или мстить за него. Но теперь хотятъ изъ его имени сдѣлать пугало, чтобъ принудить ея свѣтлость согласиться на какіе-то политическіе планы, и посланникъ Гуркъ затѣваетъ форменное требованіе Макса, въ случаѣ, если его личная красота, съ перваго же раза, не одержитъ ожидаемой побѣды. Ты ужъ знаешь это!

— Правосудіе неба падаетъ неожиданно на преступную голову! вскричалъ Сен-Жюльенъ.

— Да, да! теперь, когда я смотрю на вещи съ настоящей точки,

сказалъ Галеотто: — нахожу, что это былъ подвигъ довольно-смѣ-
лый для женщины въ шестнадцать лѣтъ.

— Ей было только шестнадцать лѣтъ! О, ужасы! сказала Сен-
Жюльенъ.

— Что жь? подхватывалъ Галеотто: — Въ судьбахъ великихъ лю-
дей встрѣчаются рѣшенія неизбежныя, и много значить уметь
употреблять ихъ во-время и исполнять искусно. Надо признаться —
это довольно-ловко. И ни тени угрызения совѣсти на шестнадцати-
лѣтнемъ челѣ! И ни слѣда горькаго воспоминанія во всю жизнь!
Вотъ это называется силой, которую немногіе изъ мужчинъ имѣли
бы на ея мѣсть.

— Я думаю, что вы сами не имѣли бы ея, отвѣчалъ Жюльенъ,
уходя.

— Пойдите! Еще одно слово, кричалъ ему Галеотто.—Открыли
вы что-нибудь на-счетъ Розенгайма?

— Ничего, отвѣчалъ Сен-Жюльенъ.

— Куда онъ дѣлся? сказалъ Галеотто.—Кантаридъ долженъ знать
тайну. Онъ вѣрно прокололъ этого жука булавкой и спряталъ въ
одну изъ своихъ ящичковъ.

— Стоитъ ли беспокоиться, что сдѣлалось съ человекомъ, воз-
разилъ Жюльенъ: — здѣсь, гдѣ наскучившій любовникъ исчезаетъ,
какъ капля воды на солнцѣ?

— Кажется, ты смѣешься надъ моими метафорами, замѣтилъ
пажъ:—я тебя прощаю, если возьмешься проникнуть въ павильонъ
парка.

— Гдѣ профессоръ естественной исторіи дѣлаетъ свои опыты,
и любитъ, по ночамъ, разыгрывать роль астролога и алхимика,
наводя свой телескопъ на луну и пугая собакъ электрическими
взрывами?

— Нѣтъ, тамъ совершается нѣчто другое, отвѣчалъ пажъ:—кро-
мѣ этой старой пародіи на колдовство и карманнаго грома.

— Ужъ не принимаетъ ли тамъ госпожа Кавальканти своихъ
ночныхъ обожателей, показывая видъ, будто бесѣдуетъ съ тѣня-
ми? Вѣроятно, и этотъ трехмѣсячный любовникъ, господинъ Ро-
зенгаймъ, скрывается тамъ же.

— Можетъ-быть! Но этотъ любовникъ ужъ не больше ли,
чѣмъ любовникъ... Подъ этою маскою жука, можетъ-быть, скры-
вается какой-нибудь политическій вопросъ, какой-нибудь дипло-
матическій проектъ... Профессоръ не надуетъ меня своими шту-
ками. Этотъ Розенгаймъ, кажется, назначенъ противоядіемъ любов-
ному напитоку Гурка и Штейнаха... Онъ здѣсь не болѣе трехъ
дней, а герцогиня посѣщаетъ павильонъ болѣе трехъ лѣтъ. Знаешь
ли ты, какую странную сказку рассказывала мнѣ Жинета?

— Какую?

— Однажды, по своему обыкновенію, съ жаромъ защищая свою репутацию, она воображала, что отниметь у меня всякую вѣру въ убіеніе Макса, сказавъ, что ея свѣтлость страстно любила его, и что онъ былъ единственный человѣкъ, къ которому она питала такую привязанность. Я отвѣчалъ, что вѣрю, тѣмъ болѣе, что Максъ былъ единственный человѣкъ, котораго она убила. Жинета пришла въ сильное негодованіе, и разъ въ жизни сдѣлалась багуньей: Она отвѣчала мнѣ, что ея свѣтлость не только любила Макса, но что она его любить и теперь, любить, не смотря на то, что онъ ужь умеръ. Доказательство — прибавила она, что герцогиня вслѣдъ за днемъ запирается въ подземельѣ павильона предъ мраморной гробницей, которую построила она тайнѣ, и... Но, но-истинѣ, Жюльенъ, вы смотрите на меня съ такимъ презрѣніемъ, что я не смѣю продолжать разсказа. Онъ до такой степени страненъ, что вы засмѣетесь мнѣ въ глаза, если я приму свѣтлость передать его вамъ такъ, какъ слышалъ.

— Такъ какъ вы, я думаю, сами не вѣрите этому... сказалъ Жюльенъ.

— Не знаю, не знаю, отвѣчалъ пажъ. — У женщинъ такія романтическія головы! У людей, одаренныхъ умомъ и силой, встречаются такія противорѣчія, такія мрачныя мечты!.. Да! Въ этомъ свѣтѣ надо всему вѣрить и ничему не вѣрить. Надо видѣть!

— Но, наконецъ, сказалъ Жюльенъ: — этотъ мраморный памятникъ?..

— Заключаетъ въ себя золотую коробочку, если вѣрять Жинетѣ?..

— А эта золотая коробочка, что въ ней?

— Ничего не знаю, и Жинета увѣряетъ, что ничего не знаетъ; но она сказала, что коробочка имѣетъ форму и объемъ ящиковъ, въ которыхъ обыкновенно балзамируютъ человѣческія сердца..

— Эта исторія отвратительна! мрачно произнесъ Жюльенъ послѣ долгаго молчанія. — Убить человѣка и оплакивать его; пронзить сердце ударомъ кинжала, и потомъ исторгнуть его изъ внутренностей, чтобъ балзамировать и сохранять какъ святыню или какъ трофей; запирается каждый день въ склѣпѣ на бесѣду съ моголою и совѣстью, и, выходя оттуда, отдавать себя первому проходящему... Если все это возможно, въ добрый часъ!

Жюльенъ съ бѣшенствомъ топнулъ ногою, и, проведя рукою по лбу, вскричалъ съ выраженіемъ мучительной тоски:

— О, отецъ мой! мой старый замокъ, мои земледѣльцы, мои лѣса, мои книги, моя родина! Гдѣ вы? Гдѣ то время, когда я не зналъ ничего того, что теперь знаю!

Онъ былъ такъ огорченъ и опечаленъ, что Галеотто не смѣлъ смѣяться надъ нимъ, какъ смѣялся всегда, когда Жюльенъ предавался своей чувствительности.—Жюльенъ ходилъ по комнатамъ молча, потомъ прибавилъ съ горькою улыбкой:

— Если этотъ неизвѣстный обожатель спрятанъ въ павильонѣ, ей должно быть особенно-приятно принимать ласки у гробницы Макса. Можетъ-быть, несчастный убитъ въ этомъ же самомъ подземельѣ, и могла его служить постелью чудовищнымъ наслажденіямъ Квинтилія? Ужасъ!.. Мнѣ кажется, что я грежу во снѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, она нынче хвалилась мнѣ, что похоронила свое сердце въ могилѣ. Вотъ, по-истинѣ, прекрасная метафора! Но она не сказала, что съ сердцемъ схоронила и свое тѣло! И прекрасно сдѣлала: иначе, нашлось бы много людей, которые могли бы обличить ее въ противномъ!.. Поди сюда и взгляни въ окно. Видишь ли ты этотъ блѣдный огонекъ, который пробѣгаетъ по аллеѣ парка? Это маленькій потаенный фонарь, который приказано Живетъ зажечь, чтобъ идти на свиданіе.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вскричалъ пажъ, поспѣшно одѣваясь.

— Да, объ этомъ она, въ разсѣянности, проговорила при мнѣ. Но что вы дѣлаете?

— Чортъ возьми! одѣваюсь и бѣгу. Какъ? Было условлено свиданіе, и вы ничего мнѣ не сказали! И я болталъ здѣсь съ вами, тогда-какъ мнѣ давно бы слѣдовало быть тамъ и слѣдить за волчницей!

— Вотъ единственное умное слово, какое вы сказали нынче, произнесъ Жюльенъ, глядя въ слѣдъ за пажемъ, который, полураздѣтый, выбѣжалъ, и какъ кошка скользнулъ по темному корридолу.

Сен-Жюльенъ отправился спать, но сонъ его былъ ужасенъ. Ему снилось, что убійцы бросаются на него, разрѣзываютъ ему грудь и вырываютъ оттуда сердце, все еще трепещущее, а Квинтилія, въ длинномъ красномъ платьѣ, блѣдная и неподвижная, стоитъ и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотритъ на него, держа въ рукахъ золотую коробочку, наполненную кровью.

хv.

Сен-Жюльенъ промалъ день, запершись въ своей комнатѣ, и рѣшился сказаться больнымъ, если герцогиня его спроситъ. Но она его не спрашивала. Утомясь отъ молчаливыхъ, ни съ кѣмъ нераздѣляемыхъ страданій, онъ вышелъ вечеромъ въ городъ, чтобъ

разсѣяться. Тутъ онъ вспомнилъ о студентѣ, съ которымъ наканунѣ познакомился, и съ которымъ условился видѣться въ Трактиръ-Золотаго-Солнца.

Онъ нашелъ его уже за столомъ. Студентъ курилъ за бутылкою пива, еще неоткупоренною; предъ нимъ стояли два пустые стакана.

Пріятели встрѣтились по-дружески. Сен-Жюльенъ тщетно хотѣлъ принять на себя веселый видъ, и потому студенту пришлось одному поддерживать разговоръ. Онъ дѣлалъ это со всею обязательностію и былъ еще любезнѣе, чѣмъ наканунѣ. Они присѣли такимъ образомъ до одиннадцати часовъ. Послѣ этого Шпаркъ всталъ, говоря, что онъ рабъ своихъ привычекъ, и никогда не ложился позже этого часа. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предложилъ Жюльену прогулку на завтрашній день. Для Сен-Жюльена самый воздухъ двора сталъ теперь ненавистенъ. Онъ на другой день спросилъ Квинтилію, не дастъ ли она ему какихъ приказаній. Герцогиня отвѣчала, что онъ можетъ быть свободенъ на цѣлую недѣлю, и Жюльенъ являлся во дворецъ только въ часы, назначенные для сна. По цѣлымъ днямъ онъ блуждалъ въ горахъ, то одинъ, то съ своимъ пріятеlemъ-студентомъ, который съ каждымъ днемъ привлекалъ его къ себѣ болѣе и болѣе.

Наконецъ, Сен-Жюльенъ былъ вполне очарованъ этимъ молодымъ человѣкомъ, да и трудно было не быть имъ очаровану, видя превосходную душу и возвышенность его чувствъ. Шпаркъ былъ изъ числа тѣхъ прямыхъ гармоническихъ натуръ, которыя даются нашему пониманію сразу, и у которыхъ въ-послѣдствіи нельзя отнять ничего изъ уваженія, внушеннаго ими съ самаго начала. Онъ былъ простъ и откровененъ, никогда не помышлялъ о превосходствѣ, и обо всемъ судилъ здраво. Онъ, казалось, зналъ больше, чѣмъ говорилъ, но въ его осторожности не было ничего надменнаго. Онъ былъ общителенъ и любилъ нравиться, но никогда не употреблялъ этого невыносимаго кокетства языка, которое дѣлаетъ нашъ умъ ложнымъ и сердце сухимъ. Онъ, казалось, былъ твердъ, и въ то же время обязателенъ; былъ внимателенъ къ другимъ и беззаботенъ къ себѣ; питалъ къ Провидѣнію пламенную, но не дѣтскую вѣру, которая, казалось, была слѣдствіемъ честной жизни и великодушнаго сердца. Чувствительность его не имѣла въ себѣ ничего раздражительнаго и болѣзненнаго, какъ у Жюльена, и молодой графъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ большую потребность прибѣгать къ кротости и ясности этой души, болѣе сильной и покойной, чѣмъ его собственная. Подавленный горестію, снѣдаемый неизвѣстностію, не зная что предпринять въ отношеніи къ герцогинѣ и самому-себѣ, онъ рѣшился вѣрнуться къ своему человѣку,

столь умному, доброму и вмѣстѣ съ тѣмъ столь тихому, и просить у него совета. Жюльѣну сначала трудно было раскрыть свое сердце, потому-что онъ отъ природы былъ мало-откровененъ. Галлетто зналъ его тайны, но онъ не понималъ ихъ. Впрочемъ, характеръ этого молодаго придворнаго былъ столько противоположенъ характеру Жюльѣна, что онъ не могъ извлечь себѣ никакой пользы отъ его сообщества. Напротивъ, нажъ владѣлъ какъ-бы особеннымъ искусствомъ увеличивать всѣ его горести и отравлять всѣ раны.

И такъ, во что бы то ни стало, Жюльѣнъ рѣшился посоветоваться съ Шпаркомъ, и въ одно утро, когда случай привелъ ихъ опять на тотъ холмъ, гдѣ они встрѣтились въ первый разъ, Жюльѣнъ попросилъ его присѣсть и прекратить свои ботаническія наблюденія, чтобъ начать лекцію изъ наблюдений психологическихъ.

— Надъ кѣмъ? спросилъ Шпаркъ улыбаясь. — Надъ вами или надо мной?

— Надо мной, если позволите, любезный Шпаркъ. У меня есть тайна, которая тяготитъ меня, и которую я не могу довѣрить никому. Надо, чтобъ я высказалъ ее вамъ.

— Отъ всего сердца, отвѣчалъ студентъ. — Я не стану отказываться, притворяясь въ скромности, не совѣмъ для васъ выгодной. Люди, которые боятся выслушать довѣренность другаго, обыкновенно боятся, что будутъ принуждены сохранить тайну или оказать услугу.

— Я, въ-самомъ-дѣлѣ, имѣю нужду въ великой услугѣ, сказалъ Жюльѣнъ:— прошу не руки вашей, чтобъ извлечь меня изъ дурнаго положенія, въ которомъ нахожусь: нѣтъ — мое сердце ищетъ помощи у вашего; обращаюсь къ вашему уму и прошу у васъ добраго совета.

— Это много, отвѣчалъ Шпаркъ:—не ручаюсь вамъ за успѣхъ; но я сдѣлаю все, что могу. Мы поищемъ вдвоемъ, и намъ поможетъ Богъ.

— Вы будете совершенно-безпристрастнымъ судьей къ дѣлѣ, чрезвычайно меня интересующемъ, сказалъ Жюльѣнъ:—вы не знаете особы, о которой я вамъ расскажу, и будете судить о ней просто по фактамъ, которые я представляю.

— Берегитесь, любезный другъ, возразилъ Шпаркъ: — это вещь серьезная. Если вы искажете факты, или знаете ихъ не вполне, мы можемъ вывести ложное заключеніе.

— Вы оцѣните только тѣ, которые я знаю; и такъ-какъ вы не будете очарованы взоромъ ехидны, то можете видѣть легіе, тѣмъ я.

— Так дѣло идетъ о женщинѣ и любовной интригѣ, сколько я понимаю?

— О женщинѣ. Знаете вы герцогиню Квинтилию?

— Какъ хотите вы, чтобъ я ее знала? Я здѣсь только восемь дней.

— Можеть-быть, кто-нибудь говорилъ вамъ о ней?

— Да; жители, которымъ она покровительствуетъ; бѣдные, которымъ помогаетъ, говорили, что это женщина благотворительная.

— Всѣ такія женщины благотворительны, сказалъ Жюльенъ.

— Какія же это? спросилъ Шпаркъ съ совершеннымъ восторженіемъ.

— Ахъ, Шпаркъ! вскричалъ Сенъ-Жюльенъ: — я вижу ясно, вы ея не знаете; иначе — вы бы не сдѣлали такого вопроса.

— Кажется, вы о ней не слишкомъ-высокаго мнѣнія, замѣтилъ Шпаркъ: — и если оно такъ установилось, зачѣмъ вы совѣтуетесь со мною?

— Чтобъ знать — долженъ ли я бѣжать и забыть ее, или преслѣдовать ее и сорвать съ нея личину. Я расскажу вамъ, что со мной случилось въ-теченіе семи мѣсяцовъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я покинулъ родительскій домъ.

Шпаркъ слушалъ рассказъ Жюльена съ большимъ вниманіемъ и съ такимъ спокойствіемъ, что рассказчикъ ни въ одномъ мѣстѣ своей исторіи не могъ угадать, какое произвела она впечатлѣніе на его слушателя. Благородная и спокойная фizioномія студента не измѣнилась нисколько, и дымъ вылеталъ изъ его трубки такими же правильными клубками, какъ и наканунѣ, когда онъ слушалъ, какъ Жюльенъ читалъ «Аугсбургскую Газету» въ Трактиръ-Золотаго-Солнца.

Когда Сен-Жюльенъ окончилъ рассказъ, Шпаркъ сдѣлалъ роль гримасы, выдвинувъ нижнюю губу нѣсколько впередъ, что можно было перевести словами:

— Все это не стоитъ того, чтобъ столько беспокоиться.

Послѣ минутнаго молчанія, онъ положилъ свою трубку на столъ и сказалъ:

— Прежде, нежели я скажу, что думаю о герцогинѣ Квинтилии, позвольте мнѣ сказать то, что я думаю о васъ-самихъ. Вы очень-благородны, но чрезвычайно-горды; вы добродѣтельны, но черезъ-чуръ нетерпачи; искренни, и однакожь очень-недовѣрчивы. Откуда это? не были ли вы воспитаны католическимъ священникомъ?

— Да, отвѣчалъ Жюльенъ: — и это былъ мой лучший другъ.

— Теперь я понимаю вашъ характеръ, и, признавая его очень-хорошимъ (говорю вамъ истинную правду), я бы желалъ, чтобъ

вы постарались его смягчить и очистить отъ грубой и жесткой коры. Я не думаю, чтобъ пажъ могъ вамъ дать добрые совѣты. Мнѣ кажется; онъ опасный интриганъ и человекъ съ злымъ сердцемъ. Вмѣсто того, чтобъ, подобно ему, смѣяться надъ строгостью вашихъ правилъ, я ихъ одобряю вполне, и объявляю, что если герцогиня Квинтилія дѣйствительно такая женщина, какъ вы ее осудили теперь, вы бы сдѣлали хорошо, еслибъ оставили и забыли ее. Но . . .

Здѣсь Шпаркъ сдѣлалъ паузу и задумался; потомъ онъ продолжалъ:

— Но я думаю, что вы рѣшительно ошибаетесь на ея счетъ, и что это превосходнѣйшая женщина.

— Какъ! не смотря на убійство Макса...

— Я не вѣрю въ это убійство, отвѣчалъ Шпаркъ улыбаясь: — никогда не соглашусь, чтобъ смерть человека была достаточно оправдываема его отсутствіемъ, а убійство любовника легкимъ словомъ съ одной стороны и нахмуреніемъ бровей съ другой. Эта сказка годна для того только, чтобъ усыплять дѣтей и наводить на нихъ тревожные сны.

— Вы не вѣрите въ это преступленіе? О, заставьте и меня не вѣрить ему! Это сняло бы раскаленный уголь съ моего сердца. Но порокъ и развратъ?..

— То-есть слабости женскаго пола, хотите вы сказать? Можно быть женщиной слабою и въ то же время доброю. Я не люблю этихъ женщинъ, но не бросаю въ нихъ камня, и молча прохожу мимо. Если герцогиня Квинтилія такова, не говорите о ней худо; оставьте ее и не думайте больше о ней.

— Все это вамъ кажется удобнымъ, Шпаркъ. Но душа моя разрывается отъ гнѣва и ревности.

— Вы сами виноваты.

— Наконецъ, все, что я вамъ сказалъ, доказываетъ, что эта женщина . . .

— Все, что вы мнѣ сказали, ничего не доказываетъ, кромѣ развѣ того, что въ горестной жизни вы привыкли къ подозрительности и недоброжелательству, толкующему все въкривъ. Выбросьте это изъ головы: это дурная трава!

— Но, другъ мой, женщина, которая говоритъ такимъ образомъ о невинности и чувствахъ, и имѣетъ своимъ любовникомъ сначала Лючьёли, котораго возить съ собою вездѣ и который вездѣ хвастается ея благосклонностью . . .

— Гм! сказалъ Шпаркъ: — этотъ Лючьёли представляется мнѣ тайнымъ фактомъ и глашатаемъ, что я не отказался бы доколотить

его, еслибъ онъ попался мнѣ въ руки и еслибъ я былъ другомъ герцогини.

— Если онъ порочилъ ее понапрасну, такъ это ея же вина. Зачѣмъ она носилась съ нею, какъ съ свадебнымъ букетомъ!

— Потому-что она довѣрчива и добра, какъ сама сказала вамъ. Все, чтѣ она вамъ говорила, Жюльенъ, кажется мнѣ искреннимъ, и я ей вѣрю. Я люблю этотъ характеръ и одобряю эти мысли. Не говорю, чтобъ это былъ образецъ для женщины, которая не хотѣтъ, чтобъ ихъ злословили и преслѣдовали; но для человѣка съ душою, который презираетъ мнѣніе другихъ и основываетъ правоту свою на убѣжденіи своей совѣсти, это превосходная женщина, и любви ея достаточно было бы для счастья цѣлой жизни.

— Право, Шаркъ, ваша довѣрчивость сбиваетъ меня съ толку; я не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ обнять васъ, какъ лучшаго изъ людей, или пожалѣть о васъ, какъ о безумцѣ.

— Какъ вамъ угодно, любезный Жюльенъ. Вы хотѣли знать образъ моихъ мыслей, и я вамъ его высказалъ.

— И я бы отдалъ половину жизни, чтобъ раздѣлять его. Но, наконецъ, эти часы, этотъ Шарль де-Дортанъ?

— Этотъ Дортанъ глупецъ, котораго она выпроводила за дверь въ минуту самой смѣлой шутки.

— Какая женщина, уважающая свою честь, позволитъ себѣ подобныя шутки? Значитъ, она мало заботится объ опасности, какой подвергается. И можно ли шутить такимъ образомъ съ мнѣніемъ мужчины? На мѣстѣ этого Дортана, я подобную женщину преслѣдовалъ бы на конецъ міра, заставилъ бы ее сдержать свои обѣщанія и потомъ наплевалъ бы ей въ лицо!

Лобъ Шарка покрылся краскою, какъ-будто мысль о такомъ жестокомъ мнѣніи возмутила его благородную и кроткую душу. Но онъ въ ту жь минуту принялъ обычное свое спокойствіе и сказалъ увѣрительнымъ тономъ:

— Эта исторія — ложь. Шарль де-Дортанъ какой-нибудь подмастерье часового мастера, который приносилъ герцогинѣ часы своей работы, и который выдумалъ всю эту пошлую сказку, чтобъ посмѣяться надъ вами, или потому-что въ мірѣ есть фаты удивительной смѣлости, или потому-что этотъ господинъ помѣшанъ.

— Вы все устроиваете къ лучшему. И я говорилъ себѣ все это, но не могъ убѣдить себя положительно. — Далѣе: развѣ я не видѣлъ, съ какою радостію узнала она о прибытіи этой неизвѣстной маски?

— Чтѣ же это доказываетъ, смѣю спросить? Развѣ не прыгаютъ отъ радости при извѣстіи о пріѣздѣ брата или даже друга?

Женщины живѣ насъ обнаруживаютъ свои чувства, а Итальянки живѣ другихъ женщинъ.

— Но Розентаймъ спрятанъ въ павильонѣ. Развѣ прячутъ друзей?

— И очень-часто, особливо если въ дѣло вмѣшается полковникъ. Но что вы понимаете въ политикѣ? Да притомъ, можетъ-быть, въ этомъ павильонѣ вовсе нѣтъ Розентайма, какъ и Макса въ гробницѣ.

— Такъ вы не вѣрите смерти Макса?

— Я, напротивъ, думаю, что это мнимое сердце, запертое въ золотую коробочку, бьется, въ эту минуту, довольно-спокойно и весело на своемъ мѣстѣ.

— Но сама герцогиня выдаетъ его за умершаго.

— Выдаетъ за умершаго? А! въ такомъ случаѣ, Максъ умеръ. Но всякій человѣкъ можетъ умереть и безъ посторонней помощи.

Шпаркъ взялъ трубку, и спокойно началъ ее набивать. Закуривъ ее, онъ продолжалъ:

— И такъ все, что еще можетъ вооружать васъ противъ герцогини, это ея смѣлый, нѣсколько-мужской характеръ, ея ребяческая веселость, ея латынь, ея любовь къ мотылькамъ, ея политическія занятія, ея субретка Жинета, ея дружба къ обоимъ вамъ, которыхъ она считаетъ своими друзьями, какъ добрая и благородная женщина, тогда-какъ вы ее не понимаете... Правда, на вашемъ мѣстѣ, я любилъ бы ее отъ всего сердца и служилъ бы ей цѣлую жизнь.

— Еслибъ я понималъ все это такъ, какъ вы, и могъ воротить къ ней вѣру, я влюбился бы въ нее, какъ сумасшедшій... и еслибъ она меня не любила, я былъ бы на вѣки несчастливъ. Я не могу ни въ чемъ быть умѣренъ, Шпаркъ. Смотря по тому, какъ эта женщина перевернула весь мой понятіи, я вижу ясно, что если не вылечусь недовѣрчивостью, я размою себѣ голову отъ отчаянія.

— Нѣтъ, не размоете, сказалъ Шпаркъ.

— Говорю вамъ, я сойду съ ума, если она меня не любитъ.

— Повторяю, что нѣтъ. Вы утѣшитесь и выздоровеете. Впрочемъ, вѣдь она васъ любитъ. Все, что она сдѣлала для васъ, доказываетъ это.

— О! я много пострадалъ отъ этой спокойной дружбы; я много скоронилъ мученій въ сердцѣ! Это не можетъ уже повториться.

— Вы неблагодарны. Не вы ли говорили мнѣ, что эти шесть мѣсяцовъ были лучшими днями вашей жизни? Послушайте, Жюльенъ: вы больны и озлоблены; вы не можете теперь судить о своемъ положеніи; вы не знаете самого-себя. Повѣрьте же моему совету. Прежде я не зналъ, въ чемъ было дѣло, и отказывался сказать рѣшительный приговоръ. Теперь же, я чувствую къ себѣ пол-

ное доверіе. Всѣ обстоятельства кажутся мнѣ ясными и неподверженными никакому сомнѣнію. Общаете ли сдѣлать то, что я вамъ скажу?

— Общано постараться, отвѣчалъ Жюльенъ.

— Запритесь сами съ собой и закройте вани легкія отъ ядовитой визивной атмосферы. Живите въ бесѣдѣ съ Богомъ и съ своимъ добрымъ сердцемъ. Убѣгайте двора, завистниковъ, глупцовъ, злыхъ людей, и въ-особенности вашего маленькаго пажа. Оставайтесь съ герцогиней, я вамъ ручаюсь за нее. Она не обманываетъ васъ. Я недавно видѣлъ ее, какъ она скакала на конѣ. У ней большой ротъ, откровенная улыбка, глаза добрыя и живые; мнѣ понравилась ея лицо и манеры. Служите ей вѣрно, и вѣрьте тому, что она вамъ станетъ говорить о себѣ. Если любовью ваша будетъ упорствовать и вы будете страдать, говорите ей объ этомъ, говорите много и часто.

— Вы думаете, что она меня выслушаетъ? сказала Жюльенъ, и глаза его загорѣлись отъ радости.

— Безъ сомнѣнія выслушаетъ, потому-что разъ уже выслушала. Она жожалветъ васъ искренно, и хотя не будетъ васъ любить больше, скалко...

— Вы думаете? провнхась Жюльенъ, становясь опять печальнымъ.

— Я почти увѣренъ; но что за дѣло! говорите ей все и всегда: она станетъ угѣшать васъ, удивить свою дружбу и ласки къ вамъ. Съ этой-то дружбой, Жюльенъ, съ любовью къ труду, съ чистомъ сръвствіемъ и небольшою вѣрой въ Провидѣніе, вы не будете несчастливъ; повѣрьте мнѣ.

— А если со всемъ этимъ меня обманутъ? возразилъ Жюльенъ: — если по преществію десяти лѣтъ подобной жизни, я вдругъ увижу, что я лелѣялъ пустую мечту въ моемъ сердцѣ?

— Вы будете имѣть десяти лѣтъ счастья, и будете вправѣ сказать Творцу, когда предстанете предъ нимъ: «Господи! меня обманывали, и я не ненавидѣлъ; мнѣ дѣлали зло, и я не всталъ» и вы увидите, что отвѣтитъ вамъ Богъ... Полно! никогда не раскаяваются, что были добры. Кто раскаявается, тотъ перестаетъ быть добрымъ.

— Благородный другъ! вскричалъ Сен-Жюльенъ, съ жаромъ пожамая руку Шварка: — я послѣдую вашимъ совѣтамъ, и часто буду приходить къ вамъ лечить мои раны небеснымъ бальзамомъ вашей дружбы.

Жюльенъ вошелъ во дворецъ и чувствовалъ, будто съ груди его сняли цѣлую гору тоски. — После многихъ дней, онъ въ первый разъ ногъ теперъ молиться.

XVI.

На другое утро, Квинталія велѣла ее позвать къ себѣ. У нея было такое выраженіе счастья и доброты, что Сен-Жюльенъ вполне почувствовалъ желаніе слѣдовать совѣтамъ Шпарка.

— Я буду тебя диктовать письма, сказала она, дружески потрепавъ его по плечу.—Сядь вопъ тамъ, и возьми перо.

Жюльенъ съелъ. Несчастные часы лежали опять тутъ же, на столѣ. Увидѣвъ этого обвинителя, онъ почувствовалъ припадокъ бѣшенства и, притворясь, будто задѣлъ нечаянно, сильно толкнулъ ихъ локтемъ. Часы упали на полъ и разбились.

Герцогиня почти не замѣтила ихъ паденія, и когда Жюльенъ, поднявъ часы, сталъ извиняться въ своей неловкости, она, казалось, приняла его извиненія разсѣянно и совершенно-равнодушно.

— Жинета, сказала она: — унеси эти часы, которые разбилъ неловкій Жюльенъ. Видно, судьба хочетъ, чтобъ съ ними случались вѣчныя несчастія, и чтобъ они не были моими. Вели поправить и возьми ихъ себѣ.

Жюльенъ смотрѣлъ со вниманіемъ на герцогиню. Она была такъ же спокойна, какъ и въ тотъ день, когда глядѣла прямо въ лицо Шарлю Дортану, какъ человѣку, котораго въ первый разъ видитъ. Въѣсть съ тѣмъ, ему показалось, будто Жинета немного покраснѣла: отъ-чего это? Отъ удовольствія ли, что получила часы, или отъ смущенія передъ столъ безмѣримымъ безстыдствомъ?

Жюльенъ чувствовалъ, что смѣлость его, какъ это всегда было съ нимъ въ подобныя минуты волненія, пробуждается, и онъ сказалъ, поглядывая попеременно и пристально то на герцогиню, то на ея горничную:

— Синьйора Жина знаетъ, можетъ-быть, въ Парижъ какого-нибудь искуснаго часовщика, которому можно будетъ поручить эту поправку?

— Отъ-чего же въ Парижъ? замѣтила герцогиня: — есть прекрасные часовые мастера и здѣсь вблизи, въ Венеціи.

Герцогиня оставалась совершенно-спокойною, а лицо Жинеты приняло опять обычную непроницаемость. Сен-Жюльенъ продолжалъ съ упрямствомъ:

— Прошу синьйору Жину поручить мнѣ починку этихъ часовъ, потому-что я уронилъ и разбилъ ихъ.

— Устройте дѣло, какъ хотите, между собою, сказала герцогиня: — я болѣе вышиваться не стану. Часы принадлежатъ Жинетѣ.

— И я перешлю ихъ, продолжалъ Жюльенъ:—одному изъ моихъ пріятелей въ Парижъ. Его зовутъ Шарлемъ Дортаномъ. (Жина

видимо смутилась. Герцогиня, не замѣчая того, повторила имя Дортана).

— Это имя, кажется, въ-самомъ-дѣль находится на часахъ, сказала она, обращаясь къ Жинетъ: — не тотъ ли это часовщикъ, которому ты ихъ отдала въ Парижъ для починки, когда уронила ихъ на полъ, какъ теперь Джуліано?

— Точно такъ, герцогиня, отвѣчала Жинета, совершенно оправившись отъ смущенія: — мнѣ его рекомендовали, какъ искуснаго мастера, и онъ, по обыкновенію, вырѣзалъ свою фамилію на внутренней сторонѣ платинной крышки.

— Жюльенъ, пораженный такимъ спокойнымъ отвѣтомъ, не звалъ, что думать, и рѣшился на послѣднюю попытку.

— Случайно, сказалъ онъ, я встрѣтился съ нимъ въ Авиньонѣ, въ самый день...

Жинета прервала его, обращаясь къ герцогинѣ:

— Ваша свѣтлость не изволите ли помнить человѣка, который хотѣлъ непременно съ вами говорить?

— Нѣтъ, отвѣчала герцогиня съ непоколебимымъ хладнокровіемъ. — Чего онъ хотѣлъ? Ты развѣ забыла ему заплатить?

— Онъ меня очень просилъ поговорить объ немъ вашей свѣтлости. Онъ хотѣлъ вамъ продать столовые часы съ музыкой; но часы были некрасивы и дурнаго вкуса.

— А! произнесла равнодушно и разсѣянно герцогиня: — въ такомъ случаѣ, Джуліано, возмись за перо; а ты, Жина, оставь насъ.

Герцогиня, казалось, не приняла ни малѣйшаго участія въ этомъ щекотливомъ объясненіи. — Однако, подумалъ Жюльенъ, тутъ что-нибудь да кроется. Самого Шпарка поразило бы смущеніе Жинеты.

Онъ взялъ перо, и сталъ писать подъ диктовку герцогини:

«Герцогъ!

«Вы прекрасны, у васъ возвышенный умъ, и вы украшаете собой свою должность. Я располагаю писать прямо къ вашему покровителю и благодарить его за то, что онъ выбралъ именно васъ для этихъ важныхъ и столь занимательныхъ переговоровъ. Мнѣ невозможно нынче принять васъ; и притомъ, чтобы отвѣчать на предложеніе вашего двора, я нуждаюсь въ совершенномъ спокойствіи и въ самомъ строгомъ, ничѣмъ-неразвлекаемомъ соображеніи. Опасаясь подвергнуть себя чарующему вліянію вашего ума, я не рѣшаюсь изустно объясняться съ вами о столь важномъ предметѣ; но, по зрѣломъ размысленіи и обсужденіи всего вопроса, сообразно съ голосомъ моей совѣсти и моей воли, я положительно объявляю симъ, что не могу согласиться на предлага-

«мнѣ мнѣ союзъ. Мои мнѣнія на этотъ счетъ непреклонны, и они вамъ известны: фактическая независимость, установленная мною, «неограниченную повелительницею, на основаніи моей законной, «неограниченной власти»...

Сенъ-Жюльенъ написалъ подъ ея диктовку нѣсколько строчекъ, которыя легко могъ бы написать на память: такъ хорошо была ему знакома система владѣтельной монтерегальской герцогини.

Окончивъ политическую часть письма, которою мы, какъ не относящуюся къ нашему разсказу, не станемъ утомлять читателя — онъ продолжалъ подъ диктовку герцогини:

«Что же касается до особаго вопроса, который, какъ вы объясняли, оставался у васъ въ запасъ на случай моего рѣшительнаго несогласія на ваши предложенія, то вы меня крайне обяжете, сообщивъ мнѣ его немедленно; ибо важныя дѣла заставляютъ меня, не теряя времени, предпринять поѣздку въ Италію. Для меня крайне-прискорбно это неожиданное сокращеніе пребыванія вашей свѣтлости въ моихъ владѣніяхъ, и я почла бы себя счастливою, если бъ могла долѣе пользоваться столь пріятнымъ для меня обществомъ.»

— Прибавьте, что слѣдуетъ въ окончаніи, сказала Жюльену герцогиня: — и потомъ дайте мнѣ перо.

Подписавъ и приказавъ надписать адресъ герцога Гуркъ, она позвонила. Вошелъ пажъ.

— Отнесите это письмо господину де-Гуркъ, и принесите мнѣ его отвѣтъ. Если онъ обнаружитъ желаніе видѣться со мною, скажите, что это невозможно.

Пажъ поразило холодное и повелительное выраженіе лица герцогини. Онъ долженъ былъ собрать всю свою смѣлость, чтобъ объявить, что имѣетъ къ ней тайное порученіе.

— У меня нѣтъ тайнъ, въ которыхъ вы могли бы быть участникомъ, сухо отвѣчала она. — Говорите при графѣ де-Сен-Жюльенѣ, я вамъ позволяю.

Пажъ медлилъ; она прибавила: — Я приказываю.

Галеотто, удаленный уже нѣсколько дней изъ внутреннихъ покоевъ дворца, и не зная причины тому, очень-много разсчитывалъ на ту минуту, когда ему позволено будетъ предстать къ герцогинѣ. Пажъ сообщилъ Сен-Жюльену, какъ мы видали выше, о своемъ намѣреніи, подъ личиною графа Штейнаха стараться ему вредить, и заботиться о собственной пользѣ. Но тѣмъ не менше ему теперь было крайне-непріятно имѣть молодаго секретаря очевидцемъ своихъ низкихъ поступковъ. Ничто въ такой степени не обезсмливаетъ хитрости, какъ взоръ судіи, готоваго порицать нашу неловкость, или ужасаться безстыдству нашего притворства.

Но дѣлать было нечего. Полунасмѣшливымъ, полутанцевальнымъ тономъ онъ произнесъ какое-то краткое предварительное объясненіе, и потомъ вынулъ изъ за-шолоковаго полубластанья письмо, вложенное въ тройной конвертъ.

Но Квинтилія, вередъ которой пажъ опустился на одно колено, не протянула руки, а велѣла ему самому распечатать и громко прочесть письмо.

Галеотто смутился. — Понялъ ли ты меня? повторила герцогиня.

Ободрившись, пажъ рѣшился смѣло приступить къ письму. Онъ началъ читать патетическимъ голосомъ, и потомъ старался показать видъ, что съ каждымъ словомъ въ его сердцѣ возрастаетъ волненіе. Это было объясненіе въ любви, написанное въ выраженіяхъ столь страстныхъ, сколько те могъ допустить высокій самъ графа Штейнаха. Голосъ пажка дѣлался все болѣе и болѣе дрожащимъ, и онъ останавливался на каждомъ рѣзкомъ и выкомъ выраженіи, какъ-бы изумляясь, какъ близко оно передаетъ его собственныя чувства. Нѣсколько разъ ему, казалось, не доставало силы окончить фразу, и листокъ готовъ былъ выпастъ изъ рукъ его. Словомъ, онъ такъ хорошо сыгралъ свою роль, что еслибъ Сен-Жюльенъ не былъ предуведомленъ востановившимъ разговоромъ, непременно дался бы въ обманъ.

Но герцогиню не тронула любовь ни Штейнаха, ни та, какую Галеотто старался показать изъ-подъ крыльевъ сентиментальной дипломатіи.

— Какая пошлость! вскрикнула она, когда пажъ кончилъ чтеніе. И, вырвавъ письмо изъ его рукъ, она смѣла его и бросила въ плетеную корзинку, стоявшую подъ столомъ.

— Но какъ ни плохъ этотъ итальянскій языкъ, продолжала она: — графъ Штейнахъ, незнающій ни одного языка, даже своего, не могъ написать этого письма. Оно сочинено вами, Галеотто. — И, не выжидая его отвѣта, она обратилась къ Сен-Жюльену.

— Напиши еще письмо, сказала она: — Галеотто подождетъ, и отнесетъ оба разомъ.

Она продикувала насмѣшливый и надменный отказъ графу Штейнаху, подписала, запечатала, и молча отдала конвертъ Галеотто. Пажъ хотѣлъ что-то спросить; однимъ взглядомъ, она велѣла ему замолчать, и указала рукой на дверь.

Въ ожиданіи возвращенія пажка, герцогиня дружественно бесѣдовала съ Сен-Жюльеномъ. Она ему казалась столь откровенною, столь доброю, что онъ предался влеченію собственнаго сердца, и болѣе чѣмъ когда-нибудь отдался ей съ полною вѣрой. Переживавшія свиданія придали новую, особую силу радости, ко-

торию онъ ощущалъ, и дѣлалъ ее для него еще дороже. Онъ мысленно благословлялъ событы друга и сталъ опять уповать на жизнь.

Черезъ часъ, Галеотто возвратился. Онъ принялъ важную и холодную наружность, но не могъ совсѣмъ скрыть досады, что Квинтилія такъ жестоко и припрительно обошлась съ нимъ. Герцогиня отъ природы была вспыльчива, но обыкновенно, меньше чѣмъ въ часъ, она забывала и гнѣвъ и поводы къ нему. На этотъ разъ, напротивъ, она приняла пажа такъ же дурно, какъ отпустила. Галеотто хотѣлъ передать словесный отвѣтъ графа Штеймаха, но герцогиня остановила его, говоря: — Ты отвѣтишь, когда тебя спросятъ. Потомъ, взявъ письмо г. де-Гурка, она распечатала его и передала Сен-Жюльену.

— Читайте въ-слухъ, сказала она; — а вы, г. Галеотто де-Стратигополи, сядьте, вотъ-тамъ, у дверей, и ожидайте монаха приказаній.

Сен-Жюльенъ прочелъ:

«Герцогиня!

«Отвѣтъ вашей свѣтлости такъ опредѣлителенъ, что я хотелъ бы противнымъ благоговѣнію, какое къ вамъ питаю, позволить себѣ еще болѣе настаивать. Повинуясь приказанію вашей свѣтлости, я имѣю честь передать при семъ, слово въ слово, требованіе моего государя.

«Посланникъ нашего двора, по титулу — баронъ, а по прозванію — Максъ, имѣвшій, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, порученіе представлять, при бракосочетаніи вашей свѣтлости, особу герцога де-Монтерегале, получилъ въ то время дозволеніе своего кабинета остаться при нашемъ дворѣ. Но когда, четыре года спустя, нашъ государь велѣлъ ему воротиться въ столицу, баронъ Максъ не далъ никакого отвѣта, и до нынѣшняго дня не являлся ко двору. Въ настоящее время, ему предписано дать отчетъ въ своемъ долговременномъ отсутствіи и явиться ко мнѣ, герцогу де-Гурку, облеченному полномочіемъ и пр. и пр., чтобъ представить мнѣ разные документы и отвѣтить на нѣкоторые вопросы, необходимыя для доказательства его тождества. По неявленіи барона Макса, — мой государь приказалъ мнѣ требовать, чтобъ ваша свѣтлость представили доказательства о его смерти или указали на мѣсто его погребенія; въ противномъ же случаѣ, нашъ кабинетъ почтетъ себя въ неприятельскихъ отношеніяхъ, и радъ отказъ будетъ принять за объявленіе войны, и пр. и пр.»

Прекрасно, сказала Квинтилія: — возьмите перо, и ищите:

«Никакой государь въ мірѣ не имѣетъ права налагать на меня произвольныя требованія, или дѣлать мнѣ разспросы. Я нисколько не обязана отвѣчать за дѣйствія другихъ, и нигдѣ владытель-

сныя особы, ни большія, ни малыя, не бывали сторожами иностранцевъ, находившихся въ ихъ владѣніяхъ. Все, что я могу сдѣлать, чтобъ содѣйствовать удовольствію желаній вашего двора, это позволить вамъ обнародовать и прибить на публичныхъ смѣстахъ вызовъ къ возвращенію, адресованный отъ вашего государя къ барону Максу. Если онъ явится на этотъ вызовъ, я буду вполне довольна, содѣйствовать такимъ образомъ прекращенію вашего безпокойства на этотъ счетъ.»

Квинтилія подписала, запечатала и обратилась къ пажу.

— Теперь, спросила она: — что вы имѣете сказать отъ графа Штейнаха?

— Графъ въ отчаяніи... началъ Галеотто.

— Я не имѣю надобности въ фразахъ его сіятельства. На что онъ рѣшается?

— Повиноваться вашимъ приказаніямъ.

— Какому? я дала выборъ между отъѣздомъ и молчаніемъ.

— Онъ будетъ молчать.

— Хорошо. Онъ только глупъ, и я не стану его оскорблять, если онъ меня самъ къ тому не принудитъ. Но другой — дерзокъ: отнесите ему это письмо и приходите назадъ.

Герцогиня опять начала бесѣдовать съ Жюльеномъ о предметахъ совершенно чуждыхъ тому, что сейчасъ происходило. Она судила такъ спокойно и ясно, что Сен-Жюльенъ призналъ великимъ продолжать свои подозрѣнія.

Галеотто воротился. Герцогъ Гуркъ велѣлъ просить, передъ отъѣздомъ, особой аудіенціи.

— Посмотримъ, сказала Квинтилія: — на нынѣшній день довольно заниматься этими господами. Теперь, у меня есть дѣло до васъ, г. дельи-Стратигополи. Вы отнесете эту записку государственному казначею: онъ вручитъ вамъ сумму, которая дастъ вамъ возможность нѣсколько лѣтъ путешествовать. Вы, кажется, этого желали. Вы позволите мнѣ сегодня же предоставить занимаемыя вами комнаты вашему преемнику. Чтобъ вполне содѣйствовать вашему отъѣзду, я заказала почтовыхъ лошадей, которыя будутъ сюда еще до вечера. Карету прошу васъ оставить у себя и продолжать въ ней дорогу. Вы сами назначите, куда вамъ угодно будетъ ѣхать. Желаю вамъ въ будущности всего счастья, и имѣю честь вамъ кланяться. Какъ пораженный громомъ, Галеотто поблѣднѣлъ и сталъ было что-то говорить; но онъ прочелъ въ глазахъ герцогини, что приговоръ непреложенъ, и подумалъ, что Жюльенъ измѣнилъ ему. Не зная еще, что предпринять, но принужденный повиноваться, онъ твердо рѣшился отмстить, низко поклонился, и вышелъ не произнеся ни одного слова.

Сен-Жюльенъ хотѣлъ просить за него, но герцогиня ласково заставила его замолчать, и отпустила, чтобъ проститься съ пажомъ.

Жюльенъ догналъ его на парадной лѣстницѣ, и съ такой искренностію объявилъ свое удивленіе и сожалѣніе, что поколебалъ подозрѣніе пажа.

— Если вы не искренни въ эту минуту, сказалъ Галеотто: — вы первый мошенникъ въ мірѣ и самый низкій человекъ! Впрочемъ, я теперь ничего не могу рѣшить, ни о чемъ думать; я въ какомъ-то бреду. Не знаю, что со мной дѣлается, что я чувствую, и что мнѣ предстоитъ дѣлать.

— Надо, для вида, исполнить повелѣніе, отвѣчалъ Жюльенъ: — а на границѣ ожидать, пока не велѣтъ возвратиться. Быть не можетъ, чтобъ герцогиня питала къ вамъ серьезный гнѣвъ. Вѣроятно, она замѣтила ваши сношенія съ графомъ Штейнахомъ и захотѣла васъ пострадать. Но я стану васъ по возможности оправдывать; Жина поплачетъ у ногъ герцогини; вы ей напишете, и она должна сжалиться.

— Не знаю, не знаю, говорилъ пажъ, тономъ подозрѣнія. — Можетъ-быть, вы измѣнили мнѣ, и смѣетесь надо мной; можетъ-быть, Жина сегодня же вечеромъ сдѣлаетъ мнѣ преемникомъ пажа графа Штейнаха или егеря герцога Гурка, между-тѣмъ, какъ герцогиня встрѣтитъ въ таинственномъ павильонѣ Розенгайма, котораго она прошлую ночь такъ нѣжно цаловала, называя его своею *единственною* любовію, или герцога де-Гуркъ, который, можетъ-быть, сумѣетъ заставить себя бояться, или Штейнаха, котораго, для вида, такъ грубо отталкиваютъ, или нѣжнаго Жюльена, сумѣвшаго скрыть свое цѣломудренное негодованіе, или сдѣлавшагося болѣе-терпящимъ, болѣе-снисходительнымъ... Не знаю, не могу рѣшить, что происходитъ въ головахъ другихъ; но буду стараться видѣть ясно въ своей. Если вы вздумали меня обманывать, г. домашній секретарь, то приостановитесь немножко; еще рано торжествовать надо мною. Я еще не считаю себя побѣжденнымъ; и часто въ тѣхъ вещахъ, которыя, по-видимому, ускользаютъ изъ моихъ рукъ, я совершенно бываю увѣренъ, — увѣренъ потому, что во мнѣ, во время опасности, возраждается воля овладѣть ими... Пойдите... Пойдите. Пойдемте вмѣстѣ къ казначею; я позволяю вамъ передать герцогинѣ все, что вы услышите.

Они вмѣстѣ вошли въ казначейскую, и Галеотто отдалъ запечатанную записку герцогини. Когда казначей признаешь означенную въ ней сумму, молодой пажъ почувствовалъ сильное волненіе. Сумма была гораздо-значительнѣе, нежели его мелкое честолюбіе могло ожидать, и на минуту онъ расстался съ странною мыслию,

которая пришла-было ему въ голову. Пока казначей отсчитывалъ деньги, онъ въ безпокойствѣ ходилъ по залѣ. Назначенное ему богатство давало ему возможность удовлетворить своей страсти къ путешествіямъ и явиться съ блескомъ при какомъ-нибудь другомъ дворѣ, болѣе-значительномъ, чѣмъ монтерегальскій... Но, достигая такимъ образомъ цѣли желаній, питаемыхъ безпрестанно уже нѣсколько лѣтъ, онъ долженъ бы былъ отказаться отъ предпріятія, задуманнаго недавно: подстрекаемый любовью къ интригамъ, онъ льстилъ себя надеждой вступить въ борьбу съ опытною, и съ тѣмъ, что называлъ ловкостію Квинтилии. Первою цѣлю на этомъ новомъ поприщѣ онъ поставилъ себя задачу— устранить, хотя бы на нѣсколько дней, исканія соперниковъ, стоявшихъ выше его и болѣе его надменныхъ и дерзкихъ. Побѣда надъ ними казалась ему необходимымъ удовлетвореніемъ оскорбленному самолюбію. Словомъ, между-тѣмъ, какъ грубое тщеславіе совѣтовало ему взять деньги, и искать въ другомъ мѣствѣ новыхъ успѣховъ, — другое тщеславіе, болѣе-утонченное, истинная досада, известная однимъ придворнымъ, заставила его пожертвовать предложеннымъ состояніемъ въ пользу невѣрной надежды пустаго триумфа.

Досада взяла верхъ, и когда казначей пригласилъ его повзвѣрить отсчитанную сумму, онъ потребовалъ бумаги, будто для расписки, и написалъ объясненіе въ любви къ герцогинѣ, говоря въ немъ, что онъ не нуждается ни въ чемъ на свѣтѣ, и что удаляется въ отчаяніи, ища одной смерти. Онъ потребовалъ отъ казначея записку Квинтилии, разорвалъ ее, и, вложивъ клочки въ свое письмо, велѣлъ отнести его къ герцогинѣ. Потомъ онъ разбросалъ съ презрѣніемъ кипу векселей, съ театральнымъ великолѣпіемъ ударилъ кулакомъ по грудамъ золота, повернулся, и вышелъ, къ изумленію казначея, не взявъ ни одного эку.

Жюльѣнъ, приписывая этотъ поступокъ единственно благородной гордости, находилъ его прекраснымъ и вполне одобрилъ. Вѣсть съ тѣмъ, онъ предложилъ пажу всѣ свои наличныя деньги.

— Не знаю, не знаю, повторилъ недоувѣрчиво Галеотто. — Можетъ-быть, вы дѣйствуете искренно, но можетъ-быть и нѣтъ большой заслуги въ вашемъ предложеніи. Какъ бы то ни было, я не думаю, ни въ чемъ. Я уѣзжаю недалеко, и вы скоро услышите обо мнѣ. Вы можете передать это ея свѣтлости. Граница въ полтора миль. Можно стоять за границей и имѣть глаза въ столицѣ. Прощайте, прощайте; если ваша дружба истинна, благодарю; если нѣтъ, обойдусь и безъ нея.

Онъ сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Жюльѣна оскорбляли и огорчали подозрѣнія Галеотто. Онъ явился къ герцогинѣ, рассказалъ ей вѣжливое поведеніе пажа, и просилъ о его возвращеніи. Но

Квинтилію, которая получила уже письмо чрезъ казначея, эта хвастливая выходка вовсе не тронула.

— Я не могу его простить, сказала она: — не говори мнѣ больше о немъ; это значило бы безъ пользы дѣлать мнѣ непріятность. Онъ обвиняетъ тебя, мой бѣдный Жюльенъ, и думаетъ, что ты его оклеветалъ. Прійми эту несправедливость въ наказаніе за тѣ, въ которыхъ ты самъ виноватъ, и узнай, мой другъ, какъ жестоко быть безъ вины обвиняемому.

XVII.

Принужденный оставить защиту нажа, Сен-Жюльенъ провелъ вечеръ съ Шпаркомъ, въ Трактиръ-Золотаго-Солнца. Онъ разсказалъ товарищу всѣ проношества дня, и Шпаркъ, вѣрный своему оптимизму, объявилъ, что удаленіе Галеотто очень-благоразумная и очень-счастливая для Жюльена мѣра. Онъ тоже старался успокоить его на счетъ подозрѣній Галеотто, говоря, что уваженіе такого существа — почти оскорбленіе.

Пока Шпаркъ говорилъ такимъ образомъ, Сен-Жюльену показалося, будто за тиковою занавѣскою рисуется неопредѣленная тѣнь небольшого человѣка, таившагося за окномъ. Они понизили голоса, и тѣнь исчезла. Въ одиннадцать часовъ, Шпаркъ, по своему обыкновенію, разстался съ товарищемъ. Сен-Жюльенъ вышелъ, и при поворотѣ въ темный пустой переулочъ, вдругъ почувствовалъ, что его кто-то ударилъ по плечу. Онъ быстро оборотился и увидѣлъ маленькаго человѣка, завернутаго въ плащъ. Знакомый голосъ шепнулъ ему тихо:

— Молчи, это я: Галеотто.

Они поспѣшно углубились въ пустой переулочъ, и продолжали разговоръ вполголоса.

— Какъ! произнесъ Жюльенъ: — ты уже воротился? Не прошло еще и шести часовъ, какъ ты съѣзъ въ дорожную карету.

— Въ такомъ государствѣ, гдѣ нельзя выстрѣлить по зацѣ, не опасаясь убить дичи сосѣдкой, — и этого много! Я оставилъ экипажъ на границѣ, велѣлъ внести чемоданъ въ гостиницу, спросилъ чашку шоколада; потомъ поворотилъ по торной дорогѣ, и дошелъ до самой столицы, не встрѣтивъ ни одной души. Потѣше; госпожа Квинтилія! у васъ, пона, нѣтъ еще мѣстъ для ссылки! Но слушай, Жюльенъ; я теперь знаю, что о тебѣ думать. Ты измѣнилъ мнѣ, самъ не желая того и не вѣдая о томъ. Выбѣги съ

этимъ ты вѣмѣннѣ и себя; ты довърчивъ и прѣболтался, по своему обыкновенію. Я сдѣлался жертвой твоей простоты, но не могу не простить тебѣ, когда подумаю, что скоро и самъ ты пострадаешь отъ нея. Видно, ты еще вуженъ здѣсь, а те бы насъ выслали обоихъ вмѣстѣ.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ Сен-Жюльенъ.

— Слушай внимательно, возразилъ пажъ:— я знаю все, что говорилъ ты съ этимъ вѣмецкимъ студентомъ, котораго имя, чортъ его побери! мнѣ не извѣстно.

— Его зовутъ Шпаркомъ, и онъ прекраснѣйшій человекъ.

— Тѣмъ лучше для Квинтилія; онъ ея любовникъ, и, видно, хорошо старается объ насъ. Бѣдный человекъ! Онъ и не воображаетъ, что и намъ когда-нибудь удастся ему отплатить! Здѣсь вѣдь никто долго не царить; всѣмъ есть надежда, каждаго ждетъ очередь впереди.

— Ты, Галеотто, наконецъ сходишь съ ума, сказалъ Жюльенъ:— какъ можно вообразить себя Шпарка любовникомъ герцогини! Онъ ее не знаетъ, онъ только-что пріѣхалъ изъ Мюнхена и на дняхъ въ первый разъ видѣлъ ее на улицѣ; онъ никогда не бывалъ во дворцѣ...

— Вотъ нашелъ причины! Спроси у Шарля Дортана, какъ завѣдять знакомство съ дамами. А твой вѣмецкій трубочникъ недурно и крѣпко сложенъ, и его приторное бывое лицо стѣитъ крашеныхъ бакембардовъ Лючьиоли. Онъ на-дняхъ увидѣлъ герцогиню на улицѣ...

— Когда же именно? вчера, что-ли?

— Ну, да вѣдь этого только и нужно. Если она проходила по улицѣ, такъ вѣроятно и онъ проходилъ тоже или, можетъ-быть, онъ сидѣлъ у окна, съ трубкой во рту, и заломивъ на бекрень шапку. Ты вѣдь знаешь, госпожа Квинтилія курить какъ Грузинка. Что жъ мудренаго? Можетъ, ей понравилась прекрасная трубка студента; вотъ она и сдѣлала знакъ, или Жинета отнесла записочку и...

— Галеотто, ты сходишь съ ума; подозрительность дѣлается твоей болѣзнію, и если ты будешь продолжать такимъ образомъ, то скоро въ своей собственной тѣни будешь видѣть врага.

— Синьоръ Кандидъ, сказалъ насмѣшливо пажъ:— умѣете ли вы читать, и знакомъ ли вамъ почеркъ герцогини?

— Какъ? Что такое? спросилъ Жюльенъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Подойдемъ къ фонарю, сказалъ Галеотто.—Прочтите-ка эту записку, которую такъ некстати уронилъ этотъ добродѣтельный и мудрый г. Шпарко или Спарки.

Сен-Жюльенъ тотчасъ узналъ почеркъ герцогини и съ изумленіемъ прочелъ эти немногія слова:

«Такъ-какъ я не могу вынѣшнюю ночь провести съ Розенгаймомъ въ навильионъ, то прійду къ тебѣ, милый Шпаркъ; не забудь калитки, которая выходитъ на рѣку».

— Ты видишь, сказалъ Галеотто:—что г. Спарки добрыйшій малый, весьма-миролюбивъ, отнюдь-перевинивъ, и обладаетъ истинной философіей. Мы съ тобой, на-примѣръ, мы, вѣроятно, имѣли бы неумѣстное притязаніе царить, хотя бы не больше трехъ дней, но нераздѣльно. Ему же, этому честному Нѣмцу, все равно. Пришла къ нему прекрасная герцогиня — хорошо; онъ вынимаетъ трубку изо-рта, и говоритъ: — А, а! — Но вотъ она вздумала предпочесть ему Розенгайма и отложить счастье Шпарка до завтра—ничего! Онъ спокойно набиваетъ трубку, и мычитъ: э! э! — Но что съ тобой, Жюльенъ? Брось къ чорту эту рожу бышеной черепахи. Идемъ.

— Куда жъ ты ведешь меня?

— Къ берегу рѣки. Мы увидимъ лодку ея свѣтлости и потушимъ глаза, какъ вѣрные подданные князя Иренея, въ тѣ дни, когда встрѣчали его въ зеленомъ сюртукѣ, который, какъ извѣстно, дѣлалъ его неузнаваемымъ.

— Галеотто! произнесъ съ ужасомъ Жюльенъ: — мнѣ кажется, ты самъ дьяволъ.

Они дошли до дома, гдѣ жилъ Шпаркъ, и стали искать какъ бы лучше спрятаться. Домъ этотъ принадлежалъ столяру, который согласился отдать его на время въ наймы. Шпаркъ занималъ его одинъ, и такъ-какъ эта часть города была самая отдаленная, то онъ жилъ здѣсь почти никѣмъ-непримѣченный. Окна дома выходили на Челиву. На берегу росло нѣсколько ивъ, за которыми молодые люди удобно притаились. Съ четверть часа послѣ полуночи послышался мѣрный шумъ вѣселя, и вскорѣ показалась лодка съ двумя человѣческими фигурами.

— Это не то, сказалъ Жюльенъ.

— Молчи, отвѣчалъ Галеотто. Я узнаю ея весельные удары. Жина дочь венеціанскаго гондолѣра.

И лодка причалила въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Одна изъ фигуръ нагнулась и уцѣпилась крючкомъ за иву. Другая легко выпрыгнула и произнесла поспѣшно и тихо:

— Ты здѣсь подождешь.

— Слушаю, сударыня, отвѣчалъ мнимый лодочникъ. — Тѣнь, вышедшая на берегъ, исчезла въ калиткѣ; а оставшаяся въ лодкѣ завернулась въ широкій плащъ и прилегла на дно.

— Жина! произнесъ шопотомъ пажъ, нагнувшись въ ту сторону.

Жина вздрогнула, привстала, и съ безпокойствомъ оглянулась кругомъ. Но пажъ спрятался и оставался недвижимъ. Она подумала, что ошиблась, и легла опять. Галеотто взялъ Жюльёна за руку и тихонько отвелъ его въ сторону.

— Что? и теперь будешь говорить, что я дьяволъ? сказалъ онъ:— и что вижу одни призраки?

— Галеотто, отвѣчалъ Жюльёнъ: — ты мнѣ показываешь страшные сны; но если тутъ кто-нибудь занимаетъ роль сатаны, то это презрѣнная женщина, играющая всѣмъ святымъ, чтобъ прикрыть свое безстыдное притворство! Но объясни же ты мнѣ, отъ-чего она съ нами такова? Отъ-чего на насъ смотритъ она иначе, чѣмъ на Дортана, Шарка и Розентайма? Отъ-чего поутру не назначаетъ намъ свиданій на вечеръ? Къ-чему это стараніе внушить намъ благоговѣніе и страхъ?

— Вы этого не понимаете? сказалъ Галеотто со смѣхомъ. — Отъ-чего? Отъ-того, что мы живемъ близъ нея и что ей нужны слуги, которые бы ея боялись, и простаки, которые бы восхищались ею. И притомъ, женщины, утомленныя развратомъ, становятся мечтательныя, то-есть развращенныя сердцемъ и умомъ. Онѣ превосходятъ дѣлать и откладываютъ удовольствіе—въ одну сторону, а чувстве—въ другую. Простодушное доверіе ребенка, какъ вы, забавляетъ ихъ и льститъ ихъ тщеславію. Это премилое занятіе для утра, въ ожиданіи наслажденій ночи, посвящаемой, безъ всякаго для васъ ущерба, горячему любовнику. О чемъ вы беспокоитесь? Изъ двухъ ролей, за вами, безспорно, вышала.

— Клянусь вѣчнымъ адомъ! вскричалъ Жюльёнъ:—это самая низкая и бессмысленная роль!

Галеотто захохоталъ.

— Добрай ночи, сказалъ онъ:—я попрошу ночлега у знакомой мнѣ дѣвицы; ты же ступай во дворецъ и напиши нѣжный сонетъ, чтобъ можно было завтра по-утру поднести его въ букетъ, на тарелкѣ, ея свѣтлости.

Сен-Жюльёнъ не пошелъ домой. Онъ воротился къ деревьямъ и ждалъ. Наконецъ, Квинтилія вышла изъ домика. Шаркъ, подавъ ей руку, дошелъ до самыхъ нѣвъ, остановился почти въ трехъ шагахъ отъ Жюльёна, и поцаловалъ ее. Сен-Жюльёнъ содрогнулся, и сердце въ немъ сильно забилось.

Квинтилія прыгнула въ лодку, Жина вскочила съ-просонкомъ.

— Ступай скорѣй домой, сказала герцогиня молодому Ниццу.

Онъ ей повиновался, но не отходилъ отъ нея, пока лодка не исчезла изъ вида. Сен-Жюльёнъ, спрятавшись за нее, тоже слы-

длѣ за нею. Герцогиня сняла шляпу; вѣтеръ развивалъ ея локоны; она стояла, и въ своемъ мужскомъ костюмѣ была прекрасна какъ ангелъ.

XVIII.

Во весь остатокъ ночи, Жюльенъ мучился сильнѣйшимъ безпокойствомъ, чѣмъ весь прежній, имъ уже испытанный. Онъ рѣшительно презиралъ Квинтилю, потому—что открытіе послѣдней ея низости подтверждало догадки о всѣхъ другихъ. Чтобъ лгать такимъ образомъ, надобно было имѣть опытность многихъ лъть, проведенныхъ въ пороки. Но, говорилъ самъ себѣ Сен-Жюльенъ, зачѣмъ ей такъ много церемониться со мною и такъ мало съ другими? Зачѣмъ не довѣрилась она мнѣ такъ, какъ довѣряется она Шпарку? Она его не знаетъ и бросается сегодня въ его объятія, нисколько не заботясь о презрѣніи, которое онъ покажетъ ей завтра. Гордая, она отвергаетъ наглыя притязанія Гурка и Штейнаха и въ тотъ же вечеръ отдается бѣдному студенту, котораго ния едва знаетъ. Зачѣмъ она не показалась мнѣ такою, какъ она есть? Я ее любилъ бы, можетъ—быть, и по—крайней—мѣрѣ, моя привязанность къ ней не сдѣлала бы меня несчастнымъ. Будь она откровенна, смѣла, любезна, я любилъ бы ее какъ мужчину. Въ случаѣ надобности я былъ бы скромнѣе какъ Жинета, по—крайней—мѣрѣ, говоря съ ней, я съ безпокойствомъ не оглядывался бы вокругъ, не игралъ бы смѣшной роли, не поддавался бы очарованію притворныхъ добродѣтелей. Такая женщина не внушала бы мнѣ любви, но съ той минуты, какъ она откровенно призналась бы мнѣ въ своихъ слабостяхъ, я не считалъ бы себя въ правѣ презирать ее. Сколькими высокими достоинствами, благородными качествами могла бы она искупить пороки! Я былъ бы снисходителенъ, — дружба можетъ быть снисходительностью. Думала ли она, что не можетъ сдѣлать меня своимъ другомъ, не всходя на пьедесталъ и не обогорворя въ себѣ грязь человѣческую? Она не такъ боязлива, она, — ючитаящая славою прощать тѣхъ, кого свѣтъ осуждаетъ. Думала ли она, что можетъ носить личину столькихъ совершенствъ, не иная страстной любви? О, она не такъ проста: она знаетъ, чего хочеть и что можетъ! Но чего хотѣла она отъ меня? По прихоти она взяла меня, какъ взяла Дортана, какъ теперь беретъ Шпарка; однакожъ она не сдѣлала меня своимъ любовникомъ. Она обходилась со мною какъ съ лицомъ политическимъ, котораго уваженіе

ей будетъ полезно, и употребила все искусство дочери сатаны, чтобъ скрыть отъ меня истину. О, изученная комедія — бросить мнѣ ключъ, который безъ сомнѣнія отперъ бы пустой сундукъ, и сказать мнѣ все, что честнаго человѣка могло заставить не поднимать его. Въ-самомъ-дѣлѣ, она плакала, и я также. Такъ ли, великій Боже, играютъ тѣми, кто вѣруеть во имя Твое!.. Но зачѣмъ же со мной это утонченное лицемеріе? Она оставляетъ другихъ вѣривъ всему, что имъ вздумается. Она никогда не объяснялась съ Галеотто, и только для одного меня начинаетъ играть такую великолѣпную роль.

Жюльенъ вошелъ во дворецъ и долго не могъ заснуть, нища отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ не нашелъ другаго, кромѣ того, который сдѣлалъ ему Галеотто, что Квинтилія какъ утонченная женщина, хочетъ испытать все, даже то, къ чему она не способна; что она хочетъ удовлетворить своему тщеславію или своему любопытству, внушая истинную любовь, смотря съ ложа разврата на новое для нея зрѣлище — на робкія страданія чистаго сердца. Это былъ только опытъ, одна или двѣ хорошо-сыгранныя сцены, дѣровая забава; это была игра, въ которой противная сторона могла все потерять, а сама Квинтилія ничѣмъ не рисковала.

Эта мысль возбудила негодованіе въ Жюльенъ; онъ не могъ уже заснуть и на цѣлый день пошелъ бродить по лѣсамъ. Онъ замѣтилъ Шпарка на одной тропинкѣ и быстро отъ него удалился. Онъ не зналъ, что думать о своемъ другѣ. То онъ видѣлъ въ немъ остроумнаго интригана, способнаго цѣлые дни толковать о добродѣтели и между-тѣмъ весело жить съ порокомъ; то видѣлъ въ немъ интригана лукавѣе самой Квинтиліи и исправлявшаго для нея ремесло шпиона.

Утомленный, онъ возвратился вечеромъ и подошелъ къ своей комнатѣ въ нерѣшимости лечь ли ему спать или велѣть подать себѣ ужинать. Онъ нашелъ дверь запертую изнутри на крючокъ, и какой-то голосъ, въ родѣ маскараднаго, пропичалъ ему сквозь замѣкъ: *кто тамъ?*

— Чортъ возьми! кто ты самъ? отвѣчалъ онъ: — *это я, и хочу войти къ себѣ въ комнату.*

Дверь тотчасъ отворилась, и онъ отступилъ отъ удивленія при видѣ Галеотто. — Тише! безъ восклицаній! сказалъ пажъ: — я почелъ за благо спрятаться въ самомъ дворцѣ и выбрать твою комнату своимъ убѣжищемъ. Я проскользнулъ во время ночи чрезъ садъ и вошелъ по маленькой лѣстницѣ. Вотъ я уже и поселился, никто объ этомъ не догадывается; но да проклянетъ тебя Богъ за то, что ты такъ долго заставлялъ меня ожидать твоего возвращенія! Я не ужиналъ, умираю съ голоду. А! вотъ что: ты можешь ходить по корридо-

рамъ; поди поскорѣй, понищи мнѣ какую-нибудь-холодную куропатку съ лимонами, да двѣ или три бутылки вина лучшаго, какое тебе попадется подъ руку; и если во время пути тебѣ встрѣтится какое-нибудь розовое желе или пастеть александрійскій, завладѣй этими сладостями. Итальянскій пажъ не питается какъ англійскій грумъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ я перемѣнилъ свою жизнь, чувствую ужасный сплинъ.

Сен-Жюльенъ не былъ огорченъ, найдя своего веселаго и насмѣшливаго товарища; онъ чувствовалъ, что только иронія можетъ въ это время развлечь его. Онъ отправился въ буфетъ и возвратился оттуда съ фазаномъ, двумя бутылками кипрскаго вина и фисташковымъ пирогомъ.

Они закрыли окна, опустили шторы, заперли всѣ двери на крючки, и принялись ужинать. Остроумныя шутки Галеотто и жаръ вина возбудили мало-по-малу умъ Жюльена, и вмѣсто того, чтобъ заснуть на своемъ стулѣ, тѣмъ онъ вначалѣ угрожалъ своему товарищу, онъ впалъ въ состояніе полу-лихорадочной; полу-вакхической восторженности, которая особенно забавляла хитраго пажа. Послѣ цѣлый часъ продолжавшейся болтовни, онъ вдругъ сдѣлался такъ мраченъ, что Галеотто, не могши добиться отъ него ни одного слова, рѣшился броситься въ постель и заснуть.

Сен-Жюльенъ чувствовалъ сильную боль въ головѣ и въ груди, но былъ вполне уже трезвъ; оставалась только нервическая восторженность, располагавшая его къ гнѣву.

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ себѣ, медленно ходя по комнатѣ: — этого не будетъ! Меня не возьмутъ вмѣсто игрушки для препровожденія времени; меня не помѣстятъ въ какую-нибудь коллекцію, чтобъ смотрѣть на меня какъ на одно изъ насѣкомыхъ г-на Кантариды; я не пойду выставять на-показъ рану, нанесенную мнѣ отравленною стрѣлою, между-тѣмъ, какъ будутъ составлять описаніе моего лунатическаго мозга и разложеніе моихъ романтическихъ фразъ между метафизическою лекціею и веселою ночною пирушкою. Я не позволю помѣстить эпизодъ о домашнемъ секретарѣ въ любовныхъ лѣтописяхъ двора или въ тайныхъ запискахъ княгини. Если г. Шпаркъ, или кто-нибудь другой напишетъ эту главу, я ему доставлю развязку достойную самаго изложенія. Посмотримъ! Посмотримъ, Галеотто! Полно спать какъ устрица; скажи мнѣ, какое первое слово говорятъ герцогинѣ, когда объясняются ей въ любви?

— А! оно бываетъ различно, сказалъ Галеотто зѣвая: — бросаются къ ея ногамъ и просятъ прощенія задыхающимся голосомъ; или, еще лучше, ничего не говорятъ, а просятъ прощенія уже послѣ.

— Если она закричитъ, что дѣлаютъ?

— И, полно! развѣ женщина кричать?

— Но если она разсердится?

— Да развѣ сама будешь дуракомъ?

— Хорошо. Но если страхъ, чтобъ не застади или неожиданность случая сообщать ей добродѣтель...

— Когда предпринимаешь подобныя вещи, то не колеблешься, каковы бы ни были первыя препятствія. Быть наглымъ вполонину — значить сдѣлать самую глупую вещь; сто разъ лучше не быть имъ. Во всѣхъ дѣлахъ, чтобъ успѣть, надобно осмѣлиться; а смѣлый имѣетъ девяноста-девять шансовъ за себя, тогда-какъ добродѣтель женщины имѣетъ только одинъ.

— Пусть будетъ такъ!.. Прощай, Галеотто. Черезъ часъ я исchezну какъ Максъ, или отомкну за себя какъ слѣдуетъ мужчине.

— Чортъ возьми! что ты, съ ума сошелъ, Жюльенъ? Куда ты идешь? что у тебя въ годовѣ?

— О чемъ говоримъ мы уже два часа?

— Право, не знаю. Мы говоримъ, ничего не сказавши: за что же ты хочешь заставить зарѣзать себя?

— Мнѣ необходима эта опасность, чтобъ приобрести бодрость. Еслибъ это не было дѣйствиельмъ смѣлости, то было бы просто малодушиемъ. У меня никогда не достало бы духа поцаловать эту женщину, еслибъ я не рисковалъ въ этомъ случаѣ подставить грудь свою подъ кинжалъ.

— И еслибъ ты не выпилъ лишняго приѣма книрскаго вина. Развѣ подобныя превратія тебя приличны? Полно, ты съ ума сошелъ, Жюльенъ. Посмотри на меня прямо: я у тебя не двоюсю въ глазахъ?

Жюльенъ остановился и посмотрѣлъ на него прямо.

— Право, ты меня пугаешь, сказалъ пажъ:—ты настоящее привидѣніе. Но подумай: если ты только вполонину пьянъ, — есть еще вино, окончи бутылку.

— Я вовсе не пьянъ, сказалъ Жюльенъ:—я обиженъ. Я хочу отомстить, вотъ я все.

— И такъ! воскликнулъ Галеотто:—ты правъ. Клянусь бороною, которая у меня, можетъ-быть, когда-нибудь да выростеть, это твоя задушевная мысль! Еслибъ я былъ въ твоемъ положеніи, то уже испыталъ бы это. Что касается до меня, я хочу успѣть по-своему, это совсѣмъ-другое дѣло. Но ты такъ добродѣтеленъ, что не будешь искать здѣсь чего-нибудь другаго, кромѣ нищенія. Иди, мой сынъ, да сохранишь тебя Богъ. Но возьми мой стилетъ и позволь проводить тебя до двери.

— Нѣтъ, сказалъ Жюльенъ:—не надобно, чтобъ тебя видѣли! Что же касается до этого кинжала, то еслибъ онъ былъ у меня,

я покусился бы, можетъ-быть, скорѣй убить эту женщину, чѣмъ поцаловать ее.

— Минуту, минуту! ради Бога, одну минуту! сказалъ Галеотто:— это забавная мысль, но не торопись, думая, что она основательна.

— А развѣ это была основательная мысль бросить деньги подъ вѣсь назначаю и побхать съ пустыми руками? Я очень могу жертвовать жизнію для спасенія своей чести, когда ты жертвуешь состояніемъ для удовлетворенія своего тщеславія. Но довольно!..

— Но, Сен-Жюльенъ, подумай о томъ, что ты станешь говорить. Не будь въ-началѣ дерзкимъ. Лести, плачь, потомъ видай безуміе, рыдай, угрожай, проси прошенія, и словами кроткими, умоляющими прикрой дѣйствія самыя смѣлыя. Слышишь, Сен-Жюльенъ? Вотъ роль, которую ты долженъ играть. Если ты пріймешь видъ матамора, это къ тебѣ вовсе не пристанетъ, и она увидитъ, что ты надъ нею смѣешься. Заставь ее думать до конца, что она смѣется надъ тобою, и когда она сжалится, когда она поверитъ, что ты переполненъ радостью и признательностью, тогда скажи все, что хочешь. Гнѣвъ говорить всегда хорошо, но онъ пишетъ еще лучше. Напши, Жюльенъ, и спаси себя.

— Да, завтра, отвѣчалъ Сен-Жюльенъ.

— А нынче проси и рыдай.

— Позволь мнѣ самому дѣйствовать; я вспомню только то, что я былъ, и расскажу свою прошлую любовь, какъ говорить въ-ученную роль. Прощай.

Онъ взялъ свѣчу, и, не обращая вниманія на Галеотто, продолжавшаго давать ему наставленія, вышелъ и оставилъ его въ темнотѣ.

Пажъ, оставшись одинъ, спросилъ себя не дѣлаетъ ли Жюльенъ величайшей въ мірѣ глупости. Онъ самъ нѣкоторымъ образомъ подстрекнулъ его къ этому, чтобъ видѣть, какъ дѣйствительность оправдаетъ его мысли о женщинахъ, о которыхъ онъ давно судилъ, но до-сихъ-поръ еще ихъ не зналъ, — а чтобъ знать, какимъ количествомъ гордости обладаетъ Квинтилія, онъ общался равно воспользоваться успѣхомъ или ошибкою Сен-Жюльена, и безъ огорченія идаль, какъ тотъ предается опасностямъ своего предпріятія.

Однакожь страхъ овладѣлъ имъ при мысли, что въ случаѣ неудачи Сен-Жюльена, онъ самъ погибнетъ, если найдутъ его въ его комнатѣ. Онъ могъ быть сочтенъ его сообщникомъ; и хотя Галеотто часто называлъ исторію Макса пустою сказкою, онъ ей вердо вѣрилъ. Онъ не былъ очень-отваженъ, а его нѣжное тѣло-осложненіе довольно извиняло эту слабость. И такъ, онъ вздумалъ уйти черезъ маленькую лѣстницу, но къ величайшему удивленію нашелъ ее запертою снаружи, и всѣ его усилія рыскать

двери остались тщетными. Тогда онъ рѣшился пройти черезъ внутренность дворца, съ опасностію быть встрѣченнымъ и признаннымъ въ корридорѣ. Вѣроятно, противъ него не было еще дано никакого повелѣнія, и онъ былъ увѣренъ, что, достигнувъ сада, избежитъ опасности; но тайный ужасъ объялъ его, когда онъ увидѣлъ, что Сен-Жюльенъ въ разсыянности заперъ снаружи дверь, вынимая изъ нея ключъ. Надобно было покориться своей участи и ожидать его; онъ немного успокоился при мысли, что Сен-Жюльенъ былъ способенъ возвратиться влюбленнымъ, бросившись къ ногамъ герцогини. Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ онъ самъ-себѣ:—я имѣлъ бы очень жалкое понятіе о Квинтиліи, еслибъ она не успѣла еще разъ поиграть глупцомъ, который до того простъ, что такъ серьезно смотритъ на ея поступки.

XIX.

Сен-Жюльенъ тайными проходами добрался до уборной княгини; онъ тихо отперъ дверь, прошелъ въ темноту черезъ спальню, и осторожно приблизился къ кабинету, откуда чрезъ полуотворенную дверь выходилъ блѣдный лучъ свѣта. Приставя лицо къ этому отверстию, Жюльенъ могъ видѣть и слышать все, что происходило въ кабинетѣ.

Квинтилія лежала на гамакѣ изъ индійскаго шелка. Она была одѣта въ широкое и легкое платье; ея распушенные волосы упали на обнаженные плечи; Жинета сидѣла возлѣ нея и вѣжко качала гамакъ, держась руками за его серебряныя кисти. Алюбастровая лампа, привѣшенная къ потолку, разливала вокругъ сладостный свѣтъ, и благовонія неслись съ жаровни, стоявшей среди комнаты.

— Я ужасно утомлена, сказала герцогиня:—говори мнѣ что-нибудь, Жинета, не давай мнѣ заснуть.

— Вы ведете слишкомъ-безпокойную жизнь, отвѣчала служанка.—Цѣлый день посвященъ дѣламъ... Едва четыре часа спите вы утромъ. Этого не довольно.

— Ты говоришь это для самой себя, мое доброе дитя, и ты права. Я заставляю тебя бѣгать цѣлую ночь, и ты должна проклинать меня. Но не можешь ли ты спать днемъ, ты, которая ничѣмъ не управляешь?

— Ахъ, сударыня! у кого нѣтъ своихъ заботъ.

— Развѣ у тебя есть заботы, у тебя? Вотъ ужъ ты утѣшилась дѣтеръ Галеотто.

— Какъ мнѣ не утѣшиться? Извергъ, который на насъ обвѣхъ клеветаетъ...

— Жинета! Жинета! Ты втрена и, можетъ-быть, дѣлаешь хорошо, если это спасаетъ тебя отъ огорченій. Я не мѣшаю въ твои чувства; не знаю нужно ли порицать тебя; я хочу видѣть въ тебѣ только то, что есть въ тебѣ хорошаго; твоя недолимая скромность, твоя приверженность...

— И моя признательность, сказала Жинета:—потому-что я вамъ многимъ обязана.

— За что, дитя мое?

— За то, что вы были добры ко мнѣ, и вотъ все, что я объ васъ знаю. Я не забочусь объ остальномъ, и когда чего не понимаю, не стараюсь того отгадывать. Вотъ, вы уже засыпаете.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я не могу принудить себя не заснуть. Послушай, Жинета, который бьетъ часъ.

— Полночь.

— Ну, такъ какъ мы отправляемся въ часъ, я хочу лучше заснуть въ это время и послѣ встать, чего бы это мнѣ ни стоило, чѣмъ бороться такимъ образомъ съ усталостью. Такъ дай мнѣ задремать и разбуди меня, когда будетъ надобно.

— Въ такомъ случаѣ, я пойду въ свою комнату: если я останусь здѣсь, въ этомъ полусвѣтѣ, то сама засну.

— Иди, дитя мое, и будь всегда доброю и преданною мнѣ.

Сен-Жюльенъ слышалъ, какъ Жинета вышла въ противоположную дверь и заперла ее за собою. Онъ выждалъ минуты три, и когда удостовѣрился, что герцогиня начала засыпать, онъ вошелъ потихоньку и приблизился къ ней.

Теперь, когда ужъ онъ не любилъ ея и видѣлъ въ ней развратную женщину, онъ былъ болѣе испуганъ, чѣмъ урокъ сладострастіемъ, ее окружавшимъ, и въ то время, какъ мучительная боязнь сжимала грудь его, чувство жаднаго любопытства подстрекало его къ наглости. Онъ могъ считать бѣшенія своего сердца и переводить жаркое дыханіе. Уступая своимъ природнымъ впечатлѣніямъ, онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то смѣсь желанія съ боязнію; но когда вспоминалъ про свою безумную любовь къ этой женщинѣ, чувствовалъ только одну потребность мщенія. Однакожь, смотря на это благородное лицо, украшенное спокойствіемъ сна, онъ нехотя сталъ сомнѣваться въ безчестіи, которымъ, казалось ему, должно быть отмѣчено чело ея. Это чело было такъ чисто, такъ гладко подъ длинными черными волосами; это положеніе показывало такое забвеніе настоящей минуты, такую беззаботность о томъ, что происходило въ душѣ Жюльена, что онъ былъ пораженъ невольнымъ почтеніемъ. Онъ внимательно смо-

трель на нее, желая подмѣтнуть въ тайнѣ ея свидѣній, въ колебаніи ея груди, непосредственное откровеніе характера униженнаго. Довольно было одного слова, сорвавшагося съ устъ ея, одного извѣннаго вздоха, чтобъ возбудить въ немъ наглость; но тахій сонъ такъ похожъ на невинность, что Сен-Жюльенъ въ одно мгновеніе готовъ былъ уйти и отказаться отъ своего намѣренія.

Однакожь, мысль о Галеотто, который ожидалъ его и стаялъ бы надъ нимъ смѣяться, заставила его покраснѣть отъ своей робости, и думая, что минуты драгоценны, онъ рѣшился поцаловать въ губы Квинтилію; но когда онъ наклонился къ ней, то не могъ рѣшиться и удовольствовался тѣмъ, что поцаловалъ ея руку.

— Кто это? сказала она, просыпаясь безъ большого удивленія и безъ малѣйшаго страха.

— Тотъ, который васъ любитъ и умираетъ отъ васъ, отвѣчалъ онъ.

— Жюльенъ! сказала она, облокотясь на руку: — что это? который часъ? гдѣ мы? кто взялъ меня за руку? чего ты хочешь и что ты говоришь?

— Я говорю, что надобно, чтобъ вы смалились надо мною или чтобъ я умеръ, сказалъ Жюльенъ, бросаясь къ ея ногамъ и стараясь снова взять ее за руку; но она сама протянула ему руку и сказала съ кротостію:

— Воже! что съ тобою сдѣлалось, доброе дитя? зачѣмъ ты вошелъ сюда? какое несчастіе тебя угрожаетъ? что я могу для тебя сдѣлать?

— Развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ, ничего не знаю; я спала. Что тебя сдѣлало?

— А! воскликнулъ Сен-Жюльенъ, полный негодовація: — вы очень-искусны, въ-самомъ-дѣлѣ; вы притворяетесь, что не знаете самыхъ простыхъ вещей. Однакожь...

— Однакожь что? сказала удивленная Квинтилія, садясь на кровати.

Тогда, приметивъ, что плечи ея были обнажены, она не смутилась этимъ и сказала: — Мой добрый другъ, дай мнѣ, пожалуйста, шаль, и потомъ ты мнѣ объяснишь, что тебя такъ сильно огорчаетъ.

Сен-Жюльенъ подумалъ, что она потому только спрашиваетъ у него шаль, чтобъ заставить его любоваться ея плечами. Онъ обнялъ ее и воскликнулъ: — Оставайтесь, оставайтесь такъ; выслушайте меня!

— Жюльенъ! ты сумасшедшій; сказала она, отталкивая его съ протестомъ: — невозможно, чтобъ въ тебѣ не было чего-нибудь необыкновеннаго. Скажи мнѣ, что такое, — я тебя не узнаю.

— Хорошо, подумалъ Жюльенъ:—она показываетъ видъ, что за-была про свою шаль, она показываетъ видъ, что не понимаетъ меня, чтобъ я еще болѣе отвалился. Она хочетъ казаться вѣст-запно застигнутою; время пришло, и она мнѣ чудесно помогаетъ.

— О, Квинтилія! вскричалъ онъ: — развѣ ты не знаешь, что я обо-жаю тебя и теряю умъ, стараясь побѣдить себя? Развѣ ты не зна-ешь, что это выше силъ человѣческихъ, и что надобно тебя скло-нить, или... умереть?

Въ то же время, сжимая ее въ объятіяхъ, онъ забывалъ свою не-нависть и отвращеніе, онъ не имѣлъ болѣе нужды притвориться: за-клиналъ ее, жгучими поцалунми целовалъ и обнаженные руки, и такъ какъ она отталкивала его безъ гнѣва, старалась образумить его словами вѣжными и сострадательными, онъ думалъ, что можетъ на все отважиться и насильно поцаловать ея распущенные по-шечамъ волосы. Но онъ не предвидѣлъ того, что случилось.

Герцогиня вдругъ встала и, оттолкнувъ его сильною рукою, сказала ему голосомъ, въ которомъ удивленіе пересиливало еще гнѣвъ:—Раз-вѣ твое почтеніе и дружба были только игрою? Развѣ ты рѣшил-ся такъ дѣйствовать?

— Я рѣшился побѣдить тебя, хотя бы за это долженъ былъ запла-тить тысячею смертей! отвѣчалъ Жюльенъ съ дикимъ упоеніемъ; и, думая следовать совѣту Галеотто, удвоивъ наглость, снова об-нялъ ее.

Но Квинтилія была такъ же волнка и такъ же сильна, какъ онъ самъ: это была женщина съ необыкновенною силою, съ характеромъ твер-дымъ и необузданнымъ, когда ее доводили до крайности. Она схватила его за горло и такъ крепко сжала свою мужествен-ною рукою, что онъ блѣдный и задыхающійся упалъ къ ногамъ ея. Тогда она бросилась на него, поставила ему ногу на грудь и, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ ономниться, водняла надъ лицомъ его кинжалъ, который она никогда не покидала. Сен-Жюльенъ вспо-минилъ о Максѣ и сдѣлалъ усиліе освободиться. Она приставила ко-нецъ кинжала къ горловымъ его артеріямъ и сказала:— Если ты еще сдѣлаешь малѣйшее движеніе, ты умрешь. — Другою рукою она по-звонила въ колокольчикъ, отъ котораго тесма опускалась къ самому гамаку. Сен-Жюльенъ попребовалъ еще освободиться и почувство-валъ, что сталь по-немногу вошла уже въ его тѣло и нѣсколько капель крови омочили грудь его. — Собака! сказала Квинтилія голосомъ, исполненнымъ гнѣва и презрѣнія: — позаботься о своей жизни; набавъ меня отъ отвращенія самой убить тебя.

Послѣдшіялись скорые шаги. Колокольчикъ герцогини былъ про-веденъ въ комнату Жинеты; но когда онъ звучалъ съ особенною силою, то давалъ сигналъ тревоги лакеямъ, спавшимъ въ другой

комнать. Слыша, что идуть эти свидѣтели его постыднаго пораженья, и, можетъ-быть, мстители оскорбленной герцогини, Сен-Жюльенъ сдѣлалъ последнее усиліе и освободился; онъ отдѣлался неглубокимъ шрамомъ на груди и, бросившись въ тѣ двери, въ которыя вошелъ, пустился бѣжать.

XX.

Но онъ не зналъ еще, что Квинтилія, увѣдомленная однимъ изъ своихъ людей о присутствіи Галеотто во дворцѣ, приказала запереть всѣ двери и карать всѣ выходы. Она не хотѣла объяснять, чтобъ не надѣлать тревоги, но велѣла схватить ослушника при первой попыткѣ его выйти изъ убѣжища.

Сен-Жюльенъ, видя у всѣхъ дверей скрещенныя алебарды и грозныя лица, рѣшился запереться въ своей комнатѣ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи. Когда онъ вошелъ блѣдный, намученный, съ кровавыми пятнами на груди, испуганный Галеотто закричалъ, въ безпамятствѣ: — Мональдески, Мональдески!

Онъ ожидалъ, что Сен-Жюльенъ черезъ нѣсколько минутъ упадетъ мертвымъ; но тотъ, отерши грудь и собравшись съ силами, рассказалъ ему все, что случилось. На этотъ разъ, Галеотто не нашелъ чему смѣяться. Всѣ эти караулы у дверей и гильъ Квинтилія на Жюльена не предвѣщали для него-самого ничего добраго.

— Мое мнѣніе, сказалъ онъ:—стараться уйдти отсюда. Выпрыгнемъ изъ окна; лучше сломить себѣ ноги, чѣмъ быть погребену въ золотомъ гробѣ, подобно Максу.

Сен-Жюльенъ отперъ окно и увидѣлъ четырехъ человекъ съ ружьями, внизу стѣны.

— Не надобно объ этомъ и думать, сказалъ онъ:—всякій побѣгъ, всякое сопротивленіе бесполезны. Подождемъ; можетъ-быть, эта гроза утихнетъ. Я ужь не слышу никакого шума.

— Квинтилія рѣдко приходитъ въ бышенство, сказалъ пажъ:—но Итальянка мстительна болѣе, чѣмъ ты думаешь. Чортъ тебя побери, ты невя станишь въ чудесное положеніе! Меня сочтутъ твоимъ сообщникомъ и зарѣжутъ *incognito* вмѣстѣ съ тобою въ какомъ-нибудь дворцовомъ подвалѣ. Все это твоя вина. Ты хотѣлъ быть побѣдителемъ, и поступилъ какъ глупецъ.

— Самъ ты глупецъ, отвѣчалъ Жюльенъ. — Зачѣмъ ты спрятаешься въ моей комнатѣ? Не я приглашалъ тебя.

Ихъ ссора сдѣлалась бы серьезнѣе, если бы не послышался шумъ шаговъ. Молодые люди съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга. Галеотто блѣдный и полумертвый уналъ на кровать. Сен-Жюльенъ, болѣе-отважный, съ твердостію ожидалъ убійцы. Они

вошли и учтиво попросили объ жертвы позволить завязать себя глаза и связать руки. Сен-Жюльёнъ хотѣлъ возстать противъ этого унижительнаго обхожденія, но начальникъ вооруженныхъ людей, наполнившихъ комнату, сказалъ ему ласково:

— Милостивый государь, если вы сдѣлаете малѣйшее сопротивление, я употреблю силу, и ваше положеніе будетъ еще неприятнѣе.

На это нечего было отвѣчать; Сен-Жюльёнъ покорился, а бѣдливый Галеотто былъ такъ пораженъ страхомъ, что его надобно было вынести почти на рукахъ.

Когда развязали имъ руки и сняли съ нихъ повязки, они увидѣли себя въ тѣсной и темной тюрьмѣ.

— Проклятіе! сказалъ пажъ: — настаетъ нашъ послѣдній день.

— Дай Богъ, чтобъ ты говорилъ правду, отвѣчалъ Жюльёнъ: — и чтобъ насъ не заставили умирать медленною смертію отъ истощенія и холода.

Они оба съѣли на солому и не могли отъ ужаса говорить. Однакъжъ молодость пажа пришла къ нему на помощь: часа черезъ два Сен-Жюльёнъ услышалъ, что онъ храпитъ. Чтò же касается до него-самого, жестокое волненіе не давало ему успокоиться.

Когда Галеотто проснулся и при слабомъ мерцаніи, освѣщавшемъ подземелье, увидѣлъ возлѣ себя Жюльёна печальнаго, но повидимому спокойнаго, то опять почувствовалъ въ себѣ прежнюю гордость и, опасаясь казаться малодушнымъ, притворился вполне безпечнымъ, хотя въ-самомъ-дѣлѣ вовсе такимъ не былъ. Призвавъ на помощь свой вкрадчивый и колкій умъ, онъ сталъ уговаривать своего товарища презрѣть опасность. Сен-Жюльёнъ улыбулся, вспомнивъ о великой храбрости Панюржа послѣ бури. Однакъжъ такъ-какъ опасность еще не совсѣмъ миновалась и какъ, во всякомъ случаѣ, онъ вовлекъ бѣднаго пажа въ весьма-неприятное приключеніе, Сен-Жюльёнъ шадилъ его и показывалъ видъ, что зѣрить его храбрости. Они довольно-печально провели день и имѣли самый постыдный обѣдъ. Рѣшимость Галеотто едва не исчезла при этомъ случаѣ, но хладнокровіе Жюльёна подстрекнуло его честь; стараясь всѣми силами играть другъ передъ другомъ самую героическую роль, они храбро дождались ночи. Тогда Жюльёнъ, утомленный усталостію, бросился на солому и заснулъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ они оба были пробуждены шумомъ затворовъ и ключей, повертываемыхъ въ замкахъ; унылый свѣтъ факела проникъ въ подземелье и освѣтилъ мрачное лицо тюремщика, ведшаго четырехъ замаскированныхъ людей. При этомъ видѣ, Галеотто испустилъ крикъ отчаянія, а Жюльёнъ подумалъ, что пробилъ его послѣдній часъ. Тогда, вооружась всею возможною для него

тѣрдостію души, онъ приближался къ своимъ палачамъ и сказалъ имъ:

— Я знаю, что вы хотите дѣлать со мною. Не заставляйте меня долго мучиться.

Но ему ни слова не отвѣчали и связали по-прежнему руки. Когда завязывали ему глаза, онъ спросилъ, хотать ли его разлучить съ товарищемъ его несчастія.

— Вы можете другъ съ другомъ проститься, отвѣчалъ голосъ грубый и унылый, выходявшій изъ-подъ одной маски.

Молодые люди простовались. Жюльѣна ували въ глубокомъ безмолвіи, а Галеотто, омертвевшій отъ страха, остался въ тюрьмѣ.

Сен-Жюльѣнъ, пролежавъ довольно-долго, замѣтилъ, что его сводятъ съ лѣстницы, и другъ руки его освободились. Первымъ его движеніемъ было согнать съ себя повязку. Онъ увидѣлъ себя одного въ мраморной пещерѣ, великолѣпно-отдѣланной въ восточномъ вкусѣ. Четыре бронзовыя лампы дымились по угламъ черной мраморной гробницы, на которой находилась алебастровая фигура, въ положеніи спящаго меловка. Сен-Жюльѣнъ былъ пораженъ страхомъ, узнавъ пещеру и памятникъ, о которыхъ говорилъ ему Галеотто, и прочитавъ на главномъ фасѣ саркофага четыре серебряныя литеры, изображавшія имя Макса.

— Праведный Боже! вскричалъ онъ, бросившись на колѣни на черный бархатъ, покрывавшій ступени мавзолея:—если ты позволяешь совершаться такимъ беззаконіемъ, дай мнѣ по-крайней-мѣрѣ силу перенести этотъ страшный переходъ въ вѣчность! На колѣняхъ, на порогѣ другой жизни, я прошу прощенія въ проступкахъ, мною сдѣланныхъ въ этой жизни.

Говоря такимъ образомъ, онъ наклонился и, устремивъ взоры свои на алебастровую статую, былъ пораженъ страннымъ сходствомъ, ею представляемымъ. Это были голова и станъ молодого двенадцати-лѣтняго человѣка, покрытаго легкою одеждою, похожею на саванъ. Но въ спокойствіи этой величавой фигуры и въ движеніяхъ лица Жюльѣнъ нашелъ чрезвычайное подобіе чертамъ Шарка, хоть черты эти были болѣе мужественны и болѣе развиты.

Легкій шумъ вывелъ его изъ задумчивости. Онъ обернулся и увидѣлъ высокаго человѣка, одѣтаго въ черное платье и вооруженнаго страннымъ оружіемъ, походившимъ на широкую, блестящую шпагу; Жюльѣнъ былъ объятъ ужасомъ.

— Исполнитель нечестивыхъ убійствъ! вскричалъ онъ:—ты, безъ сомнѣнія, пролившій кровь того, который здѣсь покоится, привидѣніе мшенія! Такъ-какъ я долженъ быть твоею жертвою...

— Любезный господинъ Сен-Жюльѣнъ, учтиво отвѣчало мрачное привидѣніе:— вы совершенно ошибаетесь. Я ни исполнитель не-

чтвенныхъ убійствъ; ни привидѣніе мщенія. Я профессоръ натуральной исторіи, человекъ весьма-мирный и неспособный ни къ какому дурному намѣренію. Говоря такимъ образомъ, г. Кантаридъ, (потому-что это былъ онъ въ своей ученой одеждѣ изъ чернаго бархата), поднялъ свою большую шпагу и направилъ ее на Жюльѣна.

— Я буду очень-глупъ, подумалъ молодой человекъ, если позволю себя зарѣзать этому учтивому палачу, когда я съ нимъ одинъ-на-одинъ и могу схватить его за горло.

Онъ въ-самомъ-дѣлѣ хотѣлъ это сдѣлать, но ученый Кантаридъ, вѣчно учтивый, попросилъ его взяться вмѣстѣ съ нимъ за край шпаги и помочь ему поднять покрывало съ гробницы.

Это показалось такъ ужаснымъ Сен-Жюльѣну, что онъ, поблѣднѣвъ, отступилъ назадъ и посматрѣлъ вокругъ себя, ожидая появленія убійцы при первомъ знакъ сопротивленія.

— Не бойтесь, сказалъ профессоръ: — вы не подвергаетесь никакой опасности, если сами не вздумаете бѣжать или дурно поступить со мною; впрочемъ, я думаю, вы такъ хорошо воспитаны, что не рѣшитесь на это. Помогите же мнѣ, говорю вамъ; это воля ея свѣтлости, нашей всемилостивѣйшей государыни Квинтилин-Первой, и я полагаю, что вы недоступны дѣтскому страху...

Сен-Жюльѣнъ, все еще полный недоувѣрчивости, но рѣшившійся показать бодрость духа, помогъ Кантариду приподнять покрывало съ саркофага. Профессоръ сдернулъ большой черный крестъ и попросилъ Сен-Жюльѣна взять находившійся подъ этимъ крестомъ небольшой ящикъ, сдѣланный наподобіе сердца. Сен-Жюльѣнъ содрогнулся; но, думая, что хотѣтъ только устрашить его зрѣлищемъ какинъ другаго, взялъ ящикъ и трепетною рукою подалъ его профессору, который, подавивъ вужину, открылъ его и отдалъ назадъ Жюльѣну, говоря: — Посмотрите, что тамъ.

Глава молодого человека подернулись облакомъ, и въ-продолженіе нѣсколькихъ секундъ ему казалось, что онъ видитъ въ глубинѣ страшнаго ящика какой-то отвратительный предметъ безъ формы и названія. Наконецъ, его зрѣніе прояснилось, сердце снова стало биться, и онъ увидѣлъ на беломъ бархатѣ, которымъ была обита внутренность ящика, пакетъ писемъ, связанный черною лентою.

— Прочтите эти бумаги, сударь, сказалъ профессоръ:—это воля ея свѣтлости. Я останусь возлѣ васъ для того, чтобъ мои объясненія пополняли вамъ тѣ пропуски, которые затрудняютъ васъ.

Сен-Жюльѣнъ, будучи не въ состояніи держаться на ногахъ, сѣлъ на ступеняхъ гробницы. Профессоръ поставилъ возлѣ него лампу и развернулъ первую бумагу.

Это былъ свѣдѣбный актъ, заключенный закономъ и религіозно.

но тайно, между герцогинею и кавалеромъ Максомъ. Этотъ контрактъ былъ совершенъ болѣе чѣмъ за десять лѣтъ.

Вторая бумага была слѣдующее письмо:

«Я имѣлъ несчастіе не понравиться вамъ, и заслужилъ это. Гордость на минуту овладѣла моимъ сердцемъ, и вы меня жестоко наказали. Однакожь вы были слишкомъ-строги. Это была сла-
«достная и благородная гордость; радость быть любимымъ вами,
«надежда владѣть скоро благороднѣйшею въ мірѣ женщиною мо-
«гли употѣ меня, и въ минуту восторженности заставить забыть
«благоразуміе. Вы меня почли низкимъ придворнымъ, жаждущимъ
«взойти на престолѣ и прикрыть титломъ герцога свое титло
«побочнаго сына. О, вы ошиблись, Квинтилія, беру Бога въ
«свидѣтели! Вы были жестоки, но я васъ не проклинаяю, и умру
«вдали отъ васъ. Пусть мое поведеніе и смерть моя докажутъ вамъ,
«что я любилъ въ васъ только васъ-самихъ. Пусть вы пожалѣете
«меня, простите меня, поплачете обо мнѣ и найдете въ другомъ
«сердцѣ любовь, которая была въ моемъ и которую вы не при-
«знали.

«Максъ.»

— Не узнаете ли вы, графъ, почеркъ этого письма? сказалъ профессоръ, когда Сен-Жюльенъ кончилъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я его знаю, отвѣчалъ Жюльенъ. — Если все это не мечта, то это почеркъ одного человѣка, недавно сюда прѣхавшаго и называемаго Шпаркомъ.

— Я думаю, вамъ легко будетъ въ этомъ убѣдиться при чтеніи слѣдующихъ писемъ. Но прежде замѣтьте мѣсяцъ и число этого письма; вы видите, что оно писано на другой день послѣ злѣшняго убійства Макса, пятнадцать лѣтъ и два мѣсяца тому назадъ. Вы знаете, какъ мнѣ сказывали, о причинахъ ссоры герцогини съ ея молодымъ женихомъ послѣ ужина, за которымъ Максъ поступилъ весьма-легкомысленно. Они оба были тогда дѣтьми: Квинтилія шестнадцати лѣтъ, а любовникъ ея пятнадцати. Ихъ ссора имѣла всю важность, которую въ этомъ возрастѣ приписываютъ самымъ пустымъ вещамъ. Ея свѣтлость объявила печальному Максу, что никогда не будетъ его женою и въ первомъ порывѣ гнѣва приказала ему никогда не показываться на глаза ея. Онъ слишкомъ-точно исполнилъ это опрометчивое приказаніе. Влюбленный и гордый, благородный юноша былъ жестоко оскорбленъ подозрѣніемъ въ низкомъ честолюбіи; онъ тайно ухалъ ночью и поселился въ Парижъ, подъ именемъ Розенгайма. Тамъ, отказавшись отъ всякой мысли о счастіи, отъ всякой надежды на будущее, отъ всякаго людскаго тщеславія, онъ заживо, такъ-сказать, похоронилъ себя и въ

продолженіи пяти лѣтъ не обнаружилъ никакого признака своего существованія.

Герцогиня, оплакавъ его отсутствіе, снова сдѣлалась бодрою и веселою, потому-что она все еще не теряла надежды на его возвращеніе. Рѣшившись простить его, она ожидала, что онъ самъ первый попроситъ объ этомъ. Долго не получая никакихъ объ немъ вѣстей, она подумала, что онъ ужь утѣшился; терзаемая горестью, она показывала видъ, что не думаетъ болѣе о немъ и равнодушно слушала объясненія своихъ новыхъ обожателей. Но, вѣрная, противъ своей воли, единственной любви своей, она не могла рѣшиться сдѣлать новый выборъ. Многіе подозрѣвали поведеніе Квинтилин: вы получите, сударь, ясныя доказательства истины всего того, что я говорю вамъ...

— Какъ? сказалъ Жюльенъ: — Герцогиня поручила вамъ оправдать ее? Слишкомъ-много чести для меня, а для васъ много труда. Я съ твердостью готовъ перенести всякое наказаніе.

— Мнѣ не дано порученія спорить съ вами, отвѣчалъ профессоръ. Сдѣлайте милость слушайте меня, потому-что моя обязанность говорить вамъ. Я въ этомъ случаѣ поручаю себя вашей учтивости.

Жюльенъ, оскорбленный этимъ сухимъ и холоднымъ отвѣтомъ, замолчалъ и продолжалъ слушать, показывая видъ совершеннаго равнодушія.

Профессоръ снова началъ:

— Такъ прошелъ годъ. Герцогиня, уступая своему безпокойству и горести, приказала сдѣлать розысканія во всѣхъ странахъ Европы, но нигдѣ не могла открыть слѣдовъ несчастнаго Макса. Тогда, убѣдившись, что онъ лишилъ себя жизни, и что она жестоко оскорбила самое благородное и самое чистое сердце, она почувствовала въ себѣ новую, живѣйшую страсть и питала свою горестъ со всѣмъ энтузіазмомъ своихъ лѣтъ, но тайнѣ и вдали отъ всѣхъ взоровъ. Чтобъ лучше предаваться этой горести, она приказала выкопать эту пещеру и изваять этотъ памятникъ, на который она приходила плакать каждый день.

Три года прошли такимъ образомъ, и я поселился въ Монтерегале. Герцогиня въ наукахъ искала разсѣянія отъ скуки, прибѣжища отъ искушеній жизни, отъ которыхъ она навсегда отказалась. Отправляясь по дѣламъ своимъ въ Парижъ, она позволила мнѣ сопровождать ее. Я никогда не былъ въ этомъ знаменитомъ городѣ и желалъ видѣть тамошнія драгоценныя ученныя коллекціи.

Осматривая кабинеты естественной исторіи, я познакомился случайно съ мнимымъ Розенгаймомъ. Я никогда не видалъ этого молодого человека и былъ пораженъ его красотою, любезностью и благороднымъ характеромъ. Любовь къ наукъ насъ скоро сблизилъ.

ла. Я былъ очарованъ его познаніями. Но въ то же время я съ скорбіемъ видѣлъ, что черты лица его носятъ отпечатокъ глубокой грусти, и когда спрашивалъ его о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ науки и философіи, ужасался при видѣ разочарованія и тоски, наполнявшихъ эту юную и чистую душу. Я старался приобрѣсть его довѣренность. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что несчастная любовь наконецъ отдала его отъ общества, что послѣдняя связь, соединявшая его съ міромъ, разорвана, и что, отказавшись отъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, онъ поселился въ Парижъ и находитъ счастье только въ наукахъ и искусствахъ, которымъ предается съ энтузіазмомъ.

Этотъ рассказъ сильно тронулъ меня, и я просилъ у Розенгайма позволенія чаще съ нимъ видѣться. Онъ повелъ меня на свой чердакъ, который былъ очень-бѣденъ, но очарователенъ своею чистотою и блистательною коллекціею разныхъ цвѣтовъ и птицъ. Съ наслажденіемъ рассматривая одного африканскаго зариды, я невольно вскричалъ: какъ вы счастливы, что владѣете такимъ рѣдкимъ растеніемъ! я часто описывалъ его ея свѣтлости герцогинѣ Квинтилинѣ, но никогда не могъ достать... Я остановился, испуганный впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него этимъ именемъ. Онъ страшно поблѣднѣлъ и упалъ на стулъ. Потомъ, онъ покраснѣлъ какъ пюль, и сдѣлалъ мнѣ множество вопросовъ самыхъ неожиданныхъ и самыхъ странныхъ. При всѣхъ моихъ отвѣтахъ, онъ впадалъ въ родъ безумія, и когда узналъ, что ея свѣтлость находится въ Парижѣ, то какъ безумный бросился въ двери, но потомъ остановился и упалъ безъ чувствъ на порогъ.

Я поспѣшилъ къ нему на помощь; но пришедъ въ чувство, онъ вдругъ сталъ неразговорчивъ и остороженъ; я ничего не могъ отъ него добиться, кромѣ самыхъ неясныхъ и неправдоподобныхъ объясненій. Въ особенности онъ заклиналъ меня ничего не говорить объ немъ герцогинѣ, но доставить ему случай видѣть ее, такъ, чтобъ не быть самому ею замѣченнымъ. Я сказалъ ему, что она должна завтра присутствовать на ботанической лекціи одного моего друга, знаменитаго профессора. Онъ прокрался туда и спрятался гдѣ-то въ углу, такъ-что я никакъ не могъ добраться до него и поговорить съ нимъ.

Я имѣлъ очень-неопредѣленное понятіе объ исторіи Макса и вовсе тогда не зналъ о тайной скорби герцогини. И такъ, я не думалъ уведомлять ее объ этой встрѣчѣ и не дѣлалъ никакого сближенія между Максомъ и Розенгаймомъ. Однакожъ, я такъ былъ пораженъ странною переменною, происшедшею въ чертахъ лица моего юнаго друга при одномъ имени Квинтилин, что рѣшился переговорить объ этомъ съ Жюнеттою, Это дѣвушка немного, какъ гово-

рать, вѣтревая въ-отношеніи къ самой-себѣ, но откровенная и преданная своей госпожѣ, слушая мой разсказъ, радостно воскликнула: «О, это онъ! это долженъ быть онъ! Я никогда не вѣрила его смерти...» Она хотѣла бѣжать къ своей госпожѣ, но потомъ остановилась, подумавъ, что если она ошибается въ своихъ догадкахъ, то сообщать о нихъ герцогинѣ значило бы растравлять рану въ сердцѣ ея ложною радостью и горькимъ разувѣреніемъ. Она убѣдила меня свести какъ-нибудь случайно Макса съ Квинтилиєю, увѣряя, что если это въ-самомъ-дѣлѣ Максъ, то герцогиня бросится къ нему въ объятія.

Мы условились вмѣстѣ, и на другой день я пригласилъ Розенгайма прійти посмотреть коллекцію древнихъ медалей, которую я только-что купилъ для кабинета герцогини. Я поклялся ему (и признаюсь, только одинъ разъ въ своей жизни поклялся ложно, но за то съ добрымъ намѣреніемъ), что герцогиня никогда не ходитъ ко мнѣ, хоть я занимаю домъ рядомъ съ нею. Розенгаймъ согласился, и съ своей стороны Жинета уговорила герцогиню посмотреть мои медали. У меня такъ мало краснорѣчія, что я не съумѣю описать вамъ ту сцену, которой былъ свидѣтелемъ. Я самъ чуть-чуть не сошелъ съ ума; оба любовника едва не умерли; въ-особенности герцогиня, сильно-пораженная неожиданностью, едва пришла въ чувство.

За этимъ трогательнымъ примиреніемъ, скоро послѣдовалъ бракъ, котораго подлинный актъ вы сейчасъ читали.

Княгиня хотѣла публично объявить Макса своимъ мужемъ и торжественно привезти его въ Монтерегале, но ничто въ мірѣ не могло заставить его согласиться раздѣлять съ нею ея достоинство. И вы можете прочесть объ этомъ второе письмо его, которое у васъ подъ рукою.

Сен-Жюльёнъ, увлеченный романическою занимательностію разсказа, прочелъ слѣдующее:

xxi.

«Нѣтъ, моя возлюбленная, нѣтъ, никогда! Природа человѣческая слаба и исполнена мелкихъ страстей: одна только страсть велика и прекрасна, — любовь. Но это божественное пламя, которое надобно беречь, какъ древніе берегли священный огонь въ закрытыхъ курильницахъ на золотыхъ алтаряхъ; это благоуханіе, которое надобно закрывать, чтобъ оно не испарилось; это драгоценный отпечатокъ, который надобно удалять отъ прикосновенія толпы, чтобъ онъ какъ-нибудь не нагладился. Пусть наше сердце

«будеть таинственнымъ святилищемъ, жилищемъ Бога. Будемъ «жить другъ для друга, и пусть мѣръ объ этомъ не знаетъ. Не «принуждай меня чрезъ толпу завистниковъ нести чело сію- «щее счастьемъ, которое будетъ обидою для всѣхъ ихъ и кото- «рое они будутъ стараться замарать въ глазахъ твоихъ. Нѣтъ, я «такъ много страдаю отъ ядовитаго прикосновенія двора твоего «и такъ мало знаю, какъ надобно тамъ вести себя, что не могу «не погибнуть. Мой характеръ вѣчно противится принужденію и «недовѣрчивости; и, не смотря на то, что я все дѣтство свое про- «велъ въ этой смертельной атмосферѣ, никогда не могъ изба- «виться отъ своей неблагоприятной вспыльчивости. Я никогда не за- «буду, чего мнѣ это стоило и сколькими годами отчаянія запла- «тилъ я за одну минуту забывчивости. Еслибъ мы были тогда бѣд- «ными нѣмецкими гражданами, среди какого-нибудь честнаго се- «мейства, я могъ бы быть откровеннѣе, Квинтилія, и ты сама улыб- «нулась бы моею чистосердечной радости. Но, увы! я былъ иска- «тель приключеній, побочный сынъ; ты была герцогиня, и нашъ «бракъ долженъ былъ оставаться тайною. Я не имѣлъ права гово- «рить о своемъ счастьи и не могъ радоваться, не показываясь хвас- «туномъ и наглецомъ. Теперь, твое великодушіе вознаграждаетъ меня «за все; я вполне чувствую величіе этого вознагражденія, но не «имѣю въ немъ нужды. Быть любимымъ тобою, сжимать тебя въ «своихъ объятіяхъ, называть тебя своею подругою, видѣть тебя не «такъ часто, но безъ докучныхъ свидѣтелей, безъ враговъ, вѣчно «стоящихъ между мною и тобою, предаваться всѣмъ страстнымъ «восторгамъ, всей признательности, не будучи подозрѣваемымъ въ «какомъ-нибудь низкомъ умыслѣ; лежать у ногъ своей жены и лю- «бовницы, не показывая вида, что пресмыкаешься передъ своею «повелительницею и благодѣтельницею: не это ли счастье болѣе «прочное и болѣе-истинное? Къ-тому же, въ уединеніи и трудахъ, «я сдѣлалъ нѣкоторыя привычки столь отличныя отъ всего, «что дѣлается вокругъ тебя, что при дворѣ твоёмъ я буду не на «своемъ мѣстѣ. Оставь меня въ моей милой неизвѣстности. Я на- «шелъ во время своего несчастія великодушную подругу, которая «спасла меня отъ меня-самого, сохранила отъ самоубійства и «въ-продолженіи пяти лѣтъ помогала мнѣ жить, не стараясь вы- «рвать тебя изъ моего сердца, замарать чистый образъ твой въ моей «памяти. Эта подруга — наука. Я былъ бы неблагодарнымъ, еслибъ «оставилъ ее теперь, когда нашелъ предметъ всѣхъ моихъ желаній. «Оставь меня на моемъ чердакѣ. Это храмъ, въ которомъ я слу- «жилъ ей, святилище, въ которомъ она открылась мнѣ и сошла «ко мнѣ съ неба, облеченная въ свою звѣздную одежду. Вотъ мое «призваніе, — я въ этомъ твердо убѣжденъ. Позволь мнѣ каждый

«годъ нѣсколько времени проводить возлѣ тебя; но пусть никто объ этомъ не знаетъ, и имя мое исчезнетъ изъ памяти людей. Пусть твое сердце будетъ единственною страницею, на которой я найду его начертаннымъ, когда прійду отдать тебѣ свое сердце, свѣчно объятое новымъ пламенемъ, и проч.»

Профессоръ, продолжая разсказъ свой, открылъ Сен-Жюльѣну, что послѣ тщетныхъ попытокъ вызвать Розенгайма изъ его уединенія, Квинтилія согласилась наконецъ тайно обвѣнчаться съ нимъ и возвратиться въ свои владѣнія. Но съ-тѣхъ-поръ она нѣсколько зимнихъ мѣсяцовъ проводила въ Парижѣ и каждое лѣто Максъ жилъ некоторое время въ бесѣдкѣ парка. Его пребываніе въ Монтерегале было всегда окружено глубокою тайною, и онъ всегда пріѣзжалъ невзначай, чтобъ тѣмъ доставить женѣ своей удовольствіе неожиданное и доказать ей, что онъ никогда не боялся пріѣхать не во время. Этотъ союзъ всегда былъ такъ прекрасенъ и чистъ, продолжалъ профессоръ:—что онъ лучше всего доказываетъ превосходство ликурговыхъ законовъ, повелѣвавшихъ мужьямъ не иначе вѣдѣться съ женами своими, какъ украдкой и со всеми предосторожностями любовниковъ.

Сен-Жюльѣнъ, по приглашенію профессора, открылъ на-удачу нѣсколько писемъ Макса и герцогини и нашелъ въ нихъ вездѣ выраженія самой высокой нѣжности, соединенной съ самымъ неограниченнымъ довѣріемъ и самою чистою, святою дружбою. Вотъ нѣкоторые отрывки, прочитанные Сен-Жюльѣномъ:

«....Когда-то, Максъ, я питала прекрасную мечту: воображала, что надобно быть безхитростну, чтобъ быть свято-судиму, и что съ довѣренностію должно быть слушаемо слово, произносимое устами никогда неговорящими лжи. Я была увѣрена, что добродѣтель есть блестящая золотая одежда, отличающая праведныхъ отъ толпы; я думала, что никто не можетъ притвориться чистымъ душою, и что спокойствіе не обитаетъ въ нечистомъ сердцѣ. Я ошибалась, потому-что сама была сто разъ обманута предателями; и тогда я перестала возмущаться несправедливостію. Всѣ эти люди меня обманывающіе и осуждающіе, были безъ-сомнѣнія обмануты такъ же часто, какъ и я. Всѣ эти убѣжденія, составляющія смѣтніе общественное, безъ сомнѣнія были такъ же встревожены и обмануты, какъ и мое собственное убѣжденіе. Если меня смѣшиваютъ съ тѣми, которые лгутъ, то это вина лгуновъ, а не свѣта, который справедливо опасается и не довѣряетъ тому, чего не понимаетъ. И такъ, я не презираю и не ненавижу свѣта, я только не хочу льстить ему и бояться его: это слѣпой великанъ, который безразлично скашиваетъ на пути своемъ и пшеницу и плевелы; будемъ ненавидѣть тѣхъ, которые выкололи глазъ Циклопу, и

«пропустимъ его сами не вреда ему, не позволяя ему вредитъ намъ; пропустимъ его, какъ гору, которая рушится, какъ потокъ, слѣдующій своему теченію; среди пустынь есть оазисы, гдѣ можно жить безвѣстнымъ, вдали отъ пустаго шума грозы. Въ твоёмъ сердцѣ, Максъ, я удалась и живу въ немъ среди живыхъ, безъ всякаго съ ними сообщенія»...

«Я рѣшилась все позволять говорить. Не наклонюсь посмотрѣть не бросили ли грязи на дорогу, по которой прохожу я. Я пройду и оботру свои ноги на порогъ дома твоего, и ты меня примешь въ свои объятія: ты знаешь, что я чиста.»

Вотъ отвѣтъ Макса:

«Правда твоя, мой другъ, ты жена моя и сестра; ты моя владычица, мое счастье и слава, — что мнѣ нужды до остальнаго. Ты знаешь, что ты для меня теперь, и чѣмъ была для меня въ продолженіе двадцати лѣтъ; потому-что уже двадцать лѣтъ, какъ мы любимъ другъ друга. Квинтилія! я былъ еще дитя, когда меня послали представлять старика на твоей свадьбѣ. Тебѣ было двѣнадцать лѣтъ; мы были такъ малы, что не могли взойти на высокій герцогскій тронъ, для насъ приготовленный. Достойный аббатъ Сципіонъ взялъ тебя на руки и посадилъ на герцогскомъ мѣстѣ, а безъ любезнаго герцога Гурка, который былъ старше меня и въ то время не думалъ еще быть моимъ соперникомъ, я не могъ бы сѣсть возлѣ тебя.»

«Я надѣлъ на тебя вѣнчальное кольцо. О, первый прекрасный день въ моей жизни! Я никогда не забуду тебя и никогда не устану вспоминать о тебѣ. Какъ вы были уже прекрасны, моя маленькая герцогиня, съ вашими черными глазами, съ вашими цвѣтущими ланитами, съ вашими кудрями, рассыпавшимися по плечамъ, и въ этомъ большомъ серебряномъ-вышитомъ платьѣ, котораго шлейфъ вы не могли влечь за собою, и въ этихъ кружевахъ, въ которыхъ маленькая головка ваша принимала царственное выраженіе, тогда-какъ хитрая улыбка нѣмняла этой принужденной важности! Знаете ли вы, что я уже тогда былъ какъ безумный влюбленъ въ васъ? Не помните ли вы моего объясненія, которое я вамъ сдѣлалъ послѣ церемоніи, играя съ вами въ комнатѣ вашей гувернанты? Добрая мистриссъ Уайтъ хотѣла заставить меня молчать, но вы приняли величественный видъ и сказали ей: «Теперь, Уайтъ, я замужемъ, и никто не имѣетъ права мѣшаться въ мое поведеніе. Кавалеръ! Вы мужъ мой, одинъ, котораго я знаю, одинъ, котораго я принимаю и люблю. Если герцогъ Монтерегале воображаетъ, что я жена его, онъ ошибается. Говорять, что онъ старъ и безобразенъ: я его нена-

«вижу. Если онъ будетъ угрожать мнѣ, я объявлю ему войну, и вы его убьете, не правда ли, кавалеръ?» И когда мистрисъ Уайтъ невольно улыбнулась, вы ей сказали съ важнымъ видомъ: «Чему вы смѣетесь, Уайтъ? Не вмѣстѣ ли мы читали исторію Давида, побѣждающаго Голиафа?»

«О, какъ вы были прекрасны, моя добрая подруга! Какая вы были чудная дѣвочка! Чувствительная и строгая, ласковая и раздражительная, добрая и сердитая, играя паревую роль, которая такъ шла къ вашей маленькой особѣ; читая латинскіе стихи, импровизируя пріемныя рѣчи, осуждая на смерть вашего попуга и съ важностію милуя его; прося прощенія у няньки вашей, когда вы ее огорчали и палуя ее со всѣмъ добродушіемъ дитяти... О, я никогда не забуду всего этого, мой добрый другъ, хотя это было такъ давно, такъ давно!»

«Кажется, думали насъ женить въ то время, какъ только герцогъ Монтерегале умретъ, ибо знали, что онъ одержитъ смертельную болѣзнь. Государь, который насъ теперь преследуетъ, непременно хотѣлъ, чтобъ ваши владѣнія принадлежали кому-нибудь изъ его кліентовъ. Но какъ мы счастливы, что судьба разстроила его планы! Еслибъ я публично былъ твоимъ мужемъ, я былъ бы или твоимъ повелителемъ, или твоимъ рабомъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, наши характеры измѣнились бы подъ вліяніемъ чуждой воли, которая стремилась бы заставить насъ дѣйствовать такъ, какъ ей то выгодно было, нисколько не заботясь о нашей взаимной любви и счастіи? Видишь, какъ мы правы, что вѣруемъ въ Провидѣніе! Оно насъ разлучило, чтобъ послѣ соединить со всѣми условіями взаимной любви и независимости. Тебѣ одной я этимъ обязанъ, или лучше сказать Богу, который, тронувшись моимъ отчаяніемъ, берегъ тебя для меня, вѣрная и святая жена, въ которую я такъ же вѣрую, какъ и въ Него. И такъ, не мѣшай мнѣ говорить, и вѣруй въ меня! Когда цѣлый міръ возстанетъ, чтобъ побить тебя камнями, я стану защищать тебя и стану между нихъ и тобою. Пусть ихъ говорятъ! Не показывай вида, что знаешь, будто они говорятъ дурно о тебѣ. Читай памфлеты своихъ придворныхъ умишниковъ, если это тебя забавляетъ; но не сердись на нихъ, потому-что этимъ ты покажешь видъ, будто ихъ читала; а эту честь надобно дѣлать имъ такъ, чтобъ они не знали ея. Дѣйствіями своими заставляй думать всѣхъ, что ты дорожишь мнѣніемъ свѣта — вотъ единственное благоразуміе, которому я учу тебя. Что насчетъ до остальнаго, дѣлай сама какъ знаешь, и не думай никогда, что должна мнѣ давать въ чемъ бы то ни было объясненіе. Что можетъ свѣтъ сдѣлать нашему счастію? Думаешь ли ты, что я одну минуту помю»

«люблюсь между нѣмъ и твоими словами? Что мнѣ за нужда знать, какъ ты поступаешь съ другими? Развѣ я не знаю, какъ ты поступишь со мною? Въ—продолженіе двадцати лѣтъ, какъ мы знаемъ другъ друга, сказала ли ты мнѣ хоть одно слово, которое отдалось бы отъ истины? Сдѣлала ли ты мнѣ хоть одно обещаніе, котораго свято не выполнила бы?»

«О, какъ прекрасенъ этотъ міръ, въ которомъ мы живемъ обидно! Мы одни въ немъ: ни одинъ грустный голосъ взвизъ не трещитъ его сладостной гармоніи. Стрѣлы безсильныхъ враговъ нечестивыхъ лежатъ у ногъ нашихъ, и мы съ улыбкою смотримъ, какъ они падаютъ. Гроза гремитъ тамъ, вдали, но мы, удаленные на высоты, сосѣднія небу, видимъ ангеловъ, зонущихъ насъ сквозь лазурное покрывало, и слышимъ, какъ ихъ небесные звуки мѣшались съ благочестивымъ дыханіемъ нашихъ пламенныхъ душъ и проч.

На это письмо Квинтилія отвѣчала такъ:

«Какъ я люблю тебя, мой Нѣмецъ, съ твоею простосердечною добротою, съ твоимъ поэтическимъ энтузіазмомъ! Всегда одинъ тотъ же въ—продолженіе столькихъ лѣтъ! Такъ, мы нашли тайну оставаться навсегда любовниками, не смотря на то, что мы обвѣнчаны? Мы уже обвѣнчаны, знаешь ли ты это? Я думаю обидно только тогда, когда мои любезные братья, сосѣдніе государи, стараются принудить меня взять себя мужа по ихъ выбору. Тогда, думая о важности ихъ предложенія и вѣроятности успѣха ихъ интригъ, я становлюсь чрезвычайно-веселюю, и не одинъ остроумный посланникъ кусалъ себя губы отъ досады. Да когда, ты хорошо сдѣлалъ, что скрылъ свое счастье и запретилъ профанамъ входъ въ нашъ эдемъ, котораго блескъ они омрачили бы своимъ нечистымъ дыханіемъ. Ты счастливѣе меня, Максимилианъ, ты не видишь этихъ низостей; когда ты оставляешь свое милое соединеніе, это только для того, чтобъ быть еще счастливѣе возлюбленной твоей. А я прохожу чрезъ нихъ, и въ этомъ шумномъ мірѣ—я одинока и печальна. Но часто, среди толпы, мнѣ является образъ твой и наполняетъ меня силою и надеждою. Тогда я думаю о дняхъ счастья, которые насъ соединяютъ, и вижу ихъ такъ чистыми, такъ утонченными, что готова ихъ купить цѣною труда и лишній настоящей жизни. О, я купила бы ихъ цѣною моей крови, и никогда не подумала бы, что дорого за нихъ заплатить!»

«Иногда, среди великолѣпнаго бала, измученная скукою представленія, я пробуждаюсь и оживляюсь при одномъ звукѣ, при одномъ смѣхѣ цѣтка. Мнѣ кажется, что слышу твой голосъ или обоняю запахъ волосъ твоихъ; и содрогаюсь, сердце мое бьется»

львѣ обыкновеннаго, какъ-будто передъ смертію. Тогда я бѣгаю, скрываюсь въ темноту сада и плачу въ нашемъ павильонѣ отъ страданія и счастья. Иногда, я хотѣла бы перелетѣть чрезъ пространство и слѣдовать за мыслию, стремящеюся къ тебѣ; мое желаніе становится огнемъ, сжигающимъ грудь мою, — сила моя исчезаетъ. Я обвиняю судьбу, насъ разъединяющую, плачу и теряю бодрость. Но тогда я схожу въ пещеру, и на гробницѣ, которую когда-то сдѣланной, плачу отъ умиленія и благодарю Бога, который возвратилъ мнѣ тебя. Я люблю открывать эту пустую пещеру, въ которой мы навѣки соединимся; люблю разсматривать ящикъ, въ которомъ прячу теперь наши письма и въ который я когда-то дала обѣщаніе схоронить мое сердце, чтобъ оно осталось тебѣ вѣрнымъ, и чтобъ любовь моя была погребена съ тобою» и проч.

XIII.

Чтеніе этихъ писемъ возбудило въ Жюльенѣ грустное чувство.

— Я ихъ довольно видѣлъ, сказалъ онъ профессору: — если герцогиня хочетъ унижить меня, сравнивая мой характеръ съ характеромъ г. Макса...

— Я думаю, возразилъ профессоръ: — что герцогиня не дѣлаетъ никакого сравненія между вами; но выслушайте окончаніе этой сторія.

— Въ день энтомологическаго бала, Максъ явился переодѣтый моими стараніями, и герцогиня, застигнутая среди скуки дипломатическихъ представленій, которую она тщетно хотѣла уничтожить блескомъ праздниковъ, встрѣтила своего возлюбленнаго съ такою радостію; съ какою никогда еще его не встрѣчала. Онъ по обыкновенію остановился въ павильонѣ. Но когда Квинтиція поняла угрозы и просьбы герцога Гурка, то подумала, что, вмѣсто того, чтобъ рвать Макса, скоро, можетъ-быть, надобно будетъ представить его публично — не потому, чтобъ она старалась оправдать въ тѣхъ ужасныхъ подозрѣніяхъ, которыя притворно показывала сосѣдніе кабинеты на ея счетъ: она очень-хорошо знаетъ, что это низкія хитрости; что же касается до общественнаго мнѣнія, то она хорошо научилась не обращать на него вниманія. Но ракъ непріятельскаго нашествія помѣшалъ ей слишкомъ-открыто ездить угрозы государя, болѣе могущественнаго, чѣмъ она. Она желаетъ подвергать опасности свободу своихъ подданныхъ за просьбу о своей личной гордости.

И такъ, рѣшено было, что Максъ перестанетъ скрываться и будетъ жить спокойно въ резиденціи подъ вымышленнымъ именемъ, Т. ХХИИ.—Отд. I.

чтобъ въ случаѣ нужды объявить о своемъ существованіи. Не жала показываться въ публикѣ, онъ живетъ въ отдаленномъ мѣстѣ и не является во дворецъ. Никто до-сихъ-поръ не обратилъ на него вниманія. Пятнадцать лѣтъ отсутствія такъ измѣнили его, что трудно будетъ узнать его, если онъ не представитъ доказательствъ, что онъ дѣйствительно Максъ. Онъ и сдѣлаетъ это для одного Гурка. Между ними существовали взаимныя отношенія, въ которыхъ герцогъ показался не слишкомъ-честнымъ человекомъ, такъ-что, вѣроятно, не желаетъ, чтобъ Максъ былъ живъ. Онъ спуститъ низъ свой тонъ, какъ только супругъ герцогини скажетъ ему два-три слова наединѣ. Это и будетъ слышно вышній же вечеръ, потому-что, позабавившись гордостью Гурка, ея свѣтлость не можетъ болѣе его терпѣть. Теперь, сударь, когда вамъ все извѣстно, читайте послѣднія письма, которыя Максъ писалъ, нѣсколько дней тому назадъ, къ герцогинѣ.

«Знаешь ли ты, что много говорятъ на твой счетъ, и что придворные твои, такъ покорные при свѣтѣ бала, составляютъ противъ тебя гнусныя замыслы, въ темныхъ аллеяхъ твоего сада? Такъ-какъ они не слишкомъ-много опасаются навалыона, садятся на скамьи, его окружающія, и я, отдаленный отъ нихъ одною стѣною, слышу ихъ пошлую клевету. Избави меня Богъ — повторять тебѣ ее и называть по имени тѣхъ глупцовъ, которые ее выдумываютъ. Еслибъ, считая ихъ своими друзьями, ты доверялась имъ, то моя обязанность была бы предостеречь тебя. Но я знаю какъ ты объ нихъ думаешь, и такъ же мало обращаю вниманія на ихъ слова, какъ ты на ихъ самихъ.

«Однакожь, мнѣ надобно сдѣлать тебѣ одно замѣчаніе, которое пришло мнѣ въ голову, когда я слушалъ, какъ говорятъ о привычкѣ твоихъ въ-отношеніи къ людямъ, тебѣ окружающимъ. Говорятъ, что твой секретари, штабмейстеры и пажы — твои любовники. А я такъ за совсѣмъ-другое хочу упрекнутьъ тебя. Мнѣ кажется, ты съ своими секретарями и пажами обращаешься не совсѣмъ такъ, какъ слѣдовало бы обращаться съ людьми. Ты ихъ выбираешь хорошихъ собою и ловкихъ, и столько же заботишься о покупкѣ лошади, какъ и о выборѣ служителя. Ты даешь имъ человѣческія должности и одежду, но заставляешь ихъ играть роль пуделей. Они бѣгаютъ передъ тобою или снѣтъ у ногъ твоихъ, какъ настоящія маленькія собачки, и ты на это ни сколько не обращаешь вниманія, какъ-будто-бы они не такіе же люди, какъ ты и какъ я.

«Это не хорошо, моя милая подруга. Ты не горда, — я это знаю, ты поступаешь такъ по простотѣ и по развѣянности. Но, можетъ-быть, ты неблагоразумна и нестыбка, сама того не подозревая. Подумай; эти люди молоды, они доступны честолюбію и

любаи. Если, въ надеждѣ достигнуть лучшаго состоянія, они переносятъ свое настоящее жалкое положеніе, ты ихъ унижаешь и дѣлаешь имъ самымъ унижаться. Если, во привязанности къ тебѣ, они покоряются всемъ твоимъ мелкимъ прихотямъ, подумай, что надобно имъ заплатить тою же привязанностію или сдѣлаться неблагодарною. Ты ласкова съ ними, — я знаю; ты не унижаешь ихъ словами; ты осыпаешь ихъ подарками и льстишь вкусу каждаго изъ нихъ. Они должны обождать тебя, Квинтілія, потому что я знаю, какъ ты деликатна во всѣхъ своихъ поступкахъ. Но не думай, тебѣ этого было довольно для ихъ счастья. Твои ласковыя слова и милостивымъ улыбки не могутъ утѣшить ихъ за тотъ вѣчный маскарадъ, на который ты ихъ осуждаешь, — если только они имѣютъ хоть нѣсколько важности въ умѣ и благородной гордости въ душѣ. Ты подвергаешь сердце ихъ большому опасенію: они молоды, несмнотрительны, можетъ-быть, хороши собою; ты ихъ привлекаешь къ себѣ, доверяешься имъ, простодушно показываешь имъ всю доброту, веселость, товарищескую откровенность, которыя могутъ свести съ ума самого ученаго Кантариды, еслибъ любовь къ несвѣдущимъ не удерживала его въ павильонѣ, вдали отъ твоихъ невѣрныхъ обольщеній. И когда добрыя безумцы думаютъ, что владѣютъ по-крайней-мѣрѣ твоею доверенностію, они пріятчаютъ, наконецъ, что ты показала имъ только свою одажду. Они ужасаются того, что не знаютъ тайны твоего существованія. Они спрашиваютъ себя, — что ты: ангелъ, или демонъ, ледяная ли скала, недоступная теплотѣ солнечной, или шуршащій водопадъ, съ шумомъ стремящійся и уничтожающій все, что противится его фантастическому, ужасному теченію. Тогда, Квинтілія, эти люди, если они злы, становятся твоими врагами, — это еще ничего; но моему мнѣнію: твои враги для меня не существуютъ. Но если они добры, то дѣлаются несчастны; это и случилось съ Сен-Жюльеномъ.

«Повѣрь мнѣ, онъ тебя любитъ; любовь ли это, дружба ли, но онъ тебя любитъ безъ всякаго сомнѣнія и страдаетъ, потому что съ нимъ такъ хорошо обходится и такъ мало его любитъ! Не играй его спокойствіемъ, мой добрый другъ; объяснись съ нимъ; если ты имѣешь къ нему болѣе довѣрія и уваженія, чѣмъ къ другимъ, отирой ему это. Если ты такъ же о немъ думаешь, какъ о Галеттѣ, не заставляй его питать пагубныя надежды; вотому что сердце твое принадлежитъ мнѣ—я ужъ знаю, и моя жалость къ другимъ по-крайней-мѣрѣ не до такой степени велика, чтобъ я могъ разделить его съ ними.»

Отвѣтъ:

«Мы такъ мало видали другъ-друга вчера вечеромъ, что я не имѣла времени объясниться съ тобою вполнѣ на счетъ Жюльена;

Вотъ часъ, въ который я могу писать тебѣ, въ то время, какъ Жюльенъ мараетъ что-то другое подъ мою диктовку. Я хочу разсѣять на этотъ счетъ твое безпокойство, чтобъ вынѣшнимъ вечеромъ говорить съ тобою только о тебѣ.

«Во-первыхъ, надобно сознаться, что я, можетъ-быть, несправедлива къ другимъ. Я часто эгонистка въ своей скукѣ и въ своихъ забавахъ. Это происходитъ отъ-того, что я всегда одинока среди всѣхъ, любя одно воспоминаше, созерцая одинъ отсутствующій образъ и не разделяя впечатлѣній тѣхъ, которые живутъ возлѣ меня. Когда я освобождаюсь отъ своихъ мечтаній, чтобы впасть въ действительность, — я подобна ясновидящей, дѣлающей странныя и неожиданныя вещи въ состояніи, которое ни сонъ, ни бодрствованіе. Меня обвиняють въ томъ, что я очень-прихотлива, и признаюсь, это правда. У меня тысяча прихотей, которыя исчезаютъ прежде, чѣмъ я удовлетворяю ихъ. Въ усилахъ, которыя я дѣлаю, чтобъ прогнать тоску или внутреннюю радость, я кажусь брюзгливою и холодною тѣмъ, которые сейчасъ находили меня веселою и кроткою. Попробую исправиться, обещаю тебѣ. Но мнѣ будетъ трудно быть такою, какъ всѣ, ежечасно примѣчать, что дѣлается вокругъ меня, предупреждать всѣ неудобства, избѣгать опасности для себя или для другаго; одной только опасности я не могу бояться — это забвенія о тебѣ; и великая безопасность для меня, эта довѣренность къ своимъ силамъ противъ всего того, что не ты, дѣлаетъ меня невидимому нечувствительною къ страданіямъ другихъ. Это потому-что я не вижу, не понимаю что говорятъ они, что дѣлаютъ и что думаютъ; это потому-что я сама не знаю, что говорю и дѣлаю, думая о тебѣ. Да, это эгонизмъ. Ты имѣешь право бранить меня, — я постараюсь объ этомъ лучше размыслить.

«Но въ настоящую минуту, я думаю, что сдѣлала мало дѣйствительно-худаго. Тѣ, которые могли сдѣлаться моими врагами или жертвами, — удалены. Теперь возлѣ меня Жина, которую люблю и которая это заслуживаетъ, Галеотто и Сен-Жюльенъ. Во первыхъ, Галеотто, уверяю тебя, настоящая ученая собака. Я не несправедлива, и нельзя сказать мнѣ, что ошибаюсь или обижаю его поступая съ нимъ какъ съ ученою собакою. Это маленькое созданіе безъ сердца и головы, красивое, хорошо-причесанное, иногда остроумное, хорошо-танцующее. Онъ не любитъ никого, ни меня, ни Живеты, которая, я думаю, любитъ его больше, чѣмъ сколько позволяетъ ей духовникъ ея. Онъ любитъ конфеты, ленты, перья, танцы, фейерверки, драгоценныя перстни, лошадей и complimenty. Я взяла его за его хорошенькое личико, — сознаюсь въ томъ. Прилично ли, чтобъ герцогскую мантию моей свѣтлости висѣлъ безобразный негрѣжокъ? Это была прежде мода, но это дурная мода. Я ужасюсь чудовищъ, но люблю окружать себя прекрасными ве-

щами и прекрасными лицами. Я во всемъ люблю роскошь, люблю красивыя комнаты, красивые костюмы, красивыхъ собакъ; красивыхъ пажей, красивые чубуки, благовоиe, музыку, ясную погоду, великолѣпные праздники, — все, что благородно льститъ чувствамъ.

« Въ этомъ я похожу на Галеотто; но у меня, кромѣ того, есть голова и сердце, есть вкусъ эстетическій. Ты любишь это во мнѣ, и забавляешься иногда цѣлый день, рисуя для меня балый костюмъ. Какое удовольствіе принять тебя въ павильонѣ въ моемъ лучшемъ уборѣ! Ты смотришь на меня съ такимъ удовольствіемъ, въ твоей душѣ является столько любви, столько поэзіи и упоенія, когда ты одинъ владѣешь мною во всемъ блескѣ моего богатства и кокетства! Да, я кокетка, ты это знаешь, и я не отрицаюсь. Но я показываю другимъ только уборъ, которымъ ты прежде наслаждался, и толпѣ, мнѣ удивляющейся, отдаю только то, что отъ тебя остается... Вотъ я уже и отдалилась отъ Галеотто. И такъ я говорила тебѣ и теперь повторяю, что ему нѣчего бояться; онъ будетъ жить, сколько мнѣ угодно, за лонфекты и красивые наряды.

« Чтò же касается до Жюльена, это другое дѣло. Его я также выбрала за красивое лицо; но такъ-какъ я нашла въ немъ болѣе выраженія благородной души, чѣмъ блеска парадной красоты, то и сдѣлала его не пажемъ, а домашнимъ секретаремъ, т. е. приятелемъ, товарищемъ въ ученыхъ занятіяхъ, искреннимъ другомъ и отчасти повѣреннымъ въ моихъ философскихъ, литературныхъ, ученыхъ и политическихъ предпріятіяхъ; потому-что чего нѣтъ у меня въ головѣ! И ты безпрестанно стараешься увеличить кругъ, въ которомъ вращается жадная душа моя, любящая только тебя во всемъ этомъ созданіи, которое люблю только потому, что ты въ немъ.

« Я люблю и уважаю Сен-Жюльена. Будь въ этомъ увѣренъ: Я не играю его спокойствіемъ. Знаю, что онъ меня любитъ болѣе, чѣмъ сколько я бы желала. Это ужь я не знаю какъ случилось; ибо думаю, что показала ему столько изъ своего характера, сколько нужно было, чтобъ утвердить между мною и имъ простую дружбу. Зло появилось. Я постараюсь это исправить и дать понять Жюльену, что онъ можетъ и что долженъ требовать отъ меня. Но несчастію, къ его любви примѣшивается подозрѣніе, и мнѣ претивно самой уничтожить его въ немъ... Но увидимъ. Можетъ-быть, мнѣ нужна будетъ твоя помощь. Мы поговоримъ объ этомъ. Прощай до сегодняшняго вечера. Люби меня, Максъ; люби такую, какую Богъ меня создалъ, люби мои недостатки и заблужденія. Если бы ты имѣлъ ихъ, я бы любила ихъ.»

Слѣдующая записка была послѣдняя въ этой коллекціи писемъ:

« Милая жена моя, такъ-какъ я не могу тебя видѣть прежде

вечера, то и пишу тебе сей часъ же. Жюльенъ открылъ мнѣ свое сердце; онъ тебя страстно любитъ, но его умъ изломанъ глупыми и гнусными сказками. Я ему совѣтовала остаться у тебя и стараться замѣнить любовь тихою и благодѣтельною дружбою. Помогай его усилиямъ, будь снисходительна и добра къ нему. Не сердись, если съ самаго начала въ словахъ его будетъ больше страсти, чѣмъ чувства. Онъ еще дитя, но дитя чудесное; надобно укрѣплять его умъ и успокоивать душу. Я желаю, чтобъ ты оставила его при себѣ, и чтобъ онъ былъ твоимъ вѣрнымъ другомъ. Ты такъ умна и добра, что, разумеется, можешь вымечить его. Но послушай, — выгони сей часъ же отъ себя маленькаго яма Галеотто, какъ самую ядовитую змѣю, которая когда-либо лезла подъ шапками. Прогони его немедленно; сегодня вечеромъ я скажу тебе причину. Боюсь, чтобъ Жинета также не была виновна въ-отношеніи къ тебѣ. Есть глупая исторія о часахъ и о часовникѣ, въ которой я ничего не понимаю и которую я не хочу тебе и рассказывать, не собрать объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Слова Жюльена доказали мнѣ, что Жинета тебѣ искренно предана, и что на ея скромность можно совершенно положиться. Но кокетство этой дѣвочки не безъ неудобствъ для тебя, и ты хорошо сдѣлаешь (если подтвердится мое предположеніе), когда хорошенько побранишь ее... и потомъ простишь. До вечера.

«Шпакль.»

— Теперь мы кончили, сказалъ профессоръ: — время васъ слѣдовать за мною.

— Куда же? спросилъ Жюльенъ. — После всего того, что я прочелъ. — вижу, что я былъ обманутъ самою глупою ложью и самою низкою клеветою. Я не могу болѣе думать о мщеніи, медо-свойномъ Квинтилин. Ведите меня къ ней, сударя, или лучше позвольте мнѣ выйти отсюда. Я брошусь къ ногамъ ея, буду умолять о прощѣніи.

— Господинъ Сен-Жюльенъ! отвѣчалъ Кантарилъ: — черезъ часъ вы будете свободны. Герцогиня передъ фейерверкомъ должна прійти сюда съ герцогомъ Гурномъ; вы можете ее видѣть, когда она выйдетъ. Между-тѣмъ, пойдите со мною. Надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ не откажете.

Сен-Жюльенъ послѣдовалъ за профессоромъ; онъ думалъ, что можетъ освободиться отъ него въ саду. Но проходя чрезъ аллею, только къ-половину иллюминированна, онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдуютъ четыре человека, которые привели его. Надобно было добровольно повиноваться волѣ профессора.

Его ввели во дворецъ по маленькой лѣстницѣ. Онъ надѣялся, что его введутъ въ его комнату, и заставятъ тамъ дожидаться до-

тѣхъ-порѣ, пока можно будетъ объясниться съ герцогинею. Но къ величайшему удивленію своему, онъ былъ введенъ въ комнаты герцогини, и профессоръ, проводивъ его до самаго кабинета, отдалъ ему маленькій ключъ, говоря: — Откройте ящикъ въ бюро и прочтите бумаги, въ немъ заключающіяся. — Потомъ онъ учтиво поклонился и вышелъ, заперши комнату двойнымъ замкомъ. Сен-Жюльенъ съ презрѣніемъ бросилъ ключъ на полъ.

— Чего мнѣ надобно теперь? воскликнулъ онъ. — Какая мнѣ нужда почитать тебя, когда ты заботишься только о томъ, чтобъ тебя боялись. О Квинтилія! гордость твоя погубила меня! За чѣмъ ты обходилась со мною какъ съ старымъ дуракомъ, со мною, который не зналъ тебя? Максъ заслуживаетъ твою любовь своею довѣренностію. Но кому другому дала ты право слѣпо вѣрить въ тебя? Ахъ, надобно было тебя разгадать!.. Ты слишкомъ-много требовала; ты должна была сомнѣваться въ привязанности, которая, не смотря на все мои подозрѣнія, всегда жила въ глубинѣ моего сердца! Эта ненависть, эта мажда мщенія, это безуміе, которыя ввергли меня въ преступленіе, не были ли слѣдствіемъ сильной страсти?.. Одинъ ли я здѣсь? не спряталась ли ты гдѣ-нибудь, Квинтилія, чтобъ видѣть и слышать, что я дѣлаю? И такъ, слушай меня, слушай меня, — я несчастный!.. я въ отчаяніи!..

Жюльенъ не могъ говорить болѣе; онъ упалъ на стулъ и залился слезами. Никакой шумъ, никакое движеніе не отвѣчало на его стоны. Одинъ, въ полусвѣтъ, бросаеюмъ алебастровою лампою, онъ печально смотрѣлъ на этотъ кабинетъ, напоминавшій ему счастливые дни. Тамъ провелъ онъ единственное прекрасное время своей жизни: тамъ въ-продолженіи шести мѣсяцевъ онъ предавался такой святой дружбѣ, такому пламенному удивленію... Но сколько страданій и тревогъ! Какой вѣкъ несчастныхъ событій отдѣлялъ уже его отъ этого прекраснаго воспоминанія! Сколько оскорбленій, гнѣва и несправедливости тяготѣло надъ его совѣстью въ-продолженіи одного мѣсяца, роковаго мѣсяца, исполненнаго болшихъ заботъ и несчастій, чѣмъ все годы его жизни! — Но что я скажу ей въ извиненіе? подумалъ онъ. Какъ могу я заставить ее забыть самое грубое оскорбленіе, которое только мужчина можетъ нанести женщину?

Ему пришла мысль повиноваться волѣ герцогини и прочесть письма, находящіяся въ ящикѣ. Можетъ-быть, найдетъ онъ между ними письмо герцогини къ нему; эта мысль заставила его содрогнуться отъ восторженія. Онъ подбѣжалъ къ бюро и прочелъ письма, въ немъ лежащія. Въ нихъ не было для него ни одной строки.

ЖИИ.

Биографъ герцогини Квинтиліи, доставившій намъ подробности о кавалерѣ Максѣ, не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній о бумагахъ, хранящихся въ ея бюро. Жюльенъ въ этомъ случаѣ также ничего не объясняетъ. Онъ говоритъ только о впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ этихъ бумагъ. Все заставляетъ насъ думать, что это было собраніе писемъ въ подлинникѣ, адресованныхъ къ герцогинѣ. Жюльенъ узналъ во многихъ изъ этихъ писемъ руку Лючійоли, съ которыми онъ имѣлъ случай быть въ короткихъ сношеніяхъ.

Онъ заперъ ящикъ, закрылъ лицо руками и погрузился въ глубокую задумчивость, потомъ опять отперъ и началъ писать къ герцогинѣ:

«Еще не доставало одного свидѣтельства, и я вамъ охотно его доставляю. Одинъ въ вашей комнатѣ, на колѣняхъ, съ сердцемъ растерзаннымъ отъ угрызеній совѣсти, я признаюсь, что былъ слишкомъ-неблагодаренъ въ-отношеніи къ вамъ, что самую гнусною неблагодарностію заплатилъ за ваши милости. Мнѣ легко было бы сдѣлать такъ, какъ сдѣлали всѣ тѣ, которыхъ письма здѣсь собраны, то-есть, покориться своему горю и утѣшиться, рассказавъ всѣмъ по-секрету, что я былъ вашимъ любовникомъ. Всѣ они это разглашаютъ, не заботясь о доказательствахъ противнаго, которыя сами оставили въ вашихъ рукахъ. Они знаютъ, что вы не воспользуетесь этими доказательствами, что вы выше всѣхъ подозрѣній и не станете оправдываться передъ другими. Они безнаказанно васъ оклеветали, и нашлись люди, которые повѣрили этой гнусной клеветѣ, которые ихъ поздравляли и завидовали имъ, помрачая вашу честь. Я былъ виновнѣе всѣхъ ихъ, но не буду низко, не буду отвѣчать язвительною улыбкою тѣмъ, которые меня спросятъ, что происходило между нами въ-продолженіи шестимѣсячнаго пребыванія моего у васъ... Я скажу имъ: ступайте, спросите Квинтилію, какое она имѣетъ доказательство моей славы. — Пріймите же, герцогиня, это свидѣтельство, какъ наказаніе за грѣхи мои, какъ вопль растерзанной души. Вы оказали мнѣ чистое покровительство сестры, а я отблагодарилъ васъ оскорбленіемъ и дерзкою обидой. Я заслуживаю всѣ наказанія, какія бы вы ни придумали, но, кажется, нѣтъ выше и оскорбительнѣе того, которое я самъ себѣ дѣлаю, подписываясь: *Л. де-Сен-Жюльенъ.*»

.. Положивъ эту бумагу сверху другихъ, Жюльенъ закрылъ ящикъ и въ сильномъ волненіи сталъ ходить по комнатѣ. Гамакъ, повѣшенный по срединѣ комнаты, блѣдная лампа, вѣтеръ изъ павлиньихъ перьевъ, брошенный на полу подлѣ туфли, шитой сереб-

ромъ, легкій туманъ дыма, подымавшійся изъ потухающей курильницы, звонъ полуночи на часахъ замка,—все напоминало Жюльёну роковую минуту его дерзкаго покушенія. Вмѣстѣ съ его отчаяніемъ и угрызеніемъ совѣсти, его любовь проникала глубже въ сердце и становилась чище. Онъ бросился на колѣни передъ гамакомъ и подалогагъ туфли; потомъ съ жаромъ началъ говорить:

— Не-уже-ли здѣсь нѣтъ никого, кто бы пожалѣлъ обо мнѣ? Я больше несчастливъ, чѣмъ виновенъ. О, смотрите, смотрите на эти слезы! или вы думаете, что онъ не искренни? Квинтилія! если ты меня слышишь, сжапись надо мной. Жива, Жива, не здѣсь ли ты гдѣ-нибудь? О, заступись за меня! ты добра, — я знаю! А ты, Максъ, ты счастливецъ, не-уже-ли ты меня не простишь для того, чтобъ простила меня твоя Квинтилія, жена твоя! Я люблю ее! да, люблю со всею пылкостью моего сердца; но люблю и тебя; я не ревнивъ; я страдаю, плачу... ты не можешь мнѣ этого запретить; ты знаешь, какъ я былъ безуменъ; ты видѣлъ, сколько я страдалъ; ты былъ тогда моимъ другомъ; а теперь?... Шпаркъ, гдѣ ты? вся надежда моя на тебя! О, скажите мнѣ, гдѣ Шпаркъ, этотъ добрый, этотъ прямой человекъ? Пустите меня къ нему?.. Шпаркъ, Шпаркъ!..

Уставъ потрясать двери и призывать на помощь безмолвныя стѣны, Жюльёнъ, взнеможенный, упалъ на полъ вездѣ полуоткрытаго окна. Въ ту ночь былъ балъ. Кажущееся примиреніе герцогини съ Гуркомъ было сдѣлано, этимъ праздникомъ долженъ былъ заключиться мѣсяць, назначенный для удовольствія. Жюльёнъ видѣлъ большое строеніе, блиставшее огнями; онъ слышалъ звуки оркестра, могъ видѣть въ огромныхъ, яркоосвѣщенныхъ окнахъ большой залы роскошныя платья и головы великолѣпно-убранныя перьями. Нѣсколько разъ ему казалось, что онъ узнаётъ греческій костюмъ, который часто надевала Квинтилія. Видъ этого безпечнаго праздника такъ раадражилъ его горесть, что онъ рѣшился наконецъ выйдти изъ своего бездѣйственнаго положенія, хотя бы для этого надо было выломать двери.

Но онъ уже былъ свободенъ, потому-что первая дверь, за которую онъ взялся, не представила сопротивленія, и онъ очутился въ слабо-освѣщенномъ корридорѣ. Онъ пошелъ, самъ не зная куда, встрѣтилъ нѣсколько человекъ, которыхъ едва могъ разглядѣть, хотѣлъ пройти въ большую залу, но не былъ пропущенъ, потому-что не былъ прилично одѣтъ. Онъ поспѣшно спустился по главной лѣстницѣ и остановился, увидѣвъ на послѣдней ступени Жинету. На ней былъ блестящій костюмъ: живописно облокотясь на яшмовую вазу, наполненную желтыми лилеями и играя въеромъ, она слушала болтовню пяти или шести человекъ.

Жюльёнъ блѣдный, съ растрѣпанными волосами, выгнался въ толпу, и обратясь къ Жинѣ, сказалъ дрожащимъ голосомъ: «Синійо-

ра, позвольте васъ попросить на нѣсколько словъ...» Но Жина, бросивъ на него холодный и презрительный взглядъ, подала руку одному изъ окружающихъ ее мужчинъ и ушла, сказавъ про себя въполголоса нѣсколько словъ. Жюльѣну показалось, что онъ слышалъ слово *matte* вмѣстѣ съ своимъ именемъ. Молодые люди, которые пошли съ Жиною, нѣсколько разъ оборачивались, чтобъ посмотреть на Жюльѣна. Раздраженный этими обидными взглядами, онъ не смѣлъ однакожь требовать объясненія; мысль, что его безпутство было предметомъ общихъ разговоровъ, и что съ нимъ будутъ все обращаться наемвшливо и съ презрѣнiемъ, эта мысль исполнила его стыдомъ и страхомъ. Онъ чувствовалъ себя ниснемогающимъ; но, собравъ остатокъ силъ, бросился въ садъ, въ надеждѣ найтти тамъ кого-нибудь, кто бы надъ нимъ смаялся. Садъ казался ему сначала пустынею; но скоро онъ замѣтилъ любопытство и смятенiе въ толпѣ гуляющихъ, которые были разсѣяны въ густой части сада; въ той сторонѣ, гдѣ находился павильонъ. Тогда онъ вспомнилъ, что герцогиня должна была привести туда Гурку, чтобъ представить ему Макоа, и потому рѣшился спросить перваго встрѣтившагося: — въ залѣ ли герцогиня. — Тотъ, которому сдѣлалъ онъ этотъ вопросъ, былъ Люччйоли. Узнавъ его, Жюльѣнъ, ненавидѣвшій этого человека, готовъ былъ отвернуться не выслушавъ отвѣта. Но Люччйоли, вмѣстѣ надменнаго взора, который онъ всегда бросалъ на Жюльѣна, ласково подалъ ему руку и съ большимъ участiемъ спросилъ его о здоровьѣ. — Синьора Жина рассказывала намъ, что уже три дня, какъ вы лежите въ горячкѣ и теперь, какъ я вижу по вашей блѣдности, вы еще не совсемъ здоровы.

— Не хотите ли вы разыгрывать со мною комедiю? сказала съ досадою Жюльѣнъ; — не хотите ли увѣрить меня, что у меня горячка?... Прошу васъ, скажите, на балѣ ли герцогиня?

— Она только — что вышла, и вѣроятно вы догадываетесь съ кѣмъ?

— Нѣтъ.

— Съ кѣмъ же, какъ не съ теперешнимъ любимцемъ своимъ Гуркомъ?

— Въ-самомъ-дѣлѣ?... сказалъ Жюльѣнъ съ насмѣшкою, на которую Люччйоли не обратилъ вниманiя.

— Что же дѣлать, любезный графъ, сказалъ онъ, понизивъ голосъ; — что же дѣлать?... благоослѣдность этой женщины не что иное, какъ блестящiй метеоръ, который вспыхиваетъ и мгновенно погасаетъ. Мы видѣли это свѣтло, но оно исчезло для насъ, не правда ли? Вы и я, счастливые вчера, отвергнутые сегодня, можемъ предсказать Гурку, что случится съ нимъ завтра; но вѣдемъ?... Не для всякаго ли свѣтитъ солнце?... Но вы принимаете слишкомъ

къ сердцу эти вещи, любовный графъ; вы очень растроены, вы стали совершеннымъ призраккомъ. Э! чортъ возьми!... посмотрите на меня... отъ этихъ вещей, любовный другъ, не умираютъ.

Жюльенъ прочелъ въ бумагахъ герцогини выраженія, совершенно противныя этимъ словамъ Лючійоли. Онъ до того былъ избитъ этою наглостію, что готовъ былъ ударить его по щекъ, но размысливъ о томъ, что самъ былъ еще преступникъ, довольствовался тѣмъ, что отвернулся отъ него.

Увидя въ нѣсколькихъ шагахъ толпу Австрійцевъ, онъ вырвался въ нее. — Я вамъ говорю, что дѣло приходитъ къ развѣдкѣ, говорилъ одинъ изъ нихъ дурнымъ французскимъ акцентомъ; — престелная герцогиня сблизается наконецъ съ нами, да и пора: мнѣніе самихъ обнаружившихъ ее было противъ нея. Г. Шраббъ принялъ мѣры, чтобъ въ продолженіе пѣтъли ни о чемъ болѣе не говорили; молва давно уже обвиняла ее и наконецъ совершенно уничтожила бы, еслибъ она не вдалась за умъ и не общала герцогу полнаго удовлетворенія. — Но, возразилъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — развѣ она не падаетъ Маиса въ волшебномъ зеркалѣ? развѣ профессоръ Кантаридъ можетъ оказать Ладарю возстаніе?

— Но если умершій не воскреснетъ, сказалъ третій: — тогда въ чемъ будетъ состоять удовлетвореніе, обещанное Гурку?

Грубый смѣхъ пронесся по толпѣ, вмѣсто отвѣта.

Жюльенъ, исполненный негодованія, на все еще находившіяся подъ вліяніемъ робости и стыда, пошелъ къ большой бесѣдкѣ, гдѣ готовился фейерверкъ и гдѣ собрался уже почти весь дворъ. Всѣ были въ какомъ-то необыкновенномъ смятеніи. Жюльенъ понялъ изъ нѣсколькихъ словъ, услышанныхъ имъ, что всѣ съ безпокойствомъ ожидали конца совѣщанія въ палаткѣ и сомнѣвались въ существованіи Маиса. Самыя дерзкія замѣчанія были дѣлаемы тѣмъ, къ которымъ Клеветница имѣла пристрастную довѣренность, какъ видѣлъ это Жюльенъ изъ прочитанныхъ недавно бумагъ.

Вдругъ, человѣкъ, котораго, какъ казалось Жюльену, онъ гдѣ-то видѣлъ, подошелъ къ нему и съ заботливостію попросилъ его отойти въ сторону на нѣсколько словъ.

— Кто вы?... съ живостію спросилъ Жюльенъ, следуя за нимъ.

— Я вѣсь гдѣ-то видѣлъ... да, точно, это вы! вы Дортанъ...

— Тихо! пожалуйста, сказалъ блѣдный путешественникъ таинственнымъ голосомъ: — если герцогиня услышитъ мое имя, то легко можетъ быть, что она велитъ меня вынести.

— Зачѣмъ же вы сюда пришли?

— Пожалуйста, будемте говорить тихо. Когда я встрѣтилъ васъ въ Анвиньонѣ; я также вѣдалъ въ Италію. Находясь въ Венеціи, я слышалъ, какъ вездѣ перевозили таланты; и кресту герцогини Кавальканти. Любовь ли, досада ли, надѣялась ли, не знаю... тамъ

но я прѣѣхалъ сюда и подѣ прикрытіемъ блестящаго платья и ложнаго имени успѣлъ обмануть самого церемоніймейстера. Я прокрался сюда. Боюсь только, чтобъ мое одиночество въ этомъ обществѣ не навлекло на меня подозрѣнія. Сдѣлайте милость, ходите со мною, пока не появится герцогиня. Тогда я попытаюсь счастья!...

— Какое бы ни было ваше намѣреніе, холодно отвѣчалъ Жюльѣнъ:—я считаю его безрасуднымъ, потому—что вы не знакомы съ герцогинею, и ваши похожденія не что иное, какъ мечта или романъ.

— Что значить этотъ тонъ? сказалъ съ сердцемъ Дортанъ:—вмѣсто того, чтобъ оназать мнѣ помощь, вы меня обижаете.

— Вы никто другой, какъ часовщикъ, сказалъ Жюльѣнъ.

— Я часовщикъ!... съ удивленіемъ воскликнулъ Дортанъ.—Я слышалъ, какъ одна дама рассказывала, что у васъ была горячка. Теперь я самъ вижу, что вы помѣшаны,

— У меня была горячка! воскликнулъ Жюльѣнъ:—нѣтъ, чортъ возьми! кто вы? почему знаете герцогиню?... дайте мнѣ честное слово... да, вы правы, я, кажется, теряю рассудокъ.

Они сѣли на скамейку. Нѣсколько времени Жюльѣнъ сидѣлъ молча, размышляя объ этой странной встрѣчѣ. Вдругъ ему пришла въ голову странная мысль: наскучивъ своимъ тягостнымъ положеніемъ, онъ рѣшился увѣрить самого-себя, что онъ не былъ такъ много виноватъ; что Квинтилія надъ нимъ забавляется и что прѣѣздъ Дортана есть роковое обстоятельство, которое посылаетъ сама судьба, чтобъ удержать его отъ гибели, въ которую онъ снова стремился. Его врожденная недоувѣрчивость преснулась при этой мысли. Исторія часовъ не была еще объяснена. Можетъ-быть, герцогиня любила своего мужа и предпочитала его любовникамъ; но можетъ-быть она позволяла себѣ маленькія развлеченія, особенно тайны. Съ характеромъ Шпарка это было такъ легко...

Эта мысль, едва-блеснувшая въ его умѣ, заставила его сдѣлать тысячу вопросовъ Дортану. Отвѣты его были такъ правдоподобны, что Жюльѣнъ рѣшительно не зналъ, на которой мысли остановиться. — Но почему же, сказалъ онъ:—вы сами съ нею не говорили въ Авиѣионѣ, когда видѣли, что она садилась въ экипажъ?

— Я ее видѣлъ и узналъ; это была она, я не могу сомнѣваться; но она смотрѣла на меня съ такимъ удивленіемъ и такъ искусно притворилась, будто меня никогда не видѣла, что я смѣшался и, опасаясь сказать какую-нибудь глупость, ничего не сказалъ.

Вдругъ Дортанъ закричалъ, поднялся и опять послѣшнн сѣлъ и взявъ Жюльѣна за руку, сказалъ задыхающимся голосомъ: — Вотъ она, вотъ!... да, это она!...

— Гдѣ же?... воскликнулъ Жюльенъ, самъ тронутый и съ безпокойствомъ озираясь вокругъ.

— Какъ, развѣ вы ея не видите?... сказалъ Дортанъ, все болѣе и болѣе понижая голосъ.— Здѣсь, вонъ она, вотъ эта прекрасная царица въ атласномъ платьѣ!

— Кто? Та, которой какой-то Франтъ подаетъ опахало?

— Ну да, безъ сомнѣнiя.

— Такъ это-то ваша маскарадная дама, ваша ночная победа, ваша герцогиня Квинтилія?

— Да, уверяю васъ, какъ благородный человѣкъ!

— Э, любезный другъ! сказалъ Жюльенъ вставая:— вы немного ошиблись; это Жинна, Жиннета; герцогиня наперсница, камер-фрау, какъ хотите...

— Возможно ли?... воскликнулъ Дортанъ съ изумленіемъ:— и вы меня не обманываете?

— Э, полноте, любезный другъ! снѣло можете къ ней подойти, и будьте уврены, это для васъ-самихъ лучше. Она очень любезна и ни сколько не надменна. Вы думали одержать победу надъ герцогиней и будете имѣть дѣло съ субреткою. Эта победа не такъ блестяща, но зато болѣе надежна. Не теряйте же времени.

Сказавъ это, онъ поспѣшно удалился и болѣе чѣмъ когда-нибудь прстыженный своими подозрѣніями, благодарилъ Бога, что побѣдилъ послѣднее изъ нихъ. Онъ пошелъ къ павильону, рѣшившись заслужить помилуваніе самымъ глубокимъ раскаяніемъ.

XXIV.

Онъ безпрелатственно къ нему приблизился; но когда хотѣлъ переступить чрезъ партеръ, его окружающій, часовые остановили его. Онъ былъ принужденъ ожидать герцогиню въ аллеѣ, но черезъ нѣсколько минутъ часовые принудили его отойти еще далѣе. Такимъ образомъ, Сен-Жюльенъ только издали могъ видѣть Квинтилію. Она шла одна, и блески ея платья свѣтились въ ночи, подобно таинственнымъ искрамъ. Онъ напрасно старался достигъ до нея, и приблизился къ ней только при входѣ въ устроенную въ саду залу, но тотчасъ же Квинтилія была окружена толпою гостей, такъ-что Жюльенъ не могъ даже удостоиться ея взгляда. Онъ тщетно ожидалъ окончанія фейерверка. Благопріятная минута не представлялась. Онъ увидѣлъ Дортана, который, казалось, былъ довольно-хорошо принятъ Жинетою. Явился волшебникъ и началъ предсказывать. Герцогиня первая протянула ему руку, и всѣ последовали ея примѣру. Волшебникъ, не смотря на свое странное нарѣчіе, казался очень-остроумнымъ человекомъ, и каждому раздавалъ его долю хвалы и насмѣшки со всюю справедливою,

не выстулая однакожь изъ преддверья приканія. Сен-Жюльенъ приближился и, не смотря на большую бороду и неилладныя брови некрюмана, узнавалъ въ немъ Макса, забавлявшагося надъ всѣмъ дворомъ и въ особенности надъ герцогомъ Гурьемъ. Поездѣвій, хотя любезный по-обыкновенію, былъ однакожь очень-смущенъ, говоря съ герцогинею. Его смущеніе еще увеличилось послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ ему волшебникомъ, — словъ, которыя не имѣли для другихъ никакого смысла. Наконецъ, герцогиня подала знакъ, и всѣ пошли во дворецъ ужинать. Тамъ Жюльенъ былъ остановленъ аббатомъ Спвиціономъ, который сказалъ ему: — Милостивый государь! вы прогуливались въ саду! это очень-хорошо; я не имѣлъ приказанія вамъ мѣшать въ этомъ; но долженъ вамъ замѣтить, что туалетъ вашъ, болѣе чѣмъ неприличнай, запрещаетъ вамъ входъ на балъ. Ея свѣтлость сообщила намъ о плохомъ состояніи вашего здоровья, и мы всѣ принимаемъ въ васъ большое участіе, но это не даетъ вамъ права нарушать этикетъ.

Жюльенъ уступилъ этимъ доказательствамъ, и, находя для себя доброе предзнаменованіе въ томъ, какъ Квинтілія объяснила всѣмъ его отсутствіе, удалился въ свою комнату и ожидалъ окончанія бала, чтобы попросить у Квинтіліи аудіенціи. Когда желанная минута наступила, она отправилъ съ этою просьбою дежурнаго лакея, но ему отвѣчали, что Квинтілія никого не принимаетъ такъ поздно.

Тогда Сен-Жюльенъ издумалъ повидаться съ Шаркомъ, который долженъ былъ возвратиться въ свой маленькій домикъ въ предмѣстіи. Онъ сошелъ внизъ и, проходя вмѣстѣ съ толпою черезъ садъ, услышалъ, что говорятъ объ отъѣздѣ на другой день Гурка и Шраббу. Онъ вытѣмался въ группы идущихъ и услышалъ разные замѣчанія.

— О! генералъ одинъ: — развѣ будетъ у насъ война?

— Нѣтъ, отвѣчали другіе. — Слышали, какъ г. Гуркъ говорилъ г. Шраббу, что онъ вполне удовлетворенъ, и что ему нѣчего здѣсь дѣлать.

— Это славная черта въ такомъ дѣлѣ, какъ Гуркъ!

— Отъ-чего же? Кажется, Максъ нашелся, — Гуркъ его видѣлъ, говорилъ съ нимъ.

— И, полноте! Разсказывайте эти сказки старымъ бабамъ! Развѣ можно отыскать въ одинъ день человека, который пропалъ пятнадцать лѣтъ?

— Правда, можно найти обманщика, который, за деньги, съ помощію некотораго сходства и поддѣльными бумагами...

— Ба! для этого не нужно такъ много труда, сказалъ тихе Лючильоли, обратясь къ Жюльену. Отворяюте дверь павильйона герцогу Гурку и объясняются съ нимъ. Кто же не объявится себя.

въ такомъ случаѣ, вполне-удовлетвореннымъ? Вы знаете павильонъ, графъ?

— Столько же, сколько и вы, маркизь, сухо отвѣчалъ Жюльёнъ.

Онъ поспѣшилъ къ дому Шпарка и безпрепятственно вошелъ въ него; но домъ былъ пустъ; Жюльёнъ дождался тамъ дня, Шпаркъ не возвратился. Утомленный, Сен-Жюльёнъ рѣшился нанять комнату въ гостиницѣ; и, немного отдохнувъ, поспѣшилъ во дворецъ и вошелъ въ свою комнату. Онъ нашелъ тамъ аббата Спирона, который принялъ его учтиво и сказалъ: — Я стараюсь привести въ порядокъ ваши вещи и уложить ихъ, чтобъ перенести туда, куда вы прикажете. Ея свѣтлость уведомила насъ, что семейныя обстоятельства васъ заставляютъ оставить насъ. Я очень сожалѣю объ этомъ и теперь долженъ занять эту комнату, потому, что по волю нашей всемогущейшей государыни я снова вступаю въ должность домашняго ея секретаря, которую невольнѣ прежде вашего превосходительства.

Сен-Жюльёнъ, не обнаруживъ ни малѣйшей горести, назначилъ аббату гостиницу, въ которой временно остановился, и хотѣлъ видѣть Жинету: она отвѣчала, что больна. Онъ просилъ прямо аудіенціи у герцогини, она отвѣчала, что не имѣетъ времени. Ея отъказъ сопровождался однакожъ учтивою, но холодною фразою.

Сен-Жюльёнъ возвратился въ предместье и встрѣтилъ тамъ столера, хозяина дома, въ которомъ жилъ Шпаркъ. Отъ него узналъ онъ, что молодой Нѣмецъ уѣхалъ и возвратится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Жюльёнъ рѣшился ожидать нѣсколько дней, чтобъ сдѣлать новую попытку, просить помилованія. Онъ печально оставался въ гостиницѣ, ожидая съ-часу-на-часъ посланнаго изъ дворца. Наконецъ, онъ рѣшился самъ туда возвратиться.

Тѣ, которые его тамъ встрѣтили, говорили съ нимъ учтиво, но удивлялись, что до-сихъ-поръ онъ еще не уѣхалъ. Онъ попытался достигнуть до герцогини; но это было невозможно; въ-продолженіи трехъ дней, учтиво, но холодно отказывали его просьбамъ.

Вечеромъ на третій день, онъ осмѣлился идти къ профессору Кантариду и просить его ходатайства.

— Я вовсе не знаю, отвѣчала профессоръ — причинъ, по которымъ ея свѣтлость отказываетъ вашимъ просьбамъ. Я въ точности исполнилъ приказанія ея, не зная, что случилось къ тому поводомъ. Но если вы у меня требуете дружескаго совѣта, я вамъ дамъ его: увѣжайте и не надѣйтесь поколебать ея свѣтлость; она никогда не отказывалась отъ однажды-принятаго намѣренія. Сколько ей трудно унестребить строгость, столько невозможно простить того, кто она рѣшилась наказать. Жалею, что не могу вамъ акkuratно вы-

давалось намъ каждый мѣсяцъ, — герцогиня не оскорбить васъ, предложивъ вамъ, какъ г-ну Стратигополи, подарки, отъ которыхъ вы отказались бы. Она просто васъ увольняетъ и желаетъ, безъ сомнѣнiя, чтобъ для васъ не было въ этомъ никакого видимаго униженiя, потому-что она никому не показала своего неудовольствiя на васъ и не дала никакого повелѣнiя объ удаленiи васъ изъ ея владѣнiй. Но повѣрьте мнѣ, уязжайте поскорѣй, чтобъ напрасными просьбами не навлечь на себя насмѣшки своихъ враговъ.

Жюльенъ почувствовалъ, что профессоръ былъ правъ; поведение Квинтилии выказывало презрѣнiе болѣе глубокое и неизмѣнное, чѣмъ всѣ выраженiя гнѣва, которыхъ онъ ожидалъ. На другой день, вечеромъ, почтовая карета съ придворными гербами остановилась передъ воротами гостиницы. Аббатъ Сципiонъ вышелъ изъ нея и, войдя въ комнату, сказалъ: — Вотъ, графъ, экипажъ, который вы просили у ея свѣтлости для путешествiя въ Миланъ.

Прежде, чѣмъ Жюльенъ собрался съ силами отвѣчать, вошли лакеи, увязали чемоданы, отнесли ихъ въ карету, и, показывая видъ, что исполняютъ приказанiя Жюльена, самого его уложили, такъ-сказать, вмѣстѣ съ его чемоданами. Аббатъ сдѣлалъ ему тысячу привѣтствiй, и лошади поскакали. Но при выѣздѣ за городъ, привели еще человѣка, закутаннаго плащомъ и посадили его возлѣ Жюльена. Это былъ Галеотто.

— Слава Богу! воскликнулъ пажъ: — такъ ты не умеръ, мой добрый товарищъ?

— Я желалъ бы лучше смерти, чѣмъ той грусти, которая меня мучить, отвѣчалъ Жюльенъ. — Но откуда ты, и что съ тобой случилось послѣ того, какъ мы разстались?

— Я выхожу изъ тюрьмы, въ которой ты меня оставилъ. Мнѣ послѣ отвели комнату болѣе покойную, чѣмъ паша прежняя проклятая тюрьма. Меня сейчасъ оттуда выпустили, прочтя приговоръ, осуждающiй меня на вѣчное изгнанiе и угрожающiй смертiю, если я когда-нибудь ступлю ногой на владѣнiя ея свѣтлости, чего я никогда не сдѣлаю — свидѣтельствуюсь въ томъ всѣми святыми!

Галеотто не безъ удивленiя, но и безъ большаго раскаянiя выслушалъ рассказъ Жюльена. Сначала немного-тронутый, онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ смѣяться надъ горестiю своего товарища. По приѣздѣ въ Миланъ, онъ открылъ свой портфель, возвращенный ему вмѣстѣ съ другими вещами, и нашелъ въ немъ банковый билетъ на ту сумму, отъ которой онъ отказался. На этотъ разъ, онъ отъ нея не отказался и простился съ Жюльеномъ, предложивъ ему свои услуги, которыхъ тотъ не принялъ.

Сен-Жюльенъ, оставшись одинъ, былъ болѣе нѣсколько дней, наконецъ потерялъ послѣднюю надежду и уѣхалъ во Францiю.

Онъ нашелъ своего отца умирающимъ и имѣлъ утѣшеніе и горестъ закрыть ему глаза на вѣки. Мать его была достойна удивленія за свои заботы и любовь у изголовья умирающаго. Когда она потеряла его, горестъ ея была такъ глубока и искренна, что Жюльенъ раскаялся въ томъ, что не понималъ до-сихъ-поръ этого истинно-добраго сердца! Видя послѣднія минуты своего отца; услажденныя такою привязанностію, онъ часто имѣлъ случай — узнать святую истину, что терпимость и доброта имѣють свои великія выгоды. Онъ обвинялъ мать за проступки, которые прощалъ ей отецъ, и отца за снисходительность, которую мать умѣла вознаградить. — Я не буду никогда обмануть, говорилъ печально Сен-Жюльенъ: — но кто знаетъ, можетъ-быть, я умру, всѣми покинутый. — Онъ начиналъ думать о Шпаркѣ. — Этотъ не будетъ, говорилъ онъ самъ себѣ: — ни оставленъ, ни обмануть. А я... я! Кто знаетъ, можетъ-быть, въ наказаніе за грѣхи мои, я буду и тѣмъ и другимъ.

Онъ приложилъ все свое стараніе, чтобъ загладить свою несправедливость въ отношеніи къ матери. Посредствомъ кротости, онъ достигъ до совершеннаго согласія съ нею. Всѣ ссоры прекратились, всякое неудовольствіе исчезло; добрая женщина слѣдилась набожною, и скоро, вмѣсто того, чтобъ насмѣшками раздражать суровость сына, стала покорною и снисходительною, даже болѣе чѣмъ сколько онъ желалъ прежде этого въ припадкахъ своей гордости.

Онъ мало-по-малу привыкъ къ отцовскому жилищу, страдалъ долго, и долго душа его была недоступна надеждѣ на новую жизнь и новую привязанность. Однакомъ, ученіе спасло его отъ унынія, и здоровье его, разстроенное горестію, восстановилось.

Такъ прошелъ годъ. Жюльенъ пріѣхалъ на нѣсколько недѣль въ Парижъ. Однажды, выходя изъ Оперы, онъ увидѣлъ проходящую женщину, покрытую драгоценными каменьями, по слѣдамъ которой стремилась толпа обожателей. Хотя онъ замѣтилъ только въ бархатное платье и обнаженную руку, — онъ содрогнулся и едва не лишился чувствъ, побѣжалъ за нею и узналъ герцогиню Кавальсанти. Когда она садилась въ карету, онъ съ крикомъ бросился къ ней; но она пристально посмотрѣла на него глазами, исполненными удивленія, приказала лакею затворить двери, подняла стекла и скрылась... Въ послѣдній разъ Жюльенъ видѣлъ Квинтилію!

Однакомъ, на другой день утромъ къ нему вошелъ Максъ. Другъ Квинтиліи ни сколько не измѣнился; лицо его было также молодо, душа также прекрасна. — Я просилъ за васъ прощенія, казалъ онъ: — и мнѣ поручено вамъ сказать, что принимаютъ въ васъ участіе. Но я никакъ не могъ выпросить для васъ свиданія, къ которому имѣють такое отвращеніе, что я уже не смѣлъ настаивать. Я навѣрное не знаю и не хочу знать этому причины;

но никогда не забуду, что вы имѣли ко мнѣ полную довѣренность и не перестану любить васъ. Я часто искалъ васъ, но нигдѣ не могъ встрѣтить, и еслибъ не приказалъ за вами вчера слѣдовать, то до-сихъ-поръ не зналъ бы, что съ вами сдѣлалось. Вотъ мой адресъ: — прошу васъ, приходите ко мнѣ всегда, когда будетъ имѣть нужду въ помощи или утѣшеніи дружбы. — Я не могу долѣе оставаться у васъ сегодня, прибавилъ онъ, не давъ Жюльѣ времени поблагодарить его. Квинтилія ѣдетъ нынче въ Италію, и я съѣду возвратиться къ ней; этотъ день слишкомъ-коротокъ для меня: я долженъ бороться теперь, какъ пятнадцать лѣтъ назадъ, съ собственнымъ своимъ сердцемъ, чтобъ не согласиться на предложеніе Квинтиліи ѣхать вмѣстѣ съ нею. До свиданія! Вы теперь знаете, гдѣ найдти меня. Позвольте... прибавилъ онъ, возвращаясь: Квинтилія поручила мнѣ отдать вамъ бумагу, содержащую которой мнѣ неизвѣстно. Она говоритъ, что не имѣетъ въ ней нужды, чтобъ быть увѣренной въ вашей чести, и никогда не будетъ хранить оружія противъ васъ. Я буквально передаю вамъ слова ея; для васъ они понятны; но до меня это не касается.

Сен-Жюльѣнъ, оставшись одинъ, развернулъ бумагу и узналъ въ ней свое письмо, положенное въ бюро герцогини. Онъ навсегда сохранилъ признательность къ Шпарку, но не могъ рѣшиться почитать его, и возвратился къ своей матери, гдѣ занятіе науками совершенно излечило его.

Нѣсколько времени спустя, онъ полюбилъ прекрасную и умную дѣвушку и женился на ней, ибо только бракъ могъ согласоваться съ его твердымъ и строгимъ характеромъ. Потому ли что пылкость его страстей утишилась послѣ дурнаго успѣха первой любви; потому ли, что онъ воспользовался великимъ урокомъ, — только онъ не былъ такъ ревнивъ, какъ надобно было ожидать. Его жена была счастлива и вѣрна ему. Сен-Жюльѣнъ остался задумчивымъ, неразговорчивымъ; часто происходила въ немъ внутренняя борьба, о которой онъ никому не говорилъ; и вся его жизнь была безукоризненна, и хотя отъ природы нерасположенный къ снисходительности, онъ тѣмъ не менѣе доказывалъ терпимость и состраданіе, — безъ милосердія, правда, но и безъ всякихъ ограниченій.

КОНЕЦЪ ЖИЗНИ.

Ночью зимней—въ темный лѣсъ
(Повѣсть времени бывалаго)
Въѣхалъ старый человѣкъ.
Онъ безъ-малаго
Прожилъ вѣкъ.

Подъ повозкой снѣгъ скривить.
Сосны медленно качаются.
Шагомъ лошади вежутъ
И шатаются:
Нуженъ кнутъ.

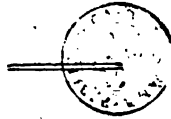
Сорокъ лѣтъ въ селѣ своемъ
Не былъ онъ, вездѣ всё малая—
И раскаялся...
Знать, пора!

Пожилъ; полно, наконецъ...
Что? Отраднѣе жизнь кончается?
Онъ въ свою нору теперь
Забивается,
Словно звѣрь.

И домой не на житьё
Онъ прійдетъ—гость непрошенный...
И исчезнетъ старый плутъ
Словно камень, ночью брошенный
Въ темный прудъ

Что годъ, то меньше шлетъ мнѣ праздникъ ликованій,
 Что годъ, то жизнь становится скучнѣй.
 Какъ много вымерло прекрасныхъ упованій,
 Какъ близкихъ много вымерло людей!
 Христось воскресъ! а тѣ на вѣчную разлуку
 Ушли куда-то и не прійдутъ вновь,
 Не вспыхнетъ въ сердцѣхъ прежняя любовь
 И дружба, молча, грустно мнѣ протянетъ руку.

Н. ОГАРЕВЪ.

Ц Ы Г А Н К Ъ.

Молода и черноока,
 Съ блѣдной смугlostью ланить,
 Прорипцательница рока,
 Предо мной дитя востока,
 Улыбаяся, стоитъ.

Щеголяетъ хоръ суровый
 Выраженьемъ страстныхъ лицъ;
 Только двѣ чернобровой
 Такъ пристала нарядъ пунцовый
 И склоненіе рѣсницъ.

Перестань, не пой, довольно!
 Съ каждымъ звукомъ ядъ любви
 Лется въ душу своевольно
 И горитъ мятужно-больно
 Въ разволнованной крови.

Замолчи: не станеть ночи
 Мнѣ прогрѣзить до утра
 Про полуденныя очи,
 Подъ навѣсомъ темной ночи
 И восточнаго шагра.

А. ФЕТЪ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

И Е З У И Т Ы.

Статья первая.

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА.—ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВЪ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ.—ТРИДЕНТСКИЙ СОБОРЪ.—ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ИЕЗУИТСКАГО ОРДЕНА: КЛАССЫ ИЕЗУИТОВЪ; ФОРМА УПРАВЛЕНИЯ; ИЕЗУИТСКІЯ ШКОЛЫ.

Изъ всѣхъ монашескихъ ордеповъ, теперь почти исчезнувшихъ, орденъ иезуитовъ получилъ самое большое значеніе въ исторіи. Основанный въ то время, когда старѣйшіе ордена сдѣлались бесполезными, даже тягостными для папской власти, угрожаемой реформою Лютера, — онъ съ необыкновенною быстротою распространился по всему міру, прибралъ несметныя богатства, получилъ огромное вліяніе на дѣла всѣхъ странъ Европы и самъ основалъ въ Парагваѣ независимое государство, въ которомъ осуществилъ свой идеалъ политическаго устройства, — идеалъ сухой, безжизненный для народа, но деспотически-крѣпкій и въ высшей степени выгодный для самого ордена. Духъ вячннй борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, каковъ бы онъ ни былъ, составляетъ отличительный характеръ этого замѣчательнаго ордена. Противникъ королевской власти во Франціи при Генрихѣ III и Генрихѣ IV, англійской аристократіи при Карлѣ I и Іаковѣ II, венеціанской олигархіи, испанскаго самодержавія и голландской демократіи, иезуитамъ поддаскою бѣдности и благочестія заботился только о своей власти и стрѣ-

(*) При составленіи этой статьи приняты въ руководство слѣдующія сочиненія: 1) Allgemeine Geschichte der Jesuiten von Peter Philipp Wolff, 2) Les Jésuites, par Lichelet et Quinet (1843), 3) Résumé de l'histoire des Jésuites en France, par Lesigne, 4) Constitutions des Jésuites avec les déclarations, съ латинскими текстами и русскими переводами, и др.

мился къ основанію своей всемірной монархіи. Искусство его дѣйствовать въ свою пользу было необыкновенное. Къ этому присоединились преступныя посягательства на самую особу правителей, напр. Генриха III и Генриха IV, Вильгельма-Оранскаго, Людовика XV и проч. Но готовящіе событія остановило къ счастью дальнѣйшее развитіе такихъ страшныхъ замысловъ. Монархія Людовика XIV, окруженная пышностію версальскаго двора и блескомъ побѣдъ и литературы, сдѣлалась самымъ полнымъ, самымъ блестящимъ выраженіемъ торжествующаго самодержавія и идеаломъ всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ. Іезуиты хорошо это поняли и приняли другой образъ дѣйствія. Они сдѣлались духовниками всѣхъ католическихъ государей, овладѣли ихъ совѣстію и чрезъ нихъ дѣйствовали въ пользу своего ордена, останавливая всякое умственное развитіе, всякое жизненное движеніе въ народъ. Хитрость ихъ была наконецъ угадана: они изгнаны изъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Сами папы увидали, что преданность іезуитовъ апостольскому престолу была только личною, подъ которою скрывали они свои честолюбивыя замыслы. Въ отдаленныхъ миссіяхъ, они искажали даже догматы христіанства, скрывали страданія и бѣдную земную жизнь Спасителя, освящали рабство и касты, чтобъ привлечь тѣмъ на свою сторону сильныхъ восточныхъ влстителей. Булла за буллою были направлены противъ этихъ проповѣдниковъ-искажителей духа христовой религіи. Они не слушались. Тогда папа Климентъ XIV буллою отъ 21 іюля 1773 года уничтожилъ орденъ, какъ вредный для католичества. Но махіавелическій духъ іезуитизма нельзя было уничтожить: онъ давно вкрался въ дѣла свѣтскія.

III VII, во время всеобщей реакціи противъ началъ, высказанныхъ французскою революціею и вообще XVIII вѣкомъ, въ 1814 году возстановилъ орденъ. Но уроки прошедшаго еще живы: іезуитовъ нигде не приняли, а если гдѣ и приняли, то скоро потомъ выгнали. Не смотря на то, ихъ живучесть и находчивость удивительны. Они снова перемѣнили направленіе, и въ настоящее время стали добиваться высшихъ духовныхъ должностей, чтобъ чрезъ то дѣйствовать на народъ. Даже въ самой Франціи, она, подъ прикрытіемъ либеральной хартіи, проникла въ общество и завязала жаркій споръ съ трибуною и кафедрою. Теперь, когда взоры всѣхъ мыслящихъ людей обращены на эту борьбу новаго порядка вещей съ старымъ, безплоднымъ, но за то живучимъ и хитрымъ іезуитизмомъ, мы рѣшились обратить вниманіе читателей на этотъ знаменитый орденъ. Съ этою цѣлію мы покажемъ происхожденіе его и быстрое распространеніе, представимъ его внутреннее устройство, въ которомъ выражается весь духъ его и изъ котораго вытекаетъ его долговѣчность среди повсемѣрнаго разрушенія даже самого католицизма; потомъ покажемъ, какимъ образомъ орденъ дѣйствовалъ на свѣжей почвѣ, въ странахъ, гдѣ или вовсе не было никакой цивилизаціи, или если и была она, то въ первоначальной грубой формѣ — въ миссіяхъ; и наконецъ, — какъ боролся онъ съ цивилизаціею крѣпкою, исторически-развитою до полноты. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, мы укажемъ на Францію, какъ потому, что здѣсь іезуитизмъ встрѣчалъ наиболее враждебныя

въ духе народа, следовательно, дѣйствія его должны были представлять собою равнообразныя отклики, такъ и потому что въ настоящее время вопросъ о іезуитахъ подвергается толкамъ и пріямъ въ этой же странѣ.

Основатель іезуитскаго ордена, Игнатій Лойола, родился въ дворянской провинціи Гвипускодъ, въ замкѣ Лойола, въ 1491 году. Родители его были знатные, но небогатыя люди. Десяти лѣтъ отъ роду, Игнатій взятъ пажомъ ко двору Фердинанда и Изабеллы, Среди роскоши и шума двора, онъ не могъ получить никакого прочнаго образованія и едва выучился писать и читать. По словамъ современника и товарища его по ордену, Петра Рибаданейра, онъ смолоду былъ хорошъ собою, ловокъ и страстно любилъ женщинъ. Но, не смотря на то, однообразная, хотя и блестящая дворская жизнь, не могла удовлетворить его пылкаго воображенія и кипучей дѣятельности: онъ посвятилъ себя военной службѣ. Въ 1521 году, Французы осаждали Пампелуну; послѣ неудачнаго сопротивленія, положено было сдать городъ непріятелю. Одинъ Игнатій, служившій капитаномъ въ осажденномъ гарнизонѣ, воспротивился этому рѣшенію, и, предводительствуя нѣсколькими сотнями смельчаковъ, отчаянно защищалъ цитадель; но раненный упрямимъ со стороны камнемъ въ лѣвую ногу, а картечью въ правую, онъ дѣлъ замертво. Эта рана рѣшила участь осажденныхъ; Французы взяли городъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, Игнатій пользовался великодушнымъ участіемъ непріятелей и наконецъ, по собственному желанію, былъ доставленъ ими въ замокъ отцовскій. Призванію туда для его исцѣленія лекаря объявили, что необходимо вынуть кости изъ раздробленной ноги. Во время этой мучительной операціи, присутствующіе, — какъ говоритъ историкъ Игнатія, — не замѣтили никакого слѣда страха или страданія на лицѣ его. Послѣ продолжительной горячки, едва перенесенной Игнатіемъ, рана наконецъ зажила; но, къ несчастію, одна нога стала короче другой, а подъ коленнымъ образовался огромный наростъ. Это послѣднее обстоятельство особенно тревожило молодого, свѣтскаго и до-тѣхъ-поръ (какъ говоритъ Рибаданейра) счастливаго въ любви капитана. Онъ приказалъ спилить себя наростъ и нѣсколько времени носилъ на ногѣ желѣзную машину, которая вытягивала ему ногу, что причиняло ему чрезвычайную боль. Но ничто не помогало: нога не выравнивалась, и Игнатій остался на всю жизнь хромымъ.

Во время медленнаго выздоровленія своего, Игнатій, скукая бездѣятельнымъ, просилъ, для явленія, рыцарскихъ романовъ. По странному случаю, свѣтскихъ книгъ не было въ замкѣ; ему дали читать католическія монастырскія легенды. При чтеніи этой книги, пріяткій Игнатій почувствовалъ въ себѣ новое призваніе. Воображеніе его, еще неукрѣпившееся послѣ недавней горячки, было настроено ко всему чудесному и не могло устоять противъ этой книги. Блестящій пажъ Фердинанда и Изабеллы, храбрый капитанъ — дѣлается вдругъ аскетомъ, пустынноикомъ,

основателем монашескаго ордена. Биографы Игнатія говорятъ, что когда онъ былъ въ нерышности, — вдругъ явилась ему Божія Матерь. Узнавъ на колѣни передъ ея образомъ, онъ поклонялся съ-тѣхъ-поръ посылать всю жизнь свою служенію ей и во имя ея сражаться съ неварными, обращать ихъ въ христіанство. Въ это время, случился необыкновенный шумъ, она выскочила изъ рамъ въ комнату, гдѣ былъ Игнатій: дьяволъ, призывавшій его еще къ міру, теперь на вѣки его оставилъ.

Первою мыслию Игнатія было путешествіе въ Святую-Землю. Такъ-какъ рана его еще не совершенно зажила, то онъ сѣлъ верхомъ, привязавъ къ седлу поясъ, сандалинъ, котомку — все принадлежности пилигрима, и отправился въ путь. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Мавръ, съ которымъ онъ завелъ религіозный споръ. Неубѣжденный Мавръ оставилъ его; тогда Игнатіемъ овладѣло непреодолимое желаніе убить своего прежняго спутника; онъ пустилъ поводья своей лошади съ тою мыслию, что если съ Давъ угодно наказать неварнаго, то онъ достигнетъ его; къ-счастью, Мавръ ему не попался, и Игнатій прѣхалъ въ Манрезу, знаменитый своимъ монастыремъ и чудотворною иконою Богоматери. Тамъ онъ отпустилъ своихъ людей, купилъ себя монашескую рясу изъ толстаго сѣраго сукна и, явившись на исповядь къ одному монаху, открылъ ему свое намѣреніе совершить покаяніе у гроба Господня. Монахъ похвалилъ его за это намѣреніе. Тогда Игнатій, простоявъ нѣсколько дней и ночей часовымъ на колѣняхъ у образа Божіей Матери, повѣсилъ свою шпагу у алтаря и нашкою, въ одеждѣ пилигрима, отправился въ Барселону, чтобъ тамъ сѣсть на корабль и ѣхать въ Палестину. Узнавъ на дорогѣ, что въ Барселонѣ свирѣпствуетъ чума, и что, по этому случаю, съ городомъ прекращено сообщеніе, онъ возвратился въ Манрезу и началъ ходить въ госпиталя за больными, преимущественно нищими и людьми, одержимыми заразительными болезнями. Онъ отростилъ себя бороду, волосы и ногти, надѣлъ желѣзные веряги, а къ хлѣбъ не иначе, какъ съ золою, и въ рубищѣ ходилъ по улицамъ собирать подаяніе; отъ него все отсторонились, мальчишки бросали въ него камнями. Скоро, однакожь, узнали въ Манрезу о значномъ происхожденіи этого страннаго нищаго и нарочно стали приходить смотреть его; участіе къ нему со-дня-на-день увеличивалось. Тогда Игнатій, думая, что дьяволъ искушаетъ его смиреніе, удалился въ пещеру и почти безъ пищи провелъ тамъ нѣсколько времени. Вѣроятно, онъ умеръ бы съ голода, еслибъ не нашли его полумертваго у одного источника и не привезли въ Манрезу. Нервы его были чрезвычайно разстроены; ему попеременно представлялись то Богоматерь и святые, то адъ и искушенія злаго духа. Наконецъ, видя, что для достиженія святой цѣли, имъ предположенной, ему нужно здоровье, Игнатій обрилъ себя бороду, остригъ волосы и ногти, одѣлся опрятнѣе и началъ учить народъ на площадяхъ и улицахъ. Въ это же самое время, какъ говорятъ ея историки, онъ написалъ такъ-называемыя *Духовныя Упраженія* (*Exercitia spiritualia*), книгу чрезвычайно уважаемую іезуитами. Не смотря на мистическое содержаніе этой книги, въ ней видно стремленіе убить все

кую самобытную деятельность и сдѣлать изъ человека машину для пользы ордена. По-этому, нельзя полагать, чтобъ могъ написать ее такой образованный энтузіастъ, каковымъ былъ Лойола въ то время. Вероятно, она написана имъ въ Парижѣ, когда энтузіазмъ сталъ по-немногу уступать въ немъ мѣсто хитрой политаикѣ.

Напоиоцъ, Игнатій, неперестававшій думать о путешествіи въ Святую-Землю, сѣлъ на корабль въ Барселонѣ и прибылъ въ Гаету. Оттуда пошконъ отправился онъ въ Римъ, и, облобковавъ туфамъ Адриана IV и получивъ вмѣстѣ съ другими пилигримами его благословеніе, продолжалъ свое путешествіе. Испанцы дали ему денегъ на дорогу, но онъ роздалъ ихъ бѣднымъ, а самъ питался милостынею. Трудно было его путешествіе. Вся Италия была опустошена незадолго предъ тѣмъ страшною чумою; цѣлые города и селенія опустали. Блудный, измученный и истощенный востомъ и болзновію, Игнатій нигдѣ не находилъ пристанища. Его считали зачумленнымъ и гнали отовсюду; онъ спалъ подъ открытымъ небомъ, цѣлые дни проводилъ безъ пищи, но радовался своимъ страданіямъ, какъ очищенію граховъ, и утѣшался духомъ. Во время этого мучительнаго путешествія, говорятъ, будто бы ему явился во снѣ Христосъ и общалъ безопасный вколъ въ Венецію. Въ-самомъ-дѣлѣ, Игнатія даже не спросили часовые у городскихъ воротъ, и онъ свободно вошелъ въ городъ. Тамъ онъ также питался подаиіемъ и спалъ на Пещадѣ св. Марка. Знакомство съ апатнымъ Испанцемъ доставило ему наконецъ возможность сѣсть на галеру, отходившую въ Іерусалимъ. Не смотря на морскую болзнь, онъ питался на кораблѣ чорствалмъ хлѣбомъ и проповѣдывалъ морякамъ строгую нравственность. Провожди его едва было не надѣлали ему большой бѣды. Грубые и развратные моряки, наскучивъ странствующимъ проповѣдникомъ, хотали сослать его на перамъ необитаемый островъ. Протавный вѣтръ, прииссннй ихъ къ берегамъ острова Кипра, помѣшалъ имъ исполнить это жестокоє намѣреніе. Корабль, простоявъ несколько дней, сѣлся съ явори и благополучно прибылъ въ Іерусалимъ 4 декабря 1523 года.

Игнатій продаетъ все, что у него есть, чтобъ только заплатить обычную дань Саррацинамъ и молиться у гроба Спасителя. Новая мысль рождается въ Игнатіи: теперь его призваніе — проповѣдовать евангеліе Туркамъ и восточнымъ народамъ. Лишь-только онъ достигъ давно-желаемой цѣли, онъ становится другимъ человекомъ. Необузданное воображеніе по-немногу утихаетъ, является размышленіе, пустыинникъ перерождается въ политика, основателя могущественнаго ордена.

При видѣ этого пустыннаго гроба, Лойола повалъ, что только расчетами ума можно привлечь народы къ нему на поклоненіе. Отнынѣ, планъ его составленъ, система приготовлена, воля получила опредѣленное значеніе. Онъ ничего не знаетъ, едва можетъ читать и писать, — что нужно! черезъ несколько времени онъ будетъ знать все. И вотъ, оставной канитанъ, раненый инвалидъ, оставляетъ свои воздушные планы, возвращается въ Испанію и садится на ученической скамьи въ школахъ Барселоны и Саламанки. Пустыинникъ манрескій, вдохновенный пилигримъ съ гроба учится вмѣстѣ съ дѣтми грамматикѣ, намѣра-

гася свой интонационный угаз надъ латинскими сложеніями и спряженіями...

Впрочемъ, въ барселонской школе Игнатій мало успалъ. Въ то время, когда учителя объясняли правила латинской грамматики, онъ шепталъ. Наконецъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Барселонѣ, онъ отправился слушать университетскія лекціи въ Саламанку, гдѣ и началъ проповѣдовать на площадяхъ и улицахъ. Онъ ничего не зналъ, учился Богъ-знаетъ какою тѣлесію, не говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, такъ вдохновенно, что царедъ толпами обирали его слушать; даже двѣ знатныя дамы, увлеченныя его вдохновенною речью, переводыя, послѣдовали за нимъ въ чужеземное училище. За это онъ былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, и не прежде выпущенъ изъ нея, какъ оба дамы возвратились домой. Къ-тому же, и святаго вивидиція начала за нимъ присматривать. Доминиканцы, завидуя услаивъ и популярности Игнатія, однажды пригласили его въ свой монастырь. Пріоръ ихъ сдѣлалъ ему нѣсколько богословскихъ вопросовъ; разумеется, онъ ничего не могъ отвѣчать на нихъ. Тогда его схватили и какъ шарлатана представили епископу, который хотѣлъ посадить его въ тюрьму вмѣстѣ съ учениками. Отда въ тюрьму, Игнатій и ученики его пали духовныя пѣсни, и когда другіе заключенные вошли средство бѣжать, онъ съ учениками остался въ тюрьмѣ, но свѣтъ на то, что двери были отперты. Это такъ расположило всѣхъ въ пользу Игнатія и учениковъ его, что ихъ всѣхъ тотчасъ же выпустили.

Огорченнымъ неблагодарностію саламанкскихъ жителей, преимущественно монаховъ и университетскихъ профессоровъ, которые лавно, по его извѣстію, провидѣлись духу Божию, Игнатій рѣшился отправиться въ Парижъ, гдѣ находилось знаменитѣйшій въ Европѣ богословскій факультетъ. Онъ сообщалъ объ этомъ своимъ ученикамъ; но въ насущную необходимость, великою тревогою ананію, оставили своего учителя, и Игнатій, уложивъ на осла свои книги и самыя необходимыя вещи, одинъ пышкомъ отправился въ Парижъ, гдѣ ожидали его нѣсколько пріятелей и нѣсколько бѣды.

Пришедъ въ Парижъ, онъ почти столько же зналъ, сколько и въ Барселонѣ: проповѣди саламанкскія отвлели его отъ латинскія, и онъ притупилъ бытъ слова принахъ за грамматику. Къ-несчастью, одинъ изъ его товарищей укралъ у него послѣднія деньги, принесенныя имъ изъ Испаніи. Тогда Игнатій опять сталъ просить милостыню, но Французы, обыкновенно великодушныя, неохотно подавали испанскому нищему, принявша его за шпіона: браніе при Павин было еще свѣжо въ ихъ памяти. По совету одного монаха, Игнатій во время каникулъ отправился въ Испанскіе-Нидерланды за подаваніемъ и принесъ оттуда довольно денегъ для своего содержанія.

Между-тѣмъ, ему удалось присоединить къ себѣ нѣсколькихъ товарищей: онъ такъ привлекательно описывалъ имъ добровольный бытъ бѣдности, что они послѣдовали за нимъ въ больничныя и стали жить подаяніемъ.

Послѣ сдѣланнаго прѣдвѣданія отъ Инокента Монтанья: (Montaigne) Игнатій

перешелъ въ Коллегиумъ Св. Варвары, гдѣ слушалъ лекціи философіи; но и здѣсь онъ не оставлялъ своихъ проповѣдей. Многіе изъ его проповѣднотъ постились въ воскресные и праздничные дни и не ходили въ коллегиумъ на духовные диспуты, назначавшіеся по праздникамъ для упражненія студентовъ въ діалектику. Тщетно грозилъ имъ наказаніемъ: они не слушались. Тогда ректоръ и профессора, чтобъ остановить эти беспорядки, положили — публично, въ присутствіи всѣхъ студентовъ назначить Игнатія розгаия, какъ зачинщика. Это было самое жестокое наказаніе, и къ нему прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ. Игнатій радовался, что будетъ страдать за ревность къ славы Божіей; но когда привели его въ собраніе, то видъ вооруженныхъ огромными прутьями профессоровъ произвелъ на него странное впечатлѣніе. Съ одной стороны, онъ горѣлъ желаніемъ быть высѣчену, съ другой — ясно понималъ, что всѣ товарищи и профессора будутъ вслѣдскі стараться удалить его, послѣ такого постыднаго наказанія, изъ университета, и онъ никогда ни чему не выучится. Наконецъ, онъ обратился къ ректору и съ должнымъ смиреніемъ успѣлъ убѣдить его отложить это наказаніе; онъ обѣщаль прилежно посѣщать всѣ лекціи и диспуты, и дѣйствительно, въ 1532 г. получилъ степень бакалавра, а чрезъ два года послѣ того — степень магистра.

Нѣсколько времени, Игнатій слушалъ у якобитовъ лекціи богословія; но скоро опять началъ проповѣдовать народу покаяніе и строгую нравственность. Метода его проповѣдей была самая странная. Вотъ одинъ примѣръ: Игнатій зналъ, что одинъ изъ его товарищей каждый день ходилъ къ своей любовницѣ, жившей недалеко отъ Парижа. Чтобъ отвратить его отъ нечистой любви, онъ среди самой жестокой зимы раздѣлся до-нага и бросился по самое горло въ рѣчку, мимо которой долженъ былъ проходить молодой человекъ. Когда тотъ поравнялся съ нимъ, Игнатій вдругъ высунулся изъ воды и закричалъ: «Несчастный! куда? Не видишь ли ты мщенія небснаго надъ своею головою? Или! удовлетвори свое печестіе, а я между-тѣмъ останусь здѣсь страдать, чтобъ отвратить отъ тебя праведный гнѣвъ Божій!»

Около этого времени, Игнатій успѣлъ оказать многія услуги инквизиціи. Лютерово и кальвинново ученіе быстро распространялось во Франціи; нѣкоторые знаменитыя университетскія ученые сочувствовали ему. Игнатій вкрался въ ихъ довѣренность и донесъ на нихъ святой инквизиціи. Такимъ-образомъ, онъ мало-по-малу изъ энтузіаста становился иезуитомъ. Это новое направленіе его особенно видно въ пріобрѣтеніи прозелитовъ. Онъ не обращается болѣе къ нищимъ и необразованнымъ, грубымъ мужикамъ и не увлекаетъ ихъ своею вдохновенною святостію. Онъ хорошо понималъ, что съ такими людьми нельзя основать ордена. Отныня, онъ старается привлечь къ себѣ умныхъ и ученыхъ людей. По-счастію, онъ сошелся съ Петромъ Фабромъ (Le feve), отличнo прилежнымъ и даровитымъ студентомъ. Много труда стоило Игнатію внушить ему охоту къ странствующему духовному рыцарству. Наконецъ, онъ успѣлъ до высшей степени возбудить пылкое воображеніе

своего товарища; духовныя упражненія довершили остальные, и Фаберъ сдѣлался первымъ горячимъ послѣдователемъ плановъ Игнатія.

Не менѣе труда стоило ему пріобрѣтеніе втораго, знаменитаго въ послѣдствіи прозвѣста. Давно уже Игнатій завистливо смотрѣлъ на молодого, наварскаго дворянина Франсуа Ксавьѣ, лѣтавшего тогда лекціи философіи въ Вовѣскомъ Коллегіумѣ. Не слишкомъ-приваженный къ вѣрѣ, молодой, свѣтскій Ксавьѣ смѣялся надъ своимъ соотечественникомъ и не находилъ никакой прелести въ его релігіозномъ фанатизмѣ. Игнатій не терпѣлъ надежды. Онъ опять на некоторое время сдѣлался для Ксавьѣ придворнымъ Фердинанда и Изабеллы, всячески лѣстилъ ему и искусно подматывъ въ немъ слабую сторону. Ксавьѣ жилъ чрезвычайно-роскошно; часто у него не доставало денегъ на необходимыя расходы: Игнатій отдавалъ ему свою милостыню и наконецъ успѣлъ привлечь его къ себѣ. «Духовныя Упраженія» окончательно уничтожили въ Ксавьѣ всякую привязанность къ міру. Вскорѣ потомъ, многіе другіе ученики, преимущественно Испанцы и Португальцы, знаменитый Яковъ Лаенезъ, Альфонсъ Сальмеронъ, Николай Бобадилья, Симонъ Родригезъ и прочіе, увлеченные чудесною силою «Духовныхъ Упраженій», присоединились къ Игнатію.

Чтобъ совершенно отворотить ихъ отъ міра, Игнатій хотѣлъ связать ихъ клятвою. Для этого, въ праздникъ Успенія онъ удалился вмѣстѣ съ ними въ женскій монастырь на Монмартръ, близъ Парижа. Тамъ, въ одной капеллѣ, Лаенезъ, бывшій уже священникомъ, отслужилъ обѣдню, послѣ которой всѣ товарищи торжественно поклялись другъ другу отречься отъ мірскихъ благъ и посвятить себя проповѣдыванію слова Божія невѣрнымъ. Съ этою цѣлію общались они броситься къ ногамъ папы, испросить его благословеніе, предложить ему свои услуги и съипно исполнять все, что повелитъ имъ намѣстникъ апостола.

Такъ началось это знаменитое общество. Вѣроятно, оно скоро исчезло бы и было бы забыто, какъ многіе другіе духовныя ордена, еслибъ начало упорно стремиться къ своей первоначальной цѣли — проповѣдыванію евангелія невѣрнымъ. Но новыя событія въ Германіи, угрожавшія разрушить осьмивѣковую власть римскихъ первосвященниковъ, дали ему другое направленіе и заставили его играть важную роль во всемірной исторіи.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о «Духовныхъ Упраженіяхъ» (*Exercitia spiritualia*), о которыхъ упоминали уже нѣсколько разъ. Что это за чудесная книга, противъ которой не могли устоять ни молодость, ни святость, ни богатство, ни даже гордое невѣріе?

Мы уже замѣтили, что эта книга не могла быть произведеніемъ первыхъ годовъ релігіознаго энтузіазма Лойолы. Вѣроятно, она написана имъ въ Парижѣ, когда энтузіазмъ началъ смѣняться холодною политикою. Въ этой книгѣ заключается весь духъ, все направленіе іезуитизма; послѣдующая судьба ордена есть только развитіе того, что заключается въ «Духовныхъ Упраженіяхъ», какъ въ идеалѣ.

Перешедъ всѣ фазы энтузіазма, Лойола приводитъ въ систему все опыты, имъ надъ собою сдѣланныя, даже въ самой горячкѣ видѣ-

ній. Овъ прилагаетъ методу физики и химіи къ тому, что было всякой методу — къ энтузіазму души человеческой; словомъ, составляетъ фвізіологію, учебникъ, или лучше сказать, формулу вдохновенія и святости. Главное отличие Лойолы отъ всѣхъ прежнихъ аскетовъ и пустынниковъ состоитъ въ томъ, что онъ могъ холодно, логически наблюдать за собою, самъ себя анализировать въ состояніи экстаза, которое исключаетъ въ другихъ всякую возможность размышленія. Заставляя потомъ учениковъ своихъ производить надъ собою то же самое, что онъ самъ свободно испыталъ во время своего насильственного увлеченія, Лойола въ тридцать дней уничтожилъ этимъ способомъ разумъ и самобытную волю. Развивавшаяся въ одно время съ иезуитизмомъ инквизиція разлагала по частямъ тѣло своихъ нечестныхъ жертвъ: «Духовныя Упражненія» разлагала по частямъ свободную мысль подъ машиною Лойолы, чтобы достигнуть святости. Въ этой книгѣ, предлагаются слѣдующія правила: 1) начертать на бумагѣ нѣсколько линій различной величины, соображаясь съ величіемъ мысли; 2) запереться въ комнату съ полузатворенными ставнями (*januis ac fenestris clausis tantisper*); 3) излиться въ восклицаніяхъ (*in exclamations prorumpere*); 4) при взрваніи на адъ, заключающемъ въ себя *два вступленія*, или *малыхъ пунктовъ* и *однихъ разговоровъ* (*dua praeludia, puncta quinque et unum colloquium*) (*) вообразить жалобы, стоны, плачь, дымъ, сѣру, червя совѣсти и проч. Далѣе, находимъ въ этой чудесной книгѣ слѣдующее: третій способъ молиться состоитъ въ некоторомъ соразмѣреніи словъ и времени моленія (*tertius orandi modus per quandam vocum et temporum silentii commensurationem*); здѣсь надобно соблюдать равные интервалы между дыханіемъ и словами (*et paria anhelituum ac vocum interstitia observanda*). Такимъ образомъ, вдохновенный человекъ становится машиною, которая вдыхаетъ, рыдаетъ, испускаетъ жалобы, ственія, крики въ определенное время и въ томъ порядкѣ, какой по опыту признанъ наилучшимъ.

Какъ же довершается такимъ образомъ приготовленный автоматъ? Какъ достигается онъ наконецъ до догматовъ и таинствъ вѣры? Вотъ какъ: если кто идетъ о какомъ-либо событіи изъ жизни Спасителя, то надобно представить себѣ извѣстное определенное мѣсто, напр.; при представленіи проповѣди христовой, надобно прежде всего вообразить дорогу гладкую или гористую (*viam planam aut arduam*); при молитвѣ въ Саду Гессеманскомъ надобно представить себѣ садъ извѣстной величины (*certa magnitudine, figura et habitudine*), измѣрить его въ длину и ширину; при представленіи торжества и царства Спасителя вообразить села и

(*) *Вступленіе* (*Praeludium*) означаетъ въ «Духовныхъ Упражненіяхъ» вообще мѣсто, въ которомъ должно вообразить себя и предметы въ немъ находящіяся; въ *Пунктахъ* (*Punctum*) подробнѣе анализируется воображаемая картина; здѣсь, при постепенномъ участіи всѣхъ пяти чувствъ, разсматриваются всѣ ея подробности; наконецъ, *Разговоръ* (*Colloquium*) есть молитва, обращенная къ Богу, въ которой выражаются всѣ чувства, рождающіяся въ душѣ, при видѣ этой картины. Игнатій не развиваетъ самъ этихъ образовъ и этихъ чувствованій: онъ указываетъ только методу, путь, которому должно слѣдовать (*Constitutions des Jésuites; Appendice sur les Exerc. Spirituels*).

гарада (villas et oppida), потому представитъ себя земнаго царя среди его народа (rimetiam primum prorogete sibi ob oculos humanum regem), разговаривать съ этими царями, мало-по-малу царя заманить Христомъ, себя поставить вмѣсто народа, — и такимъ образомъ представится царство Христово.

Таковъ способъ возвышаться до тайствъ!

Какое же выходитъ отсюда прямое, необходимое сладствіе? — Сдѣлать исходнымъ пунктомъ матеріальное впечатлѣніе не значитъ ли показать недоверчивость къ духу и темъ самымъ удалиться отъ самой сущности христіанства? Не значитъ ли это — тайкомъ и переодѣтымъ прійти въ царство духа?.. И такіа мелкія предосторожности, чтобъ заманить свободный порывъ души — не передѣтся ли въ хитрость и лицемеріе у послѣдователей этого страннаго ученія? Какъ! Спаситель, на колѣняхъ, въ кровавомъ поту, молится за человечество, и, вмѣстѣ того, чтобъ прійти въ восторгъ отъ этой одной мысли, вы забавляетесь измѣреніемъ сада, методическимъ разсматриваніемъ расположенія дорожекъ! Вы у подошвы Оавора, въ неяснѣйшую минуту преобразенія, и — смотрите на форму горы, ея высоту, широту, растительность... Это ли христіанство апостоловъ и первыхъ учителей церкви?

Лойола, въ противность евангельскому ученію, сообщаетъ ученикамъ своимъ малѣйшую часть самого себя — одну оболочку, кору своей мысли. Онъ зналъ интуизмъ въ своей юности, но, организовавъ власть неограниченную, онъ никому не доставляетъ этого источника жизни и свободы; вмѣсто свободнаго вдохновенія, онъ даетъ другимъ одно его методы и, требуя для своего Бога не дѣтской любви и нежрности, а рабскаго страха (timor servilis).

Обратимся опять къ Лойолѣ. Послѣ знаменитой конмартрской клятвы, онъ снова зналъ (и уже въ послѣдній разъ) въ состояніи экстаза. Ему опять чудились то святые и ангелы, то адъ и духи нечестые. Здоровье его сильно разстроилось; ученики его прибѣгли къ врачамъ, которые советовали Игнатію отправиться на югъ; но онъ ни за что не соглашался. Наконецъ, Коавъ, Лемезъ и Сальмеронъ объявили, что они сами рѣшаются ѣхать въ Испанію, чтобъ тамъ привести въ порядокъ дѣла общества. Игнатій, опасаясь, чтобъ эти молодые люди не остались въ своемъ отечествѣ, уступивъ просьбамъ родителей и, можетъ-быть, увлекшись ширкою блестящею будущностію, велѣлъ имъ оставаться въ Парижѣ, а самъ отправился въ Испанію, назначивъ ученикамъ своимъ сборнымъ мѣстомъ Венецію.

Игнатій не долго пробылъ въ отечествѣ. Тщетно старый отецъ и особенно братъ на колѣняхъ упрашивали его остаться: онъ отвергъ ихъ просьбы, отказался отъ всѣхъ ихъ пособій и спустился въ Венецію, куда и прибылъ въ 1537 году. Здѣсь, по обыкновенію, онъ сталъ учить народъ и вербовать учениковъ. Духовенство смотрало на него неблагожелательно и даже обвиняло его въ еретичествѣ. Говорили, что онъ, какъ еретикъ, изгнанъ изъ Испаніи и Франціи; напало и свидѣламъ, бывшіе въ Саламанкѣ въ то время, какъ онъ посаженъ былъ доминиканцами въ тюрьму. Но, не смотря на все это, Лойола успѣлъ набавиться

отъ угрожавшей ему опасности. Онъ началъ льстить тамошнему епископу Петру Караффе (въ-послѣдствіи папа Павелъ IV) и, при его посредствѣ, совершенно оправдался.

Но благоволеніе къ нему епископа продолжалось не долго. Караффа самъ замышлялъ основать орденъ съ цѣлю исправленія нравственности итальянскаго духовенства, жившаго чрезвычайно-развратно. Онъ надѣялся присоединить Лойолу и учениковъ его къ этому ордену. Но могъ ли Игнатій отказаться отъ своей давнишней цѣли, за которую столько страдалъ, для достиженія которой уже столько сдѣлалъ? Онъ решительно отказался, и Караффа сдѣлался его непріятелемъ.

Между-тѣмъ, ученики Игнатія, оставшіеся въ Парижѣ, приобрѣли новыхъ прозелитовъ: Клода Лэжэ (Le Jay), Жана Кодюра, Паскье Бруэта и нѣкоторыхъ другихъ умныхъ и даровитыхъ людей. По приказанію учителя, они должны были, въ началѣ 1537 года, прибыть въ Венецію. Но война, готовая вспыхнуть между Франціею и Испаніею, принудила ихъ оставить Парижъ еще въ 1536 году. Они отправились въ путь одѣтые подобно пилигримамъ, съ книгами св. писанія въ рукахъ, съ розовыми вѣнками — символомъ православія, на головахъ, и распѣвая духовныя пѣсни во славу Божіей Матери и святыхъ. Въ такомъ положеніи, прибыли они въ Венецію въ концѣ декабря 1536 года.

Здѣсь всѣ они, по примѣру Игнатія, поступили въ разныя больницы для хоженія за больными. Если вѣрить историкамъ ордена, то ревность ихъ въ исполненіи этой обязанности была болѣе чѣмъ человеческая. Въ-особенности, передъ всеми отличался Ксавьё. Онъ ялъ остатки пищи отъ больныхъ заразительными болезнями; цѣлый день пахотился и спалъ возлѣ людей, обкрытыхъ зловонными вонючими язвами; пилъ ту самую воду, которою онъ обмывалъ эти язвы, даже высасывалъ эти язвы, когда того требовала медицинская необходимость.

Наступила весна. Надобно было подумать о давно-желанномъ путешествіи во Святую-Землю. Игнатій полагалъ, что еще не наступило время просить объ утвержденіи ордена: у него были въ Римѣ два сильные врага — кардиналъ Караффа (прежній венеціанскій епископъ) и Петръ Ортинцъ, знаменитый теологъ, съ которымъ онъ плохо жилъ въ Парижѣ, въ бытность свою въ университетѣ. Однакожъ, для путешествія необходимо было папское благословеніе и въ-особенности милостыня, потому-что Игнатій и его товарищи, ничего не имѣли. Съ этою цѣлю, онъ отправилъ ихъ въ Римъ, а самъ одинъ остался въ Венеціи. Фаберъ и Ксавьё, по прибытіи въ столицу католическаго міра, прежде всего посѣтили Ортинца и съумѣли привлечь его на свою сторону. Ортинцъ самъ представилъ вошь ихъ папѣ, который далъ имъ свое благословеніе и на дорогу 50 дукатовъ; сверхъ того, онъ позволилъ тѣмъ изъ нихъ, которые не были еще священниками, ординироваться у какихъ они захотятъ епископовъ. Довольные такою пріемотою, ученики Игнатія съ папскимъ благословеніемъ и двумястами дукатовъ, собранными въ Римѣ преимущественно отъ испанскихъ кушцовъ, возвра-

твась въ Венецію, гдѣ, въ присутствіи папскаго нунція, дали добровольный обѣтъ бѣдности и целомудрія.

Поставленные въ священники арденскимъ епископомъ, они въ постѣ и молитвѣ жили въ Венеціи и проповѣдовали народу чистоту нравовъ и покаяніе. Такая жизнь полюбилась Игнатію: онъ искалъ случая какъ бы отказаться отъ своего перваго обѣщанія идти въ Иерусалимъ. Случай этотъ скоро представился. Между Портою и Венеціею возгорѣлась война; морскія путешествія на востокъ сдѣлались весьма-опасны. Игнатій собралъ тогда своихъ товарищей и въ патетической рѣчи объявилъ имъ, что Богъ не для чего другаго возжегъ эту войну, какъ для того, чтобъ отвлечь ихъ отъ первоначальнаго намѣренія и обратить къ новой цѣли — къ защитѣ папской власти, угрожаемой паденіемъ отъ лютера еретичества.

Все собраніе было весьма-довольно этимъ мнѣніемъ и рѣшило, что Игнатій, Фаберь и Лаенезъ отправятся въ Римъ, бросятся къ ногамъ папы и предложатъ ему свои услуги, а остальные товарищи разойдутся по всемъ концамъ Италіи — набирать учениковъ. Тутъ же постановлены для общества слѣдующія правила: 1) всѣ члены должны жить въ больницахъ и питаться подаваемымъ; 2) тѣ изъ членовъ, которые будутъ жить въ одномъ городѣ, должны по-одиночкѣ и попеременно поведывать другими; 3) должны учить народъ на улицахъ и площадяхъ, и 4) все это дѣлать безмездно.

Игнатій, Фаберь и Лаенезъ отправились въ Римъ. Послѣдніе мало надеялись на успѣхъ и унывали по мѣрѣ приближенія къ святому городу; но Игнатій скоро ободрилъ ихъ. Онъ удалился во время пути для молитвы въ одну часовню, и, черезъ нѣсколько времени, выбѣжавъ оттуда съ восторженнымъ видомъ, объявилъ товарищамъ, что онъ во время молитвы видалъ видѣніе и слышалъ голосъ, который произнесъ: «Romaе tibi propiturus ego».

По прибытіи въ Римъ, Игнатій горячо принялся за свое дѣло. Онъ вкрался въ довѣренность своего прежняго непріятеля Ортица, игравшаго тогда важную роль при папскомъ дворѣ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Карла V. Ортицъ представилъ трехъ товарищей папѣ, который принялъ ихъ чрезвычайно-ласково, общалъ при первой надобности употребить въ дѣло ихъ услуги, далъ Фаберу и Ксавьѣ катедры теологій въ Collegіумъ della Sapienza и позволилъ Игнатію трудиться въ Римѣ на спасеніе душъ.

Ободренный этимъ Лойолою, съ помощію «Духовныхъ Упражненій», пріобрѣлъ новыхъ приверженцевъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ. Въ числѣ ихъ были кардиналъ Контерини и Ортицъ. Послѣдній удалился на гору Кассано и слушалъ тамъ у Игнатія лекціи богословія, не смотря на то, что самъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ своего времени и пріобрѣлъ большую славу своими лекціями въ Парижскомъ-Университетѣ. Онъ не могъ открыто послѣдовать за Лойолою въ числѣ его учениковъ, потому-что мнѣлъ важнымъ занятіемъ въ Римѣ, какъ повѣренный въ дѣлахъ Карла V, не за-то

онъ употребилъ весь кредитъ свой при римскомъ дворѣ на доставленіе успѣха планамъ Игнатія.

Все благопріятствовало обществу. Игнатію казалось, что наступило наконецъ время основать орденъ. Онъ созвалъ всѣхъ учениковъ своихъ въ Римъ, и они на общемъ совѣтѣ положили — къ прежнимъ обязанностямъ и целомудрія присоединить еще два обязательства: снѣгаго повяновенія генералу ордена и папѣ. Последний обязательство Лойола почелъ необходимымъ, потому-что зналъ, какъ мало папа расположенъ къ другимъ орденамъ, которые, въ тогдашнихъ опасныхъ для папскаго престола обстоятельствахъ, не приносили ему никакой пользы. Что касается до названія ордена, то почти все ученики хотѣли, по имени Игнатія, назвать орденъ *игнаціанскимъ*; но Лойола отклонялъ отъ себя эту честь и убѣдилъ назвать его орденомъ Иисуса (*societas Iesu*).

Наконецъ, Лойола черезъ кардинала Контарина представилъ папѣ проектъ своего ордена. Проектъ этотъ былъ такъ умно написанъ, съ такой глубокой ученостію и знаніемъ современной политики, что никакъ нельзя полагать, чтобъ необразованный Игнатій могъ написать его; вероятно, проектъ написанъ однимъ изъ учениковъ Игнатія, преимущественно же Лаенезомъ. Павелъ III, прочитавъ проектъ, въ умиленіи воскликнулъ: «*Spiritus Dei est hic!*» (здесь духъ Божій!) и отдалъ его на разсмотрѣніе тремъ кардиналамъ. Одинъ изъ нихъ, Бартоломей Гвидичіони, весьма-ученый и уважаемый за свое благочестіе человекъ, воспротивился основанію ордена. Онъ еще прежде этого написалъ сочиненіе, въ которомъ чрезвычайно-умно доказывалъ бесполезность монашескихъ орденовъ, даже вредъ ихъ для папской власти и требовалъ ихъ уничтоженія. Два его товарища согласились съ нимъ, и проектъ остался безъ утвержденія.

Однимъ Лойола и товарища его не унывали. Они употребляли все старанія еще болѣе заслужить благосклонность папы, разъѣзжались по всѣмъ городамъ Италіи и проповѣдовали покаяніе, чистоту нравовъ и покорность папскому престолу. Слухъ объ ихъ благочестіи далеко распространился: португальскій дворъ просилъ Игнатія прислать нѣсколькихъ человекъ изъ нихъ для проповѣдованія евангелія въ Индію; но Игнатій, не желая въ такое благопріятное время разъединять общество, отправилъ въ Лиссабонъ только двухъ товарищей — Родригеза и Ксавье. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, онъ удвоилъ старанія, чтобъ привлечь на свою сторону и папу и кардинала Гвидичіони: попеременно игралъ роль то политика, то святаго, и наконецъ успѣлъ достигъ своей цѣли — папа Павелъ III, буллою отъ 27 декабря 1540 года, утвердилъ орденъ, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, чтобъ число его членовъ не превышало сорока.

Тогда члены приступили къ избранію генерала. Все голоса соединилось въ пользу Игнатія; онъ долго отказывался, наконецъ, уступивъ усильнымъ просьбамъ товарищей, просившихъ его на коленяхъ быть ихъ главою, согласился принять титулъ и власть *генерала ордена иезуитовъ*.

Отлучаясь отъ общины, Лойола въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ, въ Римъ находившихся, торжественно поклялся соблюдать обѣтъ бѣдности, целомудрія и слѣднаго повиновенія намѣстнику апостольскому, куда бы онъ ни заблуждался послать членовъ ордена для проповѣданія евангелія. На эту оговорку никто въ то время не обратилъ вниманія. После Лойолы, присутствующіе члены дали подобную клятву съ тою разницею, что они клялись, обращаясь къ Игнатію, и къ прочимъ обѣтамъ присоединили обѣтъ послушанія своему генералу.

Вскоре потомъ, Лойола принялся за обычныя свои занятія: сталъ проповѣдовать народу покаяніе, чистоту нравовъ и учить детей катехизису. Преимущественно заботился онъ о чистотѣ нравовъ. Римъ, избалованный нечестіемъ Александра VI и роскошью Льва X, утопалъ въ развратѣ. Духовные открыто жили съ своими любовницами, а публичныя женщины наполняли всѣ общественныя гульбища, толпились возлѣ самого Ватикана. Игнатій на послѣднихъ обратилъ особенное вниманіе. Часто видалъ его на гуляньяхъ и площадяхъ среди этихъ женщинъ; онъ зазывалъ ихъ въ нарочно-выстроенный для того домъ и тамъ проповѣдовалъ имъ покаяніе. Случилось, что въ числѣ ихъ попалась одна замужняя женщина, дурно жившая съ своимъ мужемъ; увлеченная красноречіемъ Лойолы, она осталась въ этомъ страннопріимномъ домѣ. Этого было довольно для враговъ ордена: они обвиняли членовъ его не только въ пристрастіи къ женскому полу, но еще въ пороки, гораздо ужаснѣйшемъ. Надобно было прибѣгнуть къ папѣ, который буллою возстановилъ запятанную честь Лойолы и его товарищей.

Между-тѣмъ, іезуиты разсыялись по всѣмъ европейскимъ государствамъ. Родригезъ остался въ Португаліи, гдѣ онъ приобрѣлъ большее вліяніе при дворѣ, такъ-что король отдалъ ордену Церковь св. Антонія въ Лиссабонѣ и училище въ Коимбрѣ. Самъ папа послалъ двухъ іезуитовъ, Сальмерона и Бруэ, въ Ирландію, угрожаемую реформою Генриха VIII. Въ Германію отправились Фаберъ, Лежа и Вобадилля. Въ Регенсбургѣ Лежа такъ горячо говорилъ противъ реформации, что разбѣрженныи народъ хотѣлъ бросить его въ Дунай; Вобадилля остался въ Вѣнѣ при дворѣ императорскомъ, а Фаберъ приобрѣлъ въ Кельнѣ новаго члена, Петра Канизія, оказавшаго въ-послѣдствіи многія услуги ордену и сочинившаго для дѣтей катехизисъ, весьма уважаемый католиками.

Во Франціи не посчастливилось іезуитамъ. Генрихъ II, во время войны съ Испанією, выслалъ всѣхъ Испанцевъ изъ своего государства, въ томъ числѣ и іезуитовъ, бывшихъ въ Парижѣ. За то, въ Испанціи имъ особенно покровительствовалъ Францискъ Борджіа, тогдашній намѣстникъ Карла V въ Мадридѣ. Что же касается до Италіи, то здѣсь не было ни одного значительнаго города, гдѣ бы не было іезуита. Скоро число іезуитовъ возрасло до восьмидесяти. Папа, все болѣе и болѣе благоволившій къ Игнатію, буллами своими уважалъ привилегіи ордена. Онъ отдавалъ число его членовъ неопредѣленнымъ, далъ право ордену самому постановлять для себя новыя законы, отменялъ старыя, замѣнять ихъ, применяясь къ мѣстности и обстоятельствамъ, дозволялъ іезуитамъ служить общины во всѣхъ церквяхъ, учить народъ на площа-

дахъ и улицахъ, во всѣхъ городахъ католическаго міра, отпущать самыя важныя грѣхи, даже тѣ, которые до-тѣхъ-поръ могли быть разъѣмаемы только папою, впрочемъ, исключая грѣховъ, помеченованныхъ въ такъ-называемой «Буллѣ св. Причастія».

Такимъ-образомъ, изъ монашескаго ордена постепенно образовалось общество съ своими законами, администраціею и юрисдикціею; явилось новое государство во всѣхъ европейскихъ государствахъ (*status in statu*).

Скоро іезуитамъ представился случай показать на дѣлѣ свою преданность апостольскому престолу — образовался знаменитый Тридеимскій Соборъ. Скажемъ нѣсколько словъ о причинахъ, служившихъ къ созванію того собора.

Реформаціонное движеніе чрезвычайно-быстро распространилось въ Германіи; напрасно Левъ X хотѣлъ остановить его «буллою проклятій»; самъ императоръ призналъ изъ некоторымъ образомъ законность реформаціи, давъ свое согласіе протестантской партіи на созваніе свободнаго собора. Къ тому же, французскіе и испанскіе прелаты требовали возвращенія своихъ привилегій, въ-особенности относительно епископской юрисдикціи, — привилегій, самовольно присвоенныхъ римскимъ дворомъ. Естественно, что папы, въ такомъ положеніи дѣлъ, всячески старались избѣгать собора, который не преминулъ бы обратить вниманіе на злоупотребленіе папской власти, и, можетъ-быть, потребовалъ бы преобразованія самаго папскаго правительства, чтобъ тѣмъ нѣсколько остановить реформаціонное движеніе въ народѣ. Дѣйствительно, еще папа Адрианъ VI думалъ о реформѣ своего двора, но онъ умеръ, не успѣвъ исполнить этого намеренія. Папскій престолъ, въ-слѣдствіе интригъ и симоніи, достался побочному сыну флорентинскаго герцога Юлію Медичи. Этотъ чрезвычайно-лукавый человекъ употребилъ все хитрости, чтобъ отдалить созваніе собора, и его преемникъ нашелъ дѣла доведенными до крайности. Чтобъ предупредить повсемѣстное возстаніе противъ римскаго вора, Павелъ III печалью необходимымъ уступилъ всеобщему желанію. Но онъ тщетно настаивалъ, чтобъ соборъ созванъ былъ въ Италіи: его принудили созвать соборъ въ Тридентѣ.

Въ качествѣ легатовъ своихъ онъ хотѣлъ отправить на соборъ людей, преданныхъ папскому престолу и притомъ искусныхъ теологовъ и адвокатовъ каноническаго права. Могъ ли забыть онъ въ этомъ случаѣ іезуитовъ? Ихъ объѣтъ слыжнаго повиновенія апостольскому папастнику, ихъ ненависть къ еретикамъ, ихъ искусство вести интригу — все, казалось, такъ-нельзя-лучше согласовалось съ видами папы. Онъ приказалъ генералу выбрать двухъ самыхъ способныхъ и ученыхъ іезуитовъ, для того, чтобъ отправить ихъ на соборъ. Игнатій съ радостью исполнилъ это приказаніе, которое должно было доставить новый блескъ ордену, и выѣхалъ Ласцеца и Сальмерона. Въ качествѣ папскихъ теологовъ, прѣбыли они на соборѣ въ мѣзъ 1546 года.

Поселившись въ больницахъ, они начали, по обыкновенію, съ того, что тала лѣстить прелатамъ, чтобъ пріобрести ихъ благосклонность.

Историки ордена говорятъ, что Игнатій, не смотря на то, что былъ юный ладорядно, съ такимъ краснорѣчіемъ защищалъ противъ адми-

никанцевъ догматъ дѣства Маріи, что присутствующіе епископы думали видѣть предъ собою не простаго человека; но божественнаго пророка, который, подобно оракулу на треножникъ, раскрывалъ таинства и возвышалъ божественное опредѣленіе небесъ (*). Однакожь, изъ актовъ тридентскаго собора видно, что Лаенезъ не принималъ участія въ этомъ спорѣ и что августинскіе монахи одни защищали этотъ догматъ противъ доминиканцевъ; впрочемъ, ни одна сторона не переспорила другой, и наконецъ имъ обѣимъ вѣльно было замолчать. Достоверно только, что Лаенезъ, при первомъ появленіи своемъ на соборъ, навелъ на себя подозрѣніе въ *пелланизмъ*, потому—что на шестомъ засѣданіи, когда даюшло о дѣйствіи божественнаго милосердія въ-отношеніи къ человеку, Лаенезъ, къ великому соблазну всѣхъ прелатовъ, опровергалъ всякую свободную волю въ человека.

Вскорѣ между папскими легатами и епископами произошла явная вражда. Папа, пользуясь появленіемъ чумы въ Тридентъ, перевелъ соборъ въ Болонью. Всѣ приверженцы римскаго двора, въ томъ числѣ и оба іезуита, переехали въ этотъ городъ; но нѣмецкіе и французскіе епископы остались въ Тридентѣ и продолжали совѣщаться о дѣлахъ церкви. Такимъ-образомъ, общій соборъ не состоялся.

Между-тѣмъ, рана, нанесенная реформаціею папской власти, становилась все глубже и глубже; лютерово ученіе съ каждымъ днемъ распространялось въ Германіи, кальвиново во Франціи; римская іерархія готова была разрушиться; каждый папа боялся окончить начатый процессъ съ новымъ порядкомъ вещей и предоставлялъ это своему преемнику. Тщетно Нѣмцы, Французы, даже Испанцы требовали созванія общаго собора; наконецъ, потерявъ терпѣніе, они стали угрожать національными соборами: тогда папа Пій IV нашелся принужденнымъ, послѣ десятилѣтняго раздѣленія, снова созвать прелатовъ на общій соборъ—въ Тридентъ.

Лаенезъ и Сальмеронъ опять явились на немъ въ качествѣ папскихъ теологовъ. Главный ихъ манѣвръ на соборъ состоялъ въ томъ, чтобъ занимать собраніе разными теологическими мелочами и чрезъ то отвлекать его вниманіе отъ главнаго предмета—преобразования римской іерархіи. Здѣсь во всемъ блескъ явилась схоластическая діалектика іезуитовъ. Напрасно постановлено было, чтобъ каждый изъ членовъ говорилъ не болѣе получаса: Сальмеронъ и въ-особенности Лаенезъ умали такъ искусно запутывать вопросы, что одинъ рождался изъ другаго, и время проходило, а соборъ не касался еще своего главнаго предмета.

Наконецъ, французскіе и нѣмецкіе епископы рѣшились предложить на разсужденіе собора вопросъ—о неправильномъ присвоеніи римскимъ дворомъ равныхъ епископскихъ преимуществъ, въ-особенности духовной юрисдикціи. Надлежало защищать папскій престолъ. Лаенезъ сдѣлалъ это съ большимъ искусствомъ въ своей рѣчи, которая можетъ служить об-

(*) *Putabant non hominem aliquem a pulpito verba proferre, sed vatem caelo delapsam a tripode oracula sadere, mysteria eloqui decreta pronuntiare (Imago primi succ. Lib. I. pag. 159).*

разномъ схоластическихъ софизмовъ, умно-составленныхъ и краснорѣчиво-изложенныхъ. Мы не станемъ здѣсь приводить этой рѣчи, вполнѣ помѣщенной въ сочиненіи Paolo Sargi—«Histoire du concile de Trente» (Т. II, р. 139 et squ.). Замѣтимъ только, что въ первой части Лаенезъ излагаетъ вообще ученіе о папской власти, доказываетъ превосходство апостола Петра предъ другими апостолами, отсюда выводитъ заключеніе о превосходствѣ папы, какъ преемника св. Петра, предъ другими епископами, и следовательно передъ самымъ соборомъ; потому-что, —говорить Лаенезъ,—если каждый епископъ въ отдаленности обязанъ повиноваться папѣ и въ противномъ случаѣ становится еретикомъ, то очевидно, что и всѣ епископы вмѣстѣ, если станутъ ему противиться, становятся еретиками, и соборъ, созываемый папою только для совѣта, обратится въ такомъ случаѣ въ сонмище еретиковъ. Всѣ эти умствования онъ подкрепляетъ произвольно-толкуемыми текстами св. писанія и цитатами изъ каноническаго права. Во второй части своей рѣчи, онъ *особенности* опровергаетъ мнѣнія каждаго члена, подававшаго голосъ противъ папы.

Эта рѣчь произвела на присутствующихъ разнообразное впечатлѣніе. Папскіе легаты до небесъ превозносили краснорѣчіе и умъ Лаенеза; напротивъ, благомыслящіе епископы были исполнены негодованія; преимущественно же архіепископъ парижскій съ особенною энергіею возсталъ противъ мнѣній, высказанныхъ Лаенезомъ. Онъ обѣщался въ слѣдующее засѣданіе доказать, что иезуиты сами еретики и хотятъ разрушить миръ церкви.

Папскіе легаты и иезуиты употребили вся хитрости, чтобъ отдалить это засѣданіе; наконецъ, они успѣли перессорить епископовъ разныхъ націй между собою, въ-особенности же Французовъ съ Испанцами.

Императоръ, узнавъ объ этомъ, переехалъ въ Инспрукъ, чтобъ, находясь въ близости Тридента, чрезъ свое вліяніе примирить враждующія партіи. Иезуитъ Канизій, при немъ находившійся, употреблялъ всѣ старанія, чтобъ привлечь его на сторону римскаго двора; когда это не помогло, онъ сдѣлался шпиономъ и обо всѣхъ намѣреніяхъ Фердинанда уведомлялъ папскихъ легатовъ и иезуитовъ, которые заранее предупреждали на соборъ всѣ предложенія и попытки императора къ примиренію. Такимъ образомъ соборъ не успѣлъ достигнуть своей главной цѣли—реформы римскаго двора.

Не можемъ умолчать еще объ одной мастерской хитрости Лаенеза, На соборъ, положено было многое переменить въ устройствѣ монашескихъ орденовъ; между-прочимъ постановлено, чтобъ суперіоръ ордена, по истеченіи годичнаго испытанія, или допускалъ учениковъ къ совершенію обѣта, или отсылалъ ихъ назадъ. Такъ-какъ это не согласовалось съ уставами иезуитскаго ордена, вступающіе въ который должны были подвергаться испытанію въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, то Лаенезъ прислалъ сдѣлать исключеніе въ этомъ послѣднемъ случаѣ для своего ордена. На это всѣ единодушно согласились. Когда надобно было писать протоколъ засѣданія, Лаенезъ, на основаніи правилъ латинскаго синтаксиса, велѣлъ написать: «Per haec sancta synodus non inten-

dité и проч. Это множественное *habe*, вмѣсто единственнаго *habet*, сообщивъ двусмысленное выраженіе всей бумагъ, послужило въ-послѣдствіи поводомъ для іезуитовъ не считать для себя обязательными и другія постановленія собора касательно монашескихъ орденовъ.

Между-тѣмъ, Игнатій выхлопоталъ у папы еще многія привилегіи для ордена. Онъ самъ сталъ по-немногу отступать отъ своихъ прежнихъ обытовъ: король португальскій хотѣлъ назначить своимъ духовникомъ іезуита Якова Мира, который отказывался отъ этой высокой обязанности, считая ее несогласною съ смиреніемъ, налагаемымъ обычаями ордена. Игнатій былъ этимъ весьма-недоволенъ. Онъ писалъ къ Мира: «Подобныя должности не противны нашему призванію; мы не должны ни презирать самыхъ низкихъ въ общественномъ мнѣніи занятіяхъ, ни бояться самыхъ высокихъ. По-истинѣ, намъ надобно искать въ госпиталяхъ чѣмъ упражнять свое усердіе, но тѣмъ не менѣе — мы не должны убѣгать дворцовъ королевскихъ: государи, среди тревогъ и искушеній власти, еще болѣе, чѣмъ другіе смертные, имѣютъ «нужду въ нашей помощи для спасенія душъ своихъ». Вотъ первое основаніе главнаго стремленія іезуитовъ быть духовниками государей и управлять ихъ совѣстью. Но Лойола совсѣмъ иначе думалъ о епископскихъ достоинствахъ и никакъ не хотѣлъ дозволить Лезю принять предлагаемую ему императоромъ епископскую кафедру въ Аугсбургъ. Онъ боялся, чтобъ самые даровитые и полезные члены не отдалились отъ интересовъ ордена, занимая высшія духовныя мѣста.

Въ это же время, Игнатій къ двумъ прежнимъ классамъ ордена, членамъ и ученикамъ, присоединилъ еще третій классъ *стороннихъ іезуитовъ* (*jesuites externes*); этотъ классъ назначался для тѣхъ, которые по своему общественному положенію не рѣшались принять обытъ ордена, но не смотря на то, могли быть ему полезны. Отъ того, всѣ прежніе обытъ остались только по имени, и орденъ утратилъ даже свой духовный характеръ: онъ сталъ полусвѣтскимъ. Это обстоятельство послужило (какъ мы увидимъ въ-послѣдствіи), поводомъ ко многимъ спорамъ съ парижскимъ парламентомъ.

Между-тѣмъ, орденъ, при быстрыхъ успѣхахъ своихъ, встречалъ сильныхъ противниковъ, понимавшихъ его духъ и направленіе. Въ Португаліи, обвиняли іезуитовъ за то, что они, обучая въ Коимбрскомъ Коллегіумѣ, поселяли въ юношество понятія, благопріятствующія ордену, но несогласныя съ давно-принятыми обычаями государства. При дворные духовники и хитрость іезуитскихъ профессоровъ успали однакожь отворотить грозу. Въ Испаніи, епископы также не расположенны были къ іезуитамъ, помня ихъ усилія на тридентскомъ соборѣ оправдать злоупотребленія папскаго двора, но зато святая инквизиція взяла орденъ подъ свою защиту, и Лойола успалъ наконецъ при Фердинандѣ II утвердиться въ Нидерландахъ. Въ одной Франціи, орденъ встрѣтилъ сильныя препятствія и чрезвычайно-умныхъ противниковъ. Даже іезуитамъ хотѣлось поселиться въ этомъ государствѣ, чтобъ потомъ проникнуть въ самый богословскій факультетъ, мнѣнія котораго весьма уважались въ католическомъ мѣрѣ. Съ этою цѣлю, Игнатій прибавилъ

къ находившемуся тогда въ Римѣ кардиналу лотарингскому, одному изъ богатѣйшихъ и знаменитѣйшихъ вельможъ Франціи. Кардиналъ обѣщала ему свое покровительство при дворѣ французскомъ и, по возвращеніи въ Парижъ, дѣйствительно сдержалъ свое слово. По его ходатайству, Генрихъ II приказалъ парламенту вписать въ протоколъ (*enregistrer*) королевское повелѣніе, которымъ признавались законными во Франціи всѣ папскія буллы о преимуществахъ ордена, и иезуитамъ дозволялось въ одномъ только городѣ *Парижѣ* выстроить домъ и коллегію для обученія юношества. Парламентъ, не исполняя еще этого повелѣнія, препроводилъ все дѣло на разсмотрѣніе богословскаго факультета и парижскаго архіепископа. Священный факультетъ въ письменно-вложенномъ мнѣніи своемъ объявилъ: что «орденъ присволяетъ себѣ неслыханное до того времени названіе ордена Иисусова»; что «онъ принимаетъ въ свои члены всѣхъ безъ различія, даже людей, «извѣстныхъ своимъ нечестіемъ»; что «онъ не имѣетъ никакихъ обычаевъ и постановленій, которые бы отличали его отъ мірянъ»; что «ему даны многія привилегіи въ ущербъ власти епископовъ и священниковъ»; что «такимъ образомъ орденъ этотъ, поселяя несогласія и ссоры, нарушая подчиненность между духовными властями, не можетъ «быть терпимъ ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ». Архіепископъ парижскій, имѣвшій особенную причину негодовать на иезуитовъ за ихъ мнѣнія, высказанныя на тридентскомъ соборѣ, подтвердилъ заключеніе факультета, прибавивъ, что «такъ-какъ главное назначеніе ордена есть проповѣдованіе Евангелія неварнымъ, то гораздо приличнѣе послать и иезуитовъ, подобно рыцарямъ св. Іоанна Іерусалимскаго, гдѣ-нибудь на границахъ Азіи».

Иезуиты, пораженные этимъ заключеніемъ священнаго факультета и парижскаго архіепископа, удалились въ Сен-Жерменское-Предмѣстіе, которое, въ слѣдствіе привилегіи, данной сен-жерменскому аббату, не было подвѣдомственно архіепископу. Игнатіи писалъ имъ, чгобъ они не отчаявались и продолжали свои попытки;—по ходатайству его, инквизиція осудила мнѣніе парижскаго богословскаго факультета.

Между-тѣмъ, наступила важная эпоха въ исторіи ордена, — смерть Іоаннолы. Необыкновенныя приключенія его жизни, непрерывныя заботы и труды, съ которыми было сопряжено распространеніе ордена, чрезмѣрное истощеніе тѣла—обезсилили отъ природы крѣпкое тѣло Ігнатія. Въ совершенномъ изнѣможеніи тѣлесныхъ силъ, на смертномъ одрѣ, онъ продиктовалъ еще свое сочиненіе «О Добродѣтели Послушанія» и кончилъ свою чудесную жизнь 31 іюля 1556 года.

Таковъ былъ конецъ этого замѣчательнаго человека, о которомъ столь различный судъ произнесло потомство. Одни дѣлаютъ изъ него святаго, другіе приписываютъ ему необыкновенныя таланты. По истинѣ, онъ не заслуживаетъ ни того, ни другаго. Его прославленная святость—не что иное, какъ изступленный фанатизмъ. Какъ Испанецъ, онъ имѣлъ и врожденную гордость, и необузданное воображеніе, которое, во странномъ стеченіи обстоятельствъ, преслѣдовало безсмысленную цѣль и бросило его въ необыкновенныя приключенія, почти вы-

ходящія изъ сферы возможнаго. Подъ конецъ жизни, въ Лойолѣ почти не осталось слѣдовъ прежняго энтузіазма. Разнообразныя заботы по управленію орденомъ, естественно, должны были отвлечь умъ Игнатія отъ небесныхъ видѣній и направить его на дѣйствительность. Живя въ близости папскаго двора, въ то время блистательнѣйшаго въ Европѣ,— Лойола усвоилъ себѣ и тщеславію, и политику, и даже роскошь придворной жизни.

Онъ былъ въ высшей степени необразованъ. Если его орденъ по справедливости можно считать образцовымъ произведеніемъ политики, то этимъ онъ обязанъ не своему основателю, а счастливому стеченію обстоятельствъ, которыя освободили его отъ первоначальныхъ обытовъ— бедности и смиренія и дали ему совершенно противоположное направленіе. Однимъ обязанъ іезуитскій орденъ Лойолѣ — это воинственнымъ духомъ своимъ, который нивѣтъ, впрочемъ, основаніе въ личномъ характерѣ Игнатія, а не въ политическихъ расчетахъ. Махіавелизмъ Ланеза и Акваллавы основалъ универсальное государство по самымъ началамъ глубокой политики. Игнатій никогда объ этомъ не думалъ и не былъ въ состояніи этого достигнуть: релігиозный фанатизмъ, вотъ къ чему онъ настоянно и исклѣчительно стремился. Частое покаяніе, обученіе юношества, посредничество въ дѣлахъ семейныхъ — все это имѣло сперва своимъ источникомъ — религію, а уже при врсенникахъ Лойолы сдѣлалось орудіемъ страшной политики.

Біографы Игнатія приписываютъ ему множество чудесъ; одинъ Рибаданейра, признавая, впрочемъ, его святость, отказываетъ ему въ этомъ дарѣ. Но въ началѣ XVII столѣтія, когда іезуиты готовили апофеозу своего основателя, исторія Рибаданейры была передана, и прежнія ея изданія по-возможности истреблены. Наконецъ, папа Григорій XV, 12 марта 1622, причелъ Игнатія къ лику святыхъ, а нидерландскіе іезуиты сдѣлали на гробъ его слѣдующую замѣчательную надпись:

CUIUS ANIMUS

VASTISSIMO COELESŌI NON POTUIT TOTIUS ORBIS AMBITU

EJUS CORPUS

HUMILI NOC ANGUSTOQUE TUMULO CONTINETUR.

QUI MAGNUM AUT POMPEIUM, AUT CAESAREM, AUT ALEXANDRUM COGITAS

APERI OCULOS VERITATI

MAJOREM HIS OMNIBUS LEGES

IGNATIUM.

(То-есть: «Чья душа не могла помѣститься въ пространство цѣлаго міра, того тѣло заключается въ этомъ смиренномъ и тѣсномъ холмѣ. Если ты считаешь великимъ или Помпея, или Цезаря, или Александра, открой очи истинѣ, и ты увидишь, что больше всѣхъ ихъ Игнатій...»)

Въ краткомъ очеркѣ мы представили здѣсь исторію основанія и перваго распространенія ордена іезуитовъ по самымъ европейскимъ государ

ствамъ. Теперь покажемъ внутреннее его устройство, отъ котораго завися и быстрее его распространеніе, и важная роль, которую онъ игралъ въ исторіи. Это устройство признано всеми за образцовое произведеніе политики; Игнатій безсознательно положилъ ему основаніе и собралъ для него матеріалы, приведенные въ систему другими генералами, въ-особенности Ядромъ Лаенезомъ, однимъ изъ величайшихъ политиковъ своего времени. Ни одно общество въ мірѣ не утверждалось на такихъ прочныхъ основаніяхъ, какъ орденъ іезуитовъ; въ-последствіи, съ умеліемъ увидѣли, что въ государствахъ европейскихъ возстала страшная власть, подавлявшая всю прежнія, законами огражденные власти, — власть, очевидно стремившаяся ко всемірной монархіи. Устройство ордена осталось бы навсегда загадкою для законодателей и государственныхъ людей, еслибъ въ 1584 году, когда іезуиты достигли высочайшей степени могущества, ненапечатаны были конституціи ордена, для употребленія самыхъ старшихъ членовъ. Отъ всѣхъ другихъ онъ былъ тщательно скрываемы.

Орденъ состоялъ изъ слѣдующихъ главныхъ классовъ: 1) послушниковъ или новіціатовъ; 2) учениковъ; 3) коадьюторовъ и 4) профессоровъ.

Послушниками назывались тѣ, которые находились въ наукѣ. Въ продолженіе двухъ, трехъ и болѣе лѣтъ, они были въ полной зависимости отъ старшихъ членовъ, должны были исповодовать имъ грѣхи свои, разсказывать все происшествія своей жизни; такимъ образомъ, священныя іезуиты уравнили ихъ характеръ и способности и, судя по нимъ, назначали новіціатамъ тѣ обязанности въ ордени, къ которымъ они были наиболее-способны. Если же нельзя было ожидать отъ нихъ никакой пользы, то ихъ отсылали назадъ. На основаніи конституцій, нѣкоторые смертные грѣхи служили препятствіемъ ко вступленію въ орденъ, но на это мало обращалось вниманія, и генералъ даровитыхъ послушниковъ разрешалъ вступленіе, какъ бы они грѣшны ни были. После испытанія, послушники вступали въ классъ *одобренныхъ учениковъ*, которые или преподавали въ школахъ или сами еще учились. Имъ не было извѣстно, въ какой классъ они въ-последствіи будутъ назначены. Генералъ могъ посвятить ихъ въ *профессы-четырехъ-объясн.*, которымъ были доступны все тайны ордена, или сдѣлать ихъ *сельскими коадьюторами*, исполнявшими самыя низшія должности.

Третій классъ составляли *коадьюторы*. Въ этотъ классъ можно было поступить и не бывъ одобреннымъ ученикомъ, такъ же какъ можно было сдѣлаться профессоромъ не бывъ коадьюторомъ: все зависало отъ генерала, разсуждавшаго іезуитовъ по классамъ, смотря по способностямъ каждаго. — Кoadьюторы раздѣлялись на *духовныхъ* и *сельскихъ*. Отъ первыхъ требовалось хорошее образованіе, потому-что они были священниками и учителями въ школахъ; изъ нихъ же преимущественно назначались и духовники для людей не знатныхъ; вторые исправляли самыя низшія обязанности при коллегіяхъ и домахъ профессскихъ и не могли быть священниками. Кoadьюторы отказывались отъ права собственности и права наследственнаго въ пользу ордена, т. е. церковей и коллегій

Иезуитскихъ; а сами должны были питаться милостынею; если же найдется при коллегіяхъ или домахъ новіціатскихъ, то получали содержание изъ доходовъ этихъ заведеній.

Обытъ коадьюторовъ совершался публично, но не торжественно, и состоялъ въ бѣдности, целомудріи и славномъ повиновеніи воля генерала.

Между коадьюторами и профессами — четырехъ — обитовъ находимъ посредствующій классъ *профессовъ-трехъ-обитовъ*. Въ конституціи ничего не говорится о классѣ учрежденія этого класса. Профессы-трехъ-обитовъ отличались отъ коадьюторовъ только тѣмъ, что не могли быть священниками или учителями, и притомъ обытъ ихъ не былъ публичный, не сопровождался особенною торжественностью. Основывался на этомъ, французскій генералъ-прокуроръ де-Монларъ въ своемъ сочиненіи «*Compte rendu des constitutions des Jésuites*», полагаеть, что классъ этотъ назначался для тѣхъ изъ святскихъ людей, которые, становясь иезуитами, должны были скрывать это, отчасти для выгодъ самого ордена, отчасти въ-слѣдствіе своего положенія въ обществѣ.

Все эти классы могли и не отличаться одеждою отъ мірянъ.

Последній, самый высшій классъ составляли *профессы-четыреухъ-обитовъ*. Они были основные столпы общества, кости и нервы этого великаго тела (*columnae et fundamenta totius societatis; ossa et nervi hujus magni corporis*); они одна имели активный и пассивный голосъ во всѣхъ собраніяхъ; изъ числа ихъ выбирался генералъ и все высшіе чины ордена; они одни, какъ выразился португальскій король въ эдиктѣ объ изгнаніи иезуитовъ, знали о страшныхъ тайнахъ всѣхъ заговоровъ.

Разумается, отъ иезуитовъ-четыреухъ-обитовъ требовалась огромная учиность, умъ и въ особенности подавление всѣхъ частныхъ интересовъ для интереса ордена, уничтоженіе свободной воли для слѣплаго повиновенія воля ордена. Потому, въ этотъ послѣдній классъ допускались, съ чрезвычайною осмотрительностію, только люди незытанные въ-продолженія многихъ лѣтъ.

Обытъ ихъ отличался тѣмъ, что они казались еще быть въ совершенномъ повиновеніи у папы, кудабы онъ ни послалъ ихъ проповѣдовать Евангеліе. Впрочемъ, эта клятва не могла принести папѣ большой выгоды, потому-что генералъ во всякое время могъ отозвать миссіонеровъ по своему произволу и не спрашивая на то папскаго согласія.

Сверхъ этихъ классовъ, были еще такъ-называемыя *беспровѣрчивыя иезуиты* (*jesuites indifferents*). Имъ не было назначено никакой отдаленной обязанности въ ордень: они должны были беспрекословно повиноваться и исполнить все, что имъ будетъ приказано. Они-то и были самыми опасными иезуитами.

Впрочемъ, не только для постороннихъ, но и для самихъ иезуитовъ не четырехъ-обитовъ навсегда оставалось тайною — кто принадлежалъ къ тому или другому классу. Известно было только, что генералъ, провинціальны и ректоры коллегій были всегда иезуитами-четыреухъ-обитовъ. Въ-слѣдствіе своего полусвѣтскаго характера, ордень иезуитскій имѣлъ то отличие отъ всѣхъ другихъ монашескихъ орденовъ, что генералъ

могъ исключать изъ него тѣхъ членовъ, которые или сдѣлали какое-либо преступленіе, или просто не могли приносить никакой пользы. Даже сами члены, какъ сказано въ конституціяхъ, могли просить генерала о своемъ увольненіи, и отъ него зависѣло разрѣшать ихъ клятву. Тѣ же изъ нихъ, которые самовольно отрекались отъ интересовъ ордена, считались отступниками, еретиками, и ихъ, на основаніи привилегій, данныхъ папою, можно было схватить вездѣ, гдѣ бы они ни находились, и судить судомъ ордена; въ случаѣ надобности, свѣтскія власти, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви, обязаны были давать въ этомъ случаѣ свою помощь по первому требованію иезуитовъ. Уголовнаго кодекса не было у иезуитовъ: для каждаго отдѣльнаго случая, смотря по важности его, или генералъ или провинціалъ, или ректоръ постановлялъ рѣшеніе.

Что касается до организаціи ордена, то онъ состоялъ изъ трехъ главныхъ корпорацій: 1) Изъ коллегій, новиціатскихъ домовъ и резиденцій; 2) изъ профессорскихъ домовъ; 3) изъ миссій. Сверхъ-того, были еще сторонніе иезуиты, особенною тайною клятвою связанные съ орденомъ, но жившіе вне общества иезуитовъ. Въ 1710 году, въ ордена считалось 612 коллегій, 340 резиденцій, 59 новиціатскихъ домовъ, 200 миссій и 20,000 иезуитовъ, кромѣ стороннихъ, которыхъ было огромное количество во всѣхъ странахъ Европы, въ Азіи и Америкѣ, между людьми всѣхъ сословій и религій; къ нимъ принадлежали многія знаменитыя историческія лица, какъ-то: Францискъ Борджиа, герцогъ Кандійскій, Лудовикъ XIV, кардиналъ Рошфуко и некоторые другіе. Профессорскіе дома составляли существенную часть ордена и не могли ничѣмъ владѣть, а резиденціи, коллегіи и новиціатскіе дома составляли часть несущественную и могли приобретать, наследовать и владѣть собственностию движимою и недвижимою. Отсюда объясняется несметное богатство иезуитовъ, не смотря на обѣтъ бѣдности, существенный въ ордена.

Все это огромное цѣло управлялось генераломъ, провинціалами и ректорами или префектами. Генералъ былъ глава ордена, провинціалы — начальники провинцій (иногда заключавшей въ себя по нѣскольку государствъ), а ректоры или префекты — начальники коллегій, профессорскихъ и новиціатскихъ домовъ и миссій. Сверхъ-того, было множество низшихъ чиновъ, которые подчинены были префектамъ, префекты же провинціаламъ, а провинціалы — генералу.

При генералѣ постоянно находились четыре ассистента, назначаемые конгрегаціею ордена, послѣ избранія генерала, и четыре другіе имъ самими избираемые; сверхъ-того, генералъ-секретарь ордена и великій мовиторъ; а при папскомъ дворѣ и при дворахъ католическихъ государей, генералъ-прокураторы ордена, соответствовавшіе посланникамъ. Для каждой провинціи назначался особый визитаторъ.

Общая конгрегація ордена состояла изъ депутатовъ всѣхъ провинцій и всегда собиралась въ Римѣ; кромѣ избранія генерала, она назначала весьма-рядко и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Послѣ смерти генерала, тотчасъ на-время заступалъ его мѣсто генералъ-викарій, имъ

самимъ заранее назначенный, который обязанъ былъ въ известный срокъ созвать конгрегацию для избранія новаго генерала. Избирающие, по примѣру папскаго конклава, запирались въ одной комнатѣ и ничею не употребляли въ пищу, кромѣ хлѣба и воды, до-тѣхъ-поръ, пока не совершатся избраніе.

Власть генерала была пожизненная и неограниченная; онъ назначалъ и отставлялъ всѣхъ чиновниковъ ордена; издавалъ новые законы и отменялъ старыя; въ важныхъ случаяхъ для совѣта призывалъ своихъ ассистентовъ, но мнѣнія ихъ не были нисколько для него обязательны: онъ имѣлъ право принимать и отвергать ихъ по произволу.

Только въ извѣстныхъ случаяхъ іезуиты могли лишать генерала его званія. Случаи эти были слѣдующіе: 1) нарушеніе обѣта целомудрія, 2) отчужденіе имущества коллегій и новиціатскихъ домовъ въ пользу постороннихъ, безъ всякой выгоды для ордена; 3) религіозное заблужденіе. Въ послѣднемъ былъ обвиненъ генералъ Гонзалезъ, когда онъ вооружился противъ ученія о *пробабиллизмѣ*. Только защита папы спасла Гонзалеза отъ мщенія его подданныхъ, для которыхъ система пробабиллизма сдѣлалась любимымъ ученіемъ. Впрочемъ, за всѣ эти преступленія генералъ лишался своего сана только въ такомъ случаѣ, когда преступленіе его выражалось *во-онъ и открыто*. Это выраженіе *во-онъ и открыто* определялось казуистикою самихъ іезуитовъ, болѣе или менѣе находившихся подъ вліяніемъ своего генерала; слѣдовательно, почти-никогда не случалось, чтобъ генералъ былъ публично обвиненъ въ преступленіяхъ.

Всѣ іезуиты подъ страшною клятвою обязаны были доносить другъ на друга. Это постановлено было не столько для того, чтобъ выведывать тайны ихъ частной жизни, сколько для того, чтобъ разъединяя членовъ ордена взаимною недоувѣрчивостію, сдѣлать власть генерала еще неограниченнѣе. Сверхъ-того, провинціалы должны были доносить ему не только обо всемъ, касавшемся непосредственно до ордена, но и о событіяхъ, случавшихся въ разныхъ государствахъ; въ болѣе-продолжительные сроки, ректоры также доносили прямо генералу, который свѣрялъ ихъ донесенія съ донесеніями провинціаловъ. Въ случаяхъ особенной важности, донесенія эти писались цифрами. Въ слѣдствіе этого, генералъ постоянно зналъ о самыхъ тайныхъ происшествіяхъ во всѣхъ странахъ Европы, о силѣ и состояніи различныхъ государствъ, о направленіи умовъ, нерѣдко лучше, чѣмъ сами государи или ихъ министры; сообразуясь съ этими данными, онъ составлялъ планъ своихъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, шпионство и слѣпое рабское повиновеніе были душою и связью всего универсальнаго общества, потому-что она не ограничивалась ни мѣстомъ, ни національностью, ни даже вѣрою.

Переходимъ теперь къ *іезуитскимъ школамъ*, въ которыхъ іезуитизмъ точно такъ же подавляетъ разумъ, уничтожаетъ науку, какъ въ духовныхъ упражненіяхъ, и особенно въ конституціяхъ, онъ подавляетъ волю, уничтожаетъ самобытность человека.

Основатели ордена превосходно поняли умственное направленіе своей

опохи. Они являются въ то время, когда потребность нововведенной сдѣлалась всеобщей, вездѣ развивался духъ анализа и открытій, увлекавшій человечество. Въ этомъ уносилъ наукой, поэзіей, философіей, все стремились къ новой, лучшей будущности. Какъ же остановить, омертвить мысль человѣческую среди ея свободныхъ порывовъ? Если бы общество открыто возстало противъ этого безпокойнаго стремленія умовъ XVI вѣка, то нѣтъ сомнѣнія, вѣкъ не послушался бы его. Іезуиты хорошо поняли эту истину и назвали себя представителями современной науки. Они придавали весь наружный блескъ, все призрачное могущество уму человѣческому, чтобъ кажущимся движеніемъ остановить его истинное развитіе, обезсилить его схоластической гимнастикой и подавить знаніе подъ пылью фоліантовъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, гдѣ бы ни утвердились иезуиты, они тотчасъ же строили церковь и возлѣ нея великолѣпное училище, богатое всѣмъ, что льститъ гордости мысли: манускриптами, библіотеками, физическими и астрономическими кабинетами. Но не увлекайтесь этою блестящею вышностію: подъ нею скрывается пустота и безплодіе.

Само общество опредѣляетъ методу ученія въ своихъ школахъ въ тайной инструкціи профессорамъ, известной подъ названіемъ *Ratio studiorum*. Одно изъ первыхъ положеній этой инструкціи слѣдующее: *Nemo novas introducat quaestiones* (никто не долженъ вводить новыя вопросы). Такимъ-образомъ, все ученіе ограничивалось известнымъ кругомъ вопросовъ, изъ которыхъ нельзя было выводить ничего новаго; тѣ же изъ профессоровъ, въ которыхъ замѣчалось противоположное этому направленіе, немедленно были отставляемы отъ своихъ должностей.

Философія преподавалась по книгѣ Аристотеля, переделанной иезуитами; все важныя вопросы были отстранены, и учениковъ занимали только схоластическими мелочами. Такъ, напр., въ-продолженіе трехгодичнаго курса можно было только три или четыре дня, не болѣе, говорить о Богѣ (*quaestiones de Deo tridui aut quadridui spatium non excedant*). Отнюдь нельзя было заниматься ученіемъ о началахъ (*principia*), субстанціи и вѣчности Божіей. Курсъ такъ-называемой схоластической теологіи продолжался четыре года; у иезуитовъ она называлась *капустникомъ*. Уже одно это названіе показываетъ, какое странное значеніе имѣла эта наука въ иезуитскихъ школахъ: она вся состояла изъ безплодныхъ диспутовъ о мелочахъ, отвлекавшихъ умъ отъ глубокихъ истинъ св. Писанія.

Что касается до эстетики, то здѣсь опять видимъ одну форму безъ всякаго содержанія. Поэзія состояла изъ одной игры словами и рифмами, изъ апологій святыхъ, подражаній эклогамъ Виргилія, нравственныхъ сентенцій и т. п. Такъ, напр., одна изъ стихотворныхъ пьесъ, представляемыхъ за образецъ въ школахъ иезуитскихъ, была эклога подъ названіемъ: «S. Ignatius et primus ejus socius Petrus Faber sub persona Daphnydis et Lycidae». (Св. Игнатій и первый его товарищъ Петръ Фаберъ подъ видомъ Дафниса и Лциды).

Древніе читались только въ отрывкахъ, избираемыхъ ректоромъ, а

исторія преподавалась по учебникамъ, составленнымъ иезуитами, искажавшими факты сообразно тому, какъ нужно было ордену.

Прибавимъ къ этому, что тѣ изъ учениковъ, которые могли быть полезны для ордена, необходимо дѣлались иезуитами даже противъ воли родителей, потому-что на основаніи иезуитскихъ привилегій, утвержденныхъ папою, юноша четырнадцати лѣтъ могъ вступить въ орденъ: естественно, въ этомъ раннемъ возрастѣ, всякое сознаніе и воля уничтожались при такой системѣ воспитанія, и иезуитамъ легко было вынудить согласіе ребенка, ими самими къ тому приготовленнаго.

Вотъ каково было устройство этого знаменитаго ордена, пережившаго великія европейскія революціи! Причина этого очевидна. Въ «Духовныхъ Упражненіяхъ», писанныхъ Лойолою, видны еще слѣды энтузіазма, въ конституціяхъ все холодно и мертво, какъ въ тѣхъ катакомбахъ, гдѣ въ симметрическомъ порядкѣ стоятъ вѣчно-неизмѣнные гробы. Подобно имъ, общество, такимъ образомъ устроенное, можетъ продолжаться долго не измѣняясь, потому-что въ немъ нѣтъ начала измѣненія — нѣтъ жизни. Это Китай, основанный умными людьми.

Во всѣхъ христіанскихъ институціяхъ мы видимъ христіанина и человека; у иезуитовъ — только провинціаловъ, префектовъ, инспекторовъ, экономовъ и т. п. Каждый изъ этихъ чиновниковъ имѣетъ свою обязанность весьма-ясную и определенную; но среди столькихъ должностей и занятій, превосходно-устроенныхъ и между собою связанныхъ, нѣтъ человека и христіанина, нѣтъ жизни. Все основано на предательствѣ и слѣпомъ повиновеніи, уничтожающемъ всякое самобытное развитіе, всякую свободную волю, такъ-что человекъ становится мертвымъ орудіемъ ордена, посохомъ старика, ut senis baculus, какъ выразился самъ Лойола.

Необходимое слѣдствіе всего этого, было развитіе великихъ и подавляющее великихъ дарованій. Въ-самомъ-дѣлѣ — между иезуитами было много искусныхъ политиковъ, умныхъ діалектиковъ, хитрыхъ проповѣдниковъ — и ни одного великаго человека. Орденъ какъ-бы повторяетъ въ своей исторіи жизнь своего основателя. Въ самомъ началѣ, Францискъ Ксавіръ, Родригезъ, Бобадилья еще проникнуты энтузіазмомъ, одушевленными манроэскаго пустынника. Но со втораго поколѣнія, все измѣняется: холодная политика Лаенеза во всей своей зрѣлости переходитъ въ душу Аквавивы и его преемниковъ; даже и теперь всѣми ненавидимое, гонимое, разрушающееся общество произноситъ свое послѣднее слово, и слово это — слѣпое повиновеніе. Таково было завѣщаніе основателя, такова послѣдняя воля и самого общества (*).

(* См. Simple Coup d'Oeil и письма архіеп. бордоскаго и лионскаго и епископа шартрѣскаго, помѣщенные въ разныхъ французскихъ журналахъ.

ЛУДОВИКЪ XV И ЕГО ВЪКЪ.

Статья первая.

Фамилия Бурбоновъ. — Составъ французскаго общества: принципъ крови; дворцы; классы общества, — монашествующіе ордена; дворянство, куртизаны; провинціальныя жантилони, члены парламента, капиталисты, литераторы, мѣщанство, ремесленники. — Публичныя работы; состояніе торговли; компаніи; флотъ. — Министерство герцога Бурбонскаго. — Правленіе Флери. — Частная жизнь Лудовика XV. — Управленіе министерствомъ; учебныя и ученые учрежденія. — Религіозное состояніе общества. — Политическая, философская и литературная школы; литературныя салоны. — Прагматическая санкція. Смерть Карла VI. Маршалъ Бель-Иль. Смерть кардинала Флери.

Продолжительное царствованіе Лудовика XV (*), отъ невиннаго младенчества его до истощенной старости, в общество XVIII столѣтія — вотъ два факта, соединенные другъ съ другомъ внутреннею связью; они проникаются и олицетворяются другъ-другомъ. Общественное движеніе, ниспровергающее настоящій порядокъ вещей, начинается въ эпоху регентства герцога орлеанскаго и производитъ революцію.

Смотря на XVIII столѣтіе съ точки зрѣнія болѣе-высшей, не будемъ безусловно порицать его. Нельзя не признать, что это была эпоха страшнаго разрушенія; она уничтожила старинныя учрежденія, и добрыя и дурныя; это было чудное соединеніе добра и зла. Это разрушеніе уничтожило, конечно, многія злоупотребленія, — кто станетъ отрицать это? Но оно имѣло слѣдствіемъ и замѣчательныя улучшенія, — кто можетъ это оспаривать? Школа энциклопедистовъ расширила кругъ идей, и этимъ она могла оказать услугу человечеству къ преуспѣванію новыхъ поколѣній; но невозможно сыскать другаго общества, которое въ законо-

(*) Лудовикъ XIV, семидесяти-восьми-лѣтній старецъ, умеръ въ 1715 году. Изъ всего многочисленнаго семейства «великаго короля», которое истреблено заправшею во дворецъ смертью, былъ спасенъ одинъ только слабый пяти-лѣтній правнукъ Лудовика XIV. Этотъ ребенокъ былъ Лудовикъ XV, умершій въ 1774 году; онъ царствовалъ 59 лѣтъ.

дательствъ и политикъ произвело бы болѣе идей, разрушающихъ французскую національность. Въ вѣрованіяхъ—сомнѣніе; въ исторіи—скептицизмъ. Философы полны были энтузіазма ко всему чужому, иностранному.

Чтобъ противостать этимъ стремленіямъ, требовались великія усилія, требовалось правительство полное энергіи и силы. И въ этомъ-то отношеніи можно теперь одѣнать Лудовика XV. Его царствованіе повергло о самымъ пристрастнымъ, оскорбительнымъ приговорамъ. Говорить о развращенности этого короля, возгласить противъ испорченности его правительства—сдѣлалось почти исключительною риторическою фигурою. Другая немилость судьбы для царствованія Лудовика XV состоитъ въ томъ, что оно попало въ волевали, что оно представлялось въ театральныхъ эффектахъ, обезображенное, въ румянахъ; какія-то бѣдныя, несчастныя фигурантки, разодѣтыя въ маркизъ, должны были представлять все, что было самаго изящнаго и изысканнаго; и по этому кулиснымъ Помпадурамъ и Дюбарри, при помощи нѣсколькихъ мемуаровъ, полныхъ пристрастія и лжи, цѣлая генералія должна была составить себѣ идею о вѣкѣ Лудовика XV.

Обязанность историка—отвергать, во что бы ни стало, невѣрные, принятые уже мнѣнія. При одѣнъ царствованія Лудовика XV, надо припомнить испорченность его вѣка, трудности, которыя предстояли ему, и то, что Франція въ его царствованіе приобрѣла Лотарингію, герцогство Баръ, Корсику и заключила съ Испаніею *фамилійный договоръ*.

Намъ хотѣлось бы представить по-возможности въ живої картинѣ общество, такъ-сказать, жизнь XVIII столѣтія, и дѣла правительства Лудовика XV,—періодъ, составляющій важный моментъ развитія въ исторіи человечества.

Съ древнихъ временъ, при раздѣленіи исторіи на части, все великіе политическіе или общественные перевороты и событія обыкновенно совпадали съ раздѣленіемъ на вѣковые періоды; и дѣйствительно, кажется, рука Провидѣнія какъ-бы отмѣтила каждыя сто лѣтъ особеннымъ характеромъ: одно поколѣніе сходитъ съ поприща, другое, грядущее, приноситъ плоды сладкіе или горькіе отъ дѣлъ уже умершаго предка. XVII-ое столѣтіе, со временъ Ришельё до Лудовика XIV, было свидѣлемъ мощнаго созданія власти, столь глубоко некогда потрясенной реформациею; за этимъ наступила эпоха славной диктатуры. Въ XVIII столѣтіи, начинается дѣло разрушенія во имя началъ и идей, брошенныхъ въ міръ философіею. Любопытно изучать это умственное движеніе: оно явилось извнѣ—изъ Англіи, Голландіи и Женевы.

Въ Англіи, послѣ событій 1688 года, сдѣлалось возможнымъ обнаруженіе идей философскихъ и политическихъ: поле обширное и полное намѣлетовъ. *Опыты Локка* (*) о *человѣческомъ разумнн* поставили матеріальный сенсуализмъ на место поэтического и религиознаго идеализма

(*) Локкъ род. въ 1632 году, умеръ въ 1704.

Декарта. Литература, философія сдѣлались памфлетомъ; на театрѣ появлялись политическія трагедіи, откуда Вольтеръ позже занялъ «Брута» и «Смерть Цезаря». Англія сдѣлалась образцомъ въ политикѣ; дивились ея конституціи, равновѣсію властей; бредили парламентами, трибуною, преміями; формы англійскаго правленія считались рѣшительнымъ совершенствомъ.

Въ Голландіи, свобода мыслей была еще необузданнѣе: тамъ не было, какъ въ Англіи, единства церкви. Бэль, Французъ по происхожденію, въ своемъ «Словарѣ» не пощадилъ ничего, что дотоле считалось достойнымъ человека. Послѣ него, школы роттердамская и лейденская дѣлаются арсеналомъ всѣхъ идей протестантскихъ и республиканскихъ.

Въ Женевѣ, памфлеты писались не менѣе-смѣлые, но не такъ разкѣ: боялись Франціи, которая могла покорить Женеву въ два два или предать ее въ руки герцогу савойскому, отъ котораго она только-что освободилась. Женевы, въ своей холодной полемикѣ, глухо нападала на католическія учрежденія, связанныя съ французскою монархіею; образовалась женевская школа: образцомъ ея выраженія служатъ Банажъ и Бособръ.

Германія, глубоко-религіозная подъ вліяніемъ необъятнаго ума Лейбница, еще не отделилась на сомнѣнія. Фридрихъ II еще не собиралъ вокругъ себя атеистовъ на ужинахъ въ Потсдамѣ и Сан-Суси; реформація произвела тамъ только проходящую бурю. Въ Пруссіи и Голландіи, образовалась школа французскихъ эмигрантовъ, покинувшихъ отечество по уничтоженіи нантскаго эдикта. Они привнесли на чужбину независимость мнѣній и ненависть къ власти, изгнавшей ихъ. Эта школа изгнанниковъ имѣла въ главѣ своей Банажа, Бособра, ученыхъ труженниковъ, людей съ душою правой. Эмигранты-кальвинисты населяли Голландію, Ганноверъ и въ-особенности Пруссію, которая съ участіемъ приняла ихъ.

И Италия была увлечена идеями вѣка. Въ Неаполѣ, преподавалъ въ это время знаменитый юристъ и философъ, Гравина; еще до него Джіанонъ широкою кистью писалъ исторію. Италия была увлечена въ независимыя изслѣдованія; она разливала по свѣту воспоминанія о форумѣ и Римѣ, преданія о Капитолѣ, трибунахъ и консулахъ; она была живою памятью древности, съ своимъ первенствомъ въ искусствахъ—живописи и вааяніи. Подъ крыломъ Гравины, выросалъ юноша, простой сердцемъ, съ мужественною мыслью—Метастазій, который, гораздо-прежде Альфьери, запѣлъ въ Римѣ и Тосканѣ пѣснь вѣка.

Всѣ эти литературы имѣли сильное вліяніе на французское общество. Въ вѣкъ Людовика XIV, Корнель и Расинъ изучали только древнихъ, и иногда рыцарскую литературу Испаніи. Относительно философіи, Декартъ и Паскаль вчерпали въ души своей и въ чтеніи священныя книги обширныя, возвышенныя концепціи и созданія; въ сомнѣніи, невѣріи они видѣли «пропасть безъ дна», по выраженію Паскаля. Но въ началѣ XVIII столѣтія, мы видимъ другое: герцогъ Вандамъ и принцъ

(*) Бэль род. въ 1647 году, умеръ въ 1706.

Конті становятся во главу малаго общества невѣрующаго. Общество истомленныхъ вольнодумцевъ, старыкъ аббатовъ, собирается у восьмидесятилтней прелестницы Ниномы Ланклó. На ужинахъ, гдѣ брызжетъ въ потолокъ струя ав, говорятъ обо всемъ; жалкое произведеніе, которое приписывали Жану-Батисту Руссо, «Моисеяду», читаютъ съ энтузіазмомъ!

Принцъ Конті сдѣлался покровителемъ этого общества; въ его прелестномъ замкѣ Лиль-Аданъ, посреди лилій и розъ, Шолье, подобно Тибуллу, писалъ свои вдохновенныя пѣсни, которыя съ жаромъ читались вечеромъ при тысячѣ свѣточей очарованнаго острова; время-от-времени, посреди этихъ наслажденій, ударъ апоплексіи поражалъ собесѣдника; съ минуту печалились о немъ, и тотчасъ снова предавались жизни эпикурейцевъ съ беззаботностью, увлеченіемъ,— и все это такъ цпо безварному, безнравственному регенту!..

Въ это время, появляются два человѣка на сценѣ политической и литературной; оба они способны были дать новое направленіе идеямъ и правамъ Франціи. То были Монтескѣ и Вольтеръ. Президентъ Монтескѣ только-что издалъ (*) *Персидскія Письма*, остроумный памфлетъ, очевидную сатиру на времена регентства. Поездъ, Монтескѣ, какъ ученый путешественникъ, посетилъ Германію, Италію, Англію; поскоду ласковый пріемъ могъ возбудить его личный энтузіазмъ къ чужеземнымъ учрежденіямъ. Монтескѣ воспламенился англійскою конституціею, равновѣсіемъ властей и верховною властью парламента,— всѣмъ тамъ, что спеціально приспособлено къ правамъ Англій. И, можетъ-быть, онъ былъ писателемъ самымъ гибельнымъ для французской національности, ея древнихъ учрежденій, обычаевъ и законовъ.

Молодой Аруэтъ, съ самаго вступленія своего въ литературную жизнь, раздѣлялъ это пристрастіе къ иностраннымъ учрежденіямъ. Самые первыя стихотворенія Вольтера дышать идеями, которыя подрываютъ древнія основы общества. Въ его «Апріадъ», бѣдной эпической поэмѣ, исполненной холодной и утомительной декламаціи, всѣ похвалы обращены къ партіи протестантской и Англичанамъ. Онъ посвящаетъ поэму англійской королевы, и на языкъ всегдашнихъ враговъ своего отечества говорить, что «Генрихъ IV одолженъ короною Англичанамъ», и что «ему покровительствовала королева» (**).

Скоро Вольтеръ, подобно Монтескѣ, побываетъ въ Англии и будетъ видѣть съ изумленіемъ во всѣхъ ея учрежденіяхъ достоинство человека и вѣличіе идей политическихъ.

При такомъ движеніи философіи, партія старины сохраняла еще некоторые органы для своей защиты. Посреди газетъ Лейдена и Амстердама и англійскихъ журналовъ, въ которыхъ даровывалъ духъ разрушенія, продолжали издаваться газеты патриотическія (въ истинномъ смѣ-

(*) Въ 1721 году.

(**) «To the Queen, Madam, it is the fate of Henry the Fourth to be protected by an english queen» etc.

ель этого слова): *Французскій Вѣстникъ* (Mercure de France) и *Французская Газета* (Gazette de France) (*).

Противъ энциклопедической партіи во Франціи возникъ знаменитый *Журналъ города Треву* (Journal de Trévoux). Издатели — иезуиты, отличались критикою серьезной, ученой, ядкой, которая стояла гораздо-выше критикъ Фрерона и Дефонтена, столь страшныхъ Вольтеру. Издатели поставили себя въ обязанность блюсти чистоту языка и защищать истину историческихъ фактовъ; они обладали истинною ученостью и глубокими знаніями. Основательно изучивъ древнихъ, проникнутые всамъ величіемъ греческаго театра, они пыгали всякое сценическое произведеніе на огонь своей критики, и «Эдипъ» Вольтера вынесъ одну изъ тахъ критикъ, которыя были такъ губельны для гордости челоуька и тщеславія поэта.

Для удержанія волнъ этого разрушительнаго ученія, употреблялись два средства: цензура, предшествовавшая изданію, т. е. разсматривавшая книги въ рукописи, и духовный разборъ Сорбонны. Но цензура ничего не могла сдѣлать противъ тайнаго ввоза памфлетовъ и иностранныхъ книгъ, которыя проникали во Францію съ неслыханною беззаканностію. Всякое запрещенное сочиненіе, напечатанное въ Брюсселѣ, Женевѣ, Лондонѣ и Амстердамѣ, являлось непременно во Франціи и производило фуроръ; не ждали даже и напечатанія: рукописи ходили по рукамъ. Тогда было обыкновеніе собираться въ салонахъ для литературныхъ чтеній; всѣ слушали автора, бывшаго въ чести и модѣ, какъ лельфийскаго оракула.

Лишь-только сочиненіе, касавшееся предметовъ религіозныхъ, получало извѣстность и дѣлало шумъ, Сорбонна съизила на помощь; диссертация ея были обыкновенно тяжелы, неудобны для чтенія: могли ли она остановить успѣхъ сочиненія, волнаго остроумія и интереса? Парламентъ также въ свою очередь нивалъ обязанность уничтожать дурныя ученія и обыкновенно присуждалъ такія сочиненія на истребленіе рукою палача.

При всеобщей извѣженности умоуь, которые увлекаются энциклопедизмомъ, неудивительно, что художества приняли направленіе чувственное. Лемоанъ, первый, выразилъ это стремленіе Французовъ въ живописи; онъ былъ основателемъ національной «низкой» школы, которую развили Ванлоо (Vanloo) Бушэ, Ваттэ. Пересматривая картонныя этюды великихъ художниковъ, вы можете получить верную идею о нравственномъ состояніи тогдашняго общества. Живописцы, оставивъ классическія формы Рима и Греціи, покидаютъ этотъ прекрасный идеалъ, этотъ типъ въ прекрасныхъ формахъ, и предаются созданіямъ граціознымъ, связаннымъ съ французскою національнію. Чтэ можетъ быть важнее этихъ женщинъ на картинахъ Бушэ: какое богатство колорита! А эти пурпуровыя ста, а атласныя ножи на коврахъ востока! какъ граціозно порхаютъ ти птички или дѣлаются плянницами прелестной дѣвушки! какъ милы

(*) Чтобы изучить описываемое нами время, необходимо сравнивать эти двѣ газеты (которыя сдѣлались теперь очень-рѣдки) съ другими современными иностранными журналами.

эти пастушки, что сгруппировались вокруг широкаго мраморнаго бассейна, куда текутъ журчащія воды, — эти шпалеры жасминовъ и каприфолій, которые змѣются по высокимъ стѣнамъ, уставленнымъ статуями и вазами изъ порфира и краснаго гранита! Эта живопись представляетъ въ картинахъ жизнь чувственную; все привязывается къ нѣгъ и праздности; приворная аристократія разрушаетъ свои старые зубчатые замки и строитъ жилища роскошныя и удобныя — въ миньатюръ Версаль или Марли. Здѣсь, повсюду найдете цѣлый музей медальоновъ, сладострастныхъ группъ, искусственныхъ цвѣтовъ и плодовъ; широкіе шелковые занавѣсы висятъ въ дверяхъ и окнахъ, и придаютъ свѣту дня туманное, очаровательное освѣщеніе. Трюмъ обделаны въ богатыя украшенія; вездѣ разба и шелкъ, живопись и золото, богатый японскій фарфоръ, на столѣ высокіе часы съ золотыми вычурами; стѣны покрыты мраморомъ; все богато и нышно. Эти дворцы украшаются произведеніями скульптуры, въ духъ картинъ Бушэ: амуръ летаетъ вокругъ Венеры, рождающейся изъ морской раковины; грація улыбается улыбкою, которую далъ имъ Гомеръ; а тамъ, въ садахъ, гдѣ дремлетъ праздность, разставлены фавны и дриады.

Эта общественная жизнь, вся въ удовольствіяхъ, получала отъ изящныхъ искусствъ самыя пріятныя ощущенія; поэзія соединилась съ музыкою и танцами; опера производила фуроръ; музыка Люлли была оставлена съ окончаніемъ регентства; началось царство гармоніи Рамбэ; граціозная пляска мамзель Салэ и изумительныя пируеты Камаргэ (*) и придавали еще больше прелести спектаклю. Съ жадностью стремились на эти блестящія представленія, гдѣ разорялись эти расточительныя жантиломы, (**) съдавшіе посреди игръ и смѣха насладіе своихъ предковъ. Потомъ начинались супе (soupers) — ужины, чудныя вечернія собранія, гдѣ остроуміе, вызванное безпрестанными тостами при громогласныхъ оттычкахъ шпучаго ан, мѣшало колкіе куплеты, соблазнительныя рѣчи, самыя дерзкія безбожничества, съ чувственными наслажденіями. Регентъ ввелъ въ моду роскошь и изобиліе на этихъ вечернихъ пиришествахъ. За каждымъ столомъ сядло не болѣе двѣнадцати собесѣдниковъ: мужчины и дамы были вмѣстѣ, перемѣшавшись; столъ убранъ жирандолями, дорогимъ японскимъ фарфоромъ; одежда собесѣдниковъ была граціозна, но не стѣснительна: множество кружевъ, брилліантовъ пудра на парикахъ, что придавало такой блескъ глазамъ, такой чудный видъ расшнуркамъ; иные носили кошельки, черныя галстуки; кофе

(*) Oh! Camargo, que vous êtes brillante!

Mais que Salé est bien plus ravissante!

сказалъ въ восторгѣ Вольтеръ:

(**) Слово «le gentilhomme» или во множественномъ числѣ «les gentilshommes» и болѣе переводитъ словомъ «дворянинъ», «дворяне», какъ въ южнѣмъ не столь широкое значеніе. «La noblesse», «дворянство» — цѣлое почетное сословіе въ государствѣ; оно имѣетъ многіе отбѣнки, какъ показано будетъ ниже. Les gentilshommes такъ называли придворныхъ куртизановъ за ихъ любезности, «жантильнѣе манеры». Эти слова, какъ непереводимыя, мы рѣшились писать по-русски: безъ переводовъ: «жантиломъ», во множ. числѣ: «жантиломы».

ны шелковые или бархатные, смотря по времени года. Дамы также пудрили себя волосы, вплетая въ нихъ жемчугъ и брильянты.

Въ этомъ-то упоеніи, цѣлое общество само, казаясь, трудилось надъ разрушеніемъ учрежденій и древней французской національности; остроуміе философовъ подкапывало основаніе вѣрованій съ упоительною радостью. Принцы, дворяне, духовенство, все рыли пропасть, какъ-будто не для себя. Бываютъ эпохи, когда общество походитъ на пиръ Валтассара; оно погружено въ упоительное самозабвеніе — до пробужденія страшнаго, роковаго, подобнаго тому, какое произведено было огненными буквами на мѣднѣныхъ стѣнахъ чертога ниневійскаго!

Въ галлерейхъ Версаля есть замѣчательный портретъ четырнадцатилѣтняго Лудовика XV, во весь ростъ, писанный знаменитымъ Ватлѣ. Трудно представить себѣ юношу болѣе-благороднаго, болѣе-нежнаго и болѣе-прекраснаго. Молодой король облеченъ мантиею лазореваго цвѣта, вышитою золотыми лиліями; высокое чело, большіе, нежныя и влажныя голубые глаза, густыя черныя рѣсницы придаютъ юношеской физиономіи что-то мужественное: важная наваррская кровь видна въ смѣси съ савойскимъ происхожденіемъ; орляный носъ его принялъ отъ Бурбоновъ только благородное свое очертаніе; уста его граціозны, какъ у младенца. Продолговатое лицо правильно, слегка округляется румяною полнотою первой молодости; эта яркая, блестящая одежда чудно идетъ къ рождающемуся величеству четырнадцатилѣтняго короля. Онъ страдалъ много; отчаялись спасти его колыбель посреди гробовъ всѣхъ членовъ королевскаго семейства; но регентъ употребилъ всевозможныя старанія къ спасенію юнаго короля, и онъ былъ возвращенъ къ жизни.

Робкій и покорный юноша, Лудовикъ XV былъ порученъ Лудовикомъ XIV и регентомъ на воспитаніе аббату Флёрп, епископу фрежюсскому, и полюбилъ его вѣжно, какъ отца, за его любовь и отеческую заботливость. Онъ всегда чувствовалъ антипатію къ Вильурю, своему наставнику, гордому, повелительному, какъ вѣкъ Лудовика XIV, и нисколько не ропталъ, когда регентъ смѣнилъ Вильюра. Лудовикъ XV учился долго, прилежно, и зналъ много; онъ любилъ математику, науки положительныя; его учителемъ былъ знаменитый географъ Делашь; девяти лѣтъ отъ роду, король составилъ самъ трактатъ о теченіи главнѣйшихъ европейскихъ рѣкъ (*). Регентъ заставилъ его присутствовать на важныхъ совѣщаніяхъ вмѣстѣ съ г-жею де-Вантадуръ, и болѣе всего объяснялъ ему дѣла дипломатическія. Король зналъ хорошо политику Генриха IV, Ришелье и Лудовика XIV.

Линія орлеанская была самая приближенная къ трону изъ всѣхъ принцевъ дома Бурбоновъ. Филиппъ, регентъ Франціи, скончавшійся такимъ страшнымъ образомъ, оставилъ сына, который не имѣлъ никакого желанія занять мѣсто отца, по смерти его, до конца регентства. Онъ назывался: Лудовикъ, герцогъ орлеанскій, Валуа, шартрскій, немурскій, Мон-

(* *Traité du cours des principales rivières de l'Europe. Paris, 1718 (imprimerie royale).* Эта книга очень рѣдка.

пансё, первый принцъ крови, пачальникъ французской пахоты. Двадцатилѣтній юноша (род. 1703 г.), онъ весь предался ученымъ занятіямъ и во все не занимался вопросами политическими. Онъ хотѣлъ быть ученымъ; можетъ-быть, примѣръ отца отвратилъ его отъ свѣтской жизни. Восемьнадцати лѣтъ, онъ уже говорилъ по-еврейски, по-халдейски, по-сирски и по-гречески. Онъ съ ревностью изучалъ книги св. писанія, дни и ночи проводилъ въ уединенія, окруженный физическими и химическими инструментами; говорили, будто онъ занимался колдовствомъ и галаніями; въ свободныя минуты, для отдохновенія, рисовалъ и рисовалъ прекрасно; былъ строгъ въ образъ жизни, точенъ въ исполненіи обязанностей.

Линія Кондэ была также близка къ трону. Лудовикъ-Генрихъ де-Бурбонъ, принцъ Кондэ (род. въ 1692 г.) извѣстенъ былъ своею храбростью. Оставивъ поля сраженій съ чиномъ генерал-лейтенанта, онъ былъ назначенъ, во время регентства, председателемъ совѣта и наблюдателемъ за воспитаніемъ короля. Этотъ принцъ былъ настоящій солдатъ, высокій ростомъ, тощій, кривой, съ разко-выдающимися чертами Гасконца, какимъ изображенъ на портретахъ и самъ великій Кондэ. Двое изъ братьевъ его были также членами регентскаго совѣта. Шарль, герцогъ де-Шаролэ (род. 1700 г.), гордый, надменный, мрачный, вѣчно охотившійся въ дремучихъ лѣсахъ, безжалостный. Разсказывались страшныя легенды про этого новаго Робин-Гуда, и про его черный, воронѣнный карабинъ. Графъ Клермонъ (род. 1769 г.), скромный, тихій, сверстникъ короля, участникъ дѣтскихъ игръ его, былъ нѣжно любимъ Лудовикомъ.

Конта, младшая линія фамиліи Кондэ, имѣла своимъ представителемъ принца Конта, извѣстнаго тогда подъ именемъ графа ламаршскаго, отличавшагося своими воинскими подвигами и безбожными шутками.

Всемогущество Лудовика XIV возвысило на степень принцевъ крови его незаконныхъ дѣтей; два сына гордой г-жи де-Монтеспанъ еще здравствовали. Восьма-замѣчательна была супруга одного изъ нихъ, герцогиня дю-Мэнъ (внука великаго Кондэ; род. 1676 года); остроумная, живая, она цѣлыя ночи иногда проводила въ занятіяхъ науками, въ прелестномъ своемъ замкѣ Сд (Sceaux) (*).

Посреди этой фамиліи Бурбоновъ жила въ Версалѣ невеста короля, шестилѣтняя инфантина испанская, ввѣренная Франціи отцомъ своимъ

(*) Вотъ примѣръ остроумія герцогини. Старый маркизъ де-Сент-Оверъ, смѣшной, какъ всѣ осемидесятлѣтніе седлаоны, написалъ ей слѣдующіе стихи:

En vain vous me prêchez sans cesse
 Pour me faire aller à confesse,
 Ma bergère, j'ai beau chercher,
 Je n'ai rien sur ma conscience;
 De grâce, faites-moi pécher:
 Après je ferai pénitence.

Она отвѣчала:

Si je cédais à ton instance,
 On te verrait bien empêché
 Mais plus encore du péché
 Que de la pénitence.

Филиппомъ V, внукомъ Лудовика XIV, какъ залогъ союза обоимъ королевствъ и въ доказательство, что *теперь нѣтъ болѣе Пиренеевъ*.

Каждый изъ членовъ королевской фамилии Бурбоновъ имѣлъ свой роскошный уголокъ для отдохновенія, въ окрестностяхъ Парижа (*). Со временъ фронды, короли не любили Парижа и предпочитали замки, отдаленные отъ стѣнъ столицы. Лудовикъ XIV лучшіе годы своей жизни прожилъ въ Версаль; въ старости, онъ предпочиталъ Марли на высотахъ лѣсистыхъ холмовъ; наконецъ, онъ пріѣхалъ умереть въ Версаль. Лудовикъ XV первые годы младенчества провелъ въ вышкѣ Венсенскаго Замка, а послѣ переехалъ въ Парижъ. Регентъ возвратился съ дворомъ въ Версаль, который съ-тѣхъ-поръ сдѣлался жилищемъ королей. Чудные сады, очаровательные каскады и фонтаны, обширный паркъ, осаженный высокими, вѣковыми деревьями — было гдѣ поохотиться, а это составляло любимую забаву юнаго короля.

Сен-Клу былъ резиденціей орлеанской линіи, Мѣдонъ — резиденціей дофина. Кондѣ имѣлъ дивные замки Шантильи, Монморанси, Ангьенъ, конфискованные неумолимымъ Ришельё у принцевъ Монморанси. Кто бы не промѣнялъ самой блестящей придворной жизни на сладостное уединеніе Шантильи, на эти роскошные дерновые луга, на замокъ, устроенный вѣновь господиномъ-герцогомъ на деньги, собранныя по системѣ Лё (**)! Конти жилъ въ истинно-волшебномъ дворцѣ Лишь-Аданъ: тамъ обширные пруды, рыбныя ловли ночью при свѣтѣ факеловъ, и ночныя пиршества, столь славныя и остроуміемъ и роскошными яствами.

Узакоенные принцы имѣли равнымъ образомъ почти царскіе загородные дворцы: Сё, блистательный садъ герцогини дю-Мэнъ. Въ родѣ Кондѣ была наследственная страсть къ цвѣтамъ, теплицамъ, рощицамъ, гдѣ висѣли роскошными гроздями персидскія лиліи, каприфолія, бенгальскія розы; герцогиня любила идиллическія занятія: поэты въ стихахъ сравнивали ее съ Флорою и Помоной. Графъ Тулузскій (другой сынъ г-жи де-Монтеспанъ) жилъ посреди лѣсовъ Рамбулѣ, куда Лудовикъ XV, еще ребенкомъ, съ радостью пріѣзжалъ охотиться.

Такимъ-образомъ, окрестности столицы были застроены прелестными дворцами, которые населялись принцами крови, дававшими жизнь парижскому загородью; здѣсь проводили они круглый годъ, даже и зиму, въ роскошныхъ палатахъ, а въ Парижъ пріѣзжали рѣдко, по необходимости.

Французская монархія раздѣлялась на сословія, согласно самымъ стариннымъ своимъ учрежденіямъ: король и принцы были во главѣ общества; первымъ сословіемъ было всегда дворянство. Церковь галланская раздѣлялась на бывое, свѣтское духовенство, и монашество. Въ началѣ XVIII столѣтія, духовенство утратило нѣсколько своей благоче-

(*) На разстояніи 20 лье отъ Парижа считалось таинкѣ раздѣланный до 18-вѣ, теперь много пострадавшій отъ времени и рукъ челоѣческихъ.

(**) По неоспоримымъ документамъ, Кондѣ выигралъ въ это время ажіотажемъ семь милліоновъ ливровъ.

тивный характеръ; на высшихъ степеняхъ іерархіи появлялись часто люди безъ призванія къ высшему сану: то были большею частью младшіе члены знатнѣйшихъ фамилій, привлекаемые надеждою большаго дохода (часто до 50 тысячъ ливровъ) и совершенной праздности. Есть много истины въ преувеличенныхъ, впрочемъ, разказахъ о развращеніи придворныхъ аббатовъ...

Монашествующее духовенство составляло огромныя братства, которыхъ целью было врачевать немощи жизни и заживлять язвы общественныя, — отъ смиреннаго капуцина и кармелита, предназначеннаго доставлять врачеванія бѣднымъ, или малѣйшихъ братьевъ (*frères mineurs*), наблюдавшихъ за военнымъ образованіемъ въ школахъ бриенскихъ, до бенедиктинцевъ, стражей науки, и монаховъ въ Ситѣ и Клервѣ, давнишнихъ обработывателей береговъ Саоны, Бургони и Шампани (*). Во главѣ этихъ братьевъ стояли іезуиты и ораторіане — два ордена, захватившіе въ свои руки общественное образованіе, и разделенные между-собою стариннымъ соперничествомъ. Іезуиты, въ это время, уже нѣсколько отклонились отъ строгихъ правилъ Игнатія Лойолы, но еще имѣли въ себѣ три условія всякой іерархіи: покорность орденскому уставу, совершенное подчиненіе настоятелю, чувство папскаго авторитета и единенія въ ядрѣ католицизма. Іезуиты быстро двигали общество на пути къ образованію, применяясь къ нуждамъ цивилизаціи и къ ходу времени. Ораторіане, общество строгое, ясенистское, воспитывало настоящее поколѣніе въ правилахъ недовольства, нравственнаго неспокойствія. Они были католиками, неваря въ верховную и абсолютную единственность римской церкви. Неоспоримо ученые, они были тяжелы въ своихъ знаніяхъ. Впрочемъ, они произвели много людей замѣчательныхъ, напр. Масильона.

Дворянство составляло второе сословіе въ государствѣ. Но въ настоящее время, цвѣтъ французскаго дворянства, т. е. версальскіе придворные и цѣры королевства не могли своимъ происхожденіемъ равняться съ принциами крови, какъ это съ жаромъ доказывалъ герцогъ Сен-Симонъ: явились записки, въ которыхъ разказано генеалогическое происхожденіе блистательныхъ герцоговъ и пэровъ: подозревали, что авторомъ ихъ былъ не кто иной, какъ ученая и остроумная герцогиня дю-Манъ.

Не при дворѣ, а въ провинціяхъ жили старинныя дворянскія дома: въ Нормандіи, Гиенѣ, Пуату, Провансѣ еще существовали знатныя и скромныя фамиліи временъ капетингскихъ, и даже карловингскихъ. Многія изъ нихъ, разоренныя войною, сами обдѣлывали поля. Куртены, взрывая плугомъ неблагодарную землю, тщеславились этимъ, какъ почетомъ; ихъ сыновья, послѣ 25 лѣтъ службы, возвращались домой изуродованные, съ крестомъ св. Лудовика на груди и 600 ливровъ пенсіонъ. Между этими бѣдными дворянами вы бы услышали самыя знаменитыя имена Гиенн, временъ войнъ принца Эдуарда. Версальское дворянство не могло сравниться съ ними своими гербами.

Придворные куртизаны составляли самый блистательный классъ обще-

(*) Въ 1725 году считалось во Франціи 82,000 монаховъ.

ства; дворская жизнь была для нихъ необходимою потребностью, со всею расточительностью на игру, вѣселие, охоту и утонченную роскошь. Было что-то высокое, грандіозное въ этихъ жантиломахъ, любившихъ шумъ свѣтской жизни, бросавшихъ безумно свое достояніе, какъ-будто бы единственное наслѣдіе ихъ предковъ была шпага. Скупость была для нихъ порокомъ ужаснымъ и мало-извѣстнымъ; они разорялись самымъ веселымъ образомъ; воля и примаръ короля были для нихъ закономъ. Лудовикъ XIV любилъ громадныя заданія съ богатыми и пышными украшеніями, и они разрушали свои древніе замки, чтобъ повравиться ему; во времена регентства, они бросали деньги на оперу, на танцовщицъ; и эти-то молодые люди, отъ которыхъ, по-видимому, ничего нельзя было ожидать, кромъ изнѣженности, — при первомъ зву-кѣ трубы, всѣ въ лентахъ, тысячами грудью стояли противъ врага, чтобъ заслужить многостинный взглядъ короля и упоминаніе въ *Сельскомъ Вѣстникѣ* (*).

Члены парламента имѣли совершенно иную характеръ. Занимая высшія должности по государственному управленію, они рѣдко являлись ко двору, и почти всегда цѣлымъ обществомъ; они избѣгали соприкосновенія съ куртизанами; нравы ихъ были строги; семейный кругъ былъ для нихъ святилищемъ, и на домашнемъ алтарѣ пенаты оставались чистыми. Во всѣхъ ихъ поступкахъ проглядывало немного ясеннизма; они были экономны, даже скупы. Многіе изъ нихъ были очень-богаты: д'Анжры имѣли 700 тысячъ ливровъ дохода; д'Аржансоны 250 тысячъ ливровъ. Жантиломы продавали свои замки, помѣстья, вассаловъ: парламентскіе савонники покупали ихъ; такимъ-образомъ, они получали маркизство, графство, женили сыновей на дочеряхъ богатыхъ капиталистовъ, и тѣмъ округляли наслѣдіе предковъ. Въ прекрасныхъ помѣстьяхъ своихъ, подъ роскошными сѣнями садовъ, они проводили время досуговъ, и когда тайное королевское повелѣніе осуждало ихъ на опалу, они въ этихъ чудныхъ убижищахъ отдыхали отъ трудовъ, съ музами и исторіей.

Капиталисты (*les financiers*) разбогатѣли и размножились особенно во время системы Ло: тогда было такъ велико движеніе денежныхъ капиталовъ, спекуляціи такъ живы и прибыльны, что правительство, къ концу регентства, вынужденнымъ напало обложить произвольными налогами людей, такъ чудно и сильно разбогатѣвшихъ. Росписанія этихъ налоговъ сохранились до-сихъ-поръ: они были сдѣланы и приведены въ исполненіе въ-теченіе одного мѣсяца особенною комиссіей. Сумма налоговъ простиралась до 150 милліоновъ ливровъ. Въвѣшь внесъ 600 тысячъ, другіе больше: Романэ 4 милліона 453 тысячи; Антоній Кроза 6 милліоновъ 600 тысячъ ливровъ; народъ былъ въ восторгъ отъ такихъ дѣйствій. Богатые банкиры, Самуилъ Бернаръ, четыре брата Парі (Paris) могли творить чудныя дѣла. Самуилъ Бернаръ въ одну недѣлю могъ собрать капиталы всей Европы; братья Па-

(*) *Mercur Galant.*

ри участвовали при трудной операціи—при переходѣ отъ смѣлой лихорадочной системы Лф къ правильному порядку финансовъ.

Но мнѣніе общественное поражало насмѣшкой капиталистовъ, которые разыгрывали роль жидовъ въ этомъ легкомъ и веселомъ обществѣ. Ихъ безпрестанно выводили на сцену, какъ гордыхъ, высокоумныхъ съ подчиненными, но несчастныхъ мужей и обманутыхъ любовниковъ. Въ оперѣ, капиталистъ былъ Мондоромъ: это было существо, вѣчно-обманутое бѣднымъ, но благороднымъ жантиломомъ, счастливымъ любовникомъ. Министръ ничѣмъ такъ вѣрно не могъ приобрести популярность, какъ предавъ капиталиста или откупщика судебному преслѣдованію парламента. Почти все капиталисты перемѣнили свои простонародныя имена на благородныя титулы, чрезъ покупку, подобно парламентскимъ сановникамъ, прекрасныхъ помѣстій вокругъ Парижа, которыя украшались произведениями всехъ искусствъ. Нѣкоторые изъ нихъ, каковы Эльвецій, Ла-Попелиньеръ, Божонъ, открывали свой кошелекъ бѣднымъ поэтамъ, которые за то славили своихъ меценатовъ.

XVIII столѣтіе заключаетъ въ себя два періода для литераторовъ и ученыхъ: въ первомъ, они нуждаются въ покровительствѣ; во второмъ, они сами покровительствуютъ. Въ царствованіе Лудовика XIV, они получаютъ пенсіи отъ короля какъ люди, принадлежащіе къ придворной прислугѣ; позже, они возстаютъ изъ этого униженнаго состоянія, и идутъ наравнѣ съ жантиломами; короли избираютъ ихъ своими корреспондентами, и Вольтеръ господствуетъ надъ своимъ вѣкомъ. Этотъ переворотъ, давшій уму столь высокое мѣсто въ обществѣ, былъ приготовленъ главами самого дворянства; принцъ Конті, герцогъ Вандамъ, герцогиня дю-Манъ доставили литераторамъ это пѣрство природнаго ума; на ужинахъ своихъ, гдѣ разсуждалось обо всемъ, всякому была предоставлена полная свобода мысли и слова: поэты, колкіи писака имѣли болѣе вѣса, нежели воины и дипломаты; поэты въ особенности производили фуроръ: куплеты, мадригалы, сатира — все это читалось на-расхватъ. Въ кафѣ Прокопа, знаменитой таверніи, вблизи Театра-Комедін, ученые и литературныя новости смѣшивались съ эпиграммами, вдохновенными парами мочки. Нѣкоторые изъ этихъ поэтовъ были очень-бѣдны, довольно-нечисто одѣты, неопрятны, — но все это извинялось, какъ принадлежность оригинальности; другіе имѣли пенсію отъ короля и должности при дворѣ и добивались званія академика, которое тогда нерѣдко попадало въ руки неизвѣстной посредственности. Обширная ученость существовала только въ стѣнахъ монастырскихъ; точныя науки не двигались впередъ, не смотря на направленіе, которое далъ имъ Лудовикъ XV съ такими людьми, каковы Мопертюи и Ла-Кондаминъ. Изящная рѣчь уже много была одолжена Вольтеру; но еще переходъ не совершился вполне отъ вѣка Лудовика XIV къ вѣку Лудовика XV—отъ рабства писателей къ ихъ полной эманципаціи, отъ покровительствуемаго униженія до шумнаго владычества. Посмотримъ, какъ, однажды овладѣвъ обществомъ, философы и поэты сумѣли удержать за собою эту власть.

Сословіе гражданъ, мѣщанство—*bourgeoisie* (*), было образовано изъ всѣхъ элементовъ, невходившихъ въ составъ духовенства и дворянства.

Почти всякое градское общество, буржуазіи, какъ законная корпорація, избираю само членовъ магистрата, старшинъ, синдиковъ, ремесленныхъ головъ. Гербъ буржуазіи, гражданъ, состоялъ въ вывѣскѣ, переходившей отъ отца къ сыну съ завѣтомъ быть честнымъ; въ Улицяхъ Сен-Дени, Сен-Мартенъ или Сент-Онорé видѣлись вывѣски, которыя восходили до XIII столѣтія (**). При въѣздѣ короля въ древнюю столицу, буржуазіи и ея синдикъ заботились встрѣтить его съ великодушными почестями. Сколько радостей и празднествъ въ буржуазіи при рожденіи дофина! Это было самое старое звено, соединявшее тронъ съ народомъ...

Адвокаты, прокуроры, сержанты, подъячіе (*clercs de la basoche*) составляли также часть этого сословія.

Сюда же принадлежали разные цехи ремесленниковъ и артели рабочихъ. Разсматривая произведенія искусствъ и промышленности XVIII столѣтія, нельзя не признать ихъ великаго совершенства; эти ткани, вышитыя золотомъ, унизанныя брилліантами и металлическими блестками, —ткани, которымъ и теперь едва могутъ подражать, эта чудная драпировка кружевъ предполагаютъ искусныхъ ремесленниковъ. Кто можетъ сдѣлать что-нибудь подобное этимъ мѣбелямъ, обдѣланнымъ чернымъ деревомъ и слоновою костью, этимъ трюмо, этимъ богатымъ медальюнамъ, вырезаннымъ тонко, подобно опахаламъ? Какое изящество и роскошь въ этихъ головныхъ уборахъ, въ этихъ брилліантовыхъ ожерельяхъ, въ этихъ рубиновыхъ гроздіяхъ, алмазныхъ колосьяхъ, въ этихъ букетахъ изумрудовъ и перловъ! Чудное искусство покрывало завѣтками и другими вычурами часы и канделябры; фарфоръ тонкій и прозрачный, подобно японскому и китайскому, расписанъ на-манеръ изящныхъ пастушескихъ картинъ Бушэ и Ватто. Вся эти ремесленники составляли корпораціи подъ надзоромъ синдиковъ, покорно выполняли уставы корпорацій и, опрятные, такъ-сказать, патріархальные, жила въ страхъ божіемъ.

Людвигъ XV былъ истиннымъ творцомъ публичныхъ работъ по всему государству. Его правдѣ болѣе всего занимался королевскими резиденціями. Широкія плотины, водопроводы, каналы, мосты, дороги, разведеніе лѣсовъ, —вотъ чѣмъ въ особенности отличалось царствованіе Людвигъ XV; къ этому должно присоединить указы о правильной порубкѣ лѣсовъ, учрежденіе заставъ и таможенъ.

Торговля во Франціи получила большое движеніе со времени Кольбэра. Правительство оказывало ей покровительство и поощряло готовность

(*) *La bourgeoisie*—слово, непереводимое По-русски; при японъ устройствѣ нашей общественной жизни, мы, естественно, не имѣемъ соотвѣствующаго ему термина.

(**) Еще и нынѣ существуетъ въ Улицѣ Сент-Онорé, подъ фирмою *Серебряный-Лезъ*, суконная торговля одного дома, книги и реестры котораго восходятъ до времени Генриха IV.

заводить компаніи. Особенно оно поддерживало некоторые роды промышленности, дотоле небывавшіе во Франціи: такъ поступалъ Лудовикъ XIV, и ему Франція обязана фабриками венеціанскихъ зеркалъ, гобеленовыхъ обоевъ, сврскаго фарфора: въ своихъ паркахъ, король основалъ образцовыя мастерскія и фермы. Духъ компаній скучивалъ огромныя капиталы: образовались компаніи—африканская, обихъ Индій, терр-нѣвскихъ рыболовевъ. Давались важныя привилегіи: чего не сдѣлали для Миссисипи и Канады? Акціи безмярно вздорожали; мечтали объ эльдорадо, о горахъ золота, и общественное легковѣріе отдавалось въ руки шарлатановъ. Въ Королевской Библиотекѣ сохранились весьма-любопытныя гравюры, представляющія богатство и великолѣпіе Канады. Многія изъ этихъ компаній немедленно пали, и отъ этого разорвались тысячи семействъ. Удержались только африканская компанія для добыванія коралловъ и индійская, которая завела свои факторіи на берегахъ малабарскомъ и корамандельскомъ.

Эта торговая система была поддерживасма на востокъ учрежденіемъ консульствъ и храбростью моряковъ. Имя Франціи, вездѣ уважаемое, имѣло значеніе европейское, и прозваніе: *Франкъ*, древнее, какъ крестовые походы, было равнозначаще слову «христіанинъ», «Европеецъ». Великія морскія битвы во время войнъ Лудовика XIV, и особенно бѣдствія при мысѣ Ла-Гогъ (La Hogue) ослабили, почти уничтожили морскую силу Франціи. Мирная политика регента, его дружественныя связи съ Англіей, не позволяли возстановить могущественный флотъ; но элементы къ тому уже существовали; остатки прежнихъ армидъ великаго короля и строившіеся на верфяхъ корабли и суда уже были многочисленны; трудное состояніе финансовъ не позволяло вооружить эту силу; но искусный министръ могъ приготовить все это въ будущемъ; такую задачу задалъ себѣ Морепѣ.

Въ декабрь 1723 года, страшный апоплексическій ударъ поразилъ регента Филиппа-Орлеанскаго. Лудовикъ XV, еще дитя, изъявилъ скорбь живую и непритворную, услыхавъ о такой ужасной кончинѣ дяди. Въ развращенной и безпорядочной жизни регента, невольно удивляешься его нѣжному почтенію и всегдашней преданности къ царскому отроку, спасшемуся посреди ужасной гибели всего своего рода. Филиппъ-Орлеанскій нигдѣ, ни въ советѣ государственномъ, ни въ частной жизни не пзмьнилъ этому чувству почтенія, заставлявшему его коленнопреклоняться предъ тѣмъ, кого онъ называлъ своимъ королемъ и властелиномъ; онъ любилъ говорить о себѣ какъ о подданномъ, чтобъ ясно определять разстояніе, отдѣлявшее его отъ трона. Трудно найти что-нибудь благороднѣе словъ регента при объявленіи имъ совершеннолѣтія короля. Юный умъ Лудовика XV, казалось, понялъ благородные поступки родственника. Онъ любилъ его съ тою нѣжностью, съ какою сирота ловить сладостный голосъ, рѣчи, впервые звучащія его слуху гармоніей сердца; и онъ плакалъ горько о потерѣ дяди. Впрочемъ, жизнь короля по-прежнему все также проходила въ разсыянности; охота была единственнымъ его отдохновеніемъ; онъ предавался ей съ какими-то неистовымъ восторгомъ. Эти упражненія укрѣпляли его тѣло; около восьми часовъ въ

день онъ былъ на конѣ, въ кавалькадѣ съ графомъ Клермонъ, принцессами Кондэ, Шаролэ, одѣтыми Діанами или амазонками съ маленькой шляпкой на головѣ, съ пикой въ рукѣ; смѣлыя и безстрашныя противъ оленя и кабана, онъ такъ были воспроизведены искуснымъ Ванло на его картинахъ. Инфантина, будучи едва шести лѣтъ, слѣдовала внимательно за охотою, сидя на колыньяхъ г-жи де-Вантадуръ, въ крытомъ, наподобіе кареты, кабріолетѣ.

По объявленіи совершеннолѣтія короля, имѣвшего только четырнадцать лѣтъ отъ-роду, собственно регентство уже кончилось; герцогъ орлеанскій занималъ постъ перваго министра, и это мѣсто оставалось вакантнымъ по его смерти. Король былъ такъ молодъ, что не могъ имѣть павѣренія управлять самъ государствомъ. Рѣшено было ввѣрить первое министерство принцу крови. Сынъ герцога орлеанскаго, какъ мы уже видали, едва двадцати-лѣтній юноша, мало заботился о политикѣ, влѣвшійся въ глубокомысленныя занятія. Надо было избрать главою совѣта принца ближайшей линіи, и правителемъ государства былъ избранъ старшій изъ фамиліи Кондэ—господинъ герцогъ (*monsieur le duc*), котораго характеръ мы уже изобразили.

Герцогъ бурбонскій, принявъ званіе перваго министра, увидалъ, что ему необходима подпора епископа фрежюсскаго, который пользовался довѣренностью короля. Аббатъ Эркюль де-Флѣри, епископъ фрежюсскій, назначенный, по завѣщанію Людовика XIV, воспитателемъ юнаго короля, обладалъ обширными и многосторонними свѣдѣніями; рѣчь его, краткая и убѣдительная, доходила прямо до сердца ребенка; глубоко-набожный, онъ былъ полонъ той таинственной любви къ небу, которая увлекаетъ невольно; простой въ обхожденіи, онъ шелъ прямо безъ мелкихъ интригъ къ своимъ цѣлямъ, постигъ робкій характеръ Людовика XV и ощущаемую имъ необходимость имѣть всегда при себѣ руководителя, и овладѣлъ юною душою короля, чтобъ вести его къ благу. Въ аббатѣ Флѣри, семидесятилѣтнемъ старцѣ (*), ребенокъ-король, напитанный чтеніемъ св. писанія, видѣлъ нѣчто подобное первосвященнику, сохраняющему во храмѣ тронъ и невинность младенца-даря Іоасса. Известный художникъ Койпель (Coypel), проникнутый этою мыслію короля, такъ воспроизвелъ въ своей картинѣ Людовика XV. Герцогъ бурбонскій отдалъ аббату Флѣри дѣла духовныя, весьма-важныя въ то время.

Герцогъ орлеанскій провелъ последнее время своей жизни, приводя въ порядокъ финансы, столь сильно поколебленную системою Ло. Съ умомъ прямымъ, смѣлымъ, воспримчивымъ, онъ прельстился идеями Ло. Хотя онъ и пожертвовалъ генерал-контролеромъ, тѣмъ не менѣе былъ убѣжденъ, что не идея изобрѣтателя была ложна, а ложно то преувеличеніе, которое получила она во Франціи, гдѣ все обращается въ страсть. Система общественнаго кредита и государственныхъ ассигнацій была прекрасна сама-въ-себѣ; Англія уже испытала счастливыя ея слѣдствія. Уже поговаривали о вызовѣ Ло изъ Венеціи, гдѣ Монтескьѣ проздомъ видѣлъ его, не понявъ и не оцѣнивъ этого гениальнаго человека. Мы

(*) Онъ родился въ 1633 году.

сказали, какъ Кондэ воспользовались спекуляціями Улицы Кенкапуа (Quincampoix). Герцогъ былъ въ сношеніяхъ съ самыми богатыми, самыми значительными банкирами, братьями Парі, Самуиломъ Бернаромъ и Пленѣфомъ, котораго дочь вышла за маркиза де-При. Сдѣлавшись главою правленія, герцогъ еще болѣе сблизился съ этими банкирами и капиталистами, чтобъ уврачевать болѣзненное состояніе государственнаго кредита—самую живую, глубокую рану тогдашняго политическаго устройства. Эти банкиры, которыхъ Вольтеръ и энциклопедисты такъ плохо трактовали, можетъ-быть лучше многихъ своихъ современниковъ постигали правила политической экономіи и финансоваго права. Народъ терпѣлся въ объясненіяхъ изумительнаго ихъ богатства. Говорили про черную курицу съ золотыми яичами, которая составила счастье почтенному старину Самуилу Бернару... народъ во всемъ необыкновенномъ предполагаетъ причину сверх-естественную, даже колдовство; онъ готовъ постигнуть все, кромѣ мысли гениі.

Посредницею между герцогомъ и банкирами—капиталистами, была маркиза де-При, одна изъ тѣхъ граціозныхъ женщинъ регентства, какихъ воспроизводилъ на своихъ картинахъ Бусшэ. Часто встрѣчаемъ это внимательство женщинъ въ дѣла чрезвычайно-важныя; обыкновенно, это приписываютъ капризу, ослѣпленію, но ошибаются; обыкновенно оно раждается отъ обстоятельствъ, которыя понять и которыми овладѣть могутъ и умѣютъ только женщины; искусныя посредницы, онѣ умѣютъ легче сглаживать шероховатость вопроса. Не будемъ входить въ изысканія, была ли г-жа де-При владычицей сердца господина-герцога; этому легко повѣрять: она была молода, прекрасна, съ большими голубыми глазами, чудными черными волосами, имѣла стройный гнѣбкій станъ, — удивительно ли, что герцогъ могъ долго быть ею очарованъ? Она была дочь извѣстнаго капиталиста Пленѣфа; положеніе ея, какъ посредницы между банкомъ и герцогомъ, доставило ей огромный кредитъ и значительную силу.

Цѣнность государственныхъ ассигнацій пала; надо было прибѣгнуть къ другимъ финансовымъ мѣрамъ. Первая изъ нихъ состояла въ двухпроцентномъ сборѣ съ ежегоднаго дохода всѣхъ имуществъ, безъ различія; вторая — въ увеличеніи номинальной цѣнности денегъ. Эку въ 5 ливровъ, луидоръ въ 20 и 40 ливровъ были перечеканены въ томъ же количествѣ металла и считались — эку въ 6 ливровъ, луидоръ въ 24 и 48 ливровъ; такимъ-образомъ было покннуто удобное старинное десятичное счисленіе. Но вскорѣ припасы и всѣ товары дорожали и равновѣсіе прежнее между цѣнностью монеты и потребленіемъ возстановилось. Правительство сначала выиграло, при перечекаиваніи монеты; но вскорѣ оно, какъ первый потребитель, подверглось общей участи: перемена названій была безуспѣшна.

Западная Европа внимательно слѣдила первыя дѣйствія герцога бургонскаго. Пслѣ великихъ войнъ Лудовика XIV, въ Европѣ повсюду царствовалъ мѣръ; состояніе финансовъ не позволяло новыхъ военныхъ движеній.

Король испанскій, Филиппъ V, внукъ Лудовика XIV, никогда совершенно не отказывался отъ своихъ правъ на корону или регентство во

Франціи. Всякій разъ, какъ Лудовикъ XV былъ боленъ, испанскій полманникъ обязанъ былъ доносить своему двору вся ужасныя новости, предвѣстницы смерти. Разсказывали даже, что минутное отреченіе Филиппа V отъ трона испанскаго и его удаленіе въ уединеніе имѣли цѣлью въ то время — возвращеніе его личныхъ правъ на наслѣдство французскаго престола. Этимъ объясняется холодность между Филиппомъ V и герцогомъ орлеанскимъ; когда обѣ стороны сблизились трактатомъ, испанская инфантина появилась въ Версалѣ, какъ невеста юнаго короля; по ей было тогда невступно четыре года (*).

На конгрессъ въ Камбрѣ этотъ вопросъ былъ взвѣшенъ со стороны Франціи. Въ это же время, австрійскій домъ, вытѣсненный изъ Испаніи Бурбонами, сблизился съ нимъ, врагомъ своимъ, противъ Франціи. Причина ясная: австрійскій императоръ Карлъ VI, сильно-занятый мыслию передать по смерти корону своей дочери, Маріи-Терезіи, пожертвовалъ бы всѣмъ на свѣтъ за признаніе его *праиматической санкціи* (акта о наслѣдствѣ дочери); а Филиппъ V мечталъ о коронѣ Франціи.

Въ версальскомъ кабинетѣ было положено избрать королю иную супругу, которая могла бы оставить потомство; семилѣтняя инфантина на тольго оставила бы этотъ вопросъ нерѣшеннымъ. Епископъ ержежскій указалъ на Марію Лещинскую, дочь изгнаннаго польскаго короля.

Бьялиция, какъ Славянка, съ прекрасными голубыми глазами, Марія (**), бѣдная и скромная, никогда и не мечтала быть супругою вѣнценосца; набожная и покорная провидѣнію, она молила Бога ниспослать ей силу выполнить столь высокія и трудныя обязанности.

Роскошныя празднества предшествовали бракосочетанію, совершенному въ древнемъ соборномъ храмѣ Страсбурга. Версалѣ былъ полонъ великолѣпіемъ; шестнадцатилѣтній король вступилъ въ бракъ съ двадцатилѣтнею принцессою; но Марія Лещинская была прелестна — и король чувствовалъ весь восторгъ юности, вырвавшася на волю, который жаждетъ любви. Королева была граціозна въ своемъ польскомъ костюмѣ, который она ввела въ моду въ жестокою зиму 1725 года. Вездѣ только и видно было, что короткія польскія одежды, опушенныя кунницею и соболемъ; самыя молодыя, самыя прелестныя женщины катались на сѣняхъ, украшенныхъ бубенчиками, по каналамъ и прудамъ Версаля.

Вскорѣ послѣ того, во Франціи совершился важный переворотъ. Власть герцога бурбонскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и финансовая его система пали. Все вниманіе герцога было обращено на приведеніе въ порядокъ общественнаго долга. Для поправленія системы бумажныхъ денегъ, надо было прибѣгать къ частымъ налогамъ и долгамъ; двухпроцентный сборъ поднималъ жалобы въ провинціяхъ. И такъ, по прошествіи двухъ лѣтъ, надо было измѣнить систему, чтобъ удовлетворить народному желанію.

(*) Черезъ десять лѣтъ, не ранѣе, могъ заключиться бракъ; король Франціи, болѣзненный, слабый, могъ, по расчетамъ, прожить недолго и не оставить потомства; тогда путь къ наслѣдству былъ бы открытъ.

(**) Ей было невступно 20 лѣтъ, когда она пріѣхала во Францію. Она род. въ 1703 году.

Король достигалъ семнадцатилѣтняго возраста; въ немъ замѣтна была только страсть къ охотѣ: цѣлые дни онъ проводилъ съ сворами собакъ, и оленемъ. Во дни болѣзненной его слабости, ему присоветовали это упражненіе, какъ лекарство, и вскорѣ оно обратилось въ страсть; это было для него подобіемъ войны. Онъ особенно любилъ охотиться въ Рамбульѣ, гдѣ жилъ графъ тулузскій; здѣсь, въ обществѣ графини, маршала Виллара и епископа фрежюскаго онъ проводилъ по цѣлымъ недѣлямъ; здѣсь-то доносили ему о всеобщемъ ропотѣ на герцога бургонскаго и г-жу де-При. Къ двухпроцентному сбору присоединились и другія бѣдствія: въ тотъ годъ земля была поната наводненіями, жатва пропала; угрожалъ голодъ; хлѣбъ продавался въдесятеро дороже обыкновеннаго; парижскіе горожане съ великолѣпною процессіей изъ храма въ храмъ переносили раку съ мощами св. Женевиевы; небесный гвѣзъ смягчился; но бѣдствіе оставило глубокіе слѣды; народъ проклиналъ герцога, и при этихъ-то обстоятельствахъ маленькое общество Рамбульѣ рѣшилось убѣдить короля свергнуть опеку капиталистовъ и герцога, чтобъ управлять самому.

Герцогъ не ожидалъ этого; онъ такъ связалъ государственную политику съ финансовыми операціями, что надѣялся на прочность своей власти; очевидно, еслибъ позволили братьямъ Парі дѣйствовать свободно, общественный долгъ былъ бы значительно уменьшенъ, и не отяготѣлъ бы на потомствѣ Лудовика XV. Но ропотъ былъ слишкомъ великъ, и въ Рамбульѣ рѣшено было кончить это дѣло. Предлогъ къ опалѣ герцога былъ законный: «Король горитъ нетерпѣніемъ самъ взять въ руки бразды правленія и не хочетъ болѣе имѣть перваго министра». Лудовикъ XV самъ не осмѣлился объявить объ этомъ герцогу, будучи по приросту весьма-робокъ. Но все уладилось: герцогъ получилъ приказъ удалиться въ Шантильи и ждать королевскихъ повелѣній; маркиза де-При и братья Парі были равнымъ образомъ удалены (*).

Рѣшительное намѣреніе Лудовика XV лично управлять государствомъ было только предлогомъ къ удаленію герцога бургонскаго.

Однакожь аббатъ Флѣри не принялъ предложеннаго ему званія перваго министра, хотя и остался главою государственнаго управленія (1726—1743).

Время смѣлыхъ системъ миновало; епископъ фрежюсскій былъ такъ умеренъ, такъ робокъ, что не могъ продолжать финансовыя операціи герцога и братьевъ Парі; онъ хотѣлъ болѣе всего возстановить порядокъ, равновѣсіе между доходомъ и расходомъ, безъ займа и увеличенія налоговъ. Въ политическомъ отношеніи, Франція, какъ и вся Европа, наслаждалась миромъ, по всеобщему недостатку финансовыхъ средствъ. Франція

(*) Франгузы, вѣчные каламбуристы, говорили, между-прочимъ, по случаю опалы герцога:

«On écrit d'Angleterre qu'en France il y a eu un orage si furieux, que l'on n'y voit plus de Paris (братьевъ Парі).....»

«Le calme étant revenu, le royaume de France est devenu si Fleury qu'il n'a plus de Prié.»

ыла союзницею Англіи, которую усыпить Вальполь, и ровно ничего не выигрывала отъ этого союза.

Лудовикъ XV, въ двадцать лѣтъ, быть чистъ и непороченъ сердцемъ, въ которомъ напрасно было бы искать слѣдовъ испорченности временъ регентства; царственный отрокъ, казался, жилъ въ какомъ-то святилищѣ: регентъ употребилъ все стараніе, чтобъ удалить короля отъ собственныхъ ороковъ: такъ развращенная мать съ нѣжностью, съ безпокойною заботливостью старается отвести дочь отъ своего собственнаго заразительнаго ризира. Послѣ женитьбы, привычки и развлеченія короля не измѣнились: о-прежнему, онъ страстно любилъ охоту. За вечернимъ супѣ, который ато продолжался за полночь, при блескѣ свѣтъ, онъ освобождался отъ быкновенной робости, дѣлался веселымъ, невзыскательнымъ собесѣдникомъ. Потомъ, игра настала очень-жаркая; принцъ, жантиломы, придворныя дамы, все бросали на зеленое поле горсти золота; тысячи люстры отакали въ трюмъ и венеціанскихъ зеркалахъ; чудныя ткани висѣли въ веряхъ; художнически-сдѣланныя мѣбели были чудво расписаны; японскій фарфоръ, богемскій хрусталь отражали въ себя тысячи огней. Король гралъ съ жаромъ, любилъ выигрывать — и великодушные куртизаны разолись охотно. По-прежнему, Лудовикъ XV съ удовольствіемъ проводилъ время въ Рамбулѣ, среди самаго любезнаго общества, любилъ роскошный толь и вина графа тулузскаго: здѣсь въ совершенствѣ была постигнута метода виконта Бешамеля, повара регента, и его новѣйшая гениальная выдумка ставить шампанское въ ледъ, а бордо въ воду теплую, какъ южное олице, золотящее покрытые виноградниками холмы Мелока и Сен-Жювена.

Посреди столькихъ употѣльныхъ соблазновъ и прелестныхъ женщинъ, ороль, къ удивленію всѣхъ, сохранилъ чистую любовь къ супругѣ. Марія Лещинская родила сперва принцессу, потомъ еще двухъ дочерей-близнецовъ; вскорѣ родился сынъ — дофинъ; въ пятый годъ брака, родилась еще дочь — герцогъ анжуйскій. А королю всего было отъ роду 21 годъ! Дивились, какъ можно быть такъ постояннымъ. Вѣкъ былъ развращенъ, и кто, крокъ отшельника, могъ бы воспротивиться этому общему направленію? Все приближенные, начиная отъ герцога Ришельё до герцоговъ жеврскаго и Эпернонъ, составили, такъ сказать, заговоръ противъ добродѣтели короля, писали противъ него канцоны, эпиграммы. Королева, набожная, кроткая, мать пятерыхъ дѣтей, не могла наполнять собою все мысли молодого Лудовика, исполненнаго пламеннаго, кишучаго воображенія. Посреди удовольствій охоты, на этихъ вечернихъ пиршествахъ, гдѣ вино въ обиліи влосъ въ хрусталь саксонскій, уже интриги стали занимать короля, интриги кратковременныя, какъ ночь, посвященная удовольствіямъ; но любовь оролевы преобладала надъ этими мимолетными восторгамъ. Вскорѣ дворскія хроники могли болтать о привязанности болѣе-прочной, болѣе-серьезной. Г-жа де-Мальи, изъ славнаго рода Нелей (Nesle), двадцатилѣтняя престолица, была желаніемъ двора: королю увидѣлъ ее въ одну изъ минутъ острого, посреди волшебной ночи, когда упоеніе праздника смѣшивалось съ огнемъ любви. Вскорѣ эта интрига стала извѣстною, и г-жа де-Мальи изъ придворной дамы сдѣлалась госпожою при дворѣ. Съ-этихъ-поръ,

жизнь Лудовика XV дѣлается болѣе-разсвѣнною; онъ часто оставляетъ Версаль, получаетъ вкусъ къ маскарадамъ и венеціанскимъ праздникамъ, ночью оставляетъ дворецъ и спѣшитъ въ Парижъ.

Лудовикъ снова подвизается въ любовныхъ походахъ; но г-жа де-Мальи, владычица его сердца, мало заботится о томъ: она ведетъ себя очень-скромно, боясь оскорбить взоры королевы своимъ присутвіемъ. Сказывали, что она любила въ Лудовикъ человека столько же, какъ и короля, и дни его текли такимъ-образомъ счастливо. Скука и пресыщеніе, эти двѣ фурии, ужаснѣйшія самой смерти, еще не вкрались въ его душу; но онъ приближался съ своею безпощадною казнію. Таковъ былъ дворъ. Управление оставалось въ рукахъ епископа фрежюскаго, который, по ходатайству короля, сдѣлался кардиналомъ. При дворѣ мечтаютъ, что онъ достигъ славы Ришелье и Мазарини, и вотъ герцоги жеврскій и д'Эпернонъ, любимцы короля, замыслили заговоръ противъ кардинала. Флѣри удовольствовался тѣмъ, что удалилъ ихъ отъ двора; онъ не былъ непреклоненъ, какъ Ришелье къ Сен-Марсу — не хотѣлъ, чтобъ ихъ завѣты головы пали на эшафотъ: времена и характеры были другіе...

Въ это время, уже начали развиваться великія и полезныя учрежденія царствованія Лудовика XV; повсюду возникали памятники, свидѣтельствовавшіе о славу Франціи и короля ея, — творенія, оставляющія надолго память о государяхъ; онъ начерталъ своей рукою планъ военной школы, гдѣ юноши получали общественное воспитаніе, подлѣ ветерановъ, пришедшихъ дожить свой вѣкъ въ Домъ Инвалидовъ; назначены три лагера для манѣровъ, по примѣру комьпенскаго. Мужалъ и олотъ. Эскадра, подлѣ начальствомъ Гранпрѣ, смирила Триполь, корсары разсыяны; Триполійцы отправили депутатовъ къ Лудовику XV, подобно какъ Алжирцы преклонились предъ трономъ Лудовика XIV.

Литература и науки дѣятельно поощрялись; мысль о торговлѣ соединялась съ учеными предпріятіями; устроена школа восточныхъ языковъ; бібліотека обогатилась рукописями на языкахъ персидскомъ, турецкомъ и греческомъ.

Королевскій Садъ сдѣлался пособіемъ для науки. Садъ Растеній (Jardin des Plantes) былъ устроенъ роскошно. Король далъ собственноручное предписаніе преподавать при этомъ садѣ ботанику и естественную исторію. Въ этомъ онъ имѣлъ помощниковъ въ кардинала Флѣри и молодомъ Морепа, человекъ съ многообразною дѣятельностью. Угодить королю можно было, занимаясь его любимыми науками — математикою, астрономіею, географіею. На блестящихъ собраніяхъ въ Рамбульѣ былъ задуманъ важный проектъ — опредѣлить видъ земли наблюденіями у полюса и экватора; для исполненія этого проекта, графъ Морепа представилъ королю Мопертюи и Ла-Кондамена. Оба академика отправились въ одно время — послѣдній въ Перу; въ ученой свитѣ его находился знаменитый ботаникъ Жюссѣ. Мопертюи похвалъ на самую сѣверную оконечность Лапоніи. Посреди разсыяностей двора, король часто любопытствовалъ знать о донесеніяхъ этихъ ученыхъ, и повѣрялъ по-временамъ ихъ опыты на парижской обсерваторіи, твореніи своего прадеда, Лудовика XIV. Замѣчательно, что издержки на эти предпріятія были на счетъ собственныхъ королевскихъ доходовъ,

и планъ начертать рукою самого Лудовика XV, подобно тому, какъ позже Лудовикъ XVI самъ написалъ инструкцію Ла-Перузу.

Уничтоженіе навтскаго эдикта избавило Французовъ отъ протестантизма; но въ нѣдрѣ католицизма возникли секты. Послѣдователи ученія Янсенія, янсенисты, исказили высокое ученіе христіанства; они признавали одну благодать: по ихъ мнѣнію, долгъ христіанина состоялъ въ молитвѣ, испрашивающей благодать свыше безъ личныхъ заслугъ и добрыхъ дѣлъ просящаго: стало-быть, они уничтожали свободу дѣйствій, изъ чего вышли бы страшныя послѣдствія для нравственности чело­вѣка и цѣлаго общества.

Въ смыслѣ политическомъ, янсенизмъ былъ оппозиціей противъ могущества и верховной власти римскаго первосвященника, и безпрестанно воз­тавалъ противъ буллъ папы. Члены парламента разделяли эти мнѣнія. Янсенисты были упорны, строги, проникнуты особенными идеями о судьбѣ чело­вѣка. Умы самые возвышенные — Паскаль, Николь, высокіе въ сво­ихъ мысляхъ, были исполнены печали, грусти и отчаянія; они могли раз­рушать; но воссоздаваніе не было ихъ цѣлью; они довольствовались тѣмъ, что приводили душу въ отчаяніе сомнѣніемъ.

Иезуиты, напротивъ того, величайшіе непріатели янсенистовъ, исповѣ­ывали идеи совершенно-противоположныя. Они, безъ сомнѣнія, призна­вали благодать, искушеніе грѣховъ чело­вѣческихъ заслугами Спасителя; ю вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдовали совершеннѣйшую свободу поступковъ, отсюда ихъ ученіе о возмездіи и наказаніи и живыя, цвѣтистыя карти­ны нравственности, которыя, при воспитаніи, они внушали душамъ онымъ. Чело­вѣкъ, по ихъ ученію, свободенъ и можетъ надѣяться на прощеніе милосердаго Создателя.

Въ политическомъ отношеніи, Лойола проповѣдывалъ великую теорію власти и покорности іерархіи. Янсенисты повторили: «галликанская цер­ковь»; иезуиты провозглашали: «церковь римская»; одни говорили св. Се­еринъ и св. Медаръ; другіе—Пантеонъ и св. Петръ.

Янсенизмъ нашелъ себя многихъ послѣдователей. Флѣри, епископъ, упо­коленный папою, и, въ-послѣдствіи, кардиналъ, долженъ былъ под­ерживать иезуитовъ и папскую буллу *Unigenitus*. Парламентъ, проникну­ый духомъ оппозиціи, въ этой распрѣ янсенизма мечтавъ найти поде­лительныя противъ законной власти короля. Мѣщанство было увлечено ян­сенизмомъ и наполняло собою двѣ старинныя церкви, св. Северина и св. Гедара, истинныя метрополія жаркихъ послѣдователей Янсенія.

Не будемъ входить въ подробности споровъ обѣихъ партій, ни въ раз­казъ о чудесахъ діакона Парі (Paris), разглашаемыхъ янсенистами, и о моноизаціи иезуитами Маріи Алакокъ (Alacoque), ни въ изслѣдованіе со­азнательной исторіи отца Жирара и Лакадьеры. Иезуиты осмѣивали про­звниковъ и по ихъ ученію брались доказать невинность Картуша, въ то время казненнаго за разбой.

Противъ папской буллы *Unigenitus* сенезскій епископъ Соаненъ (Soanen) написалъ книгу, подобно тому, какъ сдѣлалъ это незадолго предъ тѣмъ сончавшійся діаконъ Парі.

Кардиналь Фяэри созвалъ въ Анбрёнъ (Embrun) соборъ, подъ председательствомъ Тенсэна, епископа анбрёнскаго.

Но не смотря на то, что книга Соанена была признана богопротивною, яansenисты со-дня-на-день дѣлались шумнѣе; особенно шумѣли члены парламента; но приняты были рѣшительныя мѣры, и однажды ночью яansenисты были схвачены и развезены, по назначенію кардинала, кто въ Бастилію, кто въ дальнія провинціи; оставлена часть членовъ, необходимая для непрерывнаго хода дѣлъ. Также смирилась и Сорбонна, и стала метать въ яansenистовъ молніи своей эрудиціи и тезисовъ.

Наконецъ, надо было подѣйствовать и на толпу, которая цѣлыя днѣ тѣснилась на кладбищѣ св. Медара, вокругъ могилы діакона. Церковь и кладбище приказано было запереть, и отрядъ конныхъ полицейскихъ солдатъ разгонялъ хромыхъ и слѣпыхъ, обманутыхъ надеждою исцѣленія и ложными слухами яansenистовъ.

Между-тѣмъ, какъ католицизмъ былъ въ борьбѣ съ ничтожными мнѣніями яansenизма, опасность болѣе существенная для общественнаго вѣрованія проявилась въ самомъ ядрѣ французскаго общества: умы болѣе-глубокіе, могли уже слѣдить за новымъ направленіемъ литературы XVIII столѣтія — направленіемъ роковымъ и гибельнымъ для старыхъ нравовъ, обычаевъ и вѣры предковъ. Во времена прошлыя, въ царствованіе Людовика XIV, философскія идеи были подъ вліяніемъ ученій Декарта, Мальбранша, и несколько-позже подъ вліяніемъ генія Лейбница: Декартъ — политическій мыслитель, съ самымъ живымъ, съ самымъ прѣстѣпнымъ воображеніемъ; Мальбраншъ — защитникъ врожденныхъ идей независимости духа отъ ощущеній и матеріи; наконецъ, Лейбницъ — это возвышенный мудрецъ, подчинившій всѣ теоремы, положенія чистаго разума, вліянію идей религіозныхъ.

Теоріи этой школы могли быть не всѣ равно справедливы, равно оправданы, но всѣ онѣ уступали достоюжное мѣсто религіи, вѣрованію; онѣ не вызывали сомнѣній.

Въ началѣ XVIII столѣтія, эти теоріи слабѣютъ постепенно и въ-послѣдствіи совершенно исчезаютъ; являютъ немедленно нивы, чтобъ потрясти настоящій порядокъ: онѣ матеріализируютъ, охлаждаютъ общество; философская система Локка презрительно отвергаетъ врожденные идеи, — душа все чувствуетъ чрезъ чувства, посредствомъ ощущеній. Этотъ матеріализмъ прилагается Ньютономъ ко всей физической природѣ. Въ области анализа и исторической критики, Бэль (Baile) и Банажъ (Baspagne) производятъ на душу тоже самое разочарованіе: они служатъ выраженіемъ скептицизму, изсушающему и убивающему челоука; всякое вѣрованіе кажется имъ излишнимъ, неразумнымъ: «вѣра прививаетъ ложь къ нашей мыслительности, и отъ-того мы блуждаемъ въ изысканіяхъ истины».

Эти-то чуждые источники дѣлаются основами школы XVIII столѣтія, которая была обновленіемъ теорій XVI вѣка: эта школа, впрочемъ, не была во Франціи собственностью свободной частной или національной дѣятельности; это было великое похищеніе, подражаніе тому, что философы и скептики писали въ Англіи и Голландіи. Отнимите словарь Бэля

энциклопедистовъ, что останется у нихъ своего собственнаго? Отдадимъ Ньютона и Локка отъ философіи Вольтера, и что станется съ этимъ, читателемъ, съ этимъ человекомъ, полнымъ душевнаго жара и остроумія? Ищите Монтеस्कье сочиненій Гоббса, Гравини и самого Маккиавеля, и вы найдете мало новаго и смѣлаго въ твореніяхъ знаменитаго президента. Школа французская, въ высшей степени остроумная, сохраняетъ однако вой собственный типъ, этотъ немеркнущій колоритъ изящнаго вкуса, который улучшить и украсить все, — этотъ порядокъ мыслей, эту точность выраженія, наконецъ эту методу, — что все составляетъ жизнь твореній гения. Вся читаютъ Вольтера, никто не заглядываетъ въ Бэля, а между-тѣмъ источникъ — тамъ; это значить, что великій чародѣй ко всему коснулся своимъ золотымъ жезломъ; идеи и факты остались бы на вѣки погребенными въ пыльныхъ книгахъ, еслибъ живой разумъ не сумѣлъ вывести ихъ на свѣтъ Божій.

Трудно найти писателя такъ мало народнаго, какъ Вольтеръ (*). Ускорбленный во Франціи нѣкоторыми несправедливостями, онъ, въ цвѣтъ своего таланта, совершилъ два путешествія — въ Голландію и Англію. Въ Лейденѣ и Амстердамѣ, онъ попалъ въ кругъ идей скептическихъ, республиканскихъ и глубоко проникся ими; онъ пришелъ ему по-сердцу; онъ изучаетъ Бэля, Банажа, отъ нихъ заимствуетъ методу нападокъ на книги св. писанія и христіанства; соцініанецъ въ Англіи, онъ посѣщаетъ высшее общество, особенно виговъ, и съ ними изучаетъ Локка, Ньютона, Шекспира. Вся сочиненія его этой эпохи отзываются такимъ направленіемъ. Вольтеръ пристрастился къ идеѣ и формѣ британскаго правленія, и, возвратясь во Францію, написалъ трагедію «Брутъ», а въ слѣдъ за нею и другую «Смерть Цезаря». Вольтеръ облекъ республиканскіе ужасы въ звучные стихи, во весь чары чуднаго слога, и общество при-

(*). Вотъ любопытный современный портретъ Вольтера (1736):

Г. де-Вольтеръ роста ниже высокаго; т. е. немножко-выше средняго. Онъ худъ, сухаго темперамента, жолчелъ; лицо его истощено, выраженіе остроумное и насмѣшливое; глаза блестящіе и злые. Весь жаръ, проникающій его творенія, проявляется во всѣхъ его движеніяхъ; живой до вѣтренности, онъ въ безпрерывной подвижности изумляетъ своей неутомимостью. Человѣкъ такого сложенія обыкновенно часто хвораетъ, — онъ веселъ по природѣ, серьезенъ по дѣлу, весь наружи безъ откровенности, хитеръ безъ тонкости, обходитель безъ дружества; онъ знаетъ свѣтъ и забываетъ его; утромъ Аристиппъ, вечеромъ Диогенъ; онъ любитъ знатность и презираетъ знатныхъ, непринужденъ съ ними, не свободенъ въ обхожденіи съ равными; онъ начинаетъ съ учтивости, продолжаетъ холодною и оканчиваетъ отвращеніемъ; онъ любитъ дворъ и скучаетъ тамъ; чувствительный безъ привязанности, сладострастный безъ страсти, онъ ни къ чему не привязывается по выбору, а привязывается ко всему, смотритъ на обстоятельство; разсуждая безъ ищанья, его разсудокъ имѣетъ припадки, подобныя сумасшествію другихъ людей; съ умомъ прямымъ, сердцемъ непрямымъ, онъ думаетъ обо всемъ и надо всѣмъ смѣется; волюдоумецъ безъ характера, онъ умѣетъ также проповѣдовать нравственность, не имѣя добрыхъ нравовъ; тиселавный до крайности, но еще болѣе корыстолюбивый, онъ работаетъ менѣе для славы нежели для денегъ; онъ жаждетъ до нихъ и любитъ золото; наконецъ онъ торопится работать, чтобъ снѣшить жить; онъ созданъ наслаждаться и хотеть нажитья. — Вотъ каковъ этотъ человекъ.»

Т. ХХІІ. — Отд. II.

4/2

ило въ себя эти идеи и превратилось въ республиканскую арену, не обращая вниманія на румяна, пудру и кружева.

Неутомимый труженикъ, Вольтеръ задалъ себя задачу проповѣдовать скептицизмъ и сомнѣнiе; онъ выполняетъ ее, облакая свои идеи самыми блестящими формами; самые граціозные стихи предназначены вперять въ сердце женщины правила, противныя христіанскому ученію, которыя, однако, служатъ къ эманципации женщины. Онъ поражаетъ всеми своими сарказмами Декарта и Мальбранша. «Душа ничто безъ посредства чувствъ», говоритъ онъ и, для доказательства, ставитъ младенца ниже щенка; человекъ, рождаясь, знаетъ меньше животнаго, потому—что имѣетъ меньше инстинкта; онъ развивается только чрезъ ощущенія. И все эти идеи матеріализма высказаны съ увлекательнымъ жаромъ въ тучъ насмѣшекъ, переиначившихъ съ предметами серьезными и возбуждающими живой интересъ, за тѣмъ, чтобъ она были понятны душамъ простымъ и умамъ выспреннымъ. Но Вольтеръ является еще болѣе роковымъ для своего отечества, громко проповѣдая свою привязанность къ Англичанамъ. Читайте его письма объ Англичанахъ; если онъ не осмѣливается еще въ присутствіи Бурбоновъ высказать вполне мысль свою о революціи 1688 года, о результатахъ отъ водаренія дома ганноверскаго, то безъ притворства прославляетъ свободу, философію, учрежденія Англіи; тамъ только и мыслить, тамъ только и чувствуютъ, тамъ только и пишутъ: такъ и король — патриотъ, и подданные граждане.

Вольтеръ выпускаетъ въ свѣтъ свои извѣстныя сочиненія, относящіяся къ поэзіи и исторіи — къ поэзіи «Храмъ Вкуса» и «Дѣвственницу», къ философіи и исторіи «Размышленія о Человѣкѣ», «Подражанія Пону и Аддисону», и наконецъ первый статьи «Философическаго Словаря», ничто въ родѣ сокращенія Бэля, — сочиненіе, долженствовавшее столь глубоко повредить варованіямъ. Въ «Храмъ Вкуса», независимо отъ пристрастія къ людямъ, на всякой страницѣ мелькаетъ насмѣшка, уничтожающая вѣру, даже въ генія; Паскаль названъ почти-сумасшедшимъ, Боссюетъ едва замануть. Вольтеръ раздаетъ славу и съ гордостью садится судьей въ святилищѣ вкуса. Это игра ума, странная по своему. Не чѣмъ оправдать «Дѣвственницу Орлеана», какъ не излишествомъ того скептицизма, который хотѣлъ перепробовать все орудія и воспользовался однимъ изъ главнейшихъ — насмашкою? Въ летописяхъ французской монархіи, что можетъ быть трогательнѣе змизода юной дѣвушки, которая посвящаетъ себя на освобожденіе отчизны отъ Англичанъ? Все благородно въ этой павшей легендѣ, и начинанія Жеанны (Jeanne), и ея мощная борьба, и геройская кончина на кострѣ. И изъ всего этого, Вольтеръ составилъ непрерывный рядъ сарказмовъ. Жанна Арская и Дюмуа служатъ для поэта предметами сарказма и соблазнительныхъ насмѣшекъ.

Въ историческихъ картинахъ Вольтера нѣтъ никакого величія, никакого возвышеннаго взгляда. Въ его первыхъ «Опытахъ о правахъ народовъ» (*Essais sur les moeurs des nations*) видна разочарованіе въ томъ, что составляетъ преданіе французской національности; въ немъ нѣтъ энтузіазма къ фактамъ древнихъ хроникъ отечества, къ героизму среднихъ вѣковъ. Ему

неоплатно время взрваній; для него оно же что иное, какъ эпоха мрака, недостойная изученія философа.

Президентъ Монтескйё одаренъ былъ болѣе-глубокимъ историческимъ чувствомъ; послѣ блестящаго своего произведенія «Персидскихъ Писемъ», онъ погружается въ сочиненіе книги серьезной, «Духъ Законовъ»; отрывки изъ этого творенія онъ читаетъ у г-жи де-Тансенъ (Tencin) и собираетъ для него тысячи замѣтокъ въ своихъ путешествіяхъ. По смыслу и развитію первыхъ главъ, можно проникнуть въ объемъ цѣлаго творенія. Въ главѣ, посвященной законодательству вообще, англійскій духъ, сенсуалистская школа Локка владычеству въ мѣстѣ съ скептицизмомъ Бейля.

Въ эту эпоху начинать господствовать направленіе къ обобщенію познаній, къ энциклопедіи; обширна, всемірна мысль — всеобщее изученіе фактовъ; это сравненіе законовъ, нравовъ народовъ приноситъ выгоду неоспоримую; кодификація, сводъ знаній — мысль, увлекающая все възырнувшіе умы, но многіе спрашиваютъ: при этой всеобщности свѣданій чѣмъ становится Франція? Можно отвѣчать: «школа энциклопедическая глубоко повредила чувству французской національности».

Въ то время, поднялась рѣзкая критика на произведенія философовъ, и умнѣйшіе люди, какъ Вольтеръ, испытывали отъ ней много безпокойствъ. Читайте его «Письма»: еще за-долго прежде, чѣмъ Фреронъ напалъ на его философію, что возмущаетъ Вольтера? Аббатъ Дефонтевъ, его антагонистъ. Отъ-чего Вольтеръ такъ сильно боится критики? Отъ-того, что онъ подымается въ общедоступномъ родѣ литературы, легкомъ и блестящемъ; онъ живётъ только похвалою; отнимите у него очарованіе — знаменитость его, общественное значеніе пострадаютъ отъ этого; ему нужна слава вездѣшная, которую онъ направляетъ по своему произволу за тѣмъ, чтобъ рождахи ея крыльевъ слышны были по всей Европѣ.

Но это еще не эпоха абсолютнаго матеріализма, какой проповѣдуетъ и распространяетъ школа барона д'Ольбаха, Гельвеція, Дидро; есть еще уважаемая религія; принуждаютъ себя, глядятъ другъ-на-друга, Регентство ослабило религіозный духъ вѣка Людовика XIV, но шествіе даже антирелигіозныхъ ученій имѣетъ свои правила; оно не диспровергаетъ ничего; его задерживаютъ то серьезною проповѣдью, то какими-нибудь стихами, разбросанными тамъ-и-сямъ въ какой-нибудь трагедіи: адкій памфлетъ появится послѣ: теперь господствуетъ сенсуализмъ, школа Локка и Ньютона, возобновленіе ученій Лукреція, матеріализмъ, возведеній въ принципъ, въ начало. Нѣсколько-позже, эта эпикурейская философія Лукреція нашла себя сильнаго противника въ особѣ кардинала Полиньяка, посланника при дворѣ римскомъ: это поэтъ, съ изощреніемъ и звукою чистотою владычущій языкомъ Вергилія. «Анти-Лукрецій», посреди ученій матеріализма, открываетъ великія судьбы человечества. Но къ-несчастью, это сочиненіе написано на языкѣ мало-извѣстномъ и безполезно ослѣдось въ рукахъ немногихъ такъ-называемыхъ ученыхъ.

Сверхъ-того, когда общество принимаетъ извѣстное направленіе, ничто не можетъ остановить его. Отсюда это увлеченіе ко всѣмъ удовольствіямъ, пляшущимъ воображенію и потрясающимъ чувства опера дѣдается радужнымъ дѣломъ цѣлая генерация людей занимается балетами и танцовщицами

ми. Балетъ былъ тогда болѣе въ модѣ, нежели умъ, какъ бывало во всѣ эпохи порчи нравовъ: торжество мимики въ Римѣ современно паденію цѣлаго государства.

Французская комедія была подобно оперѣ, важнымъ дѣломъ; королевскіе актёры очень важничали; имъ насаждалъ Вольтеръ, что они стоить болѣе жантльомонъ, и что въ Англии ихъ собратія погребается въ гробницы королей. Они чуть непопали въ товарищи академикамъ, которые, жалъ 24 су, испросили позволеніе даромъ присутствовать при представленіяхъ; а актёры, въ замѣнъ того, получили назначенныя мѣста при засѣданіяхъ академіи.

Сколько сочиненій, бывшихъ тогда въ ходу, теперь умерло! сколько славы погребло подъ рукою неумолимаго времени! Смерть и всегда смерть намъ и нашимъ созданіямъ; покольнія плутъ и уносятся подобно песку морскому. Нужно всё остроуміе Вольтера, его изумительная плодотворность, чтобъ не допустить публики покинуть французскую комедію для оперы и балетовъ. Огонь остроумія, кажется, меньше оцѣненъ, нежели грація тѣла; въ эпоху сенсуализма ницуть сильныхъ ощущеній и картинъ; матеріализмъ не ограничивается одними религіозными предметами.

Итальянцы уже издавна были людьми привилегированными во Франкціи; короли имѣли всегда вокругъ себя для развлеченія пѣвцовъ и шутовъ; Медичисы, призванныя ко двору французскому, усилили этотъ вкусъ, подобно тому, какъ, позже, инфантинны ввели въ моду испанскія комедіи, въ царствованіе Лудовика XIII. Въ пьесы имѣли свои собственныя извѣстныя дѣйствующія лица, которыя говорили на сценѣ *lazzi*, эниграммы и тѣмъ до-упада смѣшили придворныхъ: вотъ *il dottore* и Колумбина, вѣчные тишны, т. е. безпокойная старость, которая стережетъ и бранится, и бышенная юность, которая дышетъ любовью и свободою! Арлекинъ, счастливый любовникъ и плутъ; Полишинель, беззаботный и шумный мужъ; паяцъ-любовникъ, покорный судьбѣ и вѣчно-обманутый, находящій утѣшеніе въ обжорствѣ и макаронахъ: таковы дѣйствующія лица итальянской сцены. Видоизмѣните все это, если угодно, иными положеніями и иными костюмами; — вы здѣсь найдете общій типъ всѣхъ водевилей и даже данныя для высокихъ комедій; этотъ типъ остался и въ новѣйшія времена. Большая часть итальянскихъ пьесъ состояла сначала въ пантомимахъ, потомъ допущенъ былъ монологъ; діалогъ явился послѣ, и тогда-то *lazzi* напали на смѣшную сторону нравовъ современнаго общества. На театрѣ *à la Foire* впервые появился водевилъ съ пѣніемъ, что возбуждало большія хлопоты. Королевская музыкальная академія защищала свою привилегію пѣнія, и только послѣ долгихъ споровъ было позволено пропѣть нѣсколько куплетовъ, съ аккомпаньманомъ скрипокъ, басовъ и флейтъ. Здѣсь, на театрѣ *à la Foire*, подобно какъ на сатурнальяхъ римскихъ, слышались грубыя слова, злые эпитеты, которые не представляютъ нынѣе никакого интереса; часто этотъ театръ дѣлалъ заимствованія у итальянскихъ комедій, у арлекиновъ, у скарамусей, у Пьерро и у Колумбинъ, и при всемъ томъ лучшее общество присутствовало при этихъ представленіяхъ, которыхъ соль исчезла для насъ, — а почему? потому-что формулы и эпитеты, которые соединяются съ извѣстными эпохами, проходятъ

внѣсть съ ними; то, что въ одно время возбуждаетъ живѣйшій интересъ, становится непонятнымъ въ другое время: эти идеи уже сгладились и другіе нравы являлись съ новыми оцущеніями. Платвъ и Эниій не были уже болѣе понимаемы въ Римѣ при императорахъ.

Въ эту эпоху много было пиши колкимъ эниграммамъ, насмѣшливымъ куплетамъ, пѣснямъ; но какъ не было свободы тишенія, и какъ запрещенъ былъ ввозъ памфлетовъ изъ Лондона, Амстердама или Женевы, то надо было довольствоваться тайною, непечатною поэзіею и стихами, которые декламировались на роскошныхъ ужинахъ. Сказать правду, изъ политическихъ памфлетовъ не было болѣе-колкаго, болѣе-исполненнаго дерзости и желчи, какъ «Флиашики» Лагранжа Шанселя, столь извѣстныхъ во время регентства. Враги герцога орлеанскаго знали этотъ пасквиль наизусть, и Испанія способствовала къ его распространенію. Эта привычка къ ходячимъ по рукамъ памфлетамъ не исчезла. Царствованіе Людовика XV начиналось; правленіе кардинала Флѣри возбуждало зависть и негодованіе. «Флѣри губить короля; не стыдно ли, что Франція управляется школьнымъ учителемъ? Ришльё и Мазарини изучали искусство управленія, но Флѣри—гдѣ изучалъ онъ это искусство? Сдѣлались министромъ, какими людьми окружилъ онъ себя?» Памфлетисты поощади только Сен-Флорантена и Морепя, бывшихъ тогда въ наилучшихъ отношеніяхъ съ партіей философовъ. Превозносили похвалами герцога орлеанскаго и герцога дю-Манъ, надежду недовольныхъ.

Въ одномъ эдиктѣ памфлетъ говорили про Людовика XV: «долго ли онъ будетъ рабомъ дерзкаго прелата, не совершить ли иныхъ подвиговъ, «вромъ осады воротъ св. Медара?» Появилось письмо, будто-бы написанное великимъ кардиналомъ Ришльё къ герцогу Ришльё, его внуку. Непреклонный министръ Людовика XIII обращается такъ къ народу съ рачью о Флѣри, который домогался тогда быть, по смерти, погребеннымъ въ Сорбоннѣ, подлѣ великаго кардинала: «Что сдѣлалъ добраго этотъ призракъ «министра? Я согласенъ, пусть погребутъ его въ церкви Сорбонны, но «выройте оттуда мое тѣло, и положите куда вздумается: вездѣ ему будетъ лучше, нежели подлѣ такого человека.»

Если въ эту эпоху не было журналовъ, утренняго чтенія, за то эти злые очерки, эти пѣсенки, эти куплеты не умирали между близкими друзьями; было тысяча средствъ сообщенія, — легкомысленное общество само предавалось этимъ запретнымъ плодамъ остроумія и злословія. Была чудная минута, когда все могло быть сказано и позволено; это за супѣ, за ужиномъ, когда при блескѣ тысячи свѣчъ, шипящее аи переполняло бокалы; тогда запирались двери, наступало время lazzі, стивиковъ, или эдиктъ эниграммъ противъ всего заветнаго. Здѣсь вознаграждали себя за свѣтскія принужденія: знали, что между благородными ханталомами не можетъ быть доносчика. Тогда нѣчего было бояться Бастиліи.

Если собранія въ публичныхъ мѣстахъ, какъ, на-примѣръ, въ Кафѣ Прокопа, были посѣщаемы одними только бѣдными постами, которые помогались дароваго билета въ партеръ Комедіи, за то салоны высшей литературы првлекали къ себѣ весь лучшій цвѣтъ, весь знамени-

тости Франціи и Европы. Вкусъ въ сходствахъ, гдѣ блистало остроуміе, сохранился; на нихъ женщины играли важную роль послѣ отемъ Рамбуръ, на которую такъ жестоко нанедалъ Мольеръ въ своихъ «Смѣшныхъ Прелестнацахъ» (*les Précieuses ridicules*).

Въ первый періодъ XVIII столѣтія, три салона, особенно открытыя для литераторовъ, благоприятствуютъ ихъ карьерѣ, развиваютъ ихъ важность: это салоны г-жи де-Тансень маркизы де-Шатле и г-жи де-Жофренъ. Эти три женщины имѣли рѣшительное вліяніе на XVIII столѣтіе, впрочемъ, чѣмъ оно было совершенно поглощено партией, которой энциклопедистовъ. Клодина-Александрина де-Тансень (род. 1681 г.) была сестра Тансена, епископа авбренскаго, послѣ — діонскаго, посвященнаго наконецъ въ кардиналы, — прелата очень-умнаго и искуснаго. Будучи почти ребенкомъ, г-жа де-Тансень, монахиня Монфлёрійскаго-Монастыря, не чувствовала никакого привація къ жизни вдовы; она протестовала и приняла титулъ канониссы въ Нёвилль (*Neuville*), откуда приѣхала въ Парижъ; граціозная прелестъ, умъ живой и веселый, привлекли къ ней много поклонниковъ; ея салонъ открылся для философской партіи, не самой жаркой и рѣшительной, но холодной, эгоистической, подозрительной, которой представителемъ былъ Фонтенель. Г-жа де-Тансень блистала во время регентства; поговаривали даже, что она была въ связи съ регентомъ и вмѣшалась въ систему Ло; сказывали, что она была матерью д'Аламбера. Въ ея салонѣ можно было всегда видѣть Фонтенеля и Монтескьё. Сюда стонались посмотреть и послушать; она имѣла характеръ ровный, никого ни ненавидѣла, ни любила, почти-такъ же, какъ Фонтенель; она писала много и ей Франція обязана была слезливою исторіею графа Комменжа, которая извлекала слезы у читателей XVIII столѣтія.

Въ обществѣ г-жи де-Жофренъ было болѣе свободы. Марія-Тереза де-Жофренъ (род. 1699 г.) и была невысокаго происхожденія. Отецъ ея, камер-лакей супруги дофина, пустился въ спекуляціи во время системы Ло, и разбогатѣлъ. По выколѣ замужъ, рѣшительный вкусъ ея къ литературѣ, къ разговорамъ съ остряками, открылъ ея салонъ всѣмъ, сколько-нибудь отличавшимся умомъ отъ толпы. Здѣсь-то нуждающіеся литераторы находили себѣ помощь и опору и легкое сообщеніе съ лютыми вельможами, которые, собираясь въ этотъ салонъ, могли чѣмъ подкупать. Г-жа де-Жофренъ умѣла искусно управлять разговоромъ, дѣлая его общимъ и давая способъ говорить всѣмъ, что составляетъ самый совершенный тактъ хозяйки дома; она въ-особенности владела искусствомъ умѣнья жить, которое состоитъ въ томъ, чтобъ важнаго поставить на свойственное ему мѣсто и самой держаться на плоскости. Она путешествовала по Польшѣ и Австріи. Въ этомъ салонѣ можно было услышать все дерзкія, безбожныя рѣчи энциклопедистовъ. Г-жа де-Жофренъ не любила выходовъ противъ религіи и часто удерживала такіе разговоры, но не хотѣла вовсе лишиться свое общество и принужденности.

Ничего этого мы не встрѣтили бы у маркизы де-Шатле, педантки и сухой ученой, какъ называетъ ее Жанъ-Батистъ Руссо. Она была до-

черью барона де-Врётель (род. въ 1706 г.). Съ необыкновенною любовью она ревностно принялась за изученіе языковъ и легко изучила итальянскій, латинскій, англійскій; еще ребенкомъ, она любила переводить *Виргиліа*; въ пятнадцать лѣтъ вышла замужъ за маркиза дю-Шатлэ, который оставлялъ ее богатую вдовою. Тогда-то она принялась за изученіе астрономіи, физики и химіи. Ея салонъ былъ открытъ для умниковъ того вѣка; въ убъжище ея, въ Сирэ (Cirey) скопились философы, поклонявшіеся англійскимъ идеямъ. Г-жа дю-Шатлэ вовсе не имѣла доброты и увлекательности г-жи де-Тансенъ и г-жи де-Жофренъ; холодная эгоистка, съ жаждою славы, которую трубила ей Вольтеръ въ стихахъ своихъ, г-жа дю-Шатлэ была центромъ энциклопедической школы; около нея группировалось все, что безбожная литература имѣла въ себѣ наиболее дерзкаго; скука царствовала въ Сирэ и въ парижскихъ салонахъ г-жи дю-Шатлэ; она переводила Локка и Ньютона, увлекалась не столько собственнымъ вкусомъ, сколько модою.

Такимъ образомъ, литература не превратилась еще въ открытую борьбу противъ религіи; партія философъ еще не укрѣпилась. Старое общество еще могло защищаться; общее увлеченіе еще не дошло до того, чтобъ могла обнаружиться страшная война противъ алтарей и древнихъ учреждений. Въ другой половинѣ XVIII столѣтія, безбожіе проповѣдуется открыто Дидро, д'Аламберомъ, Гельвеціемъ и барономъ д'Ольбакомъ, которые провозглашаютъ господство матеріи.

Послѣ продолжительныхъ войнъ Лудовика XIV, глубочайшій миръ царствовалъ въ европейскихъ кабинетахъ, — многіе вопросы разрѣшались безъ оружія, политикою; но гигантское тѣло Европы переполнилось жизненными силами и чувствовало необходимость въ обычныхъ періодическихъ кровопролитіяхъ. Много было причинъ къ войнѣ посреди всеобщей тишины, и одна искра, сверкнувшая съ севера, воспламенила весь государственный. Мы уже сказали о бракѣ Лудовика XV съ дочерью безземельнаго короля Станислава Лещинскаго, этого палатина, сделаннаго королемъ польскимъ на минуту по волю Карла XII. По смерти Августа II (1733), ожила партія станиславова, какъ оппозиція партіи Августа III, саксонскаго курфюрста, сына умершаго короля. Станиславъ собралъ въ пользу свою на сеймъ до шестидесяти тысячъ голосовъ. Вилларъ и другіе старые генералы настаивали на томъ, чтобъ начать войну за тѣту короля Франціи. Флёрн согласился; мало было успѣха, много безславія. Русскіе заставили Французовъ отступить, и Августъ III избранъ королемъ польскимъ.

Испанія объявила себя въ пользу Станислава противъ Австріи, подерживавшей Августа. Эта отдаленная война въ Польшѣ была для Испаніи предлогомъ къ возвращенію потерянныхъ ею владѣній въ Италіи, съ чѣмъ она и успѣла отчасти, при помощи Франціи. Между-тѣмъ, какъ Вилларъ занималъ Миланскую Область, Испанцы отняли Объ-Сицилію и утвердили тамъ инфанта Дона Карлоса. Они удержали это завоеваніе по вѣскому миру (1738). Станиславъ, въ замѣнъ польскаго трона, получалъ Иотарингію и герцогство Баръ (Bar), съ условіемъ, что эти владѣнія по смерти его перейдутъ къ Франціи. Герцогъ лотарингскій, Францъ, зять

императора, супругъ Маріа-Терезіа, получилъ, въ замѣкъ этой области — Тоскану.

Такимъ-образомъ, Франція, имѣя во главѣ управленія восьмидесятилѣтняго старца — кардинала Флѣри, и во главѣ войска восьмидесятилѣтняго полководца Виллара, — при всемъ томъ приобрѣла обширную область съ населеніемъ 1,240,000 душъ, а испанская линія дома Бурбоновъ приобрѣла отъ Австріи два королевства — Неаполь и Сицилію.

Ванскій миръ торжествуемъ былъ въ Версалѣ великолѣпными празднествами, жантльомы рассказывали въ салонахъ про свои подвиги на Рейна и въ Италіи.

Въ эту эпоху, вокругъ короля (*) составилъ избранный кружокъ куртизановъ, которыхъ бесѣда ему нравилась; самымъ любимымъ былъ всегда герцогъ де-Рашльѣ, бывший тогда уже не въ первой молодости (ему было 41 годъ). Мало-образованный, какъ и вся куртизаны, онъ отличался умомъ, какъ вся Рашльѣ, находился въ короткихъ связяхъ съ партією философовъ со временъ регентства, и въ-особенности съ Арутомъ; самый ловкій придворный, острякъ, онъ былъ мужественъ въ огнѣ сраженія, не приводя въ безпорядокъ ни одной изъ своихъ манжетъ. Онъ занималъ мѣсто перваго совѣтника короля въ любовныхъ интригахъ. Въ военное время, при переговорахъ о мирѣ, онъ былъ непоколебимо совершенъ; всѣ помнили его посольство въ Вану, гдѣ онъ жертвовалъ своимъ достоинствомъ на службу королю: жилъ роскошно, блисталъ, умѣлъ представлять собою достоинство Франціи; и къ тому же, чего нельзя было назвать двоюродному внуку кардинала, творца монархіи Бурбоновъ!

Не будемъ говорить подробно объ этихъ товарищахъ придворныхъ, — объ остроумномъ и насмѣшливомъ герцогѣ де-Ла-Трамваль, авторъ молодыхъ тогда романовъ, гдѣ подъ именемъ персидскаго двора, по примѣру «Персидскихъ Писемъ» Монтескьѣ, представлялось современное французское общество, ни о товарищахъ дѣтства короля, тѣмъ, каковъ на-примѣръ маркизъ де-Суврѣ, герцогъ де-Жеврѣ и маркизъ де-Коаньи. Подобно стариннымъ рыцарямъ, искателямъ приключеній, они горстями бросаютъ золото и не думаютъ о томъ къ чему приведетъ ихъ такое мотовство.

Посреди этихъ молодыхъ друзей короля, можно было отличить графа Моренѣ, морскаго министра. Трудно найти другой характеръ, который болѣе олицетворялъ бы собою эпоху Лудовика XV. Одаренный умомъ живымъ, пріятнымъ, онъ, въ то время, какъ занимался важными политическими вопросами, писалъ стихи, вольныя кансоны, исполненныя граціи. Подобнымъ созданія современнаго остроумія онъ собралъ, исправилъ своею рукою ошибки перенисчиковъ и издалъ въ 29 томахъ in-folio; а между-тѣмъ возсоздалъ морскую силу и соображалъ коммерческіе виды посреди водевилей и эпиграммъ.

Маркизъ д'Антенъ также типъ своего вѣка. Онъ, подобно отцу своему служившему при Лудовика XIV, былъ назначенъ, при Лудовика XV,

(*) Лудовику XV-му было тогда 27 лѣтъ.

главнымъ интендантомъ королевскихъ зданій; по этому званію, онъ сдѣлался покровителемъ всѣхъ искусствъ, украшающихъ царскіе чертоги. Лудовикъ XIV подъ конецъ жизни замѣтно сталъ скучать огромными размѣрами Версаля; въ полной силѣ своей царственной жизни, онъ любилъ эти длинныя галереи, сіяющія золотомъ, эти апартаменты съ чудными обоями, окнами въ необозримые парки; подъ старость ему становились несносны эти огромныя залы; но мѣръ того, какъ смерть близилась, онъ сокращала размѣры своего обиталища; человеку, которому цѣлый міръ недавно казался тѣснымъ, мирно пожелалъ на креслахъ возлѣ г-жи де-Монтенонъ, и вскорѣ удовольствовался жилищемъ болѣе-тѣснымъ, — гробомъ.

Лудовикъ XV сохранилъ предпочтеніе къ малымъ апартаментамъ; онъ не любилъ, по своей робости, слишкомъ-шумнаго общества, двора, исполненнаго этикета, любилъ, въ Версаль, тѣсное общество нѣсколькихъ друзей и прелестныхъ женщинъ. Малые апартаменты Лудовика XV составляли отдѣльную часть дворца, куда никто не былъ допускаемъ безъ особеннаго приглашенія любимицы короля. Здѣсь все было полно вкуса, изящества.

Чтобъ имѣть болѣе свободы, Лудовикъ XV кушалъ Шуазі. Положеніе этого мѣста сильно поправилось ему: густой, полный дича лѣсъ; рѣка, омывающаяся посреди парковъ. Замокъ былъ совершенно перестроенъ и украшенъ великолѣпно. Въ Версаль торжественные выходы, великолѣпныя аудиенціи посламъ; въ Шуазі — уединенное, полное прелести убжище, подобно Марлі Лудовика XIV. Король любилъ украшать Шуазі и сдѣлалъ изъ него чудо; мраморныя и порфирныя бассейны, боскеты изъ розъ и жасминовъ, украшенные драгоценными статуями знаменитыхъ художниковъ. Малые апартаменты здѣсь были еще изящнее версальскихъ.

Всакій сказалъ бы, что Шуазі построена нарочно для этого пожеланія, котораго девизъ былъ: — «сенсуализмъ и удовольствіи». Въ этомъ святилищѣ любви впервые появились механическіе столы (*les tables servantes ou officieuses*). Чтобъ избавить остроумное общество пишущихъ на вечернихъ оргіяхъ отъ присутствія нескромныхъ и болтливыхъ слугъ, Лоріо изобрѣлъ механическіе столы, устроенные такъ, что они исчезали и снова появлялись, уставленные разнообразными яствами. Всакій собесѣдникъ имѣлъ подлѣ себя столикъ съ приборомъ изъ золота и хрустала, писалъ на немъ какія хочетъ имѣть кушанья, какое вино; мгновенно, посредствомъ пружины, столъ исчезалъ на минуту и появлялся снова, со всѣмъ, что желалось требующему.

До-сихъ-поръ, царицей этихъ чертоговъ была графиня де-Мальи, имѣвшая на короля большое вліяніе; Лудовикъ XV не былъ уже болѣе влюбленъ въ нее; но г-жа де-Мальи была такъ увлекательна своею веселостью, она такъ наивно, отъ чистаго сердца смѣялась, показывая рады зубовъ, прелестныхъ какъ жемчугъ, что король, грустный по характеру, получилъ истинное облегченіе своему сплуну; веселость переходила и въ его душу. Г-жа де-Мальи, если вѣрить современникамъ, любила шампанское и опереживала по нѣскольку бутылокъ разомъ; меж-

ду-прочить, она струила благородное вино въ хрустальные бокалы, и король сладовалъ ей примару; онъ хохоталъ какъ ребенокъ, вырвавшійся изъ школы; блестящія свѣчи, отражавшіяся въ огромныхъ зеркалахъ моремъ огня, цвѣты, благоуханія, — все погружало собесѣдниковъ въ восторженное забытѣе; тогда-то читалась сказка, полная вольностей, и адкія эпиграммы; вездѣ бышева радость, и фея чертоговъ, графиня Мальи, своимъ золотымъ жезломъ животворила все. Новыя интриги короля должны были глубоко оскорбить его любимца. Сестра графиня де-Мальи, герцогиня де-Вентимиль, прельстила Лудовика XV; но она умерла въ родахъ, оставивъ сына, живое изображеніе короля (*), и г-жа де-Мальи снова овладѣла душой и чувствами Лудовика XV.

Между-тѣмъ, молодой король, развращенный въ частной жизни, сохранялъ всю важность на праздникахъ версальскихъ. Въ Версалѣ онъ былъ превосходнымъ сунругомъ, добрымъ отцомъ семейства; Марія Лещинская предавалась величайшей набожности; король любилъ, чтобы молились за него, и самъ, посреди своихъ страстей и слабостей, сохранялъ наружное благочестіе, присутствовалъ постоянно на всехъ службахъ, и неоднократно прибѣгалъ къ покаянію; въ Парижъ, ходилъ пешкомъ за торжественными процессіями, воздавая Богу благодарность за благодать, изливаемыя на королевство, и, по привычкѣ съ дѣтства, всегда усердно читалъ свой молитвенникъ. Король былъ довольно-образованъ; съ духовными любилъ онъ говорить о богословіи, и иногда приводилъ вѣтущіе сужденія сильныхъ теологовъ; о наукахъ точныхъ онъ говорилъ какъ человекъ, изучавшій ихъ; въ советѣ выказывалъ много ума, и, предлагая свое личное мнѣніе, не дѣлалъ его обязательнымъ для другихъ; онъ не умѣлъ или не осмѣливался, по природной робости, защищать своего мнѣнія и оставлялъ его на произволъ другихъ. Рассказывали много анекдотовъ, выражающихъ его характеръ: однажды говорили о беспорядкахъ въ столицѣ, и онъ вскричалъ: «ахъ, еслибъ я хотъ на минуту былъ начальникомъ полиціи, я принялъ бы такія мѣры...», — а между-тѣмъ, онъ былъ королемъ Франціи. Посреди разгара сенсуализма, онъ любилъ предаваться мрачнымъ идеямъ. Генрихъ III, посреди разгульной жизни, любилъ облекаться въ черныя одежды, усаянныя изображеніями костей и мертвыхъ головъ: Лудовикъ XV въ уютныхъ чертогахъ Шуази, часто говорилъ о могилѣ; кашлянулъ ли кто-нибудь изъ окружающихъ, король говорилъ ему съ улыбкой: «ахъ, бѣдный другъ! смерть близится»; шла ли у него самого кровь носомъ, онъ восклицалъ: «ахъ вотъ предвѣстница апоплексіи, какъ у моего дяди-регента.»

Лудовикъ XV нѣжно любилъ своихъ дѣтей и въ-особенности дофина; онъ окружилъ его людьми серьезными, умными, извѣстными по своему образованію и доброй нравственности.

Между-тѣмъ, королевствомъ по-прежнему управлялъ кардиналъ Флери, тогда уже восьмидесяти-семи-лѣтній старецъ, еще бодрой душой и теломъ. Его окружали два любима — аббатъ Кутюрё и камергеръ его свѣтѣйшества, Баржакъ. Подобныхъ людей мы встречаемъ вокругъ самыхъ великихъ первыхъ министровъ, каковъ Ришельё или Мазарини. Аббатъ Кутюрё, мало образованный, суровый, скромный, управлялъ по личическою корреспонденціей министра съ Франціей и со всей Европой. Баржакъ зналъ все слабости кардинала и имѣлъ падъ языкъ, вліяніе; въ-особенности, онъ умѣлъ льстить ему надеждой долгой жизни.

(*) Его при дворѣ звали Полу-Лудовикомъ (Demi-Louis).

При помощи этихъ кліентовъ, Флѣри зналъ все, что умышлялось противъ него при дворе, и торжествовалъ надъ всеми кознями.

Король подозревалъ въ кардинала великаго политика и предавался всей разсыянности придворной жизни. Дуновение нечистыхъ наслажденій раставляло его дѣтвенную душу; разъ-спущенныя съ цепи, страсти не могли быть болѣе сдержаны. Онъ ужъ начинаетъ чувствовать пресыщеніе; всякій день ему нужны были новыя ощущенія, и эти ощущенія раставляли тѣло его и душу; онъ скучалъ; столъ и игра, вечерокъ, при блескѣ свѣчъ, доставляли ему краткія наслажденія посреди этихъ прелестныхъ женщинъ, этихъ остроквѣ куртизановъ. Пресыщеніе — печальное, роковое состояніе души! Тогда, для несчастнаго цвѣты терпятъ свои роскошныя краски, благоуханіе теряетъ свою усладу, красота, какъ призракъ, исчезаетъ; все, къ чему ни прикоснется пресыщенный сластолюбецъ, обращается въ прахъ.

Людвигъ XV испыталъ это въ своей жизни; розы, подъ ногами его, а онъ, сбавить, и не замѣчаетъ ихъ; одна игра, да чаша забвенія, переполненная виномъ шипучимъ, могутъ расшевелить эту истомленную душу.

Какое печальное зрѣлище: мужчина въ тридцать лѣтъ ищетъ сильныхъ ощущеній въ удовольствіяхъ стариковъ, — вотъ что нравы регентства завѣщали этому поколѣнію!

Обратимся къ политическимъ событіямъ этой эпохи царствованія Людовика XV.

Императоръ австрійскій, Карлъ VI, тревожный, подобно Карлу II, королю испанскому (1700), пытался цѣною великихъ пожертвованій обезпечить императорскую корону для своей дочери Маріи-Терезіи, супруга герцога лотарингскаго, теперь сдѣлавшагося герцогомъ Тосканы.

Въ виду Австріи возникало государство юное — Пруссія, убѣжище французскихъ эмигрантовъ, изгнанныхъ изъ отечества уничтоженіемъ нантскаго эдикта. Умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ, государь-организаторъ, человекъ съ непреклонною волею; онъ оставилъ по смерти никому-невѣдомый капиталъ въ 40 милліоновъ талеровъ, плодъ своей бережливости — сумму огромную въ то время, оставилъ еще и войско восьмидесяти-тысячное, созданное имъ въ мирное царствованіе; да еще оставилъ сына, въ которомъ и не подозревалъ великаго человека. Вся молодость Фридриха II прошла въ угнетеніи: отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него солдата, и презиралъ въ немъ писателя и поэта. Фридрихъ понялъ духъ вѣка и вступалъ въ тѣсныя связи съ философами, особенно съ Вольтеромъ; превозносилъ геній Вольтера, а тотъ провозглашалъ его Траяномъ, Маркомъ-Аврѣевымъ своего времени, государемъ, призваннымъ управлять судьбами міра. Фридрихъ имѣлъ твердую волю и возвеличилъ свое государство, обладая геніемъ великаго полководца.

Въ годъ вошествія на престолъ Фридриха II, скончался императоръ Карлъ VI. Въ государствѣ, признававшія санкцію, возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ Маріи-Терезіи. Кажется, настала минута распада Австрійской-Имперіи. Вся вспомнила свои старинныя права. Испанія требуетъ себя Богемію и Венгрію, король сардинскій — Миланскую Область, Фридрихъ — Силезію, Франція не требуетъ ничего, требуетъ только самой имперіи для баварскаго курфюрста, давнишняго кліента французскихъ королей. Курфюрстъ, избранный императоромъ, въ то же время названъ генералиссимусомъ короля Франціи.

Кардиналъ Флѣри противъ воли наложилъ еще разъ своей мирной политикой, уступивъ общему желанію начать войну. Блестательный графъ де-

Бель-Иль, живое выражение воинственной партии, былъ назначенъ вести новое поколѣніе къ битвамъ; имъ былъ назначенъ планъ дипломатическій и военный. Бель-Иль былъ внукъ того Фуке, который, подвергши опалу Лудовика XIV, нашелъ себя одного только друга, баснописца-добряка Лафонтена.

Французская армія, отъ дурныхъ распоряженій не получая ни жалованья, ни провіанта, дѣйствуетъ всюду, гдѣ находитъ только средства содержать себя. Между-тѣмъ, Фридрихъ, побѣдитель при Мольвицѣ, овладѣлъ Силезіею.

Марія-Терезія осталась одна. Беременная въ то время, она писала своей теткѣ, герцогинѣ лотарингской, что «не знаетъ, останется ли у ней хотя одинъ городъ, гдѣ бы она могла родить»; Наконецъ, съ сыномъ на рукахъ, она явилась на сеймъ Венгерцевъ, которые поклялись отстоять своего короля. Но не одни пандуры явились ей на помощь. Англія и Голландія не могли хладнокровно смотреть на политику Франціи. Съ паденіемъ министерства миролюбиваго Вальполя, отправлены субсидіи Маріи-Терезіи; англійская эскадра принуждаетъ неаполитанскаго короля къ нейтралитету. Фридрихъ II, получивъ желаемое; заключаетъ миръ; Французы гибнутъ въ Богеміи, и двенадцати-тысячная армія покидаетъ Прагу, отступаетъ въ продолженіи двенадцати дней, посреди снѣговъ, тревожимая Кроатами и пандурами. Во главѣ войска маршалъ Бель-Иль, больной, на носилкахъ — сравнивающій, въ утѣшеніе себя, это отступление съ знаменитымъ отступленіемъ десяти тысячъ Грековъ, а себя съ Ксенофонтомъ.

Политика Англіи вооружаетъ почти всю Европу противъ Франціи; война готова сделаться европейскою, и боевая труба скоро раздастся на Рейнѣ, Маасѣ, въ Италіи, Провансѣ, на Средиземномъ-Морѣ и Океанѣ.

Между-тѣмъ, девяностолѣтній кардиналъ Флери безпокоился о судьбѣ Франціи. Это усиленіе непріязненныхъ дѣйствій губительно дѣйствовало на его робкую душу. При всякой неблагопріятной вѣсти, онъ становился грустенъ, задумчивъ, и безпрестанно твердилъ въ советъ: «не я хотѣлъ войны». Эти тревоги ослабили его старческія силы; смерть его приближалась. Хотя зрѣлище предсмертныхъ мукъ глубоко волновало сердце Лудовика XV, однакожь онъ дважды посѣтилъ аямокъ Иссы, жилище своего стараго наставника, и во второй разъ привезъ съ собою дофина. Флери съ душевными спокойствіемъ встрѣтилъ ихъ и желалъ благословить юного принца. «Государь» сказалъ онъ королю: «позвольте его высочеству приблизиться ко мнѣ; недурно, если онъ приучится къ подобнымъ зрѣлищамъ.»

Кардиналъ Флери, умирая, совѣтовалъ королю не имѣть болѣе перваго министра. «Монархъ въ тридцать-три года» говорилъ онъ: «долженъ управлять самъ». Но характеръ Лудовика XV осуждалъ его, казилось, на вѣчную зависимость... Въ следующей статьѣ описываетъ намъ полная интереса эпоха вліянія женщинъ, такъ же разнохарактернаго, какъ разнохарактерны были эти властительницы сердца короля: герцогиня де-Шатору, маркиза де-Помпадуръ и графиня де-Барри. Любопытно прослѣдить въ его утвенномъ движеніи вѣка. Правда, не разъ придется содрогнуться при видѣ колеблющихся основъ общества; всюду всеобщая радость о гибели великаго ослѣпленнаго порядка, радость, часто страшная, какъ сараншаская улыбка князя тьмы. Истинно, есть величіе въ этомъ XVIII столѣтіи; но это величіе ослѣпляющее ужасомъ душу, подобно величественному пожару дремучихъ лѣсовъ; это — столпотвореніе вавилонское и библейскіе изысковъ; это что-то страшно-фантастическое, подобно дремучимъ сивилизмъ и мѣръ Ватасара и о гибели Иисуса.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ДЕКАБРЬ 1843 ГОДА.

1. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ.)

— Обнародованы конія и переводъ дополнительнаго акта къ конвенціи 18 (24) декабря 1821 года, заключеннаго между Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и его величествомъ королемъ прусскимъ касательно почтовыхъ сообщеній между обоюдными ихъ государствами. Представляемъ некоторые извлеченія.—Письма между Россією и Пруссією будутъ пересылаться черезъ ходящія: а) по пяти разъ въ недѣлю экстра-почту между Петербургомъ и Берлиномъ на Ригу, Митаву, Таурогенъ, Тильзитъ и Кёнигсбергъ; б) по два раза въ недѣлю легкую почту между Митавой и Мемелемъ, на Либаву, Полаangenъ и Иммерзатъ; в) по два раза въ недѣлю легкую почту между Либавой и Мемелемъ, на Полаangenъ и Иммерзатъ; д) по два раза въ недѣлю однокую почту между Юрбургомъ и Шмалленингенемъ; е) польскія почты, съ которыми пересылаются письма въ закрытыхъ почт-пакетахъ между российскими почтовыми мѣстами во Владимиръ и Житомиръ и прусскими почтовыми мѣстами въ Стрежалковъ, Познань, Берлинъ и Торнъ, и наконецъ ф) пароходы, на которыхъ также пересылаются письма между Россією и Пруссією. Издержки по перевозкѣ почтъ, поименованныхъ подъ литерами а, б, в и д будутъ уплачиваемы: российскимъ правительствомъ за все разстояніе по Россіи до первой прусской пограничной станціи; прусскимъ же правительствомъ— за разстояніе по Пруссіи до первой российской пограничной станціи. Российскія пограничныя станціи остаются въ Полаangenъ, Таурогенъ и Юрбургъ; а прусскія въ Иммерзатъ, Лаугсаргенъ и Шмалленингенъ. Онѣ могутъ быть переведены въ другія мѣста не иначе, какъ по обоюдному на то согласію. Издержки за перевозку моремъ обоюдныхъ почт-пакетовъ, отправляемыхъ съ пароходами, будутъ уплачиваемы Россією и Пруссією вмѣстѣ по равнымъ частямъ. Издержки же за пересылку сихъ почт-пакетовъ сухимъ путемъ, между тѣмъ пунктомъ морскаго берега, гдѣ пристають и отправляются пароходы, и первымъ прусскимъ почтовымъ мѣстомъ, имѣють быть уплачиваемы изъ прусской почтовой казны. За пересылку почт-пакетовъ чрезъ Царство-Польское транзитнаго порта платиться не будетъ. Кромѣ корреспонденціи, слѣдующей въ прусскія владѣнія и въ тѣ мѣста

Германія, въ которыхъ учреждены прусскія почтовые конторы, Россія будетъ передавать Пруссіи и ту корреспонденцію, которая адресована въ другія земли Германскаго-Союза (исключая принадлежащаго Австріи), а также въ Данію, въ Швейцарію, въ Нидерландское-Королевство, въ Бельгію, во Францію, на Пиренейскій-Полуостровъ, въ Великобританію и Ирландію, въ колоніи ихъ государствъ и въ Америку, если корреспонденцію сію пельзи будетъ пересылать скорѣе и дешевле другими путями. Пруссія будетъ передавать Россіи всю адресованную въ наше государство корреспонденцію, какъ подаваемую въ прусскія почтовые мѣста, такъ и получаемую въ оныхъ изъ другихъ иностранныхъ государствъ. Поименованная выше корреспонденція, какъ въ Россію слѣдующая, такъ и изъ Россіи отправляемая, будетъ пересылаться не только съ сухопутными почтами, но и съ пароходами, если симъ способомъ она будетъ доставляться скорѣе или же подаватели писемъ дѣлаемою на нихъ надписью будутъ именно требовать отправленія оныхъ съ пароходами. Корреспонденція, посылаемая на пароходахъ между россійскими и нѣмецкими или шлезвигскими портами въ Балтійскомъ-Морѣ, будетъ также непосредственно передаваться россійскими почтовыми мѣстами, прусскими почтовыми конторамъ и обратно. Но взаимно, Пруссія не будетъ требовать передачи ей такихъ писемъ, которые посылаются на пароходахъ, не служащихъ для сообщеній между Россіею и которыми-либо изъ нѣмецкихъ или шлезвигскихъ портовъ въ Балтійскомъ-Морѣ, а именно: корреспонденціи, пересылаемой съ пароходами изъ россійскихъ портовъ прямо въ Копенгагенъ или Нѣмецкое-Море и обратно, отказываясь отъ требованія всякой за корреспонденцію сію платы. Пограничный портъ, который доселѣ вѣдывался сверхъ главнаго, уничтожается и каждая изъ договаривающихся сторонъ будетъ разсчитывать плату за письма только за разстояніе по своимъ предѣламъ до и отъ послѣдней пограничной своей станицы. Портовые деньги за всю корреспонденцію, пересылаемую между Россіею и прусскими почтовыми мѣстами, за изліетіемъ только мѣстной корреспонденціи между пограничными почтовыми конторами, разсчитывать при всякомъ образѣ отправленія: со стороны Пруссіи, за разстояніе до и отъ Лаугсдаргена, а со стороны Россіи — за разстояніе до и отъ Таурогена. Россійскія почтовые мѣста будутъ разсчитывать россійскія внутреннія вѣсовыя деньги на серебряныя копейки; за отправляемыя же въ Пруссію франкированныя письма Россія будетъ платить портовые деньги, какъ за прохожденіе писемъ чрезъ Пруссію, такъ и далѣе за прусскую границу, серебряными грошами, которыхъ считается 30 въ одномъ прусскомъ талерѣ. Прусскія же почтовые мѣста будутъ разсчитывать прусскій портъ и другіе расходы на серебряныя гроши, а въ случаѣ франкированія писемъ, платить россійскія вѣсовыя деньги серебряными копейками. Сообразно съ симъ будутъ отмѣчаемы по наружной сторонѣ писемъ портовые и вѣсовыя деньги и прочіе расходы. Существовавшее доселѣ исчисленіе талера въ девяносто такъ-называемыхъ прусскихъ грошей, совершенно прекращается. Для содержанія въ связи ходящихъ между Санктпетербургомъ и Таурогеномъ тяжелыхъ и легкихъ почтъ съ проходящими между Тиль-

зитомъ, Кёнигсбергомъ (въ Пруссіи) и Берлиномъ почтами посылочными и пассажирскими, имѣеть быть учреждена между Таурогеномъ и Тильзитомъ, кромѣ вышеназванной экстра-почты, еще тяжелая, постоянно въ продолженіи цѣлаго года отправляемая почта для перевозки пассажировъ и посылокъ. Обѣ стороны будутъ пользоваться денежнымъ сборомъ съ пассажировъ и посылокъ за то протяженіе, по которому каждая изъ нихъ перевозитъ почты на свой счетъ. Подорожныя и рестры съ означеніемъ пассажировъ и ихъ вещей будутъ пересылаться изъ Таурогена до Тильзита и изъ Тильзита до Таурогена. Они будутъ возвращаемы при первомъ случаѣ въ то почтовое мѣсто, изъ котораго получены. Вдущіе на почтовыхъ лошадяхъ и курьеры будутъ перевозимы только между Таурогеномъ и Лаугсцаргеномъ и между Юрбургомъ и Кассигкеменомъ. Эстафеты между Россіею и Пруссіею имѣють быть отправляемы, смотря по мѣсту ихъ назначенія, или чрезъ Таурогенъ и Лаугсцаргенъ, или чрезъ Полагенъ и Иммерзатъ, или же чрезъ Юрбургъ и Кассигкеменъ. Оба почтовые начальства будутъ отвѣтствовать за цѣлость почтъ, сообразно съ существующими на сей предметъ въ обоихъ государствахъ правилами, только до мѣста передачи почтъ, т. е. на томъ протяженіи, на которомъ каждое изъ означенныхъ начальствъ обязано перевозить почты на свой счетъ.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Прокурору Измаильскаго-Градоначальства присвоена по двамъ тамошняго коммерческаго суда и прочихъ присутственныхъ мѣсть, въ Измаиль находящихся, то же вліяніе и тѣ же права, какими пользуются прокуроры Одесскаго и Таганрогскаго Градоначальствъ, съ производствомъ ему жалованья изъ государственнаго казначейства по 430 р. сер. въ годъ, независимо отъ назначенныхъ ему по штату изъ городскихъ доходовъ столовыхъ денегъ и суммы на канцелярскую службу и расходы.

— Въ городъ Бердянска (Таврической-Губерніи) установленъ особый сборъ по одной съ половиною копейкѣ серебромъ съ каждой четверти зерновыхъ товаровъ и съ каждыхъ десяти пудовъ товаровъ громоздкихъ и въ бочкахъ, отправляемыхъ за границу; причѣмъ сборъ этотъ долженъ быть не присоединяемъ къ общимъ городскимъ доходамъ, а употребляемъ исключительно для надобностей, относящихся къ пользамъ бердянскаго порта, по представленію мѣстнаго начальства и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

— Для существующей въ Новгородъ варлаамьевской ярмарки назначенъ вмѣсто семидневнаго, четырнадцатидневный срокъ, начиная съ первой среды петрова-поста.

— Учреждены ярмарки: въ Александрополь, подъ названіемъ успешской, съ 15 августа до 1 сентября, и Тюмени—съ 15 января по 15 февраля.

— Утвержденъ штатъ Временной Комиссіи при таганрогской градской полиціи для рѣшенія дѣлъ прежняго времени, срокомъ на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобъ исчисленная по сему штату сумма позакимствована была изъ остаточныхъ городскихъ доходовъ Таганрога, съ возвратомъ оной въ послѣдствіи на счетъ виновныхъ въ безпорядкахъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Высочайше повелено: 1) гражданскія должности, по штату Департамента Железныхъ Дорогъ Главнаго Управленія Путями Сообщенія и Публичныхъ Зданій положенныя, сравнять въ-отношеніи классовъ ихъ и разрядовъ пенсій и мундировъ съ должностями разныхъ наименованій въ другихъ департаментахъ сего управленія, и 2) существующіи какъ въ семь департаментъ, такъ и въ другихъ главнаго управленія не положенныя должности чиновниковъ особыхъ порученій, старшаго и младшаго архитекторовъ и чиновника для иностранной переписки, отнести къ разрядамъ по особому росписанію.

— Почетному благотворителю Астраханскаго Армянскаго Агабабовскаго Уезднаго Училища предоставлено право носить, на томъ же основаніи, какъ и занимающимъ должность по выборамъ купечества, мундиръ Министерства Народнаго Просвѣщенія VIII разряда.

— Въ Главномъ Управленіи Закавказскаго Края возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выдавать прибывшимъ туда на службу класснымъ и канцелярскимъ чиновникамъ вторую половину полугодоваго не въ зачетъ жалованья, если они пользовались на обзаведеніе первую половиною и, выслуживъ годъ, подверглись въ то же время слѣдствію съ удаленіемъ отъ должностей? Въ разрѣшеніе сего вопроса, Высочайше повелено: выдачу помянутымъ чиновникамъ второй половины жалованья приостанавливать впредь, пока они не будутъ оправданы по произвождающимся о нихъ дѣламъ; въ противномъ случаѣ лишать ихъ права на получение таковаго жалованья, предоставивъ, впрочемъ, начальству ходатайствовать о выдачѣ онаго, если подвергнувшійся възысканію чиновникъ, поступивъ вновь на службу, въ-продолженіе остальныхъ двухъ лѣтъ опредѣленнаго срока выслуги за Кавказомъ, загладитъ свой проступокъ усердною и безпорочною службою.

IV. Законы относительно состояній.

— Разрѣшено купцамъ и мящанамъ въ малороссійскихъ губерніяхъ производить на скатныхъ площадяхъ продажу вина, по довѣренностямъ, законно-совершеннымъ и даннымъ теми лицами, которымъ она предоставлена; но для отвращенія въ этомъ случаѣ злоупотребленій, постановить правиломъ, чтобъ въ таковыхъ довѣренностяхъ означено было всякій разъ съ точностью количество поручаемаго для продажи вина; мястному же начальству вмѣнить въ строгую обязанность имѣть за исполненіемъ сего надлежащій надзоръ.

— Командированный, по Высочайшему повеленію, для ревизіи Восточной-Сибиріи, сенаторъ, тайный совѣтникъ Толстой, ходатайствовалъ объ измененіи 3 пункта 896 ст. 5 т. Свода Зак. изд. 1842 года, и вмѣсто ея, допустить слѣдующую мѣру: постановить въ строгую и непремѣнную обязанность, дабы иностранцы имѣли дѣла съ частными торговцами, по окончаніи уже взноса въ казну ясака; но и торговцевъ, имѣющихъ съ ними коммерческія сношенія, равномерно обязать, чтобъ они не иначе производили покупку и ману пушнаго товара отъ иностранцевъ, какъ по взносу уже ими ясака, и за тѣмъ, еслибъ кто изъ торговцевъ рѣшился поступить вопреки сего, то конвисковать въ пользу Кабинета

Его Величества: за первый разъ весь товаръ, приобретенный неправильно отъ инородцевъ; во второй разъ, сверхъ конфискаціи, штрафовать по сту рублей серебромъ, а въ третій разъ, сверхъ сказаннаго, предавать суду, какъ ослушниковъ порядка, правительствомъ установленнаго. Въ разрѣшеніе сего, Высочайше повелѣно: испрашиваемую сенаторомъ Толстымъ мѣру, до сбора ясака относящуюся, допустить въ вида опыта на время пребыванія его въ Сибири, но съ тѣмъ, чтобъ въ послѣдствіи, если эта мѣра окажется полезною, то сдѣлать дѣйствіе ея уже постояннымъ.

V. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

— Высочайше повелѣно: на приобретение палатами государственныхъ имуществъ по Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ указѣ Правительствующаго Сената 15-го января 1842 года, отъ государственныхъ крестьянъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій и на продажу нѣтъ отъ казны, на основаніи правилъ о наймѣ рекрутъ, Высочайше-утвержденныхъ 29-го декабря 1839 года, купчихъ крѣпостей не совершать, но предоставить палатамъ государственныхъ имуществъ дѣлать на самыхъ квитанціяхъ надписи о переходѣ квитанцій, съ надлежащимъ о томъ засвидѣтельствомъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ. ЗА ДЕКАБРЬ 1843 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. — Царскосельскій Лицей, по-прежнему, введенъ въ общее устройство гражданскихъ учебныхъ заведеній, съ переименованіемъ въ Императорскій Александровскій Лицей. Съ 1-го января наступившаго года, онъ будетъ помѣщенъ въ зданіяхъ, которые были доселѣ занимаемы Александринскимъ Сиротскимъ Домомъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ его свѣтости, принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому изображено, что этотъ Лицей причисляется къ заведеніямъ, подъ личнымъ Государя Императора надзоромъ находящимся по IV-му Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, а главное заведываніе нѣтъ поручается принцу Петру Георгіевичу.

— Государь Императоръ, утвердивъ представленный министромъ народнаго просвѣщенія и разсмотрѣнный въ Государственномъ Совѣтѣ штатъ учебныхъ заведеній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской Губерній, примѣненный къ новому снѣхъ губерній составу, повелѣлъ: 1) Назначеніе срока для введенія сего штата въ дѣйствіе въ существующихъ уже учебныхъ заведеніяхъ предоставить министру народнаго просвѣщенія; полагаемое же въ штатѣ новое отдѣленіе при Гродненской Губернской Гимназіи открыть, и существующее въ городѣ Тельшахъ при бернардинскомъ монастырѣ уездное училище преобразовать, по штату, въ дворянское училище, когда это окажется возможнымъ, по представленнымъ на то Министерству Народнаго Просвѣщенія способамъ. 2) Находящуюся въ мѣстечкѣ Грозахъ Россіенскаго-Уѣзда гимназію перевести въ городъ Кононо, а нѣтъ него дворянское уездное училище въ Россіены. 3) Содержаніе гимназій въ Гродно, уездныхъ для дворянъ училищъ въ Вилькомиря, Дрогичинахъ и Новогрудкѣ, четырехъ-

класснаго отдѣленія Виленской Гимназiи и смотрителей приходскихъ училищъ, на основанiи Высочайшаго указа Правительствующему Сенату 1-го января 1839 года и Высочайше-утвержденнаго 17-го октября того же года положенiя Комитета Министровъ, производить изъ доходовъ съ имѣній упраздненныхъ въ 1832 году римско-католическихъ монастырей; потребности же прочихъ вчисленныхъ въ новомъ штатѣ учебныхъ заведенiй удовлетворить изъ суммы 185,000 руб. сер., отпускаемой ежегодно изъ Государственнаго Казначейства, взамѣнъ доходовъ съ общаго эдукационнаго фонда и ассигнуемыхъ въ дополненiе къ ней 15,000 рублей сер. въ годъ изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

Торговля.—Цѣнность отпуска изъ Одессы за границу, въ теченiе октября сего года, была весьма-значительна, по причинѣ дѣятельности навигацiи, поддержанной стоявшею почти во весь мѣсяцъ прекрасною погодою; отпущено всего за границу разныхъ товаровъ на 2,552,830 р. сереб., въ томъ числѣ пшеницы 289,159 четв., льнянаго сѣмени 30,747¹/₂ четв., шерсти 32,396 пуд. и сала 8,297¹/₂ пудовъ. Цѣнность привоза изъ-за границы къ одесскому порту составляла 786,448 руб., а вывоза изъ Одессы внутрь Имперiи 226,538 руб. сер. Судовъ въ приходъ изъ-за границы съ 1-го января по 1-е ноября было 705 (въ октябрѣ 86), а въ отходъ за границу 642 (въ октябрѣ 184).

— Въ теченiе того же октября къ керченскому порту прибыло изъ-за границы 26 судовъ, а отошло за границу 44 судна; на нихъ привезено товаровъ на 1,906 р., а отпущено на 4,386 руб. сер. Каботажныхъ судовъ въ приходъ было 109, а въ отходъ 68. Крымской соли отпущено отъ керченскаго порта 43,300 пудовъ.

— По случаю бывшаго въ семъ году неурожая въ Эстляндской-Губернiи, повелѣно разрешить безпошлинный привозъ въ эстляндскiе порты по 1-е iюля будущаго 1844 года слѣдующихъ родовъ иностраннаго хлѣба: ржи, пшеницы, овса, ячменя и гречихи, какъ въ зернахъ, такъ равно въ мукѣ и крупѣ; но съ тѣмъ вмѣстѣ запретить перевозку сихъ родовъ хлѣба изъ тѣхъ портовъ въ русскiе порты въ теченiе всей навигацiи 1844 года, и также не дозволить сухопутный привозъ хлѣба изъ Эстляндiи въ Санктпетербургскую-Губернiю, на томъ же основанiи, какъ было это запрещено въ 1836 году.

Промышленность.— Въ имѣнiи Д. В. Кочубей, въ слободѣ Ремикъ (въ 8 верстахъ отъ города Кролевецъ, по дорогѣ къ городу Глухову), открыта новопостроенная паровая писчебумажная фабрика. Вся машины вышасаны изъ Лондона, работы лучшихъ мастеровъ, со всевозможными, до пес plus ultra, въ самомъ Лондонѣ, улучшенiями. Въ годъ фабрика будетъ выработывать до 60,000 стопъ разнаго сорта бумаги.

— Выданы привилегiи: 1) Рижскому купцу Баллербеку и механику Эдуарду Данцигеру на изобрѣтенную ими машину для разанiя пробокъ. 2) Директору образцовой фермы Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россiи Исвару, на усовершенствованiе въ машинѣ для приготовленiя землѣбитныхъ кирпичей, на которую 15 декабря 1837 года выдана ему пятнадцатилѣтняя привилегiя. 3) Иностранцу Репсольду на изобрѣтенную имъ круговертательную машину новаго устройства. 4) Губера-

скому секретарю Рябинину на введеніе въ Россію изобретеннаго во Франціи братьями Фумаръ способа добыванія сахарнаго песка изъ картофеля, проблѣки и сушки его. 5) Санктпетербургскому купцу Дмитрію Кобызеву на изобретенныя имъ машины для обработки камней.

Благотворительность. — Обнародованъ уставъ благотворительнаго общества въ Харьковѣ. Общество сіе находится нынче подъ главнымъ попечительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Александровны. Оно имѣетъ цѣлю оказывать помощь людямъ бѣднаго состоянія, которые, по старости или сиротству и неприютному положенію, имѣютъ нужду въ призрѣніи. вспоможенія, оказываемыя бѣднымъ, заключаются въ назначенія имъ денежнаго содержанія изъ добровольныхъ приношеній членовъ общества, въ прискаваніи работъ и должностей для тѣхъ бѣдныхъ, которые могутъ заниматься трудами, въ доставленіи имъ врачебнаго пользованія во время болѣзней, въ обученіи приличнымъ мастерствамъ сиротъ и въ пристроеніи участіи сихъ послѣднихъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста.

— Доктору Мейеру разрѣшено учредить въ Санктпетербургѣ лечебное заведеніе для дѣтей. Главная цѣль сего заведенія будетъ состоять въ томъ, во-первыхъ, чтобъ больныхъ дѣтей немущихъ родителей, какого бы то ни было рода болѣзнями одержимыхъ, снабжать безвозмездно врачебными совѣтами, а если нужно и лекарствами, и во-вторыхъ, давать родителямъ нужные совѣты и наставленія, какъ отвращать болѣзни у дѣтей благоразумнымъ воспитаніемъ и надлежащимъ пользованіемъ. Съ 6 числа прошедшаго декабря, лечебное заведеніе для дѣтей до пятнадцатилѣтняго возраста открыто предварительно въ квартирѣ доктора Мейера, въ Малой Конюшенной-Улицѣ, въ домъ шведской церкви, № 2, ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 1½ до 3¼ часовъ по-полудни. Больныя дѣти могутъ быть представляемы въ заведеніе родителями или родными; если жъ они не будутъ въ состояніи оставлять своей квартиры или постели, то дѣти будутъ, по возможности, пользоваться у себя на дому. Безвозмезднымъ совѣтомъ будутъ пользоваться всѣ дѣти, обращаемыя въ заведеніе, а получать лекарство безденежно будутъ только дѣти немущихъ родителей и воспитателей. Больнымъ, которымъ не была еще привита предохранительная оспа, будетъ таковая прививаема безвозмездно. Безденежный отпускъ лекарствъ, по назначенію врачей заведенія, будетъ производить содержатель аптеки, бывшей Имзена, г. Гресь. Въ этомъ предпріятіи принимаютъ участіе врачи: Биттигъ, Фейстъ, Канъ, Рейнбофъ и Вейсенталь.

— Обнародованъ уставъ Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся. По Всемилостивѣйшему соизволенію Государыни Императрицы Александры Феодоровны, Домъ Призрѣнія Трудящихся, учрежденный въ 1833 году Двора Ея Императорскаго Величества кáммер-юнкеромъ Анатоліемъ Демидовымъ, принадлежитъ къ числу заведеній, состоящихъ подъ Высочайшимъ Ея Величества покровительствомъ. Въ память благотворительнаго подвига учредителя, Домъ Трудящихся именуется Демидовскимъ. Учредитель Дома Трудящихся, по силѣ Высочайшаго указа, дан-

наго Правительствующему Сенату 1 марта 1833 года, есть князь и попечитель Дома Пріязнія Трудящихся, каковое право, по смерти его, переходитъ къ его наследникамъ. На семь основаніи учредитель, а по немъ его наследники, управляютъ Домомъ Пріязнія Трудящихся согласно съ уставомъ онаго. По желанію учредителя или его наследниковъ, управленіе Домомъ, съ Высочайшаго соизволенія, можетъ быть върено и другому лицу, съ присвоеніемъ ему званія почетнаго члена и правъ попечителя. Министръ внутреннихъ дѣлъ, санктпетербургскіе: военный генерал-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, губернский и уездный предводители дворянства, обер-полицеймейстеръ и градской глава, по существу своихъ обязанностей, принимаютъ особенное въ семь благотворительномъ заведеніи участіе и состоятъ почетными членами сего заведенія. Кроме того, отъ Высочайшаго усмотрѣнія Государыни Императрицы зависитъ назначеніе въ почетные члены и другихъ особъ, которыя изъявятъ желаніе содѣйствовать пользамъ заведенія. При Демидовскомъ Домѣ Пріязнія Трудящихся состоятъ также действительные члены, почетные и действительные старшины. Действительными членами могутъ быть лица благороднаго званія; почетными старшинами лица купческаго сословія, которыя, значительными ежегодными или единовременными пожертвованіями будутъ содѣйствовать распространенію благотворительныхъ дѣйствій заведенія. Званіе действительныхъ старшинъ можетъ быть присвоено: купцамъ, фабрикантамъ, ремесленникамъ и вообще людямъ свободнаго состоянія, жертвующимъ ежегодно некоторую сумму на поддержаніе способовъ заведенія, или способствующимъ благосостоянію онаго своими трудами. Члены и старшины, по Высочайшемъ утвержденіи въ званіи ихъ, получаютъ отъ попечительства дипломъ, за надлежащею подписью, съ приложеніемъ печати Дома. Пріязніе трудящихся, отдѣленіе для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ, пріязніе малолѣтнихъ, магазинъ для выставки и продажи издѣлій и снабженіе бѣдныхъ пищею, суть предметы благотворительности сего заведенія. Цѣль пріязнія трудящихся при Демидовскомъ Домѣ состоитъ въ томъ, чтобъ бѣднымиъ лицамъ женскаго пола, свободнаго состоянія доставить способы къ прозаводству рукодѣльныхъ работъ, посредствомъ которыхъ онѣ могли бы честнымъ и полезнымъ образомъ снискивать содержаніе себя и своимъ семействамъ. Цѣль учрежденія отдѣленія для воспитанія дѣвицъ состоитъ въ пріязніи сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей свободнаго состоянія, и въ приготовленіи ихъ, соответственно званію, къ услуженію въ частныхъ домахъ и къ тому, чтобъ они трудами рукъ своихъ могли приобретать средства къ своему содержанію. Въ отдѣленіе малолѣтнихъ при Домѣ Трудящихся принимаются дѣвицы отъ четырехъ до десяти лѣтъ. Тридцать воспитанницъ въ семь отдѣленій содержатся на счетъ суммы, жертвуемой ежегодно учредителями Дома, а потому и считаются его пансіонерками. Магазины при Домѣ открыты для выставки и продажа издѣлій, производимыхъ бѣдными, дабы чрезъ то предоставить имъ честныя средства къ обезпеченію своего содержанія и распространенію своихъ полезныхъ занятій. Демидовскій Домъ Пріязнія Трудящихся, устроивъ у себя особое отдѣленіе для снабженія бѣдныхъ пищею за самую дешевую цѣну, на собственный ихъ счетъ или на изживденіе благотворителей, имѣетъ цѣлю: содѣйствовать правительству въ искорененіи нищенства и способствовать уменьшенію болѣзней въ низшемъ классѣ народа, чрезъ обезпеченіе главнѣйшей и самой существенной ихъ потребности.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

О МЕРИНОСАХЪ.

Недавно еще книги, журналы, общества бредили мериносоми; вездѣ ихъ заводили, распространяли, составляли компании на акціяхъ, на вѣрвѣ, и проч., толковали, спорили: одни ожидали мнѳологическихъ барышей, другіе утверждали, что мериносы въ убытокъ, — и вдругъ замолчали. Правда, что цѣны на шерсть упали, цѣны на животныхъ — еще болѣе; засухи въ последнее десятилѣтіе сильно подняли цѣны всѣхъ произрастеній земли и сдѣлали безвыгоднымъ не только скотоводство, но и многія отрасли даже фабричной производительности: самыя деревни многимъ были въ убытокъ. Однѣ незаселенныя земли увеличивали свои доходы и росли въ своей цѣнности. Но, кажется, година испытаній миновалась; вотъ уже два года дождливыя и, следовательно, благоприятныя; мы опять дожили до удовольствія гряды. Грядъ предполагаетъ дождь, дождь обнѣщаетъ урожай, а урожай дешѣвинну! Опять начнемъ хлопотать, куда дѣваться съ сѣномъ и соломою, что дѣлать съ избыткомъ дешеваго хлѣба, на который не достанетъ магазиновъ. Хотя предки наши дешево и легко сохраняли хлѣбъ въ скирдахъ, но это для насъ слишкомъ — просто: мы непременно хотимъ магазиновъ. Въ оправданіе говоримъ: «у насъ теперь не умѣютъ класть скирдовъ, какъ клали прежде», — какъ будто легче построить магазинъ тому, кто скирда скласть не умѣетъ! Въ Америкѣ и Англии, выдаютъ уже скирды какъ последнее и позднѣйшее изобретеніе усовершенствованнаго хозяйства; а мы ихъ бросаемъ и хотимъ магазиновъ, по-

тому только, вѣроятно, что отцы и дѣды наши любили скирды, — а они любили ихъ за то же, за что любятъ Американцы: за простоту, дешевизну и удобство — качества драгоценныя людямъ, которые сами занимаются и обдумываютъ свои дѣла, а не полагаются на мыслителей. Эти люди смотрятъ на цѣль, идутъ къ ней кратчайшимъ путемъ и достигаютъ часто богатыхъ результатовъ ничтожными средствами, тогда-какъ другіе роскошествуютъ средствами, изъ которыхъ выводятъ бѣднѣйшіе результаты. Но обратимся къ мериносамъ, за которыхъ теперь могутъ опять приняться, почему я и печатаю безъ всякаго измѣненія статью, написанную давно, въ ихъ цвѣтущее время, и по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ оставленную въ портфѣль. Можетъ-быть, она будетъ не бесполезна нѣкоторымъ хозяевамъ, потому-что выгоды и убытки отъ мериносовъ происходили иногда отъ способа въ нихъ разведеніи; тутъ также опытъ, подкрѣпленный соображеніемъ, мнѣ доказалъ, что роскошь въ средствахъ и ничтожество результатовъ встрѣчаются чаще, нежели иные думаютъ.

Чтобъ убѣдить другихъ въ идеѣ, въ которой убѣжденъ самъ, надобно объяснить, какимъ образомъ получено это убѣжденіе. Следуя этому простому правилу, я расскажу исторію своего овцеводства и причины моихъ дѣйствій: практика, поддержанная теоріей, и теорія оправданная практикою, есть лучший методъ агрономическаго курса, потому-что спасаетъ и отъ предвзвѣдковъ старообрядцевъ, которымъ кажется преступленіемъ и глупостью все, что похоже на новое, и заблужденій теоритиковъ, которые путешествуютъ по ландкартѣ.

Я наблюдалъ овцеводство въ Саксоніи: тамъ оно въ прекрасныхъ строеніяхъ, на зеленыхъ лугахъ, въ тѣни каштановыхъ рощей, подъ присмотромъ экзаменованныхъ овчаровъ, съ лекарями и аптеками, съ длинными отчетами и родословными книгами, съ машинками для копытъ и ушей, и съ учеными собаками. Мнѣ показалось тогда же, что все это сложное содержаніе, приведенное въ систему, описанное въ фолиантахъ, окрещенное громкимъ именемъ науки, — поясняется только тѣмъ, что овцеводство въ Саксоніи началось людьми богатыми, какъ прихоть, и каждымъ по-немногу, въ размѣръ идилліи; оправдывается же тѣмъ, что шерсть, доведенная до чрезвычайной тонности и ровности, дорого покупается европейскими, особенно англійскими фабриками, а бараны въ большомъ количествѣ разбираются овцеводами почти цѣлаго свѣта. Выручаемыми такимъ образомъ огромными суммами покрываются чрезвычайныя надержки содержанія и окунаютъ большія потери въ ягнятахъ и взрослыхъ отъ трабера, чему почти весь саксонскій стада подвержены. Причины этой убыли и болѣзней — искусственное ослабленіе живот-

наго содержаніемъ для тонны шерсти и ранила котка. Такъ-какъ, незирая на дороговизну содержанія и на большую убыль, положеніе саксонскаго овцеводства было выгодно, то Нѣмцы, не силясь измѣнить его, поступали пока благоразумно. Визвѣтъ съ этимъ, я подумалъ, что этотъ порядокъ вещей въ Россіи быть не можетъ (кромѣ извѣстнаго быта и характера народнаго, недопускающаго большой аккуратности), хотя бы и потому, что мы пришли послѣ, нашли рынокъ захваченнымъ, и наши цѣны, какъ на шерсть, такъ и на животныхъ, особенно на заводскихъ барановъ должны быть, естественно, ниже саксонскихъ. Да и гдѣ намъ набрать ученыхъ содержателей, ветеринаровъ, бухгалтеровъ и проч.? Особенная невозможность представлялась въ разведеніи мериносовъ крестьянамъ и даже помѣщикамъ средняго состоянія, обыкновенно безъ капиталовъ, которымъ нужны барыши вѣрные и скорые, а обо всѣхъ книжныхъ сложностяхъ и думать было нечего! Худо ли, хорошо, это другой вопросъ, но пока—наши деревни безграмотны, и хозяйства наши, особенно лучшія (я говорю о среднихъ состояніяхъ), ведутся на биржахъ,—или какъ-то въ родѣ этого. Но нельзя ли все это измѣнить и обойтись безъ этой ученой школы, пожертвовавъ отличнымъ качествомъ шерсти и, отказавшись отъ соперничества съ Саксоніей, начать дѣло съ начала,—словомъ, нельзя ли все это передѣлать на истинный, добрый русскій ладъ, «замѣнивъ качество количествомъ и огромный шифръ прихода малостью расхода»? Этотъ вопросъ породилъ много другихъ, разрешаемыхъ уже всѣмъ извѣстными фактами, какъ то: въ Россіи уже много овчаренъ, содержаемыхъ по-необходимости безъ нѣмецкихъ причудъ; но объ нихъ немногіе знали и никто не говорилъ; сами хозяева полагали, что немудрено и просто, то не заслуживаетъ вниманія ни публики, ни ученыхъ! Въ Испаніи, лѣтомъ угоняютъ овецъ въ горы, гдѣ сильныя морозы и снѣгъ по колено. Въ Голландіи, за сыростью, овецъ не держатъ, а въ Сѣверной-Пруссіи, гдѣ климатъ гораздо холоднѣе и суровѣе голландскаго, ихъ очень-много. Къ-тому же, не даромъ природа одѣла слабую овцу столь густою и тяжелою шубою—законной принадлежностью животныхъ сѣвера. Почти все тропическіе звѣри, какъ то: львы, слоны, лошади имѣютъ шерсть короткую и жесткую; напротивъ, соболя, кунницы, медвѣди, лисичы, даже лошади на сѣверѣ покрыты или обрастаютъ густою шерстью и пушистымъ волосомъ. Поговоривъ со многими опытыми рациональными овцеводами, которые науку выводятъ изъ дѣла природы, а не впяливаютъ необъятную природу въ прокрустову кровать науки, откуда она выходитъ на Божій свѣтъ или безъ ногъ, или безъ головы, я нашелъ ихъ опытные мнѣнія сообразными своимъ.

Все это привело меня къ слѣдующему заключенію: 1) что тепло для существованія овецъ не нужно, даже болѣе вредно, нежели полезно; что холодъ не вредитъ шерсти: напротивъ, чѣмъ болѣе на сѣверъ, тѣмъ болѣе на животныхъ шерсти и пуха; что овецъ пагубна сырость. Собственныя практическія наблюденія подтвердили эту теорію. Я зналъ одно стадо, содержимое безъ большого искусства, но въ сараяхъ съ потолкомъ, слѣдовательно, тепло. Все стадо хирѣло, оказался траберъ, овцы теряли шерсть, агнята колыли и т. п. Впрочемъ, овцы не нуждались ни въ кормѣ, ни въ уходѣ, ни въ хорошихъ пастбищахъ, даже въ леченіи; но зло не прекращалось. Попробовали снять потолки и дать болѣе воздуха и свѣжести стаду: правда, что почти весь больныя, особенно траберомъ, овцы въ первую зиму пали; но стадо оправилось и стало умножаться обыкновеннымъ порядкомъ. Причина этой перемѣны ясная: докторъ Шпиръ советуетъ ее людямъ, а овцамъ она спасительна. Съ вечера, сильный морозъ; пастухъ загоняетъ стадо въ тѣсный сарай; въ ночь оттепель: стаду душно, оно въ поту; къ утру опять морозъ, — эти перемѣны у насъ нередки. Пастухъ, разумѣется, безъ термометра, отворяетъ ворота, такъ же какъ отворялъ ихъ вчера, — и первое движеніе стада стремительно высыпаетъ на свѣжій холодный воздухъ. Чтò же мудреного, что оно простудилось, потому что траберъ есть не что иное, какъ застарѣлый ревматизмъ: не въ сильной степени простуда кидается на ноги — и стадо все хромаетъ. Любопытно было видѣть, какъ стадо пользовалось свѣжимъ воздухомъ! Когда убѣдились, что не холодъ вредитъ стаду, а духота, то оставляли иногда на ночь незапертыя ворота. Когда сдѣлается очень холодно, стадо заберется подъ сарай и жметъ въ уголь къ корму, котораго въ это время болѣе обыкновеннаго. Когда внутри стоящимъ сдѣлается жарко отъ тѣноты, оны выходятъ наружу, а наружныя входятъ на ихъ мѣста внутрь, чтобъ согрѣться. Если же начнетъ теплѣть, стадо расширяется, какъ ртуť въ термометрѣ, по всему сараю, и при хорошей, умеренной погодѣ, оно всегда на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ. Такимъ образомъ, овцы, содержимыя сообразно ихъ природѣ, сдѣлались рослы, сильны, многошерстны, и почти всегда здоровы.

Вопросъ о холодномъ содержаніи рышенъ, — всѣ богатые, теплыя и просторныя строенія становятся бесполезными и замѣняются простыми мазанками и навѣсами, лишь бы не было постоянно сквознаго вѣтра и сырости.

Перейдемъ теперь къ корму. Опять, можно ли содержать овецъ иначе, нежели какъ содержатся оны въ Германіи? Многіе факты уже на это отвѣчали: въ Крыму искусственныхъ луговъ не знаютъ, и овцы на солонцахъ сыты и здоровы; затрудненіе тамъ только въ

зимнею кормъ. Во многихъ русскихъ овчарняхъ, овцамъ, правда, вѣдетъ лучшее сѣно, а солома только на подстилку, что приказывается и въ книгахъ; но то ли въ Германіи называется сѣномъ, что мы подъ этимъ словомъ понимаемъ? Подъ однимъ названіемъ это двѣ вещи совершенно-разныя. Въ Германіи, скосятъ сѣянную траву въ-время, когда она еще въ соку, складываютъ въ крѣпко-сжатые скирды, немного-сырую, чтобъ она получила легкое броженіе, чѣмъ это сѣно и приближается питательностію къ хлѣбу. У насъ, въ Россіи, напротивъ: траву не сѣютъ, дожидаясь, чтобъ самородная подросла; ранѣе петрова-дня не принимаютъ за покось; трава же, давъ сѣмя, истончивъ соки, подсохнетъ на корню; тогда, ее скосятъ, складываютъ въ безобразные стога, пробиваемые дождемъ и продуваемые вѣтромъ, который скоро превращаетъ ее въ пыль и гниль; и это также называется сѣномъ, иногда лучшимъ, потому-что, лучшаго не знаютъ, и этого-то сѣна у насъ часто отъ засухъ не бываетъ! Соломы же у насъ озимой почти-всегда довольно; яровая всегда съ свѣжей травою, рѣдко хорошо-вымолочена; попадаетъ колосья и зерно, почему я и заключаю: такъ-какъ у насъ нѣтъ совершенства хозяйства нѣмецкаго, а заводить его трудно, то надобно воспользоваться несовершенствами своего, что гораздо-легче и короче. Нѣмецкаго сѣна у насъ нѣтъ и производить его не умѣютъ и, можетъ-быть, долго еще производить не будутъ; а свое сѣно иногда хуже соломы; къ-тому же, и Тээръ говоритъ, что «хорошей соломою, вмѣстѣ съ сѣномъ, мериносохъ кормить можно». Русскія овцы — отличныя шерстью, но, по своей организаціи, во всемъ подобныя мериносомамъ, довольствуются соломою; следовательно, и жериносома она достаточна, что подтвердилъ и опытъ. Въ сухіе годы, когда трава погорѣла въ лугахъ и степяхъ, стадо довольствовалось почти одною озимую соломою, ибо и яровой было весьма-немного. Солома, замѣняя безъ неудобства сѣно, составила немалое облегченіе какъ въ хлопотахъ, такъ и въ расходѣ.

Размышляя о большой потерѣ ягнятъ поносомъ какъ въ Германіи, такъ и въ некоторыхъ богатыхъ овчарняхъ Россіи, я другой причины не находилъ, какъ ранняя котка (т. е. въ мартѣ и февралѣ, — оговариваюсь, ибо въ одномъ изъ журналовъ, въ статьѣ съ нѣмецкаго, совѣтуютъ котку въ августѣ и называютъ ее раннею). Вся травоядная животныя вообще, равно и овцы, поступая съ сухаго корма на траву, подвержены бываютъ если не поносамъ, то частымъ испражненіямъ жидкостей; этимъ простымъ и натуральнымъ способомъ заводчики очищаютъ коровъ и лошадей, ибо свѣжій подножный кормъ служить животнымъ крово-очистительнымъ декоктомъ. Во время этого измѣненія соковъ, всякое животное слабо, особенно овца, и находится въ лихорадочномъ состояніи. Пи-

тая въ это время ягнoka, она еще болѣе слабитъ и его кормитъ испорченными, но уже жирными молокомъ, ибо едва-рожденный ягнокъ не можетъ еще цѣпать травы. Само-собою разувѣется, то, что проживодитъ во взросломъ животномъ легкое болѣзненное состояние, разрушаетъ слабые органы ягнoka: что овцу очищаетъ, то его убиваетъ. Котка въ маѣ,—когда овца давно уже на травѣ, перенесла лихорадочное положеніе отъ перехода съ сухаго корма на свѣжій, которое нисколько не вредитъ ягнокѣ въ брюхѣ матери, и, окрѣпнувъ, собралась со всеми силами,—предупреждаетъ это зло: ягнокъ, родясь отъ здоровой матки, продолжаетъ питаться хотя жирными, но здоровыми соками, которыми существовалъ въ ея брюхѣ. Слышалъ я, некоторые утонченныя овцеводы говорятъ, что «слишкомъ-жирное молоко вредно ягнокѣ»: не жирное, а испорченное вредно; животныхъ же въ природномъ состояніи никогда не случалось мнѣ видать на дітѣ; отъ худаго же корма часто гибнутъ и матери и приплоды. Сверхъ-того, въ майской коткѣ овца кочется при теплыхъ ночахъ, на свѣжемъ воздухѣ, что, какъ извѣстно, и людямъ и животнымъ во всѣхъ болѣзняхъ полезно; ягнокъ и мать не боятся ни морозовъ, ни вьюгъ, ни холодныхъ вѣтровъ, ни сырой земли, что почти-всегда бываетъ въ мартъ и даже апрѣль, — а въ февралѣ у насъ совсѣмъ зима; всего этого нельзя иначе избѣгнуть, какъ обширными сараями, весьма-дорого стоящими, отъ которыхъ я избавляюсь. Какъ майскій ягнокъ, такъ и февральскій, носпѣваютъ къ случкѣ въ будущемъ ноябрѣ вмѣстѣ, только одни двадцати-двухъ мѣсяцовъ, а другіе восемнадцати, что разницы большой не составляетъ. На послѣднихъ, только шерсть къ будущему году будетъ немного короче; къ зимѣ же, какъ тотъ, такъ и другой, равно окрѣпнуть. Неудобство поздней котки только одно: замедляется стрижка матокъ.

Утвердивъ содержаніе моего стада на трехъ основныхъ правилахъ, а именно: а) холодные сарая, б) кормъ соломою преимущественно и в) поздняя котка,—правилахъ, согласныхъ съ теоріей и ватурою овцы, но которой я на практикѣ, въ примѣрно-устроенныхъ овчарняхъ, нигдѣ не видалъ,—приложилъ ихъ у себя со всею строгостью; въ-слѣдствіе чего отбросилъ все лекарства, закармли и аптеки, въ которыхъ не вижу нужды, ибо потеря какъ въ маткахъ, такъ и въ ягнятахъ, незначительная, а въ валухахъ почти-ничтожная; самая большая въ баранахъ, которые все бьются, что и хотѣлъ я предупредить, заводя безрогихъ, но бросилъ это намѣреніе, замѣтивъ, что безрогіе не столь многшерстны; я же всегда болѣе обращаю вниманіе на количество шерсти, чѣмъ на ея качество, что для дохода кажется ближе къ цѣлѣ, ибо наши фабрики устроены на среднюю шерсть; лучшая же у насъ почти сбыта не имѣетъ. Не излишне замѣтить, что и оспа у меня не призывается постоянно, а

прибѣгаютъ къ этому средству только тогда, когда оспа уже окажется въ стадѣ; но и въ этомъ случаѣ замѣчено, что отдѣленіе заболѣвшихъ овецъ дѣйствительно прививанья. Изъ первыхъ зараженныхъ, рѣдкія выдоравливаются; вторыхъ болѣе, третьихъ еще болѣе; но когда замѣтатъ, что зараженные и уже отдѣленные не ирутъ, то, если время благоприятствуетъ (т. е. когда не слишкомъ холодно или жарко), все стадо, еще здоровое, смѣшиваютъ съ послѣдне-отдѣленными, чтобъ скорѣе перевалялось, и тогда оспа уже надолго не страшна стаду, ибо рѣдко у овецъ бываетъ по два раза оспа, а если и прійдетъ, то весьма-слабая, и убьетъ только тѣхъ овецъ, которыя бы и отъ другихъ болѣзней въ-теченіе зимы померли. Овчары у меня всѣ свои дворовые, которымъ награжденіе, и то не весьма-значительное, идетъ со стада, и которымъ на-крупно приказано поступать съ мериносоми какъ съ русскими, лечить ихъ своими деревенскими средствами, а сильно-больныхъ прирѣзывать. Шерсть у меня не только не промывается, но и не сортируется, а продается грязная, со всеми подбрюшинами и загривками. Шерсть прежде продавалъ я по 32 руб., барановъ по 100 р., матокъ по 15 р., валуховъ по 10 р.; но теперь, вѣроятно, такъ же какъ и всѣ, продаю шерсть по 18 руб., барановъ ни-по-чемъ, матокъ по 10, а валуховъ по 6 руб. Но такъ-какъ облегчены всѣ хлопоты и расходы, то нахожу овецъ еще однимъ изъ лучшихъ орудій истребленія дешеваго домашняго корма. По хозяйственнымъ выгодамъ, предпочелъ бы я коровъ, еслибъ было средство предохранить свое стадо отъ заразы. Лошади же даютъ хорошій доходъ при искусномъ содержаніи и сбываніи; въ противномъ случаѣ, кромѣ расходовъ, ничего не принесутъ. Лошади—не хозяйство, а искусство!

Примѣчаніе. Убыль бываетъ отъ 5 до 10 процентовъ; шерсти снимается отъ 5 до 6 фунтовъ съ овцы; корма заготавливается зимняго на 200 дней—5 пуд. сѣна и 25 пуд. соломы на голову; пастбищъ опредѣлить нельзя, ибо ходить по выгону, по лугамъ до 15 мая; а послѣ по парамъ, по отавамъ и по живнью; въ сухіе годы, 1833, 1835, 1839 и 1841, было чрезвычайно-затруднительно на-счетъ лѣтняго содержанія; затрудненіе прибавилось отъ множества червя, показавшагося на животныхъ. Въ эти годы, и потери были значительнѣе и шерсти менѣе. Деньгами въ годъ на все стадо расходится до 250 руб.; цѣна шерсти (какъ сказано выше) отъ 32 до 18 руб.; въ шерсти и животныхъ измѣненія не замѣчено, хотя въ послѣднія шесть лѣтъ ни одного посторонняго барака куплено не было. Общее же пониженіе цѣнъ на мериносовую шерсть произошло не столько еще отъ размноженія овецъ, сколько отъ потрясенія всей фабричной системы, особенно фабрикъ топкаго сукна; какая изъ нихъ могла выдержать хлѣбъ въ 30 рублей! Все это стадо, въ 2,000 головъ, содержится въ Тамбовской-Губерніи, Тамбовскаго-Уѣзда, въ 10 верстахъ отъ ближайшаго города, при 250 душахъ, на 2,500 десятинахъ.

Домоводство, Сельские Хозяйства и Промышленность.

Расход на овчарный заводъ.				Приходъ шерсти.				Приходъ животными.	
Годы.	Матр.	Баран.	Рубль асснл.	Годы.	Цана.	Цыпл.	Рубль асснл.	Годы.	Рубль.
1830	75	5	600	1831	21 р.	5	105	1833	1,150
1831	450	15	2,400	1832	22 —	30	690	Овечь браку на	100
—	—	—	300	1833	25 —	70	1,900	Барановъ.	100
—	—	15	300	1834	32 —	109	3,200	—	350
1833	50	2	300	1835	32 —	115	2,990	—	1,000
1834	200	10	3,000	1836	26 —	157	3,925	Овечь браку и алгата	5,000
1835	—	2	250	1837	25 —	229	5,038	Барановъ.	1,750
—	—	—	4,500	1838	22 —	250	5,750	Овечь браку и барановъ	2,000
—	—	—	1838	1839	23 —	222	4,007	Барановъ.	3,000
—	—	—	1839	1840	18 —	160	2,720	Барановъ и матокъ	160
—	—	—	1840	1841	17 —	170	2,890	Барановъ, выгуловъ и матокъ	2,400
—	—	—	1841	1842	17 —	175	3,000	Овечь браку	2,600
—	—	—	1842	Итого.....	16 —	220	3,630	Барановъ, выгуловъ и матокъ	2,500
—	—	—	1843	Итого.....	1,930	39,845	1842	Животными всего	23,950
—	—	—	Итого.....	Итого.....	14,600			Шерстью	39,845
—	—	—						Итого	63,795
—	—	—						Расходъ	14,600
—	—	—						Прибыль въ 13 летъ	49,195

И стадо въ 2,000 головъ на лицо.

К. САВЧУКЪ.

V.

К Р И Т И К А.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1843 ГОДУ.

Литература наша находится теперь въ состояніи кризиса: это не подвержено никакому сомнѣнію. По многимъ признакамъ, замѣтно, что она, наконецъ, твердо рѣшилась или принять дѣльное направленіе и ее даромъ называть «литературою», или, какъ говорить у Гоголя Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, *смертію окончить жизнь свою*. Последнее обстоятельство, прискорбное для всѣхъ, было бы очень-горестно и для насъ, еслибъ мы не утѣпали себя мудрою и благородною поговоркою: *все, или ничто!* Въ смиреніи-и-умѣншии-сознаніи дѣйствительной нищеты гораздо-больше честности, благородства, ума и мужественнаго великодушія, чѣмъ въ дѣтскомъ тщеславіи и ребяческихъ восторгахъ отъ мнимаго, воображаемаго богатства. Изъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, обличающихъ недостатокъ прочнаго образованія и извѣстство добродушнаго невѣжества, самая дурная—называть вещи не называющими ихъ именами. Но, слава Бо-

гу, наша литература теперь рѣшительно отстаесть отъ этой дурной привычки, и если изъ кое-какихъ литературныхъ захоластей раздаются еще довольно-часто самохвальные возгласы, публика знаетъ уже, что это не голосъ истины и любви, а вопль или литературнаго торгашества, которое жаждетъ прибытковъ на-счетъ добродушныхъ читателей, или самолюбивой и задорной бездарности, которая, въ своей глупости, апатіи, въ своемъ бездѣйствіи и своихъ мелочныхъ произведеніяхъ, думаетъ видѣть неопровержимыя доказательства неисчерпаемаго богатства русской литературы. Да; публика уже знаетъ, что это торгашество и эта бездарность, по-большой-части соединяющіеся вмѣстѣ, спекулируютъ на ея любовь къ родному, къ русскому—и свои пошлыя произведенія называютъ «народными». сколько въ надеждѣ привлечь этимъ вниманіе простодушной толпы, столько и въ надеждѣ зажать ротъ неумолимой критикѣ;

которая, признавая патриотизм святымъ и высокимъ чувствомъ, по этому самому съ большимъ ожесточениемъ преслѣдуетъ же-патриотизмъ, соединенный съ бездарностью. Публика знаетъ, что ей уже нечего искать въ романахъ и повѣстяхъ изъ русской исторіи, или преданій старины, ибо она знаетъ, что русская исторія и русская старина сами-по-себѣ, а таланты нашихъ сочинителей и взглядъ ихъ на вещи—самипо-себѣ, и что русскій бытъ, историческій и частный, состоитъ не въ однихъ только русскихъ именахъ дѣйствующихъ лицъ, но въ особенностяхъ русской жизни, развившейся подъ неотразимымъ влияніемъ мѣстности и исторіи, — такъ же, какъ патриотизмъ состоитъ не въ пышныхъ возгласахъ и общихъ мѣстахъ, но въ горячемъ чувствѣ любви къ родннѣ, которое умѣетъ высказываться безъ восклицаній и обнаруживается не въ одномъ восторгѣ отъ хорошаго, но и въ болѣзненной враждебности къ дурному, неизбежно бывающему во всякой землѣ, слѣдовательно, во всякомъ отечествѣ. Больше же всего и яснѣе всего публика сознаетъ, что ей нечего читать, не смотря на *возстаніе* и *воздвигненіе* равныхъ непризнанныхъ оживителей и воскресителей русской литературы и не смотря на громкіе возгласы ихъ хвалителей. Это истина неоспоримая. Книгопродавцы то-и-дѣло выпускаютъ въ свѣтъ объявленія о новыхъ книгахъ, которыя они издали и которыя они намѣрены издать, — объявленія, печатаемые на листахъ чудовищной величины, гигантскимъ и мелкимъ шрифтомъ, безъ полиטיפажей и съ полиטיפажами, и съ великолѣпными похвалами этимъ книгамъ, написанными книгопродавческимъ слогомъ; возвѣщаемыя книги дѣйствительно выходятъ въ свѣтъ и продаются по объявленнымъ цѣнамъ, — а читателямъ отъ этого не легче, потому-что читать все-таки нечего! Библиографы и рецензенты въ отчаяніи: имъ совсѣмъ дѣла нетъ работы, нечего разбирать, не надъ чѣмъ потрунить, да нечего и похвалить; въ бельетрическихъ книгахъ картинки

хороши, или сносны, а текстъ плосокъ до того, что не за что зацѣпиться; потому, большая часть книгъ все учебники, нрѣдка хорошіе, но чаще невнимные и въ добрѣ и въ злѣ. Отдѣленіе библиографіи въ журналахъ со дня-на-день теряетъ свою занимательность въ глазахъ публики, которая всегда читала рецензію съ большею жадностью, большимъ вниманіемъ и большимъ удовольствіемъ, чѣмъ самую книгу, на которую написана рецензія. Журналы также въ отчаяніи; имъ остается разбирать только другъ-друга: занятіе невинное и забавное, которое, впрочемъ, едва-ли можетъ занять публику больше преферанса и домашнихъ шлетней!

Куда жь дѣвались наши книги? гдѣ же наша литература?

«Да ихъ поглотили *толстые журналы!*» кричатъ со всѣхъ сторонъ. «Какихъ книгъ, какой литературы хотите вы, если любая книжка толстаго журнала въ-состояніи поглотить въ себя литературный бюджетъ цѣлаго года?»

«А! вотъ въ чемъ зло: толстые журналы виноваты!»

Но сколько же у насъ издается толстыхъ журналовъ?—Два: «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія».

Попробуемъ повѣрить *фактически* справедливость этого *умозрительнаго* обвиненія.

«Отечественныя Записки» состоятъ изъ *восьми* отдѣловъ, изъ которыхъ *цѣлые пять* совершенно невинны въ поглощеніи русскихъ книгъ: мы говоримъ объ отдѣлахъ *Современной Хроникі Россіи, Критики, Библиографическо Хроникі, Иностранной Литературы Смысли*, въ которые ни комъ образомъ не могутъ войти статьи въ книгу величинаю, или статьи, которыя могли бы быть надын отдѣльно и не были рождены срочною и дневною потребностью журнала. Въ отдѣлы: *Наука и Ученые жества и Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Промышленности вообще* входятъ статьи до того огромныя, что могли бы составить порядочной вели-

чины книгу; таковы были, въ отдѣлѣ *Наукъ и Художествъ* «Отечественныхъ Записокъ» 1841 года статьи «Альбигойцы и крестовые противъ нихъ походы», «Греція въ нынѣшнемъ своемъ состояніи» (1841), «Гёте» (1842), «Средняя-Азія, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Гумбольдта» (1843), и др., и, въ отдѣлѣ *Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Промышленности вообще* «Отеч. Записокъ» 1842 года, огромная статья г. Сабурова «Записки Пензенскаго Земледѣльца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства». Каждая изъ этихъ статей есть большая книга; но, во-первыхъ, такихъ большихъ статей немного бываетъ въ журналахъ; а во-вторыхъ, онѣ своимъ появленіемъ въ печати обязаны только журналу. Упомянутыя статьи въ отдѣлѣ «Наукъ» — переводныя или сокращенныя изъ иностранныхъ книгъ, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ: «Отечественныя Записки» никому не помѣшали бы перевести или составить ихъ и издать въ свѣтъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій изданы были въ подлинникѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, — и однакожъ, никто и не подумалъ приняться за нихъ. А почему? — да потому-что въ журналѣ ихъ прочли всѣ читающіе журналъ, а явись они отдѣльною книгою, то вереводчикъ или составитель остался бы не вознагражденнымъ, издатель въ убыткѣ, и прекрасное сочиненіе было бы прочтано много-много нѣсколькими десятками человекъ; для большинства же публики они остались бы вовсе-неизвестными. И мало ли на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ хорошихъ историческихъ сочиненій, которыя соединяютъ въ себѣ ученость содержанія съ популярностью изложенія? Кто же мѣшаетъ ихъ кому-нибудь переводить и издавать? Не-уже-ли толстые журналы? Вѣдь они, кажется, не пользуются правомъ монополіи касательно переводовъ иностранныхъ сочиненій? Притомъ же, всѣ наши журналы, безъ исключенія, грѣхъ обвинять въ скорости и поспѣшности, съ которою они представляли бы въ переводахъ сво-

нимъ читателямъ новыя учено-популярныя иностранныя сочиненія, и которая препятствовала бы кому-нибудь переводить и издавать ихъ отдѣльно. Что же касается до статьи г. Сабурова, то и ея ничто не мѣшало явиться отдѣльною книгою, кромѣ развѣ естественнаго для книги желанія — быть пречтатною не ограниченными числомъ пріемныхъ любителей книгъ такого содержанія, а цѣлою публикою... Теперь остается одинъ отдѣлъ, на который въ-особенности должно пасть обвиненіе въ поглощеніи книгъ и литературы: это отдѣлъ *Словесности*, гдѣ помѣщаются стихотворенія, повѣсти и другія беллетристическія статьи. Но, во-первыхъ, стихотвореній въ нынѣшнихъ журналахъ, и толстыхъ и тонкихъ, печатается немного, потому-что посредственныхъ никто не хочетъ читать, хороши же рѣдки, а превосходныхъ, послѣ Лермонтова, уже нѣтъ; во-вторыхъ, въ отдѣлѣ *Словесности* помѣщаются не одни русскіе повѣсти и романы, но и переводныя, и самыя большіе всегда бывають переводныя; въ-третьихъ, имъ тѣмъ ни другимъ, никто не мѣшалъ бы являться отдѣльными книгами, еслибъ онѣ сами этого захотѣли, ибо, повторяемъ, толстые журналы не пользуются правомъ монополіи для печатанія оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей.

Все сказанное объ «Отеч. Запискахъ» можно приложить и къ «Библиотекѣ для Чтенія»: слишкомъ-большія статьи и въ ней помѣщаются, изъ рѣдка, въ отдѣлахъ *Наукъ и Художествъ* и *Промышленности и Сельскаго Хозяйства*, — чаще, въ отдѣлѣ *Русской Словесности*, и очень-часто въ отдѣлѣ *Словесности Иностранной*, гдѣ переводятся на русскій языкъ иностранныя повѣсти и романы.

Многочисленны же должны быть русскія книги и богата же должна быть русская литература, если онѣ нѣсколько поглощаются тремя отдѣлами двухъ журналовъ, — тремя отдѣлами, состоящими на половину изъ переводныхъ статей!!...

Однакожь, скажутъ намъ, до существованія толстыхъ журналовъ книгъ выходило гораздо больше!..

Это справедливо; но причина этого не въ толстыхъ и не въ тонкихъ журналахъ. Для книгъ ученаго содержанія, у насъ нѣтъ еще публики, и наши ученые, еслибъ они много писали и много издавали, дѣлали бы это для собственного удовольствія и сами были бы и читателями и покупателями собственныхъ своихъ книгъ. Это фактъ, противъ очевидной дѣйствительности котораго не устоятъ никакіе фразы и возгласы, какъ бы ни были они великолѣпны. Ученая литература наша всегда была до того бѣдна, что странно было бы и называть ее литературою, какъ странно называть библиотекою шкафъ съ нѣсколькими десятками разрозненныхъ книгъ. Но прежде, ученыхъ книгъ выходило еще меньше, чѣмъ теперь. И все лучшее по этой части является теперь только или черезъ прямое посредство правительства, или подъ его покровительствомъ, особенно книги спеціальнаго содержанія, какъ то: историческіе акты, сочиненія по части статистики, по части инженерной, горной, и т. п. Сочиненія медицинскія болѣе независимы, и потому врачебная литература, въ сравненіи съ другими, болѣе богата, ибо въ значительномъ (по числу своему) сословіи врачей все же есть люди, болѣе или менѣе слѣдящіе за ходомъ науки, которая, по - крайней мѣрѣ, даетъ имъ хлѣбъ. Учебныя книги у насъ можно издавать только при условіи, чтобъ онѣ были приняты въ руководство въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ послѣднее время, учебная литература обогатилась многими хорошими книгами, изъ которыхъ первое мѣсто, по достоинству, занимаютъ руководства, изданныя для военно-учебныхъ заведеній. Итакъ, при всей бѣдности ученой и учебной литературы, настоящее время все-таки имѣетъ большое преимущество передъ прежнимъ, когда исторіи г. Кайданова, географіи Зябловскаго, грамматик

г. Греча и реторики гг. Толмачева и Кошанскаго — считались отличными учебниками. Чтò касается до собственно - беллетристической литературы, или, какъ ее называютъ иначе — *малой словесности*, въ прежнее время, т. е. отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ, она казалась столь же богатою и процвѣтающею, сколько теперь кажется бѣдною и увядающею. Но если она казалась богатою, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ она и была богата въ - самомъ дѣлѣ. Въ двадцатыхъ годахъ, публика была въ восторгѣ отъ избытка литературныхъ сокровищъ. Но въ чемъ состояли эти сокровища? Въ крошечныхъ альманахахъ, и полненихъ крошечными отрывками изъ крошечныхъ поэмъ, крошечныхъ драмъ, крошечныхъ новѣстей, которыми, болѣею частію, никогда не суждено было явиться вполнѣ, т. е. съ началомъ и концомъ. Вспомните, сколько, бывало, шума и радости производило появленіе «Сѣверныхъ Цвѣтовъ!». А чтò было въ нихъ? Дѣтри новыя пьесы Пушкина или Житковскаго, которыя, конечно, были бы всегда драгоценными перлами во всякаго рода изданіяхъ; но, вмѣстѣ съ ними, съ восторгомъ равно дѣтскихъ читались, перечитывались, учились наизусть и переписывались въ тетради стихотворенія и другія поэты, изъ которыхъ одни были точно съ замѣчательными талантами, а другіе все безъ таланта, владая гладкимъ стихомъ и модною манерою выражать бывшія тогда въ модѣ чувства унынія, грусти, гнѣви, разочарованія и толподобное. Сверхъ того, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» были литературныя обзорнія г. Сомова, аллегоріи г. Глинки, даже статьи Владиміра Назайлова. Въ наше время, такіе альманахи ужъ невозможны: и самыя стихотворенія Пушкина или Лермонтова не заставили бы никого заплатить десять рублей за маленькую книжечку, въ которой, за исключеніемъ трехъ-четырехъ превосходныхъ стихотвореній, все остальное — или посредственность, или про-

сто вздоръ. Мы не говоримъ о другихъ альманахахъ, потянувшихся длинною вереницею за «Сѣверными Цвѣтами», какъ то: *Ураній, Сѣверной Лиръ, Невскомъ Альманахъ, Сириусъ, Царскомъ Сель* и многомъ-множествѣ другихъ. Что же выходило тогда кромѣ альманаховъ? — Поэмки въ стихахъ, которыхъ теперь и названій нельзя вспомнить, равно какъ и именъ ихъ сочинителей; разныя драматическія произведенія, теперь забытыя вмѣстѣ съ именами ихъ производителей, да еще безобразныя и чудовищныя переводы поэмъ и романовъ Вальтера Скотта вмѣстѣ съ глупыми романами виконта Дарленкура... Въ такомъ положеніи была наша литература отъ начала такъ называемаго романтизма до 1829 года. Лучшія и многочисленнѣйшія статьи въ тогдашнихъ журналахъ, преимущественно въ «Московскомъ Телеграфѣ», были переводныя, а оригинальныя болѣею частью состояли изъ отрывковъ. Стихи преобладали тогда надъ прозою и наводняли журналы и альманахи; въ то же время стихи издавались и отдѣльными книжками, то подъ именемъ «поэмъ», то подъ именемъ «собраній сочиненій» такого-то. И, не смотря на то, изъ замѣчательныхъ поэтовъ никто не былъ изданъ въ то время. «Горе отъ Ума» ходило въ рукописи по всѣмъ краямъ обширнаго русскаго царства. Стихотвореній Пушкина была издана только небольшая книжка въ 1826 году. Настоящее изданіе собранія сочиненій Пушкина началось уже съ 1829 года. Сочиненія наиболѣе уважающихся поэтовъ того времени, какъ то: Баратынскаго, Веневитинова, Языкова, Подолинскаго, Козлова, Давыдова, Дельвига, Полежаева, были изданы уже въ тридцатыхъ годахъ (*). И такъ, гдѣ же это богатство книжной производимости двадцатыхъ годовъ, которое удичило бы наше время въ литературной бѣдности? Это богат-

ство было мнимое, призрачное; оно заключалось въ новизнѣ, которая до бродушно принималась въ то время за гениальность, въ отрывкахъ, которые считались за цѣлыя великія творенія, на честное слово сочинителей, — въ потоки стиховъ, которые, благодаря гладкости, сладостной глѣни и унылому раздумью, принимались за поэзію. И это множество стиховъ являлось не оттого, чтобы поэты того времени писали много, но оттого, что слишкомъ-много поэтовъ писало въ то время. Десять тысячъ стихотворцевъ, написавъ каждый по десятку стихотвореній, подарятъ свѣтъ такую громадную стиховъ, въ сравненіи съ которою полное собраніе сочиненій такихъ плодовитыхъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте, Шиллеръ, будетъ небольшая книжечка. Нашихъ поэтовъ грѣхъ обвинять въ плодовитости: это грѣхъ, въ которомъ они рѣшительно невинны. Самъ Пушкинъ, дѣятельнѣйшій и плодовитѣйшій изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ, писалъ слишкомъ-мало и слишкомъ-глѣниво въ сравненіи съ великими европейскими поэтами. Но это, конечно, была не его вина: наша дѣятельность не слишкомъ-богата поэтическими элементами и немного можетъ дать содержанія для вдохновеннаго поэта, — такъ же какъ нашъ плоскій материкъ, заслоненный стѣрмыхъ и сѣрыми небомъ, не много можетъ дать видовъ для пейзажнаго живописца. Пушкинъ, впрочемъ, взявъ все, что могъ взять. Но что сдѣлали другіе поэты, вмѣстѣ съ нимъ выпешшіе на литературное поприще? Одинъ изъ нихъ представилъ публикѣ собраніе многолѣтнихъ поэтическихъ трудовъ въ двухъ томикахъ, другіе — въ одномъ миниатюрномъ томикѣ. За то, всѣ они были изданы очень-красиво и съ большими пробѣлами. Скажутъ: «но вѣдь достоинство поэта измѣряется качествомъ, а не количествомъ написаннаго имъ». Иногда, и чаще всего, тѣмъ и другимъ, — отгѣчаемъ мы. Источникъ поэтической дѣятельности есть творческая натура, —

(*). За исключеніемъ только первой части сочиненій Веневитинова, изданной въ 1829 году.

и чѣмъ болѣе одаренъ поэтъ творческою силою, тѣмъ, естественно, онъ дѣятельнѣе, подобно пароходу, который тѣмъ быстрѣ летитъ, чѣмъ огромнѣе его машина и чѣмъ жарче она топится. Неистощимость и разнообразіе всѣхъ поэзіи зависятъ отъ объема ея содержанія: и чѣмъ глубже, шире, универсальнѣе идеи, одушевляющія поэта и составляющія паеосъ его жизни, тѣмъ; естественно, разнообразіе и многочисленнѣе его произведенія: тучная, богатая растительными силами почва не истощается одною богатою жатвою, а сухая и песчаная не даетъ и одной порядочной жатвы. Если поэтъ мало писалъ, значить: ему было не о чемъ больше писать, потому-что вдохновлявшей его идеи, по ея поверхностности и мелкости, едва стало на два, на три десятка болѣе или менѣе разнообразныхъ, хотя, въ то же время, болѣе или менѣе и прекрасныхъ пѣсокъ. Вотъ почему, когда явной знаменитый поэтъ нашъ соберется наконецъ издать собраніе своихъ стихотвореній, всѣмъ извѣстныхъ прежде изъ журналовъ и альманаховъ, то очень должно остерегаться читать тѣ его стихотворенія, которыя послѣ изданія этого сборника будутъ онъ изрѣдка печатать въ журналахъ. Причина очевидна: наши поэты болѣею частью издають собранія своихъ поэтическихъ трудовъ, какъ памятники, дорогіе ихъ сердцу, лучшихъ дней ихъ жизни, когда они любили и мечтали. Но когда человѣкъ перестаетъ мечтать, истративъ на мечты лучшую половину своей жизни, въ которую слѣдовало бы мыслить, и когда, волею или неволею, сходится и мирится онъ съ пошлою дѣйствительностію, за незнаніемъ разумной дѣйствительности, открывающей только мысли и сознанію, а не чувствамъ и мечтамъ, — тогда талантъ оставляетъ его, и въ такомъ случаѣ всего лучше поторопиться ему падать свои сочиненія. Жаль только, что эти счастливыя дѣти своего времени, въ сборникѣ часто являютъ гостями, опоздавшими на пиръ и пришедшими въ старомодныя костюмахъ: они бываютъ

непріятно поражены холодныиъ приѣмомъ даже со стороны тѣхъ самыхъ людей, которые, пять-шесть лѣтъ назадъ, были отъ нихъ въ восторгѣ...

Но обратимся къ двадцатымъ годамъ русской литературы. Въ это ультра-романтическое и ультра-стихотворное время, проза была въ самомъ жалкомъ состояніи. Пушкинъ почти ничего не писалъ прозою. Нѣсколько статей Веневитинова принадлежать къ прозѣ теоретической, а не поэтической, и въ этомъ родѣ прозы было кое-что, болѣе или менѣе замѣчательное, кромѣ мысленныхъ статей Веневитинова. Въ сферѣ поэтической прозы, отличались тогда трескучія эффектами и фразою повѣсти Марлинскаго; и приводили добродушную публику въ неопределенный восторгъ. Чтобъ нѣсколькими словами охарактеризовать бѣдность изящной прозы того времени, стоить только замѣтить, что даже и повѣсти одного московскаго ученаго, совершенно лишеныя фантазій, илліи талантовъ, богатыя чорствою сухостию чувства и грубыиъ цинизмомъ понятій и выраженій, многими и очень-многими нравились, хотя тогда же многие и сѣялись надъ этими жалкими порожденіями незаконныхъ притязаній на талантъ и поэзію. Послѣ этого, удивительно ли, что для большинства того времени двомѣднныиъ казались повѣсти г. Погодина, чуждыя всякаго творчества, но не чуждыя нѣкоторой изобрѣтательности, бѣдныя чувствомъ, но богатые чувствительностію, лишеныя идеи, но достаточно напшигованныя *мыслими взглядами*,—повѣсти, представлявшія, вмѣсто характеровъ, образы безъ лицъ, т. е. неопредѣленные полумысли автора,—повѣсти, не щеголявшія слогами, но ловко владѣвшія фразою и не безъ основанія претендовавшія на нѣкоторое достоинство разсказа, обличавшее въ авторѣ литературное образованіе и навыкъ,—повѣсти, невинныя въ какомъ бы то ни было тактѣ дѣйствительности и способности хотя приблизительно понимать дѣйствительность, но очень и очень-виновныя въ

мечтательности и наткнутомъ, приторномъ абстрактномъ идеализмѣ, который презираетъ землю и матерію, нѣтается воздухомъ и высокопарными фразами, и стремится всё «туда» (dahin!) — въ эту чудную страну праздношатающагѣся воображенія, въ эту вѣчную Атлантиду себя-любивыхъ мечтателей?.. Удивительно ли, что и люди, непривадежавшіе къ большинству, считали эти повѣсти за весьма-приятное явленіе въ русской литературѣ?.. Въдѣ тогда еще не было ни «Шиковой Дамы», ни «Капитанской Дочки» Пушкина, ни повѣстей Гоголя, ни «Героя нашего Времени» Державина...

Впрочемъ, гг. Погодинъ и Полевой слѣдующимъ-много писали повѣстей только съ 1829 года. Этотъ годъ былъ довольно-замѣтнымъ поворотомъ отъ стиховъ къ прозѣ, и нельзя не согласиться, что, считая отъ этого времени до 1836 года, литература наша была болѣе оживлена и болѣе богата книгами, чѣмъ прежде и послѣ того. Въ этотъ промежутокъ времени появились «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки», «Арабески», «Миргородъ», и «Ревизоръ» Гоголя, и самъ Пушкинъ началъ обращаться къ прозѣ, напечатавъ лучшія свои повѣсти — «Шиковую Даму» и «Капитанскую Дочку». Этого уже слишкомъ-довольно, чтобъ не только считать это время богатымъ и обильнымъ литературными произведеніями, но и видѣть въ немъ новую, прекрасную эпоху русской литературы. Числительное богатство книгъ и обиліе литературныхъ новинкокъ было еще значительнѣе. Въ 1829 году, г. Ф. Булгаринъ издалъ своего «Выжигина», а въ слѣдующемъ году — «Дмитрія Самозванца». Первый изъ этихъ романовъ, имѣлъ большой успѣхъ: онъ въ короткое время былъ весь раскупленъ, и особенно понравился низшимъ слоямъ читающей публики, которые, повѣривъ на-слово сочинителю, не затруднились увидѣть въ его безличныхъ изображеніяхъ вѣрную картину современной русской дѣйствительности. Очевидно, что въ это невиданное заблужде-

ніе ввели ихъ русскія имена дѣйствующихъ лицъ въ «Выжигинѣ», названіе русскихъ городовъ и областей, а главное — запутанныя и неестественныя похождения продувнаго героя романа. Добряки не замѣтили, что все это — старая поговорка на новый ладъ, какъ говорить пословица, т. е. дюбре-дю-милевскія романическія иружинны съ сумароковскими нападками на лихоимство и мошенничество. При этомъ, не должно забывать, что первыя попытки въ новомъ родѣ всегда принимаются хорошо. Публикѣ того времени показался новостью — романъ съ русскими именами. Она забыла, что какою-то А. Измайловъ, въ этомъ отношеніи, предупредилъ г. Ф. Булгарина цѣлыми тридцатью годами, ибо въ его романѣ «Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества», изданномъ въ 1799 году, дѣйствіе происходитъ въ Россіи, герой романа называется Евгеніемъ — имя столь же русское, сколько и иностранное. Фамилія Евгенія — *Неодоловъ*, фамиліи прочихъ дѣйствующихъ лицъ романа — *Лицелмиркина, Витрогов, Тыслычиковъ, Бездольшиковъ, Простаковъ, коллежскій ассессоръ Назарій Антоновичъ Милосворговъ, Ворогов, Подляковъ, Разератинъ* и пр. Вѣроятно, эти остроумно-придуманная г. А. Измайловымъ русскія фамиліи и подали г. Ф. Булгарину счастливую мысль назвать героевъ своего романа Воробятинными, Ножовыми и пр. Это обстоятельство также доставило «Выжигину» значительный успѣхъ. Впрочемъ, «Выжигинѣ» изобрѣтательностію, маверомъ, яркимъ изображеніемъ характеровъ, движеніемъ сердца человѣческаго и нравственно-сатирическимъ направлениемъ живо напоминавшій собою «Евгенія» г. А. Измайлова, далеко превзошелъ его въ правдивости языка, хотя и уступилъ ему въ живости рассказа. Публика того времени, по свойственной ей забывчивости, не догадалась также, что г. Ф. Булгаринъ предупрежденъ былъ, какъ романистъ, писателемъ новымъ и даровитымъ, и что въ 1824 году, вы-

шелъ «Бурсакъ», а въ 1825— Два Ива-
на, или страсть къ тяжбамъ «Нарѣж-
наго». Эти два замѣчательныя произве-
денія были первыми русскими романа-
ми. Они явились въ такое время, когда
еще публика не была въ состояніи оцѣ-
нить ихъ, и лучшіе юмористическіе
очерки характеровъ и сценъ просто-
народнаго быта, назвала *саломостами*,
а немножко таланта увидѣла въ рома-
нической развязкѣ «Бурсака». Все это
было съ-руки г. Ѳ. Булгарину и помо-
гло ему прослыть первымъ романи-
стомъ на Руси. Одиakoжъ, его «Ди-
митрій Самозванецъ» оборвался: его
убилъ успѣхъ «Юрія Милославскаго»,
вышедшаго въ свѣтъ нѣсколькими не-
дѣлями прежде «Самозванца», кото-
рый, безъ этого прискорбнаго для не-
го обстоятельства, безъ сомнѣнія, по-
лучилъ бы еще большій успѣхъ, чѣмъ
«Выжигинъ». Последующіе романы г.
Ѳ. Булгарина уже ниѣли самый по-
средственный успѣхъ, и то благо-
даря только омадѣвшей публикою
страсти къ романамъ, которая то-
гда снѣвила ея страсть къ стихамъ.
«Петръ Ивановичъ Выжигинъ» ниѣлъ
несчастье столкнуться съ «Рославе-
вымъ»: не смотря на сласть втораго
романа г. Загоскина, онъ былъ все-та-
ки неизгѣримо-выше «Петра Ивано-
вича Выжигина», хотя въ этомъ романѣ
выведенъ и самъ Наполеонъ, къ-несча-
стію обрисованный столь неудачно, что
его такъ же трудно отличить отъ Петра
Ивановича Выжигина, какъ и Петра
Ивановича Выжигина отъ Наполеона.
Четвертый романъ г. Ѳ. Булгарина «Ма-
вена», унасъ рѣшительно, не смотря на
искусную и усердную поддержку со
стороны «Библиотеки для Читенія»: пу-
блика уже не хотѣла читать повторенія
того, что уже надоѣло ей въ прежнихъ
романахъ г. Ѳ. Булгарина. Еще менѣе
замѣтила и оцѣнила она неподражае-
мый юморъ сего нравственно-сатири-
ческаго сочинителя, развитый въ его
«Запискахъ Титулярнаго Совѣтника
Чухина». Это было полнымъ надеженіемъ
— *chûte complète!* Мода на романы такъ
была сильна, т. е. романы такъ хорошо

расходились въ то время, что даже со-
чинитель множества грамматикъ, про-
четшій, по словамъ «Библиотеки для
Чтенія» въ корректурѣ всю русскую
литературу, г. Н. Гречъ — издалъ до-
вольно-длинную и, сообразно съ тѣмъ,
довольно-скупую погѣсть — «Поѣздка
въ Германію», и потомъ длинный ро-
манъ, начиненный разными чудесами
на-манеръ Анны Радлейоу — «Черная
Женщина». Сильный въ то время на
поприщѣ журналистики баронъ Брак-
беусъ снискалъ искусною и усердною
рецензіею, наполненною разсужденіи-
ми о магнетизмѣ, дать ходъ первому
изданію «Черной Женщины», ставя
ее выше романовъ Вальтера Скотта и
считая за счастье, по собственнымъ
словамъ его, бѣжать за колесницею
тріумфатора, т. е. г. Греча. Такова была
тогда романоманія, что все сходило съ
рукъ благополучно, и всякая сказка
давала богѣ или менѣе-вѣрный ба-
рышъ! Но второе изданіе «Черной
Женщины», поступившее въ составъ
вышедшихъ въ 1838 году, въ пяти ча-
стяхъ «Сочиненій Николая Греча», по-
тому въ Лейпъ-цигѣ съ всеми пятью
частями этихъ сочиненій.

Послѣ романовъ г. Булгарина, намъ
тотчасъ же слѣдовало бы говорить о
судьбѣ романовъ г. Загоскина, которые
начинали являться послѣ «Выжигина» и
убили на-повалъ всѣ романы г. Ѳ. Бул-
гарина; но послѣ имени г. Ѳ. Булгарина
какъ-то незвольно ложится подъ перо имя
г. Н. Греча, да и романы обонхъ снѣ
сочинителей похожи другъ на друга,
какъ дѣти одного отца, отличающіеся
верною правильностью и грамматическою
чистотою языка, при отсутствіи вся-
кихъ другихъ качествъ. «Юрій Мило-
славскій» былъ, въ свое время, безъ
всякаго сомнѣнія, пріятнымъ и замѣ-
чательнымъ литературнымъ явленіемъ.
Его дѣйствующія лица не только по-
слятъ русскія имена, но и говорить рус-
скою рѣчью, и даже чувствуютъ и мы-
слятъ по-русски, — что было въ то вре-
мя совершенно-новымъ явленіемъ въ
русской литературѣ. Присоюдините
къ этому добродушное замеченіе авто-

ра, нѣстами очень-похожее если не на вдохновеніе, то на одушевленіе, разсказъ плавный, не натянутый, языкъ не всегда правильный, какъ у г. Ѳ. Булгарина и Н. Греча, но всегда живой. — и вы поймете причину чрезвычайнаго успѣха этого романа. Г. Загоскинъ радушно, отъ-души, со всѣмъ хлѣбосольствомъ старыхъ временъ угоститъ русскую публику своимъ «Юріемъ Милославскимъ». Но этимъ все и оканчивается. Историческаго въ этомъ романѣ нѣтъ ничего: всѣ лица его списаны съ престолюдиновъ нашего времени. Характеры, завязка и развязка романа, — все обнаруживаетъ въ авторѣ русскаго драматическаго писателя, навѣявшаго поддѣльную сценическую дѣйствительность почитать за зеркало настоящей русской жизни. Въ 1812 годъ онъ перенесъ отдѣльныя сцены 1812 года, подмѣнявъ ими въ деревняхъ, — и былъ убѣжденъ, что остался вѣренъ исторіи. Въ «Рославлевѣ», онъ принялся болѣе за свое дѣло — за изображеніе того, что видѣлъ самъ на Руси въ 1812 году. И еслибы онъ остался вѣренъ своему таланту и призванію — рисовать отдѣльныя сцены и картины престолюдиноваго и помѣщичьяго деревенскаго быта, — его второй романъ былъ бы не безъ достоинствъ. Но авторъ почелъ нужнымъ основать все на мелодраматической завязкѣ, а, главное, возымѣлъ немножко-смѣлую претензію — изобразить, словно въ поэмѣ, великій 1812 годъ, со всѣмъ его историческимъ значеніемъ и характеромъ, — и какими же образомъ? — черезъ мелодраматическую любовишку, черезъ портреты безцвѣтнаго героя, Рославлева, набитое въ комедіяхъ лицо *доброю манерою* Зарѣцкаго, черезъ нѣсколько добродушныхъ оригиналовъ въ родѣ Буркина и Иволгина, и посредствомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ и вымышленныхъ сценъ бородинской битвы, въ которыхъ разговариваютъ между собою пріятели, забавные герои романа... Очевидно, что автора ввелъ въ заблужденіе непонятый имъ Вальтеръ Скоттъ

и не понятое значеніе историческаго романа. Какъ бы то ни было, но чѣмъ большаго ожидала нетерпѣливая публика отъ «Рославлева», тѣмъ меньше дождалась она Послѣдующіе романы г. Загоскина были уже одинокіе слабѣе другаго. Въ нихъ онъ ударился въ какую-то странную, псевдо-патріотическую пропаганду и политику, и началъ съ особенною любовію живописать разбитые носы и свороченныя скулы извѣстнаго рода героевъ, въ которыхъ онъ думаетъ видѣть достойныхъ представителей чисто-русскихъ нравовъ, и съ особеннымъ пафосомъ прославлять любовь къ соленнымъ огурцамъ и кислой капустѣ.

За г. Загоскинымъ, вышелъ на литературное поприще въ качествѣ романиста г. Лажечниковъ. Онъ дебютировалъ историческимъ романомъ «Послѣдній Новикъ», дѣйствіе котораго происходитъ то въ Лифляндіи, то въ Россіи, и дѣйствующія лица котораго — Нѣмцы и Русскіе. Это обстоятельство дѣлитъ романъ какъ-бы на двѣ стороны, изъ которыхъ первая какъ-то лучше обрисована и занимательнѣе представлена авторомъ, чѣмъ послѣдняя. Какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, романъ г. Лажечникова слишкомъ-полонъ и многорѣчивъ, во вредъ художнической соразимѣрности и пропорціональности; но, не смотря на этотъ недостатокъ, онъ необыкновенно-живъ, какъ вслѣдствіе слишкомъ-горячей и запальной дѣятельности. Второй романъ г. Лажечникова — «Ледяной Домъ» уже настолько сложенъ и юношески-горячъ, какъ «Послѣдній Новикъ», за то болѣе строенъ и простъ, безъ ущерба занимательности; а нѣкоторыя главы, какъ на-примѣръ: «Соперники» и «Родины Козы» могутъ считаться украшеніемъ не только «Ледянаго Дома», но и замѣчательными произведеніями русской литературы. Въ «Басурманѣ» очень-удачно сдѣланъ очеркъ характера Іоанна III и вообще хороши тѣ сцены, гдѣ авторъ выводитъ это грозное и великое лицо русской исторіи. Во всемъ остальномъ, нельзя сказать,

чтобъ авторъ очень-удачно воспользовался прекрасно-придуманною основою своего романа — представить противоположность европейскаго элемента жизни азиатскому и нарисовать потрясающую сердце картину гибели человѣчески-развившагося и образованнаго существа, сдѣлавшагося жертвою дикихъ нравовъ, среди которыхъ забросила его судьба. Вообще, скажемъ откровенно, романахъ г. Лажечникова особенно вредятъ два обстоятельства. Во-первыхъ, авторъ не довольно отрѣшился отъ стараго литературнаго направленія — видѣть поэзію въ дѣйствительности и украшать природу по произвольно-здуманнѣмъ идеаламъ. Отъ того, въ его русскихъ романахъ есть что-то не совсѣмъ русское, что-то похожее на европейскій бытъ въ русскихъ костюмахъ. Такова, на-примѣръ, любовь Вольтинскаго къ Маріорницѣ, невѣрная исторически и невозможная поэтически, по ея несообразности съ климатомъ, мѣстностію и нравами. Она какъ-будто изъ Италіи или Испаніи пріѣхала въ Петербургъ, чтобъ доставить автору нѣсколько эффектныхъ сценъ. Что же касается до *украшенія природы*, — оно не есть исключительная принадлежность псевдо-классицизма; перемѣнились слова, а сущность дѣла осталась та же для многихъ нынѣшнихъ поэтовъ, — и псевдо-романтикъ Викторъ Гюго еще съ большимъ усердіемъ, по-своему, украшаетъ природу въ романахъ и драмахъ, чѣмъ украшали ее псевдо-классики Корнель, Расинъ и Вольтеръ. Второй недостатокъ романовъ г. Лажечникова, имѣющій тѣсную связь съ первымъ, — это неровный, какъ-будто неправильный и тяжелый языкъ. Многие, по этому случаю, упрекали г. Лажечникова въ неумѣніи писать по-русски и незнакоміи русскаго языка: — обвиненіе смѣшное и неглупое. достойное грамматистовъ-рутиньеровъ! Цѣль, не отъ незнакомія языка, не отъ неспособности владѣть имъ, г. Лажечниковъ пишетъ веревнымъ слогаемъ; даже не отъ-того, что будто бы онъ не занимается его от-

дѣлкою, а развѣ отъ-того, что онъ слишкомъ занимается отдѣлкою, и еще отъ ложной манеры, которую многие наши писатели, волею или неволею, сознательно или безсознательно, больше или меньше, заимали у Марлинскаго, и которая заставила ихъ пещись больше объ эффектной красотѣ, чѣмъ о благородной простотѣ, строгой точности и ясной опредѣленности выраженія. Во всякомъ случаѣ, русскій романъ, начатый г. Загоскинскимъ, въ произведеніяхъ г. Лажечникова сдѣлалъ большой шагъ впередъ, — и если романы г. Загоскина проще, наивнѣе и легче романовъ г. Лажечникова, за то романы послѣдняго далеко выше по мысли и вообще гораздо-удовлетворительнѣе для образованнаго класса читателей. Нельзя не пожалѣть, что г. Лажечниковъ не избѣгнулъ общей участи многихъ русскихъ писателей — замолчать послѣ двухъ или трехъ опытовъ и лишиться публичу надежды дожидаться отъ него чего-нибудь такого, что напомнило бы его первые опыты, столь много общавшіе...

Если рѣчь зашла о прозаикахъ-романистахъ этой эпохи, то было бы несправедливо умолчать о г. Вельтманѣ. Онъ дебютировала забытымъ теперь «Странникомъ» — калейдоскопическою и отрывочною смѣсью въ стихахъ и прозѣ, нелишнюю однакожь оригинальности и казавшуюся тогда занимательною и острою. Потомъ онъ издалъ какую-то поэму въ стихахъ. Первымъ и, по обыкновенію большей части русскихъ писателей, лучшимъ его романомъ былъ «Кащей Безсмертный» — странная, но поэтическая фантазмагорія. Надо сказать правду, у г. Вельтмана несравненно-больше фантазіи, чѣмъ у романистовъ, о которыхъ мы говорили выше, и потому онъ гораздо-больше поэтъ, чѣмъ они. Но его фантазіи ставятъ только на поэтическія мѣста; съ цѣлымъ же произведеніемъ она никогда не въ состояніи управиться. Оригинальность фантазіи г. Вельтмана часто сбивается на странность и вычурность

въ вымыслахъ. Прочитавъ его романъ, поимешь прекрасныя, исполненныя поэзій мѣста, но цѣлое тотчасъ изглаживается изъ памяти. Къ романическимъ и поэтическимъ вымысламъ г. Вельтманъ прииѣшиваетъ какой-то археологическій мистицизмъ и вноситъ свою страсть къ этимологическимъ объясненіямъ историческихъ и даже до-историческихъ вопросовъ. Все это очень безобразитъ его романы. Туманность и неопредѣленность въ вымыслахъ и характерахъ также принадлежатъ къ недостаткамъ романовъ г-на Вельтмана. Каждый новый его романъ былъ повтореніемъ недостатковъ перваго, съ ослабленіемъ красотъ его. Все это сдѣлало то, что г. Вельтманъ пользуется гораздо-меньшею извѣстностью и меньшимъ авторитетомъ, нежели какъ бы заслуживало его замѣчательное дарованіе.

Почти въ то же время явились на сцену и другіе романисты, имѣвшіе большій или меньшій успѣхъ, какъ, на-прим., г. Ушаковъ, котораго «Киргизъ-Кайсакъ» не лишень былъ кое-какихъ относительныхъ достоинствъ. Романъ скрывшаго свое имя автора—«Семейство Холмскихъ» имѣлъ замѣчательный успѣхъ; въ немъ попадаются довольно-живыя картины русскаго быта, въ юмористическомъ родѣ; но онъ утомителемъ избитыми пружинами вымысла и избыткомъ сантиментальности, соединенной съ ревонёрствомъ. Марлинскій гарцовалъ въ журналахъ своими трескучими повѣстями до 1836 года; особо и вполнѣ онъ были изданы въ 1838—1839 годахъ. Изъ новыхъ нувелистовъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, явился даровитый казакъ Луганскій, съ своими оригинальными разсказаніями на русско-молодецкій ладъ, которые онъ потомъ мало-по-малу началъ оставлять для повѣсти лучшаго тона и содержанія. Какъ сказки, такъ и повѣсти Луганскаго были плодомъ сколько замѣчательнаго дарованія, столько же и прилежной наблюдательности, изощренной многостороннею житейскою опытностью автора,

человѣка бывалаго и коротко ознакомившагося съ бытомъ Россіи почти на всѣхъ концахъ ея.—Гг. Погодинъ и Полевой, съ особеннымъ усердіемъ принявшіеся за повѣсти съ 1829 года, издали, въ тридцатыхъ годахъ, собранія этихъ повѣстей. Въ началѣ же тридцатыхъ годовъ, неожиданно вышла первая часть дотогѣ никому-неизвѣстныхъ стихотвореній г. Бенедиктова, котораго талантъ въ стихахъ—то же, что талантъ Марлинскаго въ прозѣ; время уже доказало справедливость приговора, какимъ встрѣчены были критикою первыя опыты г. Бенедиктова. Но не всѣ критики были такъ строги къ этому блестящему стихотворцу; одинъ московскій критикъ и словесникъ, притомъ же самъ поета, объявилъ, что до г. Бенедиктова поэзія наша (представителями которой, разумѣется, были Державинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ) была чужда мысли, и что только въ изящныхъ произведеніяхъ г. Бенедиктова русская поэзія въ первый разъ явилась вооруженная мыслию...—Еще прежде г. Бенедиктова, вышелъ на литературное поприще г. Кукольникъ, съ лирическими стихотвореніями, драмами въ стихахъ, а потомъ съ повѣстями, романами, журнальными статьями, и проч. Въ его литературной и поэтической дѣятельности замѣтнѣе всего—усиліе обыкновеннаго таланта подняться на высоты, доступныя только гению, и потому, если нельзя отрицать въ немъ таланта, то нельзя и опредѣлить степени, характера и заслугъ этого таланта.—Мы, можетъ-быть, забыли и еще кое-какія произведенія, имѣвшія въ то время большій или меньшій успѣхъ, и умножившія собою число интересовавшихся пубliku книги; но не обо всемъ же говорить! Лучше скажемъ, что князь Одоевскій, почти ничего отдѣльно не издававшій доселѣ подъ своимъ именемъ, съ 1824 года постоянно печаталъ въ повременихъ изданіяхъ повѣсти и разсказы особеннаго рода, въ которыхъ нравственныя идеи облакались то въ поэтическіе образы, то въ живое сло-

во, исполненное паюса краспорѣчія... Но о нихъ мы скоро будемъ имѣть случай говорить подробнѣе.

Съ 1839 года, въ русской литературѣ совершился замѣтный переломъ. Книжная торговля упала, книгъ стало выходить гораздо-менѣе, и литература начала казаться бѣднѣе прежняго. Пушкинъ умеръ, и два года печатались въ «Современникѣ» его посмертныя произведенія. Это были послѣднія и самыя высокія, самыя зрѣлыя созданія вполнѣ-развившагося и возмужавшаго его художническаго гевія. Въ первомъ томѣ «Ста Русскихъ Литераторовъ» былъ напечатанъ его «Каменный Гость» и отрывокъ изъ романа. Все остальное, до того-неизвѣстнаго публикѣ, появилось только въ 1841 году, въ трехъ послѣднихъ томахъ полнаго собранія его сочиненій. Долго тянулось для публики изданіе новыхъ, неизвѣстныхъ ей сочиненій Пушкина, — и этимъ утомилось не вниманіе, а ожиданіе публики!.. Съ 1837 года, начали появляться въ журналахъ стихотворенія Лермонтова, въ первый разъ изданныя особо въ 1840 году, равно-какъ и его «Герои Нашего Времени». Съ 1837 же года начали появляться повѣсти графа Соллогуба, г. Панаева и другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ молодыхъ писателей. Въ числѣ молодыхъ, съ 1838 года явился одинъ старшій: это покойный Основьяненко, между безчисленными повѣстями котораго, написанными въ-продолженіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ, особенно-замѣчателенъ «Панъ Халаяскій» — сатирическая картина старинныхъ нравовъ Малороссіи; во всѣхъ другихъ повѣстяхъ и романахъ своихъ, онъ повторялъ или сантимиентальность своей «Маруси», или юморъ «Пана Халаяскаго», и въ послѣднее время значительно выписался.

Еще съ 1837 года, все новое въ русской литературѣ начало прятаться въ журналахъ, и особыми книгами, болѣею частью, стали появляться только или альманахи, или сборники уже извѣстныхъ публикѣ изъ журналовъ сочиненій, или, наконецъ, новыя изданія

старыхъ сочиненій. Новое, въ журналахъ и альманаховъ, показывалось рѣже и рѣже, а послѣ смерти Лермонтова, послѣдовавшей въ 1841 году, лучшее, что печаталось и въ журналахъ, состояло изъ оставшихся стихотвореній этого поэта, столь рано умершаго для русской литературы, которую его великій талантъ одинъ былъ бы въ состояніи сдѣлать интересною не для однихъ насъ, Русскихъ. Бѣдность и нищета болѣе-и-болѣе начали вторгаться даже въ журналы — эти теперь почти-единственные представители «богатства» русской литературы. Бѣденъ былъ хорошими повѣстями 1842 годъ, но прошлый 1843 оказался еще бѣднѣе. Объ отдѣльно-выходившихъ книгахъ теперь много нельзя разговориться. Въ 1842 году, вышли «Мертвыя Души» Гоголя — твореніе столь глубокое по содержанію и великое по творческой концепціи и художественному совершенству формы, что оно одно пополнило бы собою отсутствіе книгъ за десять лѣтъ и явилось бы одинокинъ среди изобилія въ хорошихъ литературныхъ произведеніяхъ. Впрочемъ, 1842 годъ все-таки былъ богаче прошлаго отдѣльно-вышедшими книгами, равно-какъ и замѣчательными повѣстями, помѣщенными въ журналахъ и альманахахъ...

Выведенный нами изъ этого обзора результатъ, *по-видимому*, противорѣчитъ началу статьи. Мы хотѣли доказать, что литература настоящаго времени только по-наружности бѣднѣе литературы прежнихъ временъ, а въ сущности выше ея, — и между-тѣмъ фактами доказали совсѣмъ-противное. Но мы начали съ того, что литературная бѣдность нашего времени, по своимъ причинамъ, почтенна, и въ этомъ смыслѣ составляетъ приобрѣтеніе, а не утрату... Объяснимся. Какъ отъ литературы двадцатыхъ годовъ прочныя и дѣйствительныя приобрѣтенія остались только въ сочиненіяхъ Пушкина (*) и

(*) Мы не упоминаемъ имени Жуковскаго потому, что дѣятельность этого по

въ Горѣ отъ Ума Грибоѣдова, все же прочее имѣеть болѣе или менѣе относительное, такъ-сказать, историческое значеніе, — точно такъ и отъ литературы тридцатыхъ годовъ у насъ есть прочныя и дѣйствительныя пріобрѣтенія только въ сочиненіяхъ Гоголя и Лермонтова, а все остальное или уже получило свое относительное, историческое значеніе, или, за недостаткомъ времени, еще не выдержало пробы, могущей опредѣлять его безусловную цѣнность. И если отъ 1823 года до начала четвертаго десятилѣтія вышло много (сравнительно съ прежнимъ и послѣдующимъ временемъ) романовъ, драмъ и другихъ произведеній изящной словесности, то не должно забывать, что это была пора опытовъ и попытокъ, — пора, въ которую все новое не могло не удаваться. Вѣдь «Выжигины» съ «Самозванцемъ», по мнѣнію ихъ повизнѣ, сначала имѣли успѣхъ, да еще какой! — не-уже-ли же и ихъ должно считать сокровищами русской литературы, теперь, когда читавшіе ихъ уже совсѣмъ забыли, а не читавшіе вообще не имѣютъ никакого желанія прочесть? Нападки на пьянство, воровство, шулерство и лихоимство, какъ на пороки губительные для вишняго и внутренняго благосостоянія людей, — не-уже-ли эти нападки, состоявшіе въ истертыхъ моральныхъ сентенціяхъ, и теперь должно принимать за идеи: а бездушныя риторическія олицетворенія пороковъ и добродѣтелей, выдаваемые за характеры, дѣйствительно должно принимать за живыя лица, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ нихъ куклы, раскрашенныя грубою мазилькою и безобразно-вырѣзанныя ножницами изъ оборточной бумаги?.. Конечно, первые романы г. Загоскина всегда будутъ удостоиваемы почетнаго упоминовенія отъ историка русской

литературы, и никто не станетъ отрицать ихъ относительнаго достоинства для времени, въ которое они явились, и даже ихъ болѣе или менѣе полезнаго вліянія на современную имъ русскую литературу; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ мы ихъ читали и перечитывали, какъ творенія всегда новаго, или чтобъ мы въ «Юрѣ Милославскомъ» и теперь видѣли вѣрную картину Русскихъ 1612 года, а въ «Рославлевѣ» — Русскихъ 1812 года... Подобныя мысли и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ едва-ли кому входили въ голову; а теперь всякій видитъ въ этихъ романахъ не болѣе, какъ литературныя (а отнюдь не художественныя) очерки не Русскихъ 1612 и 1812 годовъ, а русскаго простонародья во всѣ годы, какіе вамъ угодно... Многое бываетъ хорошо для своего времени, и иное живетъ вѣкъ, иное десять лѣтъ, иное годъ, а иное одинъ день... Всѣ эти «Поѣздки въ Германію», «Черныя Женщины», «Киргизъ-Кайсаки», «Коты Бурмосѣки», «Семейства Холмскихъ» и тому подобныя произведенія не могли не нравиться въ свое время; но время это прошло, уже не воротится для нихъ, и теперь, если бы кто сталъ ими угощать публику, выхваляя ихъ достоинства, публика могла бы отвѣтить: «хороши были покойники — вѣчная имъ память; не будемъ тревожить ихъ праха...»

Отъ-чего же, спросятъ, теперь не является такихъ же болѣе или менѣе удовлетворительныхъ для нашего времени сочиненій, какія выходили тогда въ такомъ значительномъ числѣ? — Въ этомъ вопросѣ—вся сущность дѣла. Мы сказали выше, что то время было временемъ опытовъ и попытокъ въ разныхъ родахъ. Теперь, это время миновалось: все уже испытано, и чтобъ проложить въ искусствѣ новую дорогу, нуженъ гений, или, по-крайней-мѣрѣ, великій талантъ, а гений и великіе таланты не рождаются десятками и дюжинами. Вы хотите отлѣниться, на-примѣръ на поприщѣ лирической поэзіи—за что вамъ принятъ: за оды? — ихъ вѣкъ давно

эта не относится исключительно къ двадцатымъ годамъ; она началась раньше этого времени около семнадцати лѣтъ и, къ слазѣ и чести русской литературы, не кончилась до-сихъ-поръ.

прошелъ; за влелгн? — хорошо; но вы должны сказать въ нихъ что-нибудь новое. О грусти, разочарованнн, идеалахъ, неземныхъ дѣвахъ, дунѣ, сладостной лѣни, разгульныхъ пирахъ, шипучемъ винѣ, отчаяннн, ненависти къ людямъ, погибшей юности, шамѣнѣ, книжалахъ, адахъ — обо всемъ этомъ уже было сказано и нересказано тысячу разъ — и въ изящныхъ созданнхъ Пушкина, и толпою его подражателей. Теперь, уже васъ не станутъ читать, если вы захотите удивлять размахистостю бойкой фразы, яркою звонкостю стиха, восторженными диорамамъ въ честь голубоокихъ и младыхъ дѣвъ и шумныхъ пировъ удадой юности, — потому-что въ этомъ васъ предупредилъ г. Языковъ, и предупредилъ, какъ человекъ съ талантомъ, который шелъ своею дорогою, какая бы ни была она, и умѣлъ быть оригинальнымъ, какова бы ни была эта оригинальность. Г. Языковъ, уже самымъ этимъ временнымъ успѣхомъ своей поэзіи, навсегда уничтожилъ возможность такой поэзіи: — въ этомъ-то и состоитъ его неотъемлемая заслуга русской литературѣ и неотъемлемое право на мѣсто въ исторіи русской литературы. Еслибъ необходимо было читать кого-нибудь изъ васъ, такъ ужъ конечно его, а не васъ: оригиналы всегда предпочитаютъ копіямъ. — Хотите ли вы блеснуть выписными чувствами, выраженными ослѣпительно-вычурными фразами и натянуто-сибюю метафорою: васъ и тутъ предупредилъ г. Бенедиктовъ, и тоже предупредилъ, какъ человекъ съ дарованнемъ, который самъ проложилъ себѣ дорогу, какова бы она ни была, и былъ оригиналенъ, что бъ ни говорили о его оригинальности. Г. Бенедиктовъ тѣмъ и оказалъ важную услугу русской литературѣ, что самымъ успѣхомъ своей поэзіи сдѣлалъ навсегда смѣшною такую поэзію. Для этого, тоже нуженъ талантъ! Гений или великій талантъ уничтожаетъ для другихъ возможность прославиться на его счетъ посредствомъ подражаннн; а такіе маленькіе, хотя и яркіе и самобытные таланты, призван-

ные показать примѣръ уклоненнн искусства отъ настоящей его цѣли, спасаютъ въ будущемъ искусство отъ эмтнхъ уклоненнн именно возможностью для другихъ подражать имъ въ ихъ ложномъ направленнн. Это заслуга отрицательная, но и для нея нужно имѣть талантъ, нужно, чтобъ въ основѣ такого ложнаго вдохновеннн была своя истинная струя поэзіи, подобно золотымъ крупинкамъ въ массѣ рѣчнаго песка. Теперь, уже невозможны такіе поэты, какъ гг. Языковъ и Бенедиктовъ, или, лучше сказать, невозможенъ сколько-нибудь значительный успѣхъ со стороны такихъ поэтовъ. Недавно, въ Москвѣ, нѣкто г. Милкѣевъ, о ближкомъ пришествнн котораго въ литературный мнръ зараннѣ трубили прнятельскіе журналы, какъ о чудѣ-чудномъ и дивѣ-дивномъ, выдалъ книжку стихотвореннн, которыя, по формѣ, показали въ немъ ученика г. Языкова и Бенедиктова, а по содержанию ученика г. Хомякова; не чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ хоть сравниться съ своими образцами, не только превзойдти ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ же дая, во что бы ни стало, показаться оригинальнымъ, онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ превзойдти свой образецъ въ направленнн своей поэзіи, и взявъ за основаннн неопредѣленно и темно-понятую мысль о народности, довести ее до послѣдней нелѣпости. Для этого, онъ началъ воснѣвать, восторженными стихами, русскую спнзую и доказывать, что Ломоносовъ отъ-того только и сдѣлался преобразователемъ русскаго слова, что имѣлъ несчастную страсть неводержности, которую московскій поэтъ поставилъ ему въ великую заслугу... Видите ли, какъ трудно теперь сдѣлаться поэтомъ на чужой счетъ, безъ таланта, безъ образованнн, безъ идей, безъ призваннн!.. Пушкинъ, при жизни своей, не былъ понятъ: при началѣ его поприща, имъ поверхностно восхищались и думали походить на него, усвоивъ себѣ не таину, не жизнь, а только легкость его стиха, — при концѣ его поприща, легкомысленно и

вещу охладѣли и считали себя выше его потому только, что не были въ состоянїи понять его, улавывая на его ошибки и промахи, дѣйствительно важные, и не умѣя измѣрить высоты, дѣйствительно недосыгаемой, на которую сталъ его возмужавшїй творческїй генїй. Но посмертныя его сочиненїя, которыми онъ, при жизни своей, не торопился угощать русскую публику, столь-хорошо знакомую ему по долго-временному опыту, многимъ невольно открыли глаза на истинное значенїе Пушкина. Кратковременная, но наумительная своею огромностию дѣятельность Лермонтова на поэтическомъ поприщѣ окончателью лишила насъ надежды видѣть частыя появленїя новыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и новыхъ замѣчательныхъ произведенїя поэзіи: послѣ Пушкина и Лермонтова, трудно быть не только замѣчательнымъ, но и какимъ-нибудь поэтомъ! Менѣ и шлемъ Ахилла изъ всѣхъ греческихъ героевъ могли оспаривать только Аяксъ и Одиссей. И теперь въ журналахъ изрѣдка появляются стихотворенїя, выходящїя за черту посредственности; но когда въ томъ же номерѣ журнала находишь стихотворенїе Лермонтова, то не хочется и читать другихъ. Въ 1842 году, вышли стихотворенїя г. Майкова; и тѣ изъ нихъ, которыя имъ написаны въ антологическомъ родѣ, обнаруживаютъ талантъ необыкновенный: ихъ читали, ими восхищались, ихъ хвалили, за авторомъ безспорно осталось титуло замѣчательно-даровитаго человѣка; но уже не было преувеличенныхъ похвалъ и толковъ о генїальности; поэтъ занялъ свое мѣсто, очень-почетное, но которое, однакожь, не показало его въ смъ на особенной высотѣ, — ибо всѣ поняли, что прекрасные опыты въ антологическомъ родѣ еще не разгадка послѣдняго слова современности и не удовлетворенїе всѣхъ ея потребностей. Къ тому же, всѣ не-антологическіе опыты г. Майкова почти ничтожны и не обѣщаютъ въ будущемъ особеннаго развитїя и особенныхъ успѣховъ со стороны поэта. А между-тѣмъ, было время, ко-

гда люди, съ несравненно-меньшимъ талантомъ, чѣмъ талантъ г. Майкова, считались едва не генїями, и стихотворенїя ихъ были всѣмъ извѣстны. Не-прїатели «Отеч. Записокъ» не разъ, явно и намеками, старались внушить публикѣ мысль, будто-бы мы, для успѣха нашего журнала, производимъ въ генїи поэтовъ, пошщающихъ свои произведенїя въ нашемъ журналѣ. Здѣсь мы считаемъ ксати, не словами, а фактами доказать несправедливость подобнаго обвиненїя. Наиболѣе превозноси-мые нами поэты, изъ новыхъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ и Гоголь. Изъ нихъ только одинъ Лермонтовъ былъ постояннымъ вкладчикомъ «Отеч. Записокъ»; Пушкинъ и Грибоѣдовъ ничего не могли печатать въ журналѣ, начавшемся послѣ ихъ смерти; а Гоголь хотя и живъ и пишетъ, но доселѣ не помѣстилъ въ «Отеч. Запискахъ» ни одной строки своей. Мы хвалимъ *gratia*, и наша любовь, наше уваженїе къ *seculum* умершимъ всегда были и будутъ жарче и благоговѣннѣе, чѣмъ къ *malum* живымъ, хотя для нашего журнала послѣдніе могли бѣ быть полезнѣе первыхъ... Мы цѣнимъ въ поэтѣ талантъ и генїй независимо отъ его со-трудничества или несотрудничества въ нашемъ журналѣ. Мы были бы въ восторгѣ, еслибъ явился новый Лермонтовъ, и безъ умолка хвалили бы его, еслибъ онъ печаталъ свои стихи хотя бы даже въ «Маякѣ». Но—увы!—не смотря на весь пылъ нашихъ желанїй привѣтствовать на Руси появленїе новаго великаго таланта, — мы ни въ чужихъ, ни въ нашемъ журналѣ не видимъ не только новаго Лермонтова, но и что-нибудь похожее на него!..

И такъ, о стихахъ нечего говорить. Настоящее время неплодородно и неудобно для нихъ, ибо требуетъ отъ стиховъ или очень-многого, или ничего.

До-сихъ-поръ, говоря о стихахъ, мы разумѣли преимущественно лирическую поэзію. Обратимся къ тому роду поэзіи, который является въ стихахъ и въ прозѣ. Назадъ тому лѣтъ десять, нѣкто, г. Зиловъ, издавъ книжку ба-

сень, и послѣ, въ одномъ стихотвореніи, горько жаловался, что-де теперь читають все неистовые романы, а басень не читають. Изъ этого видно, что г. Зюловъ только въ половину постигъ дѣло: правда, для басни давно уже и безвозвратно прошло время; но г-ну Зюлову слѣдовало бы обратить вниманіе и на то, что его басни были плохи, и что ему не слѣдовало бы съ такими баснями являться послѣ Хемницера, Дмитріева и Крылова. Сказка въ родѣ «Модной Жены» и «Причудницы» Дмитріева, и «Страстнователя и Домосѣда» Батиюшкова, тоже давно отжила свой вѣкъ; но сказка въ родѣ «Графа Нудина» Пушкина и «Казначейши» Лермонтова можетъ здравствовать и теперь—

Да за нее не всякъ умѣть взялся!

Она въ-особенности требуетъ юмора, а юморъ есть столько же умъ, сколько и талантъ. Однимъ словомъ, такая сказка и теперь — претрудная вещь. Романъ въ родѣ «Онѣгина», поэмы въ родѣ поэмъ Пушкина и Лермонтова, могутъ быть и теперь; но ихъ всѣ какъ-то боятся, и мы знаемъ только одинъ счастливый опытъ въ этомъ родѣ, явившійся въ послѣднее время, именно маленькую поэмку «Парашу», вышедшую въ прошломъ году! Этотъ родъ поэзій гораздо-труднѣе лирической, ибо требуетъ не ощущеній и чувствъ мимолетныхъ, которыя могутъ быть у многихъ, но и дара поэзій, и образованнаго, умнаго взгляда на жизнь — что бываетъ очень не у многихъ. Писать же поэмы, какъ писали ихъ, наприм., Ковловъ, г. Подолинскій и прочіе, и теперь бы могли многие; даже, дѣтъ пять назадъ, за нихъ принялся-было поэтъ не безъ дарованія, г. Бернетъ; но попытка оказалась неудачною: новое время—новыя и требованія, болѣе-трудныя для исполненія, чѣмъ прежнія. Опять вина не поэтовъ, а времени, — и ясно, что теперь нашу литературу обѣдило время, съ его неудобносполнними требованіями, а не недостатокъ въ охотникахъ писать и въ такихъ талантахъ, какихъ доволь-

но было во время оно... Драматическая поэзія допускаетъ равно и стихи и прозу, даже то и другое вмѣстѣ. Въ числительномъ отношеніи, это у насъ самая богатая отрасль литературы. Еще въ 1786—1796 годахъ былъ изданъ «Россійскій Театръ» въ сорока-трихъ частяхъ: судите же, какое богатство! Трагедіи писали у насъ и Тредьяковскій, и Ломоносовъ, и Сумароковъ, и Херасковъ, и Княжнинъ, и Озеровъ, и Крыловской, и многіе - многіе; а писавшихъ комедій нѣтъ возможности перечестъ на-скоро. И, однакожъ, порядочныхъ трагедій въ псевдо-классическомъ французскомъ родѣ, только четыре — Озерова; трагедію, въ родѣ шекспировскихъ драматическихъ хроникъ, мы имѣемъ только одну — Бориса Годунова Пушкина; и въ его драматическихъ сценахъ — нѣсколько опытовъ трагедій собственно (*Шуръ во время Чумы, Моцартъ и Сальери, Скулой Рыцарь, Русалка, Каменный Гость*). Больше нѣ на что указать. Что касается до комедій, въ которой, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, упражнялось множество писателей, какъ-то: Сумароковъ, Херасковъ, Княжнинъ, Капнистъ, Крыловъ, князь Шаховской, г. Загоскинъ, Хмѣльницкій, Писаревъ и пр. и пр., — не смотря на огромное богатство нашей литературы въ произведеніяхъ этого рода, все-таки рѣшительно нѣ на что указать, кромѣ «Бригадира» и «Недоросля» Фон-Визина, «Горя отъ Ума» Грибоѣдова, «Ревизора» и «Женитьбы» Гоголя, и его же «Спень» («Игроки», «Тяжба», «Лакейская» и пр.). И такъ, чтобъ написать теперь трагедію, которая была бы не хуже «Бориса Годунова» и другихъ драматическихъ поэмъ Пушкина, — надо имѣть талантъ Пушкина. Нѣкоторые писатели, дѣйствительно, отважно рѣшились допытываться своего счастья на этомъ тревоженномъ морѣ. Г — нъ Хомяковъ написалъ драмы «Ермакъ» и «Дмитрій Самозванецъ», изъ которыхъ первая даже была поставлена на сцену. Но всѣ скоро признали въ казакахъ г. Хомякова не кази-

ковъ XVI столѣтія, а скорѣе нѣмецкихъ студентовъ добраго стараго времени; видѣсто характеровъ, увидѣли олицетвореніе навѣстныхъ лирическихъ ощущеній и чувствованій, и вообще нѣчто въ родѣ народнн на драматическій лиризмъ Шиллера, — пародіи, написанной, впрочемъ, бойкими, гладкими и даже, иногда, живыми стихами. Въ «Самозванцѣ» уже не только одни лирическія ощущенія и чувствованія, но и кое-какія доморощенные идеи о русской исторіи и русской народности; стихи такъ же хороши, какъ и въ «Брѣмакъ», мѣстами, довольно удачная подѣлка подъ русскую рѣчь, и при этомъ, совершенное отсутствіе всякаго драматизма; характеры—сочиненные по рецепту; герой драмы — идеальннй студентъ на нѣмецкую статью; тонъ дѣтскій, взгляды невысокіе, недостатокъ такта дѣйствительности совершенный. Помощь, выступилъ на драматическое поприще г. Кукольникъ, съ своими драмами изъ жизни итальянскихъ художниковъ. Отвлеченная идеальность, мѣстами хорошія лирическія выходы; изрѣдка недурныя драматическія положенія; но въ общности, невѣрность концепціи, монотонность вымысла и формы, недостатокъ истиннаго драматизма, и въ-слѣдствіе того, необходимая скука при чтеніи—вотъ характеристика этихъ драмъ г. Кукольника. Но у него есть еще и другой родъ драмъ—это русско-историческія, какъ, наприм., «Рука Всевышняго отечество спасла», «Сюніи Шуйскій» и «Князь Холмскій». Въ этихъ нѣтъ ничего общаго съ «Борисомъ Годуновымъ», который до того проникнулъ вездѣ истинно-шекспировскою вѣрностію исторической дѣйствительности, что самые недостатки его, — какъ то: отсутствіе драматическаго движенія, преобладаніе вннческаго элемента, и, въ-слѣдствіе этого—какое-то холодное, хотя и величавое спокойствіе, разлитое во всей пьесѣ,—происходятъ отъ-того, что она слишкомъ безуворизненно-вѣрна исторической дѣйствительности русской жизни. Въ драмахъ г. Кукольника нѣтъ

и признаковъ этой дѣйствительности: все ложно, на ходуляхъ; лучшія мѣста — просто сценическіе эффекты, и сквозь русскіе охабни, кафтаны и сарафаны пробивается что-то не-русское, какъ въ русско-историческихъ повѣстяхъ Марлинскаго, какъ въ русскихъ пѣсняхъ Дельвига. Доказательствомъ справедливости нашихъ словъ можетъ служить и то, что этотъ родъ драмы долго былъ усвоенъ гг. Ободовскимъ, Полевымъ, В. Зотовымъ и другими сочинителями этого разряда. Но у г. Кукольника есть еще особый родъ драмы—это передѣланные въ драматическую форму анекдоты изъ жизни Петра-Великаго (на-пр. «Иванъ Рыбовъ, рыбакъ архангелогородскій»); въ нихъ много хорошаго, хоть и нѣтъ драмы, ибо изъ анекдота никакъ нельзя сдѣлать драму. Г. Полевой не упустилъ изъ вида отличиться и въ драмѣ, какъ отличился уже въ лирической поэзін, въ романѣ, въ повѣсти, въ критикѣ, въ исторіи, въ журналистикѣ, въ политической экономіи, въ эстетикѣ, въ филологіи, въ философіи, въ лингвистикѣ и проч. и проч. Особенный характеръ трагедій (или драматическихъ представленій), комедій, водевилей, анекдотическихъ драмъ г. Полеваго,—все-объемлемость, универсальность; въ нихъ все найдете: немножко Шекспира, немножко Шиллера, немножко Мольера, немножко Вальтера Скотта, немножко Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена. Дюма гдѣ-то сказалъ, что онъ не похищаетъ чужаго въ своихъ сочиненіяхъ, но, подобно Шекспиру и Мольеру, беретъ свое, гдѣ только увидитъ его; эти слова можно приложить и къ г. Полевому: ему все годится, все подручно,—и исторія, и повѣсть, и романъ, и анекдотъ, Шекспиръ и Коцебу, Шиллеръ и г. Кукольникъ: онъ все беретъ и у всѣхъ учится. Его драмы родятся и умираютъ десятками, подобно лѣтнимъ эмеридамъ. Нашъ Вольтеръ и Гёте, онъ все; онъ одинъ — цѣлая литература, цѣлая наука. Извольте же угоняться за нимъ! пріймитесь за драму: онъ всталъ или возьметъ

всевозможные сюжеты, какіе бы вы ни придумали, воспользуется всякими новыми драматическими эффектами — все вкѣстятъ онъ въ свою драму, во всемъ предупредитъ васъ. Нѣтъ, лучше и не беритесь за драму: кромѣ г. Полеваго, вамъ загораживаютъ дорогу гг. Хомяковъ и Кукольниковъ. Вамъ по-невогѣ придется выдумать свою драму, новую, небывалую, а это невозможно, потому что уже всѣ источники изобрѣтенія истощены, всѣ роды перепробованы, всѣ дороги избиты. Нуженъ гений, нуженъ великій талантъ, чтобы показать міру творческое произведеніе, простое и прекрасное, взятое изъ всѣмъ-извѣстной дѣятельности, но вѣющее новымъ духомъ, новою жизнью. Еслибъ вы даже вздумали сочинить произведеніе въ родѣ Раббойниковъ Шиллера: васъ и тутъ предупредилъ, еще въ 1800 году, Нарѣжскій, своимъ Дмитріемъ Самоукинымъ. Не пишите и романтической трагедіи съ дико-завывающими фразами, бѣдными смысломъ, но богатыми неистовствомъ, съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ поэмы Байрона: васъ уже предупредилъ г. Одинъ своимъ Корсаромъ. Да; теперь потому ничего не пишутъ, что уже все написано; потому и трудно прославиться, что нужно для этого не новизну выкинутой штуки, а много, много таланта, если не гения!..

Комедія еще болѣе приводитъ въ отчаяніе, нежели драма. Въ драмѣ, посредственность можетъ похитить что-нибудь у Шекспира, Вальтера Скотта, Мольера, поддаться на дыбы, ослѣпить толпу дикими и грубыми эффектами, вѣніемъ, плюскою, родственными обвинаніями и т. п.; но въ комедіи совсѣтъ не то. Искусство сдѣлать труднѣе искусства трогать. Неразвитаго человѣка можно растрогать поддѣльнымъ чувствительностью, крикомъ вѣсто чувства, эффектомъ вѣсто потрясающей сцены; но чтобы заставить разсмѣяться, даже грубымъ смѣхомъ, нужна природная веселость и своего рода

юморъ. Скажутъ: толпу можно сдѣлать, въ сценическихъ пьесахъ, переодѣваньями, оплеухами, толчками, истасовкою, неприличными и грубыми двусмысленностями, плоскими шутками и тому подобными комическими эффектами. Такъ и дѣлаетъ большая часть доморощенныхъ нашихъ драматурговъ, сочинителей и передѣльшателей комедій и водевилей: верхняя публика громко хохочетъ, нижняя аплодируетъ; но это обманъ сцены: локнутъ игру актѣра принимаютъ за достоинство пьесы, которая, по-сдѣму позаванивъ одинъ вечеръ толпу, на другой вечеръ уже не нравитъ самой этой толпѣ, а въ чтеніи нигде не годится съ перваго раза. Если на минуту она была пріобрѣтениемъ сцены, то ни на одну минуту не составляла пріобрѣтенія для литературы. Такія пьесы десятками рождаются сегодня и десятинами умираютъ завтра. Водевильствен и комиковъ нашихъ въ недѣлю не перечесть по пальцамъ; ихъ произведеніямъ нѣтъ числа; а драматической литературы нѣтъ у насъ! Ни одинъ петербургскій чиновникъ, получающій до 1,000 рублей жалованья и работавшій въ какой-нибудь газетѣ, по части объявленій о сигарочныхъ и овоцныхъ лавочкахъ, не затруднится написать комедію, изображающую вышній свѣтъ, котораго онъ, бѣднякъ, и во снѣ не видалъ и о томъ котораго онъ судитъ по манерамъ своего начальника отдѣленія. Комедія требуетъ глубокаго, остраго взгляда въ основы общественной морали, и притомъ надо, чтобы наблюдающій ихъ юмористически, своимъ разумѣніемъ стоялъ выше ихъ. Наши же доморощенные драматурги, — по-большой-части, люди среднихъ кружковъ, въ которыхъ съ успѣхомъ отличаются своею любезностью и остроуміемъ, — стараются, въ своихъ комедіяхъ и водевиляхъ, быть критиканами (критиканамъ — тривиальное слово, равнозначительное зубоскалу) и возбуждать смѣхъ или пошлыми каламбурами, или плоскими остроуміями надъ модными костюмами, бо-

родами и прическами à la guise, надъ простотою провинціала, прїѣхавшаго въ Петербургъ, словомъ, надъ всякою страшною вѣдѣнностью. Не таковъ истинный козимиъ и истинный юморъ. Для него, вѣдѣнность смѣшна не сама-по-себѣ, но какъ выраженіе внутренняго міра души человѣка, отраженіе его понятій и чувствъ. Мы могли бы привести изъ комедій Гоголя тысячи примѣровъ истиннаго козимиъ, но ограничимся двумя: вспомните сцену, гдѣ городничій *расмѣкаетъ* кушцовъ за ихъ доносъ ревизору: «Жаловаться? а кто тебѣ *поможь* *слутовать*, когда ты строишь мость и написалъ дерева на двадцать-тысячъ, тогда-накъ его и на сто рублей не было? *Я поможь* тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. — Чтѣ скажешь, а? ... Вотъ это козимиъ, отъ котораго какъ-то тяжело смѣяться!» Человѣкъ, безъ стыда, безъ совѣсти, ставить себѣ въ заслугу, что онъ *поможь* другому *слутовать*, и, словно оскорбленная добродѣтель, съ благороднымъ негодованіемъ упрекаетъ другаго въ неблагодарности, какъ въ червонъ и низкомъ дѣлѣ. Это онъ говоритъ при женѣ и дочери, и это же онъ сказалъ бы при сынѣ, еслибъ у него былъ сынъ. Фамусовъ, въ «Горѣ отъ Ума» говоритъ Скалозубу:

Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтися, ползкомъ,

Сынцу ее на дѣ морскомъ!

При мнѣ служащіе чужіе очень-рѣдки:
Все больше сестрины, своячницы
дѣтки.

Одинъ Молчаливъ мнѣ не свой

И то затѣмъ, что дѣловой.

Какъ становишь представлять къ крестнику, иль къ мѣстечку,

Ну какъ не порадовать родному чело-вѣчку?

Черта глубоко-козимиъ! Въ Петербургѣ, слава-Богу, эта черта не слишкомъ бросается въ глаза, но въ провинціальной глуши, провинціиъ родства какъ сильнѣ, что тамъ скорѣе рѣшится ислать дѣтъ средѣ не играть въ пресе-

равсъ, чѣмъ показать холодность къ родственнику въ семьдесятъ-седмюмъ келѣнѣ. Будь онъ плутъ отъяденный и человѣкъ съ самою душною репутаціею, но если онъ вамъ родственникъ, онъ, отъ-роду не выдастъ васъ, нелюбоко дѣзеть съ своими губами къ вашей лицу, но и селится къ вашей домѣ, съ семьею, съ дворниою, и заставляетъ васъ втайнѣ проклинать судьбу, которая дала вамъ возможность жить собственнѣй домѣ. И онъ правъ: не оставиваться же ему въ трактирѣ, прїѣхавъ изъ своего помѣстья въ губернскій городъ, когда у него есть родственники; вѣдь они же обидѣлись бы такимъ грубымъ съ его стороны поступкомъ!.. Ичтѣ же? вѣдѣсъ еще не конецъ смѣшному: они дѣйствительно обидѣлись бы, если бъ онъ остановился *ме* у нихъ, и они же проклинали бы втайнѣ и его и себя, а наружю дѣлали бы сладкія мины сквозь слезы, еслибъ онъ у нихъ остановился... Вотъ онъ, неисчерпаемый источникъ истиннаго козимиъ! Онъ вокругъ насъ и даже въ самихъ-насѣ. Благодаря ему, мы смѣшны въ собственныхъ глазахъ. Но чуть только начнемъ мы писать комедію, выходить книга, въ которой много словъ, много кошлостей, много вадора, и итъ ли сколько истины, дѣйствительности. Интрига всегда завязана на праничнѣй любви, увѣнчивающейсѣ законнымъ бракомъ, но преодолиниъ разнѣхъ прѣпятствій. Любовь у насъ во всемъ — и въ стихахъ, и въ романахъ, и въ поиѣстахъ, и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ. Подумаешь, что на Руси люди только и дѣлаютъ, что влюбляются, да, по преодолиниъ разнѣхъ прѣпятствій, женятся, — и, замѣтите, всегда безкорыстно, безъ расчѣтовъ на приданое, на сыен, на выгодное мѣсто, всегда на дѣтъ младальной, дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Гоголь сказалъ правду: «Теперь сильнѣе завлываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затинуть, во чтѣ бы то ни стало, другаго, отмстить за пресе-

небреженъе, за насмѣшку. Не бо-
дѣ ли имѣютъ теперь электричества
денежный капиталъ, выгодная же-
нитба, чѣмъ любовь? (*) Но нашимъ
комичамъ этого и въ голову не входило.
Пошлый любовникъ съ праничными
фразами; пошлая барышня, нѣчто
въ родѣ сантиментальной *servante*
enfinanchée, разлучникъ-негодяй и
дядя-резоиёръ, — неизмѣнныя лица ихъ
комедій. Всѣ говорятъ, словно по кни-
гѣ читаютъ; не услышишь живаго
слова, и нѣтъ признака того, что бы-
ваетъ въ дѣйствительности. Оно и луч-
ше: никто не увидѣтъ себя и не осер-
дится. Волки сыты и овцы цѣлы. За-
то, если среди кучи этихъ вздорныхъ
произведеній, появится водевильчикъ
сѣмысловъ и хоть съ легонькимъ наме-
комъ на то, что въ-самомъ-дѣлѣ бы-
ваетъ, хоть съ искрою истины и вѣр-
ности дѣйствительности, — Боже мой!
сколько шума, какой триумфъ! Слово
появилось вѣковое произведение!... Та-
кое событіе совершилось недавно, — и
въ одной газетѣ авторъ хорошенькаго
водевильчика приглашался передѣлать
драматическія сочиненія Гоголя, чтобъ
сдѣлать ихъ сносными!!.. Мы совѣто-
вали бы сочинителямъ оставить Гого-
ля въ покоѣ и прискаты себѣ какого-
нибудь водевилета, который бы ис-
правилъ и сдѣлалъ сколько-нибудь
сносными ихъ собственныя, изъ чу-
жихъ доскутывъ смитыя драматиче-
скія представленія.

И вотъ, мы перебрали всѣ роды поэ-
зіи, чтобъ показать, что теперь ни въ
одномъ нѣтъ возможности съ успѣхомъ
дѣйствовать не только бездарности,
посредственности, но и людямъ не
безъ таланта. Бѣдность современной
литературы происходитъ отъ-того, что
все перепробовано, и новизною уже
нельзя блеснуть какъ талантомъ. Это
бѣдность честная, благородная, кото-
рая въ тысячу разъ лучше мнимого
богатства. Это успѣхъ, а не паденіе,
огромный шагъ впередъ, а не назадъ.

(*) Сочиненія Николая Гоголя, 1842, ч.
IV, стр. 527.

Теперь уже запертъ путь къ извѣстности
и знаменитости всякому, у кого нѣтъ
большаго таланта. Въ-слѣдствіе это-
го, безталантность, посредственность
и мелкія дарованія, которыхъ еще
больше на бѣломъ свѣтѣ, чѣмъ людей
совершенно-бездарныхъ, принались
за свое дѣло, на которое назначены
они природою и судьбою; они соста-
вляютъ историческія коммизіи и
статейки о правахъ для политиче-
скихъ наданій. Когда картинки плохи,
текстъ читается столько внимательно,
сколько это нужно для объясненія кар-
тинокъ; когда картинка хороша (какъ
напр., картинка г. Тинна), текстъ во-
все не читается; но сочинители отъ
этого ничего не теряютъ: ихъ книги
покупаются для картинокъ, и читате-
ли не въ претензіи за вздорную гали-
матью текста. И читатели правы: про-
стителемъ восхищаться хорошими
картинками, чѣмъ пустыми книгами...

Время дѣтскихъ восторговъ прошло
и настааетъ время мыслей. Публика сдѣ-
лалась требовательнѣе. Правда, она
сама не отдала себѣ отчета въ томъ,
чего требуетъ, но уже не удовлетво-
ряется всѣмъ, чѣмъ ни поощряетъ ее
досужая дѣятельность писакъ. Вре-
мя сознанія еще не настало, но уже
близко начало этого сознанія. Пыш-
ные возгласы и великолѣпныя фра-
зы ужъ всѣмъ кажутся пошлыми, и
ими ужъ никого нельзя заинтересо-
вать. Никто не станетъ сомнѣваться
въ существованіи русской литературы;
но всякій имѣетъ право требовать
настоящаго взгляда на ея объемъ и сте-
пень ея жизни, и всякій имѣетъ
право смѣяться, при пышныхъ срав-
неніяхъ ея съ иностранными литерату-
рами. Что у насъ есть литература, для
этого достаточно знать, что у насъ есть
Пушкинъ, и что мы, кромѣ Пушкина,
съ гордостію можемъ указать еще на
нѣсколько именъ. Наша литература
имѣетъ и свою исторію, потому-что
всѣ замѣчательныя ея явленія истори-
чески-последовательны и одинъ фактъ
объясняется другими, предшествовав-
шими. Все это такъ; но вѣсть съ этикъ.

мы не должны забывать, что наша литература вначалѣ была пересаженныиъ цвѣткомъ, жизнениость котораго долго поддерживалась искусственно, за стеклами теплицы. Очень и очень-недавно начала она пускать корни въ русскую почву. И какъ еще досегѣ тѣсна эта почва! Гдѣ та сложенная масса, изъ жизни которой, какъ цвѣтокъ изъ почвы, возникла бы наша поэзія, и обратнo дѣйствовала бы одинаково на всю эту массу? Какое отношеніе имѣетъ наша современная поэзія съ поэзією народною? — Онѣ не только не родня одна другой — даже незнакомы другъ съ другомъ. Прочтите пьесу Пушкина не только мужику, но хоть иному и купцу первой гильдіи: чтѣ онѣ о ней скажетъ?... Гдѣ наша публика, которая, силою своего мнѣнія, уронила бы безстыдно-торговый журналъ, или крайней-мѣрѣ ограничила бы его дерзость и наглость? Она на многое сердится, многимъ недовольна, но чѣмъ именно, этого она сама не знаетъ, потому-что она — не сложенная масса, а собраніе людей различныхъ состояній, круговъ, требованій, понятій, привычекъ, собраніе людей, не связанныхъ между собою единствомъ мнѣнія. Выходить «Мертвымъ Душъ»: большинство публики ими недовольно, охотно соглашается съ журнальною бранью враговъ автора, — и въ то же время читаетъ, перечитываетъ и въ короткое время раскупаетъ двойное изданіе (2400 экземпляровъ) «Мертвыхъ Душъ»... Это фактъ, и очень-многозначительный! Для удовлетворенія своей жажды къ чтенію (а жажды къ чтенію въ ней нельзя отрицать) она ищетъ все новаго, болѣею частію забывала старое. Попробуйте сказать слово, что въ Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ есть не только достоинства, но и недостатки, и что, писатели прошлой эпохи, они для насъ уже далеко не то, чѣмъ были для нашихъ отцовъ и дѣдовъ, — и тотчасъ же многие закричатъ, что у насъ нѣтъ уваженія къ заслуженнымъ авторитетамъ, что вы нагло топчете въ грязь великія имена и т. п. И въ пуб-

ликѣ сейчасъ же раздадутся голоса: «да, да, въ-самомъ дѣлѣ! какъ это можно, на чтѣ это похоже!» И, вы думаете, это говорятъ люди, изучившіе Ломоносова, Державина, Карамзина? Нисколько; они даже и не читали этихъ писателей, но они привыкли по-наслышкѣ уважать эти имена... Отъ-того-то нѣмъ и легко ихъ ухитрять, въ чемъ угодно, и заставить смѣтрѣть на дѣльную критику, которая смѣлится показать истинное значеніе писателя, какъ на зломанѣренную брань.

Та же незрѣлость и шаткость и въ нашей литературѣ. У насъ есть поборники европеизма, есть славянофилы и др. Ихъ называютъ литературными партіями. Слѣбное названіе! Всякія партіи имѣютъ свои корни въ обществѣ и бываютъ отголосками, или выраженіемъ различій и противорѣчій общественнаго мнѣнія. Наши же партіи состояются изъ литературныхъ кружковъ, изъ которыхъ въ каждомъ случайно набралось человекъ десятокъ, сошедшихъ на вечеръ, за чаемъ, въ нѣкоторыхъ невнятныхъ литературныхъ мнѣніяхъ и вкусахъ. И эти-то кружки называютъ себя «партіями». Въ добрый часъ! Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало! Литераторство у насъ — дѣло между другими важнѣйшими дѣлами, отдыхъ отъ служебныхъ занятій, а чаще всего оно имѣетъ простое значеніе лишнихъ полутора или двухъ тысячъ рублей въ годъ, въ-добавокъ къ жалованью. Много ли у насъ литераторовъ, которые посвящаютъ себя одной литературѣ, по призванію, по страсти къ ней. — У насъ уже понимаютъ, что занятіе литературою между-прочимъ — дѣло очень почетное, особенно, если оно прибыльно...

При такомъ направленіи публики, странно было бы требовать литературы въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Съ другой стороны, и литература наша только въ немногихъ своихъ исключеніяхъ вышеэтой публики; но, взятая вообще, совершенно по-плечу ей. Наши ли-

тераторы большею частью не артисты, а дилеттанты, которые, между дѣломъ и бездѣльемъ, почитываютъ и вешиваются. Они убѣждены, что можно прежде всего дѣлать что-нибудь, хоть спекуляцию, а потомъ, въ свободное отъ главныхъ занятій время, почему и не написать чего-нибудь — вѣдь оно же и выгодно, между-прочимъ. Они убѣждены, что если кто написалъ въ жизнь свою три порядочные романа, то уже великий писатель; а кто настроичилъ деонтологъ Фельветоновъ — тотъ уже знаменитый литераторъ. Два-три стихотворения дадутъ у насъ право на известность; водевилъ отворяетъ ворота въ край славы. Отъ-того, при всей бѣдности нашей литературы, у насъ литераторовъ бездна. Особенно богаты ими Петербургъ. Затѣйте новый журналъ, новую газету, или, какъ теперь это болѣе въ ходу, воскресный старый журналъ или газету, — вы ни за миллионы не найдете издателя, который дасть бы новому изданію направленіе, жизнь и ходъ; за то, отрудинокъ и особенно переводчнковъ не оберетесь. Даже неуживоенать и звать ихъ — сами придутъ. Стоили дѣлать изъ нихъ, прилѣсутъ вамъ, на первый случай, по сотнѣ стихотвореній, въ которыхъ вѣтъ ни повѣія ни смысла; пятьдесятъ принесутъ обѣщаніе — къ такому-то числу представить по повѣсти, и, при сей вѣрной обіавіи, спросятъ васъ, по-чемъ вы платите съ листа; десять принесутъ вамъ, въ-самомъ-дѣлѣ, по повѣсти, исполненной канцелярскаго юмора и чиновнической ироніи, или высокаго трагическаго паэоса à la Marlinский, — что однако не снабдитъ васъ матеріаломъ для вашего журнала. Что касается до критики и библиографіи, — въ Петербургѣ столько критиковъ и библиографовъ, что, при ихъ помощи, вамъ легко было бы издавать сто толстыхъ и тысячу тонкихъ журналовъ. И не мудрено: вѣдь въ Петербургѣ родились тотъ знаменитый Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, который сочинилъ и *Сумбуку*, и *Фенеллу*, и *Юріа Милославскаго*, издавалъ *Библиотеку для*

Чтенія и всѣ журналы, издаваніеся въ Петербургѣ... Критика у насъ считается самымъ легкимъ ремесломъ; за нее берутся всѣ съ особенной охотой, и рѣдко кому входить въ голову, что для критики нужно имѣть талантъ, вкусъ, познанія, начитанность, нужно умѣть владѣть языкомъ. Большая часть, напротивъ, думаетъ, что для этого нужно только знать, что всѣ наши — гении и таланты, а всѣ не наши — люди не безъ таланта, если они намъ не мѣшаютъ, и люди бездарные, если мѣшаютъ. Теорія, какъ видите, самая простая, и чтобъ понять ее сразу, не нужно учиться, трудиться, думать, развиваться, имѣть мнѣніе, взглядъ, убѣжденіе. И потому, имѣть ничего обыкновеннаго, какъ услышать жалобы, въ родѣ слѣдующихъ: «Скажите, пожалуйста, за что онъ (имярекъ) разбранилъ мой романъ, мою комѣсть, драму, водевилъ, журналъ или книгу? Что я ему сдѣлалъ? Вѣдь мы съ нимъ пишемъ въ разныхъ редакціяхъ, или въ разныхъ журналахъ, и помѣщать другъ другу не можемъ? Почти никому въ голову не входить, что можно, безъ всякихъ личныхъ отношеній къ человѣку, и даже зная его съ хорошей стороны, уважая его характеръ и образъ, не любить его взгляда на тотъ или другой предметъ и энергически противодействовать этому взгляду, такъ же, какъ можно, любя и уважая человека, не уважать его сочиненій, какъ оскорбляющихъ вкусъ и умъ. Значить: понимаютъ энергію антипатіи за соерничество по деньгамъ, по самолюбію, по известности и другимъ великимъ страстямъ; и пристрастнышкаютъ; но не понимаютъ энергіи антипатіи къ тому, что кажется ошибочнымъ мнѣніемъ, ложнымъ убѣжденіемъ, умышленнымъ или неумышленнымъ заблужденіемъ, безвкусіемъ, бездарностію. Кто-нибудь издалъ плохой романъ, въ которомъ удачно похвастилъ грубою вкусу большинства и чрезъ то приобрѣлъ большой успѣхъ, — а вы написали критику, въ которой показали въ истинномъ свѣтѣ незаконное чадло плохадной

или по-вѣрней-нѣрѣ сильно-даровитыхъ писателей. По почерку узнаютъ руку человѣка, и на почеркѣ основываютъ достовѣрность собственноручной подписи человѣка: по слогу узнаютъ великаго писателя, какъ по кисти—картину великаго живописца. Тайна слога заключается въ умѣнн до того ярко и выпунло изливаетъ мысли, что онѣ кажутся какъ-будто нарисованными, изваянными изъ мрамора. Если у писателя нѣтъ никакого *слова*, онъ можетъ писать самымъ превосходнымъ языкомъ, и все-таки неопредѣленность и—необходимое слѣдствіе—многословіе будутъ придавать его сочиненію характеръ болтовни, которая утомляетъ при чтеніи и тотчасъ забывается по прочтеніи. Если у писателя есть слогъ, его эпитета рѣзко-опредѣлителей, всякое слово стоитъ на своемъ мѣстѣ, и въ немногихъ словахъ схватывается мысль, по объему своему требующая многихъ словъ. Дайте обыкновенному переводчику перевести сочиненіе иностраннаго писателя, извѣщающаго о слогѣ: вы увидите, что онъ, своимъ переводомъ, раскладываетъ подлинникъ, не передавъ ни его силы, ни опредѣленности. Гоголь исполнѣ владѣетъ слогомъ. Онъ не пишетъ, а рисуетъ; его фраза, какъ живая картина, мечется въ глаза читателю, поражая его своею яркою вѣрностію природѣ и дѣйствительности. Самъ Пушкинъ, въ своихъ повѣстяхъ, далеко уступаетъ Гоголю въ слогѣ, имѣя свой слогъ и будучи, сверхъ-того, превосходнѣйшимъ стилистомъ, т. е. владѣя въ совершенствѣ языкомъ. Это происходитъ отъ-того, что Пушкинъ, въ своихъ повѣстяхъ, далеко не то, что въ стихотворныхъ произведеніяхъ, или въ «Исторіи Пугачевскаго Бунта», написанной по-тацитовски. Лучшая повѣсть Пушкина — «Капитанская Дочка», далеко не сравнится ни съ одною изъ лучшихъ повѣстей Гоголя, даже въ его «Вечерахъ на Хуторѣ». Въ «Капитанской Дочкѣ» мало творчества и нѣтъ художественно-очерченныхъ характеровъ, вмѣсто которыхъ есть мастерскіе очерки и си-

луеты. А между-тѣмъ, повѣсти Пушкина стоятъ еще гораздо-выше всѣхъ повѣстей предшествовавшихъ Гоголю писателей, между сколько повѣсти Гоголя стоятъ выше повѣстей Пушкина. Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на Гоголя—не какъ образецъ, которому бы Гоголь могъ подражать, а какъ художникъ, сильно дѣйствующій впередъ искусство и не только для себя, но и для другихъ художниковъ открывшій въ сферѣ искусства новые пути. Главное вліяніе Пушкина на Гоголя заключалось въ той народности, которая, по словамъ самого Гоголя, «состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа». Статья Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», лучше всѣхъ равсужденій показываетъ, въ чемъ состояло вліяніе на него Пушкина. Приученная къ тому и манерѣ повѣстей Марлинскаго, русская публика не знала, что и подумать о «Вечерахъ» Гоголя. Это былъ совершенно-новый міръ творчества, котораго никто не подозревалъ и возможности. Не знали, что думать о немъ, не знали, слишкомъ-ли это что-то хорошее, или слишкомъ-дурное. Повѣсти въ «Арабескахъ»: «Неяснѣйшій Проспектъ» и «Записки Сумасшедшаго», потомъ «Миргородъ» и наконецъ «Ревизоръ» исполнѣ обрисовали характеръ гоголевой поэзіи, и публика, равно какъ и литераторы, раздѣлились на двѣ стороны, изъ которыхъ одна, пренебрежительно читая Гоголя, увѣрилась, что имѣетъ въ немъ русскаго Поль-де-Кола, котораго можно читать, но полъ-рукою, не вслѣдъ принаваясь въ этомъ; другая увидѣла въ немъ новаго великаго поэта, открывшаго новый, неизвѣстный доселѣ міръ творчества. Число послѣднихъ было несравненно-меньше числа первыхъ, но за то, послѣдніе, въ этомъ случаѣ, представляли собою публику, а первые — толпу. Наша толпа отличается невѣроятною чопорностію, достойною мѣщанскихъ нравовъ: она всего больше хлопочетъ о хорошемъ тонѣ высшаго общества, и видитъ дурной тонъ именно въ тѣхъ произведеніяхъ, которые читаются въ

салонахъ высшаго общества. Между тѣмъ, реформа въ романтической прозѣ не замедлила совершиться, и всѣ новыя писатели романовъ и повѣстей, даровитые и бездарные, какъ-то невольно подчинились вліянію Гоголя. Романисты и новеллисты старой школы стали въ самое затруднительное и самое забавное положеніе: браня Гоголя и говоря съ презрѣніемъ о его произведеніяхъ, они невольно впадали въ его тонъ и невольно подражали его манерѣ. Слава Марлинскаго сокрушилась въ нѣсколько лѣтъ, и всѣ другіе романисты, авторы повѣстей, драмъ, комедій, даже водевилей изъ русской жизни, внезапно обнаружили столько неподозрѣваемой въ нихъ дотогѣ бездарности, что съ-горя перестали писать; а публика (даже большинство публики) стала читать и обращать вниманіе только на молодыхъ талантливыхъ писателей, которыхъ дарованіе образовалось подъ вліяніемъ поэзіи Гоголя. Но такихъ молодыхъ писателей у насъ немного, да и они пишутъ очень-мало. И вотъ еще одна изъ главныхъ причинъ бѣдности современной русской литературы! Если кто больше всего и больше всѣхъ виноватъ въ ней, такъ это, безъ сомнѣнія, Гоголь. Безъ него, у насъ много было бы великихъ писателей, и они писали бы и теперь съ прежнимъ успѣхомъ. Безъ него, Марлинскій и теперь считался бы живописцемъ великихъ страстей и трагическихъ коллизій жизни; безъ него, публика русская и теперь восхищалась бы «Дѣвою Чудною», барона Брамбеуса, видя въ ней пучину остроумія, бездну юмору, образецъ изящнаго слогу, сливки занимательности, и пр. и пр.

Гоголь убилъ два ложныя направленія въ русской литературѣ: натанутый, на ходуляхъ стоящій идеализмъ, нахающій мечомъ картоннымъ, подобно развумяченному актѣру, и потомъ — сатирическій дидактизмъ. Марлинскій пустилъ въ ходъ эти ложныя характеры, исполненные не силы страстей, а кривляніи поддѣльнаго байро-

низма; всѣ принялись рисовать то Карлоуъ Мооровъ въ черкесской буркѣ, то Лиронъ и Чайльдъ-Гарольдовъ въ капеларскомъ виц-мундирѣ. Можно было подумать, что Россія отличается отъ Италіи и Испаніи только языкомъ, а отнюдь не цивилизаціею, не нравами, не характеромъ. Никому въ голову не приходило, что ни въ Италіи, ни въ Испаніи люди не кривлялись, не говорили изъисканными фразами, и не безпрестанно рѣжутъ другъ-друга ножками и ишикалами, сопровождая эту рѣзку высокопарными монологами. Презрѣніе къ простымъ чадамъ земли дошло до послѣдней степени. У кого не было колоссальнаго характера, кто кирно служилъ въ департаментѣ, или ловко сводилъ концы съ компаніи за секретарскимъ столомъ въ земскомъ или уѣздномъ судѣ, говорилъ просто, не читалъ стиховъ и поэзію предпочиталъ существованности, — тотъ уже не годился въ герои романа или повѣсти, и неизбежно дѣлался добычею сатиры, съ правоучительною цѣлю. И — Боже мой! — какъ странно бичевала эта сатира всѣхъ простыхъ, положительныхъ людей, за то, что они не герои, не колоссальныя характеры, а ничтожные пигмеи человечества. Она такъ безобразно отдѣлывала ихъ своею мочальною кистию, своими грязными красками, что они нисколько не походили на людей, и были до того уродливы, что, глядя на нихъ, уже никто не рѣшался брать взятокъ, или предаваться пьянству, плутовству и проч. Прошло это время, — и общество, которое такъ хорошо уживалось съ такою литературою, теперь часто спорится съ нею, говоря: какъ можно писать то-то, выставлять это-то, выдумывать такое-то — и многіе изъ этого общества чуть не со слезами на глазахъ клянутся, что ничего не бываетъ, напр., подобнаго тому, что выставлено въ «Ревизорѣ», что все это ложь, выдумка, алая «критика», что это обидно, безнравственно, и пр. И всѣ, довольные и недовольные «Ревизоромъ», знаютъ чуть не наизусть эти!

комедию Гоголя... Такое противорѣчiе стѣитъ того, чтобъ обратить на него вниманiе.

Прежде, сатира смѣло разгудывала между народомъ, середя блага дня и даже не заботилась объ никогомъ, но прямо и открыто называлась своимъ собственнымъ именемъ, т. е. *сатирою*, — и никто не сердился на нее, никто даже не замѣчалъ ея гримасъ и прикличий. Отъ-чего это? — отъ-того, что никто не узнавалъ себя въ ней; отъ-того, что она нападла на пороки общiе, которыхъ всякій имѣетъ полное право не принять на свой счетъ; отъ-того, что она была кляпою, печатною бумагою, невнимымъ школьнымъ упражненiемъ во классу реторики... И давно ли право-описательныя, нравственно-сатирическiе романы, юмористическiя статьи и статейки являлись сталями, какъ вороны на крышахъ домовъ, заркая на проходящихъ во все воронье горло? — и на нихъ никто не сердился, даже какъ сердится лѣтомъ на докучныхъ мухъ. Сочинитель гордо называлъ себя сатирикомъ, гонителемъ людскихъ пороковъ, — и гонимые люди безъ боязни подходили къ своему гонителю, къ дряхлому, беззубому бульдогу, гладили его по толстой и лоснящейся шеѣ, и охотно кормили его избыткомъ своей трапезы. Отъ-чего это? — отъ-того, что пороки, которые гналь сатирикъ, были совсѣмъ не пороки, а развѣ отвлеченныя идеи о порокахъ, реторическiе тропы и фигуры. Это были своего рода бараны и мельницы, съ которыми храбро и отважно сражался сатирическiй дошъ-Кихотъ, — такъ же, какъ добродѣтель, за которую онъ ратовалъ, была для него воображаемою Дульцинею, а для другихъ — толстою, безобразною коровницею. Теперь нѣтъ сатиры, и только развѣ какой-нибудь старшiй сочинитель рѣшится величать себя вышедшимъ изъ моды именемъ сатирика: теперь пишутся романы и повѣсти, безъ всякихъ сатирическихъ намѣренiй и цѣлей, — а между-тѣмъ, всѣ на нихъ сердятся. Отъ-чего жъ это? — отъ-того, что теперь и великiе и ма-

лые таланты, и посредственность и бездарность — всѣ стремятся изображать дѣйствительныхъ, не воображаемыхъ людей: но такъ-какъ дѣйствительные люди обитаютъ на землѣ въ обществѣ, а не на воздухѣ, не въ облакахъ, гдѣ живутъ одни призраки, то, естественно, писатели нашего времени, вмѣстѣ съ людьми, изображаютъ и общество. Общество также — нѣчто дѣйствительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляютъ не одни костюмы и прически, но и нравы, обычаи, понятiя, отношенiя и т. д. Человѣкъ, живущiй въ обществѣ, зависитъ отъ него и въ образѣ мыслей и въ образѣ своего дѣйствованiя. Писатели нашего времени не могутъ не понимать этой простой, очевидной истины, и потому, изображая человѣка, они стараются вызвать въ причины, отъ-чего онъ таковъ, или не таковъ, и т. д. Въ-слѣдствiе этого, естественно, они изображаютъ не частныя достоинства или недостатки, свойственные тому или другому лицу, отдѣльному явленiю общiя. Большинство же публики именно тамъ-то и видитъ личности, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Прежiе такъ-называемые сатирики именно смисывали съ извѣстныхъ лицъ — и казались въ глазахъ всѣхъ неподлежащими упреку въ личностяхяхъ. И это очень-понятно: сами оригиналы не узнавали себя въ снятыхъ съ нихъ копiяхъ, потому-что сатирики не могли печатно касаться отстоятельности того или другаго лица и ограничивались общими чертами пороковъ, слабостей и странностей, которыя, будучи *отвлечены* отъ живой личности, превращались въ образы безъ лицъ. Притомъ же, эти *сатирики* смотрѣли на пороки и слабости людей, какъ на что-то принадлежащее тому или другому индивидуальному лицу, какъ на что-то произвольное, что это лицо могло имѣть и не имѣть по своей волѣ и что приобрести или отъ-чего избавиться оно легко могло по прочтенiи убѣдительно сатиры, гдѣ ясно, по пальцамъ, доказана выгода и сладость

добродѣтели и опасныя, пагубныя слѣдствія порока. Вотъ почему, эти добрые сатирики брали человѣка, не обращающаго вниманія на его воспитаніе, на его отношенія къ обществу, и тормозили на-досугъ это созданіе нѣкъ воображеніемъ чучело. Въ основаніе своего сатирическаго донъ-кихотства, они положили общественную нравственность, добродушно не подозревая того, что нѣкъ сатиры, опирающіяся на общественную нравственность, ужасно противорѣчили этой нравственности. Такъ, напр., въ числѣ первыхъ добродѣтелей она полагала безусловное повиновеніе родительской власти, и въ то же время толковала юношеству, что бракъ по расчету—дѣло безнравственное, что низконопленство, лезть нѣкъ выгоды, взяточничество и казнокрадство — тоже дѣла безнравственныя. Очень-хорошо; но что же нѣкому юношѣ дѣлать, если онъ съ малолѣтства, почти съ материнскимъ молокомъ, всосалъ въ себя мистическое благоговѣніе къ доходнымъ должностямъ, теплымъ мѣстамъ, къ значительности въ обществѣ, къ богатству, къ хорошей партіи, блестящей карьерѣ; если его младенческій слухъ былъ оглашёнъ не словами любви, чести, самоотверженія, истины, а словами: *зала, молочко, приобры, надубь*, и т. п.? Положимъ, что такому юношѣ природа не отказала въ человѣческихъ чувствахъ и стремленіяхъ; положимъ, что въ немъ пробудилась любовь къ достойной, но бѣдной, вѣрстаго званія дѣвушкѣ, любовь, запрещающая ему соединиться съ противною ему богатому дурю, на которой, по расчетамъ, приказываютъ ему жениться; положимъ, что въ юношѣ пробудилось человѣческое достоинство, запрещающее ему кланяться богатому плуту, или чиновному негодю; положимъ, что въ немъ пробудилась совѣсть, запрещающая употреблять во зло вѣрныя ему высшее властію вѣсы правосудія и расхищать вѣрныя его безкорыстію общественныя суммы; что ему тутъ дѣлать? Сатирикъ не затруднится отъ

такого вопроса и, не задумавшись, отвѣтитъ: «жениться на предметѣ любви своей, служить честно и вѣрно отечеству»... Прекрасно; но гдѣ же повиновеніе родительской власти, гдѣ уваженіе къ родительскому благословенію на вѣкъ нерушимому, гдѣ страхъ тяжкаго отпосаго пролитія?... И потомъ, гдѣ уваженіе къ общественному мнѣнію, къ общественной нравственности? Вѣдь общество не спрашиваетъ васъ, по любви, или не по любви женились вы, а спрашиваетъ, сколько вы взяли за женою, и приличная ли она вамъ партія; общество не спрашиваетъ васъ, какими-образомъ слѣдилось въ богатомъ, когда ему извѣстно, что вашъ батюшка не оставилъ вамъ ни копейки, а за супругою вы взяли не Богъ знаетъ что, или и вовсе ничего не взяли: общество знаетъ только, что вы богачъ, и потому считаетъ васъ очень-хорошимъ — «благонамѣреннымъ» человѣкомъ... Послушайтесь нѣкъ юноша сатирика, что бы вышло? — отенъ его бросилъ бы, жалужь на некомпетентное и презрѣніе къ его власти; потомъ, онъ прошолъ бы, съ женою и дѣтьми, черезъ всѣ мытарства, черезъ всѣ униженія голодной, неопратной, оборванной бѣдности; видѣлъ бы къ себѣ презрѣніе общества, а за свою правоту, за свое безкорыстіе былъ бы заклеменъ отъ всѣхъ страшными названіями безпокойнаго, опаснаго и «неблагонамѣренняго» человѣка, вольнодумца, и проч. и пр. И не-уже-ли вы, «благонамѣренныя» сатирики, бросите въ него камень осужденія, если, вступая въ и обвенчавъ въ тяжелой и бесплодной борьбѣ, онъ доидетъ до страшнаго убѣжденія, что его бѣдность, его несчастія — необходимыя слѣдствія отцовскаго гнѣва, заслуженная кара за презрѣніе общественного мнѣнія и общественной нравственности?.. Но, къ счастью или къ-несчастью — не знаетъ, право, — такіе случаи весьма-рѣдки, какъ исключенія изъ общаго правила. По-большой-части бываетъ такъ: юноша не долго колеблется между любовью и выгодною женитьбою, между «зани-

ральными идеями о безкорыстии и правотѣ и уваженіемъ общества: онъ женится на комъ прикажутъ дражайшіе родители, живетъ съ женою какъ всѣ, т. е. прилично содержитъ ее, воспитываетъ дѣтей своихъ какъ всѣ, т. е. прилично кормитъ и одѣваетъ ихъ, учитъ по-французски и танцовать, а послѣ этого перваго и важнѣйшаго періода воспитанія отдастъ въ учебное заведеніе, потому выгодно пристраиваетъ въ службу, выгодно женитъ (или выдаетъ замужъ) и, умирая, отказываетъ имъ «благонѣобрѣтенное» на службѣ и нѣніе. И что же? Въ началѣ его поприща, всѣ превозносятъ его, какъ почтительнаго сына, въ концѣ поприща — какъ нѣжнаго супруга, примѣрнаго отца, «благонѣбревнаго» чиновника, и заключаютъ такъ: «вотъ что значитъ уваженіе къ общественной нравственности! вотъ что значитъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое!» И такъ, нашъ «благонѣренный» сатирикъ, бичъ пороковъ, самымъ негнѣпымъ образомъ противорѣчилъ самому-себѣ: поставивъ выше всѣхъ добродѣтелей коинновеніе не Богу, не истинѣ, а эгонстическимъ расчетамъ, онъ въ то же время училъ юношу слѣдовать свободному выбору сердца, какъ знамению благословенія Божія, и запрещалъ ему торговать священнѣйшими склонностями своей души; поставивъ выше всякой награды любовь и уваженіе общества, онъ въ то же время училъ юношу оскорблять основныя правила этого самаго общества... Впрочемъ, онъ это дѣлалъ, самъ не зная что дѣлаетъ, и потому его сатиры не производили никакихъ слѣдствій. Бывало, выйдетъ сатирическій романъ съ похождениями какого-нибудь пройдохи, въ родѣ извѣстныхъ похожденій Совѣтскаго-Большаго-Носа, — романъ, въ которомъ уже самыя имена дѣйствующихъ лицъ — *Угорьзовъ, Надуаловъ, Шлюхины, Правосудовъ, Безпристрастныи, Безкорыстныи, Милосердныи, Правдолюбивыи* и т. п., обнаруживали нравственную мысль сочинителя, — и что же? — самый отъявленный взя-

точникъ, самый безчестный казнокрадъ, самый отчаянный шулеръ, читалъ этотъ романъ съ удовольствіемъ и вездѣ расхваливалъ его вслухъ, говоря: «какой славный слогъ! во всемъ чистѣйшая нравственность; добродѣтель торжествуетъ пороку; наказаніе — чего же больше? чудесный романъ!»

Теперь это блаженное время прошло безвозвратно, вмѣстѣ съ дѣтствомъ нашей литературы. Теперь выходятъ изъ моды и герои добродѣтели, и чудовища злодѣйства, ибо ни тѣ, ни другіе не составляютъ массы общества. Вмѣсто ихъ, дѣйствуютъ люди обыкновенныя, какихъ больше всего на свѣтѣ — ни злые, ни добрые, ни умные, ни глупые, по-большой-части положительно необразованныя, положительно невѣжды, но отнюдь не дураки. Ихъ смѣшное заключается въ противорѣчій ихъ словъ съ дѣлами, въ лицемѣрности и превратномъ смыслѣ, въ какомъ они говорятъ одобродѣтели, о безкорыстии, о благонѣренности. А они говорятъ *еще какъ одинъ*: слѣдовательно, этотъ «одинъ» или эти «всѣ» есть общество. не-уже-ли же, скажутъ намъ, наше общество стоитъ на такой низкой степеніи, что ничего не можетъ дать писателю, кромѣ смѣшнаго и комическаго? Не-уже-ли наше общество ужь до такой степени хуже и ничтожнѣе общества всѣхъ другихъ государствъ Европы? — На этотъ вопросъ, мы можемъ отвѣчать и искренно и удовлетворительно. Кто знакомъ съ современными европейскими литературами, тотъ не можетъ не знать, что ихъ направленіе, взятое вообще, а не частно, еще болѣе юмористическое, чѣмъ направленіе нашей литературы. Прочтите, на-прим., «Оливера Твиста» и «Бэрнеби Роджа» Диккенса, перваго теперь романиста Англіи, и вы убѣдитесь, что въ просвѣщенной Англіи, гордящейся тысячелѣтнею цивилизаціею, такъ же много чудаковъ, оригиналовъ, невѣждъ, глупцовъ, плутовъ, мошенниковъ, воровъ, какъ и вездѣ, да еще, въ придачу, много такихъ злодѣевъ и изверговъ, кото-

рые въ другихъ странахъ попадаются только какъ рѣдкія исключенія. Прочтите «Les Mystères de Paris» Эжена Сю—и вы порадуетесь тому, что живете въ Петербургѣ, а не въ Парижѣ, и что если въ тѣсной толпѣ рискуете иногда лишиться платка, часовъ, кошелька, зато никогда не трепещете за свою жизнь... Но, скажутъ намъ, въ «Бернеби Роджѣ» и въ «Парижскихъ Тайнахъ» есть нѣсколько и такихъ лицъ, на которыхъ отдыхаетъ душа читателя, утомленная зрѣлищемъ злодѣйствъ:— правда; но зато нельзя не согласиться, что добродѣтельные лица въ романѣ Диккенса безцвѣтны и скучны; таковы идеальная Эмма, ея возлюбленный Эдвардъ Честеръ, Гэрдаль и мать Бернеби; а въ «Парижскихъ Тайнахъ» — невѣроятны. Изъ добродѣтельныхъ лицъ романа Диккенса, всѣхъ лучше иная, граціозная и кокетливая Долли, забавный оригиналъ ея отецъ, мастеръ Уарденъ, и ея возлюбленный Джой: въ нихъ видны и слабости и странности, но еще болѣе любите ихъ за эти слабости и странности, черезъ которыя и узнаете въ нихъ живыя человѣческія лица, дѣйствительные характеры, а не картонныя куклы съ надписями на лбу: *юная добродѣтель, несчастная любовь, идеальная дѣва*, и т. п. Въ «Парижскихъ Тайнахъ» также лучшія лица — не самыя добродѣтельныя, какъ идеальный и небывалый Родольфъ, а тѣ, въ которыхъ добрыя природныя начала борются съ искусственными, т. е. привитыми обстоятельствами и враждебнымъ вліяніемъ общественнаго устройства, какъ на-прим.: Шуриверъ, Марсіаль, — и, право, гриметка Риголетта правдоподобнѣе Гуалъвья... Люди вездѣ люди; ни одинъ народъ не хуже другаго; вездѣ есть злоупотребленія, пороки, странности, противорѣчія словъ съ дѣлами и дѣлъ съ словами, нравственныхъ понятій съ истинною нравственностью. Вся разница въ формахъ и отношеніяхъ. У насъ проситель иногда заходить съ задняго крыльца къ своему судѣ съ секретными доказательствами правоты своего дѣла; въ

Англии и Франціи, кандидаты на рязныя выборныя должности низкими интригами и подкупами располагаютъ избирателей въ свою пользу. И тутъ и тамъ — богатая жатва для наблюдательнаго живописца общества. Здѣсь опять могутъ намъ сказать, что вѣчего и хлопотать по-пустому, нѣ изъ чего и раздражать того и другаго, третьяго и четвертаго, если люди всегда были людьми и всегда будутъ ими. Да, люди всегда будутъ людьми—прежніе не лучше и не хуже нынѣшнихъ, нынѣшніе не лучше и не хуже прежнихъ; но общество улучшается, и изъ его улучшенія основанъ законъ развитія цѣлаго человѣчества. Было время, когда даже истинно-добрые, благородные и умные люди были убѣждены въ существованіи чернокожизна и съ ревностью, одушевляемые желаніемъ общаго блага, жгли чернокожничкомъ: теперь и злые, и глупые, и невѣжественные люди уже не вѣрятъ чернокожизню и чужды желанія жечь живыхъ людей даже и за дѣйствительныя преступленія. Что это значитъ? — то, что люди и теперь остались тѣми же, какими были, а общество улучшилось. Во всѣ вѣка бывали мудрые и благіе законодатели, но только въ XVIII вѣкѣ могли огласить міръ изрѣченныя съ трона божественныя слова: «Лучше простить десять вѣщюныхъ, нежели наказать одного невиннаго». Что это значитъ, если не то, что люди все тѣ же, а общество улучшается?.. Современники благословляли въ Россіи вѣкъ Екатерины-Великой; мы, ихъ потомки, подтвердили правдивость этого благословенія, но, вѣстѣ съ тѣмъ, мы имѣемъ свои причины быть гордыми и счастливыми, что живемъ въ настоящее, а не въ другое какое-нибудь время... Что это значитъ, если опять не то же, что люди и теперь тѣ же, а общество ушло далеко впередъ?.. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается все благородство, вся благодѣтельность роли, кака я назначена книгопечатанію самимъ Провидѣніемъ. Что прежде шло и развивалось съ трудомъ и медлен-

но, тѣ теперь идетъ и развивается легко и быстро. А это тогда только и возможно, когда литература будетъ не забавою празднаго бездѣля, а сознаниемъ общества, когда она будетъ занимать въ стижкахъ, да сказочками, гдѣ вълюбилсъ да и женилсъ, а будетъ вѣрнымъ зеркаломъ общества, и не только вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнiя, но и его ревизоромъ и контролёромъ.

Общество не то, что частный человекъ: человека можно оскорбить, можно оклеветать — общество выше оскорбленiй и клеветы. Если вы невѣрно изобразили его, если вы придали ему пороки и недостатки, которыхъ въ немъ нѣтъ — вамъ же хуже: васъ не станутъ читать, и ваши сочиненiя возбуждять смѣхъ, какъ неудачныя гарриатуры. Указать же на истинный недостатокъ общества, значить оказать ему услугу, значить избавить его отъ недостатка.

А можно ли за это сердиться? Кто домыслилъ, явилъ Гогарта изображалъ англiйское общество въ лицѣ всѣхъ его сословiй? — и однакожъ Англiя не осудила Гогарта за *lese-nation*, во гордо именуеть его однимъ изъ любимѣйшихъ и достойнѣйшихъ сыновъ своихъ. Да и есть ли кака-нибудь возможность оскорбить сословiе, выставить съ смѣшной, или даже предосудительной стороны одного изъ его членовъ? Всякое сословiе состоитъ изъ большаго количества людей, а во всякомъ, даже небольшомъ количествѣ людей, найдутся всякаго рода недостойные и низкия характеры, — не говоря уже о томъ, что не можетъ быть сословiя, которое бы не имѣло, вмѣстѣ съ добрыми сторонами, и своихъ дурныхъ сторонъ; честь сословiя состоитъ не въ томъ, чтобъ не имѣть дурныхъ сторонъ (ибо это рѣшительно невозможное дѣло), а въ томъ, чтобъ умѣть открывать глаза на свои дурныя стороны и отрѣшиться отъ нихъ. Кто усомнится въ томъ, чтобъ рыцарство среднихъ вѣковъ не было цвѣтомъ государствъ, красою общества своего времени, его благороднѣйшимъ сословiемъ, что оно

не совершило блистательнѣйшихъ подвиговъ, не обезсмертило себя великими дѣлами? И между тѣмъ, кому не извѣстно, что это же самое рыцарство, въ слѣдствiе духа тѣхъ грубыхъ и варварскихъ временъ, грабило на большихъ дорогахъ купеческiе обозы, разбойнически рѣзало мирнаго путешественника, звѣрски злоупотребляло свою феодалную власть надъ вассалами и рабами? И, не смотря на то, потомки этого рыцарства — цвѣтъ аристократiи современной Англiи, нисколько не думаютъ ни стыдиться, ни скрывать этого; они съ восторгомъ читаютъ романы Вальтера Скотта и гордятся ими, вмѣсто того, чтобъ ненавидѣть ихъ, какъ пятно на чести своихъ предковъ, слѣдственно, и на ихъ собственной чести. Это доказываетъ сколько сознание національнаго величiя, столько и вѣрность развитiя общественности въ Англiи.

Ничему другому, какъ робкому несозанiю собственнаго національнаго величiя и невѣрности нашей общественности, можно приписать эту раздражительность, которая во всемъ видитъ неуваженiе то къ тому, то къ другому сословiю. Какъ-скоро выведенъ въ поавѣсти чиновникъ, на шеѣ котораго пренебрежно попянанъ галстухъ, а на рукахъ блестятъ асаленные жолтыя перчатки, какъ свидѣтельство его тщетныхъ претензiй на щегольство хорошаго тона, тотчасъ всѣ чиновники обижаются, говоря: «вотъ какъ насъ отдѣлываютъ; служи послѣ этого!» Они какъ-будто и не хотятъ знать, что можно быть неуслужимымъ, недобрымъ въ обществѣ, и въ то же время можно быть умнымъ, благороднымъ человекомъ и хорошимъ чиновникомъ, — не хотятъ знать, что если одинъ чиновникъ дурно и неопратно одѣвается, имѣя претензiи на свѣтскость, изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобъ всѣ чиновники походили на него. Если воинъ окажется на сраженiи чудеса храбрости и получить георгиевскiй крестъ, вѣдь его товарищи, не участвовавшiе въ дѣлѣ, или не отличившiеся

въ немъ, не почитаютъ себя въ правѣ жаловаться, что имъ не дали этого креста: какое же будутъ имѣть право оскорбляться всѣ военные, если объ одномъ изъ нихъ (и то вымышленномъ лицѣ) напечатаютъ въ сказкѣ, что ему случилось струсить на сраженіи, какъ напр., князю Блѣстину, выведенному въ романѣ г. Загоскина «Рославль», или Русскіе въ 1812 году? И если г. Загоскинъ, самъ участвовавшій въ великой отечественной войнѣ, вывелъ, между многими храбрыми лицами своего романа, одного труса, — можетъ ли такая, впрочемъ, всегда и вездѣ возможная черта служить пятномъ для арміи, которая сражалась подъ Бородинымъ и въ числѣ предводителей своихъ имѣла Барклая-де-Толли, Кутузова, Багратиона, Ермолова, Милорадовича, Раевского и многихъ другихъ, извѣстныхъ и славныхъ въ мірѣ?.. Было время, когда наши писатели только и дѣлали, что нападали на русское общество высшего и средняго круга за его страсть къ французскому языку. Это былъ дѣйствительно недостатокъ со стороны нашего общества; но могли ли оскорбить его нападки, и притомъ еще не совѣмъ-несправедливые, писателей, когда оно знало, что тѣ же самые офицеры гвардіи, которые по-русски объяснялись только по офиціальнымъ дѣламъ службы, геройски жертвовали свою жизнь въ битвахъ противъ тѣхъ же самыхъ Французовъ, языкъ которыхъ они больше любили и лучше знали, чѣмъ своей родной?..

Сатира — ложный родъ. Она можетъ смѣшить, если умна и ловка, но смѣшить, какъ остроумная карикатура, набросанная на бумагу карандашомъ даровитаго рисовальщика. Романъ и повѣсть выше сатиры. Ихъ цѣль — изображать вѣрно, а не карикатурно, не преувеличенно. Произведенія искусства, они должны не смѣшить, не поучать, а развивать истину творчески-вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности. Не ихъ дѣло разсуждать, напри-

мѣновеніи: ихъ дѣло — представить или норму истинныхъ семейственныхъ отношеній, основанныхъ на любви, на общемъ стремленіи ко всему справедливому, доброму, прекрасному, на взаимномъ уваженіи къ своему человеческому достоинству, къ своимъ человѣческимъ правамъ; или изобразить уклоненіе отъ этой нормы — произволь отеческой власти, для корыстныхъ расчетовъ истребляющей въ дѣтяхъ любовь къ истинѣ и добру, и необходимое слѣдствіе этого — нравственное искаженіе дѣтей, ихъ неуваженіе, неблагодарность къ родителямъ. Если ваша картина будетъ вѣрна — ее поймутъ безъ вашихъ разсужденій. Вы были только художникомъ, и хлопотали изъ того, чтобъ нарисовать возникшую въ вашей фантазіи картину, какъ осуществленіе возможности, скрывавшейся въ самой дѣйствительности; и кто ни посмотритъ на эту картину, вслѣдствіе, пораженный ея истинностью, влучше почувствуетъ и сознаетъ самъ все то, что вы стали бы толковать и чего бы никто не захотѣлъ отъ васъ слушать... Только берите содержаніе для вашихъ картинъ въ окружающей васъ дѣйствительности и не украшайте, не перестраивайте ея, а изображайте такою, какова она есть на-самомъ-дѣлѣ, да смотрите на нее глазами живой современности, а не сквозь закопченные очки морали, которая была истинна во время оно, а теперь превратилась въ общія мѣста, многими повторяемая, но уже никого — неубѣждающія... Идеалы скрываются въ дѣйствительности; они — не произвольная игра фантазіи, не выдумки, не мечты; и въ то же время, идеалы — не списокъ съ дѣйствительности, а угаданная умомъ и воспроизведенная фантазіею возможность того или другаго явленія. Фантазія есть только одна изъ главнѣйшихъ способностей, условливающихся поэта; но она одна не составляетъ поэта; ему нужны еще глубокой умъ, открывающій идею въ фактѣ, общее значеніе въ частномъ явленіи. Повѣты, которые опираются на одну фантазію, всегда ищутъ

содержанія своихъ произведеній за тридцать земель въ тридесятимъ царствѣ, или въ отдаленной древности; поэты, вмѣстѣ съ творческою фантазіею обладающіе и глубокимъ умомъ, находятъ своимъ идеалы вокругъ себя. И люди дивятся, какъ можно съ такими малыми средствами сдѣлать такъ много, изъ такихъ простыхъ матеріаловъ построить такое прекрасное зданіе...

Этою творческою фантазіею и этимъ глубокимъ умомъ обладаетъ въ замѣчательной степени Гоголь. Подъ его перомъ, старое становится новымъ, обыкновенное — изящнымъ и поэтическимъ. Поэтъ національный болѣе, нежели кто-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, всѣми читаемый, всѣми известный, Гоголь все-таки не высоко стоитъ въ сознаніи нашей публики. Это противорѣчіе очень естественно и очень понятно. Комизмъ, юморъ, иронія — не всѣми доступны, и все, что возбуждаетъ смѣхъ, обыкновенно считается у большинства ниже того, что возбуждаетъ восторгъ возвышенный. Всякому легче понять идею, прямо и положительно выговариваемую, нежели идею, которая заключаетъ въ себѣ смыслъ, противоположный тому, который выражаютъ слова ея. Комедія — цвѣтъ цивилизаціи, плодъ развѣвшейся общечеловѣчности. Чтобы понимать комическое, надо стоять на высокой степени образованности. Аристофанъ былъ послѣднимъ великимъ поэтомъ древней Греціи. Тогда доступенъ только высшій комизмъ: она не понимаетъ, что есть точки, гдѣ комическое сходится съ трагическимъ и возбуждаетъ уже не легкій и радостный, а болѣзненный и горькій смѣхъ. Умирая, Августъ, повелитель полу-міра, говорилъ своимъ приближеннымъ: «Комедія кончилась; кажется, я хорошо сыгралъ свою роль — рукоплещите же, друзья мои!» Въ этихъ словахъ глубокій смыслъ: въ нихъ высказалась иронія уже не частной, а исторической жизни... И тогда никогда не пойметъ такой ироніи. Такимъ образомъ, поэтъ, который возбуждаетъ въ читателѣ со-

зерканіе высокаго и прекраснаго и тоску по идеалѣ изображеніемъ низкаго и пошлаго жизни, въ глазахъ толпы никогда не можетъ казаться жрецомъ того же самаго изящнаго, которому служатъ и поэты, изображавшіе великое жизни. Ей всегда будетъ видѣться *жартъ* въ его глубокое юморѣ, и смотря на вѣрно-воспроизведенныя явленія пошлой ежедневности, она не видитъ изъ-за нихъ незримо-присутствующіе тутъ же свѣтлые образы. И еще много времени пройдетъ, и много новыхъ поколѣній выступитъ на поприще жизни прежде, чѣмъ Гоголь будетъ понятъ и оцѣненъ по достоинству большинствомъ.

«Сочиненія Николая Гоголя» въ четырехъ томахъ означены 1842 годомъ, но вышли они въ февралѣ прошлаго года, а потому и должны принадлежать къ литературнымъ явленіямъ 1843 года. Имѣя въ виду въ скоромъ времени, въ особой статьѣ, въ отдѣлѣ Критики, рассмотреть подробно всѣ сочиненія Гоголя, — мы не будемъ теперь распространяться на-счетъ этихъ четырехъ томовъ. Это повлекло бы насъ слишкомъ-далеко и заставило бы выйдти изъ предѣловъ журнальной статьи, ибо объ одномъ «Театральномъ Развѣдѣ» послѣ перваго представленія комедіи можно написать цѣлую статью. Въ этихъ четырехъ томахъ, между старымъ, много и новаго, а нѣкоторыя пьесы или поправлены и дополнены, или вовсе переделаны авторомъ.

Изъ книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательнѣйшія суть не болѣе, какъ изданія разныхъ сочиненій уже бывшихъ известными публикѣ изъ журналовъ и альманаховъ. Да и того такъ немного, что безъ труда можно перечестъ:

«На Сонѣ Грядущій» — вторая часть сборника сочиненій графа Соллогуба. Въ ней помѣщены уже известныя публикѣ пьесы: *Приключеніе на Жельзной Дорогѣ*, *Аптекарьша*, *Ямщикъ*; или *шалость молодого царскаго офицера* (драматическая картина), *Левъ*, *Медвѣдь*, и новая пьеса: *Неоконченныя повѣсти*. —

«Аптекарьша» и «Медвѣдь» принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній даровитаго автора: читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе объ этихъ двухъ повѣстяхъ графа Соллогуба. «Приключеніе на желѣзной дорогѣ» — легонькій, по содержанию, рассказъ, исполненный, впрочемъ, простоты и истинны, и маложивной съ обыкновенными искусствомъ автора «Аптекариши». — «Ящичикъ» не чуждъ прекрасныхъ подробностей и вѣрно-схваченныхъ чертъ русскаго быта; но въ цѣломъ, это — довольно-слабое произведеніе. Герой (генералъ Сѣверинъ) этой драматической картины — лицо до крайности сантиментальное и неправдоподобное; монологи его — реторика. Въ представленіи быта крестьянскаго много пронаховъ противъ истины дѣйствительности; за то превосходно лицо Саввы Савича, равно какъ и его неотлучнаго Ларьки: оба они въ высшей степени вѣрны. «Левъ» — мастерской типическій очеркъ одного изъ самыхъ характеристическихъ явленій свѣтской жизни. «Не оконченныя повѣсти» общаются намъ цѣлый рядъ прекрасныхъ рассказовъ, если только авторъ захочетъ въ-самодѣль воспользоваться этою счастливою мыслию. Первая повѣсть, которою начинается рядъ «неоконченныхъ повѣстей», исполнена сильнаго интереса и потрясаетъ душу читателя благородною простотою изложенія глубоко-прочувствованнаго авторомъ содержанія. А содержаніе это такъ же просто, какъ и его изложеніе: это одна изъ тысячи исторій, которыя такъ часто совершаются въ глазахъ всѣхъ, при свѣтѣ дневному, и которыя все-таки немногими замѣчаются...

О «Сочиненіяхъ Зеневды Р-вой» была въ «Отеч. Запискахъ» особая статья, въ которой подробно изложено наше мнѣніе о повѣстяхъ этой даровитой писательницы, столь рано похищенной смертію у русскаго литературѣ. Въ четырехъ частяхъ «Сочиненій Зеневды Р-вой» только одна новая, нигдѣ прежде ненапечатанная повѣсть: это — вторая часть «Напрасна-

го Дара» — неоконченная, по причинѣ внезапной смерти автора...

Небольшая книжка «Повѣстей А. Вельтмана», вышедшая въ прошломъ году, содержитъ въ себѣ пять рассказовъ, изъ которыхъ четыре были уже давно напечатаны въ разныхъ журналахъ. При бѣдности современной русскаго литературы, эта книжка была пріятнымъ явленіемъ.

Въ прошломъ же году вышли второй и третій томы «Сказки за Сказкой». Въ нихъ были, между прочимъ, помѣщены весьма интересныя повѣсти и рассказы г. Кукольника: *Позумелты*, *Молтекки* и *Капустки*, или *Чернышевскій миръ*, и *Часовой*; особенно хороша повѣсть — *Позумелты*. Въ этомъ же безсрочномъ изданіи напечатана богата хорошими частностями повѣсть казака Луганскаго: *Савелій Грабъ*, или *Двойникъ*.

Въ прошломъ же году вышли два тома «Повѣстей и Рассказовъ» г. Кукольника. Въ первомъ изъ нихъ, помѣщено шесть уже извѣстныхъ публичъ рассказовъ изъ времени Петра Великаго: *Лихончига*, *Новый Годъ*, *Благодѣтельный Андроникъ*, *Капустки*, *Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ*, *Прокуроръ*. Всѣ эти повѣсти и рассказы исполнены большаго интереса и обнаруживаютъ въ авторѣ много поэтической сноровки и историческаго такта. Но повѣсти и рассказы втораго тома, за исключеніемъ «Психенъ», богатой прекрасными частностями, не заслуживаютъ никакого вниманія и могутъ быть употребляемы только развѣ какъ лекарство отъ бессонницы, и въ этомъ случаѣ, съ большою пользою...

Въ началѣ прошлаго года, вышла «Сочиненія Державина» въ четырехъ частяхъ; изданіе во всѣхъ отношеніяхъ болѣе неудовлетворительное, чѣмъ удовлетворительное, какъ мы и имѣли уже случай доказать въ свое время.

Изъ новыхъ произведеній, появившихся въ прошломъ году, можно указать только на небольшую поэмку «Параша», которая по необыкновенно-умному содержанию и прекраснымъ, по-

тическихъ стихамъ, была бы замѣчательнымъ явленіемъ и не въ такое бѣдное для литературы время, какъ наше.

«Сельское Чтеніе», издаваемое княземъ Одоевскимъ и г. Заблудскимъ и дважды изданное въ прошломъ году, по своей цѣли и назначенію, должно относиться больше къ числу полезныхъ, чѣмъ бельетристическихъ книгъ. Необыкновенный успѣхъ этой прекрасно-составленной книжки породилъ множество неудачныхъ подражаній.

По части оригинальныхъ бельетристическихъ произведеній, вышедшихъ въ прошломъ году, больше не о чемъ говорить: вѣдь не начать же разсуждать о такихъ твореніяхъ, каковы: *Были и Небылицы* г. Ивана Балагурева, многочисленныя, творенія автора *Мужа подь Башмакомъ*, *Дочь разбойника*, или *любовникъ въ бочкѣ*, г-на Ѳ. Кузминчева; *Клятва при гробѣ Матери*, или *Мститель за убійство*, драм. Г. Голощанова; *Старичекъ Весельчикъ*, разсказывающій давнія московскія были (Москва, изданіе четвертое); *Разлука купеческихъ сынковъ въ Марьиной роуцѣ*, или *поваливай! наши гуляютъ!* *Истинно-сатирическая повѣсть 1835 года, съ цыганскими пѣснями* (Москва, изданіе пятое); *Козелъ Буктоптикъ или Машинка свадьба*, г. Базилиевича (Москва, изданіе третье); *Стенька Разилъ, атаманъ разбойниковъ; Казаки*, г. Кузминчева; *Глязь Курбскій*, г. Ф(Ѳ)едорова, и разныя сочиненія гг. Скосырева, Куражковскаго, Калачиняна, Классена, Милькѣева, Графичкова, Колотенко и пр.

Изъ переводныхъ книгъ бельетристическаго содержанія, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательны: *Мысли Паскала*, переводъ г. Бутовскаго, *тринадцатый* выпускъ издаваемаго г. Кетчеромъ «Шекспира», заключающій въ себѣ комедію «Укрощеніе Строптивой»; первый и второй выпуски издаваемаго г. Тимовскимъ «Испанскаго Театра», заключающій въ себѣ комедіи: «Жизнь есть сонъ» и «Саламейскій Алькальдъ»; провансескій переводъ г. Фанъ-Дима «Божественной Комедіи»

Данте, превосходно-изданный, съ рисунками Флаксияна, и стихотворный переводъ шиллерова «Вильгельма Телля», г. Ѳ. Миллера.

Изъ оригинальныхъ сочиненій учебно-бельетристическаго содержанія, въ прошломъ году замѣчательны: *Проучки Русскою въ Помпеи*, г. Левшина; *Описаніе турецкой войны въ царствованіе Императора Александра, съ 1806 до 1812 года*, новое твореніе знаменитаго нашего военнаго историка, генерал-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго; *Страстнователь по Сушѣ и Морямъ* (двѣ книжки), интересные и живые разсказы, самымъ пріятнымъ образомъ знакомящіе читателя съ разными странами, народами и племенами земнаго шара; *Описаніе Бугарскаю Халстаа*, г. Н. Ханькова; третій томъ компактнаго изданія *Исторіи Государства Россійскаю*, Карамзина; пятнадцатый (и послѣдній) томъ втораго изданія Голикова *Дялній Петра Великаю*; второе изданіе *Руководства къ познанію средней исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній*, г. Смарагдава; *Исторія Малороссіи*, г. Маркевича, и *Исторія Петра Великаю*, г. Полеваго.

Спеціально-ученая литература все болѣе-и-болѣе представляетъ самыя утѣшительные результаты, — для чего достаточно указать только на «Акты Археографической Комиссіи» и на изданіе «Остромирова Евангелія»; но какъ предметъ нашей статьи — преимущественно книги по части изящной словесности или бельетристики, имѣющія интересъ не для нѣкоторыхъ только ученыхъ, но общій — для всѣхъ образованныхъ людей, то мы и не будемъ распространяться о спеціально-ученыхъ явленіяхъ прошлагодней литературы.

Намъ остается теперь сдѣлать перечень всего замѣчательнаго по части изящной литературы, оригинальной и переводной, что явилось, въ продолженіе 1843 года, въ журналахъ, невенасытную жажду которыхъ обильно удовлетворяютъ въ поглощеніи всей русской литературы. Посмотримъ, сколько сочиненій

уси́ло съѣсть это чудовище, т. е. наша журналистика... Но, увы! мы боимся, чтобъ этотъ левиафанъ литературнаго міра не превратился въ одну изъ тѣхъ-тощихъ кравъ, которыхъ видѣлъ во снѣ Фараонъ и которыя не потолкались, съѣвъ тучныхъ кравъ!.. Наши сочиненія не такъ жирны и не такъ многочисленны, чтобъ отъ нихъ могли слишкомъ жирѣть наши журналы, — и еслибъ мы не рѣшились въ этой статьѣ говорить объ общемъ значеніи современнаго состоянія литературы, а приступили бы прямо къ обзору литературныхъ явленій прошлаго года, показавшихся отдѣльно и помѣщенныхъ въ журналахъ, наша статья по-неволѣ вышла бы очень коротка...

Начнемъ съ стихотвореній. Прошлый 1843 годъ, вѣроятно, послѣдній богатый въ этомъ отношеніи годъ: въ-продолженіе его, напечатано (въ «Отеч. Запискахъ») нѣсколько посмертныхъ стихотвореній Лермонтова. Изъ нихъ: *Незабудка*, «*Избави Богъ*», *Смерть*, «*Когда весной разбитый ледъ*», «*Ребенка милана рожденье*», «*Они любили другъ друга*», *Къ портрету старая пусара*, *Посвященіе*, *приписанное въ концѣ поэмы «Демонъ»*, равно-какъ и отрывочно-напечатанная поэма *Измаилъ-Бэй*, принадлежатъ къ самой ранней эпохѣ поэтической дѣятельности Лермонтова и замѣчательны не столько въ эстетическомъ, сколько въ психологическомъ отношеніи, какъ факты духовной личности поэта. Въ эстетическомъ отношеніи, эти пьесы поражаютъ то энергическимъ стихомъ, то могучимъ чувствованіемъ, то ярою мыслію; но въ цѣломъ онѣ довольно-слабы и отзываются юношескою неарѣлюстію. Пьесы *Романсъ къ ****, «*Не плачь, не плачь, мое дитя*», «*Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски*», «*Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю*», *Сонъ*, равно интересны какъ въ эстетическомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніи, принадлежатъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ эпохѣ полнато развитія могучаго таланта незабвеннаго поэта; а пьесы: *Утѣсь*, «*Дубовый листокъ оторвался отъ ветки*

родимой», *Морская Царевна*, *Тамара* и «*Высожу одинъ я на дорожѣ*» принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ Лермонтова. Всѣ эти пьесы составятъ четвертую часть изданныхъ въ 1842 году «Стихотвореній М. Лермонтова», которая скоро должна выйти въ свѣтъ. Въ «Современникѣ» была помѣщена корсианская повѣсть *Маттео Фаллоки*, передѣланная Жуковскимъ изъ Шамиссо, стихами, съ присовокупленіемъ интереснаго письма автора къ издателю «Современника»: письмо это заключаетъ въ себѣ наложеніе теперешняго взгляда знаменитаго поэта на поэзію. — Стихотворенія нынѣ мало читаются, но журналы, по уваженію къ преданію, почитаютъ за необходимое слабриваться стихотворными продуктами, которыхъ, по-этому, появляется еще довольно-много. Изъ нихъ, можно указать въ-особенности на довольно-многочисленные стихотворенія г. Фета, между которыми встрѣчаются истинно-поэтическія, и на стихотворенія Т. А. (автора «Нараша»), всегда отличающіяся оригинальностью мысли. Попадаются въ журналахъ стихотворенія и другихъ поэтовъ, болѣе или менѣе исполненныя поэтическаго чувства, но они уже не имѣютъ прежней цѣны, и становится очевиднымъ, что ихъ творцы или должны, сообразуясь съ духомъ времени, перестроить свои лиры и запѣть на другой ладъ, или уже не разсчитывать на вниманіе и симпатію читателей...

Оригинальными повѣстями прошлагодніе журналы значительно бѣдѣе журналовъ третьяго года. Мы разумѣемъ здѣсь *качественную*, а не *количественную* бѣдность. Въ каждомъ журналѣ (за исключеніемъ «Москвитянина») непременно есть русская повѣсть, но какаѣ—это другое дѣло. Вотъ перечень лучшихъ оригинальныхъ повѣстей въ прошлагоднихъ журналахъ: *Тля*, г. Панаева, *Чайковский*, г. Гребенки, *Изъ Записокъ Невѣстнаго*, юмористическій очеркъ, Сергѣя Нейтральнаго (въ «Отеч. Запискахъ»); *Важдъ Сидоровъ Чайкина*, В. Лу-

ганскаго, *Райна, королева Болгарская*, г. Вельтмана (въ «Библіотекѣ для Чтенія»); *Жизнь Человѣка, или прогулка по Невскому-Проспекту*, Луганскаго, Хмѣль, сонъ и лав, его же (въ «Москвитинѣ»); *Черный Тараканъ* (фантастическій романъ изъ жизни одного чиновника), В. Зотова (въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ»). Сверхъ-того, въ «Отеч. Запискахъ» были помѣщены повѣсти: *Армарка*, г-жи Закревской, 1812 годъ въ провинціи, рассказы Г. О. Основяненко, *Ничего*, *Хроника Петербургскаго Жителя*, барона О. Бюлера, *Дѣв Сестры*, г-жи Жуковой, *Дженнатъ и Бока*, чеченская повѣсть Л. Ф. Екельна, *Необыкновенный Завтракъ*, Н. А. Некрасова; — въ «Библіотекѣ для Чтенія»: *Хозяйка*, г. О. Фанъ-Дима, *Историческая Красавица*, Н. В. Кукольника, *Гримаса Моего Доктора*, И. И. Лажечникова, *Волики*, г. В., *Хижинка подъ Скалами*, г. Н. Корсакова, *Идеальная Красавица*, барона Брамбеуса.

«Тя», г. Панаева, отличается свойственно этому писателю сатирическою мѣткостью. Собственно, это не повѣсть, а очеркъ, отличающійся вѣрностью дѣйствительности. Жаль, что тотъ очеркъ имѣетъ слишкомъ-мѣстное значеніе, и въ Петербурга теряетъ много своего интереса. «Чайковскій» г. Гребенки исполненъ превосходныхъ частныхъ, обнаруживающихъ въ авторѣ несомнѣнное дарованіе. Характеръ полковника, отца героя повѣсти, многія черты историческаго малороссійскаго быта поражаютъ своею повѣстическою вѣрностію. Но въое этой повѣсти не выдержитъ грогой критики. Особенно вредитъ ей елодраматизмъ. Мстительная цыганка-колдунья, влодѣй Герцикъ, встативкуившая его змѣя — все это мелодраматическіе эффекты. Тѣмъ не мѣе, повѣсть г. Гребенки была одною изъ лучшихъ повѣстей прошлаго года. «Изъ Записокъ Невзвѣстнаго» — очеркъ, исполненный легкаго юмора и оіятный въ чтеніи. «Вакъ Сидоровъ айкинъ» — одна изъ лучшихъ повѣстей казака Луганскаго, исполненная

интереса и вѣрно-схваченныхъ чертъ русскаго быта. Замичателна по ловкому и пріятному разсказу его же «Жизнь Человѣка»; но «Хмѣль, Сонъ и Явь» имѣетъ достоинство психологическаго портрета русскаго человѣка, мастерски-схваченнаго съ натуры. Эта повѣсть имѣла бы большій интересъ и была бы очень-полезна и для читателей низшаго разряда: почему ее пріятно было бы увидѣть перепечатанною въ «Сельскомъ Чтеніи». «Райна, королева Болгарская» — не повѣсть, а фантазмагорія, подобно всѣмъ произведеніямъ г. Вельтмана. Дѣйствующія лица говорить въ ней двумя манерами: то языкомъ совершенно-понятнымъ для насъ, но отличающимся колоритомъ древне-болгарскимъ, то языкомъ романовъ нашего времени. Одинъ изъ главныхъ героевъ фантазмагоріи — русскій князь Святославъ, котораго г. Вельманъ рисуетъ намъ такъ обстоятельно, какъ-будто-бы самъ жилъ въ его время и все видѣлъ своими глазами. Удивительнѣе всего въ этой повѣсти, что мѣстами она не лишена интереса... «Черный Тараканъ» разсказъ не безъ юмора и не безъ занимательности. Намъ нужды имѣть знать, тотъ ли это г. Зотовъ написалъ ее, который пишетъ такіа ужасныя драмы, стихотворенія, «Театраловъ», «Побракушки» и пр., или совѣтъ другой г. Зотовъ: мы знаемъ только, что его «Черный Тараканъ» — очень-недурная вещь.

Изъ драматическихъ произведеній, напечатанныхъ въ журналахъ вмѣсто повѣстей, замѣчательнѣе, какъ мастерской эскизъ, но не больше, драматическій очеркъ г. Т. Л. (автора «Параши») «Неосторожность». Въ «Библіотекѣ для Чтенія» были помѣщены: «Монументъ» историческій анекдотъ, въ трехъ картинахъ, въ стихахъ и въ прозѣ, г. Кукольника (не смотря на натянутость паюса, вещь не безъ достоинства); «Ломоносовъ, или Жизнь и Поэзія», г. Полеваго, «Проектъ» его же, «Братья», драма въ пяти дѣйствіяхъ, г. Каменскаго.

Вотъ и всѣ наши бельетристическія

сокровища за прошлый годъ! Нисколько неудивительно, что отъ этой пищи наши журналы не стали здоровѣе... Говоря о переводныхъ пьесахъ, мы будемъ упоминать только о болѣе-важнѣтельныхъ, а о посредственныхъ, или обыкновенныхъ умолчимъ вовсе. Въ «Отеч. Запискахъ» были помѣщены: «Андрѣ», романъ Жоржа Занда, одно изъ лучшихъ произведеній этого автора, даже по признанію самыхъ враговъ его. «Эмѣ Веръ», романъ какого-то Француза, очень ловко прикидывающагося Вальтеромъ-Скоттомъ, доказываетъ ту истину, что когда гений проложить новую дорогу въ искусствѣ, то и обыкновенные таланты могутъ ходить по ней съ успѣхомъ. Впрочемъ, у автора «Эмѣ Вера» много дарованія; романъ его исполненъ интереса; многіе характеры, и особенно пастора-фанатика Барбастана, братьевъ Ремо и Гаспара, матери ихъ, г-жи Монморъ, обрисованы мастерски; многія сцены исполнены необыкновеннаго драматизма. «Солидный Человѣкъ», романъ Шарля Бернара, отличается обыкновенными достоинствами всѣхъ сочиненій этого даровитаго писателя. Это—мастерская картина современнаго французскаго общества. Не по зложенію, а по содержанию, заслуживаетъ упоминенія «Жена Золотыхъ Дѣлъ-Мастера», повѣсть Шарля Ребо; писатель съ большимъ талантомъ могъ бы чудеснымъ образомъ воспользоваться подобнымъ сюжетомъ.— Въ «Библіотекѣ для Чтенія» лучшія переводныя повѣсти— «Лавка Древностей», романъ Диккенса. «Лавка Древностей» слабѣе другихъ романовъ Диккенса: въ ней онъ повторяетъ самого-себя, и лица этого романа, равно какъ и его пружины, уже не поражаютъ новостію. «Умницы»—передѣлка изъ романа мистриссъ Тредлонъ, интересна какъ картина, хотя уже не новая, но всегда вѣрная, и правъ современнаго англійскаго общества. «Последній изъ Бароновъ», романъ Бальзака, довольно-занимателенъ, какъ историческая картина положенія ученаго въ варварскіе сред-

ніе вѣка.— Въ «Современникѣ», въ продолженіи всего прошлаго года тянулся начатый еще въ 1842 году романъ шведской писательницы Фредерикі Бремеръ «Семейство, или домашнія радости и огорченія». Онъ вышелъ теперь весь отдѣльно, и потому мы изложили наше мнѣніе о немъ въ Библиографической Хроникѣ этой же книжки «Отеч. Записокъ».— Въ «Репертуарѣ» были помѣщены вполнѣ «Парижскія Тайны» Эжена Сю. Романъ этотъ надѣлалъ много шума во всей Европѣ, и у насъ также, и, не смотря на всѣ его недостатки, принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ современной литературы. Онъ порожденъ романами Диккенса, и далеко уступая имъ въ достоинствѣ, возбудилъ такой энтузіазмъ, котораго не производилъ ни одинъ романъ даровитаго англійскаго романиста: таково умѣнье французскихъ писателей дѣйствовать всегда на массу! Такъ-какъ съ «Парижскими Тайнами» только теперь ознакомились многіе изъ русскихъ читателей и такъ-какъ толки о нихъ еще не прекратились ни въ публикѣ, ни въ журналахъ,—то, можетъ-быть, мы еще и поговоримъ объ этомъ романѣ подробнѣе въ отдѣлѣ Критики. Въ «Репертуарѣ» же, переведенъ расказъ Жоржа Занда «Муни Робинъ», весьма замѣчательный не по сюжету, а по мысли и ея изложенію. Въ «Отеч. Запискахъ» и «Репертурѣ», помѣщено по отрывку изъ гѣтева «Вильгельма Мейстера». Отрывокъ въ «Отеч. Запискахъ» представляетъ нѣчто цѣлое, какъ то показываетъ его названіе «Маріанна». О достоинствѣ перевода нѣчего говорить: довольно сказать, что онъ принадлежитъ г. Струговщикову. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» помѣщенъ переводъ съ испанскаго, сдѣланный г. Тимковскимъ, предестной комедіи Лопеса де-Веги: «Собака на Снѣгѣ». Въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» помѣщенъ переводъ прозою драмы Шекспира «Тромъ и Крессиды».

Изъ замѣчательныхъ статей учено-беллетристическихъ, въ прошлаго-днѣхъ журналахъ слѣдующія: въ «Отеч.

Запискахъ: *Дневникъ камерюнкера Берхгольца* — живая картина русскихъ нравовъ временъ Петра-Великаго, писанная очевидцемъ; *Гёте и графиня Штольбергъ* (эта же статья помещена и въ Репертуарѣ); *Философія Анатоміи*, превосходно составленная г. Галаховымъ статья, представляющая современнѣйшій взглядъ на одно изъ величайшихъ человѣческихъ знаній; *Пуло-Пенанъ, Симануръ и Манила* (изъ записокъ русскаго морскаго офицера во время путешествія вокругъ свѣта въ 1840 году) А. И. Бутакова; *Нижній Новгородъ и Нижегородцы въ смутное время*, П. И. Мельникова; *Рубини и итальянская музыка*, — ва, *Дворъ королей англійскихъ*; *Книгопечатаніе, Иосифъ II, императоръ германскій*, три статьи А. И. Ис—ра—*Дилеттантизмъ въ Науку*; его же, — *Буддизмъ въ Науку* и его же статья *По поводу одной драмы*. Къ числу учено-беллетристическихъ же статей можно отнести и напечатанную въ отдѣлѣ *Сельскаго Хозяйства* . Отецъ Записокъ — *Табачная промышленность въ Россіи*, А. В., потому-что авторъ умѣлъ придать этой статьѣ общій интересъ и наложить ее съ замѣчательной степенью литературнаго изящества. — Въ отдѣлѣ *Наука и Художество* «Библиотеки для Чтенія» особенно замѣчательны статьи: *Планъ Анличанъ въ Абганистанъ*, *Записки о Сѣверной Америкѣ Диккенса* и *Томасъ Бекетъ*. — «Современникъ» тоже не имѣетъ недостатка въ ученыхъ статьяхъ, особенно касающихся до Скандинавіи; но лучшая учоная статья «Современника», равно какъ и одна изъ лучшихъ учоно-беллетристическихъ статей во всей прошлогодней журналистикѣ, это—*Историческіе Очерки М. С. Куторни*: «*Людовикъ XIV*». Въ «Москвитянинѣ»: *О законахъ благоустройства и благочинія, или что такое полиція?*, *Смерть Карла XII*, статья очень-хорошо составленная г. Головачевымъ изъ *Исторіи Карла XII*, изданной Лунд-бладомъ и Больмеромъ.

По части Критики, въ «Отеч. Запискахъ» прошлаго года, были слѣдующія статьи: *Русская литература въ Т. XXXII.*—Отд. V.

1842 году, *О сочиненіяхъ Державина, О Мертвыхъ Душахъ Гоголя* (Голосъ изъ провинціи), *Объ Исторіи Малороссіи* г. Маркевича; четыре статьи: *О Жуковскомъ, Батюшковѣ и Пушкинѣ*, и *О сочиненіяхъ Зеневы Р—вой*. Сверхъ того, въ «Отеч. Запискахъ» постоянно помещались подробные отчеты о французской, англійской и нѣмецкой литературѣ. Въ «Москвитянинѣ» замѣчательна критическая статья *О Путевыхъ Письмахъ изъ Германіи, Франціи и Итали* г. Греча.

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о духѣ и направленіи русскихъ журналовъ за прошлый годъ; но мы уже говорили объ этомъ не разъ; а какъ это дѣло остается все въ томъ же видѣ, то лучше ужъ больше не говорить. Наше дѣло было указывать на духъ, направленіе и замѣчательные поступки тогдѣ или другаго журнала. Мы исполнили это въ продолженіе пяти лѣтъ, и исполнили усердно, можетъ-быть, усерднѣе, нежели сколько нужно было. Теперь нѣтъ надобности въ этомъ: журналовъ новыхъ нѣтъ; а въ старыхъ — все по старому — и говорить о нихъ значило бы повторять сказанное нѣсколько разъ. Всякое повтореніе скучно, а тѣмъ болѣе повтореніе истинъ, слѣдовавшихся теперь, благодаря «Отеч. Запискамъ», убѣжденіемъ большей части образованныхъ читателей. Пусть вслѣдъ за нами идетъ своею дорогою. Наша публика разнообразна до безконечности, и каждый изъ составляющихъ ее словъ найдетъ, что ему нужно. Пусть всѣ читаютъ, кому что нравится, лишь бы читали. Скажемъ нѣсколько словъ въ общихъ чертахъ. Въ «Библиотекѣ для Чтенія» лучшимъ отдѣломъ по-прежнему была *Смѣсь*, а самыми бѣдными, сухими и тощими отдѣлами *Критики* и *Литературной Лѣтописи*. Въ *Смѣси* «Отеч. Записокъ», между переводными, много было и оригинальныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ статей, каковы: *Пользѣ въ Китай, Дэ-Мина* (двѣ статьи), *Два Письма изъ Пекина*, В. Горскаго, *Замѣчанія и анекдоты о южно-африканскомъ львѣ*, г. А. Бутакова,

Сцены из жизни Бурята, А. Мордвинова, Походка на Алтай, г. Мейера, Итальянская Опера в Петербург (Рубини, Вирро-Гарсиа, Тамбурины, Ассандри, Цазини и Тадини), Ответъ г. Шендлеру на разборъ его «Русской Хрестоматии» г. Галахова, Москвитинныя о Коперникъ и Записки Вёдринна; прекрасныя разсказы г. Н. Ковалевского: Педесетлѣтнѣ Ивана Ивановича изъ Гадляскаго-Уезда въ Миргородскій; юмористическій очеркъ: Балъ у Цесарей, или дежурство въ новый годъ; изъ переводныхъ особенно интересны: Семейная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ; Шутки, или сочиненіе одога въ Индіи; Патеръ Мартыи, и проч. — Современникъ съ драгоцѣнаго года выходитъ ежемѣсячно, что еще болѣе должно было придать ему интереса. — Къ числу прошедшихъ литературныхъ новостей принадлежитъ возстановленіе «Репертуара и Пантеона»; это изданіе въ прошломъ году значительно поправилось, такъ-что представляетъ теперь собою очень-занимательный и пестрый сборникъ разныхъ статей по части театра, повѣстей, биографическихъ очерковъ жизни художниковъ и проч. Если печатаемыя имъ драматическія произведенія, даваемые на русской сценѣ, по-большей-части плохи, — это не его вина: онъ обѣщался быть, между-прочимъ, и зеркаломъ русской сцены, а по русской пословицѣ: «ничего на зеркало неясъ, если лицо дрябло». За то, въ немъ есть хорошія переводныя пьесы и пьески, которыя до были даны на русской сценѣ, и цѣлкомъ помянуты «Парижскія Тайны» Жюна Сю.

Изъ этого обзорѣня, читатели могутъ видѣть фактическое доказательство, что толстота нашихъ журналовъ отнюдь не причина крайняго убожества современной русской литературы. Да и что за дѣло, какъ появилось хорошее

литературное произведеніе — отдѣльною книгою, или въ журналѣ? Дѣло въ томъ, чтобъ какъ-можно-больше появлялось такихъ произведеній. Что касается до журналовъ — не смотря на ихъ толстоту, наша журналистика бѣдна, и надо желать, чтобъ журналовъ было больше. Даже въ томъ, что они поглощаютъ въ себя все лучшее и значительнѣйшее, появляющееся въ литературѣ, есть явная польза: благодаря этому обстоятельству, всякое хорошее литературное произведеніе прочтывается не десятками, не сотнями, а цѣлыми тысячами читателей. Конечно, такое произведеніе, какъ «Мертвыя Души», Гоголя, не имѣетъ нужды въ посредствѣ журналовъ для пріобрѣтенія себѣ многочисленныхъ читателей; но въдѣ то — «Мертвыя Души», одно изъ такихъ произведеній, которыя составляютъ исключеніе изъ общаго правила и бываютъ рѣдкимъ явленіемъ во всякой литературѣ. Обыкновенно, у насъ значительный успѣхъ всякой книги состоитъ въ расходѣ пяти или, много, семи сотъ экземпляровъ; будучи же помѣщаемы въ журналахъ (разумеется, не во всѣхъ, а въ какихъ-нибудь двухъ, не больше), онѣ находятъ себѣ тысячъ читателей. И такъ, вмѣсто пустыхъ и неосновательныхъ нападокъ на журналы, лучше пожелать увеличенія ихъ числа и большаго ихъ распространенія въ публикѣ. Слѣдующіе стихи, написанные княземъ Вяземскимъ, назадь тому лѣтъ пятнадцать, и теперь еще новымъ истинною своего содержанія, очень идутъ къ вопросу, о которомъ мы говоримъ, — почему мы и заключаемъ ими нашу статью:

Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:

Плодотъ читателей они.

Гдѣ есть новѣтріа на чтеніе,

Въ чести тамъ грамота, перо;

Гдѣ грамота — тамъ просвѣщеніе,

Гдѣ просвѣщеніе — тамъ добро.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЕКАБРЬ 1843.

1) Семейство или Домашняя радость и Огорчения. Романъ шведской писательницы Фредерикки Бремеръ. Переводъ съ подлинника. Санктпетербургъ. 1843. Въ типографіи Фишера. Въ 8-ю д. л. 744 стр.

Вотъ романъ, который болѣе года гнулся въ Современникѣ... Изъ всѣхъ нашихъ журналовъ, «Современникъ» самый почтенный, самый безукоризненный. Онъ напоминаетъ собою то блаженное время русской литературы и русской журналистики, о которомъ стало теперь одно преданіе, какъ золотомъ вѣкѣ, и въ которомъ люди любили литературу для литературы, ища въ ней сколько невинное, столько же и благородное препровожденіе времени. Тогда, какъ въ вѣкѣ Астренъ, сочиненія не продавались и не покупались; напротивъ, сами авторы готовы были платить деньги за честь видѣть свои творенія напечатанными въ журналѣ. Полемики не было; вмѣсто ея

царствовала любезность самаго лучшаго тона. Писали стишки къ милымъ и прекраснымъ. Въ литературѣ не подорывали никакого отношенія къ обществу и не вносили въ нее никакихъ вопросовъ, не касающихся до прелестныхъ, или до мирной сельской жизни на берегу ручья, подъ соломенною кровлею, съ милою подругою и чистою совѣстью. Но противъ духа времени и его движенія идти нельзя, — и «Современникъ», конечно, много разнится отъ журналовъ стараго добраго времени. Въ первыхъ, онъ издается извѣстно, а они издавались неопратно; онъ существуетъ никогдѣ, но доброй воли, а тѣ существовали никогдѣ по недостатку въ публикѣ и въ читателяхъ, которые играли съ ними въ гулячки. Видите ли — никакого сходства! Но «Современникъ» сохранилъ эту свойственную журналамъ стараго добраго времени безкорыстную любовь къ литературѣ,

как невинному и благородному занятию, въ-самомъ-себѣ имѣющему свою цѣль. И потому, онъ идетъ-себѣ своею дорогою, съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства. И по наружности и по внутреннему содержанію, между всѣми другими журналами «Современникъ» — то же, что аристократъ между плебеями. Онъ ни съ кѣмъ не бранится, ни съ кѣмъ не споритъ, ни на кого не нападаетъ (развѣ только парѣдка на какой-нибудь иностранный журналъ, не умѣющей цѣнить сочиненій такого-то, или такой-то) ни противъ кого не защищается. О немъ многие говорятъ, иные порицаютъ, другіе хвалятъ его, но онъ ни о комъ не говоритъ, кромѣ «Звѣздочки», журнала для дѣтей, тоже почтеннаго и безукоризненнаго. У него свой кругъ предметовъ, свой міръ вѣдѣній, — въ особенности Англія, Греть и ея литература, — и по этой части Гротъ снабжаетъ его по-истинѣ превосходными статьями. Въ числѣ его отдѣловъ есть и библиографія, которой короткіе, но многознаменательные отзывы многихъ приводили въ раздумье. У него своя философія, — и по этой части г. Дедерсонъ снабжаетъ его удивительными статьями. У него все двоюч — поэты тоже. Въ «Современникѣ» парѣдка раздаются нестарѣющіеся звуки лиры Жуковского; въ немъ доживаетъ свои послѣдніе пѣсни г. Баратынский; сверхъ-того, въ немъ постринно являютъ розовыя мечты, радужныя фантазіи и сладостныя чувства, облоченныя въ неподражаемый стихъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому-что все это показывается только мѣлкій вкусъ «Современника». Также точно оригиналенъ и самобытенъ «Современникъ» въ-отношеніи къ изящной прозѣ, уврашающей его. Страницы, волю и широко раскидывающіяся строки, безъ тѣсноты и давки, собственной плебейской экономіи. У него свои повѣсти, какъ и свои стихи. Бывало, возобильно снабжалъ его повѣстями и разсказами Основьяненко: въ каждой страницѣ «Современника» (а тогда

онъ выходилъ въ числѣ четырехъ книжекъ ежегодно) читатели его находили повѣсть г. Основьяненко, а иногда и двѣ. Видя такую плодovitость мало-россійскаго писателя, даже мы, люди посторонніе въ-отношеніи къ «Современнику», чуть-было не повѣрили достовѣрности вдругъ-пронесшагося слуха, будто Основьяненко — первый писатель русскій... Но въ 1842 году, нескончаемая нить повѣстей и разсказовъ г. Основьяненко вдругъ прервалась. Чи-то повѣсти будутъ теперь печатать «Современникъ»? — думали мы, и много думали... однакожь не отгадали. Оставивъ въ покоѣ русскія повѣсти, «Современникъ», еще съ конца 1842 года, началъ печатать романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ —

Романъ очень-длинный, длинный, нравоучительный и чинный.

Поговоримъ объ этомъ романѣ. Онъ обратилъ на себя общее вниманіе, и многие увидѣли въ немъ даже колоссальное произведеніе, тогда какъ другіе ничего ровню не видѣли. Мы держались середины между двумя этими крайностями. Прежде всего, надо сказать, что г-жа Бремеръ не лишена свойственной женщинамъ способности не только хорошо и легко разсказывать, но даже съ-пѣвотой успѣхомъ очерчивать характеры, которые подъ-силу ея одностороннему взгляду на вещи и ея небогатой фантазіи. Основная мысль ея романа та, что счастье заключается только въ семейной жизни и человекъ назначенъ природою преимущественно для семейной жизни. Мысль, какъ видите, нелишенная истины, но довольно-односторонняя, и притомъ не новая на ней, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, вышла слава Августа Лаоонтена, блаженной памяти. Этотъ добрый Нѣмецъ такъ же во всякомъ человекѣ видѣлъ прежде всего мужа или жену, какъ натуралистъ во всякомъ животномъ прежде всего видитъ самца или самку. Но прослав- леное имъ блаженство семейной жи-

ни было такъ мѣщански-идеально, такъ пригодно-сладко, что оно скоро сдѣлалось всѣмъ неприято, какъ теплая вода, разсѣченная медомъ. Фредерика Бремеръ не испугалась этого, и отважно сдѣлалась Августомъ Лафонтеномъ нашего вѣка. Надо согласиться, что она явилась весьма-кстати и въ то же время весьма-некстати: кстати потому-что, безъ такой жаркой зажиточной блаженства супружеской и семейной жизни, это блаженство сдѣлалось бы теперь столько же сомнительнымъ, какъ и дѣйствительность золотого вѣка; не-кстати потому, что теперь жениться по склонности и для счастья считается совѣтъ не въ томъ, и всѣ рѣшительно желятся для денегъ и связей, а на дѣтей смотрятъ, какъ на неизбѣжное неудобство семейной жизни. Сверхъ-того, въ наше снѣгическое время, скорѣе повѣрять существованію волшебниковъ и кудесниковъ, чѣмъ существованію счастья! Ему вѣрять теперь только безбородые олошнѣ, да мечтательныя дѣвы; погнѣднѣя вѣрять жарче первыя, но не иначе, какъ только до замужства; а если онѣ остаются на всю жизнь дѣвками, то и до гробовой доски вѣрять частью и мечтаютъ о немъ. Это исключительная привилегія старыхъ дѣвъ, — а я что имъ было бы дѣлать на свѣтѣ, если бы онѣ не вѣрили въ счастье и не мечтали о немъ?.. Фредерика Бремеръ имъ съ большимъ убѣжденіемъ и большимъ жаромъ вѣрять въ счастье семейной жизни, что сама имѣетъ ни съ чѣмъ сравнимое преимущество быть «дѣвою», и притомъ уже, кажется, такую, которая годится Минервѣ въ ролевны не по одному уму. Это очень-выдающее обстоятельство для дѣла, которого адвокатомъ явилась Фредерика ремеръ; блаженство, которое мы знаемъ только въ мечтахъ, всегда кажется имъ лучше, выше, обольстительнѣе блаженства, которое извѣдано нами —самомъ-дѣлѣ. И потому, Фредерика ремеръ съ восхищеніемъ, съ энтузіазмомъ описываетъ счастье семейной жизни, такъ-что въ первыхъ же стра-

ницѣ тотчасъ видите, что сочинительница не была, а только желала страстно быть замужемъ. Это, разумеется, столько же невыгодно для романа, сколько вредно для юныхъ читателей, особенно читательницъ; и особенно читательницъ безъ приданого: «Видяжки сейчасъ ударятся въ рововыя мечты о счастье и о немъ, — и каково же будетъ ихъ разочарованіе, когда имъ одинъ-одинъ и въ гробѣ не обвѣнчатъ ихъ прекрасной души, которая, какъ ни хороша, а все-таки совсѣмъ не то, что душа!» Каково будетъ разочарованіе и тѣхъ юныхъ читательницъ, которыхъ, въ склонности къ мечтательности, иладеютъ и дѣйствительными достоинствами, т. е. приданымъ? «Видяжки, пожалуй, потребуютъ отъ своихъ мужей любви и счастья; не подозрѣвая въ простотѣ сердца, что любовь и счастье, при деньгахъ, совершенно-лишнія и даже вредныя вещи, какъ лекарство при здоровьѣ. Сначала, имъ будетъ больно, а потомъ онѣ возненавидятъ всѣ эти романы, которые такъ добросовѣстно лгутъ и такъ благонамѣренно обманываютъ дѣтей, заранее ставя ихъ въ ложное положеніе къ дѣйствительности, вмѣсто того, чтобы заранее знакомить ихъ съ дѣйствительностью....»

И, однакожь, Фредерика Бремеръ не буквально повторила собою Августу Лафонтена: она, какъ-бы противъ воли своей, принуждена была сдѣлать значительную уступку духу времени: въ заглавіи ея романа стоитъ не одна «радости семейныя, но и огорченія». А! такъ эта уютная имѣетъ и свои огорченія, даже въ романахъ! Прочтите романъ г-жи Бремеръ; — и то ли еще увидите! Вы увидите, что для полного семейнаго счастья мало одной любви, но еще болѣе нужно эгоистическаго сосредоточенія въ маленькой и тѣсненькой сферѣ домашняго быта, — нужна значительная доля умственной ограниченности, которая только одна даетъ человѣку силу заткнуть уши отъ всѣхъ другихъ обаятельныхъ звовъ бытія и закрыть глаза на всѣ

другія обаятельныя картины широко-раскинувшейся, безконечно-разнообразной жизни... И какаа разница, въ этомъ отношеніи, на-примѣръ, между семейственною Германіею нашего времени и общественнымъ древнимъ міромъ! Въ первой, жизнь такъ узко, такъ душно опредѣляется для людей съ ихъ младенчества, семейный эгоизмъ полагается въ основу воспитанія; во второй, человекъ родился для общества, воспитывался обществомъ, и потому дѣлался человекомъ, а не эгоистомъ.

Не смотря на всежеланіе Фредерки Бремеръ быть безпристрастною въ отношеніи къ увлеченію ея идеѣ, она можетъ отстаивать ея преувеличенную истинность только ложью. Доказательствомъ этого можетъ служить неважный ею, сколько съ умысломъ, столько и по слабости таланта, образъ Сары — единственнаго человѣческаго лица среди толпы этихъ добрыхъ, милыхъ, но въ то же время и дюжинныхъ характеровъ, каковы всѣ эти Франки, отъ суходушнаго ихъ родителя до долгоногой Петрен, отъ старой Фру Гувиллы до стараго же Мунтера. И за то, что эта бѣдная Сара была выше другихъ и не могла свободно дышать въ ихъ бѣдной атмосферѣ, — сочинительница заставила ее пасть въ бездну несчастья, и какъ замѣтно, что не-пользительно сочинительницѣ былъ этотъ идеалъ, что не могла она сладить съ этимъ характеромъ, и потому такъ сиѣшно и вѣчно заставляла больную и умирающую Сару говорить надутыя фразы и длинныя риторическія монологи! А все изъ чего эта буря въ стаканѣ воды? — изъ того, чтобы доказать всемогущими натяжками, что счастье въ идилліи домашняго быта — и больше нигдѣ...

Романъ Фредерки Бремеръ читается не безъ удовольствія, потому-что эта писательница не безъ дарованія; но какъ всѣ произведенія, писанныя на томъ, подъ влияніемъ односторонней мысли, его нельзя долго читать безъ отдыха, и онъ нѣстами страшно

наскучаетъ. Не дочестъ его какъ-то не хочется, а какъ дочтешь, то чувствуешь удовольствіе преодоленнаго труда, — и ужь, конечно никогда не задумаешь перечестъ его вновь.

Переводъ очень-хорошъ; — впрочемъ мы совѣтовали бы переводчикѣ удерживаться отъ употребленія уменьшительныхъ словъ, каковы: дочушка, дяточки и тому подобныя, которыя довольно-тривіальны.

2) Стихотворенія Кара-Искандера. Москва. Въ университетской тип. 1843. Въ 12-ю д. л. 108 стр.

Одна поэма и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. По счастью, мы принались прежде за первую; говоримъ «по счастью», потому-что еслибъ мы начали читать мелкія, книга навѣрное вышла бы у насъ въ рукъ, и мы, можетъ быть, совѣтъ не узнали бы, что за поэму написалъ г. Кара-Искандеръ. Впрочемъ, не смѣшите еще дѣлать заключенія: поэма г. Кара-Искандера вовсе не такого достоинства, чтобы могла радовать своимъ появленіемъ; но дорого ужь и то, что она не печалитъ насъ. Не печалитъ—это такъ: стихи въ ней—по крайней-мѣрѣ не-мелкія, а согласитесь сами—не-мелкіе стихи въ наше время... по-крайней-мѣрѣ насъ недоволю увѣряли, что у насъ совѣтъ не стыдно напечатать, хотя бы слѣдующій диамрабъ въ честь Московскихъ Цыганъ:

Чул! — Самств! — Вошь! — Пожаръ трескучій!

Гармоническая брань!
То разинулъ хоръ гремучій
Нолну бѣшеныхъ созвучій
Раскаленную гортань!

Вотъ разгульный крикъ носится:

Мы живемъ среди людей!

Весь въ огнѣ Илья трясется,

Размахнется, развернется:

Живо, веселая!

А вотъ «Въ темномъ лѣтѣ» Матрена колотитъ,

Колотитъ, молотитъ, кипитъ и дробитъ.
Кипитъ и колотитъ, дробитъ и молотитъ,

И вотъ подмаласъ, и взмаласъ, и дрэжить... и проч.

Меня даже увѣрили, что это напечатано въ Петербургѣ, а не въ Камчаткѣ... Такъ о стихахъ, которые не-нелѣпы. Мы именно готовы сказать г-ну Кара-Искандеру, что стихи въ его поэмѣ не-нелѣпы. Этого эпитета нельзя отнять у нихъ, хотя другой подобрать и трудно. Даже вса поэма—такъ не-нелѣпа, что можно пробѣжать всю до конца. Почти удивительно, а только мы не преувеличиваемъ. Вотъ доказательство: мы прочли «Лейза» и почти можемъ рассказать содержаніе. Лейза, —любимое дитя богатаго Еврея, тихо расцвѣтаетъ у себя, дома, гдѣ-тона югѣ Россіи, у самыхъ береговъ моря. Случай заводитъ сюда одного русскаго господина. Онъ хотѣлъ унести изъ Россіи тоску разочарованія, но—обыкновенная исторія—пострадалъ во время дороги и печально попалъ—прямо въ домъ Еврея. Лейза слѣзала на него впечатлѣніе и загорѣлась сама пламенемъ страсти. Еще одинъ случай, и они отыраются другъ другу въ любви. Часы полетѣли быстро... Но, взявъ съ Лейзы всю дань наслажденія, разочарованный господинъ скоро почувствовалъ охлажденіе. Принуждать онъ себя не могъ или не хотѣлъ, и прежде, чѣмъ Лейза стала догадываться объ его холодности, рѣшился сказать ей все и ѣхать далѣе. Кроткая Лейза, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, выслушала его признаніе. Онъ уѣхалъ, она—умерла.

Во всемъ этомъ, нѣтъ ни одной новой черты; все это десять разъ читали мы въ стихахъ, которые во столько же разъ лучше стиховъ г. Кара-Искандера. Но, повторимъ, это по-крайней-мѣрѣ не-нелѣпо, хотя и очень-обыкновенно. Стихъ г. Кара-Искандера безъ колорита, однако онъ не поражаетъ ни одной плоскостію: это тоже въ своемъ родѣ достоинство. Да потому еще г. Кара-Искандеръ умѣетъ довольно-складно говорить по-русски стихами, не жеманясь и не уродуя русскаго слова по примѣру своей братіи. Вотъ начало его поэмь:

Давно блуждаетъ по землѣ
Влача печальной жизни бремя,
Съ клеймою проклятѣя на челѣ,
Людьми отверженное племя,
Страны не вѣдая родной,
Не находя ни къ комъ участя,
Ни состраданія ни счастья,
Душою робкой и больной,
И грустно на сердцѣ и больно
Когда помыслию о судьбѣ
Его плачевной. Отъ-того же
Всегда трагуютъ, судить строго
Мы о другяхъ, чѣмъ о себѣ?

... Не хотимъ
Мы невытущаго взора
Направить въ глубь своей души
И такъ прочесть съ самозабвеніемъ.
Что заталоса въ тиши...
О, вѣрно съ тайнымъ содроганіемъ
Мы отвернулись бы тогда,
И никого безъ состраданія
Не осудили бы отъ стыда!...
Но человекъ таинимъ всегда
И былъ и будетъ... вѣдь не даромъ
Почти весь свѣтъ его зоветь
Творитьея слабымъ... Но впередъ...
Слова не стоитъ тратить даромъ.

Что прибавить къ этому? Развѣ съ-вѣтъ г. Искандеру—не писать больше стиховъ? Въ-самомъ-дѣлѣ, стихи не-нелѣпые—не то что хорошіе: до хорошихъ имъ еще далеко, а въ дурные попасть ничего не стоитъ... Пусть же остережется г. Кара-Искандеръ.

3) Молодикъ, на 1844 году, украинскій литературный сборникъ, издаваемый Н. Бещинъ. Харьковъ. Въ Университетской тип. 1843. Въ 8-ю д. л. 280 стр.

Этотъ третій выпускъ «Молодика», украинскаго литературнаго сборника, заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: 1) науки и матеріалы, и 2) смѣсь. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены весьма-любопытныя и хорошо-составленныя статьи, относящіяся къ исторіи края, такъ, на-пр. «Первыя войны малороссійскихъ казаковъ съ Поляками», И. Костомарова. «Очеркъ Малороссійскихъ Повѣрій и Обычаевъ, относящихся къ Праздникамъ», К. Семеновскаго, и др. Между-прочимъ, въ этомъ же отдѣлѣ помѣщена статья г-на Іер. Галки: «Об-

воръ Сочиненій, инаемныхъ на Мало-россійскомъ Языкѣ, въ которой сочинителя старается доказывать, что такъ называемая малороссійская литература, т. е. собраніе сочиненій, написанныхъ въ последнее время на малороссійскомъ языкѣ, явилось отнюдь не въ слѣдствіе щепотливой прихоти нѣсколькихъ литераторовъ, желавшихъ пощевотить своимъ роднымъ нарѣчіемъ, а напротивъ въ слѣдствіе вседѣйствующаго распространяющагося на насъ идеи народности. Читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» извѣстно мнѣніе наше объ этомъ предметѣ, и мы не станемъ повторять, что народность заключается не въ нарѣчій или языкѣ, какимъ говоритъ *каждой народъ*, а въ духѣ и характерѣ всего народа. Лучше приведемъ слова сочинителя статьи, которыми онъ самъ, не подолжывая, опровергаетъ свое же собственное мнѣніе:

«Письменность къ намъ перешла вмѣстѣ съ св. Писаніемъ, и потому первая сочиненія наши были духовныя, и слѣд. на *Словено-церковномъ языкѣ*, употреблявшемся при богослуженіи. Потомъ, маюдо-малу, съ развитіемъ общественной жизни явилась необходимость въ другихъ родахъ письменности; но такъ-какъ только словено-церковный языкъ былъ приготовленъ къ этому, то онъ послужилъ матеріаломъ и для свѣтской общественной письменности, съ тѣмъ различіемъ, что въ него начали входить слова, выраженія и обороты языка народнаго. Но вотъ Россія раздѣлилась; западная и восточная части ея начали жить особою другъ отъ друга жизнью; образовалось два письменныхъ языка: въ одной изъ смѣшенія словено-церковнаго языка съ великороссійскимъ, а въ другой изъ смѣшенія того же языка съ малороссійскимъ или южно-русскимъ нарѣчіемъ. Въ Малой, какъ и въ Великой Руси, была своя литература (?), свой книжный языкъ, на которомъ почти всё писали, но едва-ли кто говорилъ; много сочиненій, и политическихъ, и дѣловыхъ, и шарваныхъ, учебныхъ, было писано на этомъ языкѣ; много переводилось на него изъ другихъ языковъ; много издано; большая часть *содержитъ* *непробуднымъ снамъ* *въ* *Библиотекѣ»*

«Этотъ языкъ (т. е. малороссійскій), извѣстный подъ именемъ *руськаго*, много

имѣлъ вліянія на образованіе нашего (т. е. великороссійскаго) языка высшего общества и литературы; извѣстно, что Ломоносовъ учился по грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и выучилъ наизусть Псалтырь, переведенный въ стихи Семеомъ Молодцкаго. Русскій языкъ былъ гораздо-обработаннымъ, нежели письменный языкъ Великой Россіи; на него было писано много книгъ, въ которыхъ нуждались и въ Москвѣ, притомъ же лучшіе драматичники наши первой половинѣ XVIII вѣка были Малороссіянне, и *хотя старались писать по-русски или по-словенски*, но не могли не вносить въ свои сочиненія элементъ *роднаго слова»*.

Далѣе сочинитель говоритъ, что при сильнѣйшемъ вліяніи иностраннаго просвѣщенія, языкъ нашъ (т. е. все же великорусскій) *измѣнился*; *выступила* литература новая, вознившая на себѣ слѣды вліянія европейской образованности; *вкусъ утончался*; публика получила потребность въ чтеніи легкомъ, и проч.

«Вмѣстѣ съ европейскими просвѣщеніемъ раздѣчалась у насъ столичная жизнь: въ столицахъ сосредоточивалось и просвѣщеніе, и науки, и литература; тамъ было горнило языка. Русскій языкъ *ушелъ въ западныя губерніи, бывшія еще подъ властію Польши, и, томимый въ обществѣ, дождался въкъ въ семинаріяхъ и училищахъ»*.

«*Со возвращеніемъ Россіи западныя и южныя ея области, русскій языкъ стал уже ненужнымъ; былъ другой общій языкъ: основаніемъ его взяли нарѣчія словено-церковное и великорусское»*.

Итакъ, по словамъ г. Гапки, русскій, т. е. малороссійскій языкъ, уже въ то время сдѣлался ненужнымъ для общности великорусскаго языка, который съ приливомъ въ государство новыя элементы европейской жизни, съ успѣхами наукъ и просвѣщенія, усвоилъ себѣ новыя формы, слова и обороты, тогда-какъ малороссійскій языкъ, оставаясь долгое время безъ всякаго развитія, изъ языка сдѣлался провинціальнымъ нарѣчіемъ. Понявъ эту мысль, какъ могъ, послѣ того, утверждать г. Гапка, будто въ наше время, когда Россія такъ далеко подвинулась впередъ

на поприщѣ науки и гражданственности, сочиненія на малороссійскомъ языкѣ могутъ составить какую-то особую литературу? Да гдѣ же для этой литературы языкъ? Вѣдь языкъ простаго народа не имѣетъ словъ для выраженія понятій, порождаемыхъ гражданскою образованностью и просвѣщеніемъ. Вы это сами доказываете всякій разъ, когда ваши сочиненія заключаются не въ повѣстяхъ, которыхъ сюжеть заимствованъ изъ народнаго быта. Вы ихъ пишете русскимъ языкомъ. Вы говорите: Гоголь, въ своихъ высокиихъ созданіяхъ, много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ, но надо сознаться, анатоми говорятъ, что многое то же самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше. Положимъ, что это *миопе*, для немногихъ анатомовъ, было бы дѣйствительно лучше; но зато навѣрное можно сказать, что затѣмъ все остальное у Гоголя не могло бы существовать вовсе, еслибъ онъ вздумалъ одѣть его малороссійскимъ языкомъ.

Въ этой статьѣ, г. Галка исчисляетъ всѣхъ сочинителей, писавшихъ по-малороссійски, начиная отъ Котляревскаго до гд. Основьяненко и Шевченки включительно. Онъ утверждаетъ, что Котляревскій, какъ умный человекъ, написалъ свою пародію на «Энеиду» въ сдѣлствіе пробуждающейся въ обществѣ реакціи противъ классицизма. А надо знать, что уже второе изданіе его *пародіи* на «Энеиду» было еще въ 1808 году, когда и въ русской литературѣ царилъ классицизмъ. Нѣтъ, мы увѣрены, что Котляревскій, какъ умный и талантливый Малороссійнинъ, понялъ, что на малороссійскомъ, какъ и на всякомъ другомъ отдѣльномъ нарѣчій, только и можно писать, что пародіи, или простонародныя сказки и повѣсти, и ничуть не думалъ затѣвать изъ того литературы. Артемовскій-Гулакъ подтвердилъ это же самое, написавъ своего «Пана Твардомскаго», «Панъ та Собака» и другія мелкія произведенія въ народночеловѣкъ дукѣ. Самъ Грыцько Основьяненко началъ

свое поприще на русскомъ языкѣ, потому-что, сколько помнитъ, «Дворянскіе Выборы» были изъ первыхъ его сочиненій. Притомъ, онъ много писалъ и на русскомъ, и самъ же переводилъ свои малороссійскія повѣсти на русскій языкъ.

Въ числѣ матеріаловъ и въ смѣси «Молодика» есть тоже нѣсколько любопытныхъ статей, которыя съ удовольствіемъ прочтутъ любители малороссійской старины. Къ альманаху приложены портреты князя М. М. Голицына, основателя Харьковскаго Коллегіума, снимки почерковъ: Петра-Великаго, въ двухъ его письмахъ, графа Н. П. Руманцова, князя А. М. Голицына; подписка гетмана Богдана Хмельницкаго, Скоропадскаго, Мазепы и проч., и планъ города Харькова. Этотъ выпускъ «Молодика» изданъ въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Приюта.

4) Разсказать. *Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Москва. 1848. Въ тит. Смирнова. Въ 12-то д. л. 76 стр.*

Это совсѣтъ-другое дѣло. За безграмотность этой книжки рудеться уже самое ея заглавіе. Здѣсь, мы увѣрены напередъ, нѣтъ ни стиховъ, ни прозы, а развѣ нѣсколько втудѣ-испечатанныхъ страницъ, на потѣху дѣтскаго самолюбія. Въ подобныихъ случаяхъ, нужна бы не критика, а откровенная власть съ обыкновенными ея атрибутами; да къ сожалѣнію и иногда отповская власть любить баловать дѣтей, и, вмѣсто конфетъ, позволяетъ имъ напечатать книжку ихъ ученическихъ опытовъ. Отцамъ радость, дѣтямъ вдвое больше, а что дѣлать литературѣ съ такими подарками? Не отсылать же ихъ назадъ по адресу, — а особаго отдѣла для дѣтскихъ произведеній въ ней до-сихъ-поръ еще не было. Вѣдняя литература!

Если, впрочемъ, вы любопытствуете знать, какъ пишутъ дѣти въ стихахъ и въ прозѣ, то мы покажемъ вамъ образчикъ того и другаго. Первое: дають дѣднику таму. «Одиночество», и они пишутъ стихи нижеслѣдующіе:

Я одиночество не знаю съ тѣмъ срав-
нить?
И только то объ немъ могу я заклю-
чить;
Что если одинокъ на свѣтѣ человекъ,
Онъ будто бы людьми забытъ, поки-
нуть въ вѣкъ.

Все это, разумеется, очень-наивно и бессмысленно, да папенькѣ весело, что вотъ-де ужъ и сочиняеть дитя! Главное въ дарованіи, въ талантѣ, а смыслъ прійдетъ послѣ, самъ-собою... Теперь, душенька, говоритъ отецъ съ самонадѣвливою улыбкою: — напиши намъ что-нибудь въ прозѣ... Въ прозѣ? это такая бездѣлица! Чтѣ же однако написать вамъ въ прозѣ? — Да вотъ, смотри въ окно: чтѣ увидишь, то и напиши намъ; а мы съ маменькой прочитаемъ. Папенька уходитъ, чтобъ не мѣшать сочинителю; мальчикъ усаживается у окна и начинаетъ слѣдующую повѣсть:

«Въ ясный лѣтній день послѣ вечера, одна бѣдная торговка, сбывъ счастливо товаръ свой, вздумала перечестъ барыши и сѣла на перлѣи около Варварскихъ Воротъ. Только что высмала она мелочь въ полу, а полтинникъ взяла въ зубы, какъ вдругъ подошелъ къ ней мужчина самой гнусной физиогноміи, прикрывая однакожъ подозрительный видъ свой плащомъ Евреялицеиѣра. Какъ сѣнешъ ты, мерзавка (до мальчишка долетали даже слова проколящихъ), брать въ ротъ царскую монету? крикнулъ онъ громко, и какъ бы въ лосядѣ, намогъ ей въ лицо. Женщина, пораженная печальностію такой дерзости, и не проникнувъ въ его намѣреніе, вспыхнула и съ сердцемъ отвѣчала ему тѣмъ же, осмыная его бранью и проклятіями; звонъ унавага на мостовую полтинника приволь ее въ себя и напомнилъ о ея небосторожной запальчивости, но уже было поздно: воспользовавшись своею выдумкою, защитникъ царской монеты схватилъ свою добычу и въ одно мгновеніе скрылся въ толпѣ народа. Женщина немстою заволгла, эхо разносило ея возгласы по всей окрестности. Любопытные, праздные люди имгогъ столпились около нея, препятствуя тѣмъ преслѣдовать хитраго плута, кто ахаль, кто бранился, а тамъ хохотали отъ души — это были изъ числа

тѣхъ праздношатающихся, на искажен-
ныхъ лицахъ которыхъ такъ разительно
оттиснута печать безстыдства, хитрости и
наглаго мошенничества.»

Повѣсть кончена и поднесена роди-
телямъ... Папенька, который любовал-
ся этою же самою спеною изъ другаго
окна, пораженный вѣрностію карти-
ны, восклицаетъ въ восторгѣ: «напе-
чатать! въ журналѣ напечатать!» Но
маменька, добрая маменька, совѣтуетъ
лучше собрать всѣ «Повѣсти» своего
сына и жертвуетъ свою собственную
сумму, чтобъ напечатать ихъ особомъ
книжкою. Книжка напечатана, литера-
тура плачетъ, а маменькѣ какое дѣло
до литературы? Пусть плачетъ, кто
хочетъ; за то ей весело!

5) Прищърная Вѣрность или
твердость и постыдство Камбера и
Арисеки. Москва. Въ тип. Н. Степано-
ва. 1843. Дѣл части. Въ 12-ю д. л. 107
и 92 стр.

6) Отшельникъ. Романъ XIX вѣ-
ка. Москва. Въ тип. Н. Степанова, въ
12-ю д. л. Дѣл части. Въ 1-й 74, во 11-й
94 стр.

7) Железная Маска, или Отецъ
и Сынъ. Испанская повесть. Переводъ съ
Французскаго А. Бистрюковой. Четыре
части. Москва. Въ тип. Н. Смирно-
ва. 1843. Въ 12-ю д. л. 84, 82, 72 и
53 стр.

У всѣхъ добрыхъ людей, по порядку
вещей, начался уже новый 1844 годъ, а
въ московской литературѣ — не во гнѣвъ
будь ей сказано — возвращаются бла-
женные восьмидесятые года! Порядкомъ
немного-превратный — это возвращеніе
вспять на нѣсколько десятковъ лѣтъ;
впрочемъ, кому какъ, а для нѣнхъ исто-
ріи и вмѣстѣ съ нею время какъ-будто
вовсе не существовать, такъ-что про-
шедшее, у нихъ смѣло опережаетъ буду-
щее, и будущее смирнеховское оста-
ется позади прошедшаго. Совершаніе ве-
личественное, абсолютное, по которому
прямо выходитъ, что все прошлое на-

шей исторіи, особенно до Петра, далеко оставило за собою все настоящее, подобно тому, какъ Коперникъ недавно оставилъ за собою и Галилея, и Кеплера, и Ньютона! Но, смотря даже и съ этой точки, никакъ нельзя сказать, что г-жа Бистрюкова и неизвѣстный авторъ другихъ вышепоименованныхъ твореній — своимъ вкусомъ и вообще знаніемъ литературнаго дѣла опередили Извѣковыхъ, Буниныхъ Зряховыхъ и иныхъ! Никакъ не опередили, а г-жа Бистрюкова ужѣла даже и отстать отъ нихъ, такъ-что, по ея же откровенному указанію, надобно перенестись ровно за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, чтобъ понять возможность такого литературнаго труда, какъ переводъ «Желѣзной Маски». Надобно удивляться той легкости, съ какою сама она, г-жа Бистрюкова, переносится и умомъ и сердцемъ въ эти отдаленныя, или, какъ она выражается, «забвенныя» времена. Въ словахъ ея объ этихъ годахъ какъ-будто слышенъ голосъ современницы:

«Повѣсть «Желѣзная Маска» (разсуждаетъ она въ своемъ предисловіи) написанная авторомъ на испанскомъ (илинаискомъ?) языкѣ и переведенная впоследствии на французскій языкъ, обратила вниманіе(?) многихъ любителей литературы. Она была переведена и на русскій (россійскій) языкъ и также имѣла большой успѣхъ. Ее читали съ удовольствіемъ. Надѣюсь и я, переводя эту повѣсть, доставить также пріятное удовольствіе всѣмъ любителямъ чтенія (восемьдесятыхъ годов?). Прошло почти 80 лѣтъ, какъ была переведена повѣсть «Желѣзная Маска». На нашемъ русскомъ театрѣ была также играна драма подъ названіемъ «Желѣзная Маска». Любители театра снѣжили ее видѣть. Искусство нашихъ артистовъ удовлетворяло желаніе просвѣщенной публики, но наконецъ, какъ повѣсть, такъ и драма остались забытыми. Старый другъ лучше новыхъ двухъ — говорится у насъ на святой Руси. Слѣдуя этому, надѣюсь, что вновь переведенная мною повѣсть обратитъ вниманіе(?) какъ любителей старинныя, такъ вмѣстѣ и любители литературы... Къ этому же замѣчу, что на русскомъ языкѣ кромѣ Донъ-Кихота нѣтъ произведеній съ языка испанскаго, — и

потому, соображая все это, остаюсь въ полной увѣренности, что мой трудъ не есть напрасный. Онъ доставитъ удовольствіе всѣмъ и каждому, онъ воскреситъ старину!... А кому не любезно прошедшее....»

«Наивность непостижима! Но, главное — слѣдуя совѣту г-жи Бистрюковой, надобно перенестись съ нею въ восьмидесятые или даже въ семидесятые года. Переносимся. И такъ, мы въ семидесятыхъ годахъ. Въ литературѣ, за смертію Ломоносова, первенствующій голосъ принадлежитъ Сумарокову. Около него, съ одной стороны, раздаются громко-сильные голоса Петрова, Кострова, а съ другой стороны слышенъ нѣжный голосокъ Богдановича. Выходитъ переводъ «Желѣзной Маски». Его не дачитаются; все наданіе скоро расходится по рукамъ; требуется новое... и вотъ — (положимъ, чрезъ годъ) является новый переводъ г-жи Бистрюковой. Всѣ въ восхищеніи... Въ 1844 позабавятся надъ этимъ восхищеніемъ, но мы еще въ семидесятыхъ, а не сороковыхъ годахъ. Это еще будущее, это такъ далеко отъ насъ!

«Примѣрная Вѣрность» восходитъ къ тѣмъ же самымъ годамъ, если еще не старѣе. Повѣсть не только правдивая, но и весьма-добродѣтельная, какъ почти всѣ повѣсти того прекраснаго времени. Авторъ и переводчикъ изъ скромности скрыли свои имена; но о первомъ, судя по стилю книжки, можно съ достовѣрностію полагать, что это не кто иной, какъ авторъ знаменитаго «Георга» или, по-меньшей-мѣрѣ, «Исторіи о храбромъ рыцарѣ Францискѣ Венціанѣ». Изданіе книжки, кажется, еще первое; но можно надѣяться, что года черезъ два-три, на-примѣръ, году въ 1780-мъ или далѣе, выйдеть и второе.

«Отшельникъ», наклеивъ на лбу «XIX вѣкъ», притворяется нашимъ современникомъ, и, чтобъ лучше повѣрили ему, на первой же страницѣ говоритъ о «Марлинскомъ». Въ-самомъ-дѣлѣ, преданіе о Марлинскомъ у насъ еще въ свѣжей памяти; мы еще не забыли этого «славнаго» писателя. На повѣрку

однако выходитъ, что и это одинъ иражъ: «Отшельникъ» не доросъ даже и до Маринскаго. Куда ему такъ высоко! Хорошо, если ему дадутъ мѣстечко и въ первыхъ восьмисотыхъ годахъ — и то еще будетъ милость Божія. А правду говорить, то настоящее мѣсто «Отшельнику» въ девяностыхъ годахъ, когда почти всякая русская книга со второй же страницы почитала въ долгу размечтаться на пропалую. «Отшельникъ» начинаетъ свои мечты именно со второй страницы:

«На другой день мы прѣехали въ маленькую деревню. Жажда заставила меня остановиться и пить въ лей чай (*увай!*). Было восемь часовъ. Раскуривъ трубку, я сѣлъ возлѣ окна, изъ котораго видны были — вправо лугъ, а влево небольшой мѣсокъ (*а гдѣ же ручейка?*), и любовался природою (*sic!*). «О какомъ удивленіемъ должна быть объята разумъ человѣчій при взглядѣ на вселенную (изъ окна отърескаей избы — *прѣбавимъ мы!*) думалъ я. Не только чрезмѣрная огромность цѣлаго должна поразить насъ удивленіемъ, но и изящность частей, которая, не смотря на безконечное разнообразіе, всё бѣ неосуществимымъ совершенствомъ къ единичной направленности цѣла. Узелъ, соединяющій ихъ, такъ премудръ, что хотя тщетства природы съ начала вѣка были и двадцать занимали множество людей, однакожъ и донынѣ не разрѣшены и остаются тайною Верховной премудрости, блистающей въ своихъ произведеніяхъ.» Мечты (*sic!*) мои были нарушены крестьяниномъ (*profanum vulgus!*), который сказалъ мнѣ, что самоваръ готовъ. Напившись чаю, расплатился (?) съ хозяиномъ и поѣхалъ.»

И только! Чувствуете ли, однако, разницу между XVIII и XIX столѣтіями? XIX останавливается на станціи именно за тѣмъ, чтобъ выпить стаканъ чай, а XVIII вѣкъ... о, онъ останавливается рѣтѣмъ, чтобъ взглянуть изъ окна избы на вселенную, помечтать о ея неизмѣримомъ величій, и потомъ уже запить все это чаемъ. Далѣе мы не рѣшились слѣдовать за «Отшельникомъ», въ той увѣренности, что ему даже на послѣдней страницѣ не удастся переѣхать въ XIX вѣкъ.

Надобно ли еще говорить, что «От-

шельникъ», не смотря на свой ярлыкъ съ надписаніемъ XIX вѣка, долженъ стать на одной полкѣ съ «Железной Маской» и съ «Примѣрною Вѣрностью»?

8) Разговоръ Сократа съ Тимоклеею о красотѣ. Переводъ съ немецкаго Н. Д. Горчанова. Москва. Вѣстн. А. Семска. 1843. Въ 12-ю д. л. 42 стр.

Если и не говорить о томъ, что переводъ «Разговора» сдѣланъ не прямо съ подлинника, а съ перевода же, хотя бы и немецкаго, то два обстоятельства, сверхъ того, заставляютъ не обѣщать этой книжкѣ никакого успѣха. Во-первыхъ, неудачный выборъ самаго разговора: потому что изъ всѣхъ разговоровъ не только Платона, но и Ксенофонта, гдѣ только они отъ лица Сократа раскрываютъ его диалектическую мудрость, едва-ли есть другой, который бы такъ скуденъ былъ философскимъ содержаніемъ, какъ разговоръ о красотѣ. Во-вторыхъ, и самый переводъ русскій... Такихъ переводовъ можно бы убить не только «Разговоръ о Красотѣ», но даже и самого «Федона», «Критона», что хотите. Для любопытныхъ выписываемъ нѣсколько первыхъ попавшихся строкъ.

«Тимоклея. — Повѣрь ты мнѣ, Сократъ, что удовольствіе, которое нахожу я въ твоёмъ присутствіи, гораздо благороднѣе, скромнѣе и важнѣе, нежели то, котораго я никогда не чувствовалъ безъ того, чтобы не было смѣшано съ тщеславіемъ, съ желаніемъ блистать и быть обожасомъ.»

Сократъ. — Мысли твои, любезная Тимоклея, влѣкаютъ меня совершенно. Видъ твой меня не обманулъ; онъ при самомъ началѣ изображалъ любя достойную душу. Ты отличаешь(ся) отъ всѣхъ легкомысленныхъ, хотя нѣсколько и красивыхъ дѣвчатъ. Я вижу тебѣ на самомъ хорошемъ пути; ты и безъ помощи другихъ, по одному только природному хорошему твоему свойству, можешь достигнуть совершеннаго превосходства, однако буду радоваться, если помогу тебѣ заблаговременно, и легчайшимъ способомъ сдѣлать(ся) столько прекрасною и добродѣтельною, сколько

это надобно для того, чтоб наслаждаться истиннымъ благополучіемъ» (стр. 24—25).

Не-уже-ли переводчикъ думаетъ, что разговоры Сократа (т. е. Платона и Ксенофонта) надобно переводить языкомъ Желѣзной Маски...

9) Кондрашка Булавинъ, бунтовщикъ, бывшій въ царствованіе Императора Петра I. Двѣ части. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1843. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 87, во II-й — 89 стр.

10) Грошевыи Мертвецъ или Испуганнне Разбойники. Повѣстная сказка. Соч. Ник. Базилевича. Изданіе второе.

Оба издавія безъ передѣлки: въ нихъ столько жъ разъ пьютъ, столько жъ разъ дерутся, какъ и въ первомъ.

11) Пантеонъ Знаменитыхъ Современниковъ Последняго Столѣтія, заключающій въ себѣ двѣнадцать литографированныхъ, на китайской бумагѣ отпечатанныхъ портретовъ, съ присоюужденіемъ биографіи каждою лица. Сoderжаніе: Александръ Первый, Императоръ Всероссійскій; Наполеонъ Буонапарте; Фридрихъ Великій, король прусскій; Голенщевъ-Кутузовъ Смоленскій; Каподистрія, президентъ Греціи; Блюхеръ, князь Вальштатскій, Евгений Богарне; Талейранъ-Перигоръ, князь Беневентскій; генералъ Моро; графъ Александръ Ивановичъ Васильевъ; герцогъ Веллингтонъ; Махмудъ II, турецкій султанъ. — Изданіе второе. Санктпетербургъ. Печатано въ тип. Соломона. 1843. Въ 4-ю д. л. 77 стр.

У насъ такъ мало источниковъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть историческія свѣдѣнія, что этой книги, вышедшей теперь вторымъ изданіемъ, нельзя не признавать очень-полезною, и не пожелать ей достойнѣйшаго продолженія. Портреты сдѣланы не дурно, изданіе опрятно.

12) Пѣснь Москвича на рожденіе Вю Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Александровича. Москва. Въ типографіи Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ. 1843. Въ 8-ю д. л. 14, 11 стр.

Стихотвореніе, исполненное патристическихъ чувствъ и сопровождаемое нѣсколькими примѣчаніями для яснѣйшаго уразумѣнія текста.

13) Начертаніе Россійскаго Гражданскаго Права съ историческимъ его развитіемъ, составлено для Императорскаго Училища Правослѣдннхъ профессоровъ, докторовъ правъ Александромъ Кранихфельдомъ. Санктпетербургъ. Въ тип. III Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Въ 8-ю д. л. XII и 327 стр. Съ таблицей и алфавитными реестрами.

Въ этой книгѣ г. Кранихфельда учащее юношество пріобрѣтаетъ прекрасное руководство къ узнанію отечественныхъ гражданскихъ законовъ. Книга составлена дѣльно и доназываетъ добросовѣстное изученіе предмета. Въ краткомъ «Введеніи» изложено понятіе о законахъ вообще и въ частности, понятіе о законахъ гражданскихъ и гражданскомъ правѣ, авторъ описываетъ источники древняго и новаго гражданского права, и наконецъ его литературу. Потомъ слѣдуетъ самое руководство, расположенное по порядку X тома «Свода Законовъ», т. е. сперва права и обязанности семейственныя, даѣе права по имуществамъ и способы ихъ пріобрѣтенія и укрѣпленія, и наконецъ обязательства по договорамъ. Мы укрѣнены, что догматическое изложеніе права невозможно безъ критической разработки его. Эта критическая разработка права производится или наукою или жизнью. У Римлянъ оба эти способа дружно шли къ одной цѣли, помогая другъ другу, теорія и практика были въ прекрасномъ сочетаніи, и внѣшная обработка юридическихъ истинъ оставила црицѣры, которыми тщетно старались бы подражать новѣйшіе народы, су-

ществующіе подъ другими условіями, при другихъ отношеніяхъ. Но это ни мало не относится къ книгѣ г. Крайхфельда, который, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что могъ и долженъ былъ сдѣлать для учебнаго руководства. Г. Крайхфельдъ, при каждомъ отдѣльномъ предметѣ права, бракъ, наследствіе, завѣщанія и т. д., помѣщаетъ очеркъ историческаго развитія его отъ древнѣйшихъ временъ до новѣйшаго времени. Эти очерки, составленные по источникамъ — драгоценное пособие для изучающихъ гражданское право и лучшее поясненіе настоящаго положенія его. Изложеніе ихъ кратко, ясно, но ясно и опредѣлительно, какъ и слѣдуетъ въ учебной книгѣ, назначенной для того, чтобы только указать путь, набросать главные черты, предоставляя самому учащемуся дополнить образовавшуюся въ умѣ его картину собственнымъ изученіемъ источниковъ, размышленіемъ и практикою. Лучшими намъ кажутся историческіе очерки брака, правъ по имуществамъ и наследства. Но мы желали бы, чтобы г. Крайхфельдъ, при слѣдующемъ изданіи своей книги, которое, мы увѣрены, не замедлитъ послѣдовать, нѣсколько распространилъ свое «Введеніе», гдѣ изложены общія понятія о правѣ, законѣ и такъ далѣе. Подобное распространеніе могло бы принести пользу учащимся, утвердивъ въ нихъ истинныя, философскія понятія о гражданскомъ правѣ, нерѣдко забываемыя при занятіяхъ съ положительными законами; но при той ясности изложенія, которому обладаетъ авторъ, подобное «Введеніе» было бы однимъ изъ лучшихъ украшеній его книги. Мы хотѣли было сдѣлать сочиненію г. Крайхфельда два-три незначительныя замѣчанія, но, пересматривая книгу, убѣдились, что они относятся къ мелочамъ, которыми авторъ, вѣроятно, самъ не оставитъ безъ вниманія при второмъ изданіи. Къ числу ихъ принадлежитъ и то, что г. Крайхфельдъ, на стр. 93, говоритъ: «всѣ, безъ различія званія, да-

же крѣпостные люди, могутъ приоб- рѣтать въ собственность движимое имущество, на законномъ основаніи, тогда-какъ о приобрѣтеніи движимостей крѣпостными людьми наши законы вовсе не упоминаютъ.

Книга издана опрятно и даже красиво, хотя желательнее было бы со- всѣмъ не видѣть въ ней опечатокъ. Въ концѣ приложена таблица всѣхъ гражданскихъ сроковъ, не только необходимая для учащихся, но и весьма-полезная для тѣхъ, которые уже состоятъ на службѣ. Сверхъ-того, присоединены алфавитный реестръ терминовъ, встречающихся въ текстѣ.

Желаемъ руководству г. Крайхфельда полного успѣха, который оно вполне заслуживаетъ.

14) Историческое Изображеніе Древняго Судопроизводства въ Россіи. Сочиненіе Александра Куницына. Въ тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Санктпетербургъ. 1843. Въ 8-ю д. л. 151 стр.

Эта книга только по времени изданія принадлежитъ 1843 году. Процензурована она, т. е. со всѣмъ приготовлена къ печати еще въ іюль 1825 года и, стало-быть, написана прежде. Въ предисловіи, покойный авторъ ея, г. Куницынъ, говоритъ, что онъ хотѣлъ издать «Исторію Русскаго Права» отъ основанія государства, до конца XVI столѣтія, но былъ удержанъ непредвидѣнными обстоятельствами. Въ «Историческомъ Изображеніи Древняго Судопроизводства» изложено имъ лишь древнее судопроизводство Новгородскаго раздѣлснаго на три отдѣла: о устройствѣ судебной власти въ Новгородѣ, о судопроизводствѣ и о разсмотрѣніи и рѣшеніи тяжбныхъ и уголовныхъ дѣлъ. Принявъ за неоспоримыя двѣ гипотезы: 1) что «Русская Правда» Ярослава есть одна изъ грамматъ, которыми обезпечивалась новгородская вольность, и 2) что древнее русское право почерпнуто изъ германскихъ источниковъ, авторъ основываетъ свое изложеніе преимущественно на «Русской

Правдѣ, приводя вездѣ какъ-бы въ параллель, а иногда въ поясненіе и доказательство законы германскихъ народовъ, Фризювъ, Саксонцевъ, Брокнаноу, и ир. Сверхъ того, важными источниками служатъ для него лѣтописи, изъ которыхъ онъ извлекаетъ прикѣпы, доказывающіе существованіе того или другаго правила, того или другаго учрежденія. Нельзя не отдать справедливости добрымъ напѣреніямъ и трудолюбію г. Куницына. Но, увы! то, что было прежде новымъ, теперь устарѣло, неоспоримое сдѣлалось сомнительнымъ, предполагаемое отвергнуто. Мы несемся впередъ, и новый исследователь, оглянувшись назадъ, естественно видитъ болѣе, нежели видѣли его предшественники, неизмѣніе тѣхъ средствъ и той возможности окинуть взоромъ прошедшее. Около 19-ти лѣтъ съ половиной прошло со времени сочиненія г. Куницына, — а такой срокъ и не въ наше время былъ бы такъ значительнымъ, что могъ бы оставить за его книгой многія достоинства, которыя неоспоримо принадлежали бы ей въ свое время. Припомнимъ, что тогда Карамзинъ только-что оканчивалъ трудъ свой, «Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» не было еще доведено до 3-го тома, бедныя акты и лѣтописи оставались ненапечатанными, я, наконецъ, что всего важнѣе, не существовало драгоценныхъ изданій Археографической Комиссіи, пролившихъ новый свѣтъ какъ на нашу исторію, такъ и на древнее право, и представляющихъ новѣйшему исследователю драгоценнѣйшіи источники неисчерпаемыхъ свѣдѣній. Послѣ этого неудивительно, если въ книгѣ г. Куницына содержится много и много такого, что слѣдовало бы считать за непростительныя промахи и грубыя ошибки во всякомъ новомъ юридическомъ изслѣдованіи. Мы могли бы, по примѣру нѣкоторыхъ критиковъ и рецензентовъ, выставить передъ публикою эти ошибки, изволивъ потѣшиться надъ недогадливостью автора, который не имѣлъ столько ума и проинцатель-

ности, чтобъ дожидаться до наданія новѣйшихъ источниковъ по избранному имъ предмету. Но подобное критиканство мы считаемъ недостойнымъ публики, недостойнымъ порядочнаго журнала, который она удостоиваетъ своимъ вниманіемъ, недостойнымъ самой науки. Какое право имѣемъ мы требовать отъ книги большаго совершенства, нежели какого она, при данныхъ обстоятельствахъ, независимо отъ воли сочинителя, могла достигнуть? Авторъ сдѣлалъ, что могъ, и, не смотря на неизбежныя недостатки его сочиненія, ни одинъ новѣйшій юристъ, изучающій исторію нашего судопроизводства, не оставитъ безъ вниманія добросовѣстнаго труда его, изъ котораго можно извлечь нѣсколько любопытныхъ данныхъ, нѣкоторыя остроумныя сближенія и между прочимъ, похвальное обыкновеніе — не ограничиваясь исключительно одними собственно-юридическими источниками, пояснять и дополнять ихъ указаніями лѣтописцевъ.

Почтимъ же благодарностію память автора книги и отдадимъ справедливость издателямъ, исполнившимъ свой долгъ съ умѣньемъ и отчетливостію.

15) Юридическая Пропагандистика. Сочиненіе Р. А. Штекгарта. Перевелъ Ф. Г. Толъ со втораго изданія, исправленнаго и дополненаго авторомъ Санктпетербургъ. У издателя (.) книжпродавца Ю. А. Юнмейстера. 1843. Въ тип. Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ. Выпускъ 3-ій. V и отъ 209 — 408 стр. Въ 8-ю д. л.

Наконецъ, переводъ «Пропагандистики» г. Штекгарта появился вполне, и это даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ о самомъ сочиненіи, въ дополненіе и объясненіе прежнихъ нашихъ статей о немъ.

Правовѣдніе, по обширности своего объема и многосторонности содержания, требуетъ предварительнаго ученія, которое дало бы учащемуся средство окинуть взоромъ всю науку. Сохраненіе подобнаго предварительнаго ученія опредѣляется содержаніемъ са

ной науки, которой оно предшествует. Два элемента составляют содержание правовѣдѣнія: философскій и историческій. Эти же элементы должны служить основаніемъ и предварительному ученію о правѣ, которое г. Штекгардтъ называетъ юридическою пропедевтикой, полагая слѣдующія отличія ея отъ юридической энциклопедіи, имѣющей ту же цѣль и то же содержаніе: 1) Пропедевтика только извѣстъ пролагаетъ путь къ изученію права, а энциклопедія представляетъ обзоръ самой юриспруденціи и всѣхъ ея отдѣльныхъ частей; 2) первая имѣетъ предметомъ только предварительныя понятія и свѣдѣнія: послѣдняя даетъ вѣрное изображеніе всѣхъ частей и источниковъ права; 3) первая назначается только для того, кто хочетъ быть введенъ въ область правовѣдѣнія: послѣдняя приноситъ пользу и тому, кто уже много успѣлъ въ изученіи права; 4) первая представляетъ только общія и начальныя понятія о томъ, о чемъ говоритъ послѣдняя. Такія доказательства рѣшительно убѣждаютъ насъ въ томъ, что пропедевтика и энциклопедія одно и то же, потому, во-первыхъ, что содержаніе пропедевтики—философскій и историческій элементы,—совсѣмъ не вышній путь къ изученію права; во-вторыхъ, потому что вѣрно и строго изображеніе всѣхъ частей и источниковъ права, предлагаемое энциклопедіею, именно даетъ только предварительныя понятія и свѣдѣнія о правѣ; въ-третьихъ, и пропедевтика и энциклопедія, по своему понятію, могутъ быть преподаваемы не только предъ изученіемъ правовѣдѣнія, но и послѣ, принося въ послѣднемъ случаѣ ту пользу, что въ головѣ учащагося изученныя имъ отдѣльныя части правовѣдѣнія получаютъ связь и цѣлостность отъ напоминанія о нихъ внутреннею, органическомъ соединеніи другъ съ другомъ; въ-четвертыхъ, потому что налагать въ пропедевтикѣ только общія и начальныя понятія о томъ, что говоритъ энциклопедія, есть дѣло совершенно-произвольное и ни мало независящее отъ внутренняго ихъ содер-

жанія. Изложивъ понятіе о своей наукѣ (на стр. 6 и 9, г. Штекгардтъ именно говоритъ «наша пропедевтика»), авторъ приступаетъ къ самому изложенію, которое онъ раздѣляетъ на 12 главъ. Въ первой, говорится о государствѣ; во второй о правѣ; въ третьей о правѣ въ субъективномъ смыслѣ; въ четвертой о пользованіи правами; въ пятой о несправедливости вообще и о преступленіи въ-особенности; въ шестой о судопроизводствѣ; въ седьмой о правѣ объективномъ; въ восьмой о важнѣйшихъ системахъ и источникахъ положительнаго права; въ девятой о справедливости и всеобщемъ господствѣ права, какъ высочайшей цѣли всаго права; въ десятой о правовѣдѣніи, ко понятію и объему его; въ одиннадцатой содержится очеркъ исторіи юриспруденціи и правовѣдовъ до новѣйшаго времени; въ двѣнадцатой всеобщая юридическая методологія. Такое распределеніе предметовъ, конечно, совсѣмъ не истекаетъ изъ понятія самой науки, и учащемуся тотчасъ же долженъ представиться вопросъ: гдѣ же элементъ философскій права, гдѣ историческій, которыхъ изложеніемъ и объясненіемъ должно было заняться предварительное ученіе о правѣ? — Но надобно согласиться также, что г. Штекгардтъ имѣлъ полное право распространяться собственною наукой по собственному своему усмотрѣнію; да учащемуся-то отъ такого расположенія весьма-трудно постигнуть что такое философскій и что такое историческій элементъ права. Объ этихъ двухъ основныхъ началахъ, въ книгѣ г. Штекгардта, содержится лишь намеки, всякая указанія. Такъ, на-примѣръ, въ параграфѣ о понятіи права въ объективномъ смыслѣ, г. Штекгардтъ (стр. 36) говоритъ, что право есть осуществившійся законъ разума; на стр. 66, что время и мѣсто суть такіе отношенія, которыми опредѣляется существенное свойство права и чрезъ которыя принимается само право къ потребностямъ дѣйствительной жизни; въ параграфѣ 44 (стр. 144) объясняетъ, что право въ объективномъ смыслѣ

есть совокупность всех имеющих или некогда имевших силу въ государствахъ законовъ, а въ параграфѣ 45 (стр. 149 и сл.), доказывая заблужденія тѣхъ, которые разумѣли подъ естественнымъ правомъ совершенно-отдѣльное отъ положительнаго, противоположное и противорѣчащее ему право, существующее только въ головахъ умозрительныхъ философовъ, увѣряетъ, что, упустивъ изъ вида различіе между отдѣльными положительными правами и рассматривая всю совокупность ихъ какъ одноцѣлое, мы получимъ естественное право утвержденнымъ въ формѣ положительнаго, и потомъ (стр. 152, прим. I) говорятъ, что изложенное имъ понятіе о естественномъ правѣ есть единственно-вѣрное, могущее быть допущеннымъ, потому-что оно, находясь въ совершенномъ согласіи съ положительнымъ, существующимъ въ государствахъ правомъ, въ то же время утверждается на чисто философскомъ основаніи. Но ни одно изъ приведенныхъ мѣстъ не объяснитъ учащемуся, что философскій элементъ права заключается въ разумѣ, котораго оно должно быть выраженіемъ, а историческій — въ тѣхъ увлоненіяхъ отъ этого идеала права, которыя должны допускать въ постепенномъ развитіи своемъ положительныя законодательства, и что такимъ-образомъ, съ одной стороны, правовѣдніе составляютъ постепеннѣе-развивавшееся въ цѣломъ человечествѣ сознаніе о томъ, что право и что неправое, а съ другой, стороны положительныя законодательства всехъ народовъ, также въ ихъ постепенномъ развитіи и въ болѣе или менѣе совершенномъ проникновеніи тѣмъ первымъ элементомъ, носящимъ названіе философій права. Вообще, понятіе, изложенное въ книгѣ г. Штекгарта о философій права какъ-то странно и противорѣчить самому опредѣленію права, которое онъ представляетъ въ началѣ книги. Въ параграфѣ 45, говоря о естественномъ правѣ, которое называетъ также философскимъ правоученіемъ или философіею права, авторъ опредѣляетъ

его какъ совокупность основныхъ истинныхъ права, одинаково исполняемыхъ всеми образованными народами во все времена, по причинѣ ихъ внутренней разумной необходимости. Такимъ-образомъ, всякое несовершенство въ законодательствѣ, если только оно одинаково встрѣчается у всехъ образованныхъ народовъ до новѣйшаго времени, по мнѣнію г. Штекгарта, будетъ принадлежать къ числу основныхъ истинныхъ правъ и достойно занять мѣсто въ философій права. Послѣ этого, и торгъ невольниками, какъ извѣстно, уничтоженный очень-недавно, — до своего уничтоженія былъ основанъ на внутренней, разумной необходимости, потому-что въ извѣстнѣйшій періодъ онъ былъ исполняемъ всеми образованными народами, которые никакъ не могли знать, что онъ не будетъ продолжаться во все времена? Но возвратимся къ системѣ пропедевтики.

Г. Штекгартъ начинаетъ свое изложеніе государствомъ, потомъ уже переходитъ къ волѣ и на ея ограниченіи основываетъ свое понятіе права. Собственно-государство есть высшая степень развитія права, полное осуществленіе идеи его, которой исходомъ служитъ воля человеческая, первую ступень развитія семейство, второю гражданское общество, составляющее переходъ къ государству. А потому, понятіе государства, по естественному порядку, должно бы слѣдовать послѣ понятія о правѣ, ибо хотя мы совершенно-согласны съ авторомъ, что право только въ государствѣ получаетъ полное свое осуществленіе, но не можемъ согласиться, чтобъ у народовъ, недостигшихъ общественнаго соединенія, вовсе не было права. Въдъ говорить же о правѣ семейномъ, правѣ родовомъ, и даже Несторъ свидѣтельствуетъ, что за-долго до образованія государства, племена славянскія имѣли свою отдѣльную собственность и свои обычаи. Говоря о государствѣ, г. Штекгартъ рассматриваетъ существенные элементы государственнаго организма, т. е. всехъ силъ совокупно

и взаимно-дѣйствующихъ въ государствѣ, и опредѣляемыхъ различными сторонами государственной жизни. Эти стороны, по словамъ автора, суть *физическая, умственная, нравственная и религіозная*, къ которымъ въ государствѣ (?) еще присоединяется пятая, *юридико-политическая*. А потому «существенные элементы и учрежденія государственнаго организма», говорить авторъ «суть заведенія, стремящіяся къ удовлетворенію физическихъ потребностей (что это за заведенія — представляемъ отгадать проница-тельность читателей), къ споспѣше-ствованію виѣшнему (ему) благосостоянію (ю) гражданъ и наконецъ къ умноженію народнаго богатства или финан-совъ» и т. д. Опять раздѣленіе, являющееся словно *deus ex machina*, потому что опредѣленіе государства (стр. 13) какъ челоуѣчества, возведеннаго до единства самосознанія и личной самостоятельности, осталось у автора совершенно-неразвитымъ и почему именно въ государствѣ пять сторонъ жизни и пять силъ, а не одна, не двѣ, не шесть и т. д. — такъ же ясно, какъ и то, почему въ придворномъ этикетѣ китайскаго богдыхана 10,000 церемоній, а не 10,001.

Въ той же главѣ и по той же причинѣ любопытно раздѣленіе званій въ государствѣ, которое (если вѣрить заглавію) параграфа, соответствуетъ существеннымъ элементамъ его организма. Главѣйшія званія, какъ увѣряетъ Пропедвтика, «суть слѣдующія: 1) *званіе людей низшаго и средняго сословія* (по-нѣмецки *Nährstand*), 2) *званіе врачей*, 3) *званіе ученое и учебное*, 4) *званіе духовное*, 5) *военное званіе* и 6) *званіе политическое и юридическое*. Если эти званія соответствуютъ элементамъ государственной жизни, которыхъ, по численію автора, 5, то мы не знаемъ, почему званій явилось 6, и отъ-чего, когда дано мѣсто въ «Пропедвтикѣ» людямъ низшаго и средняго сословія, люди высшаго сословія не удостоились этой чести. Говоря о гражданинѣ и его обязанностяхъ, г. Штегардтъ, по сво-

ему обыкновенію, подводитъ эти обязанности подъ 6 пунктовъ, въ число которыхъ поставлены обязанность безусловно покориться государственнымъ законамъ (п. 2) и обязанность избѣгать всего, что можетъ вредить благосостоянію согражданъ, славу государства и т. п. (п. 3), какъ-будто послѣднее не заключается въ первомъ. Далѣе, разсматривая въ-подробности званіе чиновниковъ, авторъ различаетъ *государственную чиновника* отъ чиновника по части юстиціи и правовѣда, утверждая подобно раздѣленію на отличія дравленія государствомъ отъ управленія государствомъ, и цѣлю послѣдняго, называемаго *судомъ и расправою* или *юстиціею*, полагая въ-спеціальному *осуществленіи, поддержаніи и соблюденіи сущности и основныхъ формъ государства*, или короче, «въ *судопроизводствѣ*» (!?!)... Странно! какъ-будто чиновникъ по части юстиціи или правовѣдъ не есть также государственный чиновникъ! Если же г. Штегардтъ подъ «правовѣдомъ» разумѣлъ лицо, занимавшееся юриспруденціею, во несостоящее въ государственной службѣ, то не за чѣмъ было такъ подробно говорить въ слѣдующемъ параграфѣ о его обязанностяхъ, которыя у него, въ такомъ случаѣ, общія со всѣми прочими гражданами. Но пойдемъ далѣе. Не оттаиваясь на-строгомъ разграниченія права отъ морали и религіи (параграфъ 17, стр. 44), которое г. Штегардтъ предлагаетъ въ девяти пунктахъ поставивъ въ первомъ изъ нихъ право выше, а во второмъ ниже морали и религіи, — даже пропуская параграфъ о единствѣ этихъ понятій съ *практически-богословской* или *нравственно-религіозной* точки зрѣнія, мы прямо приступаемъ къ главѣ о правѣ въ субъективномъ значеніи. Здѣсь прежде всего насъ поражаетъ странность II-го примѣчанія (§19, стр. 51), гдѣ авторъ спрашивается самъ себя: «не надобно ли ограничить сдѣланнаго нами положенія, что всѣ люди суть лица по своей природѣ, слѣдующимъ условіемъ: если только они вполне обладаютъ этою

природою,—и отвѣчаетъ: «Нужно (,) безусловно; посему уроды, существовавши (in caritate) уклоняющіеся отъ человеческой природы (monstra), не могутъ быть субъектами права и лицами, какъ это видно уже изъ законовъ двѣнадцати таблицъ». Желательно, чтобъ авторъ указалъ, какое изъ овыѣданныхъ законодательствъ опредѣляетъ принадлежности monstri in caritate и позволяеть, какъ законы 12 таблицъ, убивать человѣка за то, что онъ *своими* обладаетъ человеческою природою! Въ наше время, существованіе подобныхъ уродовъ болѣе нежели сомнительно, когда, по увѣренію врачей, даже полныхъ гермафродитовъ не стрѣчается въ современномъ человѣкѣстѣ.

Перехода отъ субъектовъ къ объектамъ права и къ собственности, г. Пекгардтъ приводитъ раздѣленіе собственности на внутреннюю и вѣдшнюю, и говоритъ, что первая состоитъ въ правахъ, врожденныхъ человѣку, или принадлежащихъ граждану государству вообще и слѣдовательно не принадлежитъ ему въ слѣдствіе какого-нибудь частнаго пріобрѣтенія. Мы рѣшительно не понимаемъ, какую важность и пользу можетъ имѣть подобное раздѣленіе въ практикѣ, и сверхъ-того полагаемъ, что всѣ права врождены человѣку, потому что язованіе ихъ въ духъ человеческомъ, въ томъ разумѣ, единомъ и вѣчномъ, которому право служитъ однимъ изъ достойныхъ выраженій. Отъ собственности, основанной на одностороннемъ дѣйствіи лица на вещь, авторъ переходитъ къ обязательствамъ по договору, составляющимъ посредственный способъ пріобрѣтенія правъ на вещи. Основаніями, откуда происходятъ обязательства, авторъ полагаетъ договоръ и нарушеніе пріобрѣтенныхъ правъ, г. е. ущербъ, нанесенный чужой собственности (laesio, damnum) и требующій вознагражденія со стороны обидчика. Такое раздѣленіе, основанное на римскомъ правѣ, кажется намъ несоотвѣтствующимъ понятію о договорѣ.

Если подъ «договоромъ» мы будемъ разумѣть взаимное согласіе двухъ сторонъ относительно какаго-либо имущества или вѣдшнего дѣйствія, то очевидно, что понятіе объ обязательствѣ, произтекающемъ отъ нарушенія чужихъ правъ и вообще изъ противоположныхъ дѣйствій (стр. 54), должно бы предполагать, что между нанесеннымъ вредъ и претерпѣннымъ его существовало взаимное согласіе о вознагражденіи причиненнаго убытка. Но въ такомъ случаѣ, обязательство произвестъ подобное вознагражденіе произстало бы все-таки не изъ нарушенія правъ другого, но изъ взаимнаго, предварительнаго согласія на вознагражденіе. Если же «всякій ущербъ, нанесенный чужой собственности не случаенъ, но по волѣ обидчика, по праву обидчика обидчика къ вознагражденію убытка, а обиженному даетъ право требовать оного» (стр. 60), то это право и эта обязанность возникаютъ не отъ чего иного, какъ отъ обязательной силы только, и не предполагаютъ necessarily обоюднаго согласія. Вообще, излишнее пристрастіе автора къ римскому праву дѣлаетъ то, что, при недостаткѣ философскаго основанія для какаго-нибудь положенія или дѣленія, онъ прибѣгаетъ къ римскимъ источникамъ и ими старается подтвердить мысль или совершенно ложную, или, только относительно, неточную, какъ мы еще будемъ имѣть случай замѣтить далѣе. Излагая вліяніе обстоятельствъ мѣста и времени на право, авторъ ограничивается почти одними примѣрами, почерпнутыми изъ римскихъ источниковъ. Но мы не можемъ понять также, почему о вліяніи обстоятельствъ мѣста и времени упоминается только при изложеніи субъективнаго права, тогда-какъ извѣстно, что этому вліянію подчинены самыя основныя положенія законодательства. Въ статьѣ о давности, замыкающей третью главу, при раздѣленіи давности на *давность мнимоющую* и *давность пріобрѣтательную*, въ скобкахъ замѣчено, что послѣдняя давность есть «*давность* въ тѣсномъ

смысл по праву русскому. Мы, и вероятно, многие съ нами, до-сихъ-пора полагаем, что въ русскомъ правѣ именно сворѣе встрѣчается давность лишающая, ибо положенія о ней всѣ имѣютъ отрицательный характеръ и больше говорятъ о потерѣ пропустившимъ во время о положительномъ пріобрѣтеніи черезъ нее провъ другими лицами, хотя такое пріобрѣтеніе разумется само-собою. Въ слѣдующей главѣ, г. Штенгардтъ, исходя отъ мысли, что действительныя права возможны только въ государствѣ, налагаетъ правила, какъ должно пользоваться правами и защищать ихъ передъ судомъ. Нѣкоторые изъ этихъ правилъ, которыхъ числомъ 9, отличаются своею неразумительностью, такъ, на-пр.: «обладаніе правомъ заключаетъ въ себѣ и понятие обладанія средствами къ пользованію ими, т. е. средствами придать ему силу передъ судомъ, однимъ-словомъ—ноками.» Или: «никто не можетъ быть лишены права по слуху, но только по законному основанію.» И тутъ стараніе приблизиться къ римскимъ понятіямъ много повредило колѣдовательности и даже ясности мыслей автора, особливо при изложеніи понятія о жалобѣ (actiones), которое онъ насильно хочетъ втиснуть въ римскія рамки. Переводчикъ его еще умножаетъ для русскаго читателя запутанность, перевода actiones—то жалобой, то исковъ (стр. 86 и 87), хотя у насъ эти два понятія существенно различны въ самихъ законахъ. Затѣмъ, г. Штенгардтъ даетъ понятіе о несправедливости вообще и о преступленіи въ-особенности, и вотъ какъ къ этому приступаетъ: «Каждый поступокъ, говоритъ онъ, препятствующій осуществленію идеи права въ государствѣ, называется *противозаконнымъ*, и, слѣдовательно, невозволительнымъ поступкомъ», а черезъ нѣсколько строкъ: «поэтому, ноля несправедливостію въ общирнѣйшемъ смыслѣ должно разумѣть всякій положительный или отрицательный поступокъ, при-

нѣмъ или козвеннымъ образомъ протворѣвающимъ существующимъ въ государствѣ законамъ....» И такъ, поступокъ, препятствующій осуществленію идеи права въ государствѣ, есть противозаконный, а поступокъ, протворѣвающимъ законамъ, есть несправедливостію... Коротко и ясно; не правда ли? Изъ этого понятія несправедливости, призывая на помощь раздѣленіе собственности на внутреннюю и внѣшнюю, о которомъ мы говорили выше, авторъ выводитъ понятіе о преступленіи, какъ несправедливости противъ внутренней собственности гражданъ. «Подобная несправедливостію», говоритъ онъ: «оскорбляетъ и подвергаетъ опасности цѣлое человечество, а слѣдовательно и самое государство, ибо идея права, государство и человечество суть одно и то же.» На это мы замѣтимъ, что есть преступленія (называемыя государственными и направленныя противъ общественнаго порядка), неоскорбляющія ни одной внутренней собственности по тому понятію, которое даетъ о ней Пропагандиста. Стало-быть, опредѣленіе преступленія, какъ нарушенія внутренней собственности гражданина, слишкомъ тѣсно, и причина этому очевидна: оно выведено изъ понятія субъективнаго права, тогда-какъ именно умасляющее преступленія состоитъ изъ его объективнымъ характеръ, который произзодитъ то, что само государство непосредственно стремится уничтожить его, какъ нарушеніе общей гармоніи, развитой объективно осуществленіемъ идеи права. Г. Штенгардтъ, кажется, не хочетъ обратить на это ни малѣйшаго вниманія. Онъ продолжаетъ перечислять права, первоначально принадлежащія человеку и права, которыя непосредственно даются государствомъ, насчитываетъ тѣхъ и другихъ до 8, и потомъ переходитъ къ понятію о проступкѣ, различающемъ положительныя законодательствы отъ преступленія. Онъ находитъ во французскомъ правѣ самое твердое, философское основаніе этого различія, тогда

как французское законодательство чертой различия составляет именно не внутреннюю сущность того или другого понятия, но определяемое законом наказание за тот или другой род нарушений надлежащих на практике особо для каждого рода установленных судамъ. «Различныя степени зла» говоритъ авторъ далѣе, «причисляемаго преступнику, производять различіе между наказаніемъ и всѣми другими злами (?), назначаемыми законами, или невыгодами, опредѣленными правопъ и имѣющими отношеніе только къ частнымъ сдѣлкамъ гражданъ касательно приобрѣтенія собственности.» Потому слѣдуютъ по пунктамъ признаки, различающіе эти явленія, въ число которыхъ поставлено и то, что наказаніе никогда не зависитъ отъ воли преступника; простыя же невыгоды права (выше названныя судебными взысканіями) всегда зависятъ отъ свободной воли того, кто своимъ преступленіемъ или нерадѣніемъ навлекъ ихъ на себя. Но и въ наказаніе въ этомъ смыслѣ зависитъ также отъ воли преступника, который навлекъ его на себя своимъ преступленіемъ или нерадѣніемъ, а гражданскія взысканія (это легальное выраженіе «Сюда Законовъ», въ переводѣ невѣдѣмъ отвлеченнымъ и пустымъ названіемъ «невыгоды права») какъ скоро они опредѣлены судомъ, такъ же мало зависятъ отъ свободной воли того, кто имъ подвергся, какъ и исполненіе самого наказанія отъ воли преступника. Въ томъ же параграфѣ бросается въ глаза странная фраза, которую переводчикъ выдаетъ за положеніе законовъ: *свободная невыгода сама себя уничтожаетъ*. Кто похвритъ, что это переводъ правила римскаго законодательства: *volenti non fit injuria*? Но такъ, именно такъ! «Свободная невыгода сама себя уничтожаетъ!» Любопытныхъ отсылаемъ къ 123 стр. перевода «Юридической Произведствки».

Пропускаемъ главу о судопроизводствѣ или о введеніи матеріальнаго пра-

ва (почему оно матеріальное, мы не беремъ объяснить читателямъ) въ действительную жизнь и приступаемъ къ праву въ объективномъ смыслѣ, котораго понятіе уже прежде было объяснено г. Штенгардтомъ. Правила о примѣненіи законовъ совершенно-справедливы и основательны, хотя могли бы быть лучше мотивированы. О раздѣленіи права на положительное и естественное, и понятіе г. Штенгардта о послѣднемъ мы уже упоминали; раздѣленіе же права по его происхожденію (а не по источнику) на писанное и обычное, на общее и особое (мы говоримъ — частное), *jus speciale*, на общее и мѣстное, на публичное, частное и церковное, и наконецъ на гражданское и уголовное, не выведены изъ самаго понятія права, — недостатокъ, которымъ страдаютъ всѣ почти раздѣленія, приводимыя авторомъ въ его книгѣ. Гегелю, на стр. 185, приписана относительная теорія, полагающая различіе уголовного наказанія вознагражденіе, а на стр. 184, по поводу абсолютныхъ теорій, сказано, что взгляды Гегеля и Фихте собственно должны быть отнесены не къ простымъ, а къ сложнымъ теоріямъ (которыя перечисляются далѣе). За то въ одномъ изъ параграфовъ, г. Штенгардтъ приводитъ свое мнѣніе о томъ, къ какой части права, публичному или частному, должно быть отнесено право уголовное, и тутъ-то мы повали, почему авторъ прежде такъ строго держался раздѣленія правъ на природныя и приобрѣтенныя, и собственности — на внутреннюю и внѣшнюю. «Преступленіе» говоритъ онъ (стр. 179) «нарушаетъ внутреннюю собственность человека, а всякая собственность, какъ известно, принадлежитъ къ области частнаго права». Самъ авторъ утѣряетъ, что большая часть юристовъ слѣдуетъ противному мнѣнію; но онъ имѣетъ за себя Римлянъ, относившихъ уголовное право къ *jus civile*, — а кто не знаетъ, что Римляне въ философіи заткнутъ за поясъ всѣхъ новѣйшихъ философовъ

вообще и каждого въ частности!.. (*). Довольно! Останавливаемся, боимся насучить читателямъ... Мы разобрали половину книги г. Штекгардта параграфъ за параграфомъ, страницу за страницей, мысль за мыслью. Неужели и теперь насъ можно обвинить въ неосновательности, пристрастїи, неблагонамѣренности, и проч. и проч.? Еще разъ повторимъ: книга г. Штекгардта, не смотря на свои недостатки, не смотря на то, что она, кажется, совсѣмъ не хочетъ знать послѣдняго движенія философіи и упорно слѣдуетъ системамъ тѣхъ философовъ, которые, по выраженію Гегеля, дѣйствуютъ, какъ-будто-бы въ мірѣ еще не существовало государства и государственнаго устройства, какъ-будто надо-было начинать все съизнова, и забываютъ, что философія приходитъ слишкомъ поздно учить людей какъ быть и что дѣлать, — не смотря на все это, мы говоримъ, что пропедевтика права въ свое время принесла пользу, послужила ступенью къ юридическому развитію, можетъ-быть, нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей и почла бы въ мірѣ, еслибъ ей не вздумалось помолодѣть въ русскомъ переводѣ. Но, увы, нарядъ не скрашиваетъ старости и, по долгу добросовѣстнаго рецензента, мы должны были предохранить публику отъ заманчивыхъ прелестей «Юридической Пропедевтики». Системы въ ней нѣтъ, понятія обвоетшали, изложеніе часто занутиано и неясно, и только объясненіе римскаго права и всего къ нему относящагося, показывая въ авторѣ осно-

вательное знаніе предмета и даже пристрастіе къ нему, заслуживаетъ быть изъятымъ изъ общаго приговора, точно такъ же, какъ вся историческая часть, ниჭущая предметомъ литературы юриспруденціи въ Германіи и т. п. Что же касается до указаній на русское право, то, правда, въ нѣсколькихъ мѣстахъ (о двухъ мы уже говорили) слѣданы неопредѣленные ссылки, что такъ-де и въ русскомъ правѣ, это же признаютъ и русскіе законы; но раздѣленія предметовъ, многія тонкости, безъ которыхъ русскій текстъ весьма-легко могъ бы обойтись, самое изложеніе и даже техническія выраженія (которые или буквально переведены, или сочинены вновь переводчикомъ, не смотря на то, что въ нашемъ законодательствѣ можно было отыскать термины, совершенно имъ соответствующіе) показываютъ, что авторъ рѣшительно не заботится о примѣненіи своей книги къ потребностямъ русскихъ читателей и, сверхъ-того, незнакомъ съ Сводомъ нашихъ законовъ, хотя въ §§ 63 и 64 и описываетъ его систему, образъ составленія (по оффиціальному сочиненію «Историческія Слѣдствія о Сводѣ Законовъ») и приводитъ его оглавленіе. Въ послѣднемъ мы и не обвиняемъ г. Штекгардта; но не можемъ не сказать, что, даже при другихъ достоинствахъ, подобный недостатокъ его книги могъ бы весьма-много помѣшать практической пользѣ ея, даже въ школахъ, не говоря уже о томъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ она рѣшительно недоступна для всякаго, кто не слушалъ теоріи права, захотѣлъ бы самъ приступить къ изученію юриспруденціи.

Теперь о переводѣ. При извѣщеніи перваго выпуска, высказавъ тогда же свое мнѣніе о самомъ сочиненіи («О. З. 1843, книжка 6, июль»), мы отозвались о переводѣ съ похвалою. Теперь, прочитывая второй и третій выпуски, мы были поражены отличіемъ ихъ отъ перваго. Въ первомъ можно было только замѣтить, что выраженіе *factio juris* (юридическое предположеніе, уѣртка,

(*). Любопытно, что авторъ, вездѣ приводя слова и мнѣнія Канта, о Гегелѣ упоминаетъ только изрѣдка, какъ-бы мимоходомъ, на стр. 209, прим. 5, серьезно уѣрляетъ, что гегелева система права есть не что иное, какъ перестановленіе частей системы римскихъ институцій. Это мнѣніе можетъ повѣрить каждый изъ нашихъ читателей: стѣбитъ только заглянуть въ какое-нибудь изданіе институцій и въ «Философію Права», Гегелъ Н. Werke, Bd. IX.)

посредствомъ которой преторъ смягчалъ строгость римскихъ законовъ) переводчикъ передаетъ немало-несоответствующимъ словомъ *идея права* (стр. 71). Впрочемъ, слогъ былъ гладокъ; изложеніе ясно и отчетливо. Во второмъ же и третьемъ выпускахъ, начали встрѣчаться шероховатости, — ошибки противъ языка, нецѣпность въ выраженіи и техническіе термины до того странные, что показываютъ рѣшительный недостатокъ вниманія или совершенное незнакомство съ предметомъ. Такъ, на-примѣръ, отзывъ или возраженіе (*expertio, Ein rede oder Ausflucht*) названо отзывомъ или отговоркой (?), *gegenseitige Verhandlung vor Gericht*, т. е. взаимныя пренія сторуомъ передъ судомъ, переведенныя взаимными слѣлками и переговорами тяжущихся (стр. 137 и 138), *Gesetzbuch, liber legum* названъ судебникомъ и сводомъ законовъ, хотя первое слово уже по самой этимологіи показываетъ, что должно разумѣть подъ нимъ. Кантъ и другіе философы, вмѣсто мыслителей, называемыхъ умствователями (стр. 289), представленіи переведены воспріятіями (стр. 351); въ одномъ мѣстѣ извѣстный французскій юристъ Кюжа (*Cujas, Cujacius*) названъ Куясомъ (стр. 288), въ другомъ Куяциемъ (стр. 384) и пр. и пр. Мы даже не могли объяснить себѣ подобной странности, пока предисловіе переводчика нѣсколько не надоумило насъ. Въ этомъ предисловіи, присовокупленномъ къ 3-му и послѣднему выпуску книги, переводчикъ объявляетъ, что онъ *не можетъ не высказать передъ публикой своей искренней благодарности друзьямъ своимъ, за дѣятельное содѣйствіе при трудѣ его.* А! вотъ что! дѣятельное содѣйствіе... Теперь мы нѣсколько понимаемъ, отъ-чего не всѣ три выпуска переведены одинаково.

Можетъ-быть, многіе изъ читателей «Отечественныхъ Записокъ» понимаютъ, что нашъ первый отзывъ о книгѣ г. Штекгарта чрезвычайно разсердилъ ея переводчика, который напечаталъ

въ одной ежедневной газетѣ громозкую филиппику противъ журнальной статьи, ни мало не обидной ни для него, ни для автора. Мы, въ отвѣтъ, тогда же указали г. Толлю неумѣтность многихъ его выходовъ («О. З.» 1842, кн. 8, августъ). Но, чтобы окончить дѣло разомъ, присоединяемъ еще нѣкоторыя объясненія. Переводчикъ г. Штекгарта между-прочимъ негодуетъ на насъ за то, что будто мы желали поселить вражду между гг. Невольнымъ и Штекгартомъ, упоминая о рецензій г. Штекгарта, въ которой онъ не отдаетъ должной справедливости «Юридической Энциклопедіи» г. Невольна. Признаемся: до-сихъ-поръ мы не имѣли подъ руками вышерѣченной рецензій, и потому не могли представить читателямъ неопровержимыхъ доказательствъ нашихъ словъ. Теперь приводимъ замѣчательнѣйшія мѣста знаменитой статьи въ возможно-близкомъ переводѣ. *St. - Petersburgische Zeitung, Jahrgang 1840, Freitag den 6. December, стр. 1304, 1305 и 1306.* Въ началѣ статьи, г. Штекгартъ объявляетъ, что никто такъ не радуется появленію Энциклопедіи г. Невольна, какъ онъ, нижеподписавшійся, съ радостью и одушевленіемъ посвящающій все свое время и силы на пространство въ Россіи истинно-ученаго юридическаго образованія, написавшій первая сочиненія о юридической энциклопедіи (?) и пропагандистъ, хотя на нѣмецкомъ языкѣ, но все-таки въ Россіи и для Россіи и постоянно ободряющій даровитыхъ молодыхъ людей, между-прочимъ самого автора Юридической Энциклопедіи, о которомъ писалъ ему съ большою похвалою знаменитый Савиньи, чтобы они посвящали силы и позанія свои на утвержденіе въ ихъ отечествѣ истинной юриспруденціи. Затѣмъ, перечисливъ появившіяся въ послѣднее время различныя статьи юридическаго содержанія, которыя ученый профессоръ называетъ «реторическими» (*rhetorisch geschriebenen-Abhandlungen*), причисляя къ нимъ и Рѣчь

объ Уложении профессора Морозкина (одно из лучших юридических произведений, которому дали бы почетное мѣсто и во всякой иностранной литературѣ, проникнутое умомъ и чувствомъ и обличающее, какъ и всѣ прочія сочиненія того же автора, ученость глубокую и основательную), г. Штекгардъ обнаруживаетъ какое-то удивленіе при словахъ г. Неволлина въ предисловіи къ его Энциклопедіи: «сочиненіе, которому во всемъ его объ- емѣ, наша литература, и, смѣю ска- зать, даже иностранная доселѣ не представляетъ подобнаго». Рецензентъ соглашается, что и въ нѣмецкой юридической литературѣ нѣтъ сочине- нія такого большого объема (von so grossen Umfange) и полагаетъ, что вѣр- но только это хотѣлъ сказать авторъ. Но прибавляетъ онъ: причина тому заключается въ основательномъ мнѣ- ніи, что юридическая энциклопедія, чѣмъ сжатѣе и яснѣе, тѣмъ лучше. Юридическо-политическія же энци- клопедіи большого объема, какъ, на- приимѣръ, Вельера (ч. I, Штутгартъ, 1829) никогда не были одобряемы въ Германіи, и упомянутое сочиненіе, не смотря на свою чрезвычайную уче- ность, не могло быть доведено до вто- рой части. А потому большой объемъ не можетъ дать и г. Неволлину пре- имуществва передъ нѣмецкими уче- ными. Далѣе: авторъ распростра- няетъ изложеніе какъ философіи, такъ и исторіи права совершенно за гра- ницы юридической энциклопедіи и совсѣмъ не слѣдуетъ тому мнѣнію, по которому энциклопедія считается на- учной, ориентирующей въ отдѣльной части права, подлежащей изученію и практическому уногребленію. Ес- либъ въ Германіи хотѣли смотрѣть на юридическую энциклопедію, какъ на энциклопедическую исторію фило- софій права всѣхъ народовъ и энци- клопедическое изложеніе всемірной исторіи права, то въ нѣмецкой юри- дической литературѣ были бы сочи- ненія такого же объема, а можетъ быть и большаго. Потому, г. Штек-

гардтъ говоритъ, что энциклопедія г. Неволлина скорѣе спугаетъ (eher ver- würgend sein möchte), нежели направитъ и просвѣтитъ начинающаго, но признаетъ, что г. Неволлинъ имѣлъ право составить себѣ оригинальное и самостоятельное понятіе объ энцикло- педіи, и далѣе увѣрляетъ, что сочиненіе г. Неволлина нельзя считать энциклопе- діей по обыкновенному, немалому по- нятію о ней, но сочиненіемъ по части всемірной исторіи права и сравнитель- ной юриспруденціи. Все же любопытнѣе конецъ рецензій. Похваливъ энциклопедію г. Неволлина за точность въ цитировкѣ сочиненій, составля- ющихъ нашу бѣдную юридическую литературу, и переведши то мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ о трудахъ г. Дегая («По- собія и Правила Изученія Россійскихъ Законовъ»), рецензентъ заключаетъ: «Касательно этой исторіи литературы, нижеподписавшіися должны замѣ- тить (подъ статью подписано: *Д-ръ Г. Р. Штекгардтъ*), что всѣ предѣль- ныя сочиненія, даже сочиненія Дегая не могутъ считаться сочиненіями по ча- сти общей энциклопедіи, потому что они содержатъ въ себѣ только энци- клопедическое изложеніе положитель- наго русскаго права. Труды ниже- подписавшагося, которые онъ пред- принялъ по порученію правитель- ства, отчасти еще донынѣ неиспол- ненному, безспорно — первое, что появилось въ Россіи объ энциклопе- діи всей юриспруденціи. Въ исторіи энциклопедіи г. Неволлина не слѣдова- ло быть пропущеннымъ тому обсто- ятельству (der Umstand wohl nicht fehlen sollen), что вышесказанное мудрое правительство особенно обратило вни- маніе на эту науку и дало нижепод- писавшемуся прямое порученіе обра- ботать учебную книгу юридической энциклопедіи для русскаго учебнаго заведенія, которой начало появилось уже въ 1837 году подъ именемъ «Осно- ваній Правовѣдѣнія» (Juristische Fun- damentallehre) и окончаніемъ которой онъ до сихъ поръ занимается.»

Этими выписками мы столько же

хотѣли demolished нашъ разборъ сочиненія г. Штегардта, сколько показать своимъ читателямъ, что первый нашъ отзывъ о «Юридической Пропагандѣ», гдѣ мы нѣсколько упоминнули и о рецензій г. Штегардта, была слѣдствіемъ того же внутренняго убѣжденія, которое одно дѣетъ право печатно высказывать передъ публикой свои мнѣнія о поступающемъ на ея судъ сочиненіи. Друзья или недруги г-да Штегардтъ и Невольнъ, намъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Мы даже только нашъ рецензій г. Штегардта, узнали, что знаменитый Савиныхъ писалъ къ нему в г. Невольнъ съ большимъ похваломъ. Но въ прежней нашей рецензій («Отеч. Записки» т. VI, июль), мы сказали, что изъ статьи г. Штегардта объ «Энциклопедіи» г. Невольна видно, что г. Штегардтъ находилъ несправедливымъ, почему издатель не упомянулъ о его сочиненіяхъ, писанныхъ въ Россіи и для Русскихъ, — и теперь готовы поправить подобную ведомоужку. Точно! Читатели видѣли, что дѣло идетъ не объ изданныхъ сочиненіяхъ, а о той энциклопедіи права, которую г. Штегардтъ еще пишетъ и о которой, по его мнѣнію, г. г. Невольну следовало упомянуть въ исторіи этой науки.

16) Всѣобщій Географическій и Статистическій Словарь. Составилъ Кн. С. П. Гагаринъ. Москва. Вѣстникъ. А. Семеновъ. 1843. Въ 8-мъ д. л. Три части. Въ I-й А — Г, 558; — во II-й Д — М, 596; — въ III-й Н — О, 645 стр.

Надобно признаться, къ этой книгѣ съ пераго уже заглава чувствуешь много уваженія. Въ самомъ дѣлѣ, большой трудъ, предпринятый однимъ человекомъ, безъ всякихъ коммерческихъ расчетовъ, но такой части, которая нибѣтъ всеобщую важность, и — что всего замѣчательнѣе — трудъ вполне оконченный. Да слыхано ли, по-крайней-мѣрѣ, много ли подобнаго слыхано въ нашей литературѣ? Какое же литературное предпріятіе — не говоримъ ужъ, оладчмадоръ — даже на-

чиналось безъ того, чтобъ объ немъ и извѣстно и печатно не протрубили напередъ по всѣмъ кождамъ Россіи, отъ всюду съзывая подписчиковъ и читателей? Какою трудъ выходялъ изъ сейтъ безъ того, чтобъ громкій эдакъ нѣсколькихъ дружескихъ голосовъ не воздѣстивъ заранѣе скорого пожеланія его въ литературѣ?.. Право, такіа явленія рѣдки, какъ аэролиты. А въ цѣльзю «Всѣобщаго Географическаго Словаря» надобно еще сказать и то, что эта книга совсѣмъ не рѣсиконъ литературная, а существенно-необходимое пособие, недостаткомъ котораго давно уже чувствовали, болѣе-или-менѣе, всѣ грамотные русскіе люди, потому-что, какъ бы ни были исправны наши географическіе учебники, но они — плохая помощь въ глѣзъ слушалахъ, когда требуются скорыя и точныя справки. А въ наше время справки такого рода негуть встрѣчаться на каждомъ шагу; иная страница журнала одна нѣ разъ отомлетъ васъ къ географіи. Не всегда же можно коналѣться на землѣ! Куда же прикажете теперь обратиться, чтобъ, безъ малѣйшей потери времени, тотчасъ припомнить себѣ забытое названіе? Къ Бальбу? къ словарю иностранныхъ? — но эдакъ, право, совсѣмъ справляться у иностранцевъ даже о географическихъ названіяхъ. Иное дѣло — энциклопедія, наприимѣръ: тутъ ужъ повсѣгда надобно спалать себѣ Базисъ; особенно, когда подумаешь, что иные записные русскіе книжники, гдѣ заранѣе облизуютъ своимъ твореніемъ бессмертіе, не могутъ даже въ печати открытъ никакой гримасы, произнесъ одно слово — энциклопедія! Но географія — другой вопросъ: тутъ русскому уму можно бы и самому позаботиться для себя.

Онаъ незаботился, какъ вѣдато, и даже прежде, чѣмъ мы начали разсуждать объ этомъ. Но добрая мысль и доброе желаніе — днѣ энциклопедія. Мы хотимъ сказать, что новый словарь, не смотря на свое извѣстное отечественности, не такова, какъни быдъ мы ждали его видеть. Есть два рода сло-

варей. Одни, которыхъ вся цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ представить самую полную забуту всѣхъ техническихъ названій, всѣхъ терминовъ, состоящихъ въ завѣдываніи науки, съ легкимъ только указаніемъ на ихъ силу и значеніе. Такіе словари собственно назначаются служить лишь вспомогательнымъ средствомъ для памяти. Другіе, по иждрѣ средствъ своихъ, стараются вмѣстѣ въ себя и все богатство современнаго содержанія науки, такъ, чтобъ словарь былъ не только справочною книгою, какъ адрес-календарь, но и дѣйствительнымъ пособіемъ, пополняющимъ недостатокъ современныхъ свѣдѣній, по крайней-мѣрѣ для людей, не посвященныхъ, какъ говорится, во всѣ таинства науки. Къ этой цѣли стремилась частью и наша—столь рано похищенная смертію—энциклопедія! Того же хотѣли быши отъ новаго географическаго словаря, что и весьма-удобно было бы ему сдѣлать въ своей сферѣ, какъ словарю спеціальному, особенно при томъ матеріальномъ богатствѣ средствъ, какое представляетъ эта наука въ наше время. Но, къ сожалѣнію, словарь ограничился только первою цѣлю—быть иждрною и точною справочною книгою по части географіи. Поэтому, не спрашивайте отъ него статей, отдѣльныхъ съ особеннымъ тщаніемъ: здѣсь все подведено подъ одинъ несчастный уровень, т. е. обо всемъ сказано столько, меньше чего нельзя уже и сказать. Новый «Словарь» не захотѣлъ воспользоваться даже и тѣми прекрасными статьями, которыми по этой части такъ богатъ былъ нашъ бывшій русскій «Энциклопедическій Лексиконъ». Во всевозможной краткости составитель какъ-будто полагалъ первое и самое важное достоинство своего словаря: для этого, кромѣ обыкновенныхъ аббревіатуръ, онъ употребляетъ еще и особенный законическій способъ выраженія, по возможности набѣгая всѣхъ полныхъ формъ рѣчи и стараясь вездѣ говорить чуть не математическими фразами. Отъ-того многія статьи важнаго содержанія, съ ко-

торыми иногда не мѣшало бы и поговориться, вышли кратки до пустоты и ничтожности. Для примѣра укажемъ на статью «Альпійскія Горы». Вся она вмѣщается въ слѣдующихъ строкахъ:

«Наибольшій жидкий креботь въ Европѣ тянется отъ береговъ р. Роны, въ Южной Франціи, до самыхъ границъ Венгрии, что составляетъ пространство 12 град. длины и развѣтляется во Франціи, Швейцаріи, Италиі, Германіи, Тироли, Каринтіи, Кариніюлі, Штирии, Кроаціи, Славоніи, Баваріи, Швабіи и Австріи. — Произведенія: строевой и дрованой дѣсь; ячмень, овесъ, иждрныя плоды, виноградъ, ябѣя, ябѣя, свѣнецъ, золото, мраворъ, соль, сѣра и проч. — Дѣлится на слѣдующія отрасли: Альпы: а) Приморскія, б) Греческія, в) Пеннинскія, д) Гельветическія, е) Ретическія, г) Норическія, г) Карнійскія, в) Юлійскія и і) Далматійскія (см. статью). — Главныя высоты: Монбланъ — 2,446 фут.; Монъ-Роза — 2,430; Сенъ-Бернардъ — 4,780 и другія.»

Судя по содержанію, кажется, и вовсе можно бы исключить такую статью изъ словаря, потому-что кому нужно справляться, чтобъ найдти только то, что въ ней есть теперь?—Замѣчательно, что всѣ статьи о русскихъ монастыряхъ никакъ не менѣе объемютъ, а иногда и болѣе, приведенной статьи о Альпійскихъ Горахъ. Истолько-подробнѣе изложены статьи о русскихъ губерніяхъ, по-крайней-мѣрѣ, наравнѣ съ статьями объ иныхъ государствахъ, напр. Персіи. — О второмъ прилагательномъ, которое находится въ заглавіи словаря, т. е. «Статистическій», мы, право, не знаемъ что и сказать. Оно какъ-будто больше прибавлено для параллелизма слову «географическій». По-крайней-мѣрѣ, не видно, чтобъ словарь хотѣлъ служить пособіемъ и по этой части. — Впрочемъ, мы все-таки оканчиваемъ благодарностью составителю, по пословицѣ...

17) Всемирная Исторія, К. Ф. Беккера. Переводъ съ немецкаго, издаваемый Николаемъ Гречемъ. Отдѣленіи

перее. Древняя История. Изданіе М. Ольхина. Санктпетербург. 1843. В 3-х т. Н. Греча. Три части. В 8-ю д. л. В 1 части 381, во II — 417, во III — 413 стр.

Вотъ книга, за изданіе которой нельзя довольно похвалить издателей: гг. Н. Греча и М. Ольхина. Наша литература болѣе, нежели бѣдна хорошими историческими сочиненіями. Еще по части историческихъ учебниковъ у насъ есть кое-что хорошаго; но историческихъ книгъ для чтенія у насъ нѣтъ почти вовсе. «Исторія» Беккера довольно-обширна и чужда всякихъ сказокъ; она написана не для ученыхъ, а для публики и изложена ясно. Переводъ такой книги — важная услуга литературѣ и публикѣ. И какъ хорошо было бы, еслибъ всѣ наши старые литераторы, вмѣсто романовъ, повѣстей, «драматическихъ представлений», въ которыхъ нѣтъ ни творчества, ни поэзіи, ни вкуса, или вмѣсто писемъ изъ-за границы, наполняемыхъ переводами изъ разныхъ «Guides pour les Voyageurs» и изъ современныхъ газетъ, — занялись изданіемъ книгъ дѣльныхъ и полезныхъ. Тогда они не ниѣли бы причины жаловаться на несправедливость публики, или пристрастіе и брань непріязненныхъ имъ журналовъ.

Рекомендуемъ всѣмъ эту прекрасную и полезную книгу, изданную гг. Н. Гречемъ и М. Ольхинымъ. Такъ-какъ ей должно выйти еще одиннадцать частей, то мы еще будемъ имѣть время поговорить о ней подробно.

Къ числу достоинствъ изданной гг. Н. Гречемъ и М. Ольхинымъ книги принадлежитъ и ея весьма-сходная цѣна: каждый томъ обойдется покупателю въ рубль серебромъ: это очень-дешево.

18) Галерея Портретовъ нынѣ царствующей особы. Москва. В 3-х т. Кириллова. 1843. В 32-ю д. л. 16 стр.

Подъ этимъ громкимъ названіемъ, которое общается, по-крайней-мѣрѣ, портреты нынѣ-царствующихъ особъ,

какой-то господинъ напечаталъ на сѣрой бумагѣ и дурнымъ шрифтомъ кратчайшія выписки изъ календаря: кто гдѣ царствуетъ, когда родился и съ котораго времени вступилъ на престолъ. При сей вѣрной оказіи присвокуплены произведенія страны и число жителей, — и больше ничего.

19) Про Былое на Православной Русн. Книга для грамотныхъ людей. Соч. Н. Любимова. Изданіе второе. Санктпетербург. 1844. В 3-х т. Эск. Зают. Государств. Бумаж. В 12-ю д. л. 92 стр.

Второе изданіе этой плохой книжки доказываетъ сильную потребность въ книгахъ для чтенія простолюди-намъ.

20) Замѣчанія о подкожномъ разрѣзаніи ищковыхъ (pronatores) и стабовъ (flexores) мышцъ руки и перстоу. Сочиненіе профессора Дубовицкаго. Санктпетербург. В 3-х т. Виттебера. 1843. В 8-ю д. л. 48 стр. Съ литографиров. рисунками.

Къ послѣднимъ блистательнымъ побѣдамъ хирургіи принадлежитъ, безспорно, открытіе подкожнаго сѣченія сухихъ жилъ — теломіи, для излеченія различныхъ безобразій человѣческаго тѣла, зависящихъ отъ постояннаго сокращенія и укороченія мускуловъ. Извѣстно, что первый шагъ къ такому успѣху сдѣланъ былъ славнымъ французскимъ хирургомъ Дельпешемъ, перерѣзавшимъ, въ 1816 году, ахиллесову жилу безъ раздѣленія кожи надъ мѣстомъ разрѣза. Эта операція, однакожъ, не нашла себѣ многихъ послѣдователей, ибо Дельпешъ хотя и разрѣзывалъ жилу съ боку, но его разрѣзъ былъ очень-широкъ, отъ-чего часто происходили вхожденіе воздуха и неудача операціи; но тѣмъ не менѣе мысль была уже подана: стѣло только усовершенствовать операцію — и честь такого усовершенствованія принадлежитъ Стромейеру и Дифенбаху, а болѣе еще извѣстному парижскому ортопедисту

Герену. И только таковой способ съечения сухихъ жилъ, каковой предложилъ Геренъ, можетъ по-справедливости назваться подкожнымъ съечениемъ, ибо здѣсь, для достиженія сухой жилы, не дѣлается широкаго разрѣза общихъ покрововъ, а производится только узкій проколъ кожи въ потеры или въ двѣ линіи шириною, и то въ отдаленіи отъ сухой жилы; чрезъ это отверстие уже вводится рѣжущій инструментъ и раздѣляется сухая жила (тенотомія), или мускулъ (миотомія); такимъ образомъ, удобно отвращается вхожденіе въ рану воздуха, столь губельно-дѣйствующаго на разведенныя ткани, и отдерстіе раны совершенно заживаетъ къ концу 24 или 48 часовъ, можно-сказать, безъ малѣйшихъ слѣдовъ воспаления.

Не смотря на то, что операція тенотоміи вошла уже совершенно въ область хирургіи, у насъ, на русскомъ языкѣ, кромѣ нѣсколькихъ намековъ въ нѣкоторыхъ медицинскихъ журналахъ, не было доселѣ еще ничего писано полнаго и дѣльнаго объ этой полезной операціи. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобъ у насъ тенотомія вовсе не дѣлалась: въ большихъ госпиталяхъ ея дѣлаютъ, но немногіе изъ хирурговъ, и то почти исключительно въ столицахъ. Этотъ важный недостатокъ для нашей хирургіи пополняется теперь недавно-изданнымъ сочиненіемъ профессора Дубовицкаго, по-крайней-мѣрѣ въ-отношеніи тенотоміи на рукѣ.

Всякому образованному врачу извѣстно, что г. Дубовицкій занимается медицинною не изъ интереса, а только изъ любви къ наукѣ, и занимается ею страстно. Проведши нѣсколько лѣтъ въ занятіяхъ хирургіею въ чужихъ краяхъ, онъ успѣлъ уже составить себѣ имя, которое останется надолго въ наукѣ. Кто слѣдитъ хорошо за ходомъ врачевныхъ наукъ, тотъ знаетъ, что г. Дубовицкій, вмѣстѣ съ другими европейскими учеными, не мало способствовалъ своимъ трудами къ проясненію вопросовъ о литотритіи, о ринопластикѣ, объ оспададизаніи кромѣ скручиваніи-

емъ сосудовъ, о несодѣланіи и объ ортопедіи. Имя г. Дубовицкаго нераздѣльно съ этими важными предметами хирургіи. Незнающіе этого легко убѣдились, заглянувъ въ первое хорошее руководство къ оперативной хирургіи. Къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что нашъ авторъ гораздо-нѣбѣе за границею, нежели у насъ, въ Россіи. Кто былъ въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ, тотъ знаетъ, что первый вопросъ тамошнихъ хирурговъ русскому врачу есть вопросъ объ Арендѣ, Пироговѣ и Дубовицкомъ... Отъ кого же мы теперь въ-правѣ ожидать гѣрнаго и лучшаго сужденія о тенотоміи, какъ не отъ г-на Дубовицкаго, какъ отъ профессора хирургіи, вполне-знающаго свое дѣло, который имѣлъ несчастье на самомъ-себѣ даже испытать эту операцію? Онъ намъ можетъ въ-рѣе и безпристрастнѣе, нежели кто-либо другой, показать выгоды или невыгоды, назначеніе и производство тенотоміи.

Сочиненіе г. Дубовицкаго состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ, описано наблюденіе болячки, бывшей у самого автора и требовавшей тенотоміи. Авторъ, назавдъ тому пять лѣтъ, имѣлъ несчастье передомить себѣ лѣвую руку въ локтевомъ сгибѣ; хирургъ, которому онъ себя поручилъ лечить, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ порезанія надломилъ на большой членъ крахмальную неподвижную повязку; по снятіи повязки, чрезъ 25 дней, болевой потерлль почти-совершенно движеніе въ доктѣ и пальцами; прошло еще нѣсколько нѣдѣель: чувствительность въ рукѣ начала уменьшаться, и членъ началъ худѣть. Тогда г. Дубовицкій, оставивъ Каванъ — мѣсто, гдѣ случилось съ нимъ это несчастье, отправился за границу и совѣтовался съ лучшими нашего времени хирургами въ Германіи, Италіи и Англии; но, встрѣтивъ между ними разногласіе, онъ не могъ приступить ни къ чему рѣшительному. Въ 1840 году, онъ пріѣхалъ, наконецъ, въ Парижъ, въ то самое время, когда тамъ много дѣлалъ розысканій относительно тенотоміи; марсъиѣйшіе та-

пошние хирурги почти единогласно со-
вѣтовали г. Дубовицкому употребить
тенотомію. Авторъ, какъ просвѣщен-
ный врачъ, рѣшился на употребленіе
этого средства, однакожь не прежде,
какъ испытавъ уже всѣ другія противъ
своего ведуга и убѣдившись самъ въ
выгодахъ и пользѣ этой операціи. Дѣ-
ломъ въ томъ же году, докторъ Геренъ
слѣдовалъ на его больной рукѣ 29 под-
кожныхъ разрывовъ сухихъ жилъ или
тенотоміи. Слѣдствіемъ этихъ операцій
было то, что авторъ хотя не получалъ
полнаго излеченія отъ своей болѣзни,
но состояніе ея значительно улучши-
лось относительно формы и, особенно,
движеній члена. Вся эта часть сочи-
ненія изложена ясно и съ полнымъ ин-
тересомъ; тутъ читатель найдетъ много
новыхъ и очень-полезныхъ практиче-
скихъ замѣчаній, особенно относитель-
но леченія переломовъ неподвижную
крахмальною или декстриновою повяз-
кою.

Во второмъ отдѣленіи книги, нахо-
дится общее сужденіе о тенотоміи. Бо-
ли есть что-нибудь въ настоящее вре-
мя самаго занимательнаго и новаго для
хирурга, это, безъ сомнѣнія, теорети-
ческая сторона подобной операціи — ея
основанія, на которыхъ она зиждется,
показанія, противопоказанія, предосто-
рожности при ея производствѣ и самое
производство. Все это любознательный
врачъ найдетъ въ послѣдней половинѣ
сочиненія нашего ученаго.

Предѣлы журнальной статьи не по-
зволяютъ говорить намъ обо всѣхъ
иныхъ обстоятельствахъ, но для дока-
зательства, какъ ново и важно сужде-
ніе о тенотоміи профессора Дубовиц-
каго, мы вынимемъ лишь одно мѣсто
изъ его сочиненія.

Вотъ какъ, на-примѣръ, рассуждаетъ
игторъ объ условіяхъ, благоприятству-
ющихъ тенотоміи:

« До сихъ поръ тенотомію преимуществен-
но употребляли для возстановленія формы,
или иначе для исправленія безобразія (dis-
formité); мало старались опредѣлять всѣ
необходимыя условія, для возстановленія
цѣлости сухой жилы, для того, чтобы жи-

вица ея въ послѣдствіи могла дѣйстви-
вать свободно, какъ въ здоровомъ состоя-
ніи.

« Мало того, что послѣ тенотоміи обез-
ображенная часть получить естественную
форму, но еще необходимо, чтобы человекъ
внѣдствіи могъ дѣйствовать своимъ чле-
номъ какъ въ натуральномъ состояніи.

« Главнѣйшія условія, способствующія
полному успѣху этой операціи суть:

1) Совершенно поверженное положеніе
сухой жилы.

2) Такое ея положеніе, чтобы во время
операціи, нельзя было повредить важныя
частей для жизни человека и для отпа-
вленія оперируемаго члена, напр. важныхъ
сосудовъ, нервовъ.

3) Чтобы части, окружающія разрыванное
мѣсто сухой жилы, не препятствовали сво-
бодному положенію посредствующаго сра-
стительнаго вещества.

4) Нужно, чтобы не было анатомичес-
кихъ препятствій къ соединенію концовъ
разрыванной сухой жилы, напр., при те-
нотоміи сухой жилы мышцы сгибающей
персты глубокой во второмъ суставѣ, очень
можетъ случиться, что верхній конецъ су-
хой жилы по разрывѣ проскользнетъ чрезъ
раздвоеніе жилы сгибающей персты повер-
хностной и неминуемымъ слѣдствіемъ это-
го будетъ совершенная невозможность воз-
становить цѣлость перерыванной жилы.

5) Чтобы въ мѣстѣ разрыванной сухой
жилы не было заловильной, или слякстой
сушки, которой жидкость, излившаяся меж-
ду разрыванныхъ концовъ жилы, постоянно
будетъ мѣшать ихъ сращенію.

6) Весьма много содѣйствуетъ успѣху
тенотоміи возможность сохранить, хотя от-
части, клиротую, или сухожильную обо-
лочку перерываемой жилы.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ г. Дубовицкій
обнародовалъ эти идеи въ первый разъ
въ Парижѣ, въ 1841 году, въ «Annales
de Chirurgie», всѣ ученые, занимаю-
щіеся тенотомією и пишущіе о ней,
всегда ими пользуются и отдають пер-
венство русскому профессору передъ
всѣми писавшими о томъ же предметѣ.

Прочитавъ трудъ г-на Дубовицкаго,
мы истинно радовались этому рѣдкому
явленію въ нашей хирургической ли-
тературѣ, и увѣрены, что ученая пу-
бллка, давно уже вѣковая съ его со-
чиненіями о кровотеченіяхъ и мѣхъ др-

чешин, объ альбуминизмѣ, о литотритив и наименьшѣеизвѣннѣмъ (*Reproduction fidèle des discussions sur la lithotrophie et la taille. Paris, 1835*) и медицинскимъ журналомъ (*); издаваемымъ подъ его редакціею, — отдасть и на нынѣшній разъ всю справедливость, а хирурги-практики воспользуются этимъ сочиненіемъ, какъ единственнымъ у насъ руководствомъ для тено-томіи руки.

21) О СТРОЕНІИ РАСТИТЕЛЬНОЙ КОЖИЦЫ *Разсужденіе; написанное для полученія степени маистра Императорскаго Московскаго Университета кандидатомъ Дмитріемъ Байковымъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1843. Въ 12-ю д. л. 94 стр.*

Рѣдкія диссертациі, написанныя для полученія ученыхъ степеней, выходятъ изъ круга форменныхъ, обычныхъ, и потому мы неохотно говоримъ о диссертацияхъ этого рода вообще.

22) ГАРЪ. Новое руководство къ ГОМЕОПАТІИ Г.—Г.—Г.—Гара. *Томъ первый. Руководство къ познанію гомеопатическихъ лекарствъ или изложеніе главнѣйшихъ дѣйствій съ показаніемъ клиническихъ наблюденій. Тетрадь первая. Aconitum — Aurum muriaticum. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ тип. в. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1843. Въ 8-ю д. л. 74 стр.*

Русскій переводчикъ уже перевелъ было вторую тетрадь перваго парижскаго изданія этой книги, но долженъ былъ оставить трудъ свой неоконченнымъ, получивъ новѣйшее (третье) изданіе, измѣненное нѣсколько въ планѣ и дополненное многими опытами и наблюденіями. Всѣхъ тетрадей будетъ восемь или десять. Въ первой показаны: 1) цѣль и составъ сочиненія, 2) припадки отмѣченныя знаками, 3)

клиническія наблюденія и замѣчанія, 4) употребительныя приемы, 5) повтореніе приѣмовъ, 6) продолжительность дѣйствія лекарствъ, 7) лекарства столвыя и противоддія, 8) планъ сочиненія, 9) какъ руководствоваться сочиненіемъ. Потому описаны гомеопатическія лекарства отъ *Aconitum* до *Aurum muriaticum*.

23) ЛЕКЦІИ АСТРОНОМІИ, *сочиненныя в. капитаномъ-лейтенантомъ Зельнымъ публично въ залѣ Морскаго Кадетскаго Корпуса. Лекціи I, II и III. Въ 8-ю д. л. 57 стр.*

Лекціонное, изустное, разговорное преподаваніе — самое легкое и вышѣе съ тѣмъ самое пріятное. Разговоръ, разсказъ никогда не утомляетъ такъ нашего вниманія, какъ ученая книга, будь она написана самымъ простымъ, увлекательнымъ, понятнымъ языкомъ. Въ разговорѣ мы видимъ перелѣ собой живаго человѣка; мы видимъ, какъ работаютъ его способности, какъ создаются образы и понятія. И эта естественная работа пробуждаетъ слушателя, возбуждаетъ его дѣятельность какъ бы дѣйствіемъ магнетическимъ. Книга мертва и всегда останется для насъ поглагою, въ которую авторъ зарываетъ свои идеи. При импровизациі, весь трудъ, вся работа лежатъ на одномъ читателѣ; гдѣ живаго человѣка, гдѣ другаго посторонняго ума, который бы поддерживалъ, возбуждалъ постоянно его вниманіе. Вотъ-почему двухъ-часовой ученый разговоръ никогда не утомитъ васъ такъ, какъ получасовое чтеніе.

Древніе вначе не учились, какъ изъ разговоровъ. Книгъ учебныхъ они знали мало, да и тѣ не всѣмъ были тогда доступны по своей чрезвычайной дороговизнѣ; а учился весь народъ, гуляя на площадяхъ, въ садахъ, на пертяхъ своихъ храмовъ и слушая одного учителя, который то прямо высказывалъ имъ истину, то облачалъ ее въ параболу, въ аллегорію, чтобъ сдѣлать богѣе-понятною. Для самыхъ учебныхъ книгъ любимая форма древ-

(*) Отеч. Зап. будутъ скоро говорить подробно объ этомъ новомъ журналѣ.

нихъ философовъ былъ разговоръ: помните Цицерона *De natura deorum*, или большую часть сочиненій Платона.

Образованность греческая ясно свидѣтельствуешь о пользѣ изустнаго, разговорнаго преподаванія. Есть мнѣніе, что многія науки, со временъ блестящей эпохи греческихъ философовъ, не ушли нисколько впередъ; мы знаемъ больше фактовъ, и только; теорія же собственно остановилась на одной точкѣ. Это мнѣніе справедливо до нѣкоторой степени. Возьмите, на-прим., астрономію; наша планетная система, которою мы такъ гордимся, была известна очень-хорошо древнимъ: это созданіе Пифагора, а, можетъ-быть, и Халдеевъ, или индійскихъ браминновъ, или, наконецъ, египетскихъ жрецовъ, къ которымъ знаменитый греческій мудрецъ ѳалдигъ учился. Какъ бы то ни было, Пифагоръ зналъ систему міра, которая потомъ названа именемъ Коперника и въ которой полагается солнце неподвижнымъ, а земля и планеты движущимися. Онъ первый сталъ утверждать, по-крайней-мѣрѣ какъ намъ извѣстно, что планеты такъ же обитаемы, какъ и тотъ шаръ, по которому мы ходимъ, и что звѣзды, наполняющія неизмѣримое пространство, суть солнца, назначенныя изливать свѣтъ и теплоту на планетныя системы. Пифагоръ считалъ также кометы не скоротечными метеорами, образовавшимися въ атмосферѣ, но свѣтлыми постоянными, движущимися вокругъ солнца, подобно планетамъ, по законамъ, имъ принадлежащимъ (Лекція I, *Исторія Астрономіи*, стр. IX).

Что же послѣ этого сдѣлали всѣ новыя астрономы, начиная съ Пурбаха и оканчивая Уильямомъ Гершелемъ. Они открывали почти только то, что было давно извѣстно. Законы движенія планетъ Кеплера, законы движенія кометъ Галилея, даже теорія тяготѣнія великаго Ньютона были совершенно-извѣстны древнимъ, — почему? потому-что это развитія только идеи, высказанной за 550 лѣтъ слишкомъ до Р. Х. Пифагоромъ, и Пифагоръ или восточ-

ные мудрецы, его учителя, дошли до этой идеи путемъ анализа, путемъ наблюденія, какими или и новѣйшіе астрономы; они открывали сначала постепенно законы, которые навели уже ихъ на полную систему міра. Не пришло ли же имъ она во свѣтъ! До насъ дошелъ только одинъ конечный результатъ; всѣ же отдѣльныя наблюденія утратились, — а этому виною изустное, разговорное преподаваніе.

У насъ, въ Петербургѣ, существуетъ обыкновеніе зимою читать публичныя лекціи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Публичныя чтенія г-на Зеленаго постоянно привлекаютъ огромное число слушателей, которое съ каждой лекціей увеличивается. И причина этого очень-понятна. Здѣсь посѣтители услышали въ первый разъ науку интересную, которая излагается живымъ человѣческимъ языкомъ. Г. Зеленыи имѣетъ способность выражаться очень-понятно, и этому доказательство его три лекціи. Желательно было бы, однакожъ, чтобъ онъ не такъ увлекался; иногда онъ имѣетъ обыкновеніе говорить высокимъ, кайдановскимъ слогомъ; а это, право, очень-утомительно и часто затемняетъ смыслъ.

На-примѣръ, возьмите начало первой лекціи. (стр. I):

«Непроницаемый мракъ скрываетъ отъ насъ колыбель всѣхъ наукъ, такъ и первая начала астрономіи теряются въ неизвѣстности.

«Въ тотъ блаженный вѣкъ, когда кочующіе обитатели лучшей страны свѣта, благословенной Азіи, подъ небомъ всегда яснымъ и чистымъ, проводили беззаботную жизнь въ наслажденіи прекрасною природою, которая воздѣ съ изобиліемъ представляла имъ покой и пищу; въ тотъ юношескій вѣкъ міра, когда ничто не препятствовало взору устремляться на звѣздное небо, и бодрый силы духа, при благотворномъ вліаніи прекраснаго климата, возбуждали душу къ размышленію; уже въ то время изъ хаоса младенствующихъ понятій возникла — астрономія. Досугъ и лаское небо дали ей бытіе; но только высшее просвѣщеніе, подкрѣпленное искусномъ

руках образованнаго художника, могло возвысить ее до науки, и, можетъ быть, цѣлыя столѣтія созерцанія тверди небесной были только предметомъ простодушнаго удивленія необразованныхъ дѣтей природы.

Иной заключить, изъ этого безконечнаго періода о юношескихъ вѣкахъ міра, что гѣитли-Халдеи, отъ нѣчего дѣлать, смотрѣли на небо да и сочинили астрономію. Такъ же начиналась и одна точная наука. Да и гдѣ эта прекрасная природа въ Аравіи, по которой кочевали знаменитые Халдеи? Аравія—одна безконечная степь и нигдѣ по ней мелькаютъ оазисы, единственные обитаемые пріюты. Какъ мореходцы, Халдеи руководствовались звѣздами въ путешествіяхъ своихъ отъ одного оазиса къ другому по несчастнымъ степямъ,—и вотъ истинное начало астрономіи. Источникомъ ея, слѣдственно — необходимость, нужда, не досугъ и глѣньность, какъ утверждаетъ г. Зеленый. И это очень вѣроятно, гѣмъ болѣе, что тогда, и по своему происхожденію, астрономіи подоидеть подъ одну категорию съ другими точными науками.

Мы говорили до-сихъ-поръ о способѣ чтенія г. Зеленаго и ни слова не сказали о достоинствѣ самихъ лекцій. Мы ничего пока и не скажемъ, во-первыхъ, потому, что по тремъ лекціямъ невозможно судить о цѣломъ курсѣ; во-вторыхъ, курсъ г. Зеленаго популярный, и отъ него нельзя требовать такъ много, какъ отъ большаго ученаго трактата. Главныя достоинства его должны быть общепонятность и вѣрность фактовъ, и этимъ двумъ требованіямъ удовлетворить курсъ г. Зеленаго. Что онъ общепонятенъ, за то вамъ поручается эти три лекціи и возрастающее число слушателей. А вѣрность фактовъ? На это нужно глубокія свѣдѣнія: можетъ ли не имѣть ихъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ знаменитаго Струве?

24) Практическій Хизлеводъ. Составленъ изъ лучшихъ писателей Египетомъ Савриновымъ. Санктпетербургъ.

Въ тип. Н. Глазунова и Кома. 1845. Въ 12-ю д. л. 48 стр.

Хизль, можетъ быть, одно изъ самыхъ полезныхъ огородныхъ растений. Шпинки его, т. е. жемскіе цвѣты (хизль растение дву-дольное), идутъ на приправу пива: именно они сообщаютъ пиву а роматъ горечь, и это главное повсемѣстное употребленіе хизля. Въ этомъ отношеніи, онъ замѣнилъ теперь и водяной трилистникъ, и анисъ, и горечавку.

Медицина употребляетъ хизль, какъ средство тоническое и чистительное; онъ входитъ въ составъ многихъ медикаментовъ. Крестьяне за-границею ѣдятъ молодые побѣги хизля вмѣсто сваржи; листья его доставляютъ очень-хорошумъ пиву для домашняго скота. Въ Швеціи и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, изъ его волокистаго стебля добываютъ грубую пряжу, изъ которой ткутъ грубыя полотна и вяжутъ веревки.

Эта многосторонняя полезность хизля издавна обращала вниманіе сельскихъ хозяевъ, и правительство постоянно поощряло разведеніе этого растения. Еще въ 1604 году, герцогъ Іоаннъ-Бургундскій, графъ фландрскій, учредилъ ежегодную раздачу золотыхъ медалей сельскимъ хозяевамъ за успѣшное воздѣлываніе хизля. Въ 1767 году, архіепископъ бамбергскій и верцбургскій начелатаъ на свой счетъ и раздавалъ безденежно подробное наставленіе, какъ воздѣлывать хизль. Въ 1770 году, въ старыхъ владѣніяхъ Пруссіи и въ Мариграфствѣ Бранденбургскомъ, былъ изданъ особый циркуляръ, въ которомъ предписывалось всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ стараться распространить воздѣлываніе хизля. Въ Герцогствѣ Эрфуртскомъ, нарочно на этотъ конецъ устроены были въ то же время обращенныя хизльницы, въ науку земледѣльцамъ, которые захотятъ заняться этою отраслю огородной промышленности. Во многихъ княжествахъ германскихъ, сельскіе хозяева, воздѣлывающіе исключительно одинъ хизль, получавше-

ся въ-продолженіе десяти лѣтъ отъ всѣхъ земскихъ повинностей.

Вино — веселіе Руси, говаривалъ Святославъ; а Либихъ доказалъ, что вино ей полезно, даже необходимо по климату. Пиво, брага — напитки обыкновенные даже по всѣмъ деревнямъ Россіи. Хмѣль у насъ разводился вездѣ въ огородахъ, безъ всякихъ ученыхъ правилъ, какъ и другія огородныя растенія, по одному преданію, которое переходило и переходитъ изъ рода въ родъ.

Г. Смирновъ написалъ учное сочиненіе о разведеніи хмѣля: «Практическій Хмѣлеводъ». Онъ составилъ, какъ признаётся самъ въ заглавіи, свою монографію изъ лучшихъ писателей, изъ которыхъ, однакъжъ, не поименовалъ ни одного; слѣдственно, это сочиненіе — простая компиляція и притомъ далеко-ненескусно составленная. Мы посоветовали бы лучше г. Смирнову перевести какую-нибудь иностранную компиляцію: иностранцы какъ-то охотнѣе въ дѣлѣ сшиванія новаго платья изъ старыхъ чужихъ лоскутьевъ. Не говоримъ уже о книгахъ классическихкихъ, какъ, на-примѣръ, сочиненія Сигизмунда Кальба о пивовареніи и разведеніи хмѣля: это была бы роскошь; иѣтъ, съ насъ довольно пона и статейки изъ «Maison Rustique» или изъ другой какой-нибудь земледѣческой энциклопедіи. Право, лучше и полезнѣе переводить сочиненія этого рода, когда не стаётъ умѣнья сочинять или составлять самому. А то, на-примѣръ, по ботаническому описанію хмѣля, которое г. Смирновъ самъ сочинилъ или составилъ, вы не отличите этого обыкновеннаго растенія, если вы только его не выдали сами, отъ сродной ему крапивы.

25) Аналитическая Геометрія. Ученическія руководства для военно-учебныхъ заведеній. Курсъ чистой математики, составленный А. Я. Кушакевичемъ и А. С. Киндеревымъ. Часть пятая. Санктпетербургъ. Въ тип.

Военно-Учебныхъ Заведеній. 1843. Въ 8-ю д. л. 203 стр.

Вотъ тоже составленная книга; но здѣсь видно опытнаго мастера, искуснаго компилятора. Компиляторъ здѣсь не рвалъ на клочки чужіе курсы, которые были прежде его написаны; не сшивалъ ихъ на-выдержку, на-удачу. Напротивъ, гг. А. Я. Кушакевичъ и А. С. Киндерева дѣйствовали оба по одной свѣтлой идеѣ, руководились однимъ хорошио-составленнымъ планомъ, разумно пользуясь всѣмъ, что только есть лучшаго въ западной математической литературѣ. Отъ-этого, «Аналитическая Геометрія», изданная для военно-учебныхъ заведеній, носитъ на себѣ всѣ признаки оригинальности, и скромные составители могли бы смѣло назвать себя въ заглавіи авторами, а не составителями.

«Аналитическая Геометрія» составляетъ пятую часть «Курса чистой математики», написаннаго для военно-учебныхъ заведеній. Военно-учебныя заведенія, пока, главные и единственныя мѣста образованія дворянскаго сословія. Статистическія данныя показываютъ, что большая часть теперешнихъ помѣщиковъ-дворянъ отставные военные. Здѣсь, слѣдственно, въ этихъ заведеніяхъ — корень, начало цивилизаціи цѣлаго, многолюднаго класса.

Пріятно было бы, еслибъ по всѣмъ отраслямъ знаній, которыя только входятъ въ составъ преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, были написаны курсы, подобныя «Курсу Чистой Математики». Нетрудно составить хорошій дѣльный курсъ; нужно только имѣть свѣтлую, точную идею о наукѣ, которую излагаешь, и знать ее во всѣхъ тонкостяхъ. Русскіе компиляторы могутъ ограничиться одною свѣтлою идеею. Подробности, тонкости — имъ доставить иностранныя сочиненія, общія и спеціальныя. Западъ долго еще останется для насъ сокровищницею драгоценныхъ знаній...

26) АЛГЕБРА, сочиненіе Бурдона. 1845. Двѣ части. Въ тип. Э. Праца. Въ 16-ю д. л. 528 стр.
Переводъ съ восьмитаго французскаго изданія. Второе изданіе, исправленное Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Глазунова и Кома. 1844. Въ 8-ю д. л. 307 стр.

Книга очень хорошая, извѣстная, вѣроятно, всѣмъ учащимся и учащимъ еще по первому изданію. Это второе исправленное изданіе немногихъ чѣмъ разнится отъ перваго.

27) О Датскихъ Приютахъ въ Москвѣ. Москва. Въ университет. тип. 1843. Въ 8-ю д. л. 36 стр.

Подробное извѣстіе о состояніи, устройствѣ и распространеніи этихъ благотворительныхъ заведеній въ Москвѣ. Брошюрка украшена двумя прекрасными рѣчами духовнаго содержанія, произнесенными при открытіи первыхъ двухъ школъ, извѣстныхъ въ Москвѣ подъ именемъ Александринскаго и Николаевскаго Дѣтскихъ Приютовъ.

28) Игры для Всѣхъ Возрастовъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Военно-Учебныхъ Заведеній. 1844. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I—156, во II—198 стр.

Очень-подробное и хорошо-составленное описание игръ для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Въ первой части помѣщены игры на открытомъ воздухѣ; во второй игры въ комнатахъ; въ той и другой есть нѣсколько игоръ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Все это представлено въ лицахъ очень-хорошо нацѣтographedованными картинками, взглянувъ на которые дѣти тотчасъ поймутъ въ чемъ дѣло и переймутъ игру, объясненную, сверхъ-того, весьма-подробно въ текстѣ. Всѣхъ игоръ—до 300. Совѣтуемъ родителямъ и воспитателямъ, равно какъ и начальствамъ учебныхъ заведеній записаться этою прекрасною книжкою: они доставятъ дѣтямъ истинное удовольствіе.

29) Уроки для Дѣтей, сочиненіе 1-го Барбольдъ, переведенное и передланное (?) съ англійскаго Ек. Браминю, въ 12-ю картинками. Санктпетербургъ.

Вотъ нѣсколько страницъ изъ этихъ переведенныхъ и передланыхъ. Урокъ для Дѣтей:

Часть I, стр. 91 и 92:

Жена твоего папеньки — тебѣ мать.

Мужъ твоей маменьки — тебѣ отецъ.

Отецъ твоего отца — тебѣ дѣдъ.

Мать твоего отца — тебѣ бабушка.

Отецъ и мать твоей матери — также тебѣ дѣдъ и бабушка.

Братъ твоего отца — тебѣ дядя.

Сестра твоего отца — тебѣ тетка.

Братъ и сестра твоей матери — также тебѣ дядя и тетка, и т. д.

Часть II, стр. 68 и 69:

Вчера — прошедшее; сегодня — настоящее; завтра — будущее.

Когда завтра придетъ, сегодня сдѣлается вчера.

Я этого не понимаю.

Какой сегодня день?

Понедѣльникъ.

А завтра?

Вторникъ.

И такъ во вторникъ, понедѣльникъ ужъ будетъ вчера. Я знаю, на это загадку; разгадай; вотъ она: что было завтра и будетъ вчера?

Сегодня.

Какъ эти уроки должны быть помѣщены и полезны для дѣтей!

30) Рѣчи, говоренныя на торжественномъ актѣ Московскои Практической Академіи, воспитанниками оной. Октября для 1843 года. Москва. Въ тип. В. Кирилова. 1843. Въ 4-ю д. л. 78 стр.

Рѣчи написанныя на четырехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Вотъ предметы рѣчей: русскои — объ исторіи в духѣ русскои вышней торговли; французскои — sur la technologie en général, ses divisions et ses progrès; нѣмецкои — Ueber den Einfluss der Chemie auf Künste, Gewerbe und Manufacturen; англійскои — Physics and the dessinations about them. Въ первой рѣчи раскрывается слѣдующее положеніе: «Русская вышняя торговля

• всегда состояла въ закупаніи русскихъ товаровъ по приказамъ купцовъ иностранныхъ и даже чрезъ посредство иностранныхъ конторъ; • слѣд. система пассивная составляетъ главный характеръ нашей заграничной торговли. • (Стр. 17).

31) Награда за Прилежаніе и Честность, волшебная сказка для дѣтей. Съ 8 картинками. Переводъ съ немецкаго. Москва. Въ тип. Степанова. Въ издательскую долю листа. 82 стр.

Госпожа Гертруда съ двумя дочерьми жила въ Госларѣ, честнымъ образомъ пропитывая себя женскими рукодѣльями. Но когда язва опустошила городъ, госпожа Гертруда съ двумя дочерьми отправилась искать себѣ новаго пристанища. Заблудившись въ лѣсу, попалъ онѣ къ угольщику и поступили въ услуженіе къ жевѣ его, госпожѣ Кунигундѣ. Госпожа Кунигунда была женщина злая и обременяла работою госпожу Гертруду и двухъ дочерей ея. Но не смотря на то, госпожа Гертруда съ двумя дочерьми всегда исполняла заданный урокъ, ибо ей вспоминалось три маленькіе чело-вѣчка съ длинными сѣдыми бородами, которые додѣлывали ночью то, чего госпожа Гертруда не успѣвала сдѣлать во время дня. Госпожа Кунигунда не переставала злобствовать на госпожу Гертруду и двухъ дочерей ея, но за то не разъ была наказана благодѣтельными картинками. Черезъ нѣсколько времени, госпожа Гертруда опять переселилась въ Госларъ. Добродѣтельный угольщикъ между-тѣмъ овдовѣлъ: это значитъ, злая госпожа Кунигунда наконецъ умерла. Тогда господинъ угольщикъ также перешелъ жить въ Госларъ, женился тамъ на одной изъ двухъ дочерей госпожи Гертруды и скоро сдѣлался бургомистромъ. Другая дочь госпожи Гертруды также вышла за чело-вѣка очень-богатаго и добродѣтельнаго, во имени Гильдестеймера, и всѣ они начали жить въ совершенномъ довольствѣ и счастьи. Сказка, очевидно, сочинена для немецкихъ дѣтей; не зна-
Т. XXXII. — Стл. VI.

емъ, какъ понравится она дѣтямъ русскимъ. Впрочемъ, изображенія госпожъ Гертруды и Кунигунды можно видѣть почти на всѣхъ картинкахъ, приложенныхъ къ книжкѣ.

32) Краткая Всобщая Географія, Константина Арсеньева. Осьмнадцатое изданіе, вновь исправленное. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 284 стр.

• Краткая Всобщая Географія г. Арсеньева, принадлежитъ къ числу лучшихъ учебниковъ на русскомъ языкѣ. Ея содержаніе вполне соответствующе заглавію, и она даетъ все, что обѣщаетъ и чего вправѣ отъ нея требовать учащійся.

33) Краткая Географія для Дѣтей, изданная по руководству и на статскую советника и кавалера И. А. Гейма. Двѣнадцатое изданіе. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ. 1845. Въ 12-ю д. л. 159 стр.

Вотъ въ этой • Географіи • уважительна по-крайней-мѣрѣ скромность этой неумирающей географіи, которая не беретъ на себя ничего богаго, какъ только быть географіею для дѣтей. Впрочемъ, она слыхала и о новѣйшихъ политическихъ перемянахъ, и особенно много знаетъ о кожевенныхъ заводахъ, которые не забываетъ показывать чуть не при всякомъ городѣ, не только въ Россіи, но и въ иныхъ странахъ Европы.

34) Новая Энциклопедическая Русская Азбука и Общеполезная Датская Книга Чтенія. Составилъ по иностраннымъ образцамъ, съ приложениемъ къ отечественному воспитанію, Викторъ Бурьяновъ. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Санктпетербургъ. 1845. Въ 16-ю д. л. 338 стр.

Не смотря на широкое и много-объ-щающее заглавіе • Новой Энциклопедической Русской Азбуки • г. Бурьянова, новое ея изданіе полезно и хоро-

ше равнѣ только, какъ доказательство той, къ-сожалѣнію, старой истины, что у насъ до-сихъ-поръ нѣтъ ни одной порядочной русской азбуки.

35) Введеніе въ Грамматику Русскаго Языка. Тетрадь I. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 48 стр.

Сочинитель «Введенія въ Грамматику Русскаго Языка» налагаетъ точно, кратко и дѣльно общія понятія, необходимые при изученіи грамматики. Это собраніе свѣдѣній, заимствованныхъ изъ тѣхъ наукъ (онтологіи, психологіи, логики), которыхъ предметъ родственъ съ предметомъ грамматики, относясь къ нему, какъ родъ къ виду, какъ цѣлое къ части. Авторъ строго держится систематическаго метода въ изложеніи, и неกล้า не отдать ему полной справедливости за тщательность, съ которой онъ каждый послѣдующій параграфъ выводитъ изъ предыдущаго, за умѣнье въ немногихъ словахъ выразить нужное, за плотную связь между его теоремами—умѣнье во всякому извѣстное, потому-что оно дается только знаніемъ предмета и добросовѣстнымъ трудомъ. Предметъ грамматическій собственно начинается съ 76 параграфа. Разрѣшивъ вопросы: какъ предметы переходятъ въ слова, что называется рѣченіемъ и рѣчью, формами языка и языкомъ, авторъ выводитъ опредѣленіе и раздѣленіе грамматикъ, содержаніе частей ея различіе между общей и частной грамматикой.

И такъ, за содержаніе «Тетради» надобно благодарить автора. Но въ преподаваніи, однихъ матеріаловъ, какъ бы ни были они достойны, мало: нуженъ способъ объясненія, путь ученія, выбранный учителемъ. Любопытно было бы знать (авторъ ничего не говоритъ объ этомъ), какъ общія понятія передастъ они ученикамъ. Не-уже-ли такъ, какъ они слѣдуютъ одна за другими въ его мысли? Въ такомъ случаѣ, употребленіе его метода и его собственнаго опытно-стиго, что онъ не достигнетъ своей цѣли. Какъ достигнетъ ее гдѣ-нибудь?

Для дѣтей необходимо анализъ: они любятъ прежде критеры, а потомъ правила, прежде—частное, а потомъ общее. Хотя авторъ и вѣруетъ въ общую понятливость человѣческаго рода, опираясь на слова Квинтиліана: «птицы рождаются для летанія, кони для бѣганья, дикіе звѣри для ярости—такъ намъ свойственны дѣятельность ума и смѣлость», но тутъ есть значительное различіе: птицы безъ ученыхъ летаютъ, кони безъ ученыхъ бѣгаютъ, дикіе звѣри безъ ученыхъ яростны, а въ людской породѣ безъ ученыхъ не бываетъ ученыхъ. Не учитъ человѣкъ грамматику,—онъ не узнаетъ грамматики. Наберите путь неостаточный въ преподаваніи науки,—онъ тоже не узнаетъ науки. Развѣ намъ, во время это, не толковали правилъ этимологіи и синтаксиса: что жъ мы вынесли изъ школы? Право, еслибъ не лоскъ, какъ стыдно было бы показаться съ нашими предѣ!

Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Авторъ переводитъ «Лексиконъ» не только «Словаремъ», но и «Рѣчникомъ». Видно, мало духъ словъ для означенія всѣмъ-извѣстнаго предмета: понадобилось третье, безъ котораго русскій языкъ нашъ былъ недовольно-богатъ. Почему жъ, спросимъ мы, авторъ не пустилъ въ ходъ четвертаго «Словника»? Наконецъ, это и неправильно: «Рѣчникъ» происходитъ отъ слова «рѣчь», образуемаго изъ реченій (стр. 46); а въ лексиконахъ объясняются только реченія. Авторъ извинитъ насъ, что мы писали *речь*, а не *речь*: въ такой перемѣнѣ мы не нашли ничего ведущаго къ спасенію души отъ заблужденія.

36) Астронемическая Шѣра и Негерное-Географическая Шѣра Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 32-ю д. л. 45 стр.

Нѣсколько вопросовъ, на которыхъ дѣти должны приносить отвѣты, да гадать-ся — отъ-чего то, отъ-чего то. Малодѣль думаетъ, что талантъ обрѣченъ, играючи, дѣти приобрѣтутъ свѣдѣнія и въ разговорѣ, и въ сообра-

фид, и въ исторіи. Нѣтъ, этого быть не можетъ.

37) Дѣтская Настольная Книга, въ которой заключаются повѣсти, разговоры, басни, надписи къ государямъ и великимъ мужамъ, лирическія стихотворенія, дѣтской прологъ, анекдоты, вопросы, шарады, и проч., выписки изъ русской исторіи, двѣнадцать праздниковъ православныя церкви, чудеса святыхъ, и проч. и проч. и проч. Изданіе второе безъ перемѣнъ. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1843. Въ 8-ю д. л. 255 стр.

Пробѣжавъ эту пресловутую книжку, мы увидѣли, что людей, по мнѣнію ихъ, можно раздѣлить на три разряда: одни убѣждены, что прежде все было лучше: и воды свѣтлѣе, и рощи тѣнистѣе, и земля плодороднѣе, и солнце теплѣе: изъ числа ихъ первый есть авторъ «Дѣтской Настольной Книги». Другіе думаютъ, т. е. пользу находятъ думать, что дѣти не должны быть умнѣе отцовъ: иначе, кто сталъ бы читать сочиненія этихъ господъ — умныя для отцовъ и дошлыя для дѣтей; таковы, напр., нѣкоторые нравственно-сатирическіе сочинители. Третьи увѣрены, что въ мірѣ все совершенствуется, и что люди не стоячая, мутная вода, въ которой хорошо ловить рыбу непризванными ловцами...

Разудѣтся, всѣ благоразумные люди принадлежать къ третьей партіи, но не объ нихъ здѣсь рѣчь. Немного встрѣтите такихъ, которые скажутъ: гдѣ дѣтямъ быть умнѣе отцовъ? Это скажутъ спекулянты, которыхъ слава и счастье основались при отцахъ, когда-то умныхъ и ученыхъ, и рушились при дѣтяхъ, умныхъ и ученыхъ теперь. Но всего рѣже и тѣмъ драгоцѣннѣе люди, добрые автору «Дѣтской Настольной Книги»: для него не только отцы, но и дѣды и праотцы несравненно были лучше настоящаго поколѣнія, такъ-что тѣмъ древнѣе воздѣмъ, тѣмъ выйдетъ время благословеннѣе. За то ужъ какаѣ и ста-

рина въ его книжкѣ, что не въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Мудрость китайская, церемоніи тоже какъ въ Китаѣ, гдѣ нельзя сходить въ баню, не спросившись съ банными уставомъ.

Знаете ли, для чего Богъ совадалъ два уха и одинъ языкъ?.. Г. Колосову, автору «Дѣтской Настольной Книги», это извѣстно: для того, чтобъ дѣти меньше говорили, а больше слушали. Поэтому, у много-слушавшихъ людей уши, отъ сильнаго напряженія, становятся подъ-старость очень-длинными. Спросимъ и мы почтеннаго автора: для чего у насъ двѣ руки и одинъ носъ? Извольте-ка отвѣчать! Что жъ касается до одной головы и тридцати-двухъ зубовъ — это извѣстно для чего: чтобъ человекъ какъ-можно-больше жевалъ и какъ-можно-меньше думалъ.

Стихи «Настольной Книги» тоже прелестны, какъ и все прошлое. Вотъ образчикъ:

Берѣзъ здѣсь Мадритъ,
Мальта, Крымъ, Критъ;
Здѣсь Инсабонъ.
Кипръ, Вавилонъ,
Славный здѣсь Римъ,
Ерусалимъ;
Здѣсь Парижъ, Прага,
Офенъ и Гага;
Здѣсь Мецполь,
Константинполь, и пр. и пр.

Положеніе странъ свѣта тоже хорошо обозначено:

Священникъ на Востокъ, на Югъ
Астрономъ зрять,
Географъ къ Сѣверу, и къ Западу —
Шить.

Не дурно также стихотвореньице «Двѣнадцать Мѣсяцовъ»:

По тридцати дней въ Ноябрь,
Апрѣль, Юнѣ, Сентябрь,
Въ Февралѣ съ восьмью двадцать,
А въ прочихъ со днемъ тридцать.

Врагъ всего новаго и гуманнаго, г. Колосовъ особенно нападаетъ — не на Наполеона или Гегеля, а на очей, эти стеклянныя оправленныя металлическимъ ободочкомъ. Онъ въ озлобленіи восклицаетъ: Жадіе, подражающіе

• моды! Попадись она въ ногти Мегеръ — она их! Говорятъ, какой-то проказникъ поставилъ свою лошадь • когда-то у Тверскаго бульвара въ очкахъ съ подпилью: 15 лѣтъ и уже въ очкахъ! А назадъ тому лѣтъ пять какой-то балагуръ ѣхалъ верхомъ на лошади, у которой были также очки! — Показавъ вредное слѣдствіе ношенія очковъ для хорошо-видящихъ, г. Колосовъ ласково прибавляетъ: «Надѣюсь, что юные мои читатели не согласятся подражать тускло-блестящей модѣ — заѣзживать свои свѣтлые глазки стеклышками.» Вся книга рѣшительно состоитъ изъ подобныхъ разсужденій, стиховъ и мнѣній.

38) *Руководство въ Умственныхъ Вычисленіяхъ или теорія задачъ, которыя должны быть разрѣшаемы въ умъ безъ помощи пера, составленное Ж. Б. Леруа. Передѣлалъ съ французскаго Александръ Шубяковъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1843. Въ 12-ю д. л. 368 стр.*

Полезное руководство, имѣющее цѣлю облегченіе рѣшенія разныхъ задачъ, которыя могутъ встрѣтиться человѣку въ жизни. Надо было рѣшить дѣтей обходиться безъ пера и грифеля, чтобъ сменить какой-нибудь результатъ. Притомъ привычка къ однимъ и тѣмъ же приемамъ въ рѣшеніи стѣсняетъ насъ; пусть на одну задачу нѣсколько разныхъ соображеній: это развиваетъ мыслящую способность. Заменить кстати сложеніе умноженіемъ, вычитаніе дѣленіемъ, или наоборотъ, обойдтись безъ тройнаго правила, если есть случай, — вотъ что нужно иногда при счетахъ и разчетахъ. Леруа собралъ множество примѣровъ и рѣшаетъ ихъ умственно разными облегченными средствами. Такой сборникъ полезенъ.

39) *Санктпетербургскій Адресъ-Календарь Жителей, составленъ по официальнымъ документамъ и сдѣланъ К. Н. Тымъ стору(о)мъ. Указатель*

Санктпетербурга. Въ тип. К. Жерикова. 1843. Въ 12-ю д. л. 12 стр.

Мы, право, не знаемъ, что сказать объ этомъ второмъ томѣ съ двѣнадцати страничекъ, въ 12-ю долю листа. Положимъ третьяго.

40) *О Работаніи Шалей на подобіе дорогихъ съ указаніемъ практическимъ упрощеннымъ и новымъ, сочиненіе Федора Державина. Москва. Въ тип. А. Семена. 1843. Въ 12-ю д. л. 10 стр.*

Описание работанія шалей такъ же безграмотно, какъ и самый титулъ брошюры. Мы прочли брошюру, и ничего въ ней не поняли. Можетъ быть, шали дѣйствительно выйдутъ на подобіе дорогихъ, но мы не смѣемъ за это ручаться, потому-что не поняли описанія, а не поняли потому-что оно безграмотно. Сказываютъ впрочемъ, что работники шалей, сидящіе за станками, очень-хорошо уразумѣваютъ слогъ г. Федора Державина, и что даже другаго слога и разумѣть не могутъ.

41) *О Волосахъ, философическое и практическое сочиненіе, съ подробнымъ изложеніемъ удивительныхъ лекарственныхъ силъ макассарскаго масла. Соч. Руланда-сына. Перевелъ съ франц. Н...ръ В...овъ. Изданіе второе. Москва. Въ университетской тип. 1843. Въ 12-ю д. л. 24 стр.*

Намъ кажется, это удивительное сочиненіе болѣе практическое, нежели философическое. Да и самый переводъ вѣроятно тоже сдѣланъ для практики, хотя переводчикъ и утверждаетъ, что онъ принесъ «эту лепту» на алтарь отечества собственнo изъ желанія — быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ. Впрочемъ, сочиненіе дѣйствительно начинается взорваніемъ философическимъ. «Во всѣхъ возрастахъ и у всѣхъ народовъ» разсуждаетъ авторъ: «волосы почитались и доселѣ почитаются (и будутъ почитаться — прибавимъ мы) лучшимъ украшеніемъ человеческого рода, составляютъ необходимую предмѣтъ (?) его наружной

ражныхъ водъ не годятся для леченія, потому что они препятствуютъ свободному отправленію сосудовъ, ослабляютъ кожу и все тѣло; холодныя ванны морскія, или изъ простой воды, висушаютъ кожу, уменьшаютъ въ тѣлѣ чувствительность, и организмъ отъ такихъ ваннъ скорѣе достигаетъ старости (?), стр. 20); леченіе аллопатически, или внутренними средствами, дѣйствуетъ мѣтло на желудокъ, сильно его разстраиваетъ, и отъ такого леченія очень часто происходитъ новыя сильнѣйшія болѣзни; леченіе болѣзней гомеопатическое лучше, нежели аллопатическое, но еще нужно подождать, по мнѣнію автора, дальнѣйшихъ результатовъ отъ наблюденій. — Самое же лучшее средство для исцѣленія болѣзней человѣка, по мнѣнію г. Франчески, составляютъ врачевныя паровыя ванны. Эти ванны отстраняютъ всѣ упомянутыя невыгоды: онѣ удаляютъ испорченныя влаги изъ нашего тѣла; усиливаютъ всасываніе, транспирацію; поддерживаютъ мягкость и вѣжностъ кожи; слѣдственно, это истинная панацея, которою лечатся почти всѣ болѣзни; да этого мало: хотятъ всегда быть молодыми, или изъ старика съ морщинами сдѣлаться опять молодымъ — берите паровыя ванны у господина Франчески: «alors les rides, ou les signes d'une décrépitude repoussant ne viendrait plus affliger le regard, et la vieillesse même aurait encore sa beauté» (стр. 12).

Вотъ до чего, благодаря стараніямъ господина Франчески, дошла наконецъ медицина! Можно ли писать съ большимъ легкомысліемъ! Конечно, мы не споримъ, что господину Франчески необходимо было зазвать къ себѣ въ заведеніе побольше пациентовъ, нужно показать, какъ онъ лечитъ болѣзни своими паровыми ваннами, и такъ-какъ простое исчисленіе болѣзней, излечиваемыхъ въ его заведеніи паровыхъ ваннъ показалось ему вѣроятно слишкомъ похожимъ на объявленія тѣхъ продавцовъ, которые стараются сбыть разные средства отъ зубной или головной боли, отъ простуды, отъ ревма-

тизма или кашля и проч.;—то г. Франчески надалъ брошюру въ 30 страницъ подъ благовиднымъ заглавіемъ: *Aperçu des divers genres de médications et des bains de vapeur* — и предѣлалъ къ ней приличное посвященіе.

2) *SOIN DES ENFANS ou jeux, pour exercer les enfans dans les langues française, russe et allemande.* — Датскія Вечера, или Игры для упражненія дѣтей въ языкахъ французскомъ, русскомъ и немецкомъ. AVEND UNTERHALUNGEN FÜR KINDER oder Spiele zur Uebung in der französischen, russischen und deutschen Sprache. Санктпетербургъ. Въ тит. деп. Вилькинскъ Торговецъ! 1843. Въ 16-ю д. л. 288 стр.

Составитель книжки обѣщаетъ издать пять такихъ вечеровъ; теперь вышелъ первый вечеръ, заключающій въ себѣ шесть игоръ, на французскомъ, русскомъ и немецкомъ языкахъ. Цѣлью этого изданія, говоритъ книжка, было желаніе облегчить дѣтямъ сатвержаніе употребительнѣйшихъ въ разговорѣ словъ, назвѣстивѣйшихъ историческихъ, географическихъ и мнѣологическихъ именъ, и проч. И такъ, *объ играхъ дѣти должны будутъ учиться, т. е. они не будутъ ни играть, ни учиться.* Мы думаемъ, что это превратное помятіе объ облегченіи дѣтямъ употребленія разговорныхъ на иностранныхъ языкахъ. Въ концѣ приложена краткій перечень извѣстнѣйшихъ живописцевъ, съ тѣми наприимѣръ объясненіями:

«Клеоанъ Коронинникъ (т. е. Коринтинъ) и Аялоподаръ Демиликникъ.»

«Клеоанъ изобрѣлъ ту часть искусства, которая называется тѣмсаѣтомъ или стѣпеніемъ (?), чтобы представлять предметы вышуклыми.»

А объ Аялоподорѣ ничего не сказано, тогда какъ во французскомъ текстѣ слѣдуетъ: «et Appoloote la (т. е. la partie de l'art) perfectissima dans la suite.»

3) *DIE HAUSWELLE der deutschen Familien in Sanktpetersburg; eine physiologische Vorlesung* (ДОМАШНІЕ ВАННЫ

нѣмецкихъ фамилій въ Санктпетербургѣ. Физиологическая лекція). Санктпетербургъ, въ тип. Края. 1845. Въ 16-ю д. л., 61 стр.

Нѣкто, называющій себя почитателемъ нѣмецкихъ зоологовъ, посвящая нмъ эту физиологическую лекцію, доказываетъ въ ней на 61 страницѣ, что на балахъ петербургскихъ Нѣмцевъ бы-

ваетъ скучно. Онъ думаетъ, что эта скука исчезнетъ, когда пожилой, холодный французскій кадриль замѣнится живыми менуэтомъ. На каждой страницѣ этой замѣчательной физиологической лекціи не менѣе трехъ, самыхъ одобынкъ, нѣмецкихъ остроумствъ. Авторъ очевидно вѣтитъ въ юмористы à la Жанъ-Поль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ НВѢСТІЯ.

Сегодня, 1 января, вышелъ и раздается первый № Литературной Газеты, съ которою, какъ уже вѣтъ на вѣсто, несглаголово совершенное преобразование. Пригласивъ себя въ издателя извѣстнаго своему аккуратностию и добросовѣстностию, санктпетербургскаго книгопродавца А. М. Иванова, Литературная Газета твердо рѣшилась по мѣрѣ возможности соответствовать своему назначенію — передавать публикѣ своевременно все новое и любопытное въ мѣрѣ наукъ, искусства, литературы, промышленности, хозяйства и пр. Время покажетъ до какой степени осуществится одна эти предположенія, точное исполненіе которыхъ можетъ сдѣлать ее одною изъ интереснѣйшихъ газетъ въ Россіи. Вотъ содержаніе перваго номера: *Разсказы безъ начала и безъ конца*. Разсказъ первый: *Утро на Невскомъ-Проспектѣ*, фот. М. М. Цанова. Не говоря о самой главѣ, полной юмора и кито-трече-

ищущей современными интересомъ, политичежи при этой статьѣ — прекрасны: они рисованы г-мъ Агвинымъ, рѣзаны на деревѣ барономъ Клотомъ и г-ки Дерикеромъ. Въ отдѣлѣ наукъ и художествъ находится статья подъ названіемъ *Церковь Введенія во храмъ пресвятыя Богородицы, въ Санктпетербургѣ*, — статья, въ которой авратѣ обзорѣается архитектурная дѣятельность одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ архитекторовъ, К. А. Тона; — при этой статьѣ находится политичежъ изображающій оригинальную церковь Введенія. Въ отдѣлѣ Критики и Библиографіи помѣщаются: *Взглядъ на главнѣйшія явленія русской литературы въ 1845 году* (статья первая). Далѣе, *Итальянская Опера въ Петербургѣ*; и затѣмъ слѣдуетъ *Смѣсь*, смѣсь разнообразная, заключающая въ себя все, что въ настоящую минуту занимаетъ Петербургъ, и можетъ быть интересно для читателей живущихъ въ провинціи. Въ *Запк-*

какъ для Хозяевъ», отдѣльномъ листѣ, выходящемъ при каждомъ номерѣ «Лит. Газеты» находятся статьи: *Означеніе посредствами окончанія смерти*; — *Объ употребленіи каучука (резины эластички)*; — *Способе вѣтчать молодые воловь къ запряжкѣ*; — *курсы въ Парижской консерваторіи Искусствъ и Ремеселъ*; — *Первая лекція доктора Пубфа о кухонномъ дѣлѣ*, и пр. Этотъ номеръ заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ обѣщанныхъ трехъ листовъ, четверта листа большаго формата. Вышность изданія, чистота оттиска, достоинство бумаги, шрифтъ, — всего дѣлаетъ честь издателю, не жалѣющему издержекъ на улучшеніе «Газеты». Теперь въ редакціи находится уже до 70 совершенно-готовыхъ полишажей, рѣзанныхъ въ Петербургѣ и Парижѣ, не считая тѣхъ, которые еще дѣлаются и будутъ дѣлаться для статей, приготавлиаемыхъ для слѣдующихъ номеровъ «Газеты», — а статей наготовлено много.

Сочиненія князя В. О. Одоевскаго, которыхъ выходъ назначался въ концѣ ноября 1843 г., въ 2-хъ частяхъ, выйдутъ 20 января 1844 года. Авторъ прибавилъ еще нѣсколько новыхъ статей, и такимъ-образомъ составила третья часть, по причинѣ печатанія которой и произошло замедленіе. Цѣна для извѣсившихся желаніе имѣть эту книгу остается та же, не смотря на прибавку третьей части, то-есть 3 руб. сер. Живущіе въ Петербургѣ, которые изъявятъ желаніе имѣть «Сочиненія князя Одоевскаго» до 20 января 1844 года и оспода многогородные, кои подпишутся а эту книгу въ-теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня сего объявленія, также учають ихъ по 3 руб. сер.; по истеченіи же этихъ сроковъ, цѣна на «Сочиненіе князя Одоевскаго» возвысится

до 4-хъ руб. сер., а съ пересылкою до 5 руб. сер.

Сегодня же вышла первая книжка на 1844 годъ *Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ*. Въ ней содержатся слѣдующія статьи: 1) О способахъ добыванія воды въ стѣнныхъ мѣстахъ южной и юго-восточной части Европейской-Россіи. *А. Шмакова.* — 2) Нынѣшнее состояніе сельскаго хозяйства Малороссійскаго Края. *П. П. Лалма.* — 3) Выставки скота въ Одессѣ и Гольдингенѣ. 4) Стѣвдъ германскихъ сельскихъ хозяевъ и дѣсоводовъ въ Штутгардѣ, 1842. (ст. II) *К. Веселовскаго.* 5) О новомъ методѣ въ свеклосахарномъ производствѣ г. Арчбальда. *П. А.* 6) Библиографія: Государственная вышняя торговля въ разныхъ ея видахъ въ 1842 году (Статья I). 7) Смѣсь: Опыты посѣва разнаго рода растеній въ Тульской Губерніи. *Ф. Майера.* Забѣчанія о новомъ средствѣ тушенія пожаровъ, предложенномъ г. Зиберомъ. *А. Р.* — Полезное орудіе для пересадки садовыхъ растеній, *барона фонъ-Фелькерзама.* — Искусственная промывка шерсти по методѣ Прейса (опыты, произведенные въ Горьгорѣцкой Земледѣльческой Школѣ). Мѣры улучшенія коневодства въ Россіи. — Русскіе, образующіеся по сельскому и дѣсовому хозяйству въ Гогенгеймскомъ Институтѣ. — О катышкахъ, употребляемыхъ для сохраненія здоровья овецъ. — Опыты г. Рейнера надъ разными горючими матеріалами. — Урожай въ средней части Херсонской Губерніи въ 1843 году, *И. Гулака.* — Замиѣчательныя происшествія въ казенныхъ селеніяхъ. — Вишня. *А. Леопольдова.* Новый примѣръ гибельныхъ слѣдствій истребленія дѣсовъ. — Успѣхи разведенія дѣсовъ во Франціи. — Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на обыкновен-

ныя дороги и на каналы. — Новѣйшія усовершенствованія желѣзныхъ дорогъ — Свекловичный сахаръ въ Германіи и во Франціи. — Русскій шолкъ въ Марселіи. — Отпускъ произведеній земледѣлія, скотоводства и лѣсоводства изъ санктпетербургскаго порта въ 1843 году. — Цѣны на хлѣбъ во внутреннихъ городахъ Россіи. — Цѣны на произведенія сельскаго хозяйства въ портовыхъ городахъ Россіи. — Цѣны на русскія произведенія въ главныхъ австранныхъ портахъ.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СИЦИЛИЙСКАЯ ВЕЧЕРНЯ, АМАРИ.—Философія Исторіи, ФЕРРАРИ.—Исторія революцій, Имперія и Реставрація, БЮРРЕТА и ЛАДЕ.—Европейскіе Дипломаты, КАФОНГА.—Біографическіе Замѣчанія и Историческіе Записки, МВЬЕ.—Иллюстрированныя изданія.—Панорама Египта и Индіи.—Персія, Коста и Фландела.—Путешествія.—Новѣйшіе романы.

Борьба духовенства и иезуитовъ съ университетомъ составляетъ одинъ изъ современныхъ вопросовъ во Франціи. Безпрерывно являютя брошюры, цѣлыя книги, трактующія вопросъ объ общественномъ воспитаніи съ точки рѣнія партій; профессоры, вооружаясь историческими фактами, гремятъ противъ губительнаго вліянія иезуитовъ на общество. Важность этого вопроса затавила насъ поговорить о немъ поробнѣе въ другомъ отдѣлѣ нашего турнала и познакомить читателей, ежду прочимъ, съ трудами гг. Мишлэ и Кивэ, направленными противъ иезуитовъ. Здѣсь же упоминаемъ о емъ потому только, что хотимъ поговорить о произведеніи, составленномъ одъ вліяніемъ духа партій.

Въ одномъ парижскомъ книжномъ магазинѣ, продающемъ преимущественно Т. XXXII.—От д. VII.

ственно сочиненія духовнаго содержания, вышла книга: LES VÉRITES SICILIENNES, OU L'HISTOIRE DE L'ITALIE AU TREIZIÈME SIÈCLE, par MM. H. Posvien et J. Chantrel (*Сицилійская Вечерня или исторія Італіи въ тринадцатомъ столѣтіи*). Книга чисто-иезуитская, написанная въ духѣ папства. Въ ней утверждается, что папы были покровителями свободы итальянской, противниками всѣхъ притѣсненій; Сицилійцы, говоритъ она, по опыту должны знать, что папство было пріобрѣтцемъ народовъ угнетенныхъ. Не наше дѣло спорить съ составителями этой книги. Мы должны сказать только, что она — большею частью есть переводъ другаго сочиненія, написаннаго въ духѣ совершенно противномъ; опущено только то, что противорѣчило видамъ составителей, и замѣнено собственными

ихъ мнѣніями и сужденіями. Не разбирая книги гг. Поссьена и Шантреля, мы лучше поговоримъ о томъ сочиненіи, которое перевели они, хотя оно и не принадлежитъ собственно французской литературѣ.

Съ годъ тому назадъ, въ Палермо вышла весьма-замѣчательная исторія сицилійской вечерни, подъ заглавіемъ: «*Un Periodo delle Istorie siciliane de secolo XIII.*» (Одинъ періодъ изъ сицилійской исторіи XIII вѣка). Сочиненіе, одобренное сначала мѣстной цензурою, принято было въ Южной-Италіи съ такимъ живымъ участіемъ, что скоро возбудило подозрѣніе неаполитанской полиціи. Теперь, книга запрещена во владѣніяхъ сицилійскихъ; авторъ ея, Микель Амари, опасаясь непріятностей, удалился во Францію. Здѣсь напечаталъ онъ исправленное и умноженное изданіе своей книги, подъ названіемъ: «*La Guerra del Vespro siciliano.*» (Война Сицилійской Вечерни). Эта книга обратила на себя вниманіе всѣхъ европейскихъ ученыхъ и переведена уже на разные языки.

Амари даетъ новый характеръ, новую причину революціи, совершившейся въ Сициліи въ 1282 году. До сихъ поръ, господствовало мнѣніе, что сицилійская-вечерня была слѣдствіемъ заговора, душою котораго былъ Джіованни Прочида. Это преданіе принято и поетами и историками. Новѣйшая ученость не думала разобрать и отвергнуть этотъ странный романъ о врачѣ, который, переодѣвшись монахомъ, одинъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, составлялъ тайный заговоръ, въ которомъ участвовали греческій императоръ, папа, разные государи, все дворянство обширнаго острова, наконецъ, весь народъ,—заговоръ удивительный, долженствовавшій вспыхнуть въ одинъ и тотъ же часъ на всѣхъ пунктахъ королевства. Ничего подобнаго не было въ исторіи, и понятно простодушное удивленіе на этотъ счетъ честнаго Галлама въ его Исторіи Среднихъ Вѣковъ. Сисмонди искренно вѣритъ подвигамъ Прочида, и самъ докторъ Лео, которо-

му парадоксы не-по-чемъ, не осмѣливается въ своей Исторіи Италіи, противорѣчить общему мнѣнію. На это-то знаменитое лицо безстрашно нападаетъ Амари. Онъ доказываетъ, что Прочида никого не сводилъ съ престола, а самъ долженъ быть сведенъ съ того высокаго пьедестала, на который поставила его легковѣрная исторія. Тексты, приводимые авторомъ «*La Guerra del Vespro*» и критическіе выводы его вполне убѣдительны. Вторяемъ: по принятому преданію, кровавую революцію 1282 г. историки считаютъ слѣдствіемъ плана, давно-задуманнаго и приведеннаго въ исполненіе локкимъ и настойчивымъ врачомъ. По этой гипотезѣ, Петръ-Арагонскій, Михаилъ-Палеологъ, Николай III, сицилійскіе бароны, сицилійская нація, слѣпыя орудія мести или патріотизма Джіовани Прочида, составили съ нимъ заговоръ, цѣлью котораго было изгнать Французовъ, и результатомъ-восшествіе на престолъ Петра-Арагонскаго. Это писано и повторяемо было тысячу разъ. И все это преданіе рушится при внимательнѣйшемъ изслѣдованіи. Восстановленіе нивабской линии на престолѣ сицилійскомъ было событіемъ случайнымъ, а не цѣлью этого революціоннаго движенія,—движенія чисто-народнаго, имѣвшаго характеръ демократическій.

Справедливо, что императоръ Михаилъ-Палеологъ, опасаясь крестоваго похода со стороны Карла-Анжуйскаго, заключилъ союзный трактатъ съ Петромъ, королемъ арагонскимъ, который, какъ супругъ Констанціи, дочери Манфреда, не оставляя своихъ притязаній на корону неаполитанскую. Джіовани Прочида, неаполитанскій бѣглецъ, жившій при дворѣ арагонскомъ, кажется, былъ однимъ изъ агентовъ этой темной негодіаціи. Можетъ-быть, пытался онъ завести какія-нибудь интриги съ сицилійскими баронами, пострадавшими отъ корыстолюбія и жестокости Карла-Анжуйскаго. Все это возможно, но вѣрно то (и это Амари доказываетъ неоспровержимо), что Прочида не былъ

въ Сициліи во время сицилійской вечерни, что ни одинъ баронъ не принималъ участія въ этой революціи, и что, наконецъ, самое возстаніе не было задумано заранѣе, не въ одинъ и тотъ же часъ вспыхнуло по всей Сициліи, а началось случайно въ Палермо и потомъ распространилось по всему острову. Самое ничтожное обстоятельство могло провозгласить плотину. Извѣстно, какого предлога достаточно было для мятежа. Туземцамъ запрещено было носить оружіе, и Французы часто пользовались ягостнымъ и поворнымъ для Сицилійцевъ правомъ обыска. На пасху, въ субботу, дѣвушка шла въ церковь съ женихомъ и роднею; французскій агентъ, о имени Друэ, вѣроятно, найдя эту дѣвушку недурною, вздумалъ, подъ видомъ обыска—нѣтъ ли при ней какого запрещеннаго оружія, приступить къ сканію вовсе-нескромному. Женихъ аскричался; какой-то прохожій, разраженный наглостью Француза, выхватилъ шпагу Друэ, и положилъ на ѣствѣ этого негодяя. Этого было довольно; сигналъ былъ поданъ. Волненіе распространилось по всемъ частямъ Палермо. Ударилъ въ набатъ, и въ нѣсколько часовъ дѣтъри тысячи Французовъ были безжалостно зарѣзаны. Это волненіе было такъ неожиданно для гарнизона и французскихъ чиновниковъ, что они не могли собраться съ духомъ и оказать хоть малѣйшее сопротивление. Не было никому пощады: и дѣтямъ, и женщинамъ, и старикамъ. Черезъ нѣсколько дней, Мессина, плеченная примѣромъ Палермо, возобновила эту рѣзню, и при звукѣ набата погибли въ стѣнахъ ея четыре тысячи Французовъ. Вскорѣ, такое избіеніе распространилось по всему острову. Вооруженныя шайки гонялись по полямъ за несчастными чужеземцами, которые, утопившись наконецъ бѣгствомъ, сами отдавались въ руки побѣдителей, или бросались съ высоты скалъ. Изъ всей этой колоніи иностранцевъ, былъ пощажень народомъ только итальянскій Порселѣ, пріобрѣтшій популярность своею добротой; ему позволе-

но было отправиться на кораблѣ въ Марсель.

Другіе города приглашены были къ соединенію съ столицею; войскамъ данъ приказъ не оставлять въ живыхъ ни одного Француза. Извѣстно, что какъ-скоро попалася челоѣкъ подозрительный, Сицилійцы приставляли ижижалъ къ его горлу, заставляли выговаривать слово *cicere* и по выговору узнавали, Французъ онъ или туземецъ; къ этой мѣрѣ прибѣгали они потому, что многіе Французы старались избѣгнуть смерти посредствомъ переодѣванья. Однимъ словомъ, революція прошла по всему острову и конфедералія муниципій, подъ верховною властію папы, замѣнила прежнюю монархію. Ненависть къ власти чужеземцевъ, стремленіе къ республиканской независимости—вотъ побудительная причина сицилійской-вечерни. Романъ о Прочидѣ и его заговорѣ въ пользу швабской линіи — рухнетъ. Все современныя документы, и напечатанныя и рукописныя, были перечитаны Микелемъ Амари, и онъ доказалъ неопровержимо, что общепринятое до сихъ поръ преданіе о ходѣ инсургентами, жившими гораздо-позже этого событія. Оригинальность и важность книги Амари состоятъ именно въ томъ, что она возвращаетъ настоящее мѣсто, настоящій характеръ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ событій среднихъ-вѣковъ. Теперь, очевидно, что Джіованни Прочида не былъ счастливымъ подражателемъ Катилины, предтечею Ріензи и Мазаньелло; заговоръ его—басня, которая должна отойти въ число другихъ басень, какъ то о ищущемъ Велизарія и о волчицѣ Ромула. Повторимъ еще разъ, что, какъ свидѣтельствуютъ подлинныя документы, Прочиды не было въ Палермѣ во время сицилійской-вечерни.

Карлъ-Анжуйскій, разумѣется, хотѣлъ вышугнуть Сицилію изъ рукъ своихъ. На сторонѣ его была папа; хотя демократическая конфедералія сицилійскихъ городовъ объявила себя поддѣльною властію папы, но эта власть была често-

доминантною; то было простое воспоминание о первой формѣ республики, утвердившейся, по внушению римскаго престола, по смерти императора Фридриха. Въ это время, папскій престолъ оставилъ свою недовѣрчивую политику относительно короля неаполитанскаго, потому-что новый папа, Мартинъ IV, обязанъ былъ своимъ избраніемъ именно интригамъ и насиліямъ Карла-Анжуйскаго. Мартинъ, отъявленный приверженецъ Карла, употребилъ все свое вліяніе, чтобы возвратить Сицилію подъ власть его. Отлученіе отъ церкви, денежныя пособія, все было употреблено въ дѣло, и все было напрасно. Силы Карла сокрушились подъ стѣнами Мессины. Между-тѣмъ, это нападеніе встревожило Сицилію и остановило организацию демократическаго правленія. Дворянство, вся аристократическая партія, воспользовалась этою тревогою, чтобы проложить пути восстановленію власти монархической, возвращенію на престолъ дома швабскаго. Разныя обстоятельства благопріятствовали этой перемѣнѣ, и черезъ пять мѣсяцевъ послѣ республиканской революціи, Петръ-Арагонскій, прибывшій съ флотомъ къ берегамъ Африки, успѣлъ, посредствомъ интригъ, достигнуть того, что провозглашенъ былъ королемъ. Этого-то выборъ и повесть историковъ къ ошибочному мнѣнію на счетъ первой причины сицилійской-вечери. Они не сообразили промежутка, сблизивши два эти событія, и такъ-какъ послѣднимъ результатомъ переворота былъ выборъ новаго государя, то они и сдѣлали изъ нея дѣло династическое и стали объяснять этотъ переворотъ романтическимъ заговоромъ, героемъ котораго былъ Прочида. Вопросъ о времени, о числахъ, здѣсь очень важенъ. Гибелью допускаетъ иныиыи заговоръ Прочиды именно по анахронизму. Онъ думаетъ, что во время сицилійской-вечери Петръ-Арагонскій былъ въ Африкѣ; при такомъ предположеніи, принятое имъ мнѣніе очень вѣроятно. Къ-несчастью, хронологія его ошибаеца, и Амари доказываетъ, что ко-

роль арагонскій покинулъ Испанію и раянѣ, какъ черезъ четыре мѣсяца послѣ сицилійской революціи.

Амари не останавливается на восстановленіи на престолѣ линіи швабской, и излагаетъ въ-подробности картину всего этого любопытнаго періода. Война, возженная местію, продолжалась съ ожесточеніемъ въ-теченіи двадцати лѣтъ, и театромъ ея были Средиземное-Море, Сицилія, Калабрія, Испанія; но, по мнѣнію автора «La Guerra del Vespro», не дома анжуйскій и арагонскій играли первыя роли въ этой ожесточенной борьбѣ, а римскій дворъ и народъ сицилійскій. Мартинъ IV истощилъ всѣ папскіе громы, всѣ сокровища церкви, кровь итальянскихъ гвельфовъ; онъ спустилъ на Арагонію Францію, возмутилъ всю Европу. Преeminию его сдѣлавали той же политикѣ. Наконецъ, Бонифаций VIII надѣлалъ столько насилій и соблазновъ, что все рѣшительно обратилось противъ него, и онъ принужденъ былъ признать независимость Сициліи и ея новой монархіи.

Амари слишкомъ-восторженно смотритъ на исторію Сицилійцевъ въ-теченіе послѣдней половины XIII вѣка. Онъ дѣлаетъ изъ этого вѣка почти-героическую эру; патриотъ преобладаетъ въ немъ надъ историкомъ. По мнѣнію его, эта любовь къ свободѣ не угасла съ восстановленіемъ швабской монархіи; Сицилія мало-по-малу получила разныя обезпеченія отъ феодаловъ и власти королевской. Право народное сохранилось въ собраніяхъ, и когда Іаковъ Арагонскій заключилъ договоръ съ непріятелями Сициліи, парламентъ сицилійскій избралъ на его мѣсто королемъ Фридерика и отнялъ у короля право мира и войны. Амари думаетъ, что преданіе вечерни и политической реформы, произведенной этимъ переворотомъ, прошло пять вѣковъ и пробивается еще и теперь въ общественномъ правѣ Сициліи.

Политическія сужденія Амари, можетъ-быть, ошибочны, но безспорно, что онъ первый строгою критикою устранилъ всѣ факты, не основанныя

на свидѣтельствѣ писателей современных и подлинныхъ документовъ. Всѣ источники итальянскіе и латинскіе были тщательно пересмотрѣны имъ; это свидѣтельствуемъ многочисленныя прикѣпаченія на каждой страницѣ и обширное дополненіе, въ которомъ напечатаны важнѣйшіе неизданные документы.

Эта-то книга большою частію почти буквально переведена упомянутыми приверженцами папства. Переводчики, исказивъ сочиненіе Амари, прибавивъ нѣсколько главъ изъ церковной исторіи аббата Флѣри и другихъ католическихъ писателей, не упомянули, однакожъ, что большая часть книги ихъ — выписки изъ Амари. Дѣло не совсѣмъ совѣстливое.

Упомянемъ о другомъ замѣчательномъ ученomъ произведеніи, принадлежащемъ тоже Итальянцу: *Essai sur le principe et les limites de la philosophie de l'histoire par Ferrarri* (*Опытъ о началѣ и предѣлахъ философіи исторіи*, Феррари). Феррари, молодой и ученый Итальянецъ, былъ профессоромъ въ Страсбургѣ. По доносу католическаго альзасскаго журнала, онъ отставленъ былъ отъ профессорской должности. Дѣйствительно, разсматривая Опытъ Философіи Исторіи видишь, что авторъ его не имѣетъ живой симпатіи къ католицизму, и понятно, отъ-чего духовенство недовольно было профессоромъ.

Онъ силится отдѣлить философію исторіи отъ исторіи положительной. Исторія, увѣряетъ онъ, можетъ сдѣлаться логическою только тогда, когда исключено будетъ случайное, и философія исторіи, чисто-идеальная, должна отвергать индивидуальныя лица, числа, событія, и должна представлять только опредѣленный рядъ системъ въ идеальномъ времени и въ идеальномъ пространствѣ. Но что будетъ философія исторіи безъ положительной исторіи; что будетъ съ положительной исторіей, если въ ней видѣть только игру сужденій и событий? Онъ называетъ три идеальныя эпохи для интересовъ человѣческихъ: царство силы, царство богат-

ства, царство труда; три эпохи для разума: натурализмъ, аскетизмъ, и любовь; наконецъ, три сходныя эпохи для чувствъ. Показавъ настоящее противорѣчіе нашихъ началъ и нашихъ общественныхъ дѣйствій, онъ заключаетъ сомнѣніемъ, и спрашиваетъ: будетъ ли когда-нибудь порядокъ дѣлъ человѣческихъ и общественныхъ таковъ, чтобы чувства согласовались съ интересами и разумомъ, и чтобы разные интересы стремились къ одному и тому же пункту?

Г. Малле издалъ Исторію Ионійской Философіи (*Histoire de la Philosophie Ionienne, par M. C. Mallet*). — Трудъ г. Малле представляетъ всѣ главные древніе тексты относительно философовъ ионійской школы. Порядку систематическому, обыкновенно господствующему въ подобныхъ исторіяхъ, онъ предпочелъ порядокъ хронологическій и біографическій. Нельзя не быть признательну къ трудолюбивымъ критикамъ, которые отыскиваютъ, пересматриваютъ, приводятъ въ порядокъ древніе тексты и такимъ-образомъ приготавливаютъ прочную основу будущимъ знаніямъ. Такихъ ученыхъ теперь множество въ Германіи; гораздо-менѣе во Франціи: духъ Французовъ таковъ, что они болѣе расположены употреблять въ дѣло матеріалы, какіе есть на-лицо, чѣмъ медленно и съ тяжкимъ трудомъ приготавливать ихъ. Благодаря усиліямъ электической школы, монографіи и частныя исторіи, которыми наводнены германскіе университеты, являются теперь и во Франціи.

Электическая школа, школа Кузена, готовитъ Франціи и всему ученому свѣту новыхъ и важныхъ подарковъ. Она собирается издать Философскій Словарь. Въ немъ будутъ заключаться подробныя біографіи всѣхъ философовъ и изложено ученіе ихъ. Планъ этого обширнаго и полезнаго труда составленъ г. Франкомъ, авторомъ замѣчательной, недавно-изданной книги: *La Cavalerie, ou la philosophie religieuse des Hébreux, par M. Frank* (*Каваларія или религіозная философія Евреевъ*). Въ этой

книжѣ содержатся весьма-важные материалы для первоначальной исторіи христіанства.

Но «Философскій Словарь» еще впереди. О немъ еще будетъ время поговорить, когда этотъ планъ осуществится. Теперь же продолжимъ исчисленіе замѣчательнѣйшихъ историческихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время. — Г. Кокрель издавъ «Исторію Протестантизма во Франціи» (*Histoire des Eglises du Desert since les Protestants Français, par M. Coquerel*). Исторія начинается со старости Людовика XIV, когда умомъ его управляла строгая г-жа Ментенонъ. Кокрель видитъ въ протестантизмѣ философскую и политическую идею, которая, усилясь, могла бы избавить Францію отъ нравовъ регентства и ужасовъ революціи. Мысль, въ вѣрности которой можно крѣпко усомниться! Въ послѣднее время, много шума надѣлала во Франціи «Исторія послѣдняго десятилѣтія», Луи Блана (*Histoire de Dix Ans, par Louis Blanc*). Что эта книга интересна, доказательствомъ можетъ служить то, что въ самое короткое время первыя три тома ея имѣли три изданія. Событія, рассказываемыя Луи Бланомъ, знакомы и памяты всѣмъ; они совершались въ нашей памяти, передъ нашими глазами, но не всякому могутъ быть известны взаимная связь ихъ, причины и настоящій характеръ, и въ этомъ-то заключается интересъ сочиненія Луи Блана. Едва-ли, впрочемъ, справедливо называть авторъ свое сочиненіе исторіею. Мудрено написать исторію современную, которая соотвѣтствовала бы всѣмъ требованіямъ исторіи; мудро въ современной исторіи уберечься отъ пристрастія, отъ духа партій, отъ односторонняго взгляда на предметы. Парижскіе журналы почти единогласно хвалятъ книгу Луи Блана и приписываютъ ей безпристрастіе. Недавно вышла четвертая часть этого замѣчательнаго произведенія, заключающая въ себѣ событія отъ 1833 до 1836 года.

Вотъ другой замѣчательный трудъ: *Histoire de la Révolution, de*

L'Empire et de la Restauration, par MM. Théodore Burette et Ladé (*Исторія революціи, имперіи и реставраціи*, гг. Теодоза Бюретта и Ладэ). Бюреттъ и Ладэ предполагаютъ изложить въ восьми томахъ исторію революціи, имперіи и реставраціи, то-есть, три періода французской исторіи, самыя обильныя великими происшествіями. Вышелъ первый томъ, заключающій въ себѣ начало революціи и исторію постановительнаго собранія (отъ 1789 до 1791); два другіе тома, въ которыхъ окончена будетъ исторія революціи, выйдутъ въ непродолжительномъ времени. Правда, много уже писано о французской революціи; но можно ли считать этотъ предметъ уже истощеннымъ? Онъ такъ сложенъ, что историкамъ много еще придется работать надъ нимъ. Безпрестанно открываются новыя документы, полныя интереса, важные материалы, проливающие новыи свѣтъ на событія и лица. Еще не всѣ дѣйствители и очевидцы эпохъ революціи, имперіи и реставраціи сошли въ могилу; еще не всѣ записки современниковъ известны свѣту. Чѣмъ болѣе будетъ отдаляться человѣчество отъ времени революціи и имперіи, тѣмъ яснѣе будутъ для него эти времена... Французская литература обладаетъ двумя превосходными твореніями о революціи,—это сочиненія Тьера и Мишлэ. Сочиненіе перваго слишкомъ-обширно; сочиненіе втораго — слишкомъ-кратко: это очеркъ событій. Исторія Бюретта и Ладэ предполагаетъ занять средину между этими двумя исторіями, и она, вѣроятно, будетъ имѣть прочный успѣхъ, если слѣдующіе томы будутъ такъ же хороши, какъ первый. Не пренебрегая разысканій и наблюденій предшественниковъ, авторы сами справились съ источниками и составили исторію постановительнаго собранія на основаніи официальныхъ документовъ. Они умно анализируютъ рѣчи Мирабб, Неккера, Сьеса, Барнава и часто приводятъ ихъ цѣликомъ; по-этому, читатель, имѣя передъ

глазами самые документы, обнимаетъ общность трудовъ этого собранія. Вопросъ финансовый обработанъ также мастерски, и едва ли можно полнѣе и яснѣ изложить финансовые планы Калонна и Неккера. Книга писана слогомъ чистымъ и изящнымъ. Приложенія и текстъ конститудіи, данной національнымъ собраніемъ, дополняютъ первый томъ. Начало удачное; если авторы совершатъ весь свой трудъ такъ же совѣстливо, какъ начали, французская литература приобрѣтетъ сочиненіе столь же полезное, сколько и важное.

Нельзя такихъ же похвалъ удѣлить трудамъ г. Капфига. Въ прошломъ году, вышелъ его сборникъ нѣсколькихъ біографій, написанныхъ въ разное время, подъ заглавіемъ: *Les Diplomates européens, par M. Capfigue. (Европейскіе Дипломаты, г. Капфига)*. Г-нъ Капфигъ пользуется значительной репутаціей, и мы считаемъ нужнымъ поговорить о немъ поболѣе. У г. Капфига настоящая фабрика историческихъ книгъ. Заведеніе его, кажется, процвѣтаетъ, потому-что оно наводняетъ книжную торговлю своими продуктами. Извѣстно, что во французскихъ газетахъ можно напечатать какое-угодно объявленіе, заплативъ за него деньги. Примаанута громкими объявленіями, публика сначала покупала на-слово книги, на оберткѣ которыхъ стояла фирма «Капфигъ и комп.», и которыя продавались ей безъ всякаго ручательства за истину и талантъ. Воротясь домой и разсмотрѣвъ товаръ свой, несчастный читатель открывалъ, что онъ жестоко обманутъ и давалъ слово, что въ другой разъ его не поддѣнутъ. Спекуляція, однакожь, такъ выгодна, что, несмотря на открытіе истины, не смотря на извѣщенія и строгіе удрекі критики, она продолжается съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Каждый годъ, фабрика Капфига выдвумываетъ, выдѣлываетъ и пускаетъ въ продажу какое-нибудь новое сочиненіе отъ шести до восьми томовъ, какой-нибудь эпизодъ, какое-нибудь

царствованіе изъ французской исторіи. Способъ составленія этихъ книгъ очень простъ. Сто страницъ плохихъ фразъ, двѣсти страницъ выписокъ — вотъ и книга. Предметъ своихъ изданій беретъ г. Капфигъ у писателей, которые побогаче его. Журналы объявляютъ, что къ такому-то времени выйдетъ въ свѣтъ такое-то сочиненіе въ четырехъ томахъ, стѣившее совѣстливому автору десятилѣтнихъ розысканій и трудовъ; на другой день, г. Капфигъ объявляетъ, что онъ издастъ такое же сочиненіе въ восьми томахъ, берется издать его прежде, — и сдерживаетъ свое слово. Рассказываютъ на этотъ счетъ остро слово будущаго издателя «*Histoire du Consulat et de l'Empire*» Тьера; «ну, любезнѣйшій» сказалъ ему г. Капфигъ съ торжествующимъ видомъ: «я собираюсь вступить съ вами въ конкуренцію». — Какъ такъ? отвѣчалъ ему съ величайшимъ хладнокровіемъ книгопродавецъ. — Развѣ вы хотите издавать Тьеру «*Исторію Консульства и Имперіи*»?

Въ прошломъ году, кромѣ части «Французской Исторіи», г. Капфигъ потчивалъ послѣднихъ изъ старинныхъ своихъ покупателей еще сверхкомплектнымъ томикомъ. Этотъ томикъ, имѣющій свое частное достоинство, называется: *les Diplomates Européens*. Въ немъ помѣщены біографіи князя Меттерниха, графа Поццо-ди-Борго, князя Талейрана, барона Пакъ, герцога Веллингтона, герцога Ришельё, князя Гарденберга, графа Нессельроде и лорда Кастльри. Въ примѣръ исторической совѣстливости г. Капфига, журналъ «*Illustration*» представляетъ слѣдующее мѣсто изъ біографіи Талейрана.

«Съ 1812 года, очарованіе, которымъ облененъ былъ императоръ, исчезло; московскій пожаръ, льды, облекшіе саваномъ великую армію, заговоръ Маллѣ, потрясли силу императорскую. Негоціаціи Талейрана стали принимать невыразимую смѣлость; полномочные союзныхъ державъ открыли конгрессъ въ Шатильонѣ болѣе для

«формы, тѣмъ для разсужденія о во-
просахъ дипломатическихъ. Колен-
куръ долженствовалъ представить на
этомъ конгрессѣ трактатъ о грани-
цахъ Франціи съ тѣмъ, чтобъ Напо-
леонъ остался на престолѣ, или Ма-
ринъ-Луизѣ поручено было регентство.
Въ преданности Коленкура къ импе-
ратору нельзя было сомнѣваться: въ
эту-то минуту, Талейранъ отправилъ
тайнаго агента къ союзникамъ. Этотъ
агентъ, *кажется*, г. де-Витроль, дол-
женъ былъ представить положеніе
столицы, необходимость покончить
дѣло съ императоромъ Наполеономъ и
особенно необходимость возстановить
прежнюю династію. Г. де-Витроль съ
большою ревностію и умомъ испол-
нилъ это тайное порученіе, подвер-
гавшее его большимъ опасностямъ.»

Журналъ «Illustration» прибавляетъ
къ этому: «Г. де-Витроль поручилъ
намъ объявить отъ его имени, что во
всей этой исторіи нѣтъ ни одного сло-
ва правды. Г. де-Витроль не полу-
чалъ, какъ *кажется* г. Капфигу, подоб-
наго порученія отъ Талейрана; Та-
лейранъ даже никогда не говаривалъ
ему о томъ. Впрочемъ, Капфигъ, вид-
но, ожидалъ подобной улики. Онъ не
смѣетъ утверждать, а говорить, что
ему *кажется*. Не правда ли, подоб-
ный способъ писать исторію—ориги-
наленъ? Я привожу какой-нибудь
фактъ, но не увѣренъ, былъ ли онъ
на-самомъ-дѣлѣ, но мнѣ *кажется*, я
думаю, что онъ былъ, и этого для меня
достаточно. Не требуйте, чтобъ я
сталъ повѣрять его: я такой великій
историкъ,—мнѣ ли унижаться до по-
добныхъ разысканій? Это *кажется*
вполнѣ характеризуетъ г. Капфига.»

Не таковъ Миньё, знаменитый авторъ
«Исторіи Революціи». Въ прошломъ
году, вышелъ сборникъ историческихъ
статей, читанныхъ имъ въ разное вре-
мя въ Академіи Нравственныхъ и По-
литическихъ Наукъ. Сборникъ этотъ
изданъ подъ заглавіемъ: *Notices et*
Mémoires Historiques, par M. Mig-
net (Биографическія замѣчанія и исто-
рическія записки, Миньё). Самое это за-

главіе показываетъ, что сборникъ со-
стоитъ изъ двухъ частей совершенно
отдѣльныхъ: изъ *Notices*, или биографіи
нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ и
политическихъ знаменитостей, и *Mé-*
moires, гдѣ авторъ излагаетъ и рѣшаетъ
четыре важные историческіе вопроса.
По старинному обычаю, французскія
академіи собираются разъ въ годъ для
слушанія похвальныхъ словъ тѣмъ чле-
намъ, которые въ-теченіе года похи-
щены смертію. Какъ непремѣнный се-
кретарь Академіи Нравственныхъ и
Политическихъ Наукъ, Миньё, съ 1836
года, произнесъ похвальные слова Сье-
су, Рёдереру, Ливингстону, Талейра-
ну, Бруссё, Мерлену, Детю-де-Траси
и Дону. Сверхъ того, въ засѣданіяхъ
Французской Академіи, онъ водалъ
честь Ревуару, Мишю и Фреснию; эти
Notices имѣли успѣхъ въ засѣданіяхъ
академическихъ, были въ свое время
поодиначкѣ разобраны и расквалены
въ журналахъ, и теперь, собранныя
въ одну книгу, должны имѣть успѣхъ
несомнѣнный, и, надо сказать, заслу-
женный; Миньё мастеръ своего дѣла.
Можно замѣтить только вотъ что: ака-
деміи, по приличію, которое у нихъ
имѣетъ силу закона, не требуютъ отъ
оратора, чтобъ онъ представилъ имъ
биографію полную, безпристрастную;
онѣ требуютъ похвального слова, и
только въ самыхъ важныхъ случаяхъ
онъ можетъ ограничивать эти похвалы.
Случается также, что писатель, желая
извлечь изъ толпы и выставить на по-
казъ свѣту лицо, которое выводитъ
онъ на сцену, вдается въ преувеличе-
ніе. Онъ какъ-бы неволью увеличи-
ваетъ заслуги и вліаніе того человѣ-
ка, котораго поручено ему обсудить;
желая представить образъ его въ чер-
тахъ сколько можно разительныхъ,
онъ даетъ ему размѣры настоящіе.
Отсюда слѣдуетъ, что академическое
похвальное слово, писанное подъ влі-
аніемъ старыхъ обычаевъ, имѣющее въ
виду успѣхъ чисто-литературный, не
всегда согласно бываетъ съ действитель-
ностію. Книга Миньё служитъ тому
доказательствомъ. Каждому изъ ам-

хваляемых лицъ онъ приписываетъ столько великихъ мыслей, обширныхъ плановъ, блестящихъ и добрыхъ дѣйствій... Не въ безпристрастїи сужденїи, а въ литературныхъ качествахъ автора надо искать причину блестящаго успѣха его *Notices*. Искусствомъ и талантомъ отличается Миньё отъ своихъ предшественниковъ. Дѣйствительно, въ этихъ біографїяхъ, гдѣ критика прилагается къ столькимъ разнороднымъ предметамъ, къ трудамъ публицистовъ, дипломатовъ, юрисконсультовъ, философовъ, историковъ и прочихъ ученыхъ, видишь, какъ гибокъ и силенъ талантъ автора, не смотря на тѣсныя предѣлы, въ которыхъ онъ развивается, на условїя, которыя не даютъ ему воли.

Не таковы его *Mémoires historiques*. Это тоже записки, читанныя въ заведенїяхъ академїи; но здѣсь авторъ ничѣмъ не стѣсняется. Въ сборникѣ помѣщены четыре историческія записки. 1) Германія въ VIII и IX вѣкахъ; обращеніе ея въ христіанство и вступленіе въ образованное общество Западной-Европы; 2) Опытъ о территоріальномъ и политическомъ образованїи Франціи отъ конца XI до конца XV столѣтїя; 3) Религіозная реформа въ Женевѣ; 4) Общее введеніе въ исторїю войны за испанское наслѣдство, и изображеніе негодїацій относительно этого наслѣдства при Лудовикѣ XIV. Чтобъ дать читателямъ понятїе объ этихъ запискахъ, представляемъ бѣглый обзоръ первой. Важность обращенїя Германїи въ христіанство Миньё опредѣляетъ такъ: Это первостепенное событіе, хотя еще не измѣнило пропорціи массъ географическихъ между миромъ образованнымъ и миромъ варварскимъ, но измѣнило пропорцію силъ ихъ. Оно закрыло главный путь, которымъ кочевыя племена Сѣверной-Европы и плоскихъ возвышенностей Азїи съ незапамятнаго времени доходили до береговъ Океана и Средиземнаго-Моря, низвергая все, что встрѣчалось имъ на пути. Оно приготовило и ускорило счастливое преобразование народовъ

и странъ, даѣе на сѣверъ, которую, въ свою очередь, раздвинули кругъ образованнаго свѣта. За тѣмъ онъ задаетъ себѣ слѣдующїй вопросъ: въ какую эпоху, какъ и кѣмъ покорена была Германія цивилизаціи? Завоеватели, говоритъ онъ, были христіане, священники. Откуда пришли эти новые апостолы? Здѣсь Миньё говоритъ о введенїи христіанства въ Англію и Ирландїю, потому что изъ этихъ странъ вышли люди, долженствовавшїе просвѣтить Германїю. Ирландцы, ранѣе Англо-Саксонцевъ вступившіе въ общество христіанское, первые переплыли моря и начали обращать варваровъ на материкѣ. Ихъ дѣло было обратить въ христіанство и цивилизовать провинціи по Рейну и Дунаю; они взяли на свою долю земли къ сѣверу и востоку отъ Галліи—Ренїю, Норикъ, Паннонію, то-есть земли, бывшія нѣкогда подъ владычествомъ римскимъ, земли, гдѣ въ послѣдствїи римскились Голландїя, Логарингія; Швейцарїя, Швабія, Баварїя, Австрія и Венгрія. Это первое завоеваніе было окончено въ теченїи VII вѣка. За тѣмъ, выступили на дѣло миссіонеры англо-саксонскїе, и проникли въ самое сердце Германїи. Это второе и огромное завоеваніе олицетворяется въ Англо-Саксонцѣ Вилфридѣ, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Бонифаціи. Этотъ человекъ затмилъ славу всѣхъ своихъ сподвижниковъ. Онъ началъ и почти кончилъ подвигъ необъятный; менѣе, чѣмъ въ столѣтіе, обращены были въ христіанство Тюрингія, Франковїя, Гессенъ, Фрисландїя, Саксонїя, — словомъ, вся Германїя. Для объясненїя этого быстрого успѣха, Миньё представляетъ слѣдующїя четыре причины: 1) качества того вѣрованїя, съ которымъ должны были бороться миссіонеры; 2) отсутствїе жреческой касты въ Германїи; 3) сходство языка варваровъ въ Англо-Саксонцевъ; 4) помощь, какую оказывали Бонифацію, его сподвижникамъ и преемникамъ вожди франкскїе, имѣвшїе вліяніе на зарейскїя племена. Рассказавъ, какимъ образомъ въ теченїе VIII сто-

лѣтія вся Германія покрылась христіанскими колоніями, аббатствами или домами епископскими, вокруг которыхъ группировались народонаселенія, Миньё показываетъ слѣдствія завоеванія, совершеннаго англо-саксонскими миссіонерами. Это одна изъ лучшихъ частей его мемуара. Невозможно въ краткомъ анализѣ показать всѣхъ выводовъ автора и представить многочисленные доказательства, приводимыя имъ въ подтвержденіе словъ его. Мы покажемъ только самые главные результаты: 1) Христіанство измѣнило въ Германіи недѣлимое, семейство, общество, — словомъ, очистило и измѣнило нравы; 2) приучая Германцевъ повиноваться другому закону, а не закону индивидуальныхъ страстей, оно приготовило ихъ къ жизни политической и родило у нихъ потребность правильныхъ государственныхъ учрежденій, которыя одни обеспечиваютъ общественное спокойствіе и безопасность; 3) оно измѣнило видъ поверхности Германіи, которая, болѣею частью освобождаясь отъ густыхъ лѣсовъ, изобразилась плугомъ; 4) оно основало аббатства, особенно Фульдское и Корбійское, отсюда скоро должны были распространиться по всей Германіи науки и искусства. Такова вкратцѣ эта первая записка. Другія ни мало не уступаютъ ей ни въ важности вопросовъ, ни въ неукротимости рѣшеній ихъ, ни въ занимательности изложенія. Записка о религіозной реформѣ въ Жюльезѣ, вѣроятно, есть отрывокъ изъ большой исторіи реформации, которую онъ уже давно готовитъ, и для которой собралъ онъ во всѣхъ странахъ безчисленные документы. Четвертая записка — одно изъ лучшихъ произведеній Миньё. Она заставляетъ нетерпѣливо ожидать полной исторіи испанскаго наслѣдства, которая также готовится имъ къ изданію.

Вообще, о Миньё мы должны сказать слѣдующее: онъ принадлежитъ къ школѣ историковъ-рассказчиковъ, но рассказы его имѣютъ особенный характеръ: рассказывала себѣ, что всегда

обставляеть его всѣми идеями, которыя могутъ дать читателямъ возможность понять смыслъ и важность его; другими словами, въ разсказахъ его вы находите факты въ ихъ естественной послѣдовательности и общія разсужденія. Онъ не довольствуется однимъ рассказомъ: онъ разсуждаетъ, оцѣняетъ, обсуживаетъ. Это вы найдете въ его *Mémoires*, найдете и въ *Notices*, гдѣ онъ съ подробностями биографическими соединяетъ разсужденія общія, не изолируетъ лицъ, которыя выводитъ на сцену, не отдѣляетъ ихъ отъ времени и людей, среди которыхъ они жили.

Но довольно объ историческихъ книгахъ. Вглянемъ на тѣ изданія, которыми такъ щеголяютъ Французы, и которыя они ввели въ моду вездѣ, даже у насъ, — на изданія иллюстрированныя. Хорошо было бы, еслибъ наши издатели книгъ съ политиками утѣли такъ хорошо соединять достоинство текста съ достоинствомъ рисунковъ, какъ это дѣлаютъ Французы. Къ числу лучшихъ новѣйшихъ иллюстрированныхъ изданій принадлежитъ: *VOYAGE D'UN VOYEUR FLAÏNA (Pутешествіе, куда глаза глядятъ)*. Текстъ писанъ гг. Альфредомъ Мюссэ и Сталемъ; рисунки принадлежатъ карандашу знаменитаго Томи-Жоанно. О рисункахъ говорить нечего; нѣя художника говоритъ за нихъ: онъ украсилъ книгу шестьюдесятью тремя превосходѣйшими политиками. Что сказать о текстѣ? что это за путешествіе, куда глаза глядятъ?

Жилъ-былъ добрый и славный малый, у котораго былъ одинъ недостатокъ — онъ никакъ не могъ усидѣть долго на одномъ мѣстѣ... Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, говорилъ онъ, и ѣхалъ, куда глаза глядятъ. Четыре или пять разъ объѣхавъ вокругъ свѣта, онъ воротился наконецъ на родину, и рѣшился покинуть странническую жизнь. Дѣло въ томъ, что онъ былъ влюбленъ и вдумалъ жениться. Наканунѣ свдѣбы, онъ пріѣхалъ домой довольно поздно, встрѣченный и раздосадованный одинокомъ-страннымъ взглядомъ, какіе

бросая на него будущий его тесть. Онъ закурилъ трубку и, рѣшась принести жертву любви, сжегъ всѣ путеводители, дорожники, путевыя впечатлѣнія. Но это усиліе уничтожило его; въ изнеможениі, онъ упалъ въ кресла и уснулъ. Вдругъ стучать въ дверь. — Войдите, говоритъ онъ. Это Жанъ, добрый, милый Жанъ, лучший другъ его, вѣрный спутникъ его во всѣхъ путешествіяхъ. — Вдемъ, говоритъ ему Жанъ. Съ минуту подумалъ онъ о невѣстѣ своей, Маргаритѣ, и отправился... Вхвать ли намъ вѣстѣ съ нимъ? Мы заѣдемъ слишкомъ-далеко. Прекрасные эпизоды разнообразятъ это путешествіе...

И вотъ корабль, несшій друзей Богъ-знаетъ въ какую сторону, разбился. Францъ (имя жениха) на минуту потерялъ сознаніе. Когда онъ раскрылъ опять глаза, ему почудилось, стучать въ дверь. — Войдите, кричитъ онъ. Входитъ Кольбъ, портной, принесшій ему свадебное платье. И такъ, онъ спалъ? Да, всѣ эти приключенія были грезами сна. Въ тотъ же день онъ женился. Три дня шелъ горой свадебный пиръ.

Гранвилъ такъ же знаменитъ въ мірѣ иллюстрированныхъ изданій, какъ и Тома-Жоанио. Ему принадлежатъ *L'Autre Monde, par Granville*. Не думайте, что этотъ «Другой Свѣтъ» — свѣтъ демоновъ и ангеловъ, о которомъ великіе поэты, древніе и новѣйшіе, оставили намъ описанія болѣе или менѣе точныя и пріятныя; этотъ другой свѣтъ существуетъ только въ воображеніи его творца; тутъ увидите вы превращенія, видѣнія, воплощенія, вознесенія, космогонія, фантазмагорія, метаморфозы, зооморфозы, литоморфозы, метемпсихозы, апотеозы и прочее.

Развернувъ этотъ томъ, чудесный въ буквальномъ смыслѣ, вы увидите, послѣ остроумнаго менюэта, который ганцуютъ перо и карандашъ, апотеозу доктора Пуффа; капитана Крака, профессора плаванія, и композитора Габбля. Эти господа тотчасъ дѣлать между собою вселенную. Кракъ беретъ море,

Габбль небо, земля остается на долю Пуффа. Начинается рядъ чудесъ, какихъ не придумать самой замысловатой голою. Тамъ инструменты или растенія, принявъ формы человѣческія, задаютъ концертъ или дерутся на дуэли; тутъ видите вы веселый маскарадъ переодѣтыхъ животныхъ въ глубинѣ водъ, и множество другихъ невиданныхъ дивъ. Перенеситесь съ земли въ высшія сферы: тамъ можете вы полюбоваться супружескимъ затмѣніемъ, можете видѣть, какъ обнимаются солнце и луна, какъ знаки зодіака пляшутъ сарабанду, комета сантиментально гуляетъ въ воздушномъ пространствѣ; увидите любовныя похождения куклы и звѣзды, и проч., и проч. Говоритъ ли о Маркизскихъ-Островахъ, о юномъ Китаѣ, объ удовольствіяхъ Елисейскихъ-Полей, объ адѣ Крака, о свадьбѣ Пуффа, о лучшей формѣ правленія, о концѣ того и другаго свѣта? Лучше скажемъ, что Гранвилъ нигдѣ не былъ такъ оригиналенъ, такъ остроуменъ, какъ въ «Другомъ Свѣтѣ». Вѣроятно, у него не менѣе двадцати тысячъ подписчиковъ.

Оба эти прекрасныя изданія — плодъ остроумія, и цѣль ихъ — удовольствіе читателей. Третье, не менѣе прекрасное изданіе, въ добавокъ заключающее въ себѣ дѣльныя и полезныя свѣдѣнія, это *Revue de Paris (Парижскія Улицы)*. Вышла первая часть этого красиваго изданія. Авторы Парижскихъ Улицъ въ разнообразныхъ формахъ рассказываютъ исторію каждой улицы знаменитыхъ жилищъ ея, со времени основанія Лютеція до 1843 г. Сколько интересныхъ вещей рассказываютъ они Парижанамъ и иностранцамъ, пріѣзжающимъ любоваться на Парижъ и веселиться въ немъ! Въ изданіи участвуютъ писатели извѣстные. Жюль-Жаненъ написалъ исторію Королевской Площади, Эженъ Гиндъ — исторію Улицы-Лафиттъ, Библиофиль Жакобъ — исторію Ситѣ; далѣе участвуютъ Этьенъ Араго, Марко-де-Сент-Шьеръ, Таксиль Делоръ, Рожѣ-де-Бовуаръ, Мари Ла

Фонъ, Теодоръ Бюреттъ, Брифоо, Альбертъ Клезъ. Всѣмъ наданіемъ распоряжаетъ Луи Журниъ. Триста гравюръ на деревѣ украшаютъ первую часть.

Архитекторъ Оро издастъ Раноуамъ d'Египте et de Nubie, par M. Nogeau architecte (*Панорама Египта и Нубіи*). Это красивыя тетради in-folio, представляющія рядъ самыхъ замѣчательныхъ видовъ нильской долины, отъ Александріи до втораго нильскаго водопада; сверхъ-того, читатели найдутъ конный портретъ Мехмеда-Али и свиты его. Къ каждому рисунку, гравированному à l'aqua tinta, приложенъ листъ текста, украшеннаго прелестными vignettes. Этотъ текстъ имѣетъ то достоинство, что онъ стоитъ вровень съ египетскою археологіею, которая, какъ извѣстно, сдѣлала успѣхи огромные. Вышло шесть первыхъ выпусковъ: въ нихъ Оро показываетъ читателямъ Нижній, Средній и часть Верхняго-Египта, и видать они вмѣстѣ съ его бѣлыми минаретами, лазурнымъ небомъ, роскошною растительностію, знойною степью, древніе памятники его, барельефы, представляющіе картину религіозной, воинской и гражданской жизни древнихъ фараоновъ. Виды размѣщены въ томъ порядкѣ, въ какомъ представлялись они художнику, когда онъ поднимался вверхъ по Нилу. Остаются еще шесть выпусковъ. Въ нихъ изобразитъ художникъ остальную часть Верхняго-Египта и Нубіи. Эти выпуски будутъ самые любопытные, потому что мѣстности и памятники, какіе изобразитъ г. Оро, извѣстны менѣе прочихъ частей египетскаго пашалыка.

Года четыре назадъ, французское правительство отправило посольство въ Персію. Какъ было не воспользо-ваться этимъ случаемъ, и не послать людей, которые наслѣдовали бы памятники старины, лежащія въ забвѣннѣ, въ пренебреженіи? Съ посольствомъ отправились два художника—архитекторъ Костъ, и живописецъ Фланденъ. Не легко было исполнить данное имъ порученіе. Недовѣрчиво смотрѣли на нихъ азиатскіе туземцы, и они

привуждены были такъ-сказать держать въ одной рукѣ пистолеть, въ другой карандашъ, потому-что пули грозили имъ изъ-за каждой скалы. Многа древнихъ памятниковъ снялъ Фланденъ: упомянемъ особенно о памятникахъ Персеполиса, роскошной столицы древнихъ царей персидскихъ, сожженой Александромъ-Македонскимъ. Кроме памятниковъ древности, онъ перенесъ на бумагу всѣ замѣчательнѣйшія строенія въ Испагани, даже внутренность дворца шаха. Вернувшись на родину, художники, по порученію и при содѣйствіи правительства, издають теперь снятые ими виды, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ путешествія. Вотъ заглавіе этого великолѣпнаго описанія: Voyage en Perse de MM. Eugene Flandin, peintre, et Pascal Coste, architecte, attachés à l'Ambassade de France en Perse. Publié sous les auspices de S. E. le ministre de l'interieur. Dedié au Roi. (*Путешествіе въ Персію и. Эжена Фландена, живописца, и Паскаля Коста, архитектора, состоявшихъ въ свитѣ посольства въ Персію. Издано подъ покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Посвящено королю*). Все изданіе будетъ состоять изъ семидесяти выпусковъ; вышла до-сихъ-поръ только первая тетрадь. Изданіе безспорно великолѣпное, но за томъ непомѣрно-дорогое. Эземпляръ стоитъ тысячу-четыреста франковъ. Для многихъ ли будетъ доступно оно? Гг. Костъ и Фланденъ, чтобъ не обидѣть большинства публики, которому также хочется познакомиться поближе съ Персіею, предполагаютъ издать свое путешествіе въ маломъ видѣ, съ гравюрами, рѣзанными на деревѣ. — Парижскія газеты извѣщаютъ также о выходѣ въ свѣтъ Геологическаго Описанія Франціи гг. Дюфренуа и Эли-де-Бомона, со множествомъ большихъ и малыхъ картъ. Это трудъ огромный и важный, — плодъ двадцатилѣтнихъ изслѣдованій первыхъ минералоговъ и геологовъ Франціи. Онъ издастъ также по распоряженію и при содѣйствіи правительства.

Послѣ всѣхъ этихъ великолѣпныхъ изданій, нѣсколько словъ о путешествіяхъ, изданныхъ не такъ роскошно. Князь Эммануилъ Голицынъ оказалъ важную услугу французской литературѣ переводомъ съ русскаго языка описанія экспедиціи Врангеля къ Ледовитому-Морю. Переводъ этотъ вышелъ подъ слѣдующимъ названіемъ: *Le Nord de la Sibirie, par M. de Wrangell, traduit du russe par le prince Emmanuel Gallitzin*. Путешествіе Врангеля, приключенія его и ученые результаты его экспедиціи такъ извѣстны нашимъ читателямъ, что излишне повторять уже сказанное о нихъ.

Интересно путешествіе барона Тэйлора къ Пиренеймъ: *Les Pyrénées, par M. le Baron Taylor*. Въ этомъ путешествіи, Тэйлоръ обращаетъ вниманіе преимущественно на исторію мѣстностей. Онъ не оставляетъ ни одного памятника, ни древняго, ни новѣйшаго, не изучивъ его, не показавъ происхожденія его, не написавъ его исторіи. Кромѣ частныхъ исторій Перпиньяна, Памьера, Фуа, Тарба, По, Байоны, читатели найдутъ въ его книгѣ общія исторіи Руссильона, Лангедока, Графства Коменжъ, Беарна и страны Басковъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ подлинныхъ документовъ, баронъ Тэйлоръ умѣетъ всегда найти поэтическую легенду. Напрасногеологія хитрымъ образомъ объясняетъ, какииъ образомъ нагромодились эти страшныя массы, изъ которыхъ состоятъ Пиренеи: баронъ Тэйлоръ вѣрнѣе предавио миеологическому. Алкидъ», говоритъ онъ: «сокрушивъ Геріона, воздвигнулъ стѣны Алексіи, былъ побѣжденъ прелестями Пирены, дочери кельтскаго царя, по имени Вербикса. Въ объятіяхъ женщины, Алкидъ забылъ на время и славу и подвиги свои. Но вотъ, снова пробудилась въ немъ жажда славы, и пошелъ онъ далеко сражаться съ чудовищами. Покинутая Пирена скрыла въ глубинѣ дѣсовъ свою печаль и слезы, и когда Алкидъ, вспоминая про любовь, воротился въ эти мѣста, обремененный добычею новыхъ по-

бѣдъ, возлюбленной его уже не было, въ живыхъ. Онъ нашелъ растерзанные члены ея: дикіе звѣри растаскали ихъ по пещерамъ этихъ горъ. Выразивъ горестъ свою воплями, отъ которыхъ колебался свѣтъ, герой собралъ кровавые члены царевны, и, чтобъ оставить вѣчный памятникъ своего отчаянія, нагромодилъ скалы одна-на-другую, и явились Пиренеи, — колоссальныя монументы, воздвигнутыя могучими руками его надъ прахомъ возлюбленной.»

Въ заключеніе, укажемъ читателямъ на нѣсколько романовъ. Особенно-замѣчательныхъ нѣтъ. Упомянемъ о новомъ романѣ А. Дюма: *Sylvandine*. Романъ этотъ, напечатанный прежде въ фѣльетонѣ газеты «la Presse», вышелъ теперь отдѣльной книгой. Это второй романъ, напечатанный Дюма въ прошломъ году. Припомните также двѣ драматическія пьесы его: «Сен-Сирскія Воспитанницы» и «Луиза-Бернаръ», и подивитесь плодовитости автора. Можно ли при такой плодовитости ожидать надлежащей отдѣлки сценъ, характеровъ, языка? — Вышелъ также отдѣльной книгой романъ Гонзалеса: *Faures de la Côte*, напечатанный въ фѣльетонѣ газеты «Siècle». Роже-де-Бовуаръ написалъ романъ: *Sarria*. Мѣсто дѣйствія — Венеція; главныя дѣйствующія лица — Калиотро и Казанова. Наконецъ, вотъ романъ Лаверна: *La Revenance de l'Inconnue*, par A. de Lavergne (*Поиски за незнакомкой*).

Артюръ д'Эскораль; герой романа г-на Лаверна, романистъ, фѣльетонистъ, драматическій писатель, въ случаѣ надобности критикъ, даже поэтъ; сверхъ того, онъ красавецъ-блондинъ. Разумѣется, онъ живетъ въ Парижѣ. Разъ, возвращаясь изъ родимыхъ мѣстъ, куда ѣздилъ поправлять свое утомленное воображеніе, онъ встрѣтилъ въ купѣ diligенса молодую семнадцатилѣтнюю облокурную дѣвушку, разумѣется, самое очаровательное созданіе на свѣтѣ. Увидѣвъ ее, литературный левъ задро-

жалъ и разинулъ пасть отъ удивленія. Молодые люди взглянули другъ-на-друга и влюбились — въ романахъ дѣло самое обыкновенное. Но кто эта молодая незнакомка? Хотъ Артуръ д'Эскораль написалъ и много романовъ, но имени ея никакъ не могъ ни угадать, ни узнать. Онъ не могъ даже поговорить съ ней, потому-что отдѣленъ былъ отъ нея неодолимой преградой — жирнымъ, угрюмымъ отцомъ ея, котораго онъ обидѣлъ, учтиво попросивъ его не спать на его плечѣ. Но пока луна свѣтила на небѣ, онъ влюбленными глазами смотрѣлъ на дѣвушку, и дѣвушка также не закрывала своихъ очаровательныхъ очей.

Воротась въ Парижъ, Артуръ д'Эскораль рассказалъ это приключение пріятелямъ, съ которыми обѣдалъ. Въ тотъ же вечеръ, когда онъ собирался на балъ, слуга его, негръ, подалъ ему пакетъ странной формы, тщательно запечатанный. Въ пакетѣ былъ прелестный букетъ маргаритокъ съ слѣдующею запиской: «Вотъ мое имя. Я васъ люблю.»

Начинается поискъ за незнакомками. Артуръ д'Эскораль любитъ дѣвушку, которую видѣлъ, но имени которой не знаетъ; онъ любимъ женщиной, имя которой знаетъ, но которой онъ, можетъ-быть, ни разу не видалъ. Какъ отыскать ихъ? По-нашему, надо бы вѣрится доброму своему генію и не заботиться, чѣмъ вся эта исторія кончится. Онъ одѣвается, и хотъ приглашенъ на вечеръ герцога орлеанскаго, ѣдетъ на скромный мѣщанскій балъ съ однимъ пріятелемъ, который хочетъ представить его своей невѣстѣ. Въ этотъ самый вечеръ, онъ находитъ обѣихъ незнакомокъ: любимую дѣвушку встрѣчаетъ онъ на балѣ въ Ломбардской-Улицѣ: имя ея Лаура; она дочь негоціанта и невѣста несчастнаго его друга. Любщую его

женщину встрѣчаетъ онъ черезъ часъ, въ Тюльери, въ салонахъ герцога орлеанскаго. Это молодая замуженная дама, красавица, брюнетка; въ рукахъ ея букетъ точно такой же, какой получилъ онъ въ этотъ вечеръ. Проходя мимо его, она обернулась, бросила на него нѣжный взглядъ, противъ котораго онъ не могъ устоять, и исчезла, а Артуръ, остановленный герцогомъ орлеанскимъ, не могъ ни слѣдовать за ней, ни отыскать ее.

Такимъ-образомъ, вопреки заглавію, незнакомки отысканы безъ всякаго усилія со стороны героя. Теперь, вопросъ о томъ, которую изъ двухъ предпочтетъ онъ, или не станетъ ли любить обѣихъ въ одно время? Артуръ долго въ нерѣшимости; долго колеблется между законнымъ счастьемъ и преступною страстью; сегодня рѣшается онъ жениться на Лаурѣ, завтра отказывается отъ брака и преслѣдуетъ любовью Маргариту, тщетно увѣряющую его, что она его вовсе не любитъ, что записка ея — была мистификація; онъ не даетъ ей покоя и дерется на дуэли съ ея мужемъ. Онъ тяжело раненъ; за нимъ ухаживаетъ, его спасаетъ Лаура, но онъ думаетъ о Маргаритѣ, которую видѣлъ однажды у изголовья своей постели. Во второй разъ рѣшается онъ жениться на преданной дѣвушкѣ... Вдругъ Маргарита вдовѣетъ... что теперь онъ слѣдуетъ? Это секретъ г. Лаверна и мы не смѣемъ нарушить его.

Этотъ романъ не прибавитъ ничего къ репутаціи автора «Герцогиня Мазаренъ». Нѣкоторыя картины обременены излишними подробностями; характеры главныхъ лицъ не довольно-оригинальны и не довольно-развиты. Но вообще сюжетъ обработанъ очень ловко. Читая романъ, чувствуешь, что г. Лаверь написавъ много драмъ и романовъ.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ГЕОРГА IV, соч. лорда Брума.—Записки Картрайта.—Исторія завоеванія Мексики, Прескотта.—Путешествіе по Верхней-Индіи, Дэвидсона.—Письма изъ Нью-Йорка: методистская проповѣдница.—Путешествія и приключенія господина Вюлде, соч. капитана Марриста.—Романы.

Разставшись съ старымъ годомъ, и привѣтствуя новый, скромный лѣтописецъ иностранной литературы все еще прикованъ къ минувшимъ мѣсяцамъ и огмѣчаетъ, что новаго внесли они въ сокровищницу знанія, что приготовили они для образованныхъ читателей въ длинные зимніе вечера. Книжить дѣятельностью англійская литература и послѣдніе мѣсяцы истекшаго года дадутъ свѣту нѣсколько произведеній, которыхъ, кромѣ временнаго интереса, суждена жизнь продолжительная. Нынешній обзоръ нашъ начнется съ историческихъ матеріаловъ. Англичане такъ дорожатъ всѣми своими знаменитостями, что не оставляютъ въ забвеніи ничего, чѣмъ можно объяснить жизнь и характеръ ихъ. Сойдетъ ли извѣстный въ какомъ-нибудь отношеніи человекъ въ міру, тотчасъ являютя записки, воспоминанія о немъ, собираются всѣ письма его, всѣ анекдоты о немъ. Начинаемъ обзоръ нашъ съ замѣчательнаго произведенія лорда Брума. Недавно издавъ онъ третью часть *HISTORICAL SKETCHES OF STATESMEN OF THE REIGN OF GEORGE III, by Lord Brougham* (Историческіе Очерки государственныхъ мужей въ царствованіи Георга III, лорда Брума.) Въ 1838 г., Чар-

лотта Бюри издава «Записки», относящіяся къ исторіи королевы Каролины, «Записки», гдѣ нескромно высказаны были такіа вещи, которыхъ публикѣ не надлежало бы знать. Лордъ Брумъ, бывший некогда адвокатомъ королевы, въ извѣстномъ процессѣ ея съ Георгомъ IV передъ палатою лордовъ, подъ видомъ критической оцѣнки этихъ «Записокъ», издавъ изъ воспоминаній своихъ рядъ историческихъ свѣдѣній, которыхъ третья серія вышла теперь въ Лондонѣ. Глубоко-интересны эти историческіе очерки бывшаго лорда-канцлера. Рѣзкими чертами изобразилъ онъ знатнѣйшія лица, находившіяся болѣе или менѣе въ сопркосновеніи съ этимъ великимъ актомъ въ жизни Георга IV. Самые удачные портреты въ первой серіи были: Георга III, супруга его, герцога Йоркского. Георгъ IV изображенъ во весь ростъ, и не щадитъ его портретистъ. Правда, въ концѣ его характеристики прибавлено, что рожденіе и обстоятельства могутъ служить къ извиненію его, но это замѣчаніе, смягчающее строгость сужденій, стоитъ такъ нелогированно, что не прозвудитъ никакого дѣйствія; королева Каролина изображена съ иррирастивемъ приверженца. (Королева Кароли-

на, послѣ долгой разлуки съ супругомъ и пребыванія за границей, 5 июня 1820 года вышла на берегъ въ Дувръ. Черезъ мѣсяць, лордъ Ливерпуль внесъ въ верхнюю палату билль, обвинявшій королеву въ нарушеніи супружеской вѣрности; процессъ продолжался до 6 ноября; второе чтеніе билля прошло по большинству 28 голосовъ, третье только по большинству 9 голосовъ; министры признали себя побѣжденными; билль взятъ былъ обратно, обвиненіе прекращено; Генри Брумъ одержалъ побѣду надъ королею и министрами ея; то были самые славные дни въ его жизни; но Каролина не прожила и года послѣ такого окончанія достопамятнаго процесса: она скончалась въ Лондонѣ 7 августа 1821 года; смертные останки ея покоятся на ея родинѣ, въ Браушвейгѣ). Рѣзко охарактеризованы Персиваль и Эльдонъ; сэръ Джонъ Личъ, юриконсультъ короля во время процесса, отдѣланъ презрительно; Каннингъ, соперникъ Брума, изображенъ великодушно: видно, время умирляетъ всѣ вражды. Портретъ лорда Додди—одинъ изъ самыхъ удачныхъ портретовъ во всей этой серіи.

Второй отдѣлъ галлерей Брума представляетъ очерки государственныхъ людей и ораторовъ, славившихся въ царствованіе двухъ послѣднихъ Георговъ. Тутъ видны портреты Борка, Фокса, Питта, Шеридана, Уиндгэма, Дондаса, Эрскайна, Тирни. Выступаютъ также великіе образы и контрасты: Наполеонъ и Вашингтонъ...

Третій отдѣлъ историческихъ портретовъ Брума представляетъ портреты недавно-умершихъ знаменитостей и очерки, которые, по разнымъ причинамъ, не попали въ первые отдѣлы. Книга начинается съ обзора французской революціи. Робеспьеръ, Дантонъ, Камилль - Демуленъ, Сен - Жюсть и Сіесть, фигуры наиболѣе обрисованныя. Во всей этой статьѣ, много намековъ на теперешнее состояніе Ирландіи и на О'Коннеля. Такіе же намеки встрѣчаются въ характеристикѣ Уильяма. Въ статьѣ о герцогѣ бедефордскомъ онъ

защищаетъ этого государственнаго чело-
вѣка отъ нападокъ памфлетистовъ.
Брумъ помѣщаетъ въ свою галерею и
Американца Джефферсона, чтобъ погово-
рить о демократіи въ Соединенныхъ-
Штатахъ.

Сочиненіе лорда Брума, основанное на личныхъ наблюденіяхъ и воспоминаніяхъ его, составляетъ замѣчательный матеріалъ современной исторіи. Многія газеты упрекаютъ автора въ пристрастіи но какой же современникъ, писавшій о событіяхъ современныхъ, могъ избавиться отъ подобнаго упрека?

Отъ людей государственныхъ переходимъ къ чело-
вѣку, который чуждъ
былъ волненій политическихъ, буше-
вавшихъ вокругъ него, и оказалъ своему
отечеству гораздо-болѣе пользы, чѣмъ
многіе изъ первостепенныхъ государ-
ственныхъ сановниковъ, красующихся
въ богатой галлерей лорда Брума
MEMOIRS OF THE LIFE, WRITINGS,
AND MECHANICAL INVENTIONS OF ED-
WARD CARTWRIGHT (*Записки о жизни,
сочиненіяхъ и механическихъ изобрѣте-
ніяхъ доктора Эдуарда Картрайта*).

Имя Картрайта преимущественно
извѣстно, какъ имя изобрѣтателя на-
ростаго ткацкаго станка, одного изъ
самыхъ могущественныхъ орудій но-
вѣйшей промышленности. Это изобрѣ-
теніе затмило всѣ другія заслуги его,
которыхъ такъ много, что ихъ достало
бы для составленія славы нѣсколькимъ
человѣкамъ. Картрайтъ, родившійся
въ Мэригемѣ, въ Ноттингемширѣ, былъ
гений универсальный. Онъ былъ замѣ-
чательный въ свое время поэтъ. Его
поэма «Atmine and Elvira» въ те-
ченіе одного года имѣла семь изданій.
Ясное доказательство ея популярности.
Его, какъ поэта, уважали Вальтеръ
Скоттъ и Дюгальдъ-Стюартъ. Краббе-
Монтгомери и всѣ современные знаме-
нитые литераторы были въ дружбѣ и
перепискѣ съ нимъ. Въ Оксфордскомъ
Университетѣ, онъ, восемнадцати лѣтъ,
достигъ степени магистра. По фамиль-
нымъ расчетамъ, онъ поступилъ въ
духовное званіе и болѣе двадцати лѣтъ

былъ насторожь въ Брэмтонѣ, многолюдномъ приходѣ близъ Честеронльда. Прихожане его были люди бѣдные; въ случаѣ болѣзни, они не могли доставать себѣ медицинскаго пособия. Картрайтъ изучилъ медицину и сдѣлался не только духовнымъ, но и тѣлеснымъ врачомъ своей паствы. Въ приходѣ его открылась гнилая горячка. Онъ началъ лечить больныхъ по наставленіямъ медицинскихъ книгъ, находившихся у него. Вотъ собственный разсказъ его объ открытіи простаго средства исцѣлять гнилую горячку, открытіе, котораго не забудетъ исторія медицины. Заболѣлъ горѣчкой мальчикъ, лѣтъ четырнадцати. Я давалъ ему хину и другія лекарства, какія показаны были въ медицинскихъ книгахъ. Ничто не помогало. Болѣзнь съ каждымъ днемъ усиливалась и становилась неизлечимой, такъ-что я ежечасно ожидалъ, что мальчикъ умретъ. Но дѣлая, мнѣ надо было отлучиться изъ прихода. Передъ отъѣдомъ, навѣстилъ я больнаго, какъ думалъ, въ послѣдній разъ и старался приготовить родителей его къ перенесенію тяжкаго удара, казавшагося неизбежнымъ. Разговаривая съ матерью его объ этомъ печальномъ предметѣ, я зайѣтилъ въ углу комнаты надку съ сусломъ. Тутъ пришло мнѣ на память, какъ однажды освѣжилъ я гнилое мясо, повѣсивъ его надъ кадкою съ сусломъ, находившимся въ броженіи. Въ головѣ моей мелькнула мысль, не могутъ ли дрожжи уничтожить гнилаго свойства болѣзни, и я немедленно далъ мальчику двѣ полныя ложки. За тѣмъ я уѣхалъ. Черезъ нѣсколько дней воротясь домой, я тотчасъ освѣдомился о мальчикѣ, и узналъ, что онъ оправился отъ болѣзни. Любопытство подстрекнуло меня, и, не смотря на усталость, на приближеніе ночи, на значительное разстояніе отъ меня дома, гдѣ жилъ больной, я тотчасъ отправился къ нему, и, къ величайшему удивленію, мальчикъ самъ отворилъ мнѣ двери, имѣлъ здоровый видъ, и сказалъ, что ему стало лег-

че съ тѣхъ-поръ, какъ онъ принялъ дрожжи. Нѣсколько разъ потомъ употреблялъ Картрайтъ это простое и всѣмъ-доступное лекарство и всякій разъ оно производило дѣйствія удивительныя. Но послѣднимъ къ механическимъ изобрѣтеніямъ его.

Поэтическое направленіе духа вовсе не такъ чуждо направленію механическаго, какъ кажется съ перваго взгляда. И тамъ, и здѣсь, необходимы живое воображеніе, плодотворная изобрѣтательность, способность соображать, вымышлять. Доказательство — въ жизни Картрайта. Замѣчательно, что сначала онъ зналъ мало, или почти вовсе не зналъ теорій механики и практики. И, не смотря на то, какой радъ полезныхъ изобрѣтеній подарилъ онъ свѣту! Сначала, изобрѣлъ онъ тракціи паровой станокъ. На устройство этого станка употребилъ онъ менѣе года. Много потерялъ онъ неудачъ, много потратилъ денегъ, пока наконецъ люди не увѣрились въ важности его изобрѣтенія. Известно, съ какою завистью и недоверіемъ смотритъ посредственность на всѣ нововведенія. Теперь, въ Англіи дѣйствуютъ нѣсколько сотъ тысячъ станковъ и помогаютъ паровой машинѣ Уатта вырабатывать богатство этой страны. Вотъ сонетъ, въ которомъ Картрайтъ-поэтъ оплакиваетъ неудачу Картрайта-изобрѣтателя:

With sails expanding to the gales of
hope,
My venturous bark pursued her leading
star;
Hers was a voyage of no common scope,
A voyage of discovery, distant far!
To bright invention's intellectual clime,
In search of useful arts, 'twas mine to
roam.
I reached the object of my views sublime,
And richly freighted, bore my cargo
home:
My friends expectant fill the crowded
strand.
But ere I gain the shore what storms
arise,

Шестинныя заслуги, потопленные невнимательством или недоброжелательством, рано или поздно всплывают наверх. На старости лѣтъ, Картрайтъ нѣмѣлъ утѣшеніе видѣть, что важность изобрѣтеній его оцѣнена и частными людьми и правительствомъ. Предстаннымъ отрывкомъ изъ «Записокъ».

Картрайтъ, даже въ то время, какъ патентъ даровалъ ему право пользоваться исключительно плодами изобрѣтенія, мало нѣмѣлъ надежды получить какую-нибудь денежную выгоду отъ ткацкаго станка; и когда срокъ послѣдняго его патента миновалъ, виды на вознагражденіе, нависель, совершенно исчезли. Можетъ-быть, онъ и зналъ, что станокъ его вошелъ въ употребленіе, но онъ нѣмѣлъ такъ-мало смелости съ мануфактурными округами, что не могъ составить себѣ понятія, въ какой мѣрѣ употребляется онъ. Между-тѣмъ, ткацкѣ посредствомъ машины начало дѣлать быстрые успѣхи. Эти успѣхи были въ связи съ обстоятельствомъ того времени. Необыкновенный толчокъ данъ былъ британскимъ мануфактурамъ вообще. Начало настоящаго столѣтія было гораздо благопріятнѣе для введенія ткацкой машины, чѣмъ тотъ періодъ, когда Картрайтъ силится пустить ее въ ходъ. Запросъ за границей на английскія хлопчатобумажныя матеріи сильно увеличился; рабочихъ, по причинѣ продолжительной войны, стало менѣе; мануфактуристы принуждены были прибѣгнуть къ станку Картрайта, который такъ долго они отвергали. Съ 1798 г., когда сожжена была упомянутая нами манчестерская фабрика, и заведеніе Картрайта въ Донкастерѣ было покинуто, кажется, ни одинъ мануфактуристъ не употреблялъ картрайтова станка, потому-что, при существованіи патента, обязанъ былъ платить за употребленіе его. Но машина не выпускалась изъ вида, и когда срокъ патента миновалъ, многіе мануфактуристы старались воспользоваться ею. Въ ней произведены были улучшения. Нѣкоторые изъ улуч-

шителей присвоили себѣ всю заслугу изобрѣтенія, и не всѣмъ при-знаваемо было право Картрайта на первоначальное изобрѣтеніе. Улучшенія въ прядильномъ искусствѣ, значительныя усовершенствованія паровыхъ машинъ и пр. сдѣлали то, что картрайтѣ становилось дѣйствовать гораздо-легче прежнего и болѣе-и-болѣе распространялся. Около 1806 года, Картрайтъ собиралъ свѣдѣнія о стоимости хлопчатобумажной мануфактуры вообще, и особенно въ Манчестерѣ и окрестностяхъ его; онъ зналъ, что ткацкая машина распространена болѣе, нежели какъ онъ предполагалъ, и что отъ нея не только частныя лица, но и вся страна получаютъ значительныя выгоды; между-тѣмъ, какъ самъ изобрѣтатель нѣмѣлъ отъ нея только одніи траты. Въ письмѣ къ другу своему, доктору Вардсли, манчестерскому врачу, выразилъ онъ горькія чувства свои на этотъ счетъ. Вардсли съ дружескимъ жаромъ принялся собирать свѣдѣнія, потребныя для того, чтобъ показать причины, по которымъ Картрайтъ нѣмѣетъ права на общественную благодарность, и доказать манчестерскимъ фабрикантамъ, что онъ настоящій изобрѣтатель употребляемой ими машины. Записка въ пользу Картрайта подписана была пятьюдесятью почетнѣйшими манчестерскими гражданами и въ августѣ 1807 г. представлена правительству. Весною слѣдующаго года, докторъ Аркрайтъ внесъ просьбу о вознагражденіи его въ нижнюю палату».

Заслуги Картрайта были признаны парламентомъ; найдено, что онъ истратилъ отъ тридцати до сорока тысячъ фунтовъ стерлинговъ на свои изобрѣтенія, и въ 1809 г. правительство назначило ему десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ за добрую услугу, оказанную имъ обществу изобрѣтеніемъ ткацкой машины.

Деньги никогда не составляли главной цѣли его усилій. По-этому, сумма, назначенная ему правительствомъ, какъ имъ была несоразмѣрна съ его тратами,

звонилъ удовлетворила его и дала ему возможность предаться сельскому хозяйству, къ которому пристрастился онъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ купилъ себѣ ферму, принялся сажать капусту, откармливалъ овецъ сахаромъ и писалъ статьи о земледѣліи. Для развлечения занимался онъ локомотивами, составилъ проектъ машины, въ которой движущую силой былъ порохъ и заключилъ это длинное поприще изобрѣтеній теоріею планетной системы. Sic itur ad astra!

Этотъ универсальный геній скончался 30 октября 1823 года, восьмидесяти лѣтъ отъ рожденія. Въ прошломъ году, когда вышли «Записки», было ровно сто лѣтъ со времени рожденія его.

Мы сказали, что Англичане такъ дорожатъ всѣми своими въ какомъ-нибудь отношеніи знаменитыми людьми, что не скрываютъ отъ свѣта ничего, могущаго пояснить ихъ жизнь и характеръ. Вотъ другія свидѣтельства того. Въ прошломъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, умеръ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ граверовъ Авраамъ Рэмбахъ. Въ концѣ года вышли: *Memoirs and Recollections of the late Abraham Rambach* (*Записки и воспоминанія о покойномъ Рэмбахѣ*). Въ нихъ много любопытныхъ замѣтокъ, имѣющихъ свою относительную важность для исторіи художествъ въ Англии. — Укажемъ далѣе на *Memoirs of Admiral Earl of St. Vincent, by Jediah Stephens Tucker* (*Записки объ адмиралѣ графѣ Сен-Винцентѣ*, Джедедіи Стефенса Токкера). За исключеніемъ Нельсона, можетъ-быть ни одному офицеру не обязанъ такъ британскій флотъ, какъ графу Сен-Винценту. Имя его извѣстно по блистательной побѣдѣ, одержанной имъ, въ 1797 году, надъ превосходными испанскими силами, близъ мыса Сен-Винцентъ, побѣдѣ, доставившей ему титулъ графа Сен-Винцента. Но эта побѣда составляетъ малую часть славы его. Графу Сен-Винценту обязанъ британскій флотъ тѣмъ высокимъ устройствомъ, тою дисциплиной, которая со-

дѣйствовали столь многими побѣдами. Преобразование, искорененіе злоупотребленій, когда онъ былъ первымъ лордомъ адмиралтейства, составляютъ важнѣйшую услугу его отечеству. Стефенсъ Токкеръ, биографъ графа Сен-Винцента, съимѣетъ домашняго секретаря его. Онъ имѣлъ возможность пользоваться его бумагами и воспоминаніями фамилии покойнаго графа. Въ «Запискахъ» имѣется такъ много писемъ графа, что онъ какъ-бы самъ становится собственнымъ своимъ биографомъ. Въ нихъ обнаруживаются не только его характеръ, но и характеръ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ его современниковъ.

Наконецъ, къ этому отдѣлу историческихъ очерковъ, записокъ, монографій, отнесемъ биографію Шекспира, составленную Чарльсомъ Найтомъ: *William Shakspeare; a Biography, by Charles Knight*. Произведеніе обширное, написанное съ необыкновенною любовью, ревностью, знаніемъ, — сочиненіе, достойное того великаго человѣка, которому посвящено оно. Въ немъ видишь, каковъ былъ Шекспиръ, видишь все, что было вокругъ его, и что и какъ дѣйствовало на него. Большую услугу оказалъ бы нашей литературѣ человѣкъ, который познакомилъ бы русскую публику съ этими обширными трудами, много лѣтъ отнявшими у его автора. До сихъ поръ, у насъ нѣтъ дѣльной и порядочной биографіи Шекспира.

Отъ этихъ матеріаловъ для исторіи политической, промышленной, художественной, перейдемъ къ настоящимъ исторіямъ. Здѣсь на первомъ планѣ должны мы выставить: *History of conquest of Mexico, with a Preliminary View of the ancient Mexican Civilization, and the Life of the conqueror, Hernando Cortés, by W. H. Prescott* (*Исторія завоеванія Мексики, съ предварительнымъ обзоромъ древней мексиканской цивилизаціи и биографіею завоевателя, Гернандо Кортеса*, Уил. Г. Прескотта). Г. Прескоттъ извѣстенъ въ ис-

торической литературы. Исторіей Испаніи при Фердинандѣ и Изабеллѣ. Продолжая занятія испанскою исторіею, онъ перенесся теперь, вслѣдъ за завоевателями испанскими, въ Новый-Свѣтъ. Правда, много уже есть исторій завоеванія Мексики, даже такихъ отличныхъ писателей, какъ Солисъ и Робертсонъ, — но критическій духъ нашего времени требуетъ мелочной вѣрности изслѣдованій и повѣрки и оцѣнки авторитетовъ, а объ этомъ упомянутые писатели не думали. Сверхъ-того, имъ недоступны были многіе матеріалы. Первый великій собиратель матеріаловъ испанской исторіи былъ донъ-Хуанъ Баптиста Муньюсь, которому поручено было изслѣдовать всѣ архивы королевства и колоній его. Онъ умеръ, не свершивъ вполне своего намѣренія, но оставилъ обширную коллекцію драгоценныхъ матеріаловъ. Эта коллекція и нѣкоторыя другія тщательно изслѣдованы были Прескоттомъ.

Изъ всѣхъ частей «Исторіи Завоеванія Мексики», Прескоттъ наиболее въ выгодномъ свѣтѣ являлся въ той части, которая посвящена древней исторіи и цивилизаціи Мексиканцевъ. Въ послѣдніе годы открылось много источниковъ, откуда можно черпать вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, и онъ ревностно воспользовался ими. «*Historia Antigua*» донъ-Маріано Вейтинъ, родившагося въ мексиканскомъ городѣ Пуэбло, въ 1718 году, обнаружена была въ городѣ Мехикѣ, въ 1836 году, и представляетъ важное пособие къ изученію древней исторіи этой страны. Другое твореніе, можетъ-быть, еще важѣйшее, «*Historia universal de Nueva España*», написана Бернардино де-Саагуномъ, французскимъ монахомъ, современникомъ завоеванія Мексики. Прибывъ, въ 1529 году, въ Мексику, въ качествѣ миссіонера, Саагуиъ задумалъ разъяснить древности мексиканскія. Для этой цѣли, онъ проведъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ городѣ въ Тескуко, гдѣ ежедневно бесѣдовалъ со многими туземцами, незнавшими кастильскаго языка. Онъ предлагалъ имъ

вопросы, на которые они писали ему отвѣты іероглифическими рисунками — обыкновенный тогдашній способъ письма въ Мехикѣ. Эти рисунки онъ отдавалъ другимъ туземцамъ, воспитаннымъ въ его глазахъ въ Санта-Крусской Коллегіи, и послѣдніе, носившіеся другъ съ другомъ, сообщали ему письменное объясненіе іероглифовъ на мексиканскомъ языкѣ. Для большей вѣрности, ту же продолку повторялъ онъ въ другой какой-нибудь части Мексики и, наконецъ, отдавалъ весь переводъ на пересмотръ еще третьему лицу. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія онъ приводилъ въ порядокъ. Исторія написана была на мексиканскомъ языкѣ, на которомъ онъ свободно писалъ и говорилъ. Эта исторія заключала въ себѣ огромную массу любопытныхъ свѣдѣній. Но литературная ревность и щедрость Саагуна возбудили подозрѣнія въ его орденѣ, такъ что провинціалъ ордена овладѣлъ его рукописями и разсылалъ ихъ по разнымъ мексиканскимъ монастырямъ.

При такихъ обстоятельствахъ, Саагуиъ написалъ краткій очеркъ содержанія своей исторіи и отправилъ его въ Мадридъ. Тамъ попалъ этотъ очеркъ въ руки донъ-Хуана де-Овандо, президента индійскаго совѣта, который такъ сильно заинтересовался этимъ сочиненіемъ, что велѣлъ возвратитъ рукописи автору и просилъ его перевести исторію на испанскій языкъ. Восемидесятилѣтній старецъ принялся за переводъ съ мексиканскаго языка, книги, написанной имъ за тридцать лѣтъ до того. Испанскій переводъ составилъ два тома in-folio. Онъ отправленъ былъ въ Мадридъ; тамъ онъ исчезъ, и только въ концѣ прошедшаго столѣтія неутомимый Муньюсь отрылъ его въ библиотекѣ толоскаго монастыря. Это сочиненіе напечатано въ Мехикѣ, въ 1829 году.

Сочиненія Антоніо Гамы, другаго ученаго мексиканскаго антикварія, жившаго въ прошломъ столѣтіи, также обнаружены въ послѣдніе годы, и если

въ этихъ новѣйшихъ приобретенияхъ прибавить общіе результаты изысканій Гумбольдта и труды лорда Кингсборо по части мексиканскихъ древностей, то очевидно, что пишущій исторію Мексики въ настоящее время имѣетъ большія преимущества предъ прежними писателями. Г. Прескоттъ воспользовался какъ нельзя лучше этими выгодами.

Можетъ быть, много еще существуетъ неизвѣстныхъ, неизданныхъ источниковъ исторіи мексиканской. А сколько безцѣнныхъ матеріаловъ погибло жертвою невѣжества и предрасудковъ завоевателей Мексики! Прочтите слѣдующее мѣсто изъ «Исторіи» Прескотта:

«Во время прибытія Испанцевъ, много рукописей съ таинственными для завоевателей рисунками хранилось въ туземныхъ архивахъ. Странныя, неизвѣстныя письма возбуждали дозрѣніе Испанцевъ. Они смотрѣли на нихъ, какъ на волшебные свитки, смотрѣли какъ на символы заразительнаго суевѣрія, которые должны были истреблены. Первый архіепископъ Мексики, донъ Хуанъ де-Сумаррага — имя котораго должно быть бессмертнымъ, какъ имя Омара, — собралъ эти рисунки изъ разныхъ частей Мексики, особенно изъ Тескуко, гдѣ были богатѣйшіе національные архивы. На рынокъ въ Тлателолко навалена была цѣлая гора этихъ рукописей и обращена въ пепелъ! За двадцать лѣтъ до того, великій современникъ его, архіепископъ Хименесъ, предалъ такому же аутода-фѣ арабскія рукописи въ Гранадѣ. Необразованные солдаты не замедлили послѣдовать примѣру прелата. Каждая хартія, каждый свертокъ, попавшіеся имъ въ руки, были безумно истребляемы, такъ-что когда въ послѣдствіи ученые стали отыскивать эти памятники цивилизаціи, ихъ уже не было, и немногіе спасшіеся отъ гибели ревниво сирываемы были туземцами. Неудомыслимы труды частнаго человѣка кое-какъ составлена была значительная коллекція и положе-

на въ архивъ Мексики, — и что же? этихъ рукописей расхищены, другія истреблены сыростью, третьи пошли на равное употребленіе, какъ необходимыя бумажки.»

Черезъ столѣтіе послѣ завоеванія, знаніе іероглифическаго письма почти исчезло, — и сомнительно, открыто ли будетъ искусство читать эти рисунки. Бустаменте, современный мексиканскій писатель, говоритъ, однакожь, что ключъ къ цѣлой системѣ мексиканскихъ іероглифовъ найденъ былъ въ коннѣ Борундою и отвезенъ имъ въ Испанію, гдѣ онъ, вѣроятно, гвѣтъ въ какомъ-нибудь архивѣ.

Чтобъ показать нашимъ читателямъ занимательность книги Прескотта, представляемъ два отрывка. Вотъ описаніе жилища Монтекумы:

«Однимъ изъ самыхъ роскошныхъ жилищъ Монтекумы, была царская гора Чаполтенекъ, мѣсто, освященное, сверхъ-того, прахомъ его предковъ. Она находится въ западномъ направленіи отъ столицы, и подовня ея въ то время омывалась волнами Тескуко. На выскомъ гребнѣ порфировой скалы стоитъ теперь величавый, но пустой замокъ, построенный молодымъ вице-кородемъ, Гальвесомъ, въ концѣ семнадцатаго столѣтія. Чуденъ видъ изъ оконъ его. Зрѣніе носится по неизмѣрному протяженію луговъ и воздѣланныхъ полей, на которыхъ волнуется богатая жатва. Сады Монтекумы простирались на нѣсколько миль вокругъ подовныя горы. Стоять еще испанскіе кичарисы, которые болѣе пяти вѣковъ въ окрестности, и нѣсколькими столѣтіями старѣе завоеванія Мексики. Теперь все это мѣсто заросло дикими пустаринкомъ, гдѣ мрутъ съгниваетъ своимъ темнымъ, деснистымъ листьямъ съ красными ягодами и нѣжными листьями перцоваго дерева. Едва-ли можно найти другое мѣсто, которое возбуждало бы столько размышлений о быломъ; сюда подъ величавыми кичарисами, одѣтыми сѣрымъ цветомъ,

путникъ незольно задумывается о грустной судьбѣ индійскихъ племенъ, о судьбѣ монарха, который нередко и иногда подѣтъ тѣню этихъ вѣтвей. Варварскою роскошью окруженъ былъ Монтесума. У него было много женъ, какъ въ гаремахъ восточныхъ султановъ. Онъ жилъ въ своихъ особенныхъ покояхъ и окруженъ былъ всѣми удобствами. Время свое проводилъ онъ въ полезныхъ домашнихъ занятіяхъ, въ тканьи и вышиваньи. Онъ велъ себя съ строгимъ приличіемъ, подѣтъ надзоромъ пожилыхъ женщинъ, исправлявшихъ должность дуэны. Дворецъ снабженъ былъ множествомъ куналенъ, и Монтесума самъ подавалъ примѣръ частыхъ омовеній. Онъ кушалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ день, и перекидывалъ платье четыре раза. Никогда не надѣвалъ онъ одного платья въ другой разъ, а отдавалъ его служителямъ. — Обѣдалъ онъ одинъ. Сотнями блюдъ покрывался устланный циновками полъ огромной залы. Иногда самъ Монтесума, а чаще дворецкіи его указывалъ тѣ блюда, какія онъ предпочиталъ. На царскій столъ, кромѣ домашнихъ животныхъ, подаваемы были дичь изъ отдаленныхъ лѣсовъ, и рыба, накаланутъ плававшая въ Мехиканскомъ Заливѣ. Они приготовляемы были въ разныхъ видахъ. Мехиканцы глубоко проникли въ таинства повареннаго искусства.

Вотъ кровавые обряды мексиканской религіи:

Человѣческія жертвы вошли въ употребленіе за два столѣтія до завоеванія. Съ распространіемъ владычій Астековъ, онъ становились чаще и чаще, и наконецъ не проходило ни одного праздника безъ жертвы. Одинъ изъ самыхъ важныхъ праздниковъ былъ въ честь бога Теснатлеока, вышешекотораго въ божеской іерархіи было только Верховное Существо. Онъ именовался «душою міра», и считался творцомъ его. Мехиканцы изображали его красивымъ человѣкомъ, ода-

реннымъ вѣчною юностію. За годъ до жертвоприношенія, плѣнникъ, отлечавшійся красотою, чуждый вслнхъ тѣлесныхъ пороковъ, избираемъ былъ для представленія этого божества. Онъ поручался особеннымъ наставникамъ, которые учили его исполнять роль съ должною граціей и достоинствомъ. Онъ облакаемъ былъ въ роскошныя платья, предѣтъ нимъ курился опиумъ, его украшали благоуханныя цвѣты, которые Мехиканцы любили такъ же страстно, какъ любить потомки ихъ въ настоящее время. Когда онъ выходилъ изъ дома, за нимъ слѣдовали царскіе пажы, и когда онъ останавливался на улицахъ, чтобъ съиграть какую-нибудь любимую мелодію, народъ падалъ ницъ передъ нимъ, и воздавалъ ему честь, какъ представителю благаго божества. Такимъ образомъ, онъ велъ роскошную жизнь. За мѣсяцъ до жертвоприношенія, избираемы были четыре дѣвушки-красавицы, получали имена главныхъ богинь, и раздѣляли съ нимъ ложе; вмѣстѣ съ ними жилъ онъ въ удовольствіяхъ и игѣ; почетнѣйшіе граждане давали ему пиры и оказывали всѣ божескія почести. Наконецъ, наступалъ роковой день. Конецъ кратковременной славы и наслажденія! Снимались съ него богатыя убранства, прощался онъ съ прекрасными подругами своими. Царскій матеръ перевозилъ его чрезъ озеро къ храму, высиавшемуся на берегу, за милою отъ города. Туда стекались жители столицы, чтобъ видѣть жертвоприношеніе. Когда печальная процессія медленно собралась на пирамиду, несчастная жертва бросала цвѣточныя вѣнки, разбивала музыкальные инструменты, которыми утѣшалась она въ плѣну. На вершинѣ встрѣчали несчастнаго шесть жрецовъ; длинные локоны ихъ въ-беспорядкѣ раскидывались по большимъ платьямъ, покрытымъ іероглифическими мистическими знаками. Они приводили его къ жертвенному камню, огромной аснисовой глыбѣ, верхняя часть кото-

рой была несколько выпукла. На камень клали плѣнника. Пять жрецовъ держали его голову, руки и ноги; шестой, въ червленой мантии, служившей эмблемою кровавой обязанности его, ловко разсѣкалъ грудь жертвы острымъ ножомъ изъ *итцетли* — вулканическаго вещества, твердаго какъ камень, и погруживъ руку въ рану, вынималъ оттуда трепещущее сердце. Поднявъ его сначала къ солнцу, предмету обожанія въ Анагуакѣ, служитель смерти бросалъ его къ ногамъ божества, которому посвященъ былъ храмъ; толпа, стоявшая ввизу, набожно падала ницъ. Трагическую исторію плѣнника жрецы объявляли, какъ образъ судьбы человѣческой, которая, блестящая въ началѣ, часто оканчивается печалью и несчастьемъ.

Вотъ другая книга, относящаяся также къ исторіи Америки: *THE HISTORY OF THE ORIGIN, PROGRESS, AND TERMINATION OF THE AMERICAN WAR*, by Charles Stedman (*Исторія происхожденія, хода и окончанія американской войны*, Чарльза Стэдмена), — твореніе во всѣхъ отношеніяхъ превосходное, одна изъ лучшихъ исторій войны англійскихъ колоній въ Сѣверной-Америкѣ за независимость; но это книга не новая: она вышла только новымъ изданіемъ. Изъ новѣйшихъ историческихъ твореній, послѣ Прескотта, можемъ указать только на *THE HISTORY OF EGYPT UNDER THE ROMANS* by Samuel Sharpe (*Исторія Египта подъ владычествомъ Римлянъ*, Самуила Шарпа). Мастеръ Шарпъ давно уже съ неутомимою ревностію разрабатываетъ древнюю исторію Египта. Въ 1836 году издалъ онъ *THE EARLY HISTORY OF EGYPT, FROM THE OLD TESTAMENT, HERODOTUS, MANETHO AND THE HIEROGLYPHICAL INSCRIPTIONS*. (Древняя исторія Египта, заимствованная изъ Ветхаго-Заветъа, Геродота, Манетона и иероглифическихъ надписей). Въ этомъ твореніи онъ собралъ все, что говорятъ древніе писатели и египетскіе памятники объ исторіи Египта

до завоеванія этой земли Персами. Затѣмъ, онъ издалъ *THE HISTORY OF EGYPT UNDER THE PTOLEMIES* (Исторія Египта при Птоломахъ). Послѣ того, трудолюбивый авторъ издалъ *EGYPTIAN INSCRIPTIONS FROM THE BRITISH MUSEUM AND OTHER SOURCES* (Египетскія надписи изъ Британскаго Музея и другихъ источниковъ). Здѣсь, на шестидесяти большихъ листахъ изображены были самыя надписи. Въ слѣдъ за тѣмъ, явились *RUDIMENTS OF A VOCABULARY OF EGYPTIAN HIEROGLYPHICS* (Начала словаря египетскихъ иероглифовъ). Теперь онъ издалъ еще часть египетской исторіи. Нельзя не быть признательнымъ къ такому трудолюбію, особенно когда оно соединено съ обширнымъ эрудирваніемъ и умѣньемъ придавать занимательность предметамъ сухимъ. Кстати упомянемъ здѣсь объ *ANCIENT EGYPT. HER MONUMENTS, HIEROGLYPHICS, HISTORY AND ARCHAEOLOGY, AND OTHER OBJECTS CONNECTED WITH HIEROGLYPHICAL LITERATURE*, by George R. Gliddon (*Древній Египетъ, его памятники, иероглифы, исторія, археологія и другіе предметы, находящіеся въ связи съ иероглифическою литературою*, Джоржа Глиддона). Авторъ этой книги — съ 1818 по 1841 годъ былъ сѣверо-американскимъ консуломъ въ Каирѣ, имѣлъ возможность на мѣстѣ изучать исторію и памятники египетскіе, и написалъ книгу, въ которой соединилъ все, что въ новѣйшее время открыто относительно древняго Египта.

Переходимъ къ путешествіямъ. Изъ немногаго. Инженерный подполковникъ Дэвидсонъ рассказываетъ свои путешествія и приключенія по Верхней-Индіи (*DIARY OF TRAVELS AND ADVENTURES IN UPPER INDIA*, by Davidson). Дэвидсонъ самъ склываетъ читателямъ, что онъ страстный охотникъ, ученый эпикуреецъ, и немножко юмористъ. Эти качества, дѣйствительно, выражаются въ его *Дневникѣ*. Его очерки состоянія страны живописны, и, надо полагать, вѣрны. Положеніе городовъ въ Верхней-Индіи представляетъ онъ въ картинѣ не очень-пріятной.

«Богатство Индіи» говоритъ онъ: которое прежде давало возможность строить обширные города, великобѣдные каменные или кирпичные ка-раван-бѣраи, гдѣ могло помѣщаться отъ шести до восьми тысячъ чело-вѣкъ, огромные мосты, пышные ме-чети и пагоды, все прошло, все исчезло совершенно. Всѣ города Индіи, съ весьма-немногими исключениями, ле-жатъ въ развалинахъ. Города Дели ожужены руинами. Агра, Буранпуръ, Арангабадъ имѣютъ обширныя пред-мѣстья, лежащія въ развалинахъ. Деканъ—груда развалинъ. Многіе города въ центральной Индіи, гдѣ прежде были сотни тысячъ жителей, теперь въ буквальный смыслъ не имѣютъ ни одного, и населены леопардами, тигра-ми, лосями и буйволами. Въ глухихъ мѣстахъ встрѣчаете вы индійскіе хра-мы, каменные водоемы въ восемьсотъ квадратныхъ ярдовъ, глубокіе кир-пичные колодези, обширныя кладбища, и другія доказательства богатства, могущества и многочисленнаго на-родонаселенія. Мальтухъ никогда не написалъ бы своей слишкомъ-просла-вленной книги, Годвинъ никогда не написалъ бы своихъ слишкомъ-мало-оцѣненныхъ отвѣтовъ на нее, еслибы они видѣли Индію. Индія—обширный мѣ-стами. Она могла бы содержать и про-питывать народонаселеніе въ-пятеро болѣе того, какое теперь живетъ въ ней, — и при всемъ томъ, это бѣднѣй-шая страна въ мірѣ.»

Въ путешествіи, Дэвидсонъ былъ ограбленъ. Вскорѣ послѣ того, встрѣтилъ онъ съ однимъ *тугомъ* (мы предполагаемъ, что читатели наши имѣютъ понятіе о страшной сектѣ *тугомъ*) и раз-сказалъ ему заключеніе свое.

«Радость, озарившая лицо его, за-ставила меня спросить: признайтесь, не участвовали ли вы сами въ этомъ дѣлѣ, или не исполнено ли оно ва-шими агентами.» Лицо его вдругъ при-няло строгое выраженіе, и, кинувъ на Т. XXXII. — Отд. VII.

меня взгляды, который могъ бы оле-денить менѣе-невиннаго вопросителя, онъ отвѣчалъ: — Нѣтъ, сэръ, мое реме-сло — убійство, а не грабежъ. — Какъ? — сказалъ я, робкимъ и почтительнымъ голосомъ: не-уже-ли вы, *туми*, для развлечения — не занимаетесь низши-ми отправленіями нашего ремесла? — «Это не наше дѣло. Правда, мы гра-бимъ, отпираться нѣ для чего, но это не наше ремесло; мы считаемъ это низкимъ и грязнымъ, и уиѣрю васъ, развѣ только новичокъ спустится такъ низко, что станетъ грабить па-латку или жилой домъ.»

Такое странное понятіе *тугомъ* о че-сти можно сравнить только съ понятіями сипаевъ о правахъ на спасеніе. Извѣстно, что Индусы ходятъ на по-клоненіе къ тому мѣсту, гдѣ слива-ются Гангъ и Джумна.

«Увидѣвъ, что сипанъ въ подной сол-датской формѣ безъ пощады колотятъ какого-то факира, я подсказалъ къ этой толпѣ. — Эй, братцы, сказалъ я: за что вы колотите этого нищаго? — Одинъ сипанъ подошелъ ко мнѣ; въ лицѣ его выразалось сильнѣйшее не-годованіе. — Помните, сэръ, ска-залъ онъ: этотъ каналья — чумаръ (низшая каста, промышленная шку-рами животныхъ и проч.), а я — шу-три! Какое право имѣтъ онъ проби-раться на эту священную землю? Ес-ли онъ околѣетъ отъ болѣзни, какую получить здѣсь, то мерзавецъ, пожа-луй, будетъ считать себя въ правѣ понасть на небо, — бездѣльникъ эта-кой! Можно ли это вытерпѣть? Не-уже-ли вы думаете, что у насъ нѣтъ вовсе никакого религіознаго чувства и мы допустимъ такое оскверненіе святыни?»

Марія Чайльдъ, американская писа-тельница, написала къую книгу, въ которой старается изобразить Нью-Йоркъ во всѣхъ отношеніяхъ: *Letters from New-York by Maria Child (Письма изъ Нью-Йорка). О Сивернои*

Америку, о сѣверо-американскихъ нравахъ писано такъ много, что мы не рѣшаемся знакомить читателей подробно съ этимъ новымъ очеркомъ американской жизни, въ которомъ, правду сказать, не такъ много новаго. Представимъ только слѣдующую странную истинно-американскую сцену, сцену религіозную, которой могутъ подивиться набожные наши читатели: «Пріятель мой, проходя мимо методистской церкви, услышалъ внутри ея такой шумъ, что полюбопытствовалъ узнать, отъ-чего онъ происходитъ. Церковь была биткомъ-набита слушателями; негритянка говорила проповѣдь. Разсказъ его объ этой проповѣди возбудилъ мое любопытство, и я рѣшилась повидаться и познакомиться съ проповѣдницею. Случай свелъ меня съ нею.

«Я спросила Юлію Пель (имя проповѣдницы), пробовала ли она когда-нибудь учиться читать. — «Да, сударыня, отвѣчала она: попробовала однажды; я думала, не худо будетъ, если сама стану читать Библию. Училась я, матушка, усѣбно, и въ короткое время выучилась разбирать по складамъ: бу-ло-чна-я. Сгубилъ было меня, сударыня, эти склады. Станешь думать, — думать, не идутъ въ голову мысли, а все складывается: бу-ло-чна-я. Разъ прихожу я въ церковь и хочу проповѣдовать, развѣваю ротъ, хочу сказать: «возарите на грѣдущее» и говорю: бу-лоч... Миѣ стало страшно какъ стыдно, и я расступилась, что не надо учиться читать.»

«Въ слѣдующее воскресенье, пошла я сама послушать ея проповѣди. Никогда не слыхала я такого смѣшенія вещей высокихъ, прекрасныхъ, смѣшныхъ, никогда не видела такихъ отчаянныхъ жестовъ, такихъ драматическихъ позъ. Я такъ и думала, вотъ-вотъ слетитъ она съ каедры, и понесется на незримыхъ крыльяхъ надъ изумленнымъ собраніемъ. Она давала тихо, постепенно возвыша-

ла тонъ, и наконецъ пришла къ кричать, какъ обыкновенно кричатъ негодяи. И долго, невѣроятно-долго кричала она, не переводя духа, и съ такимъ на праженіемъ, что даже я почувствовала тягостное ощущеніе. — «Тишина на небесахъ! водила она. Господь сказалъ Гавриилу: вели умолять всѣмъ ангеламъ. Ступай на третье небо, и скажи архангеламъ, чтобы они не брали въ золотыи свои арфы. Пусть горы исполнятся молчаніемъ. Пусть море прекратитъ вой свой и земля стихнетъ. Согрѣшилъ человекъ и кто спасетъ его? Пусть все молчитъ, ибо Господь ищетъ Мессію. Ступай на землю, ступай скорѣе, Гавриилъ, и посмотри, нѣтъ ли тамъ достойнаго быть Мессіемъ. И воротился Гавриилъ и сказалъ: нѣтъ ни одного. Ступай, пощи среди ангеловъ, Гавриилъ, пощи, нѣтъ ли достойнаго, ступай поспѣше, Гавриилъ, — и Гавриилъ воротился и сказалъ: нѣтъ ни одного. Но не унывайте, бѣдные грѣшники! Возсталъ Господь въ величій своемъ и пр...

«Страшно было описаніе воскресенія и дня суднаго. Странно-фантастическою даже сверхъестественною казалась фигура ея, когда проповѣдница, повидимому, готова была перескочить черезъ каедру, представляя, какъ мертвецы встаютъ изъ гробовъ своихъ. Такъ могущественно было грубое краснорѣчіе ея, что оно поражаело меня величіемъ, и разъ только возбудило улыбку, именно, когда она описывала, какъ святой мужъ, зарытый въ глубинѣ двадцати футовъ, смился встать, но ему иѣшають три или четыре грѣшника, лежащіе на немъ. — Въ заключеніе, она представила намъ евангельскій корабль, нагруженный святыми, и плывущій къ небесному берегу. Съ дикою граціозностію движеніемъ рукъ подражала она величественному движенію корабля по бурному морю и треметанію вышлепа отъ вѣтра. Онъ подходилъ къ берегу

• О! то было прекрасное утро! По первому удару небеснаго колокола, ангелы сбѣжали толпою на берегъ встрѣчать святыхъ. — Тамъ встрѣтимся мы, возлюбленные мои странники. Прощайте, прощайте, прощайте на землѣ! но я встрѣчу васъ тамъ, и она благоговѣнно подымае руку вверхъ. Дай Богъ всѣмъ намъ попасть на благословенный корабль! Слушатели отъ вѣчалъ единодушнымъ крикомъ: хотимъ! хотимъ! Подстрекнутая такими отвѣтами, Юлія продолжала съ удвоеннымъ жаромъ: Прощайте, прощайте! Пусть свѣтъ говорить обо мнѣ, что хочеть, но я навѣрно встрѣчу васъ въ широкомъ небесномъ заливѣ. Адъ схватилъ меня, но не доставеть у него силъ удержать меня. Прощайте на землѣ! Еще и еще простерла она руки вверхъ и произнесла дикое: *prossate!* Всѣ слушатели кричали въ слѣдъ за ней. прощайте! Нигдѣ не видалъ я такого восторга слушателей. Слава! аминь! аллилуйя! вопилъ народъ. Восторгъ выражался въ топаньѣ, пѣніи, крикахъ, вопляхъ. Казалось, бурлить море, взволнованное вѣтрами.

Мы въ недоумѣніи, куда отнести новое произведеніе капитана Марріета: *Narrative of the Travels and Adventures of Monsiur Violet in California, Sonora and Western Texas, Written by Capt. Magyat.* (Рассказъ о путешествіяхъ и приключеніяхъ господина Виоле въ Калифорніи, Сонорѣ и западныхъ частяхъ Техаса. (Истинный ли это рассказъ или плодъ вымысла остроумнаго и веселаго капитана? Марріетъ рассказываетъ похождения молодого Француза, котораго прихотливая судьба сдѣлала вождемъ одного дикаго племени въ Сѣверной-Америкѣ. Благодарный Итальянецъ, князь Серравалле, просидѣвъ десять лѣтъ въ тюрьмѣ, и потомъ изгнанный изъ отечества за политическія мнѣнія, пустился странствовать, забрелъ въ западныя пустыни Сѣверной-Америки и рѣшился преданность роль просвѣтителя дикихъ пле-

менъ роли несчастнаго утописта въ Баронѣ. Онъ воротился на родину, продалъ свои помѣстья, и нагрузилъ корабль плугами, инструментами всякаго рода, каменщиками, фермерами, плотниками. Во время пребыванія въ Италіи, онъ встрѣтился съ Французомъ Виоле, который рѣшился сопутствовать ему и сдѣлаться вѣстѣмъ съ нимъ дикаремъ. Плаваніе ихъ было благополучно. Авантюристы построили родъ крѣпости въ четырехъ миляхъ отъ устья Рѣки-Иностранцевъ, въ сѣверной части Калифорніи, и Индійцы Шошоны приобрѣли себѣ двухъ новыхъ вождей, не считая третьяго будущаго вождя — младенца, котораго военное и гимнастическое воспитаніе поручено было одному изъ самыхъ главныхъ въ племени воиновъ. Проведя читателей на берега Тихаго-Океана, капитанъ говорить, что до-сихъ-поръ писатели обращали вниманіе только на тѣхъ сѣвероамериканскихъ дикарей, которые живутъ на востокѣ и сѣверѣ, а западныхъ племенъ, гораздо-важнѣйшихъ, не только не изучали, даже не упоминали о нихъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ поколѣній. Онъ говорить, что въ преданіяхъ Шошоновъ сохраняется еще память о переселеніи ихъ изъ Азіи въ Америку, гдѣ предки ихъ, кажется, вели, подобно имъ, жизнь кочевую. Интересно и живописно изображаетъ онъ нравы, охоту и рыбную ловлю Индійцевъ. У Шошоновъ женихъ спрашиваетъ невѣсту: будешь ли ты вѣрна ни хижѣ, вѣрна отцу, вѣрна дѣтямъ его? И невѣста отвѣчаетъ: Буду вѣрна, всегда вѣрна, въ радости и печали, на жизнь и на смерть! Прибавимъ, что женщины ихъ носятъ имена: Голубка, Луговая-Индія, Дыханіе-Вѣтерка и пр., не въ примѣръ другимъ краснокожимъ дамамъ, отличаются красотой, дающею имъ право носить эти поэтическія имена. Князь, воротясь изъ Италіи, чтобъ выучить Шошоновъ разводить хлѣбъ и табакъ, привезъ съ собою миссіонеровъ для обращенія ихъ въ христіанство. Дикари любилъ бѣлолицаго и съ почтеніемъ слушали его и

умныхъ черно-кастанниковъ, прѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ; но, какъ говорить ему одинъ старый вождь, бѣлый Маниту говорить устами его, а бѣлый Маниту не знаетъ природы Индійцевъ. Потому Шошоны не хотѣли ни обращаться въ христіанство, ни проводить борозды, потому-что не Богъ бѣлолицыхъ создать краснокожихъ, потому-что они войны. потому-что они боятся, обработывая землю, ослабить свое арміе, и заставить неприятелей своихъ сказать, что они не люди, а кроты.

Не могли передать земледѣлія, князь далъ дикарямъ ружья, порохъ. Индійцы-Вороны, сосѣды и слѣдовательно естественные враги Шошоновъ, завистливыми глазами смотрѣли на превосходство, какое доставило соперникамъ ихъ оружіе, подаренное великимъ бѣлолицымъ воиномъ. Но Вороны болѣе способны были каркать и бѣгать, чѣмъ храбро идти по стезѣ войны. Сверхъ того, они выкурили трубку мира съ своими сосѣдами: по-этому, князь, ѣдившій въ Сен-Луи (въ Миссури), надѣялся безопасно воротиться въ свою плантацію, въ сопровожденіи четырехъ или пяти бѣлолицыхъ. На другой день повывадъ изъ Сен-Луи, онъ встрѣтилъ сильный отрядъ Вороновъ, которые, не смотря на миръ, не хотѣли опустить такой прекрасный случай безъ всякой опасности овладѣть богатою добычею. Они позволили князю продолжать путешествіе, но слѣдовали за нимъ издали, и когда настала ночь, такъ неожиданно напали на лагерь его что великій-воинъ и спутники его были схвачены и связаны прежде, чѣмъ успѣли схватиться за оружіе.

Вороны собрались на совѣтъ. Князь, обратясь къ вождю, горько упрекалъ его въ изроумствѣ. Превратительно слушалъ его Индеецъ. Но жадность одержала верхъ надъ ненавистью, и Воронъ спросилъ плѣнниковъ, какую цѣну хотѣтъ они выкупить свою свободу. Князь обѣщалъ двухъ коней, два ружья и сотню долларовъ; но вождь отвѣчалъ,

что такъ какъ вся поклажа плѣнниковъ находится уже въ рукахъ его, то онъ ожидается отъ нихъ выкупа гораздо-значительнѣе. Онъ требовалъ, чтобы одинъ изъ спутниковъ великаго-воина отправился въ фортъ Галль, въ сопровожденіи пяти Вороновъ, и отвезъ туда подписанный княземъ приказъ выдать Воронамъ шестьдесятъ одѣялъ, двадцать ружей и десять бочонковъ пороха. Въ-продолженіе этого времени, прочіе плѣнники должны быть отведены въ страну Вороновъ, гдѣ свобода будетъ возвращена имъ по полученіи выкупа. Князь не соглашался принять этихъ условій, убѣжденный, что попавъ въ земли неприятельскія, онъ и друзья его никогда не получатъ свободы.

Раздраженный Воронъ началъ бранить Шошоновъ, европейскаго вождя ихъ и занесъ руку на томагоукъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и одинъ Воронъ палъ, пробитый пулею.

— Вождь говорить слышномъ-громко, сказалъ князь.—Я слышу во мракѣ шаги Шошоновъ. Лучше Воронамъ бѣжать въ свои горы, не то мясомъ ихъ откормятъ собакъ нашего племени.

Бѣшенство исказило черты вождя, но онъ стоялъ неподвижно, равно какъ и воины его, прислушиваясь и стараясь открыть, въ какую сторону имъ лучше бѣжать.

— Страхъ превратилъ Вороновъ въ камень, продолжалъ князь.—Что сдѣлалось съ вашими легкими ногами? Я слышу Шошоновъ.

— Бѣлолицая собака не увидитъ ихъ, холодно возразилъ Индеецъ, опустивъ томагоукъ на голову Каролиана, который палъ мертвымъ.

Прочіе плѣнники, связанные, не могли защищаться, и трое изъ нихъ были убиты; но прежде, чѣмъ дикари

успѣлъ умертвить остальныхъ, залцъ изъ ружей повалилъ человекъ двадцать изъ нихъ, а прочихъ обратилъ въ бѣгство. Тридцать Шошоновъ, выскочивъ изъ сосѣдняго кустарника, бросились въ слѣдъ за бѣглецами, у которыхъ отняли еще десять пучковъ волюсь.

Такъ погибъ великій-воинъ. Не беремся рассказывать странствованій и похожденій самого Виолё, составляющихъ главный предметъ книги Маррiата. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Кромѣ жизни дикарей и природы Сѣверозападной Америки, много интереснаго рассказываетъ онъ про Калифорнію, про техасскіе нравы, и читая этотъ рассказъ, недоумѣваешь, что это такое, правда или вымыселъ.

Недоумѣніе наше разрѣшаетъ нѣкто Томасъ Фальконеръ, который, въ журналѣ «Athenaeum», утверждаетъ, что и имя и похожденія Виолё — вымышленныя, что событія, рассказываемыя Маррiатомъ отъ имени Виолё, выписаны, и перѣдко слово-въ-слово, изъ равныхъ американскихъ журналовъ и памфлетовъ, въ томъ числѣ изъ статей Фальконера; что многія событія истинныя искажены имъ, и что, наконецъ, рассказы его о предметахъ естественной исторіи такъ странны, что зоологическія общества рѣшительно должны стать въ-тупикъ. Хуже всего, что капитанъ, обобравъ разныхъ авторовъ, нигдѣ не выставилъ именъ ихъ. Какъ бы то ни было, большинство европейскихъ читателей мало знакомо съ американскими журналами и брошюрами, и съ удовольствіемъ прочтеть занимательные рассказы Маррiата, полу-вымышленные, полу-истинные, полу-оригинальные, полу-украденные.

Къ числу полу-вымышленныхъ, по-
т- XXXII. — Отд. VII.

ду-истинныхъ рассказовъ надлежитъ отнести также новое произведеніе Купера, о которомъ говорили мы въ послѣднемъ номерѣ «Отч. Записокъ» за прошлый годъ, въ отдѣленіи Разныхъ Извѣстій: *RED MEERS, OR A LIFE BEFORE THE MAST. Edited by J. Fenimore Cooper (Индѣ Майрсъ, или жизнь на кораблѣ; издано Куперомъ)*. Куперъ увѣряетъ, что приключенія стараго моряка, рассказываемыя въ его книгѣ, написаны имъ со словъ самого героя этихъ приключеній. Моряки найдутъ для себя много интереснаго въ этихъ морскихъ рассказахъ.

Общественные и политическіе вопросы, занимающіе въ настоящее время Великобританію, доставляютъ англійскимъ писателямъ и писательницамъ сюжеты для романовъ. Подобно тому, какъ теперешнее тревожное состояніе Ирландіи подало поводъ г. Гольмсу написать романъ: *Oakleigh*, о которомъ мы говорили въ послѣднемъ обзорѣ англійской литературы, и дѣйствіе котораго происходитъ во время мятежа въ Ирландіи, въ 1798 г., хартиские проники и стремленія дали поводъ Сент-Джону написать: *Sir Cosmo Rigby, a tale of the Monmouthshire, the Riots, by St. John. (Сэръ Космо Рибби, повѣсть о монмутширскихъ мятежахъ)*. Здѣсь рассказывается нападеніе на городъ Ньюпортъ валлійскихъ хартисовъ, полъ начальствомъ Фроста и другихъ предводителей, славныхъ въ-послѣдствіи въ колоніи-Газета «Chronicle» очень хвалитъ изображеніе Валлиса и валлійскихъ жителей. — Мистриссъ Троллопъ написала романъ *Jessie Phillips, повѣсть о новомъ законѣ о бѣдныхъ (new-poor-law)*.

Мистриссъ Горъ надала романъ: *THE BANKER'S WIFE, OR COURT AND CITY, by Mrs. Gore. (Жена Банкира, или*

дворъ и Сити). Тутъ изображаются безчестныя продѣлки, чтобъ скрыть
 страданія жены банкира, который, желая затмить сосѣда своего, горделиваго
 лорда, мотааетъ нѣтъ нѣтъ, пускается на затруднительное положеніе своихъ дѣлъ
 и оканчиваетъ трагически свою жизнь.

VIII.

С Н Ъ С Ъ.

НОВОСТИ УЧЕНЫЯ.

ТЕПЛОТА, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНЕТИЗМЪ ЗЕМНАГО ШАРА.—

Шаръ земной имѣетъ свою собственную теплоту, магнетизмъ. Это фактъ давно-извѣстный. Меранъ, французскій академикъ прошедшаго столѣтія, развилъ ученымъ образомъ идею центральнаго огня и доказалъ математически существованіе высокой температуры въ нижнихъ слояхъ коры земной. Послѣдующіе физики и геогносты, Требра, Добсонсенъ, Ланъ, Форбсъ, Фоксъ, Деларо, Марсель, Кордье, Гумбольдтъ, Купферъ подтвердили априорическое заключеніе Мерана болѣе или менѣе точными термометрическими наблюденіями.

Въ апрѣльской книжкѣ «Edinburgh new philosophical Journal» помѣщены наблюденія г. Генуода (Newwood), котораго онъ дѣлалъ въ англійскихъ рудникахъ въ Граествахъ Девонскомъ и Корнуалійскомъ, въ различныхъ породахъ — въ сланцѣ, гранитѣ, известнякѣ и въ оловянно-мѣдныхъ жилахъ. Наблюденія

эти не представляютъ ничего новаго; они только подтверждаютъ гипотезу Мерана, на которой Фурье построилъ свою огненную теорію.

Вотъ средній результатъ наблюденій, произведенныхъ въ десяти мѣстахъ:

На глубинѣ 30 саж.	12°,5	цельс.	термом.
— — — 72	—	16°	— —
— — — 127	—	19°,6	— —
— — — 173	—	25°,5	— —
— — — 240	—	29°,7	— —

Въ гранитѣ, температура, какъ нашелъ Генуодъ, возрастаетъ не такъ быстро, какъ въ сланцѣ и известнякѣ — вѣроятно, потому что дождевая вода легче проникаетъ въ гранитъ, нежели въ известнякъ и сланецъ, и охлаждаетъ его высокую температуру. Породы тентъе-жилыхъ массъ, и между жилыми массами самая холодная — олово. Это послѣднее наблюденіе давно было замѣчено еще въ Германіи тамошними рудокомами.

Наблюденія надъ магнетизмомъ земнаго шара начались съ 1666 года. Гильомъ Дени, гидрографъ діепскій, былъ первый наблюдатель магнитной силы нашей планеты; а Галлей, въ 1771 году, составилъ первую карту распро-

страненія этой силы на землѣ. Съ тѣхъ поръ, магнитныя наблюденія сдѣлались только интересными, какъ выраженія новой стороны мировой дѣятельности нашей планеты. Магнетическія карты Галлеа, Ганштейна, Гауса и другихъ физиковъ, показали соотношеніе между распространеніемъ теплоты и магнетизма на землѣ. Магнитныя полюсы на нихъ совпадаютъ съ полюсами холода, и нулевая изодинамическая магнитная линія являеся параллельно экватору. Это соотношеніе указываетъ на связь, которая, по-видимому, должна существовать между двумя дѣятелями — теплотою и магнетизмомъ. Связь эту еще болѣе подтверждаютъ наблюденія Эме надъ магнитною силою въ Алжирѣ, представленныя въ прошедшемъ мѣсяцѣ Парижской Академіи Наукъ; эта связь и открытіе электрическихъ токовъ въ корнуэйскихъ рудникахъ, сдѣланное Фоксомъ, объясняютъ намъ очень вѣроятно морщивеніе температуры въ нижнихъ слояхъ коры земной.

Эме дѣлалъ свои магнетическія наблюденія въ 1841 году. Изъ таблицы его видно, что минимумъ — наименьшая величина склоненія, имѣется въ продолженіе года; въ самый долгій день, склоненіе магнитной стрѣлки минимумъ бываетъ въ 7 часовъ; а въ самый короткий въ 8 часовъ и 30 минутъ.

Макимумъ — наибольшая величина склоненія, напротивъ, бываетъ въ долгие дни въ 2 часа пополудни, а въ короткіе равно въ полдень.

Измененія температуры на поверхности земли совершенно соответствуютъ во времени разблещеніямъ склоненія магнитной стрѣлки, такъ-что послѣдніе можно разительно рассматривать вообще; какъ слѣдствіе неравеній температуры дня и ночи. Эти неравенія температуры необходимо имѣютъ вліяніе и на наклоненіе стрѣлки и вообще на напряженіе магнитной силы.

Фоксъ, наблюдая магнетизмъ въ рудникахъ корнуэйскихъ, открылъ въ мѣдной и колчеданной жилахъ электрическій токъ, который отклонялъ

стрѣлку гальванометра на 14° и 15°. Нельзя почитать этотъ токъ какимъ-нибудь частнымъ временнымъ явленіемъ. Фоксъ дѣлалъ наблюденія въ продолженіе восьми мѣсяцевъ и всегда получалъ одинъ и тотъ же результатъ. Онъ успѣлъ даже, посредствомъ этого тока, сдѣлать гальвано-пластическій мѣдный оттискъ съ барельефа, длиною въ полтора дюйма, шириною въ дюймъ съ четвертью, и толщиною въ три тридцатыхъ дюйма.

Изъ этого надобно заключить, что токи электрическіе пересекаютъ кору земную въ различныхъ направленіяхъ. Эти токи, по всей вѣроятности, возбуждаютъ въ ней теплоту, которую большая часть геогностовъ почитала остаткомъ первобытнаго огня, расплавившаго нашу планету.

Токи электрическіе сами происходятъ отъ поперебѣннаго направленія нагрѣванія и охлажденія поверхности земли дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Опыты Фарадея надъ магнетическими дѣйствіями тѣла въ движеніи (magnétisme en rotation) показываютъ даже, какимъ образомъ въ землѣ, когда она сдѣлалась магнитною, произошли электрическіе токи отъ ея суточного движенія.

Такимъ образомъ, температура воздушная, действуя на магнитную силу нашей планеты, возбуждаетъ въ ней электричество, которое, въ свою очередь, есть источникъ теплоты. Самыя магнетизмъ можно рассматривать, также, какъ слѣдствіе дѣйствія подземныхъ электрическихъ токовъ.

Вотъ какаѣ тайны, тѣсныя связи существуютъ между этими тремя дѣятелями на земномъ шарѣ.

НИУТОНОВАЯ ЛИНІЯ.— Августинъ, можетъ-быть, одна изъ самыхъ интересныхъ частей жизни и, по смотру на это, наименѣе-обработанная. Великіе аналитики Нютонъ, Эйлеръ, Лагранжъ, оверши математическими послѣдовательными много прояснили и развили теорію звука. Нютонъ опредѣлилъ значеніе звука; но многіе законы, управляющіе этимъ драматическимъ движеніемъ во-

духа, остались для нихъ неразгаданною тайною, вѣроятно потому, что акустика есть чисто-экспериментальная часть физики, и она плохо вляется съ математическимъ анализомъ, который былъ главнымъ, если не единственнымъ способомъ изслѣдованія знаменитыхъ математиковъ XVII и XVIII столѣтій.

Въ прошедшемъ вѣсѣцѣ, нѣкто Карлъ Фермонъ представилъ Парижской Академіи Наукъ свои изслѣдованія о распространеніи звука, которыя служатъ важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ наблюденій Савара, такъ рано похищеннаго смертію съ ученаго поприща.

Саваръ и Хладни первые занялись изслѣдованіемъ звуковыхъ линій, то есть, линій, по которымъ распространяется звукъ. Вѣроятно, вслакому, кто только учился физикѣ, знакомы хладниевы фигуры, эти песочные очерки, рисунки, которые образуются на стекляннхъ или металлическихъ пластинкахъ, если начать водить смычкомъ по ребру ихъ. Всѣ эти фигуры разнообразныя; нѣкоторыя изъ нихъ представляли подобія спирали, но вообще по нимъ невозможно было заключить о свойствахъ дрожательной или сотрясательной линіи, которая производитъ звукъ.

Фермонъ былъ счастливѣе въ своихъ опытахъ; онъ рѣшительно доказалъ, что звуковая линія есть спираль. Подобно Савару и Хладни, Фермонъ слѣжалъ тоже звукъ видимымъ.

Вотъ его опыты.

Онъ взялъ стеклянную флейту, наполнилъ ее табачнымъ дымомъ, ударилъ ее, — флейта задрезбуждала, дымъ вышелъ изъ ея отверстія въ видѣ спирали.

Органная трубка, стеклянный флаколетъ, и трубки четырехугольныя, призматическія, дали тѣ же самые результаты.

Фермонъ придалъ къ флейтѣ вѣдный язычокъ, издавалъ звукъ изъ него также съ помощью удара, пронюхивалъ наконечъ звуку голосомъ: вѣднхъ лучахъ, такъ же, какъ и въ предъидущемъ, табачный дымъ, выходя, опи-

сывалъ спираль; только адѣсь она была гораздо-длиннѣе и не такъ хорошо видна.

Но не одни эти искусственные опыты убѣждаютъ насъ въ существованіи звуковой спирали; обратитесь къ явлениямъ природы: вы увидите, что земля и всегда звукъ сопровождается спиральнымъ движеніемъ, и на-оборотъ.

Струя воды, вытекающая съ большой силою и шумомъ изъ устья отверстія, описываетъ спираль.

На бумаго-прядильныхъ мѣлки, деревянный катушк, который скручивается, свиваетъ нитку, также въ своемъ движеніи заставляеть нить описывать спираль, и вы слышите рѣзкій, пронзительный звукъ.

Всѣ эти факты рѣшительно убѣждаютъ, что звукъ есть слѣдствіе спирального движенія воздуха; по-этому, чтобы получить звукъ, необходимо воздуху сообщить это движеніе. Заключение это совершенно оправдываетъ *геликофонъ*, инструментъ, изобрѣтенный Фермономъ. Это стеклянная трубка длиной въ три-четыре раза болѣе своего діаметра; въ одно отверстіе ея вставляеться затычка, — мундштучокъ, внутри котораго по сторонамъ вырѣзана спираль. Дуньте въ это рѣзное отверстіе, или впустите въ него воздухъ какимъ-нибудь другимъ способомъ, вы произведете звукъ рѣзкій, слабый, смотря по силѣ теченія воздуха. Въ гладкій мундштучокъ безъ внутренней спирали, дуньте сколько хотите, — не услышите ни малѣйшаго звука.

Величина спирали и, слѣдственно, самое количество воздуха, которое необходимо, чтобы наполнить ея, обусловливаются силою и напряженіемъ звука. Въ этомъ легко убѣдиться нѣмъ очень-простой опытъ съ *геликофономъ*. Возьмите мундштучокъ оба *адннхъ* виткѣ, вы не услышите даже звука; два витка произведутъ тихое журчаніе, которое едва будетъ чувствительно для уха; чтобы получить полный звукъ еднмъ тономъ, вамъ придется перевернуть много витковъ.

Начала, открытыя Фермономъ, совершенно можно приложить и къ человеческому голосу. Въ-самомъ-дѣлѣ, наше горло — тотъ же геликофонъ. Храпчатые колечки, вмѣстѣ съ междуколечною перепонкою, образуютъ въ немъ спираль, но которой воздухъ, идя, производитъ звуки. Чѣмъ длиннѣе и лѣтѣе спираль въ этомъ естественномъ геликофонѣ, тѣмъ полнѣе и совершеннѣе падаетъ онъ звуки.

Короткошейка никогда не можетъ быть хорошимъ пѣвцомъ. Хорошій голосъ — непремѣнная принадлежность длиннаго, широкаго горла; въ этомъ лучше всего убѣдятъ васъ шеи Рубини и Виадо-Гарсиа; вѣроятно, это самые лучшіе естественные геликофоны.

РАЗЛОЖЕНІЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ СОЛЕЙ ДѢЙСТВІЕМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТОКОВЪ.—Явленіе, всѣмъ извѣстное, о которомъ множество было говорено и писано, но причина котораго не объяснена совершенно о-ску-пору. Хвизингеръ, Берцелиусъ и Фаредъ полагаютъ, что въ гальванопластикѣ и гальваническомъ волоченіи, серебряніи, платинированіи, и пр., и пр., главный дѣятель—водородъ, отдѣляющійся во время операціи. Онъ раскисляетъ окислы металлическіе и отлагаетъ металлы въ чистомъ видѣ. Дэви утверждаетъ, что разложеніе здѣсь происходитъ въ-слѣдствіе притяженія металла отрицательнымъ полюсомъ. Наконецъ, Даниэль того мнѣнія, что токъ гальванической электризуетъ самый растворъ металлической соли, которая разлагается, слѣдственно, своимъ собственнымъ электричествомъ.

Недавно, Сми представилъ Лондонскому Королевскому Обществу свои изслѣдованія по этому предмету. Онъ намѣтилъ, что мѣдная проволока, погруженная въ растворъ купороса между платиновыми полюсами, обнаруживаетъ на концахъ своихъ электрическую cellularность, такъ-что одинъ конецъ ея растворяется, другой, напротивъ, притягиваетъ частицы восстанавливающейся мѣди. Подобное же явленіе представ-

ляетъ и платиновая проволока, хотя въ меньшей степени.

Это наблюденіе говоритъ, по-видимому, въ пользу мнѣнія Дэви; но вотъ другой фактъ, который подтверждаетъ положеніе Хвизингера, Берцелиуса и Фаредъ.

Сми, чтобы опредѣлить, принимаетъ ли участіе водородъ въ электрическихъ операціяхъ, погружалъ въ растворъ металлической соли коксъ и древесный уголь, пропитанные совершенно такимъ газомъ, и эти вещества, пишеть онъ, необыкновенно-быстро восстанавливали металлы изъ растворовъ.

Сми успѣлъ даже восстановить золото, платину, палладій, разложилъ азотную кислоту, соли желѣза, безъ помощи гальваническаго столба, посредствомъ водорода и губчатой платины.

Другой рядъ опытовъ Сми показываетъ, что при разложеніяхъ гальваническихъ вода всегда образуется при отрицательномъ полюсѣ; она-то часто затрудняетъ и даже совсѣмъ останавливаетъ металлургическія операціи.

Принимая въ соображеніе всѣ эти отдѣльные факты, Сми вывелъ слѣдующее заключеніе: главный дѣятель въ процессѣ электро-химическомъ есть водородъ. Элементъ этотъ отлагается у отрицательнаго полюса, и здѣсь онъ такъ же дѣйствуетъ восстанавлительно, притягиваетъ къ себѣ чистый металлъ, какъ одинъ конецъ мѣдной проволоки, погруженной между полюсами платины. Водородъ этотъ есть слѣдствіе разложенія воды, которая, какъ мы видѣли, постоянно отлагается у отрицательнаго полюса.

ВЪЯВЛЕНІЕ.— Вотъ техническій продуктъ, который, не смотря на огромное, почти-всеобщее употребленіе, досихъ-поръ добывается съ большими трудностями и который постоянно вредитъ здоровью работниковъ и во время добыванія своего и при употребленіи.

Вѣлило есть углекислый свинецъ. Первоначально получали его, пропуская пары искусной кислоты въ чистый мелко-изрубленный свинецъ

Царь уксусной кислоты очень-вреденъ для здоровья, и это первое неудобство Ганала и Версеюи успѣли уничтожить, замѣнивъ уксусную кислоту угольною и атмосфернымъ воздухомъ. Мы говорили уже въ юлѣ мѣсяцѣ о способахъ Ганала и Версеюи. Другой вредный, также убійственный элементъ въ свинцовыхъ бѣлилахъ представляетъ самое основаніе углекислой соли — окисъ свинца. Этотъ элементъ успѣлъ замѣнить извѣстный химикъ Рюо. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, онъ представилъ Парижской Академіи Наукъ новый способъ дѣлать бѣлила, которыя нисколько не заключаютъ въ себѣ свинца.

Въ концѣ 1841 года, этотъ самый выкоптъ Рюо получилъ часть монтионовой преміи за улучшеніе гальваническаго способа золоченія. Это улучшеніе спасло жизнь нѣсколькихъ сотенъ работниковъ, умирившихъ на золотильныхъ фабрикахъ преждевременно отъ убійственнаго дѣйствія ртутныхъ паровъ. Извѣстно, что и теперь еще во многихъ мѣстахъ золотятъ золотой амальгамой, то-есть, соединеніемъ ртути и золота. Ртуть выгоняется потомъ при нагреваніи въ видѣ паровъ.

Настоящее послѣднее открытіе Рюо тоже имѣетъ филантропическую цѣль. Въ-продолженіе восьми лѣтъ, въ одну больницю Charité поступило 1,163 чел. рабочихъ на бѣлильномъ заводѣ и бѣлильничковъ-маларовъ. Въ одномъ 1841 году, въ Сенскомъ-Департаментѣ было большихъ маларовъ 69 чел. и 233 рабочихъ на заводѣ. Такимъ образомъ, открытіе Рюо спасло нѣсколько тысячъ человекъ отъ преждевременной и мучительной смерти. Вотъ торжество науки!

Рюо изслѣдовалъ множество бѣлыхъ соединеній, чтобъ выбрать одно, которымъ можно бы замѣнить свинцовыя бѣлила. Онъ нашелъ два вещества, которыя соединяютъ въ себѣ въ высшей степени всѣ отличныя качества свинцовыхъ бѣлилъ и нисколько не вредятъ здоровью рабочихъ — мышьяковую соль и окисъ антимонія. Первое вещество открылъ самъ Рюо, но онъ о

немъ умалчиваетъ, потому-что оно, въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ, не смотря на всю свою видимую безвредность, можетъ сдѣлаться довольно-сильною отравою. Другое вещество — окисъ антимонія. Окисъ эта — самыя лучшія бѣлила, которыя нисколько не уступаютъ свинцовымъ, бѣлаго, чистаго серебрянаго цвѣта, растираются очень-легко и соединяются очень-хорошо съ масломъ. Добывать эту окисъ можно прямо изъ сѣрнистаго антимонія. Руды этой бездна во Франціи, и тамъ она была совершенно безъ всякаго употребленія. Такимъ образомъ, Рюо оживилъ промышленность, указавъ новую пищу для бѣлительности народа. Цудъ норвыхъ дѣлилъ стоитъ пять рублей двадцать-пять копеекъ; слѣдственно, они втрое дешевле свинцовыхъ бѣлилъ средняго сорта.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ СѢРНИСТЫХЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ СОЕДИНЕНІЙ. — Вотъ и новый способъ добыванія антимоніальныхъ бѣлилъ въ большомъ видѣ, открытый Руссо и совершенно-олобренный главнымъ изобрѣтателемъ, Рюо.

До-сихъ-поръ, всѣ металлурги разлагали колчеданныя соединенія, отдѣляли отъ нихъ сѣру посредствомъ пережиганія; это самый неточный способъ: огонь не можетъ никогда расторгнуть, совершенно уничтожить связь между сѣрою и металломъ; отъ-этого металлы, полученные изъ колчедановъ, всегда содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе отдѣлившейся сѣры.

Совершенно-иначе происходитъ въ природѣ возстановленіе колчедановъ, когда они превращаются въ сѣрнокислыя соли. Здѣсь, колчеданы подвергаются медленному горѣнію и окисленію на-счетъ атмосфернаго воздуха; сѣра отдѣляется отъ металла; оба элемента окисляются и снова соединяются между собою, образуя сѣрнокислую соль.

Руссо основалъ свой способъ возстановленія сѣрнистыхъ металлическихъ соединеній на этомъ естественномъ превращеніи колчедановъ; онъ подвер-

гаетъ ихъ дѣйствию воды и атмосфернаго воздуха при болѣе или менѣе высокой температурѣ.

Приборъ, нарочито придуманный Руссо для разложенія колчедановъ, очень простъ: это глиняный цилиндръ, замазанный въ печь; наверху онъ имѣетъ отверстіе, куда кладется размельченный колчеданъ; съ этииъ цилиндромъ находится въ сообщеніи резервуаръ съ водою и мѣхъ; первый даетъ пары воды, вторые воздухъ; оба эти элемента разлагаютъ колчеданъ; металлъ превращается въ окиселъ, который можно обрабатывать и восстанавливать по извѣстнымъ металлургическимъ способамъ; сѣра переходитъ въ сѣрнистую кислоту. Это продуктъ тоже непотерянный; изъ него можно получать сѣрную кислоту по английской методѣ посредствомъ свинцовыхъ камеръ.

Для полученія антимоііальныхъ бѣлизъ, Руссо нѣсколько разнообразилъ свой способъ; сѣрнистый антимоііи слишкомъ-плавокъ и портитъ всѣ металлическія, преимущественно желѣзныя вещи. По-этому, восстановление его производится въ особенной печи. Печь эта имѣетъ камеру, выложенную внутри кирпичомъ, которая нагрѣвается снизу и съ боковъ, наверху она сообщается съ приемниками, куда проходятъ бѣлые пары окисла антимоііи; передъ отверстіемъ камеры находится чугунная доска, которая тоже нагрѣвается огнемъ печи; на эту горячую доску каплетъ изъ особаго резервуара вода; изъ нея-то образуются пары, необходимые для восстановления колчедана.

НОВЫЕ МЕТАЛЛЫ.—Мозандеръ на сѣздѣ ученыхъ въ Коркѣ, объявилъ, что онъ открылъ въ минералѣ итріа окислы двухъ неизвѣстныхъ металловъ, которые онъ окрестилъ варварскими названіями *тербіи* и *эрбіи*.

Вотъ уже три металла въ одинъ годъ, о которыхъ авторъ самъ ничего не знаетъ и которые онъ не успѣлъ познать еще. Третій металлъ *дидимій*: мы уже говорили о немъ въ июньской

книжкѣ «Отеч. Зап.» 1843 г. Что-то плохо вѣрится этииъ открытіямъ.

ОТПРАВЛЕНІЯ КОЖИ. ИСПАРЕНІЯ.—Вопросы физиологическіе самыя трудныя для изслѣдованія, — почему? Причины много, но вотъ одна, вѣроятно самая важная, которую высказалъ Гётевъ своеиъ безсмертнотъ «Фаустъ»:

Wer will was Lebendig's erkennen und beschreiben,

Sucht erst den Geist heraus zu treiben,
Dann hat er die Theile in seiner Hand,
Fehlt leider! nur das geistige Band.

(Кто хочетъ узнать и описать организмъ, обыкновенно уничтожаетъ прежде всего въ немъ духъ жизни. Тогда въ рукахъ у него всѣ члены, всѣ части этого организма; не достаетъ только — жизни, которая связывала ихъ.)

Вотъ смыслъ этой горькой насмѣшки надъ всѣми физиологами и анатомами, которую поэтъ-натуралистъ заставляетъ Мефистофела высказать молодому школьнику, пришедшему учиться мудрости у Фауста.

Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ физиологи и анатомы изучаютъ природу подъ анатомическимъ ножомъ; они хотятъ изслѣдовать жизнь тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ ея. Понятно, почему физиологія — наука о жизненныхъ отправленіяхъ нашего организма, такъ отстала отъ другихъ знаній.

Отправленія наружной кожи и значеніе испарины до-сихъ-поръ не опредѣлены еще точно. Опыты Делароша и Вержера уничтожили совершенно господствующее мнѣніе, что испарина уравниваетъ животную температуру. Эти опыты доказали, что животныя не въ состояніи выдерживать слишкомъ-высокой температуры, въ такой степени, какъ прежде предполагалось. Помѣстите животное въ комнату, гдѣ теплота слишкомъ 30 градусовъ цельсіева сто-градуснаго термометра: внутренняя его температура повысится почти мгновенно пятью и даже девятью градусами, и оно упретъ.

Сверхъ-того, уменьшеніе или уничтоженіе испарины никогда не сопровож-

дается понижением температуры; а количество тепла необходимо должно нарасти по старой теории, если испарина уничтожится. Напротив, въ водной баньке, когда кожа отдѣляется очень мало испарины, внутренняя температура организма понижается, и тѣло и всѣ члены задерживаютъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Фурко, Бекерель и Бреше покрывали молодыхъ животныхъ непроницаемыми лакомъ, который закрывалъ рѣшительно всѣ поры на ихъ тѣлѣ, такъ что испарина совершенно не отдѣлялась; при этомъ внутренняя температура ихъ также понижалась, и они умирали по прошествіи трехъ и четырехъ часовъ.

Выдальс, который представилъ недавно Лондонскому Королевскому Обществу свои изслѣдованія объ общихъ покровахъ животныхъ, то-есть, о нахожденіи системъ, полагаетъ, что единственная цѣль испарины — отдѣлять влажность излишнюю въ нашемъ организмѣ. И это важное назначеніе, не смотря на то, что черезъ кожу выходитъ очень — незначительное количество влаги, именно въ-продолженіе двадцати-четырёхъ часовъ только пятьдесятъ-три англійскія унціи. Испарина есть необходимое слѣдствіе питанія животнаго организма. Плазма водянистая, жидкая часть крови — главный въ немъ питательный элементъ: изъ него образуется и костяная ткань и мускульная фибра и нервная мякоть. Кровь тогда только начинаетъ дѣйствовать, тогда только питаетъ, когда отдѣляется отъ нея водянистая часть, плазма. Это фактъ уже давно извѣстный; въ немъ были прежде согласны всѣ физиологи. Только никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, какое соотношеніе, какая тѣсная связь существуетъ между отдѣленіемъ плазмы и испаряною. Отношеніе это открылъ Выдальсъ.

Плазма состоитъ, какъ показываютъ анализы Либиха, Дюма, Лекану, Де-ни, Мульдера и другихъ замѣчатель-

ныхъ химиковъ, главнѣйше изъ воды, фибрины и бѣлковины; другія вещества, какъ, напримеръ, азотъ, углекислота, сырое начало или творожина, жирныя вещества и проч., представляютъ въ ней ничтожныя прирѣды. Бѣловина и фибрина и часть воды питаютъ организмъ, возобновляютъ животныя ткани; остальная часть воды, выстѣ съ прирѣдами, какъ влажность, просачивается изъ артерій черезъ ихъ скважистую оболочку, и поглощается венами, тоже оболочкою ихъ. Здѣсь, слѣдственно, передача, переходъ, происходитъ совершенно путемъ эндосмоса и эксмоса. Вены выносятъ эту воду, влагу на поверхность нашего тѣла, отлагаютъ ее въ потовыхъ желѣзкахъ, лежащихъ въ нашей кожѣ, откуда отдѣляется она въ видѣ испарины.

Понятно теперь, почему испарина играетъ такую важную роль въ жизненныхъ отправленияхъ животнаго организма. Уничтоженіе или уменьшеніе количества испаряющейся влаги замедляетъ и останавливаетъ отдѣленіе плазмы, слѣдственно, нарушаетъ правильность въ цѣлой системѣ кровообращенія, что необходимо влечетъ за собою разстройство здоровья. Въ слишкомъ-жаркой или сухой атмосферѣ, испарина отдѣляется въ огромномъ количествѣ, такъ-что наконецъ плазма не успѣваетъ отдѣлять потовой влаги; животное истощается и умираетъ отъ истощенія. Въ атмосферѣ сырой, но которой температура не выше внутреннего жара, теплоты крови — животное погибаетъ еще скорѣе. Здѣсь сырость, подобно непроницаемому лаку, закрываетъ всѣ поры на кожѣ и мѣшаетъ правильному постоянному отдѣленію испарины.

Вотъ почему такъ убійственъ для здоровья климатъ тропическихъ прибрежныхъ странъ, какъ напримеръ западнаго берега Африки. Это постоянная паровая баня — наша русская баня, гдѣ температура + 32 градуса Цельсіева стотрадуснаго термометра.

ОТРАВЛЕНИЯ ЛИМФАТИЧЕСКИХ СОСУДОВЪ.— Вотъ еще открытіе того же Виллиса, которое посвящаетъ и поновляетъ предъидущія наблюденія его надъ испариною. До сихъ поръ, большая часть физиологовъ полагали и полагаютъ теперь, что главное назначеніе системы лимфатической поглощать питательный сокъ изъ тонкихъ кишекъ. Ничто, впрочемъ, не подтверждаетъ это предположеніе. Напротивъ, многіе анатомическіе и физиологическіе факты говорятъ рѣшительно противъ него. Насткомья и весь классъ членистыхъ животныхъ не имѣютъ лимфатическихъ сосудовъ, и молочко поглощаютъ у нихъ вены. Мажанди, который первый началъ говорить противъ поглощающей силы лимфатической системы, нашелъ, посредствомъ точныхъ физиологическихъ опытовъ, что и въ животныхъ высшихъ классовъ вены также представляютъ единственный поглощающій снарядъ. Какое же послѣ этого назначеніе лимфатическихъ сосудовъ?

Отвѣтомъ на этотъ спорный, загадочный вопросъ могутъ служить изслѣдованія Виллиса, представленныя имъ Лондонскому Королевскому Обществу.

Вены, полагаетъ Виллисъ согласно съ Мажанди, единственные поглощающіе органы въ животныхъ. Химическія изслѣдованія показываютъ, что кровь венная и артеріальная замѣчательно разнятся по своей плотности; венная кровь гораздо-гуще и плотнѣе артеріальной.

И это необходимо, должно-быть, потому-что вены поглощаютъ множество разнородныхъ веществъ — и молочко и разложившіяся ткани органическія, и, слѣдственно, въ нѣкоторыхъ пунктахъ кровообращенія, жидкость ихъ должна содержать въ себѣ болѣе ингредиентов — составныхъ частей, чѣмъ артеріальная кровь, въ которую она потомъ превращается. Очищеніе венной крови происходитъ не въ одномъ процессѣ дыханія. Различныя желѣзы, печень, почки — органы выкарные легкимъ, въ нихъ отдѣляютъ венная кровь лишній

углеродъ и другія органическія и неорганическія примѣси. Мы видѣли сейчасъ, что потовыя желѣзки отнимаютъ отъ нея влагу — водянистую часть, которая выходитъ въ видѣ испарины. Подобное назначеніе совершенно выполняетъ, утверждаетъ Виллисъ, и лимфатическая система — это тоже органъ выкарный легкимъ, одна огромная желѣзка, и лимфа, которую прежде всѣ считали питательнымъ сокомъ, продуктъ одноводный съ желчью, слюною и другими отдѣлятельными жидкостями — секретами. Лимфатическая система принимаетъ собственно водянистую часть венной крови точно такъ же, какъ и потовыя желѣзки. Вотъ почему такъ ничтожно количество отдѣляющей испарины.

Химическія и анатомическія изслѣдованія подтверждаютъ теорію Виллиса. Лимфа содержитъ въ себѣ гораздо-болѣе воды, чѣмъ венная кровь, именно 96 и 97 процентовъ, тогда-какъ въ послѣдней воды только 77 процентовъ. Кромѣ того, лимфатическая система развита наиболѣе въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ кровь венная содержитъ въ себѣ болѣе жидкихъ примѣсей, именно у тонкихъ кишекъ и также при волосныхъ окончаніяхъ венной системы, которыя поглощаютъ и нечистую артеріальную кровь и разложившіяся органическія ткани.

БОЛЬНИЧНЫЙ БУЛЬЙОНЪ. — Всѣ врачи парижскіе жалуются на дурное качество бульйона, которымъ кормятъ въ больницахъ выздоравливающихъ. Бульйонъ этотъ такъ дуренъ и вреденъ, что большая часть выздоравливающихъ хвораютъ за-ново отъ него, и нѣкоторые даже умираютъ. Медицинскій совѣтъ, еще въ 1841 году предложилъ задачу: найти новый экономическій способъ варить бульйонъ здоровый и питательный. И только въ прошедшемъ мѣсяцѣ Пьеданьель, докторъ Больницы Автоліа, представилъ отвѣтъ и, кажется, удовлетворительный на этотъ важный гигиеническій вопросъ.

Преданшель предлагаетъ варить говядину не цѣлыми частями, а мелко нарубленную. Этотъ отваръ гораздо лучше обыкновеннаго бульона и обходится дешевле, потому-что здѣсь все питательное вещество легко вываривается и остается одна безвкусная фибра.

*

БИОГРАФІИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ. Луи-Филиппъ, король Французовъ. (Статья вторая). Въ ноябрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ» за прошлый годъ изображали мы, словами англійскаго безыменнаго писателя, дѣтство и несчастную юность короля Французовъ. Теперь, найдя въ «Fraser's Magazine» продолженіе очерка этой занимательной, исполненной такихъ превратностей жизни, спѣшимъ представить его нашимъ читателямъ, снова повторяя, что не беремъ на себя отвѣтственности за вѣрность фактовъ. Въ предлагаемой статьѣ, изображается жизнь Луи-Филиппа съ того времени, какъ покинулъ онъ Швейцарію, до окончательнаго возстановленія Бурбоновъ на престолѣ французскомъ.

—

Мы разстались съ Луи-Филиппомъ въ то время, какъ онъ сдѣлался герцогомъ орлеанскимъ, и долженъ былъ скрывать и титулъ и имя свое; мы оставили его въ то время, какъ онъ собирался покинуть Рейхенаусскую Коллегію. Поведеніемъ своимъ заслужилъ онъ такое выгодное о себѣ мнѣніе, что жители кантона, имѣя надобность отпустить депутата въ куарское собраніе, думали выбрать представителемъ своимъ этого молодого профессора математики, который преподавалъ также географію, французскій и англійскій языки. Предлагая ему эту политиче-

скую роль, они не знали, кому оказываютъ такую, высокую, по ихъ мнѣнію, честь. Что касается до Луи-Филиппа, онъ всегда говорилъ и говорить, что съ сожалѣніемъ разстался съ Гельвецією.

Онъ отправился, съ странническимъ посохомъ въ рукѣ, съ котомкой на плечѣ; за нимъ слѣдовалъ вѣрный слуга-тель его, Бодуэнъ. Куда шель онъ? весь міръ открытъ былъ для странника, но не выда-ль онъ ни одного пунта, гдѣ могъ бы сказать: «тутъ у меня будетъ домъ, отечество, тутъ могу я остановиться и отдохнуть». Принцъ орлеанскій, сынъ Филиппа-Равенства, могъ ли ожидать гдѣ-нибудь спокойнаго пріюта? Принцы верѣдио, такъ-сказывать, играютъ *мкомитомъ*: увы! никогда для герцога орлеанскаго было дѣло серьезное.

Прибывъ въ Гамбургъ, онъ былъ почти-совершенно безъ денегъ, и, вѣроятно, нашель бы болѣе кредита, какъ профессоръ математики, чѣмъ какъ французскій принцъ. Онъ думалъ отправиться въ Америку, но надо было заплатить значительную сумму за переѣздъ; недостатокъ средствъ для этого былъ одною изъ причинъ, заставившихъ его продолжать путь далѣе на сѣверъ Европы, гдѣ, въ случаѣ нужды, онъ могъ путешествовать, какъ путешествовалъ по выходѣ изъ Швейцаріи, по методѣ перипатетическихъ философовъ. Какъ, вѣроятно, благодарилъ онъ въ душѣ своей г-жу Жанли за строгіе уроки ея, за то, что она внушила ему, что принцъ, подобно частному человѣку, долженъ уметь удовлетворять самъ всѣмъ своимъ потребностямъ! Юные потомки Людовика XIV, можетъ-быть, иногда подсмѣивались надъ такою предусмотрительностію ихъ гувернантъ; теперь герцогу орлеанскій благословлялъ ее за то, что она выучила его спать на соломѣ и цѣлый день довольствоваться чернымъ хлѣбомъ и водою, благословлялъ за воспитаніе à la Жанъ-Жакъ-Руссо, воспитаніе, которое нѣкоторые знатные люди восемнадцатаго вѣка пустили въ моду, не думая, что

дѣти ихъ получать уроки еще суровѣе, еще жесточе.

Въ Гамбургѣ, съ Луи-Филиппомъ свѣдѣлся графъ Монжуа; доставъ себѣ небольшой кредитный билетъ на Копенгагенъ, герцогъ рѣшился какъ-можно-скорѣе и экономнѣе отправиться на Скандинавскій-Полуостровъ. Я слышалъ отъ г. Вонстеттена, швейцарскаго дворника, человѣка, извѣстнаго въ литературѣ, что въ Гамбургѣ къ герцогу орлеанскому, разъ на улицѣ пристае къ какой-то эмигрантъ и съ гнѣвомъ спросилъ его: «какъ сынъ царубицы смѣетъ показываться на глаза жертвѣмъ отца его? зачѣмъ онъ не сароетъ головы своей въ какой-нибудь пустынь?» Юный герцогъ, смущенный этой вовсе неблагородной выходкой, сначала отступилъ на нѣсколько шаговъ, но потомъ спокойно отвѣчалъ: «Милостивый государь, развѣ я оскорбилъ, развѣ я обидѣлъ васъ лично? Въ такомъ случаѣ, я готовъ удовлетворить васъ... Если же я не сдѣлалъ ни того, ни другаго, то не придется ли вамъ со-временно краснѣть за себя, что оскорбили вы на чужой землѣ несчастьяго принца, или, если угодно, простаго полодаго человѣка, честнаго и независимаго?» Эмигрантъ, въ свою очередь, смущенъ былъ такимъ хладнокровнѣмъ, такимъ благородствомъ; онъ отошелъ, не осмѣлившись отвѣчать, и прохаживая, остановившіеся посмотреть на ссору, англо-дворянамъ принцу-нагнаннику.

Другая встрѣча въ Гамбургѣ пробудила въ немъ и горькія воспоминанія и сожалѣніе; что нельзя ему быть щедрымъ, какъ прилично принцу. Онъ встрѣтилъ старика, жившаго милостивымъ Филиппа-Равенства и бѣжавшаго изъ Парижа рѣшительно безъ всякихъ средствъ для жизни. «Мой другъ, скажиъ ему герцогъ орлеанскій: «я почти такъ же бѣденъ, какъ и вы: въ кошелевѣ моемъ не больше четырехъ лундоровъ; возьмите одинъ и распорайтесь имъ, какъ умѣете.» Старикъ хотѣлъ отказаться, но юный герцогъ заставилъ его взять лундоръ.

Въ Копенгагенѣ, герцогъ безопаснѣ

былъ отъ оскорбленій, которыми и болдись осыпать сына Филиппа-Равенства узнававшіе его эмигранты. Онъ могъ наконецъ путешествовать, не заботясь о томъ, чтобы избѣгать взоровъ постороннихъ. Онъ посѣтилъ замокъ Кроненбургъ, сады Гамлета, Гельзенбургъ и пр., потомъ отправился въ Швецію, гдѣ увидѣлъ себя среди народа гостепримнаго, принимавшаго Французовъ, какъ братьевъ.

Луи-Филиппъ охотно рассказываетъ путевыя впечатлѣнія свои въ Готенбургѣ, на озерѣ Венерѣ, при видѣ гота-эльфскихъ водопадовъ, объ удивленіи, какое возбудили въ немъ громадныя работы въ Тролгѣтенѣ, для соединенія Залива-Ботническаго съ Сѣвернымъ-Моремъ. Оттуда перешелъ онъ въ Норвегію и провелъ нѣсколько времени въ Фридрихсгаллѣ и Христианіи. Покойный Монодъ, бывшій протестантскимъ пасторомъ въ Парижѣ, жилъ въ то время въ норвежской столицѣ. Герцогъ иногда приходилъ къ нему, но извѣстенъ былъ ему подъ именемъ Корби. Разговоры ихъ часто обращались къ Франціи и современной исторіи ея; разъ, Монодъ заговорилъ о характерѣ и поведеніи Филиппа-Равенства.

Съ умѣренностію, отличающею истиннаго христіанина, равно-какъ истинныхъ философовъ, Монодъ, заговоривъ о Филиппѣ-Равенствѣ, не сталъ обременять имени этого несчастнаго принца тѣми эпитетами, какими обыкновенно въ то время всѣ честили его, напротивъ сказалъ: «я безпрестанно слышу, что герцогъ орлеанскій обвиняется во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ, но никакъ не могу удалить отъ себя мысли, что у него съ дурными наклонностями соединены были, вѣроятно, какія-нибудь хорошия качества; человѣкъ такой безчестный, какъ и всѣ стараются изобразить его, могъ ли бы такъ заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей? Старшіи сыны его, говорятъ, образецъ сыновней нѣжности, и это — не единственная добрая сторона его.» Молодой путешествен-

никъ покраснѣлъ; Монодъ, замѣтивъ это, спросилъ: «вы его знаете? — Немложко, отвѣчалъ герцогъ, и нѣтъ кажется, вы ужъ черезъ-чуръ его хвалите.

Протестантскій пасторъ увидѣлъ оный принца въ 1814 году, въ Парижѣ, въ Пале-Рояль. Г. Монодъ былъ президентомъ протестантской консисторіи, и въ этомъ званіи явился къ принцу для поздравленія его съ возвращеніемъ на родину; послѣ официальной церемоніи, герцогъ, видѣвшій ясно, что Монодъ не узнаеть его, отвѣлъ его въ сторону и сказалъ:

— Вы были прежде въ Христіаніи; давно ли вы покинули этотъ городъ?

— О, очень-давно, ваше высочество; и позвольте принесть вамъ благодарность за милостивую память о томъ, что я жилъ тамъ.

— Право, г. Монодъ, у меня память лучше, чѣмъ у васъ; вы не помните, что видѣлъ меня тамъ?

— Признаюсь, ваше высочество, я даже не зналъ, что вы тамъ были.

— Такъ вы забыли Корбі, молодого Корбі?

— Нѣтъ, ваше высочество; очень помню и даже не разъ старался развѣдать, чтѣ съ нимъ сталося.

— Такъ я могу вамъ сообщить извѣстіе о немъ: я тогда былъ — Корбі. Помните ли, разъ мирно философствовали мы съ вами, и вы видѣли, какъ я вздрогнулъ, услышавъ, что кто-то въ толпѣ гуляющихъ вскрикнулъ: «карету герцога орлеанскаго!» Не было тогда кареты для герцога орлеанскаго ни въ Христіаніи, ни въ Парижѣ, и вы почти такъ же заинтересованы были этимъ восклицаніемъ, какъ и я. Когда волненіе мое утихло, я осмѣлился подойти къ тому, кто причинилъ его, и спросилъ, чтѣ значать эти слова. Къ счастью, развязка была самая ничтожная; я обратился съ своимъ вопросомъ къ сыну одного норвежскаго банкира, который отвѣчалъ мнѣ, что разсказывалъ пріятелямъ про поѣздку свою во Францію и вспомнилъ крикъ лакеевъ въ сѣняхъ театра: «карету герцога ор-

леанскаго!» Такимъ образомъ, и въ этотъ день спаслось мое никогнито.

Монодъ, не разъ разсказывавшій мнѣ про это свиданіе, прибавлялъ, что, по мнѣнію его, онъ можетъ приписать религиозную терпимость, которую всегда обнаруживалъ герцогъ орлеанскій; бесѣдавъ своимъ въ Христіаніи съ молодымъ Корбі.

Памятны Луи-Филиппу Дроитгеймъ и Гамерсфельдъ: въ Дроитгеймѣ, онъ познакомился съ барономъ Кро, котораго хвалить за вѣжливость; въ Гамерсфельдѣ онъ прекрасно принятъ былъ Ланландцами. Всосѣвъ на тронъ, онъ отправилъ въ Гамерсфельдъ превосходные часы въ тамошнюю церковь; механики ихъ такою, что можетъ противиться вліянію холода этихъ ледяныхъ широтъ.

Когда, въ 1839 году, морской министръ предложилъ Луи-Филиппу отправить ученую экспедицію въ Норвегію и Исландію, первую мыслію его было — поквитаться жителямъ этихъ странъ, что онъ сохранилъ воспоминаніе о времени, проведенномъ среди ихъ; то же чувство, та же память сердца указала ему на старую трактирщицу въ Тромсгеймѣ, г-жу Гомбергъ. Эта восьмидесятилѣтняя женщина уже пятьдесятъ лѣтъ даетъ у себя пристанище путешественникамъ и любитъ вспоминать про лица, прославившія домъ ея; въ первомъ ряду ихъ ставитъ она его величество короля Французовъ. Луи-Филиппъ, въ 1839 году, послалъ къ ней съ ученою экспедиціею стѣнные часы съ музыкой, въ награду за тѣ попеченія, какими пользовался онъ въ ея домѣ.

Въ странствованіяхъ своихъ по сѣверу, юный герцогъ видѣлъ изъ Сальменскаго - Залива страшный Мальстрѣмъ, бродилъ по горамъ, стремившимъ Исландію, и 24 августа 1795 года, достигнувъ самаго сѣвернаго пункта, могъ повторить стихъ поэта:

Hic tandem stetit, nobis ubi deficit orbis.

Презирая холодъ и опасность, оцарывая проводимое и хозеевъ, у

которыхъ онъ оставался для отдыха, стараніемъ усвоить ихъ обычай; онъ носилъ *куфту* норвежскихъ моряковъ и спокойно спалъ подъ скромнымъ шатромъ Лапландца. Изъ Шведской Лапландіи отправился онъ въ Финляндію, въ Або, древнѣйшій и слави́шій городъ этой провинціи.

Принцъ, искавшій въ одно и то же время негибнущихъ чудесъ природы и преданій исторіи, съ грустію глядѣлъ на древній замокъ, гдѣ несчастный Эрикъ XIV, низверженный съ престола, сидѣлъ въ заточеніи, которое оставилъ для того, чтобъ умереть въ Орбигуфъ; онъ прошелъ по театру послѣдней войны между Русскими и Шведами при Густавѣ III и дошелъ до береговъ рѣки Кюмени, отдѣлившей въ то время Швецію отъ Россіи. Здѣсь онъ остановился. Извѣстно, что Екатерина Великая прервала всѣ сношенія съ революціонною Франціею. Дун-Филиппъ отправился въ Стокгольмъ.

Въ Стокгольмѣ, былъ онъ разъ на придворномъ балу; французскій посланникъ узналъ его, открылъ его инкогнито; но, къ счастью, изъ этого не вышло ни гоненія, ни несприятности. Но въ Стокгольмъ прибылъ онъ не затѣмъ, чтобъ жить въ немъ. Дѣятельность души, желаніе расширить кругъ познаній побуждали его опять къ путешествію. Онъ отправился въ Далеккарлію; въ мѣстополюженіе, въ памятникъ, въ число напоминали ему вездѣ какую-нибудь черту изъ исторіи, какое-нибудь преданіе; сближенія толпой представлялись уму его. Онъ видѣлъ мѣста, служившія убѣжищемъ бѣглецу Густаву-Ваазъ; спускался въ знаменитые мѣдные рудники, жилъ въ кругу правнуконъ честныхъ поселанъ, на которыхъ оперся Густавъ, желая переродить свою націю; присутствовалъ скалу Мору, съ которой Густавъ говорилъ рѣчь Далеккарліянамъ, возставшимъ противъ жестокаго Христіерна.

Между-тѣмъ, царство террора во Франціи кончилось; директорія вступила мѣсто Комитета Общественнаго Благочестія; гоненія, казни прекра-

тились. Герцогъ орлеанскій полагалъ, что ему можно теперь приблизиться къ предѣламъ Франціи, хотя и не надѣялся, что путь на родину будетъ открытъ ему. Черезъ Копенгагенъ и Любекъ, воротился онъ въ Гамбургъ. Но въ Парижѣ рачетно было, что для новаго правительства небезопасно позволить принцу жить такъ близко къ Франціи. Директорія сознавала свою слабость; она была подозрительна, и приписывала, если не герцогу орлеанскому, то по-крайней-мѣрѣ старинной партіи отца его, контр-революціонные замыслы. Во Франціи, все готовилось къ реакціи монархической, и въ послѣдствіи Бонапарте обманъ былъ усѣхонъ 18-го брюмера столько же этому чувству народному, сколько своему гению; Франція, оправясь отъ демократической горячки, желала правительства, которое не было бы ни республиканскимъ, ни прежнимъ монархическимъ; герцогъ орлеанскій способенъ былъ осуществить такое необходимое правленіе.

По-этому, директорія испугалась, узнавъ о возвращеніи въ Гамбургъ принца, прибывшаго туда точно такъ же, какъ онъ выбылъ оттуда, — безъ снѣты и почти безъ денегъ. Она думала, что совершить великій политическій подвигъ, если заставитъ герцога орлеанскаго отправиться въ Соединенные Штаты, и обратилась къ вдовствующей герцогинѣ, матери его; ей предложены были — снятіе секвестра съ ея имѣній, возвращеніе свободы герцогамъ Монпансье и Божоле, содержавшимся въ замкѣ Сен-Жанъ въ Марсели, съ условіемъ, чтобъ всѣ три брата отправилась въ Америку. Въ первой статьѣ я говорилъ уже, какъ герцогъ орлеанскій любилъ всѣхъ членовъ своей фамиліи. Чтобъ облегчить положеніе матери, чтобъ освободить братьевъ, онъ готовъ былъ принести жертву гораздо-болѣе той, какую требовала отъ него директорія. Для принца-изгнанника, который, по страсти къ путешествіямъ, готовъ былъ самъ съѣсть на кораблѣ и ѣхать въ далекія страны, не было ничего страшнаго въ мысли покинуть

Европу и отправиться въ Новый-Свѣтъ. Потому, безъ всякаго труда, можно было получить его согласіе на то, что предложено было его матери. Гамбургскій купецъ Вестфордъ былъ посредникомъ въ этихъ переговорахъ; герцогъ далъ честное слово исполнить всѣ казавшіяся до него условія прежде, чѣмъ директорія исполнитъ свои. 14-го сентября 1796 года, онъ сѣлъ на сѣвероамериканскій корабль «Америка», и 21 октября прибылъ въ Филадельфію.

Директорія съ своей стороны честно исполнила свои обязательства. Генералу Вилло поручено было объявить герцогу Монпансье и Божоле, что ворота форта Сен-Жанъ наконецъ отворены для нихъ, и что старшій братъ ждетъ ихъ на берегахъ Америки. «Едва генералъ» писалъ въ послѣдствіи герцогъ Монпансье: «произнесъ неожиданныя слова: вы покинете навсегда эту тюрьму, если только сами не захотите воротиться въ нее, — Божоле и я, мы поглядѣли одинъ на другаго, потомъ, бросясь въ объятія другъ другу, начали плакать, смѣяться, прыгать...» Десяноста три дня были они въ Америку.

Счастливымъ былъ день для герцога орлеанскаго, когда онъ узналъ о повлеченіи на морѣ корабля, везшаго его братьевъ. Трөгательню было это свиданіе; не тюрьма только была между ними, но и эшафотъ... теперь имъ вѣчего было бояться ни за свободу, ни за жизнь свою. Странная судьба: титулъ принцевъ, это послѣднее наслѣдіе ихъ, пересталъ быть поводомъ къ гоненію только на территоріи республики, гдѣ не признаваемы были никакія фамильныя отличія!

Въ февралѣ 1797 г., обнялись три сына Филиппа-Равенства и могли спросить другъ друга, какія у нихъ средства для жизни. Они улыбнулись, видя, какъ они бѣдны; но мало было у нихъ нуждъ, и они надѣлялись быть счастливыми, если не богатыми. Герцогу орлеанскому хотѣлось путешествовать такъ же по Америкѣ, какъ путешествовалъ онъ по Европѣ; онъ убѣ-

дилъ братьевъ сопутствовать ему въ большой части его странствованій. Они посѣтили Балтимору, потомаскіе водопады, Александрію и Гору Вернонь, гдѣ съ отеческой добротою и благороднымъ радушіемъ принялъ ихъ Вашингтонъ. Они дивились въ немъ простотѣ и добродушію, уподоблявшимъ его пилтарховымъ героямъ...

Экс-президентъ Соединенныхъ-Штатовъ вручилъ имъ рекомендательныя письма, которые были очень-полезны для нихъ, и въ одно утро, съ помощію вѣрнаго Боуэна, призвавъ за сѣдлами чемоданы, гдѣ были деньги и дорожное платье, они простились съ генераломъ и отправились осматривать и изучать разные штаты Союза. «Мы должны подробнѣе узнать эту страну» сказалъ герцогъ орлеанскій братьямъ: «со-временемъ она будетъ могуще-ственной союзницею милой нашей Франціи! Мы молоды, и, повѣрьте мнѣ, еще увидимъ Францію, которая сама примирится со всѣми своими изгнанниками, какъ освободилась уже она отъ своихъ эшафотовъ».

Принцы посѣтили Уинчестеръ, Стантонъ, Эбингдонъ, Ноксвилль, Лунвилль, Лексингтонъ, Мейвилль, Ланкастеръ, Уилингъ и пр.; они прожили нѣскольکو времени въ Питтсбургѣ, по причинѣ разстройства здоровья графа Божоле. Роквое вліяніе трехлѣтнихъ страданій и заточенія въ мрачной марсельской тюрьмѣ, начало дѣйствовать на тѣлосложеніе графа, которое, естественно, было нѣжиѣе сложенія его братьевъ. Герцогъ орлеанскій встревожился насчетъ милаго брата; увъ! онъ изучилъ медицину, онъ посѣщалъ госпитали, и ясно видѣлъ теперь, какія опасности грозятъ этому здоровью, столь драгоценному для него. Съ самымъ нѣжнымъ усердіемъ ухаживалъ онъ за больнымъ, и едва графъ Божоле оправился, герцогъ орлеанскій самъ скоро принужденъ былъ лечь въ постель. Это было въ Бердстоунѣ, и, сдѣлавшись королемъ, онъ не забылъ этого города, какъ не забылъ Гаммерсфельдта: Луи-Филиппъ всегда принималъ съ

особенною благосклонностию не только всѣхъ Американцевъ, съ которыми познакомился во время путешествія по Соединеннымъ Штатамъ, но и всѣхъ граждан Союза, которые, приѣхавъ во Францію, желали представиться ему. Часто вспоминаетъ онъ про Лоу, Бингама, Уиллинга, Поуэлла, и др.; вспоминаетъ также про сваян свои съ генераломъ Невиллемъ и судьей Бреккенбургемъ, который хотя былъ республиканскимъ чиновникомъ, но строго осуждалъ демократію.

Герцогу орлеанскіи не удовольствовался наученіемъ американской цивилизаціи, бесѣдами съ военными сподвижниками Вашингтона, съ законодателями, помощниками Франклину своими позначіями: онъ хотѣлъ видѣть въблизи жизнь диварей. На берегахъ Озера Эри, въ Буффалло, онъ вдругъ очутился вмѣстѣ съ братьями своими, среди племени Индійцевъ-Севкасовъ. Эти Индійцы сначала смотрѣли на нихъ не совсѣмъ-благосклонно, но герцогу орлеанскіи хладнокровіемъ своимъ, мужествомъ и благороднымъ обращеніемъ внушилъ уваженіе къ себѣ этихъ людей, которые, въ состояніи природы, могутъ быть, гораздо-жиде насъ понимаютъ естественное благородство. Черезъ нѣсколько дней, принцы покинули вѣграмъ Севкасовъ, но едва потеряли они ихъ, изъ вида, графъ Божоле замѣтилъ, что нѣтъ собаки, которую онъ очень любилъ. «Я убѣжденъ», сказалъ графъ: «она поправилась накону-нибудь дикарю, и тотъ украдъ ее у меня». — Если они украли собаку, отвѣчалъ герцогу орлеанскіи: — то надо сдѣлать такъ, чтобъ они возвратили ее.

— Вы думаете, братецъ? возразилъ графъ Божоле: — насъ четверо противъ всего дикаго племени.

— На ихъ сторонѣ сила и число, — на нашей справедливость и право, продолжалъ герцогу орлеанскіи.

И, невотря коиа назадъ, онъ поѣхалъ однакъ переговарить съ вождемъ диварей; осанка, выраженіе глазъ, равно какъ и слова его, такъ полѣ-

ствовали на вождя диварей, что собака была возвращена. «Увы», сказалъ съ улыбкою графъ Божоле: «я знаю страну, гдѣ, не смотря на кодексъ правъ чловѣческихъ, краснорѣчіе моего брата не выиграло бы такъ легко дѣла, защищая уваженіе къ собственности.»

Луи-Филиппъ съ братьями видѣлъ и знаменитый ниагарскіи водопадъ. Принцы перебрались съ этой стороны черезъ канадскую границу и пробыли нѣсколько часовъ въ селеніи Индійцевъ-Чипевасовъ. Точный умъ короля Франгузовъ не любитъ играть парадоксами. По-этому, безъ сомнѣнія, чистосердечно говоритъ въ послѣдствіи Луи-Филиппъ семьѣ своей, въ роскошныхъ покахъ Тюльери, что чловѣкъ веадъ можетъ быть счастливъ и добродѣтеленъ, что и въ жизни дикой, точно такъ же какъ на высшей степени цивилизаціи, онъ можетъ быть полезенъ подобнымъ себѣ и засыпать съ спокойною совѣстью чловѣка, исполнившаго свою обязанность. Онъ говорилъ это, рассказывая про простую жизнь Чипевасовъ.

На пути изъ Буффало въ Канадагу, Луи-Филиппъ встрѣтилъ простаго кумпа, который, вполнѣ-занятый торговыми дѣлами, не думалъ и не гадалъ тогда, что честолюбіе увлечетъ его на попріице политическое, что ово доведетъ его до власти и почестей, и наконецъ, что онъ воротится къ Америку, украшенный титуломъ лорда, въ званіи чрезвычайнаго посла для окончанія споровъ Англіи съ Соединенными Штатами. То былъ Александръ Берингъ, который, бывъ министромъ, сдѣлался лордомъ Ашбортономъ и въ 1841 году посылалъ былъ англійскимъ правительствомъ для опредѣленія линии американской границы со стороны Канады. Берингъ спросилъ отважныхъ путешественниковъ, знали ли они наперелъ, какии труды, лишения, даже опасности могли они подвергнуться въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ и сообщилъ нѣтъ вовсе неободратный рассказъ о своихъ собственннхъ поба-

какъ по этимъ странамъ, по которымъ странствовали онъ съ цѣлю чисто-коммерческою. Они, казалось, мало напуганы были этимъ рассказомъ; они были не промышленники, которыхъ спекуляція оторвала отъ домашняго очага, — они были — простые молодые люди, которые странствовали съ одною цѣлю — видѣть и учиться. Герцогу орлеанскіи и братья его поблагодарили Баринга за предостереженіе, и отправились чрезъ Уэльсскіе горы къ Филадельфіи. Слова посѣтивъ генерала Вашингтона, они обсервировали нѣсколько другихъ штатовъ американскаго союза, проманили нѣсколько дней съ Индіанцами Чироккиами, и воротились наконецъ въ Филадельфію въ мѣсяцъ 1797 года. Въ концѣ іюля, открылась жуткая горячка. Будущи смѣлѣтскими наническаго страха, военнаго шагоса въ городѣ при появленіи заразы, и жиды, какъ всё достаточныя семейства разбѣгаются, бѣгутъ въ другіе города, они, можетъ быть, послѣдовали бы этому примѣру, еслибъ въ то время не ждали изъ Европы средствъ, которая дали бы имъ возможность перелетѣть въ другое мѣсто. Финансы ихъ почти истощились. Герцогу орлеанскому не хотѣлось прибѣгать къ чужимъ кассамъ; жиды недостатокъ денегъ, онъ предпочиталъ займу строжайшую законную. Въ этомъ критическомъ положеніи, не въ первый разъ настоятели его, онъ такъ умѣлъ распорядиться остальными деньгами, что принцы взошли безъ долговъ до начала октября, когда вдовствующая герцогиня прислала имъ вспоможеніе. Бережливость, безъ сомнѣнія, не мало способствовала къ предохраненію ихъ отъ заразы; эпидемія свирѣпствовала три мѣсяца, не тронувъ ихъ, и въ октябрѣ они отправились въ Бостонъ, метрополию Новой-Англіи, и потомъ въ Нью-Йоркъ.

Въ Нью-Йоркѣ дошла до нихъ вѣсть о событіяхъ 18-го фронтидора и о завоѣаніи Франціи всѣхъ племей фамиліи Бурбонной. Этотъ законъ принудилъ вдовствующую герцогиню переселиться въ Испанію. Съмо-

гла ея рѣшилась немедленно отправиться къ ней; но это предпріятіе было нелегкое. Англія и Испанія находились въ войнѣ; сообщенія между Соединенными-Штатами и Испанією были или прерваны или опасны; принцы чрезъ Новый-Орлеанъ поѣхали въ Гаванну.

Плывъ по Мексиканскому-Заливу, увидѣли они англійскій фрегатъ, шедшій подъ республиканскимъ флагомъ Франціи. Этотъ трех-мѣстный флагъ, подъ которымъ дѣлать орлеанскіи соединилъ въ послѣдствіи солдаты имперіи и партію конституціонную, былъ въ то время явленіемъ злощастнымъ, а развѣвался на мачтѣ англійскаго фрегата, онъ возбуждалъ свержъ-того намѣренія неприязненныя. Фрегатъ бросилъ нѣсколько ядеръ на корабль, на которомъ находились принцы, и прибавилъ къ нему лейтенантъ объявилъ имъ, что они илѣнники. Вѣднѣи герцогъ Монпансье съ горестью выслушалъ эти слова. « Кто знаетъ » сказалъ онъ: « куда мы будемъ отвезены? » Герцогъ орлеанскій не потерялъ духа такъ скоро; онъ болѣе брата полагался на свое счастье, даже на свое имя. Онъ подошелъ къ лейтенанту. « Милостивый государь » сказала онъ ему: « потрудитесь утѣшить капитана, что я — герцогъ орлеанскій, — а это — братья мои, герцогъ Монпансье и графъ Бокаль; мы ѣдемъ въ Гаванну ». Вѣжливо принявъ капитанъ фрегата, Кокрентъ, и проводилъ ихъ къ острову Кубъ, гдѣ они высадились 30 марта 1798 года.

Но въ этой испанской колоніи ихъ ожидало гоненіе. Тщетно герцогъ орлеанскій и братья его старались жить какъ-можно-уединеннѣе, тщетно старались не высказывать ни единой политическѣ, не только въ публичныхъ мѣстахъ, но и тамъ, гдѣ бы могли считать себя свободными, прямо высказывать свои мысли. Приказомъ изъ Арагуаса, отъ 21 мая 1799 года, генерал-капитану Кубы велѣно было немедленно отослать трехъ названныхъ въ Новый-Орлеанъ... Они отправились, сначала пристали къ Острову-Багамскимъ, потомъ прибыли въ Гаванну, гдѣ въ-

то время находился англійскій принцъ, простершій имъ дружескую руку. То былъ герцогъ кентскій, сынъ Георга III... Протекло сорокъ-пять лѣтъ: прошлымъ лѣтомъ, дочь герцога кентскаго была въ гостяхъ у герцога орлеанскаго; она королева, онъ король; она могла въ Трепорской-Гавани показать ему «дооть свой и сказать: *«эти деревянные стѣны Старой-Англии (old England wooden walls) приближаются къ берегамъ Франціи только для того, чтобъ обитѣяться съ французскими пушками»* салотами мира и союза. Королева Англии и дочь герцога кентскаго рада видѣть короля Французовъ и стариннаго друга отца ея.»

Радуніе герцога кентскаго дало смѣлость герцогу орлеанскому просить позволенія переѣхать въ Англию; англійскій принцъ писалъ къ Георгу III и къ министрамъ: просьба герцога орлеанскаго была исполнена. Три принца сѣли на корабль въ Нью-Йоркѣ и въ февралѣ 1800 года прибыли въ Фальмутъ.

Пріѣздъ сыновей Филиппа-Равенства произвелъ сильное ощущеніе въ Лондонѣ, не только въ дипломатическомъ кругу и въ высшемъ англійскомъ обществѣ, но и въ тѣхъ членахъ старшей линіи Бурбоновъ, которые, послѣ всѣхъ превратностей страннической жизни и тщетныхъ попытокъ произвести контр-революцію, получили отъ династіи брауншвейгской гостепримство, какое оказывалъ нѣкогда Стуртамъ предокъ ихъ, Лудовикъ XIII. Братья Лудовика XVI питали естественное чувство отвращенія къ сыну того герцога орлеанскаго, который такъ малодушно обрекъ короля-мученика на вша-отъ. Лично самъ-по-себѣ, сынъ принца-царевубійцы возбуждалъ также сильныя предубѣжденія; противъ него говорили — связи съ клубомъ якобинцевъ, его походы съ Дюмурье, наконецъ, постоянство его конституціонныхъ мнѣній. Лудовикъ XVIII былъ еще въ Митавѣ, но графъ д'Артуа былъ въ Лондонѣ, и вокругъ него собралось восторженныя эмигранты, мръ кото-

рыхъ нѣкоторые преслѣдовали оскорбленіями герцога орлеанскаго. Этотъ дворъ затрепеталъ отъ безпокойства и ненависти. Зачѣмъ пріѣхалъ въ Англию сынъ Филиппа-Равенства? Двойнѣй ренегатъ, и относительно «ашилимъ своей, и относительно республики, онъ, безсомнѣнія, пріѣхалъ для-того, чтобъ подъ покровительствомъ англійской политики перебить у старшей линіи Бурбоновъ выгоды контр-революціи, которая эмигрантамъ всегда казалась близкою и неизбѣжною.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти догадки, герцогъ орлеанскій началъ вести жизнь самую уединенную. Онъ поселился въ Твиккенгамѣ, жилъ тамъ простымъ частнымъ человѣкомъ, мало говорилъ о политикѣ, избѣгалъ всего, чѣмъ могъ бы возбудить на свой счетъ нескромное любопытство, носилъ англійскія семейства. Такое поведеніе убѣдило наконецъ графа д'Артуа въ искренности герцога, и онъ пригласилъ его къ себѣ во дворецъ свой въ Уэльбекъ-Стритъ, Cavendish Square. Герцогъ орлеанскій принялъ приглашеніе; двоюродные братья свидѣлись и объяснились... Это свиданіе повело за собою перенеску герцога орлеанскаго съ Лудовикомъ XVIII, который совершенно неясилъ причины, какія представилъ герцогу для оправданія своего поведенія.

Когда обѣ линіи дома Бурбоновъ примирились, Питтъ, довольный въ свою очередь намѣреніями герцога орлеанскаго, представилъ его Георгу III, который принялъ его на большомъ выходѣ, нарочно-назначенномъ для этого приѣма, до-сихъ-поръ, нѣкоторые члены англійской аристократіи раздѣляли предубѣжденія эмигрантовъ противъ принцевъ орлеанскихъ: съ этого дня, всѣ двери отворились для нихъ.

Но англійское гостепримство не заставило герцога орлеанскаго забыть, что, возвращаясь въ Вирону, онъ за-скалъ себя надеждой соединиться съ матерью, или по-крайней-мѣрѣ разъ обнять ее. Онъ получилъ отъ Питта позволеніе отправиться на островъ Минорку, откуда успѣлъ переправиться

на испанскій берегъ, но ему не удалось достигнуть цѣли этого путешествія — и онъ воротился въ Твиккенгамъ ждать обстоятельствъ болѣе-благопріятныхъ.

Надежды были очень-слабы. Съ каждымъ днемъ сильнѣй и сильнѣй становилось французское вліяніе въ Испаніи; что касается до самой Франціи, границы ея, болѣе и болѣе обставляемыя штыками, долго еще не могли открыться ни для старшей, ни для младшей линіи дома Бурбоновъ. Правительство директоріи миновало; но чѣмъ болѣе правительство, заступившее его мѣсто, приближалось къ началамъ монархическимъ, тѣмъ болѣе старалось оно сманить на свою сторону эмигрантовъ, тѣмъ болѣе болосло возбуждать малѣйшее воспоминаніе о королевской фамиліи. Что касается до ренегатовъ демократіи, склонявшихъ колѣни передъ первымъ консуломъ и ободрявшихъ его сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ революціонныя власти, они болѣе всего заботились о томъ, чтобы новый властитель ихъ далъ имъ ручательство, что никогда не призываетъ во Францію ни одного члена династіи Бурбоновъ, ищущаго которой они могли страшиться. Бонапарте, собираясь возложить на себя корону, имѣлъ слабость подумать, что должно дать этимъ преубійцамъ кровавый залогъ ихъ безопасности. Послѣдній революціонный трибуналъ во Франціи, возвратившійся къ идеямъ законнаго порядка, въ двадцать-четыре часа осудилъ и разстрѣлялъ несчастнаго герцога ангіенскаго.

Это юридическое убійство доказывало Бурбонамъ, что если они думали, что первый консулъ предпочтетъ роль Мюнка роли Кромвеля, то они жестоко ошиблись. Еслибъ въ томъ особенномъ положеніи, въ какомъ находился герцогъ орлеанскій относительно старшей линіи Бурбоновъ, онъ не высказалъ громко ужаса и негодованія, какое возбуждала въ немъ смерть послѣдняго потомка великаго Кондэ, то вокругъ Лудовика XVIII и графа д'Артуа надлежало бы видѣть водозрительные, кото-

рые намекнули бы, что онъ радуется смерти принца, храбрость и доблести котораго, по расчетамъ старшей линіи, могли приготовить славную реставрацію. Эти чувства выразилъ герцогъ орлеанскій въ письмѣ къ епископу ландскаскому.

Здоровье герцога Монпансье всегда было ненадежно. Онъ скончался въ 1807 г., тридцати-двухъ лѣтъ, въ Сальтиллѣ, близъ Виндзора, и похороненъ подъ сводами Вестминстерскаго Аббатства, гдѣ, въ 1829 г., Луи-Филиппъ воздвигнулъ памятникъ, свидѣтельствующій о братской любви его. За герцогомъ Монпансье скоро послѣдовалъ графъ Божолё: онъ скончался въ октябрѣ 1808 г., на островѣ Мальтѣ, куда сопутствовалъ ему герцогъ орлеанскій. Липашъ обоихъ братьевъ и оставшихся въ грустномъ одиночествѣ, онъ принялъ приглашеніе родственника своего, короля Фердинанда IV, пріѣхать повидаться съ нимъ въ Сициліи. Онъ поѣхалъ въ Мессину, а изъ Мессины отправился въ Палермо.

Тамъ въ первый разъ увидѣлъ онъ добродѣтельную принцессу, долженствовавшую вскорѣ соединить судьбу свою съ его судьбою, Марію-Амалию, образецъ супругъ и матерей.

Въ то время, какъ герцогъ орлеанскій находился при дворѣ короля Обвѣихъ-Сицилій, Наполеонъ рѣшился принять роль судьбы въ дѣлѣ короля испанскаго Карла IV и сына его Фердинанда. Думалъ ли онъ уже тогда посадить брата своего, Юсефа, на тронъ потомковъ Филиппа V, или былъ онъ приведенъ къ этой насильственной политикѣ обстоятельствами и коварными внушеніями людей, убѣждавшихъ его, что удивленіе, какимъ исполнены Испанцы къ его генію, какъ-бы зоветь его овладѣть Испанією; преступленіе или только ошибку, какъ говорилъ Талейранъ, сдѣлало въ это время его честолюбіе, — намъ до этого нѣтъ дѣла. Мы должны только замѣтить, что этотъ поступокъ опять вызывалъ cadaго члена фамиліи Бурбоновъ къ возмездію; старшій принцъ Кондэ, подобно

отцу Сиды, проклинали свою старость и горькое воспоминаніе о герцогѣ англійскомъ тревожило его сѣдоу голову. Герцогъ орлеанскій не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ такого событія. Протестовать противъ великой несправедливости, сдѣланной императоромъ, и бывшей столь гибельною для него, значило ли идти противъ отечества? Можно ли сравнивать тогдашнее поведеніе герцога орлеанскаго съ поведеніемъ эмигрантовъ, пытавшихся воротиться во Францію съ оружіемъ въ рукахъ?

Къ-сожалѣнію, герцогъ, казалось, хотѣлъ лучше противопоставить интригѣ интригу, чѣмъ рыцарски бросить перчатку Бонапарте. Дѣло въ томъ, что онъ не столько слѣдовалъ своему собственному убѣжденію, сколько внушеніямъ будущей своей тещи, которая надѣялась нѣкоторое время, что самъ Бонапарте будетъ благопріятствовать притязаніямъ втораго сына ея, Леопольда. Она потребовала, чтобъ герцогъ орлеанскій сопутствовалъ Леопольду въ Гибралтаръ и предложилъ севильской юнкѣ принять его регентомъ. Герцогъ послушался; лордъ Коллингвудъ, съ которымъ имѣлъ онъ объясненіе, безъ труда доказалъ ему бесполезность попытки; онъ отказался отъ нея, и отправился въ Англію, на кораблѣ «Thunderer», подъ предлогомъ принесенія жалобы англійскому министерству на гибралтарскаго губернатора. Въ то же время, его мать удалилась въ Портъ-Магонъ; цѣль ея была — просить позволенія пріѣхать въ Англію для свиданія съ сыномъ. Наканунѣ того дня, какъ Луи-Филиппъ собирался снова сѣсть на корабль въ Портсмутѣ, встрѣтилъ онъ тамъ возлюбленную сестру свою, принцессу Аделаиду, которая долгое время жила въ Венгріи при дворѣ принцессы Ковти.

«Ахъ!» сказалъ ей герцогъ, оставшіяся одинъ по смерти графа Божолэ: «Богъ возвращаетъ мнѣ одного изъ моихъ добрыхъ ангеловъ». Братъ и сестра пробыли въ Англіи только нѣсколько дней и отправились на островъ Мальту, гдѣ

поплакали вмѣстѣ на могилѣ брата, скончавшагося за полгода до того. Въ продолженіе этого времени, кавалеръ де-Бревалъ, безъ участія герцога, велъ переговоры съ регентствомъ Испаніи, которое назначило герцога командиромъ надъ корпусомъ, назначеннымъ дѣйствовать на границахъ Каталоніи; но Французы уже вторглись въ Андалузію, и кортесы, заступивъ мѣсто регентства, уничтожили опредѣленіе его относительно принца. Справедливо оскорбленный недовѣрчивостію, которая предполагала въ немъ честолюбіе, совершенно-чуждое его мыслей, онъ узналъ, что клевета представляла его въ Палермо въ краскахъ черныхъ или смѣшныхъ, — и онъ во-время прибылъ къ королю Обвѣхъ-Синціи, чтобъ снять личину съ враговъ своихъ. Но подлѣ Фердинанда была у него союзница, благородно защищавшая его сторону: то была Марія-Амалия, дочь короля; откровенностію и благородствомъ своего языка, онъ скоро своимъ обратилъ къ себѣ всѣ умы и всѣ сердца. Препятствія, какія недоброжелатели его хотѣли противопоставить браку его съ принцессою, исчезли; герцогиня мать его, не только дала свое согласіе, но изъявила желаніе присутствовать при брачной церемоніи, и англійскій фрегатъ привезъ ее въ Палермо 15 октября 1809 года. «Старая герцогиня», писалъ лордъ Коллингвудъ: «женщина очаровательная; она, кажется, забыла всѣ свои несчастія, вида выборы, сдѣланный ея сыномъ». Черезъ полтора мѣсяца, высокая чета, преклонивъ колѣни въ старой нормандской капеллѣ Королевскаго Дворца (Palazzo Reale), получила брачное благословеніе.

Перенесите мысль ко времени этого брака. Какой будущности могли ожидать супруги? онъ — бѣдный изгнанникъ, немогшій даже вынуть изъ ноженъ рыцарскую шпагу, которою предки его завоевывали королевства; — она — дочь короля, еще сидящаго на тронѣ, но короля, потерявшаго большую часть своихъ владѣній и защищаемаго только пушками британскаго

«лота. Звѣзда воѣхъ линій дома Бурбоновъ блѣдѣла передъ солнцемъ императорскимъ, и въ это-то время лордъ Веллингтонъ писалъ генералу Дюмурье: «Я часто жалѣлъ объ участи герцога орлеанскаго; это принцъ съ характеромъ, достойнымъ всякаго уваженія, съ большимъ талантомъ, съ заслуженною репутаціею; со-временемъ, онъ будетъ большимъ благодѣтелемъ (a great benefactor) несчастной своей родины».

Герцогу Веллингтону суждено было разрушить тѣ чары, которыя, казалось, обѣщали Наполеону завоеваніе всего свѣта. Безъ-сомнѣнія, никто не станетъ обвинять англійскаго генерала въ томъ, будто онъ позавидовалъ роли, которая предлагаема была принцу, такъ высоко-уважаемому имъ, и потому отнята у него. Если онъ не одобрялъ мысли, чтобъ герцогъ орлеанскій вступилъ въ дѣйствительную службу Испаніи, если онъ отсовѣтывалъ ему сражаться за независимость испанскую, то потому только, что не ожидалъ пользы отъ присутствія герцога въ Испаніи — ни для дѣла самаго герцога, ни для дѣла Испаніи. Принцъ совершенно понялъ причины его, но могъ ли онъ допустить, чтобъ кортесы превратно толковали поведеніе его? могъ ли допустить, чтобъ они издали противъ него декретъ объ изгнаніи? Это чувство справедливой гордости заставило его вдругъ явиться у дверей этого собранія, и потребовать, чтобъ оно его выслушало. Такая выходка показала кортесамъ, каковъ характеръ принца, но тѣмъ болѣе внушила имъ боязнь вѣрить какую-нибудь власть принцу, не менѣе замѣчательному мужествомъ гражданскимъ, какъ и мужествомъ воинскимъ. Герцогъ орлеанскій воротился въ Палермо.

Ступивъ на землю Сициліи, герцогъ узналъ, что, во время отсутствія, онъ сдѣлался отцомъ. Герцогиня орлеанская, за шесть недѣль до того (2 сентября 1810 года), развѣшилась отъ бремени принцемъ, котораго несча-

стную кончину въ июлѣ 1812 г. объявила вся Франція.

Званіе отца было счастьемъ для Луи-Филиппа; но оно налагало на него также важную обязанность, и онъ во всемъ объемѣ благоговѣнно исполнялъ эту обязанность. Онъ хотѣлъ особенно, чтобъ дѣти его были полезными людьми: таково основное начало этого строгаго и вѣстѣ съ тѣмъ отеческаго воспитанія, котораго плоды собираетъ уже Франція: всѣ сыновья Луи-Филиппа могутъ завтра лишиться своихъ титуловъ, какъ было и съ отцомъ ихъ; они будутъ отличными членами какого угодно общественнаго порядка, будутъ превосходными гражданами, какъ благородными принцами.

До 1814 года, герцогъ орлеанскій жилъ въ Сициліи, выжидая обстоятельства благоприятныхъ; хотя несчастія Наполеона въ 1812 г. открыли ему, что императоръ достигъ до періода упадка своего счастья, но, зная, что союзныя державы съ радостью согласятся на миръ, если границей Французской-Имперіи принять будетъ Рейнъ, онъ не могъ думать, чтобъ война 1813 года кончилась въ пользу династии Бурбоновъ, забытой и Европою и Франціею.

Вообразите же удивленіе его, когда, пріѣхавъ 22 апрѣля 1814 г., въ домъ англійскаго посольства въ Палермо, онъ услышалъ отъ посланника, что Наполеонъ палъ, что Лудовикъ XVIII призванъ сенатомъ на престолъ! Реставрація!... Напомнили ли ему въ тотъ денъ, эти слова исторіи Стуртовъ? Видѣлъ ли онъ въ Лудовикѣ XVIII Карла II, въ графѣ д'Артуа — Якова II? сравнивалъ ли онъ свое положеніе съ положеніемъ принца оранскаго? Это его тайна; но, конечно, въ первыя минуты, одно чувство преобладало въ немъ надъ всеми прочими — любовь къ родной сторонѣ, пробужденная увѣренностью, что наконецъ увидитъ онъ снова Францію. Онъ отпирался одинъ, — и уже въ послѣдствіи пріѣхалъ за семействомъ своимъ; 18 мая 1814 года, онъ вѣхалъ въ Парижъ... И въ честь ему гремѣли

радостные клики... Бурбоны нашли все на своемъ мѣстѣ; можно было сказать, что Наполеонъ явился за тѣмъ только, чтобъ вымести революціонныя воспоминанія; замокъ Тюльери стоялъ въ прежнемъ блескѣ и за-ново былъ мѣблированъ; Лувръ обогатился даже образцовыми созданіями древней скульптуры и прекраснѣйшими произведеніями итальянской живописи; Пале-Руалль ожидалъ также хозяевъ своихъ.

Когда герцогъ орлеанскій, въ іюлѣ мѣсяцѣ, поѣхалъ за герцогиню въ Палермо, все еще шло какъ-нельзя-лучше для возстановленной династіи; онъ не могъ думать, что скоро придется ему побывать опять въ Твикенгэмѣ. Увѣряютъ, однакожъ, что Талейранъ, котораго проницательный глазъ узнавалъ отдаленную грозу по малѣйшему темному пятнышку, показывавшемуся на самомъ ясномъ небѣ, предчувствовалъ уже, что реставраціи грозитъ какая-то опасность... Онъ еще не могъ дать себѣ отчета въ инстинктивномъ безпокойствѣ своемъ, и, какъ признался онъ въ послѣдствіи, видя, что нація серьезно принимается за хартію, онъ думалъ, что такъ-какъ вокругъ престола есть одинъ только принцъ, способный къ этой цѣли — герцогъ орлеанскій, то онъ одинъ также можетъ основать правленіе конституціонное, разумѣется, къ ущербу старшей линіи. «Какъ думаете вы, ваше величество» лукаво сказалъ онъ Лудовику XVIII: «скоро ли воротится изъ Палермо его высочество герцогъ орлеанскій?» — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ король: — его высочество воротится ранѣе мѣсяца. — А какъ вы думаете, ваше величество, воздухъ Франціи такъ же ли хорошъ для его высочества, какъ воздухъ Объихъ-Сицилій? — Точно, сказала король: — мой двоюродный братъ воротился оттуда очень здоровъ, но я не думаю, чтобъ онъ могъ похуѣть отъ парижскаго воздуха. Талейранъ, видя, что король не понимаетъ его съ пол-слова, какъ дипломатъ не счелъ нужнымъ явѣе высказать мысль свою.

Дипломатъ ли какой-нибудь попростѣ Талейрана открыто высказалъ эту мысль, или эмигранты, воскресивъ старинныя свои антипатіи, естественно воскресили антипатію свою къ герцогу орлеанскому, дѣло въ томъ, что когда онъ воротился изъ Палермо, дворъ принялъ его холодно; прекраснѣйшій видъ его, когда онъ сидѣлъ на конѣ въ полковничьемъ гусарскомъ мундирѣ, представлялъ рѣзкій контрастъ съ плохомъ турниромъ герцога ангулемскаго и герцога беррійскаго... Онъ начиналъ держаться скромно въ сторонѣ, какъ вдругъ 5 марта 1815 года, Наполеонъ, убѣжавъ съ острова Эльбы, высадился въ Каннѣ. Лудовикъ XVIII тотчасъ потребовалъ къ себѣ герцога орлеанскаго для совѣта: «Ваше величество» сказалъ принцъ: «я готовъ раздѣлять точно также несчастіе, какъ и счастье ваше; я — одной съ вами крови, — но я вашъ подданный; располагайте, ваше величество, мною, какъ угодно, для чести и спокойствія Франціи». Лудовикъ XVIII видѣлъ, что можетъ положиться на прямодушіе его, и вѣрилъ ему начально надъ сѣверною арміею. Въ сопровожденіи того самого герцога тревизскаго, который въ послѣдствіи былъ убитъ подлѣ него на бульварѣ адскою машиною Фіэски, онъ посѣтилъ Камбре, Дуэ, Лилль и другія укрупленные мѣста, сдѣлалъ все, что могъ, для подкрѣпленія вѣрности войскъ, и, видя безполезность своихъ усилій, покинулъ Францію, написавъ прощальное письмо къ маршалу Мортюе. Герцогъ шартрскій и второй сынъ его, герцогъ немурскій (родившійся въ Парижѣ 25 октября 1814 года), прежде его уѣхали въ Англію. Онъ соединился съ нами въ Твикенгэмѣ, гдѣ и пробылъ въ продолженіи всего періода «Ста Дней». Ватерлооская битва снова открыла старшей линіи путь во Францію.

МЕНГЕРЪ ФАН-ТАССЕЛЬТЪ.

Разсказъ Анри Берту.

I

Трудно найдти видъ живописнаго швенингенскаго берега, особенно когда вы приходите туда изъ Гаги по узкой и песчаной дорогѣ, идущей позади заведенія ваннъ. Минуть восемь, десять, идете вы по широкой колеѣ, пробитой среди тощихъ и высохшихъ луговъ и примыкающей къ огромному аданію, которое ограничиваетъ и закрываетъ горизонтъ; вдругъ, въ концѣ этой утомительной дороги, по которой нога ваша глубоко уходитъ въ песокъ, вы дѣлаете поворотъ — и передъ вами раскидывается неизмѣримый океанъ. Вдали, величественно движатся, колышатся волны, между-тѣмъ, какъ на плоскомъ берегу, издали, кипитъ толпа, суда и барки выставляютъ всюду свои мачты, опутанныя снастями и парусами. Когда вы приближаетесь, тысячи поразительныхъ подробностей ко всѣмъ сторонамъ представляются очарованному глазу. Женщины молодыя, украшенныя нѣжною и розовою красотою, особенно характеризующею Голландокъ, прохаживаются по берегу, раскинувъ волосы по плечамъ, чтобъ осушить ихъ отъ воды, которою напитало ихъ купанье. Другія съ дѣтскими нетерпѣніемъ ждутъ-не-дождутся, скоро ли дойдетъ до нихъ очередь войдти въ будки, окруженныя занавѣсами, стоящія на двухъ колесахъ и везомыя тощею лошадею; рыбаки, въ красныхъ шерстяныхъ юбкахъ, съ загорѣлымъ лицомъ, съ формами атлетическими, водятъ лошадь въ воду. Изрѣдка, какая-нибудь наядка выскочитъ изъ-подъ занавѣсъ и, одѣтая въ цѣломудренное шерстяное платье, которое оставляетъ однакожъ незакрытыми руки и ноги, бросается далѣе въ море и отважно борется съ волнами; и видите вы, какъ подымается, какъ опадаетъ она съ волнами, смѣется надъ гнѣвомъ ихъ, проскользаетъ между двухъ самыхъ страшныхъ валовъ, дол-

го тѣшится своей отвагою и наконецъ возвращается въ этотъ домишко, который вамъ кажется гнѣдомъ Альтионы.

Въ четырехъ или пяти-стахъ шагахъ, устроены мужскія купальни. Мужчины, покинувъ свои будки, на открытомъ морѣ соперничаютъ другъ съ другомъ въ ловкости, смѣлости и веселости. Когда Голландецъ плаваетъ, онъ теряетъ свою систематическую олегку и становится немножко-похожъ на Француза. Онъ кричитъ, напрягаетъ силы; ему любо, привольно въ морѣ, которое, кажется, настоящая его стихія. Зрители, стоящіе на берегу, аплодируютъ или смѣются, смотря по тому, оказываютъ ли пловцы умѣнье или неловкость. Въ тотъ день, о которомъ я хочу рассказывать, взоры и вниманіе всѣхъ обращены были на старика лѣтъ около шестидесяти: онъ вошелъ въ море съ трубкою въ зубахъ и съ испанскою соломенною шляпою на головѣ. Пока воды было только по поясъ, онъ спокойно пускалъ клубы дыма; но вдругъ, когда сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ впередъ, рѣзкая волна брызнула на его трубку и погасила огонь. Въ то время, какъ онъ флегматически старался снова раскурить ее, вторая волна, еще задорнѣе, разбила у него трубку и понесла вдалѣ куски ея, какъ трофей своей побѣды. Наконецъ, къ совершенію наглости, третьей волнѣ захотѣлось, видно, истощить терпѣніе старика: она проворно схватила съ головы его широкую соломенную шляпу и принялась насильственно качать ее въ глазахъ бѣднаго купальщика. Онъ бросился, чтобъ схватить шляпу; волна отнесла ее немного-подальше. Онъ сдѣлалъ новое усиліе — шляпа отодвинулась далѣе; онъ бросился впасть: тогда волна, ринувшись между своихъ подругъ, быстро увлекла шляпу и оставила бѣгъ тогда только, когда оставила далеко, очень-далеко за собой бѣднаго старика. Но шовець не хотѣлъ оставить шляпу на жертву волнѣ. Хотя валы упрямо отталкивали его, онъ пробивался впередъ и скоро былъ уже на значительномъ разстояніи отъ

берега. Не смотря на сигналы моряковъ, обязанныхъ наблюдать надъ безопасностью купающихся, онъ плылъ все дагѣ, дагѣ, и, наконецъ, скрылся изъ вида.

Тогда на лицахъ всѣхъ показалось безпокойство, но лякто не рѣшался броситься въ море на помощь старику, ибо сами моряки боялись предпринять такую отдаленную прогулку по морю, которое волновалось въ то время сильнѣе обыкновеннаго.

Вдругъ, увидѣли, что-то бѣловатое ибѣлншется вдали на волнахъ. Моряки и большая часть дунающихся поплыли къ этому предмету, достигли до него и привели къ берегу. То былъ безчувственный трупъ старика. Въ судорожно-сжатыхъ пальцахъ держалъ онъ соломенную шляпу, отнятую у океана.

Онъ перенесенъ былъ въ заведеніе ваннъ. Тамъ оказано было ему надлежащее пособіе; члены старика мало-по-малу потеряли свою упругость, они стали мягче, абуы разжалнсь, грудь поднялась и вздохнула; скоро открылъ онъ глаза, выпрямился, окинулъ наумленнымъ взоромъ вокругъ себя, опаятовался, вспомнилъ, что случилось.

Онъ сталъ искать глазами шляпы, которая взята была изъ рукъ его; кто-то понялъ мысль его и принесъ ему шляпу, которая, сказавъ мимоходомъ, стоила не болѣе четверти флорина. При видѣ шляпы, улыбка раскрыла еще бѣловатыя и холодныя губы старика.

Черезъ полчаса, странный и упрямый старикъ, съ соломенной шляпой на головѣ, прохаживался по берегу, не смотря на совѣты и просьбы спасшихъ его отъ вѣрной смерти.

Въ часѣ тѣхъ, которые наиболѣе упрашивали его воротиться въ Гагу, была молодая женщина рѣдкой красоты; она приближала при первой вѣсти о случившемся несчастіи; пышные рутые волосы ея рабнннуты были по изчащю, какъ бархатный, золотистый покровъ.

Молодой человекъ съ благородной эмпіоніей соединялъ просьбы свои съ ея просьбами, но также безуспѣш-

но: старикъ отвѣчалъ только отрицательнымъ движеніемъ головы, безъ досады, безъ неудовольствія, но съ желѣзнымъ упрямствомъ. Наконецъ, молодая женщина и мужъ ея, побѣжденные и сознавая свою неудачу, замолчали и только взорами слѣдовали за старикомъ. Онъ спокойно продолжалъ прогулку и потомъ отправился къ одному изъ omnibusовъ, ходящихъ между Гагою и Швевингеномъ.

— Коляска мужа моего въ двухъ шагахъ отсюда; садитесь съ нами, батоница, сказала молодая женщина.

— Знаю, что у твоего мужа есть коляска, возразилъ старикъ. — Еслибъ я хотѣлъ сѣсть въ нее, то сказалъ бы объ этомъ. Я поѣду въ omnibusѣ.

Онъ поцаловалъ дочь, пожалъ руку зятю и ирворно сѣлъ въ omnibusъ. Черезъ нѣсколько минутъ, omnibusъ уѣхалъ.

Я былъ свидѣлемъ этой сцены, внушившей мнѣ живѣйшее участіе къ старику, который былъ ея героемъ. Дѣйствительно, въ рѣшительныхъ его манерахъ, въ мужественной ясности его лица было выраженіе силы, удалявшее всякое подозрѣніе въ безотчетномъ, дѣтскомъ упрямствѣ.

По-этому, мнѣ пріятно было встрѣтить, черезъ недѣлю, въ Амстердамѣ, въ галлерейхъ биржи, героя небольшой шевенингенской драмы.

Амстердамская биржа — широкій дворъ, ничѣмъ - непокрытый сверху; кругомъ идетъ галлерей, сводъ которой лежитъ на сорока-шести нуерованныхъ колоннахъ. Многочисленная толпа тѣснится въ этой оградѣ, но нѣтъ оглушительнаго шума; слышишь только въ-полголоса, тихо, шесторопиво. Старикъ въ соломенной шляпѣ медленно прохаживался между негоціантами; я увидѣлъ, что онъ остановился передъ однимъ изъ нихъ и долго съ нимъ разговаривалъ.

— Какъ? сказалъ ему негоціантъ: — вы не рѣшаетесь на сдѣлку, которая въ полгода принесетъ вамъ миліонъ барыша?

— У меня нѣтъ столько денегъ, сколько

ко надо для этого, возразилъ безстрастный старикъ.

— А развѣ зять не можетъ дать вамъ денегъ?

— Я никогда не беру денегъ у зятя на свои предпріятія, отвѣчалъ онъ, удаляясь.

— Зять, какъ видно, скупенекъ и не очень вѣрить своему тестю, замѣтилъ кто-то.

Старикъ разслушалъ это обвиненіе и поблѣднлъ отъ гнѣва. Флегма безстрастнаго лица его уступила мѣсто сильнѣйшему негодованію.

— Кто посмѣетъ дурно отозваться о моемъ зятѣ, воскликнулъ онъ:—тому я скажу прямо въ глаза, что онъ подлець, клеветникъ. Знаю, ужъ не въ первый разъ взводится на него безчестные упреки; я хочу разъ навсегда зажать ротъ врагамъ. Принимаю сдѣлку, какую вы мнѣ предлагаете, менгеръ Ясенскъ, зять дастъ мнѣ денегъ. Вотъ записка къ его кассиру, въ Роттердамъ; пошлите туда своего прикащика; пусть онъ отправится сейчасъ, сію минуту, чтобъ никто не подумалъ, что я напередъ переговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ зятемъ.

Онъ написалъ нѣсколько строкъ карандашомъ на листкѣ своей памятной книжки, оторвалъ его, отдалъ прикащику, и тотъ немедленно ушелъ.

Вечеромъ, я рассказавъ все это художнику, который оказавъ мнѣ въ своемъ домѣ братское гостепримство, какое найдете только въ Голландіи.

Онъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Исторія менгера фан-Тассельта стднть того, чтобъ рассказать ее.

Онъ закурилъ трубку, подалъ мнѣ сигару; мы усѣлись у камина; начался разговоръ:

— Менгеръ фан-Тассельтъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ людей, которые въ дѣлахъ своихъ ничего не хотятъ предоставлять случаю, а дѣлаютъ всегда навѣрное. При такихъ правилахъ можно найти кусокъ хлѣба, жить достаточно, но разбогатѣть — никогда. По-этому, менгеръ фан-Тассельтъ небогатъ. Сегодня утромъ, на буждѣ, онъ въ пер-

вый разъ рѣшился на предпріятіе значительное, которое должно принести ему огромные барыши. А надо вамъ сказать, у менгера фан-Тассельта большая семья и не менѣе трехъ дочерей, и всѣ красавицы. Одна изъ нихъ, Дюйвекка, — вы знаете, что это имя значитъ «голубка», — осущестляетъ самыя пылкія мечты поэтическаго воображенія. Дочь такого отца, какъ менгеръ фан-Тассельтъ, и такой матери, какъ набожная женщина, жена его, — Дюйвекка не могла не получить хорошаго воспитанія. Въ Голландіи, особенно въ сословіи негоціантовъ, воспитаніе умное и раціональное; дѣвчушки воспитываются просто и болѣе для дома, чѣмъ для свѣта. Не пренебрегая музыки и изящныхъ искусствъ, ихъ прежде всего научаютъ обязанностямъ домашнимъ. Онъ видитъ свѣтъ столько, сколько нужно для того, чтобъ воображеніе ихъ не представляло его очаровательнѣе, нежели каковъ онъ дѣйствительно.

Молодой Амстердамецъ, баронъ Якобъ, увидѣлъ Дюйвекку, и влюбился въ нее. Дюйвекка съ своей стороны замѣтила благородныя манеры и высокій умъ человека, ухаживавшаго за ней. Не прошло года, взаимная любовь соединила эти юныя сердца. Дюйвекка сняла перстень съ своего пальца и дала его Якобсу въ залогъ любви.

На другой день, Якобъ пришелъ къ менгеру фан-Тассельту и просилъ у него руки Дюйвекки. Старикъ требовалъ сутки для размышленія; сутки прошли, и онъ самъ явился къ молодому человеку.

— Менгеръ, сказалъ онъ: — ваше предложеніе дѣлаетъ мнѣ честь и внушаетъ глубокую признательность... Но я не могу принять его.

Якобъ вскрикнулъ отъ удивленія и горести: надо замѣтить, онъ вовсе не ожидалъ отказа.

— Выслушайте меня, продолжалъ старикъ:—вы человекъ честный и умный; если вы увидите причины моего отказа, то одобрите ихъ, а утѣритесь... Я не богатъ. Ну — вотъ ужъ вижу, вы

хотите сказать мнѣ, что не требуете приданаго и что вы сами богаты. Именно потому, что вы богаты, и не могу я отдать вамъ руки моей дочери. Бѣднѣй тесть и богатѣй зять не могутъ жить долго въ ладу. Тесть, потому что онъ бѣденъ, станетъ считать себя въ правѣ быть слишкомъ-възыскательнымъ на-счетъ уваженія къ себѣ; зять, потому что онъ богаче, станетъ считать себя въ правѣ не быть слишкомъ-внимательнымъ къ нему. Вотъ уже источникъ если не раздоровъ, по-крайней-мѣрѣ холодности.

— Но отецъ мой былъ такой же негодянтъ, какъ и вы; трудомъ приобрѣлъ онъ то состояніе, котораго, по смерти его, я сдѣлался единственнымъ обладателемъ. Почему же это состояніе вы ставите помѣхою моему браку?

— Потому что вы скоро сами будете жалѣть, что заключили этотъ бракъ. Теперь вы молоды и любите Дюйбекку, но вы къ ней привыкнете, ваши мысли переѣдутся и, можетъ-быть, съ сожалѣніемъ станете вы оглядываться назадъ. Невозможно, имѣя шесть-семь милліоновъ, не раскаяться со-временемъ, что женились на дѣвушкѣ бѣдной и незнатной. Я вамъ какъ-съ чело-вѣкомъ жестокимъ и строго-положительнымъ, пусть такъ, — но позвольте мнѣ еще прибавить, что если я выдамъ одну дочь за такого богатаго чело-вѣка, какъ вы, то обнимъ сестрамъ ея придется весь вѣкъ просидѣть въ-дѣвушкахъ. Дѣйствительно, врядъ-ли кто рѣшится сдѣлаться своимъ-къ богатѣйшаго чело-вѣка въ Амстердамѣ. Большое несчастье для фамиліи, если одинъ изъ членовъ ея обладаетъ огромнымъ богатствомъ. Скажу въ заключеніе: будьте вы бѣдны, будьте вы просто достаточны, я съ радостью назвалъ бы васъ своимъ зятемъ. Но вы богаты, и я вамъ отказываю.

Якобъ упрасивалъ, плакалъ, но ничѣмъ не могъ поколебать рѣшимости менгера ван-Тассельта.

Когда старикъ воротился домой и рассказалъ своей семьѣ, что сдѣлалъ, Дюйбекка упала безъ чувствъ къ по-

гамъ отца, и когда очнулась, обняла колѣни менгера ван-Тассельта, умоляя его переѣнвить рѣшеніе. Она сказала ему, что любить Якобса и не можетъ жить безъ него. Ничѣмъ нельзя было тронуть неумолимаго негодянта; на него неподѣйствовала даже такая болѣзнь дѣвушки.

Разъ утромъ онъ работалъ въ конторѣ; вдругъ вбѣгаетъ въ-попыхахъ прикащикъ, и говоритъ, что его спрашиваютъ въ кабинетъ и встрѣчается тамъ лицомъ-къ-лицу съ королемъ Вильгельмомъ. Вы знаете, что старѣйшій король, какъ называемъ мы его теперь, хотя онъ принялъ титулъ графа нассаускаго (*), часто выходилъ изъ дворца какъ простой, частный чело-вѣкъ, безъ свиты, одинъ-одинѣхонекъ, и посѣщалъ людей, которыхъ любилъ или къ которымъ имѣлъ дѣло.

— Менгеръ, сказалъ король:—вы показали менгеру Якобсу въ рукѣ своей дочери. Я беру участіе въ этомъ молодомъ чело-вѣкѣ; отецъ его оказалъ мнѣ большія услуги; я пришелъ просить васъ за него (**).

— Ваше величество, смѣло отвѣчалъ старѣйшій негодянтъ:—наѣйшее желаніе ваше должно служить для меня приказомъ, но... но... Когда ваше величество рѣшите какое-нибудь дѣло, зрѣло обдумавъ его, можетъ ли какая сила на свѣтѣ измѣнить вашу волю?

— Не думаю, отвѣчалъ король, улыбаясь.

— Ваше величество, я серьезно обдумывалъ, можетъ ли женитьба менгера Якобса на Дюйбеккѣ составить счастье моей дочери, моего семейства и даже того чело-вѣка, который хотѣлъ сдѣлаться моимъ зятемъ. Результатомъ этого строгаго обдумыванія было то, что этотъ союзъ никому не можетъ принести счастья. Угодно ли, чтобъ я по-

(*) Нидерландскій король Вильгельмъ, графъ нассаускій, скончался въ прошломъ мѣсяцѣ (12 декабря 1843).

(**) Истинное событіе.

виновался вашему величеству, вопреки своему убѣжденію и чувству долга?

— Нѣтъ, клянусь честью, отвѣчалъ король:—отецъ семейства—господинъ въ своемъ домѣ. Вы человекъ честный, и если допустить даже, что въ этомъ случаѣ вы ошибаетесь, то все-таки я не буду настаивать, чтобы вы перемѣнили свое намѣреніе. Прощайте.

II.

Прошло полгода послѣ этихъ проществій. Всѣ горестные слѣды, оставленные ими въ семействѣ менгера фан-Тассельта, казались, выгладились. Дюйвека, долго бывъ больна, непрестанно молила Бога даровать ей силу исполнить волю отца, и въ набожности находила подкрѣпленіе. Часто даже грустная улыбка появлялась на блѣднѣхъ устахъ ея. Менгеръ фан-Тассельтъ избѣгалъ всякихъ намековъ на горестное прошедшее. Только онъ казался еще нѣжнѣе къ Дюйвеккѣ, предупреждалъ, удовлетворялъ малѣйшія ея желанія и умножалъ вокругъ ея развлечения. Якобъ переселился изъ Амстердама въ Роттердамъ.

Однажды утромъ, когда Дюйвека, по обыкновенію, стоя на колѣняхъ, молилась Богу и просила его о счастьи Якобса, вошелъ въ комнату фан-Тассельтъ, слѣдалъ ей знакъ, чтобы она продолжала молитву, и самъ сталъ подлѣ нея на колѣни. Когда дѣвушка встала, онъ сѣлъ подлѣ нея и спросилъ:

— Дюйвека, любишь ли ты еще менгера Якобса?

Дюйвека покраснѣла и опустила глаза, налившіеся слезами.

— Любишь ли ты еще менгера Якобса? спросилъ опять старикъ.

— Батюшка, я отказалась отъ любви его и отъ надежды быть когда-нибудь его женою, — вы мнѣ это приказали; но я все еще люблю его, потому-что этого вы мнѣ не запрещали.

Менгеръ фан-Тассельтъ улыбнулся и тихо покачалъ головою.

— Вотъ-какъ самые покорныя доче-

ри слушаются отца! Ну, такъ если ты все еще любишь Якобса, мы сегодня поѣдемъ въ Роттердамъ.

Дюйвека недовѣрчиво взглянула на отца.

— Мы сейчасъ отправимся въ Роттердамъ, повторилъ онъ. — Мнѣ надо потолковать о тебѣ съ менгеромъ Якобсомъ, и я думаю, этотъ разговоръ кончится къ удовольствію всѣхъ насъ, — если только менгеръ Якобъ не разлюбилъ и не забылъ тебя.

— Этого я не боюсь, воскликнула Дюйвека, сердце которой прыгало отъ радости.

Черезъ часъ, старикъ и дочь его ѣхали по дорогѣ въ Роттердамъ; вечеромъ, они прибыли въ этотъ городъ. Менгеръ фан-Тассельтъ всю дорогу молчалъ и, прижавшись въ уголъ экипажа, дремалъ или притворялся дремлющимъ. Дюйвека не посмѣла разспрашивать его. На другой день, старикъ, остановившись у одного изъ своихъ корреспондентовъ, оставилъ дочь и пошелъ къ домику, стоявшему въ одной изъ самыхъ уединенныхъ кварталовъ Роттердама; подойдя къ дверямъ, онъ позвонилъ; старая служанка медленно отворила дверь.

— Дома менгеръ Якобъ?

— Дома, отвѣчала старушка, и вела его въ гостиную, вычищенную, выложенную, съ мраморнымъ поломъ, по тамошнему обычаю, но мѣблированную очень-скромно. Якобъ немедленно явился и вскрикнулъ отъ удивленія, увидѣвъ такого нежданнаго посѣтителя.

— Менгеръ Якобъ, сказалъ старикъ: когда-то вы просили у меня руки моей дочери Дюйвеки; теперь я въ свою очередь пришелъ предложить вамъ ея руку.

— Вы мнѣ тогда сказали, грустно отвѣчалъ Якобъ: — что вашъ долгъ отказать мнѣ въ рукѣ Дюйвеки; теперь и мнѣ долгъ запрещаетъ принять ваше предложеніе.

— Отъ-чего это, позволяете спросить?

— Отъ-того, что неудачныя спекуляціи убили состояніе, оставленное мнѣ

отдомъ. Корабли, отправленные шлю, рабыты бурей; неумолимая судьба разстроила мои спекуляціи, самыя вѣрныя, самыя обдуманныя. Два-три банкротства добили меня. Теперь у меня остается не болѣе пятидесяти тысячъ флориновъ. Я рѣшился впередъ не испытывать судьбы; при такомъ несчастіи, я убѣжденъ, что и эти послѣднія средства для жизни уйдутъ изъ рукъ моихъ.

— Съ пятьюдесятью тысячами флориновъ можете жить очень-порядочно человекѣтъ, умѣренный въ своихъ желаніяхъ, человекѣтъ, который, сверхъ того, получить въ приданое за женою двадцать-пять тысячъ флориновъ. При томъ, васъ любитъ король; въ случаѣ нужды, онъ можетъ дать вамъ хорошее мѣстечко. Еслибъ, вы были по прежнему богаты, я ни за что не отдалъ бы за васъ Дюйвекии. Теперь, когда нѣтъ несоразмѣрности между вашимъ состояніемъ и ея приданымъ, бракъ зависитъ отъ васъ.

Черезъ четверть часа, менгеръ фан-Тассельтъ велъ къ своей дочери счастливаго менгера Якобса. Черезъ нѣсколько недѣль, сыграна была свадьба въ домѣ фан-Тассельта, въ Амстердамѣ.

На другой день послѣ свадьбы, Якобсъ увезъ Дюйвеку въ свой домикъ въ Роттердамѣ.

Дюйвекина, какъ женщина, воспитанная въ любви къ порядку и экономіи, такъ принялась хозяйничать, что счастливый Якобсъ не могъ на нее нарадоваться. Она умѣла скромному достатку придать видъ богатства. Домикъ принялъ праздничный видъ. Менгеръ фан-Тассельтъ почти каждую недѣлю ѣздилъ любоваться на своихъ милыхъ дѣтокъ. Между-тѣмъ, Якобсъ работалъ съ такою дѣятельностію, что болѣе-и-болѣе приобреталъ довѣренность тѣста. Онъ получилъ довольно-видное мѣсто и съ приличною точностію исполнялъ свои обязанности. Первый приходилъ онъ на службу, послѣдній выходилъ, и посылалъ поклоненьякъ прагмѣ дѣ-

тельности. Время, свободное отъ дѣлъ, посвящалъ онъ женѣ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы, Дюйвека сдѣлалась матерью. Менгеру фан-Тассельту сильно хотѣлось взглянуть на внука; но болѣе цѣлый мѣсяць лишала его удовольствія обнять дочь и пожать руку зятю. Наконецъ, онъ пріѣхалъ. Якобсъ, принимая доказательства отеческой нѣжности старика, не могъ скрыть какого-то замѣшательства.

— Ваша доброта, сказалъ онъ, приводитъ меня въ краску:—я виноватъ передъ вами. Я не высказалъ вамъ, какъ слѣдуетъ, положенія дѣлъ моихъ, и непредвидѣнныя обстоятельства измѣнили ихъ. Вопреки желанію моему, — я принужденъ отказаться отъ мѣста... Причины...

Менгеръ фан-Тассельтъ прервалъ его:

— Любезный Якобсъ, я знаю, когда судьба ожесточится противъ человекѣка, то не оставляете своей жертвы послѣ первыхъ ударовъ. Если вамъ нужны деньги, я могу предложить вамъ двадцать-тысячъ флориновъ.

— Миѣ принять такую сумму?

— Отъ-чего же нѣтъ? Развѣ я не отецъ вашъ и не отецъ вашей женѣ?

— Но на моемъ мѣстѣ согласились ли бы вы на то, что миѣ предлагаете?

— Я никогда не имѣлъ ложнаго стыда. Да; еслибъ что-нибудь разстроило спокойствіе жены, дѣтей моихъ, я не задумался бы принять средства для перемѣны ихъ участи.

— У васъ благородное сердце, воскликнулъ Якобсъ. Вы снѣсите на помощь миѣ, не спрашивая даже, почему нужна миѣ эта помощь. Сегодня вечеромъ, вамъ все будетъ извѣстно, и надѣюсь, то, что узнаете вы, не перемѣнитъ вашего ко миѣ расположенія.

Дѣйствительно, вечеромъ, кончивъ скромный обѣдъ, Якобсъ спросилъ жену:

— Милая Дюйвека, не желала ли бы ты чего-нибудь на свѣтъ?

— Чего миѣ желать? отвѣчала она съ невыразимой улыбкой. — Не счастлив-

вѣ ли я всёхъ женщинъ, когда сижу между отцомъ и мужемъ и смотрю на колыбель ребенка?

— Не соблазняетъ ли тебя богатство?

— А развѣ тогда больше сталъ бы ты любить меня?

— Ну ужъ какъ хочешь, ты должна пережить жизнь.

Иоткрывъ потаенную дверь въ фальшивомъ шкафѣ, онъ показалъ Дюйбеккѣ великолѣпную залу, которую нѣсколько слугъ убрали для бала.

— Я обманулъ васъ, батюшка, прибавилъ онъ, сжавъ руки менгера фан-Тассельта. Простите ли вы обманъ мой?

Менгеръ фан-Тассельтъ былъ пораженъ какъ громомъ.

— Я тайно хотѣлъ разориться, продолжалъ Якобсъ: — и не успѣлъ. Самыя безразсудныя спекуляціи мои имѣли успѣхъ, и богатство мое утробилось. Въ то время, у меня не было другаго средства получить руку Дюйбекки, какъ прикинуться бѣднякомъ, которыми я не могъ сдѣлаться, не смотря на всё мое усиліе. Теперь вы знаете все, скажите, прощаете ли вы меня?

— Нипогда ногъ моей не будетъ въ этой залѣ, отвѣчалъ менгеръ фан-Тассельтъ: — но я буду по-прежнему навѣщать дочь и зятя въ домикъ, гдѣ Дюйбекка была такъ счастлива.

— Такъ вы не хотите, батюшка, чтобъ я съ яснымъ лицомъ наслаждалась тѣмъ богатствомъ, которое даетъ мнѣ мужъ?

— Отъ-чего нѣтъ, дитя мое? Ступай, ходи въ чай на этомъ балѣ. А я, по-прежнему, пойду курить трубку въ комнатѣ, чтѣ надъ тѣмъ покоемъ, гдѣ жила ты такъ долго. Когда кончится балъ, приди обнять меня и рассказать, какъ ты веселилась.

Якобсъ зналъ, что если менгеръ фан-Тассельтъ развѣ рѣшился на что-нибудь, то уже нельзя отговорить его. Онъ пожалъ руку старику и провелъ Дюйбекку въ новую ей спальню, гдѣ ее ожидали богатые наряды и женщины,

готовыя къ ея услугамъ. Вечеромъ былъ блестящій балъ.

Съ-тѣхъ-поръ, Дюйбекка жила въ новыхъ и роскошныхъ покояхъ своихъ. Только, каждый разъ, какъ отецъ ея прѣзжалъ въ Роттердамъ, она входила потаенною дверью въ домикъ, гдѣ жила нѣкогда. Тамъ оставалась старикъ и видится съ дочерью и зятемъ.

Такъ рассказывалъ гостепріимный амстердамскій хозяинъ мой.

Теперь вотъ развязка этой исторіи.

Молодая женщина рѣдкой красоты прѣехала въ Парижъ на зиму. Имя этой женщины — г-жа Якобсъ. Развѣ вечеромъ, сидя съ ней и съ мужемъ ея, мы толковали о тихой, поэтической Голландіи, которой иностранецъ не можетъ покинуть безъ сожалѣнія и о которой Голландецъ не можетъ вспомнить безъ слезъ. Я осмѣлился предложить менгеру Якобсу нѣсколько вопросовъ о менгерѣ фан-Тассельтѣ и о спекуляціи, на которую, въ монхъ глазахъ, рѣшился онъ на амстердамской биржѣ для защиты зятя.

— Вотъ какъ было дѣло, отвѣчалъ менгеръ Якобсъ: — нѣсколько судовъ, нагруженныхъ табакомъ, потерпѣли кораблекрушеніе; только одному менгеру извѣстно было это несчастіе. Цѣна на табакъ должна была значительно подняться. Спекуляція состояла въ томъ, чтобъ скупить весь табакъ, находившійся въ амстердамскихъ магазинахъ. Спекуляція была выгодна, нежели какъ рассчитывалъ мой тестъ. Онъ оставилъ у себя треть барыша, а двѣ трети привезъ ко мнѣ, вмѣстѣ съ сушимою, какуя завалъ у меня. — На ваши деньги, сказалъ онъ мнѣ: — получено барыша триста тысячъ флоринговъ. Вотъ они. — Я взялъ деньги не говоря ни слова.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на менгера Якобса.

— Мой мужъ не сказываетъ вамъ всего, подхватила Дюйбекка. — Обѣ сестры мой вышли замужъ, и мужъ мой далъ каждой изъ нихъ по полутора тысячь флоринговъ.

— А женгеръ фан-Тассельгъ?

— Онъ не хотѣлъ допустить такого подарка; напрасно мужъ мой возражалъ, что права его власти не могутъ простираться на это дѣло, — батюшка не соглашался; тогда мужъ мой сунулъ потихоньку два бумажника въ свадебныя корзинки сестеръ. И въ этотъ разъ отецъ мой былъ обманутъ такъ, что, вѣроятно, и до-сихъ-поръ не догадывается.

НОВОСТИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

РУССКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1) Актеръ-Докторъ, эпизодъ изъ жизни знаменитаго Гаррика. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго.

Извѣстенъ всѣмъ анекдотъ о Гаррикѣ, въ котораго страстно влюбилась молодая дѣвушка хорошей фамиліи, увидѣвъ его въ какой-то трагической роли, и который, по просьбѣ отца этой дѣвушки, вылечилъ ее отъ безумнаго увлеченія, показавшись ей въ роли пляшцы. Водевилисты, ищущіе вездѣ и во всемъ сюжетовъ для своихъ эфемерныхъ произведеній, словно голодные волки, обнюхивающіе всякій предметъ, даже камень, въ надеждѣ найти въ немъ пищу, не оставляютъ въ покоѣ никакого анекдота изъ жизни великаго, или извѣстнаго лица. И вотъ, какой-то французскій водевильистъ вспомнилъ и объ анекдотѣ о Гаррикѣ. Мы не знаемъ, какъ онъ воспользовался имъ, потому-что не видали и не читали его водевиля; но знаемъ, что русскій передѣлыватель очень-плохо передѣлалъ его, ибо имѣли злополучіе видѣть его передѣлку. Смыслъ анекдота совершенно искаженъ. Гаррикъ, же-

лая вылечить влюбившуюся въ него дѣвушку, является къ ней въ видѣ доктора и самъ влюбляется въ нее; но потомъ побѣждаетъ свою страсть, и, притворившись пьянымъ, заставляетъ ее прійти въ разсудокъ и отдать руку достойному молодому человѣку, котораго она давно уже была невѣстою. Эффектно, чувствительно и трогательно — для многихъ; неестественно, натянуто, приторно, скучно — для немногихъ. Но что смотрѣть на немногихъ, когда многіе довольны!..

2) Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши — плачемъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. С. Соловьева.

Не смотря на изысканное и нѣсколько-тривиальное названіе, пьеса эта очень-хороша. Вѣроятно, передѣлка; но если ужъ сочинителю непремѣнно хочется выдать ее за оригинальное произведеніе, — пусть будетъ по его волѣ! Павелъ Павлычъ Марковкинъ, старій брильянщикъ — настоящій мужъ подъ баушмакомъ: дражайшая половина его, Матрена Марковна, какъ говорится, держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ. У нихъ въ домѣ живетъ племянница старика, Софья, съ мужемъ своимъ, Александромъ (который фамиліи никакой не имѣетъ и называется просто Александромъ, даже безъ отчества, можетъ-быть, потому-что у него и отца не было; это, впрочемъ, секретъ г. водевильиста). Этотъ Александръ — большой вѣтренникъ, не занимается своимъ искусствомъ (живописью) и холоденъ, даже грубъ съ женою, Софьею, женщиною молодою, хорошею и любящею его. Старуху Марковкину, которая любитъ владѣть своею надѣею, положеніе племянницы приводитъ въ бѣшенство. Она услышала отъ одной своей знакомой, чиновницы, будто вышло разрѣшеніе на разводы, и пристаесть къ племянницѣ, чтобъ она развелась съ мужемъ. Дѣло загорѣлось. Но вдругъ надъ самою старухою разразилось то же самое горе, которое готови-

да она другимъ. Подбитый насмѣшками племянника, послѣ долгихъ колебаній между страхомъ женина гнѣва и желаніемъ показать свою самостоятельность, старикъ Марковкинъ рѣшается идти въ трактиръ и гульнуть тамъ. Разумѣется, онъ возвращается домой подъ-хмѣлькомъ, очень-веселъ и крайне-любезенъ съ женою, безпрестанно говоря ей: «дай, душенька, поцаловать глазочекъ!» Но жена такъ отдѣльваетъ старика, что тотъ выходитъ изъ себя и уже не шутиа хочетъ показать свой характеръ: онъ объявляетъ женѣ, съ которою прожилъ сорокъ лѣтъ, свое рѣшительное намѣреніе — развестись съ нею. Слѣдуетъ рядъ самыхъ комическихъ и, въ то же время, наивно-трогательныхъ сценъ. Разумѣется, къ концу все улаживается: старикъ мирится съ старухою, Александръ съ Софьею, послѣ чего весьма-кстати узнаютъ они отъ самой чиновницы, что она солгала, сказавъ о мнимомъ разрѣшеніи разводиться. Водевиль этотъ веденъ очень-умно и ловко. Кто хочетъ видѣть талантъ г. Мартынова во всемъ его блескѣ, тотъ непременно долженъ увидѣть этого необыкновенно-даровитаго артиста въ роли старика Марковкина: онъ превосходитъ въ ней, особенно въ сценѣ, гдѣ является къ женѣ подъ-хмѣлькомъ.

3) Отецъ, какихъ мало. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи*, Н. А. Коровкина.

Весь этотъ водевиль написанъ для одной роли, которая и смастерена довольно-сносно; за то, всѣ другія роли нелѣпо-плохи. Главная роль — наивная дѣвушка, пансіонерка семнадцати лѣтъ. Отецъ ея, отставной полковникъ, большой шалуни, любитъ кутнуть съ пріятелями; онъ влюбленъ въ вдовушку. Наивная дочка поступаетъ съ нимъ деспотически, обнаруживаетъ передъ вдовою не только всѣ шалости, но и его любовь къ ней, конфузится ихъ обоимъ, и, черезъ это, заставляеть ихъ объясниться и жениться.

4) Измѣнница. *Быль во время нашествія Французовъ на отечество. Народная драма въ пяти дѣйствіяхъ.*

Величайшая негѣпость. Ее невозможно пересказывать, да и было бы бесполезно, ибо она принадлежитъ къ числу тѣхъ пошлыхъ шутокъ, которые даже не смѣшны. Единодушно осмѣлиная публикою Александринскаго-Театра, всѣми журналами и газетами, она замѣчательна, какъ рѣдкость въ своемъ родѣ.

5) Женщина-Кошка, или Странное Превращеніе. *Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. Скриба и Мелвилля. *Вновь передѣланный съ французскаго.*

6) Шампанское и Опиумъ. *Фарсъ въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго.*

Вотъ два водевиля, по которымъ, увидѣвъ ихъ на русской сценѣ, нельзя судить о французской драматической литературѣ, безъ опасности приидти къ самому ложному заключенію на ея счетъ. Въ первомъ изъ нихъ, дядюшка и племянница вымечиваютъ, одинъ своего племянника, а другая своего двоюроднаго брата, отъ любви — къ кошкѣ! Это дѣлается самымъ простымъ образомъ. Гвидо, услышавъ стукъ у своей двери, поспѣшно кладетъ на постель кошку-Минетту и, задернувъ занавѣски, отворяетъ дверь. Къ нему входитъ индійскій мудрецъ и волшебникъ, который беретъ обратиться кошку въ хорошенькую дѣвушку. И въ-самомъ-дѣлѣ, отдернувъ занавѣски кровати, Гвидо, вмѣсто кошки, находитъ дѣвушку, которая потягивается по-кошачьи, гладитъ у себя за ушами, ѣсть сливки съ руки, обнюхивъ ее въ кринку и облизывая. Разумѣется, къ концу водевиля все объясняется, и Гвидо женится на своей кузинѣ, излечившись отъ страсти къ кошкѣ. — Въ другомъ водевилѣ, французскій офицеръ Артуръ и англійскій офицеръ Догъ тайно вторгаются въ домъ китайскаго купца Кунгару, первый изъ любви къ молодой племянницѣ Кунгару, второй — изъ коммерческихъ видовъ, ради которыхъ онъ прикинулся влюблен-

нытъ въ старую жену Кунгару. Изъ этого выходитъ рядъ самыхъ неправдоподобныхъ и, не смотря на то, самыхъ смѣшныхъ положеній и сценъ. У Дога съ Артуромъ—соперничество: Англичанинъ стоитъ за опиумъ, Французъ—за шампанское. Последний одерживаетъ рѣшительную побѣду, перепонивъ всѣхъ Китайцевъ шампанскимъ и заставивъ ихъ и Дога танцовать съ собою канканъ. Вы скажете: все это надоръ, глупости, неправдоподобности; но посмотрите эти пьесы на французскомъ театрѣ—и вы переѣните мнѣніе, ибо въ этихъ фарсахъ увидите игру жизни, подобную игрѣ шампанскаго, отъ души будете смѣяться надъ налამбурами и весело проведете вечеръ. А вѣдь нѣсколько часовъ удовольствія въ нашей грустной жизни чего-нибудь да стоить, и право, лучше смѣяться весело отъ фарса, чѣмъ зѣвать и дремать отъ иной трагедіи, или много драматическаго представленія! Почему же такъ хороши на французской сценѣ подобныя фарсы, лишенные всякой правдоподобности, а на всякой другой сценѣ такъ плоски, грубы и пошлы? Вѣроятно, потому же, почему пѣсня Беранже такъ ловки и остроумны въ подлинникѣ и такъ плохи въ переводахъ (*). Да и почему многія изъ его пѣсенъ, самыхъ ничтожныхъ и чуть-безсмысленныхъ по содержанию, такъ хороши въ подлинникѣ, что этотъ народный поэтъ Франціи, имѣлъ полное право сказать о себѣ:

Mais Dieu brille à travers ma gaité!

Этотъ вопросъ можно рѣшить только тѣмъ, что у всѣхъ народовъ есть много общаго между собою, и есть много своихъ особенностей. Французскіе водевили можно и должно переводить и передѣлывать на русскій языкъ и русскій ладъ, но только такіе водевили, въ

содержаніи которыхъ есть что-нибудь или обще-человѣческое, или что-нибудь сходное съ нашими нравами, крайней-мѣрѣ, не чуждое имъ. Для чего же переводить и передѣлывать непереводимое и непередѣлываемое, т. е. улетучивающіяся особенности народной жизни Французовъ, столь же неуловимыя, какъ лучъ солнца, играющій на листьяхъ растений?—Слѣдующіе два водевиля также могутъ служить доказательствомъ справедливости нашихъ словъ:

7) Магавинница. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго (Le commis et la grisette).*

8) Перчаточница, или Три Племинника. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго.*

Содержаніе перваго изъ нихъ очень просто: Робино (commis—слово непереводимое, ибо русское—«прикащикъ», или «повѣренный» нисколько не выражаютъ французскаго commis); любить свѣтъ и падохъ къ витригамъ съ графинями и маркизами, что очень огорчаетъ его подругу, Фишину. Въ Фишину влюбленъ простакъ Каравонъ и, чтобъ разсорить ее съ Робино, онъ увѣряетъ его, что за нимъ прислала своего негра въ великолѣпной дивреѣ какая-то маркиза, живущая тамъ-то. Робино не нашелъ никакой графини, подрался съ вѣщозникомъ и явился къ Фишинѣ избитый и оборванный. Это его обраумило: онъ понялъ цѣну простодушной и преданной любви гризетки, помирился съ нею и рѣшился не гоняться за великолѣпными мечтами. Все это очень-мило, но на французской сценѣ, и г-жа Александръ превосходна въ роли гризетки, а г. Брессанъ въ роли commis; но у насъ, у которыхъ нѣтъ ни гризетокъ, ни commis, и ничего похожаго на жиня, которую вѣдутъ Робино и Фишина, и на отношенія, въ которыхъ они находятся, — у насъ все это должно казаться какъ-то странно и мертво.—Содержаніе Перчаточницы: очень-честно и задумаво

(*). Чтoby убѣдиться въ этомъ, стѣнитъ только прочесть въ «Ренертуарѣ» прошлаго года двѣ пѣсни Беранже, переведенныя Дедюкки.

Живутъ вмѣстѣ два студента: Кипріякъ, бездарный, безъ толку корпнить надъ юриспруденціею; Клавдіи, повѣса, вмѣсто медицины, занимается волонитствомъ. Съ ними живетъ перчаточница, Франсина, подруга Клавдія. У Клавдія есть дядюшка, богатый и грубый мѣщанинъ изъ провинціи. Онъ пріѣзжаетъ распечь повѣсу-племянника и женить его на своей дочери. Когда дядя является на квартирѣ племянника, его безпрестанно мистифируютъ: то Кипріянъ называется его племянникомъ, то переодѣтая Франсина, которая выманиваетъ у него 1,500 франковъ, чтобъ спасти отъ тюрьмы Клавдія. Дядя бѣсится, кричитъ. Подъ именемъ Кипріяна, Клавдіи волочится за своею кувинкою и пишетъ къ ней письмо, которое перехватываетъ дядя и добирается до Кипріяна, чтобъ поколотить его. Наконецъ, все объясняется. Франсина, узнавъ объ намѣнѣ Клавдія и о томъ, что онъ въ тюрьмѣ не былъ, возвращаетъ дядѣ его 1,500 франковъ: всѣ въ изумленіи отъ ея благородства, ея любви къ Клавдію, даже самъ дядя тронутъ. Но какъ всѣ герои или героини водевилей должны, при развязкѣ, непременно жениться или выходить замужъ, то и Франсина, Богъ-знаетъ зачѣмъ, выходитъ за простака Кипріяна, а Клавдіи женится на Юліи.

9) Государь-Избавитель, или Бѣдный Сирота. Русская драматическая быль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Д. Горева.

Староста Архипъ выгналъ изъ своего дома Иванушку-сиротинушку, за то, что тотъ задумалъ влюбиться въ дочь его, Дуню. Иванушка падаетъ въ гѣсу отъ изнеможенія, которое, однакожъ, не мѣшаетъ ему говорить съ полчаса предлинныя монологи, приличные болѣе какому-нибудь сочинителю, нежели мужику; наконецъ, замѣтивъ, что черезъ-чуръ заболтался, онъ видитъ смерть и кричитъ:

Готовъ совѣтъ. Ну, смерть, бери скорѣ

Свою добычу, какъ легка на волю...
Вотъ, вотъ она! Твердеетъ, слава, помилуй!

Бѣгутъ по сценѣ мужики, бабы, дѣвки; вдалекѣ они видятъ проѣзжающаго Государя... Опускается занавѣсъ, изображающій облако, и тотчасъ опять подымается. Квартальный и лекарь уносятъ Иванушку. У Архипа сговоръ; онъ отдаетъ дочь за Прохора — мужика здороваго, который еще прежде улецалъ ее такими рѣчами сладкими:

Полно, радость ненаглядная,
Супротивничать, жеманиться,
Выдешь замужъ, не укаалишься;
Ходишь будешь въ парчѣ, бархатѣ,
Кушать праники съ узорами,
Попивать сыту медовую,
Жить въ высокоомъ, свѣтломъ теремѣ,
Взлать въ гости на лихихъ коняхъ.

А она ему на это, словно по печатному, ворковала, что голубушка, таковы слова унылыя, ахъ, унылыя, что не радостныя, не радостныя, а печальныя, горючими слезами обливаясь, друга милого призываючи, горьку долю проклинаячи:

Мнѣ не надо парчей, бархатовъ,
Сладкихъ пряниковъ, лихихъ коней,
Ни богатства, ни веселости,
Лишь отдайте друга милого,
Воротите невозвратнаго!
Безъ него мнѣ жизнь — мученіе,
Брашна вкусныя — полынь-трава,
Платья пышныя — срамной нарядъ,
Теремъ свѣтлый — келья темная.

Изъ этого видно, что Дуня не простая крестьянская дѣвка, а дѣвка идеальная. Но Прохоръ отвѣчаетъ ей на эту нарумяненную выходку простою народною прозою: «Экую околесницу занесла! Да, что ты, въ-самомъ-дѣлѣ, рыло-то поднимаешь!» и пр. — все въ такомъ же тонѣ. На сговорѣ, Дуня продолжаетъ играть изъ себя дѣву идеальную, неземную и чудную на крестьянскій ладъ: пока дѣвки расплетаютъ ей косу дѣвичью, она разливается въ рѣчахъ жалобныхъ, что слаще праники печатнаго, узорочіе полотеница шитаго (извините: прииѣръ г. Горева

увлекателенъ — и мы по-неволѣ сдѣ-
лались повтами на его ладъ):

Ахъ, зачѣмъ я, безталанная
На свѣтъ Божій зародилася?
Для чего меня съ младенчества
Сберегали и лелѣяли,
Къ жизни радостной готовили,
Говорили, будто счастье
Человѣка не чуждается;
Что молитвы и терпѣвіе
Ищѣмяють горестъ лютую,
Возвращаютъ дни веселые?
Ахъ! зачѣмъ словамъ я вѣрила?
Чтѣ мнѣ въ жизни, чтѣ осталось?
Я ль не ждала, не молилася,
Не терпѣла, не надѣялася,
Не ронила слезъ украдкою?

(Вскакиваетъ.)

Прочь уходите! отступитесь!
Все погибло! все утрачено!
Лучше брошусь въ рѣчку быструю,
Чѣмъ достанусь на посмѣшище.

Вдругъ входятъ квартальный и лекаръ
и выгоняютъ честное компанство; за-
тѣмъ вносятъ Иванушку-сиротинушку,
котораго староста узнаётъ. Знаешь ли,
кто помогъ ему, спрашиваетъ квар-
тальный Архипа: слушай:

Великій по всему, по роду, по дѣ-
ляльямъ,
По дивному уму, по кротости души;
Вѣковъ немаснушихъ увѣнчанный из-
браньемъ;
Вездѣ прославленный, въ чертогахъ,
среди глуши;
Народовъ, царствъ, царей всемошный
побѣдитель,
Защитникъ истины, племень враждеб-
ныхъ миръ,
Отъ ига тяжкаго вселенной избавитель,
Другъ человѣчества, умовъ, сердець
кумиръ,
Равно во всемъ повсюду незабвенный,
Хранитель нашъ, отецъ, надменныхъ,
гордыхъ страхъ, —
То онъ, то онъ, нашъ царь, монархъ
Благословенный,
Везсмертный на землѣ и ангелъ въ не-
бесахъ.

Архипъ, хотъ и не учился не только
реторикъ, но и грамотъ, однакожъ то-
чась понялъ всю рѣчь квартальнаго, и
до того ему проникнулся, что сейчасъ

же изъ негодая сдѣлался честнымъ
человѣкомъ, раскаялся въ своихъ пре-
ступленіяхъ, вымолилъ у Иванушки-
сиротинушки прощеніе, залаясь у не-
го въ ногахъ, и выдалъ за него иде-
альную красавицу, дѣву чудную, т. е.
Дуню. Этимъ и кончилась великолѣп-
ная пьеса, посягнувшая, въ своемъ не-
вѣжествѣ, на искаженіе одного изъ
прекраснѣйшихъ дѣйствій, которыя
съ умиленіемъ благословляютъ человѣ-
чество...

10) Лунатикъ. Драма въ трехъ дей-
ствіяхъ, переводъ съ французскаго В.
Н. О.

У г-жи Дарбоа умерли чахоткою
мужъ и два сына, и потому она почи-
таетъ чахоточнымъ послѣдняго своего
сына. Дѣла ея по имѣнію очень раз-
строены; однако, они могли бы совер-
шенно поправиться черезъ женитбу
Поля на Августинѣ Севрель. Дѣйстви-
тельно, молодые люди признаются г-жѣ
Дарбоа, въ своей взаимной любви и
просятъ ея позволенія на бракъ; но
г-жа Дарбоа, предполагая своего сына
чахоточнымъ, рѣшительно противится
этому союзу, не смѣя въ то же время
объяснить сыну причину своего несо-
гласія. Между-тѣмъ, ихъ имѣніе опи-
сывается. Въ то же время, домашній
врачъ дома Дарбоа и другъ Поля, Фо-
рестье, желая воспользоваться према-
нымъ Августины, пишетъ къ ней пись-
мо, въ которомъ открываетъ ей, что
Полю — въ чахоткѣ; но онъ дѣлаетъ
это такъ, что письмо попадаетъ не
Августинѣ, а Полю. Молодой чело-
вѣкъ въ отчаяніи; но онъ гонимъ свое
горе отъ матери. Мать призываетъ
другаго доктора, друга дома Дарбоа.
Гемери говорить рѣшительно, что
Полю совершенно-здоровъ. Надо ска-
зать еще, что хотя Форестье и всѣми
имѣрами старался вырвать изъ рукъ
Поля свое письмо, которое могло бы
открыть его хитрость; но Полю, хоро-
шо понимая, что безъ этого письма не
будетъ развязки драмы, рѣшается но-
сить его у сердца. Наконецъ, въ при-
падкѣ сомнамбулизма, онъ открываетъ

матери и доктору Гемери тайну роковаго письма. На другой день, Гемери говоритъ Полю, что его чухотка выдуманна негодяемъ Форестье; Поль върнть чести Форестье и продолжаетъ отчаяваться. Гемери прибѣгаетъ къ крайнему средству: онъ усовѣщиваетъ Форестье признаться въ преступленіи; а Поль изъ сосѣдней комнаты слушаетъ ихъ разговоръ. Форестье колеблется; но ложный стыдъ преодолѣваетъ въ немъ совѣсть, и онъ уходитъ, объявляя рѣшительно, что онъ правъ. Тогда, по совѣту Гемери, г-жа Дарбоа рѣшается на отчаянное средство: она обвиняетъ себя передъ сыномъ въ томъ, что онъ, Поль — не сынъ ея мужа. Такимъ образомъ, сплетенная изъ натянутыхъ эффектовъ драма оканчивается умилительно и счастливо, т. е. свадьбою. Въ этой чувствительной драмѣ есть свой *gracioso*: это Геркулесъ Дюроше, толстый и здоровый мужикъ; онъ воображаетъ себя большимъ чухоткою, бьетъ людей по зубамъ и скуламъ, рассказываетъ о пощечинахъ, тычкахъ, потасовкахъ и другихъ подобныхъ тому «драматическихъ эффектахъ», которыми угощаетъ за кулисами то того, то другаго. Очень забавно!

11) *Домикъ Холостяка, или не той другому яму, самъ попадеши. Комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ и двухъ картинахъ, переводъ съ французскаго С. Соловьева.*

Одинъ богатый повѣса, виконтъ де-Фавероль, собираясь жениться, хочетъ ватащить къ себѣ въ домъ жену своего драпировщика; но одинъ изъ друзей его, графъ де-Сюржи, чтобъ отгнать ему за то, что онъ разъ отбилъ у него любовницу, — подложнымъ письмомъ удаляетъ виконта изъ дома, а самъ принимаетъ у него въ домъ хорошенькую драпировщицу. Потомъ оказывается, что это была не драпировщица, а повѣста виконта, которая, по совѣту его тетки, маркизы де-Мелькуръ, хотѣла дать урокъ своему повѣсѣ-женуху. Дѣло оканчивается тѣмъ, что на Зелѣ женится графъ де-Сюржи, къ величайшей досадѣ виконта, который

Т. XXXII. — Отд. III.

попался въ собственные сѣти. Водевилъ не дуренъ.

12) *Преступленіе, или восемь лѣтъ старше. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ, переводъ съ французскаго С. Соловьева.*

Не смотря на то, что драма раздѣлена на картины, — она принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыя глубоко запечатлѣны національнымъ духомъ Франціи. Она вся проникнута идеею, исполнена истины и драматическаго движенія. Читателямъ нашего журнала должно быть извѣстно содержаніе ея изъ статьи, помѣщенной въ одной изъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго года; статья эта называется: «По поводу одной Драмы» (*). Выборъ такой пьесы для перевода дѣлаетъ большую честь уму и вкусу г. Соловьева.

13) *Мѣщанинъ-Дворянинъ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Мольера, переведенная съ французскаго В. З.*

Нѣтъ нужды рассказывать содержаніе этой комедіи: вѣроятно, она еще въ старину игрывалась на русской сценѣ, а переведена въ первый разъ была еще въ 1788 году, подъ именемъ «Мѣщанина во Дворянствѣ». Въ свое время, это была комедія высокаго достоинства; въ наше время, она — комедія-варсъ, ибо продѣлки въ-родѣ переодѣваній и турецкіе костюмы и мистификованія глупаго мѣщанина, дѣлающагося сыномъ турецкаго султана, теперь несообразны съ понятіемъ о комедіи. Притомъ же, въ переводѣ теряется богатство комическаго французскаго языка, которымъ такъ умѣлъ пользоваться Мольеръ. Впрочемъ, все же лучше видѣть «Мѣщанина-Дворянина», чѣмъ доморощенные «драматическія представленія».

14) *Складчина на Ложѣ въ Итальянскія Оперы. Водевилъ (à propos) въ двухъ картинахъ, соч. П. Григорьева 1.*

Неудачное подражаніе Первому

(*). О. З. 1843, томъ XXIX, стр. 96—112, отд. II.

Дебюту Тальйони г. П. Каратыгина. Что у г. Каратыгина полно смысла, остроты, ловко, к стати, умно, — то у его подражателя, г. Григорьева, довольно-тупо и неуклюже. Одна и та же шутка не повторяется дважды. Если эта плоскость имѣла успѣхъ, она одолжена этимъ игрѣ артистовъ.

15) Не бывать вы счастью, да несчастье помогло. *Комедія-водевилъ въ одномъ дѣйстви, передъланная съ французскаго П. С. Фодоровымъ.*

За молоденькою женою старого мужа ухаживаетъ юноша, родственникъ ея мужа. Юноша разбалтываетъ о своей любви Хохлову, старому родственнику мужа, который отказываетъ ему часть своего имѣнія. Дворецкій Назарычъ рассказываетъ Хохлову, какъ у него былъ дядя, который хотѣлъ ему отказать свой домъ, на Выборгской, да ни-съ-того, ни-съ-сего женился, прижилъ дѣтей — и домъ уплылъ у Назарыча. Хохлову приходитъ на умъ, что по милости юноши и онъ также можетъ поклониться своему наслѣдству. И вотъ, онъ началъ читать молодой женѣ мораль, и видя, что это не беретъ, вздумалъ притвориться влюбленнымъ въ нее — и бухъ передъ ней на колѣни. Вдругъ входитъ мужъ. Хохловъ, чтобъ выпутаться изъ бѣды, передаетъ тайну юноши, представивъ мужу перехваченное имъ любовное письмо Лужина къ его женѣ. Старикъ Кадниковъ велитъ юношѣ ѣхать въ пансионъ, а Кадникова вдругъ объявляетъ, что и Хохлову зачѣмъ-то нужно уѣхать. Хохловъ понимаетъ въ чемъ дѣло и, боясь доноса на себя въ любовномъ объясненіи, уѣзжаетъ. Но онъ утѣшается общаніемъ Назарыча, котораго дѣлаетъ управителемъ своей деревни, смотрѣть въ оба за молодую барышею. Хорошо въ этомъ водевилѣ лицо Назарыча, и г. Мартыновъ превосходно играетъ его.

16) Между Небомъ и Землею. *Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйстви, съ французскаго Н. Акселя.*

Дѣйствіе этой пьесы происходитъ въ воздухѣ. Воздухоплаватель, Дюжон-

куа, сидя въ воздушномъ шарѣ, рассказываетъ самому-себѣ, какъ онъ скупалъ векселя одного повѣсы, Барбакана, который ухаживаетъ за его дочерью. Онъ радъ, что избавился отъ повѣсы, и что теперь — совершенно-одинъ. Но вдругъ встаетъ Барбаканъ: онъ засѣлъ въ шаръ раньше Дюжонкуа и прикрылся плащомъ. Развязку угадать не трудно: повѣса принуждаетъ Дюжонкуа согласиться на бракъ съ его дочерью, грозя въ противномъ случаѣ опрокинуть машину.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

1) L'ITALIEN ET LE BAS-BRETON (Итальянецъ и Нижне-Бретонецъ. *водевилъ въ одномъ дѣйстви, соч. г. Армана Дюрантена.*

Пьеска умная и забавная. Одинъ почтенный человекъ и нѣжный отецъ, мосье Бонпаръ, заботясь о воспитаніи дочери, приглашаетъ къ ней въ учителя итальянскаго языка молодого Нижне-Бретонца, Керкадека, влюбленнаго въ мамзель Анну Бонпаръ. Керкадекъ не знаетъ ни слова по-итальянски, да и на что ему знать? Люди въ восемнадцать лѣтъ прекрасно понимаютъ другъ-друга. Уроки идутъ отлично, какъ вдругъ является изъ Италіи племянникъ Бонпара, Франсисъ. Бонпаръ радехонекъ: наконецъ-то онъ узнаетъ, перешеголяла ль мамзель Анна учителя въ итальянскомъ языкѣ. Керкадекъ съ своей стороны несколько не радъ: проѣздомъ отъ Флоренціи. Франсисъ, пожалуй, такъ наторѣлъ по-итальянски, что нижне-бретонскій диалектъ Керкадека перестанетъ слыть за языкъ Тасса и Ариоста. Но, о счастье! пріѣзжій не знаетъ ни слова, вовсе не выѣзжалъ изъ Франціи, и сдѣлалъ нѣчто еще лучше, т. е. женился и отискиваетъ въ родномъ языкѣ выраженія, которыми бѣ можно ублажать дядю. Все обстоитъ какъ-нельзя-благополучнѣе: трое шалуновъ понимаютъ другъ-друга отлично, гораздо-лучше, чѣмъ еслибъ каждый изъ нихъ зналъ по-

итальянски. Керкадекъ торжествуетъ; но вдругъ, какъ снѣтъ на голову, нагрнулъ новый прѣзвѣжій и готовъ совершенно разрушить счастье волюбленной четы. На этотъ разъ, прѣзвѣжалъ уже настоящий, кровный Итальянецъ, *italia-pissimo*. Представьте же положеніе бретонскаго Итальянца! А надо выпутаться, *peg Vascho!* Пускай же не говорятъ, что одинъ Итальянецъ испугалъ троихъ волюбленныхъ! И вотъ, они всѣ трое, Анна, Керкадекъ и Франсисъ, принимаются доказывать бѣдному Николлинъ, что онъ отнюдь не Итальянецъ и говоритъ совсѣмъ не по-итальянски. Николлинъ смѣетъ, побѣжденъ, прогианъ. Керкадекъ женится на мажель Аннѣ, а мосѣ Франсисъ ѣдетъ къ своей супругѣ, примадоннѣ города Шербурга, которая не больше мужа разумѣетъ по-итальянски. Водевиль молодого автора игралъ былъ съ успѣхомъ на театрѣ *Gympase-Dramatique*.

2) *Манон (Манона), водевиль из двухъ дѣйствій*, соч. г. Жюль де-Премарѣ.

Еще водевиль съ театра *Gympase-Dramatique*, другаго молодого автора, который тутъ, впрочемъ, смотритъ въ пожилые авторы. Г. Жюль де-Премарѣ метитъ въ серьёзные драматурги, нападаетъ на исторію, беретъ своихъ дѣйствующихъ лицъ изъ герцоговъ и принцевъ. На первый разъ, водевиль его выводитъ передъ вами сестру великаго Кондѣ, принцессу де-Донгвиль, герцога Ларошфуко и всю фронду. Дѣйствіе начинается въ Арфлёрѣ, на норманскомъ берегу, у Лавардена, аптекаря по ремеслу и отчаяннаго мазариниста по убѣжденіямъ. Въ домѣ этого достойнаго человѣка, мажель Жюль Лаварденъ и мосѣ Делонѣ, молодой адвокатъ норманскаго парламента, заняты взаимной любовью. Съ достоинствомъ пламеннаго любовника, Делонѣ соединяетъ другое: пишетъ стихи, дѣлуетъ поэмю въ похвалу принцессы де-Донгвиль. Энтузіазмъ молодого человѣка доходитъ до того, что служанка Манона роняетъ изъ рукъ чашку съ супомъ. Не удивляйтесь: эта Манона кра-

савица съ стройнымъ станомъ, огненными черными глазами, нѣжной ручкой, не кто другая, какъ сама герцогиня Донгвиль. Она надѣла платье изъ грубой ткани и холстинный передникъ, скрываясь отъ преслѣдованій кардинала. Во второмъ актѣ, аптекарская служанка обратилась опять въ заклятую неприязнницу королевы, и одушевляеть заговорщиковъ, которыхъ главою, къ удивленію, видимъ нормандскаго адвоката, повта тожь. Стихи Делоне очень поправились герцогинѣ; притомъ же адвокатъ пылокъ, молодъ и недуренъ собою, такъ недуренъ, что королева пожелаала его видѣть, — видѣла и улыбунулась, что герцогинѣ очень не понравилось. Въ отищеніе, принцесса де-Донгвиль рѣшилась спровадить Делонѣ на край свѣта. Съ другой стороны, герцогъ Ларошфуко недоволенъ короткостью адвоката съ прекрасной герцогиней, объясняется довольно-невѣжливо, и прогоняетъ молодого человѣка просто-на-просто арапникомъ. Правда, историческіе героицъ и герцогиня никогда бы не сдѣлали подобнаго, но автору нужна не исторія. Какъ бы то ни было, адвокатъ, послѣ такой недостойной угрозы, уже задумываетъ мѣщеніе. Ахъ, еслибъ онъ былъ хотя герцогомъ и паромъ Франціи, назывался какимъ-нибудь Бульйономъ или Монморанси! Какъ-нарочно, въ пополненіе этого маленькаго недостатка, герцогиня приноситъ Делонѣ грамоту на графское достоинство. Королева пожаловала его графомъ. Теперь Делонѣ можетъ смѣло скрестить свою шпагу со шпагою любаго вельможи: онъ тотчасъ посылаетъ герцогу Ларошфуко вызовъ на дуэль. Къ счастью, подоспѣваетъ аптекарь Лаварденъ съ дочерью. Жюль по-прежнему желаетъ выйдти за своего жениха Делоне; Лаварденъ пуще прежняго хочетъ имѣть его зятемъ. Новопожалованный графъ въ сильномъ затрудненіи; Манона де-Донгвиль вѣтъ себѣ отъ гнѣва. Въ ту же минуту является прикаваніе кардинала Мазарини арестовать графа, и Делоне захваченъ у самыхъ воротъ отели Донгвиль. Принцесса и герцогъ готовы погибнуть: Делоне въ

отмищеніе герцогу, навѣрное откроетъ кардиналу о заговорѣ. Успокойтесь: молодой адвокатъ умѣлъ обмануть стараго министра, выдержалъ всѣ искушенія и воротился, правда, сердитъ, за то чествѣйшимъ человѣкомъ. Тронутая такимъ безпримѣрнымъ благородствомъ, принцесса едва удерживаетъ слезы; герцогъ Ларшоуко подаетъ Делоне руку, прося забыть оскорбленіе. Въ отвѣтъ на такія милости, молодой человѣкъ раздраетъ свою дворянскую грамоту, и хорошенькая Жюли любитъ его за то еще болѣе.

3) STELLA (СТЕЛЛА), мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, соч. г. Анисѣ Буржуа.

Графъ Осборнъ нѣкогда горячо любилъ молоденькую и богатую дѣвушку, по имени Марію. Дѣвушка также любила графа Осборна до такой степени, что родила отъ него дочь, Стеллу. Едва ребенокъ родился, какъ отецъ его посаженъ въ крѣпость, и сама Марія принуждена выйдти за тюремщика, величайшаго изъ всѣхъ мелодраматическихъ злодѣевъ, какіе когда-либо возбуждали негодованіе зрителей бульварнаго театра. Планъ, составленный этимъ извергомъ, таковъ: продержатъ Осборна до смерти въ глубинѣ крѣпостной темницы, и уморятъ Марію, какъ-скоро она сдѣлаетъ завѣщаніе. Шестнадцать лѣтъ онъ трудится надъ исполненіемъ своихъ гнусныхъ замысловъ. Бѣдный графъ погребенъ въ тюремной могилѣ, Марія умираетъ съ тоски въ стѣнахъ крѣпости, — все идетъ по желанію тюремщика и по надобности мелодрамы. — Едва минуло Стеллѣ шестнадцать лѣтъ, какъ до нея доходятъ неясныя слухи о несчастіяхъ и заключеніи отца. Злополучный! Какъ помочь ему? Нѣтъ ничего проще: на дворѣ вѣтеръ, дождь, вьюга; Стелла промѣняетъ свое нарядное бѣлое платье съ зеленой оборкою на одежду мальчика, и, когда настанетъ ночь, пойдетъ пѣшкомъ, безъ гроша денегъ, хоть на край Сибири. Присшедши, она постучится въ ворота крѣпости, спроситъ графа Осборна; тюремщикъ

отвѣтитъ: «попробуйте войти», она возьметъ отца за руку и воротится съ нимъ домой. Но (дѣйствіе второе) сдѣлать труднѣе, нежеле подумать: крѣпость неприступна, холодъ жестокъ, комендантъ еще жесточе. Проникнуть въ крѣпость нѣтъ никакого средства, ни малѣйшаго! Стеллѣ даже не попалася на-встрѣчу никто, съ кѣмъ бы она могла сказать слово, кромѣ одного негодяя нѣмаго, который хочетъ отнять у бѣдной дѣвушки золотой крестикъ. Марія въ отчаяніи, зоветъ на-помощь, карабкается на крѣпостной валъ; гремитъ громъ, падаетъ перуны... мелодраматическій перуны. Марія погибла! Нѣтъ, невредима! Громъ убилъ только негодянаго нѣмаго. Въ карманѣ мертваго Марія находитъ пропускное письмо къ коменданту. — Пьеса достигла третьяго дѣйствія. Нельзя вообразить ничего ужаснѣе платья, бороды и темяницы графа Осборна. Шестнадцать лѣтъ несчастный томится въ этомъ иракѣ. Не даромъ провелъ онъ тутъ цѣлые шестнадцать лѣтъ: въ теченіе ихъ онъ успѣлъ пробить отверстіе въ стѣнѣ, и въ эту самую ночь собирается бѣжать. Стучать запоры: къ арестанту приводятъ новаго сторожа, а прежній приговоренъ къ висѣлицѣ за попытку бѣжать, съ плѣвникомъ. Несчастный графъ въ отчаяніи. Но, о счастье! нѣмой мальчикъ-сторожъ не нѣтъ и даже не мальчикъ: это дѣвушка, родная дочь заключеннаго! Верхъ радости для отца и дочери. Опять стучать запоры: злодѣй-тюремщикъ пришелъ за ея сіятельствомъ графомъ Осборномъ, и велитъ мальчику выглянуть въ отверстіе стѣны, служащее окномъ. Тамъ виситъ труны казненнаго сторожа. Попробуй послѣ этого измѣнить, — говоритъ тюремщикъ: а вы, графъ, готовьтесь впередъ къ подземелью поглубже этого. — Но Осборнъ, находя и это подземелье несносно-глубокимъ, снова принимается за работу и, при помощи Стеллы, они выбираютъ въ проходѣ, который ведетъ, — сей-часъ узнаете, куда. Для ясности надо взглянуть, какъ поступаетъ тюремщикъ графа съ Марією.

чтобъ вынудить у нея завѣщаніе на все имѣніе. Завѣщаніе подписывается ея рукою, которую насильно водить злодѣй. Бѣдняжка пишетъ къ прусскому королю, выбирая въ посланницы плутовку Христину, которой не страшень и самъ король. Какъ только будетъ Христинѣ выйдти изъ крѣпости? Надо постараться, чтобъ комендантъ выгналъ ее, а для этого она спрячетъ у себя въ комнатѣ любовника. При такой дьявольски-коварной продѣлкѣ, комендантъ натурально обмануть: онъ прогналъ Христину. Тс! слышите ли вы шорохъ? Это не мыши, а графъ Осборнъ съ дочерью своей Стеллою крадется по проходу, ведущему изъ комнаты Маріи въ галлуну тевницы Осборна. Марія, растревоженная недавней сценой съ мужемъ, который писалъ ея рукою къ прусскому королю, увидѣвъ призракъ Осборна, кричить: *сюда! помогите!* Въ-самомъ-дѣлѣ, прошу покорно узнать подъ этими лохмотьями, подъ этой бородой, въ этой желтой, истощенной фигурѣ прекраснаго кавалера, любимаго шестнадцатилѣтъ назадъ! Крики Маріи переполошили всю крѣпость; комендантъ прибѣгаетъ первый: «Марія, Марія! Отоprite!» Между-тѣмъ, Осборнъ спускается по веревкѣ въ ровъ крѣпости; оружейный выстрѣлъ перешибъ веревку, и ровъ замка принялъ трущ несчаднаго графа. — Но этого мало; мелодрама не обойдется съ такимъ ограниченнымъ числомъ эффектовъ. Стелла, увидѣвъ паденіе отца, вскричала: «Батюшка!» Марія, услышавъ восклицаніе Стеллы, также восклицаетъ: «Дочь моя!» Тюремщикъ, слыша слова: Дочь моя! кричитъ: «Ея дочь!!!» Онъ тотчасъ удаляетъ Стеллу, и говоритъ матери: «Теперь, сударыня, вы не только отдадите мнѣ все имѣніе но и подпишете *удовольствие*, которое бы я могъ показать королю. — Марія на все согласна. Вслѣдъ за тѣмъ, злодѣй призываетъ дезертера Фрица, и говоритъ ему: «Въ-полночь, въ часовнѣ, въ гробу, ты задушишь Осборна, который не совѣтъ еще жертв!» Фрицъ не такъ охотно берется за порученіе.

Комендантъ задумался и разсуждаетъ самъ-съ-собою: «Надо разстрѣлять Фрица, чтобъ онъ не проболтался!» И порученіе переходитъ отъ Фрица къ другому, по-имени Клакману, принимающему его съ восторгомъ. — Комендантъ стоитъ и нетерпѣливо ждетъ, пока Клакманъ задуетъ лампаду часовни. Это будетъ значить, что Осборнъ не существуетъ. Долго ждетъ онъ; наконецъ, лампада погасла. — Слышны чьи-то шаги: горе извергу! Идущій есть ни больше, ни меньше, какъ самъ Фридрихъ I. При видѣ государя, тюремщикъ понялъ свою участь. Одно утѣшаетъ его: то, что Осборна нѣтъ въ живыхъ. Нѣтъ же ему этой отрады! Осборнъ невредимъ; онъ является съ дочерью просить правосудія. Король объявляетъ, что онъ признанъ невиннымъ, — правда, нѣсколько-поздно. Развязка пьесы, разумѣется, прелюбопытная.

4) La Tutrice ou l'Emploi des richesses (Опекунша, или употребленіе богатства), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ прозѣ, соч. гг. Скриба и Поля Дюпюра.

Французскіе фельетонисты жалуются, что новое твореніе Скриба не оправдало ожиданій, какія, по всей справедливости, должно было возбудить имя автора. Одинъ нѣмецкій графъ, Леопольдъ фон-Вюрцбургъ, молодой повѣса безъ денегъ и безъ кредита, вдругъ получаетъ наслѣдство въ миліонъ дохода послѣ дяди, фельдмаршала Вюрцбурга. Внезапное богатство совершенно развратило молодаго шалуна. Дядя только-что умеръ, лежитъ еще непогребенный, а наслѣдникъ, вмѣсто того, чтобъ спѣшить отдать послѣдній долгъ своему благодѣтелю, останавливается въ трактирѣ, пируетъ и поджидаетъ танцовщицу, которую хочетъ отбить у одного богатаго Англичанина. Онъ даже не надѣлъ траура по дядѣ: его занимаетъ одна забота, какъ бы веселѣе прожить миліоны покойника. Сидя за столомъ, онъ толкуетъ объ этомъ во всеуслышаніе въ гостиницѣ. Въ это время, въ общую залу входитъ хорошенькая да-

ма въ черномъ платьѣ. Вюрцбургъ продолжаетъ твердить о своихъ помѣстьяхъ, деньгахъ, лошадяхъ и любовницахъ. Вслушавшись въ его слова, дама возражаетъ: «Дурно вы дѣлаете, сударь, употребляя такъ богатство, данное вамъ Богомъ. Деньги существуютъ не для того, чтобъ ихъ проматывали танцовщицы; онѣ принадлежатъ бѣднымъ, несчастнымъ, сиротамъ. Если карета ваша будетъ запряжена шестеркою, не-уже-ливы поѣдете отъ-того скорѣе? заказывая такое множество блюдъ, не-уже-ливы будете обѣдаться ими десять разъ?» Очевидно, дама читала Сенеку. Кто жь, однако, эта дама, такъ краснорѣчиво говорящая? Канонисса Амалия фон-Мольдау, пріемная дочь покойнаго фельд-маршала Вюрцбурга, наслѣдница всего имѣнія, всѣхъ милліоновъ его. Выходитъ, что Леопольдъ по-прежнему не имѣетъ ровно ничего. Прощайте, предполагаемая шалости! Прощай, танцовщица и веселые собесѣдники! Съ голоду умирать Леопольду не хочется, а за что приняться, онъ не знаетъ. — Однакожь Амалия не хочетъ его погубить. Она предлагаетъ Вюрцбургу пенсіонъ по три-четыре тысячи... въ мѣсяцъ, обѣщая прибавлять по мѣрѣ того, какъ повѣса будетъ исправляться въ поведеніи. Ему, Леопольду, унизиться до пенсіона! Лучше умереть; лучше жениться на танцовщицѣ Фридерикѣ, которой очень хочется носить имя графини. — Женюсь на ней! говоритъ Леопольдъ. — Итъ, не женитесь, — отвѣчаетъ Амалия. И точно, она владѣетъ средствомъ не допустить этой женитьбы: именно она скупила всѣ долги възысканія на Вюрцбурга и сажаетъ его въ тюрьму. Въ-продолженіе двухъ лѣтъ, разделяющихъ второе дѣйствіе съ третьимъ, Леопольдъ находился въ тюрьмѣ. Отъ нѣчего-дѣлать, онъ тамъ изучилъ римское право, и вышелъ адвокатъ хоть-куда. Когда онъ достаточно приготовился къ экзамену, двери тюрьмы передъ нимъ растворились, и онъ поступилъ въ помощники къ одному законнику, кото-

рый поручаетъ ему неважные процессы. Какъ перемѣнился блестящій Леопольдъ! Какъ способенъ онъ довольствоваться своею скромною жизнью! Но благодѣній графини Мольдау онъ все-таки не пріиметъ. Однажды, ему дается процессъ противъ графини, и онъ себя не помнитъ отъ радости, надѣясь отместить. Пріѣхавъ въ помѣстья, которыя должны были принадлежать ему, онъ отовсюду слышитъ благословенія своему имени, имени Вюрцбурга. Леопольдъ принимаетъ это за новое оскорбленіе со стороны графини. Снова начинаются ссоры между нимъ и Амалиею. Молодой человекъ все еще не понимаетъ, что эта женщина любить его и хочетъ спасти. Между-тѣмъ, въ сердцѣ Вюрцбурга нечувствительно совершается переворотъ: онъ влюбляется въ свою прекрасную непріятельницу. Переворотъ такой не удивителенъ, но странно то, что Леопольдъ соглашается читать доносъ кучера Амалии. Въ доносѣ, кучеръ обвиняетъ графиню, что она проводила много ночей въ домѣ начальника полиціи. — Я ходила туда сидѣть у вашего изголовья, когда вы были больны въ тюрьмѣ, неблагодарный! При этомъ доказательства любви, Леопольдъ надеетъ къ ногамъ графини, которая прощаетъ своему любезному врагу и выходитъ за него замужъ. — Кажется, новая комедія есть передѣлка старой пьесы автора хорошенькаго водевиля. *Женская Ценивистъ*, *La Haine d'une Femme*, передѣлка съ помощію со-трудника, который на этотъ разъ также цѣсколько измѣнилъ своей заслуженной славы даровитаго коммка-водевилиста.

5) DANIEL LE TAMBOUR (Даніель Барабанщикъ), *водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ*, соч. г. Оврѣ.

Барабанщикъ Даніель, красивый дѣтина, женился когда-то въ-тихомолку на сестрѣ маркиза де-Савилля. Съ нею прижилъ онъ очень-хорошенькую дочку, но, увы! принужденъ былъ уйти въ походъ, когда еще ребенку едва минуло три года. Ходилъ бараба-

щикъ въ Африку, былъ въ Музейскомъ-Ущельѣ съ герцогомъ орлеанскимъ, бывалъ всюду, гдѣ только дрлись, и теперь возвращается съ сокрушеннымъ сердцемъ, отыскивая покинутую дочь. Однажды, проходя черезъ селеніе, гдѣ отдалъ прописывать подорожную, Даниѣль встрѣчаетъ дочь помощника мэра, и сердце барабанщика вдругъ забило тревогу родственной симпатіи. Дѣвушка именно столько отъ-роду лѣтъ, сколько надо быть его дочери. — и Даниѣль чувствуетъ самое нѣжное влеченіе къ молодой Луизѣ. Несчастная дѣвушка любитъ графа Гюстава, а отецъ хочетъ выдать ее за капитана Этьена. Луиза волей-неволей уже согласна на этотъ бракъ; но барабанщикъ Даниѣль не соглашается ни подь какимъ видомъ. И вотъ, въ ту самую минуту, какъ всѣ офицеры полка готовы подписать брачный контрактъ, Даниѣль бьетъ въ барабанъ. — Генералъ-инспекторъ пріѣхалъ! Тутъ не до нотаріуса: офицеры опрометью бросаются на смотръ. — Но хитрость Даниѣля только отерочила гибель Луизы; такого человѣка, какъ графъ де-Савинь, не проведешь барабаннымъ боемъ. Графъ порядочный бездѣльникъ: хотя самъ очень-богатъ, однако хочетъ завладѣть и тѣми двумя-тремя милліонами, которые оставила послѣ себя мать Луизы. Для этого-то онъ заставилъ своего агента и сообщника, Жиродо, объявить Луизу своей дочерью; для этого же выдаетъ онъ ее за капитана Этьена, который довольствуется двумя-стами тысячь франковъ приданого, а не за графа Гюстава, который лучше понимаетъ вещи и полюбобытствуетъ, пожалуй, еще узнать настоящую фамилію невѣсты. По-счастію, барабанщикъ опять является на помощь Луизѣ и Гюставу, стращаетъ негоднаго графа, опрокидываетъ самозванца-отца Жиродо, плачетъ, смѣется, узнаетъ дочь, готовъ ей сказать: «я твой отецъ!» но боится, что подобное открытіе разстроитъ бракъ. Впрочемъ, добрый человѣкъ не совершенно лишень всякаго утѣшенія;

онъ успѣлъ обнять Луизу, прежде, чѣмъ воротился подь мажорскую палку. — Это также что-то очень-похоже на водевилъ «Магросъ», въ которомъ тамъ неподражаемо-хорошъ нашъ знаменитый комикъ Щепкинъ.

6) LOUISE BERNARD (Луиза Бернаръ), мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г. Александра Дюма.

Дочь богатой баронессы де-Вольмаръ, живущей въ своемъ замкѣ подь Парижемъ близъ Марлі, молоденькая Луиза, чудо-красащица: такую находятъ ее между прочимъ и Лудовикъ XV, король, какъ извѣство, бывшій весьма-влюбчиваго свойства. У Луизы зень, флотскій лейтенантъ, кавалеръ есть куде-Вернѣль, за котораго она собирается выйдти замужъ. Контрактъ готовъ, остается только его подписать, какъ вдругъ изъ Марлі является къ баронессѣ нарочный съ именнымъ королевскимъ повелѣніемъ не выдвать дочери ни за кого другаго, кромѣ подателя письма, маркиза де-Вельвиля. Не столько бы тревоги надѣлалъ громъ, разразившійся надъ замкомъ Вольмаромъ, сколько эта королевская воля. Кавалеръ блѣднѣетъ, Луиза плачетъ, г-жа де-Вольмаръ огорчена; какъ бы то ни было, королю поперечить не станешь: надо повиноваться. Занавѣсъ падаетъ, первое дѣйствіе кончено. — Во второмъ дѣйствіи видимъ Луизу въ пустомъ ветхомъ домикѣ, принадлежавшемъ нѣкогда вассаламъ замка Вольмаръ. Разлучаясь съ любимымъ женихомъ, бѣдная дѣвушка назначила тутъ ему послѣднее свиданіе. Любовники простились; Луиза осталась одна. Вдругъ въ домикѣ является наслѣдникъ его умершихъ владѣльцевъ, добрый работникъ и добрый мальчъ Бернаръ, который, выучившійся столярному ремеслу, провелъ нѣсколько лѣтъ въ кочеваньи по Франціи, но извѣстному обычая французскихъ мастеровыхъ. Бернаръ воротился въ хижину, гдѣ умерла его мать, умеръ отецъ. Съ восторгомъ и грустью смотритъ онъ на предметы, напоминающіе ему семейство и дѣтскія лѣта. Вотъ пралка его

добрѣй старухи-матери; вѣтъ кресло, гдѣ бывало, сиживалъ отецъ. Сцена этого возвращенія прекрасна. — Третій актъ переноситъ насъ въ Марли, во дворецъ Людовика XV. Луиза Вольмаръ, послушавшись совѣтовъ Бернара въ предыдущемъ актѣ, согласилась покориться долгу, выйти за жениха, назначеннаго королемъ, и въ ожиданіи заключенія брака, живетъ съ матерью въ королевскомъ замкѣ. Если она видитъ въ предстоящемъ бракѣ одинъ тяжкій долгъ и помнитъ еще де-Вернѣля, то баронесса съ своей стороны совершенно позабыла племянника и радѣховка чести быть допущенною въ набранный кругъ Марли. Въ сосѣдней комнатѣ уже готовится новый контрактъ. Между-тѣмъ, молодой столяръ, котораго отношенія къ Луизѣ сейчасъ узнаете, приходятъ въ Марли, и является къ г-жѣ Вольмаръ, по праву своего вассальства. Баронесса, поздоровавшись съ Бернаромъ, выходитъ зачѣмъ-то въ другую комнату и оставляетъ его одного. Едва она вышла, какъ является какой-то мужчина въ черномъ платьѣ, напудренный, съ повелительными манерами, беретъ столяра за руку и ведетъ его въ кабинетъ самого Людовика XV. — Двадцать-пять лундоровъ за часъ работы, и десятилѣтнее заключеніе въ Бастилію, если скажешь хоть слово кому-нибудь о томъ, что увидишь! — говорятъ незнакомецъ столяру. Что же видитъ Бернаръ? Въ одномъ потаенномъ проходѣ истоптались подъ ногами короля ступеньки гѣстиницы, которыя надобно починить. Для этого, королевскій повѣренный не нашелъ ничего лучше, какъ взять перваго попавшагося работника, пригрозивъ ему Бастиліей за нескромность. Какъ ни чудесно происхожденіе Бернара, но наконецъ это происхожденіе еще чудеснѣе. Пока онъ чинилъ потаенную гѣстиницу, по которой королю надлежало пробраться ночью въ спальню новобрачной, фонарь погасъ. Бернаръ ищетъ дороги ощупью и попадаетъ въ ту комнату, гдѣ Луиза ожидаетъ жениха. Тутъ столяръ повалъ, за чѣмъ ко-

ролю нужна исправность гѣстиницы. Бернаръ пришелъ очень-кстати: съ нимъ есть посмертное письмо отца, гдѣ объяснено, что Луиза не дочь маркизы, что настоящій виновникъ ея днѣй гѣстничій Бернаръ. Дѣвушка оказалась родною сестрою молодаго работника. Положеніе дѣла существенно измѣнилось: Луиза спасена отъ ненавистнаго брака и отъ королевскаго посѣщенія; братъ уводитъ ее къ себѣ въ наследственную хижину, гдѣ вы были свидѣтелями ихъ первой встрѣчи. Бернаръ вѣдъ себя отъ радости, нашедши сестру; но у Луизы на сердцѣ горе: гдѣ-то кавалеръ де-Вернѣль? возвратился ли онъ на свой корабль *Калипсо*? Въ раздумьи, дѣвушка идетъ слушать обѣдню, между-тѣмъ, какъ братъ сидитъ за работою, не смотря на воскресный день. Пока Луиза молится, въ бѣднѣйшій пріютъ столяра прибѣгаетъ молодой офицеръ, объявляетъ, что онъ лейтенантъ морской службы, дезертировалъ съ своего корабля, осужденъ на смерть и проситъ убѣжища отъ преслѣдованія съищиковъ. Бернаръ прячетъ бѣглеца въ шкафъ съ платьемъ. Едва де-Вернѣль (это онъ самъ) успѣлъ скрыться, какъ являются солдаты, которые его ищутъ. Не смотря на увѣренія Бернара, что не знаетъ и не видалъ никакого молодаго человѣка въ платьѣ, домъ хотятъ обыскивать. Де-Вернѣль погибъ... Ничего не бывало! Сидя въ шкапу съ платьемъ, лейтенантъ успѣлъ преобразиться въ столяра, переиѣнивъ свой мундиръ на куртку Бернара. Съищики однако подозрѣваютъ и спрашиваютъ у де-Вернѣля его имя. — Меня зовутъ Амри, отвѣчаетъ онъ. — Что же ты тутъ дѣлаешь? — Это женихъ моей сестры, говоритъ Бернаръ. Сестра возвращается въ эту самую минуту. Все погибло! думаетъ Бернаръ. Напротивъ, все обошлось прекрасно. Луиза пришла отъ обѣдни, и не подозрѣваетъ, въ какой опасности женихъ и братъ. — Луиза! — Амри! — Услышавъ вѣжныя привѣтствія молодыхъ людей, съищики не сомнѣваются въ истинѣ увѣреній Бернара, и уходятъ. Любвонники въ восторгѣ отъ нечаяннаго

сандаля. Но, увы! Луиза де-Вольмаръ могла выйти за кавалера де-Вервѣля; дочь престолюдина-дѣсничаго не будетъ его женою. Такъ говоритъ она въ порывѣ героизма, и Бернаръ уже рассказываетъ, что сдѣлалъ сестру несчастною, неспѣшивъ открыть тайну ея рожденія. Впрочемъ, есть еще средство все поправить. Бернаръ знаетъ это средство, и уходитъ съ твердымъ намѣреніемъ ночью горю. Между тѣмъ, сѣщички какими-то судьбами воротились опять въ домикъ столяра и арестовали бѣднаго лейтенанта. Луиза въ отчаяніи.—Платое дѣйствіе снова представляеть замъ дворецъ Марлі. Баронесса Вольмаръ живетъ еще тамъ. Къ ней-то явились Бернаръ и Луиза. Дѣвушка рыдаетъ о любовникѣ, который долженъ умереть; г-жа де-Вольмаръ также плачетъ о племянникѣ. Лебелъ, повѣрившій любовныхъ шалостей короля, узнавъ Луизу, хочетъ услужить пріятной нечаянностью своему повелѣлю, и предлагаетъ дѣвушкѣ идти самою въ кабинетъ государя просить пощадны осужденному на смерть любовнику. Бернаръ подслушалъ коварный совѣтъ королевскаго повѣрившаго и спѣшитъ предупредить опасность, грозящую сестрѣ. Секретный ходъ въ кабинетъ Людовика ему извѣстенъ, и онъ пользуется этимъ секретомъ. Къ удивленію короля, въ завѣтный покой вдругъ являетъ столяра и молить о прощеніи преступника. Людовикъ было нахмурился; но какъ на этотъ разъ у него пріятная гостья и онъ въ добромъ расположеніи духа, то сѣблость Бернара извинена и прощеніе де-Вервѣля подписано. Лейтенантъ спасенъ; остается успокоить совѣсть Луизы, сдѣлать ее по-прежнему дочерью баронессы де-Вольмаръ. Это не трудно. Бернаръ кидаетъ письмо отъа изъ огонь: доказательства плобейскаго происхожденія Луизы уничтожены; теперь она сѣбно можетъ выйти за дворянина, не боясь обезчестить его нерозныхъ бракомъ. Г-жа де-Вольмаръ не будетъ прекословить: она очень-рада, что получаетъ обратно въ дочери

ту, которую цѣлые восемнадцать лѣтъ любила материнскою любовью. Драмъ конецъ.

✱

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Парижѣ возбуждаетъ всеобщее любопытство портретный живописецъ, настоящій гений, который, однако же, не живой человекъ, но простая механическая кукла-автоматъ. Онъ называется *прозопографомъ*, и одѣтъ въ богатый испанскій костюмъ. Въ одну минуту, онъ набрасываетъ на бумагу портретъ сидящаго передъ нимъ человека съ удивительнымъ сходствомъ и точностію. Искусство этого художника основано на строгихъ математическихъ вычисленіяхъ. Не должно полагать, что его дѣла простые слугуны,—нѣтъ, это-настоящіе портреты, нарисованные карандашомъ, гораздо-лучше дагерротипныхъ. Всего чуднѣе, что если сидящій передъ автоматомъ оригиналъ начнетъ двигаться, говорить и перемѣнять свое положеніе, то механическій портретистъ останавливаетъ свою работу, дѣлаетъ жестъ неудовольствія, и послѣ снова начинаетъ писать портретъ. Изъ сказаннаго видно, что это не дюжинный художникъ, который, сверхъ-того, пишетъ портреты за весьма-сходную цѣну.

— Въ Лондонѣ, въ день коненгагенской побѣды, воздвигнута будетъ статуя адмирала Нельсона, на Трафальгарской-Площади. Вся статуя, съ полнокіемъ, произведенная скульпторомъ Белл, имѣетъ въ вышину 70 футовъ и сдѣлана изъ трехъ большихъ кусковъ чернаго ирамора, что даетъ ей видъ бронзы или дерева. Герой представляеть въ адмиральскомъ мундирѣ и трехугольной шляпѣ, прислоненнымъ къ свернутому въ кружокъ

пакету. Левая рука Нельсона положена на есесъ шпаги, а правая, какъ известно, у него была оторвана ядромъ въ сраженіи. Публика вообще недовольна тѣмъ, что статуя сдѣлана изъ чорнаго мрамора; ибо вѣчная копоть отъ каменнаго угля и сырая атмосфера Лондона скоро сдѣлають черты героя вовсе непримѣтными. Также косвенное подмощіе статуи не мнѣшумъ нравятся.

— Въ мартѣ назначена въ продажу, съ аукціона, богатѣйшая картинная галлерея кардинала Феша, находившаяся въ Римѣ. Въ каталогѣ этой галлерей означены картины: Гольбейна, Ван-Гуйена, Теньера, Ван-Гуйена, Рембранта, Фамдерфельда, Веллинса, Вувермана, Свейдерея, Стина, Рубенса, Фан-Дейна, Рюисдаля, неомѣ мастеравъ итальянской школы: Рафаэля, Леонардо да-Винчи, Гвидо-Рени, Тициана, Андрея дель-Сарто, Джюліо Романо, Альбано-Караччи, Анжелико и французовъ: Ватто, Лесюера, Клод-Лоррена, Грѣва и Пуссона.

— Эженъ Сю за девять томовъ своихъ «Парижскихъ Тайнъ» получилъ 30,000 франковъ. Иллюстрированное изданіе этого романа такъ понравилось публикѣ, что въ одинъ день раскуплено было до 3,000 экземпляровъ, а послѣ, черезъ недѣлю, книгопродавецъ продалъ до 10,000 экземпляровъ. Въ провинціяхъ съ еще-большою жадностію читають «Парижскія Тайны», чѣмъ въ Парижѣ. Сю каждую почту получаетъ письма изъ провинцій отъ арестовъ, проевентовъ и президентовъ разныхъ судовъ, которые спрашиваютъ соображенія у романиста на счетъ судебныхъ улучшеній, проевентовъ и пр. Эженъ Сю, благодаря своему трудолюбію и таланту, нажилъ себя отличное состояніе. Но вечеромъ, онъ является въ большомъ свѣтѣ, одѣтый не по-слѣдней модѣ, но иногда безъ жуса; въ разговорѣ онъ вовсе не краснорѣчивъ, и умъ его не блестящъ, не удивительнъ. Сю говорить очень-снхо, не счарается, чтобъ выразенія его изобличали хитрости ума и свѣдѣности.

Дѣтены и друзья называють его вторымъ Ж. Ж. Руссо и поэтому современной жизни, откровенія которой поставили въ-тупикъ многихъ законодателей.

— Въ Савоуси, гдѣтепъ запероднокъ дворцѣ прусскаго короля, поставленъ ильчче весьма-драгоцѣнный историческая рѣдкость, именно кресла, на которыхъ скопчался Фридрихъ-Великій. Берлинцы прежде полагали, что кресла, сохранные въ музеумѣ, на которыхъ сидитъ и понынѣ статуя, въ человѣческомъ ростѣ, представляющая стараго короля Фридриха, суть тѣ самыя, на которыхъ умеръ король, — но это несправедливо. Настоящія кресла, на которыхъ умеръ Фридрихъ, сдѣланы изъ престогаго дерева, выкрашены блѣдою краскою и покрыты шелковою алозо матерію съ такою же подушкою для ногъ. Эти кресла достались сперва, по наследству, князю Генриху, брату Фридриха-Великаго, а послѣ перешли въ достояніе князя Августа, начальника всей прусской артиллеріи, недавно-скончавшагося. Пруссаки не могутъ безъ слезъ смотрѣть на эту драгоцѣнность, поставленную въ той самой комнатѣ Савоуси, гдѣ ихъ обожаемый старшій Фрихъ испустилъ послѣдній выдохъ.

— Во французскомъ городѣ Шатодекѣ (Châtaudun), находилась прежде весьма замѣчательная рѣдкость, именно великолѣпный хрустальный бокалъ, подаренный калесомъ Гаруль-аль-Рашидомъ императору Карлу-Возмоку въ знакъ истиннаго уваженія калеса къ великимъ подвигамъ завадлага императора. Этотъ бокалъ, хранящійся нынѣ въ шартрской библиотекѣ, сдѣланъ въ видѣ большого-стакана, съ вышиною въ 8 французскихъ дюймовъ вышиною и въ 1 футъ 8 дюймовъ въ окружности. Но крайня бокала украшена въ стекло арабская надпись золотомъ и красными буквами. Въ 1784-году Парижская Академія Наукъ соудала карочко своего соудена Давале въ Шатодека, чтобъ разобрать арабскую надпись бокала. Этотъ увышій

перевелъ ее на латинскій языкъ слѣдующими словами: «bona vita, felix regnum, aeterna majestas, sancta gloria». Ученый ориенталистъ Рено, осмотрѣвъ означенный сосудъ, усомнился въ его древности, утверждая, что оный принадлежитъ къ XII или XIII столѣтію, ибо арабская надпись написана нескическими (Neskhi) или куфическими буквами, которыми Аравитяне вовсе не писали въ X вѣкѣ, полагая, впрочемъ, что бокалъ былъ привезенъ каинизъ-нибудь крестоносцемъ изъ Сиріи или Египта. Въ 1839 году, видѣлъ означенный бокалъ нѣмѣстный типографъ Марсель и слышалъ надпись его съ найденными случайно покойнымъ ориенталистомъ де-Саси двумя египетскими древними папирусами, написанными также нескическими буквами въ первое столѣтіе гаджры (670 лѣтъ по Р. X.) Итакъ, весьма вѣроятно, что въ первые годы мусульманскаго лѣтосчисленія Арабы употребляли въ своихъ писемнахъ куфическія или нескическія буквы. По этимъ обстоятельствомъ, бокалъ Карла-Великаго еще становится интереснѣе для европейскіхъ археологовъ.

— Известно всѣмъ археологамъ, что неподалеку отъ Неаполя стоялъ въ древности знаменитый городъ Кумы, куда крѣпыль Эней, оставя свою отчизну; но Неаполитанцы совершенно разорили Кумы въ 1201 году по Р. X. Между развалинами этого города показывались путешественникамъ величественные остатки храма Аполлона и споловину-открытую пещеру Сивиллы, соединенную тайнымъ ходомъ съ храмомъ Аполлона. Одинъ богатый Англичанинъ взялся на свой счетъ совершенно очистить отъ мусора пещеру Сивиллы и тайникъ-образомъ ресторировать древній проходъ изъ пещеры Сивиллы въ храмъ Аполлона.

— Жители Уаллиса (Walls), древніе Камбрейцы, сохранили всегда тщательно свое валлійское нарѣчіе изъ любви къ своей отчизнѣ и изъ ненависти къ покорителямъ ихъ, Англичанамъ. Короли англійскіе тщетно оче-

рались держать въ дѣшномъ повиновеніи этотъ воинственный, но всегда буйный и неповорный народъ. Во многихъ битвахъ съ ними побѣда переходила попеременно на сторону Англичанъ и Уаллисцевъ. Однажды, послѣ рѣшительной побѣды, одержанной Эдуардомъ I надъ этимъ народомъ, король, собравъ всѣхъ воевателей-копей Камбрій для примиренія съ ними, обѣщалъ дать имъ въ правители принца, рожденнаго въ ихъ землѣ, который не говоритъ имъ слова по-англійски. «Этотъ принцъ мой собственный сынъ», прамолвилъ Эдуардъ: «онъ родился въ Кернарвонѣ, и я даю ему имя Эдуардъ. Кернарвонскій. Вотъ отъ чего произошелъ титулъ принца уаллискаго (Prince de Galles), который получаютъ обыкновенно наследники англійскаго престола.

— Фернандъ Диасъ, современникъ и сослуживецъ знаменитаго завоевателя Мексики, Фернанда Кортеса, описывалъ его слѣдующимъ образомъ: «Кортесъ, наружнымъ своимъ видомъ, манерами, одеждою, короче сказать, во всемъ, обличалъ вальможу, гордаго испанскаго графа. Онъ былъ щеголемъ своего времени по платью, одѣвался красиво, чисто, но любилъ болѣе носить сукно и бумажныя ткани, чѣмъ шолкъ, бархатъ и газетъ. На шеѣ его висѣла всегда золотая цѣпь съ медальйонами, изображавшими Пресвятую Дѣву. На рукѣ носилъ онъ драгоценный брилліантовый перстень, а на бархатномъ беретѣ золотую медаль съ какою-то надписью. Фернандъ Кортесъ всегда окружала блестящая свита камер-юнкеровъ, камеръ и majordomos. Онъ обѣдалъ не иначе, какъ на золотой и серебряной посудѣ. За обѣдомъ онъ ѣлъ много, но вино пилъ умеренно, съ приписью воды. Кортесъ хорошо зналъ латинскій языкъ и былъ баякаларемъ правъ. Онъ также писалъ стихи; разговоръ его былъ весьма-разнообразенъ, ноучителенъ, въ высшей степени краснорѣчивъ и увлекателенъ. Завоеватель Мексики былъ страстный картонный игрокъ, и, во время игры;

остроты и шутки ссылались у него градомъ. Онъ по-дружески обходился съ своею святою и особенно съ тѣми людьми, которые сопровождали его съ острова Кубы. Въ походахъ онъ наблюдалъ строгую дисциплину, ходилъ часто по ночамъ рундомъ, строго осматривая всѣ посты часовыхъ. Если при печальномъ посѣщеніи казармъ, онъ заставлялъ солдатъ врасплохъ невооруженными, то всегда говаривалъ: «это влхія ошцы, которыя недостойны носить собственной шкуры». Фернандъ Кортесъ завѣщала въ своей духовной соорудить въ Мехикѣ большую больницу во имя Пресвятой Дѣвы, въ Коюхуанганѣ (Coahuacan) коллегію для миссіонеровъ, которые обязывались распространять христіанскую вѣру между туземцами, и женскій монастырь въ томъ же мѣстѣ; онъ желалъ, чтобъ въ церкви означеннаго монастыря положили бранные его останки, въ какой бы части свѣта онъ ни скончался.

— Во всей Европѣ считается теперь до восьми миллиардовъ франковъ капиталовъ монетою и ассигнаціями. Изъ этой необъятной суммы Франція имѣетъ почти половину, именно 3,500 миллиардовъ, въ которыхъ заключается 300 миллиардовъ золота; во Франціи считается 35,000,000 народа; слѣдовательно, на каждого жителя приходится по 100 франковъ. Англія имѣетъ 27,000,000 народа и только на 1,200 миллиардовъ франковъ золотой монеты, что составляетъ по 44 франка на каждого жителя; между тѣмъ, Англія пользуется гораздо-большимъ кредитомъ, чѣмъ Франція, да и финансы первой находятся въ лучшемъ состояніи.

— Королевство Хоа (Choa), въ Южной-Африкѣ, означено только на вѣдѣйшихъ исправныхъ картахъ; Французы называютъ его Южною-Абиссинією. Въ этой неизвѣстной землѣ давно уже распространена христіанская вѣра миссіонерами и сохранилась по сіе время. Французскіе путешественники, бывшіе въ этой землѣ, приходятъ въ восторгъ отъ ея плодородія и пышныхъ, величественныхъ красотъ природы, но

жалуются на удумливые жары и на миллионы ядовитыхъ змѣй, гадюкъ и другихъ опасныхъ звѣрей, которые ежеминутно угрожаютъ смертью каждому жителю Хоа. Убийственные лучи солнца также умножаютъ слѣпому туземцевъ. Англійскій-капитанъ Гарристъ, посѣтившій недавно Хоа, привезъ оттуда королю Викторинъ множество натуральныхъ рѣдкостей, также нѣсколько серебряныхъ престовъ стариннаго чекана, которые, вѣроятно, были завезены туда первыми проповѣдниками христіанства.

— Между Бедуинами бываютъ такъ же частыя тяжбы и процессы, какъ и у обитателей Европы, и бедуинскіе судьи за рѣшеніе дѣлъ умѣютъ такъ брать взятки. Если тяжба завяжется о коплѣ, кади за свой трудъ получаетъ молодого верблюда; если же такущіяся спорить о верблюдѣ, то судья за свой приговоръ получаетъ одну лагбу (7 миллиарговъ). Въ досудныхъ дѣлахъ, кади получаетъ 25 процентовъ со всего капитала; но судебные расходы обыкновенно платитъ тотъ, кто выигрываетъ тяжбу. Если тяжбу не въ состояніи разрѣшить премоудрость кади, то она вступаетъ въ высшую инстанцію, на судъ небена (верховнаго судьи), который подвергаетъ дѣло рѣшенію Божію, какъ бывало въ средніе вѣка въ Германіи. Мобанъ за свой трудъ получаетъ 40 шатровъ или двѣнадцати-лѣтняго верблюда. Тѣлесное наказаніе у всѣхъ бедуинскихъ племенъ вовсе неизвѣстно.

— Въ послѣднее десятилѣтіе, никакая наука такъ не подвинулась впередъ, какъ *зооидологія*, ибо разные породы рыбъ были долго неизвѣстны ученымъ натуралистамъ, которыхъ любознательность не могла проникать въ глубины обширныхъ водъ разныхъ морей земнаго шара. Великій Линней зналъ только 467 породъ рыбъ, Гмелинъ 288, Гумбольдтъ 2,500, а шарлю Бонапарте неизвѣстно уже было до 3,586 породъ; великій Кювѣ начѣлъ ихъ до 5,000, но Оленъ и новѣйшіе натуралисты прибавили еще нѣсколько породъ

къ послѣдней суммѣ. Натуралистъ Блохъ пишетъ, что въ Германіи находится 180 породъ рыбъ; Фицингеръ нашелъ въ дунайскихъ областяхъ 47 породъ; Гартманъ въ рѣкахъ и озерахъ Швейцаріи — 56. Странно, что во Франціи, Италіи и Испаніи видѣтъ водится менѣе рыбныхъ породъ, чѣмъ въ Германіи. Въ Скандинавіи, Нильсонъ (Nilsson) начёлъ 184 породы; Пенниантъ, въ Англіи — 156. Во всей Россіи Палласъ насчиталъ только 241 породу. При этомъ, должно замѣтить, что въ тропическихъ моряхъ гораздо-богѣе рыбныхъ породъ и видовъ рыбъ, нежели въ водахъ умѣреннаго и холоднаго поясовъ. Въ тропическихъ моряхъ, нѣсколько рыбныхъ породъ признаны для употребленія въ пищу человѣка вредными и ядовитыми.

— Аэростатическіе опыты и опыты продолжаютъ дѣлаться въ Лондонѣ, не смотря на то, что въ людяхъ недозрѣлыхъ они возбуждаютъ презрительный смѣхъ; но масса англійской публики съ большимъ любопытствомъ слѣдитъ за всѣми тѣми, что касается до открытія способа къ управленію воздушными шарами. Нѣкто Монкъ, который уже давно занимается устройствомъ аэростатовъ, дѣлалъ недавно опытъ съ воздушнымъ шаромъ своего изобрѣтенія въ присутствіи многихъ зрителей, и результаты оказались очень-удовлетворительными. Г. Монкъ приготовилъ изъ шолоховой матеріи, пропитанной масломъ, шаръ эллиптической формы, подъ которымъ, по примѣру гондсоновой машины, привязана легкая деревянная рама, а къ этой рамѣ прикрѣпленъ небольшою длижансѣй, снабженный архимедовымъ винтомъ и рудемъ въ образѣ бумажнаго змѣя, который долженъ умѣрять быстрое восхожденіе шара вверхъ; архимедовъ винтъ приводится въ движеніе посредствомъ особаго механизма, скрытаго въ длижансѣй. Для перваго опыта, этотъ шаръ привязанъ былъ канатомъ къ столбу, около котораго надлежало ему вертѣться. При дѣйствіи архимедова винта, шаръ дви-

гался и подымался; безъ дѣйствія же винта, шаръ оставался неподвижнымъ. Изъ этого присутствующіе удостовѣрились, что архимедовъ винтъ долженъ быть необходимымъ пособіемъ къ полету воздушныхъ шаровъ. Что же касается до дѣйствія руля, то польза отъ него доселѣ остается еще подъ сомнѣніемъ.

— Извѣстно изъ многихъ случаевъ, что работники, при вычищеніи глубокихъ колодець, задыхались до смерти, особенно если колодець былъ долгое время закрытъ и наполнился вредоносными газами. Въ Лидсѣ, нужно было недавно вычистить колодець въ 23 фута глубиною; для пробы, опустили туда горящую свѣчу, но она въ-минуту потаеала отъ спертаго воздуха. Потомъ влили въ колодець горячей воды для очищенія воздуха, — но и это средство не удалось. Наконецъ, одинъ инженеръ предложилъ бросить въ колодець ведро известки, которая въ пять минутъ совершенно уничтожила всѣ вредные газы, и работники могли начать работу. Такъ какъ это средство для очищенія колодець очень-просто и дешево, то оно и предлагается для испытанія всѣмъ сельскимъ хозяевамъ и владѣльцамъ домовъ.

— Г. Пуссѣ нѣсколько лѣтъ испытывалъ разные химическія средства, чтобъ отнять у отхожихъ мѣсть вредныя для человѣческаго дыханія испаренія, и, наконецъ, ему удалось разрѣшить эту задачу слѣдующимъ образомъ: онъ употребляетъ для этого нечистую сѣрно-кислую простую глину, которая содержитъ въ себѣ гораздо-болѣе сѣрной кислоты, чѣмъ зеленый купоросъ, и дѣйствуетъ на нечистоты гораздо-сильнѣе купороса, уничтожая мгновенно всякое зловоніе. Пуссѣ, для очищенія испорченности воздуха, не прибѣгаетъ къ глинѣ древеснаго угля, который много занимаетъ мѣста, да и недешевъ во Франціи. Напротивъ того, глина занимаетъ $\frac{1}{31}$ пространства противъ угля, да и стоитъ бездѣльну: 100 килограммовъ глины обходится въ

50 франковъ; итакъ, для мѣска въ 16 кубическихъ футовъ потребно въ годъ только на 48 фр. глины—сумма очень ничтожная, если взять въ соображеніе, что нечистота, нейтрализованная глиною, сохраняетъ въ себѣ всѣ аммоніаковыя соли, и служитъ, такимъ образомъ, превосходнымъ навозомъ для удобренія пахатныхъ полей.

— Одинъ извѣстный германскій врачъ на предложенный ему вопросъ отъ многихъ пациентовъ: что должно дѣлать и какъ поступать съ волосами, чтобъ они не выпадали и не сѣдѣли,—отвѣчалъ: почти ничего. 1) Если волосы выпадаютъ въ-слѣдствіе болѣзни, то надобно въ такомъ случаѣ совѣтоваться съ искуснымъ и знающимъ врачомъ. 2) Не надобно носить теплыхъ шляпъ и фуражекъ. 3) Чтобъ волосы не сѣдѣли, надобно держать ихъ всегда опратно и чисто, чесать каждый день чистымъ и рѣдкимъ гребнемъ, а если волосы ерошатся, вихратся и худо лежатъ на головѣ, то разъ въ недѣлю намазывать ихъ яичнымъ желткомъ, потомъ смыть желтокъ теплою водою и вытереть волосы сухо полотенцемъ. 4) Всѣ же мази, помады, масла, эссенціи и прочія косметическія снадобья (чѣмъ пахучѣе, тѣмъ вреднѣе) строго запрещаются, и многими наблюденіями и опытами доказано, что волосы отъ подобныхъ приназываній гораздо-скорѣе сѣдѣютъ и выпадаютъ. Всѣ парижскія снадобья: львиныя помады, макасарскія масла, и проч., болѣе вредятъ плохому человеку, чѣмъ приносятъ пользы.

— Г. Дермий представилъ Парижской Академіи Наукъ рассужденіе о новомъ случаѣ гидрофобіи, который доказываетъ, какъ опасно имѣть въ своей квартирѣ постельныхъ собачекъ. Одна дама позволяла своей болонкѣ лизать руки и пальцы; но вдругъ собачка сильно захворала и въ ней открылось бѣшенство. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, и дама сильно занемогла водобоязню. Докторъ, лечившій больную, которая умерла въ ужасныхъ мученіяхъ, нашелъ, что ядъ собачка

проникъ въ пальцы дамы единственно отъ-того, что у ней были прошечены царапины отъ шитыя иглою, которыя есть у каждой швен на пальцахъ.

— Недавно писали изъ Италіи, что укусъ причитый извѣстными порціями внутрь, непремѣнно излечиваетъ большихъ, страждущихъ водобоязню. Нынѣче удивляютъ изъ Англіи, что орѣховое масло—самое лучшее лекарство отъ укушенія бѣшеными собаками. Въ 70 лѣтъ предъ симъ, въ одну персидскую деревню забѣжала бѣшеная собака и укусила работница, который занимался на фабрикѣ дѣланіемъ орѣховою масломъ. Укушенный въ ту же минуту прыгнулъ въ котель, наполненный масломъ; это средство помогло: раны его въ нѣсколько дней совершенно зажили, и работникъ даже не былъ боленъ въ-послѣдствіи. Другимъ людямъ, укушеннымъ тою же собакою на заводѣ, давали пить орѣховое масло и прикладывали къ ранамъ также колотый компрессъ, обмоченный въ масло. Они всѣ также выздоровѣли. Англичанинъ, бывшій свидѣтелемъ этого случая въ Персіи, вывѣчилъ въ-послѣдствіи множество больныхъ водобоязню также означеннымъ средствомъ. Хорошо, если это правда!

— Докторъ Драке, въ Филадельфіи, изобрѣлъ газовую машину, которая обѣщаетъ производить чудеса, и вполне можетъ замѣнить всякаго рода паровыя машины. Изобрѣтатель уже показываетъ въ Филадельфіи модель означенной машины, которая дѣйствуетъ въ-продолженіе цѣлаго часа газомъ, добытымъ изъ фунта смолы, но, впрочемъ, газъ для этой машины, какъ двигательную силу, можно добывать изъ смѣси терпентина, свиного жира и виннаго спирта. Устройство газовой машины стоитъ гораздо-дешевле всякой паровой, притомъ же первая очень-мало занимаетъ мѣста, не подерживая вверху, и ее можно пустить въ дѣйствіе въ-продолженіи 5 минутъ.

— Французскій инженеръ Борн-

ронъ, въ Сент-Этьенъ, сдѣлаютъ городскія водопроводныя трубы вмѣсто свинцовыхъ или чугунныхъ, изъ толстаго стекла. На практикѣ оказалось, что стекляныя водопроводныя трубы гораздо-дешевле обходятся металлическимъ равной величины и дѣлаютъ выгоды 20 процентовъ на 100. Стекло, употребляемое на трубы, неподвержено никакой порчѣ, ржавчинѣ и проч. На немъ не появляются со-временемъ, какъ на металлическихъ трубахъ, желѣзистыя наросты и окиса, которые не только затрудняютъ протокъ воды, но и дѣлаютъ ее вредною для питья.

— Въ Англіи, сырое красное дерево высушиваютъ въ нѣсколько часовъ слѣдующимъ способомъ. Толстый отрубъ или плаху дерева кладутъ въ ящикъ, который послѣ герметически закупориваютъ; потомъ въ него черезъ кранъ впускаютъ струю пара въ 212 градусовъ по Фаренгейту. Согрѣваніе паромъ дерева продолжается два часа; послѣ того кладутъ его сушить на сутки въ теплую комнату. Паръ истребляетъ въ красномъ деревѣ всѣ личинки и яйца малѣйшихъ насѣкомыхъ, которыя много вредятъ какъ крѣпости, такъ и красотѣ самого дерева.

— Германскіе агрономы недавно открыли, что гуси, пасущіеся на лугахъ вмѣстѣ съ дошадами, коровами и овцами, доставляютъ великую пользу этимъ животнымъ, съѣдая всѣ вредныя травы и растенія, которыя бываютъ причиною падежей и опасныхъ болѣзней между домашнимъ скотомъ.

— Очень-часто повторяются несчастные случаи съ дѣтьми, у которыхъ отъ неосторожнаго приближенія къ огню мгновенно воспламенялось платье, и бѣдныя жертвы сгорали въ жестокихъ мученіяхъ, когда имъ не подано было помощи во-время. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, въ Англіи совѣтуютъ бумажное или шерстяное бѣлье послѣ стирки полоскать въ чистой водѣ, въ которой распушено не много селитры. Бѣлье получаетъ отъ того не только красивый лоскъ и видъ, но не загорается отъ огня, а только ме-

дленно глѣзеть подобно пеньковому фитилю. Мы бы хотѣли спросить у фаянзовъ, не лучше ли для этой цѣли употреблять квасны, ибо древніе писатели утверждаютъ, что квасцы могутъ дѣлать дерево несгораемымъ?

— Въ Лондонѣ изобрѣтенъ новый снарядъ для спасенія людей отъ пожара, захваченныхъ пламенемъ въ верхнихъ этажахъ домовъ. Означенный снарядъ состоитъ просто изъ двойнаго каната и кожанаго пояса, движущагося на ямѣ. Оба конца каната пожарные служители держатъ внизу на мостовой, а середина каната укрѣпляется въ той комнатѣ, откуда надобно спасать человѣка, находящагося въ опасности. Онъ надѣваетъ на себя кожаный поясъ и стремяглавъ бросается изъ окошка. Тупой уголокъ, образуемый внизу обоими концами каната, съжимается отъ паденія сверху тяжести, и сирывнувшій изъ окошка человѣкъ невредимо достигаетъ мостовой. Теперь въ каждой улицѣ Лондона имѣются въ запасѣ два такіе аппарата, на случай пожаровъ.

— Между множествомъ проектовъ, предложенныхъ Парижской Академіи Наукъ послѣ извѣстной катастрофы, случившейся на версальской желѣзной дорогѣ, заслуживаетъ особаго вниманія проектъ Дюмулена. Г. Араго показывалъ собранію академикомъ модель машины, сдѣланную означеннымъ инженеромъ Дюмуленомъ, и если польза ея подтвердится на-самомъ-дѣлѣ, то предложено составить особую комиссію для устройства этой машины въ большемъ размѣрѣ. Между рельсами дороги, надобно вырыть ровъ въ 32 метра глубиною и 66 сантиметромъ шириною. Для такого рва нужно, чтобъ щиты были положены на догивахъ или обыкновенныхъ перекладинахъ, но глубже въ землю на $\frac{3}{4}$ сантиметра. Во рву движется желѣзный рычагъ, котораго конецъ укрѣпленъ къ паровому или переднему вагону, другой снабженъ снарядомъ, который очищаетъ во рву и на самыхъ рельсахъ камни, щепки и пр., чтобъ они не могли мѣшать

ходу паровоза. Если передній конец рычага встрѣтитъ на рельсахъ какое-нибудь сильное препятствіе, громоздкую вещь и тому подобное, то рычагъ въ ту же секунду нажимаетъ пружину, находящуюся на другомъ концѣ рычага, которая въ свою очередь выбрасываетъ въ рѣзъ якорь, заклиняющійся своими лапами въ стѣны рва, и весь поѣздъ въ ту же минуту останавливается.

— Въ Англіи семь десятъ компаній желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ сложный капиталъ въ 58 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Сверхъ этихъ, есть тамъ и другія общества для разныхъ предпріятій съ капиталомъ въ 347 милліон. фунт. стерлин. Англичане вообще не довольны тѣмъ, что акціонеры желѣзныхъ дорогъ наблюдаютъ только свою собственную пользу и не жалѣютъ кармана публики, ибо плата за проѣздъ пассажировъ и товаровъ довольно-значительна, и публика хочетъ принудить акціонеровъ уменьшить ее. Въ Лондонѣ сдѣлано недавно слѣдующее вычисленіе о скорости ѣзды на желѣзныхъ дорогахъ. Паровозъ, при обыкновенной быстротѣ своего поѣзда, можетъ въ часъ пройти 4 нѣмецкія мил. Слѣдовательно, онъ можетъ проѣхать изъ Лондона въ Калькутту въ 8½ дней, изъ 11 дней въ Пекинъ. Паровозъ можетъ также въ 51 день объѣхать весь земной шаръ, а съ нашей земли на луну прибыть въ 16 мѣсяцевъ, до солнца же достигнуть въ 500 лѣтъ.

— На американскомъ военномъ пароходѣ Princeton, поставлена пушка, сдѣланная изъ кованаго желѣза въ 14 футовъ длины, 3 въ поперечникъ и въ 30,000 фунтовъ вѣсомъ. Доселѣ извѣстно, что ни на одномъ европейскомъ кораблѣ не было такой кованой испанской пушки, которую ковала на заводѣ молотомъ въ 15,000 фунтовъ. Нелегко было такую тяжелую массу желѣза раскалить, поднять на наковальню и бить молотомъ самихъ циклоповъ. Подобныхъ чугуновыхъ пушекъ, разумѣется, много найдется въ Европѣ, но желѣзной означеннаго размѣра кончатся

и нѣтъ, кромѣ, можетъ-быть, двухъ-трехъ старинныхъ, сдѣланныхъ изъ полосатаго желѣза. Говорятъ, что такое орудіе можетъ быть даже всѣхъ чугуновыхъ пушекъ на ¼, разстояніа.

— Въ Англіи пошлина за ввозъ табака составляетъ ежегодно капиталъ въ 3,500,000 фун. стер. (87,500,000 франковъ). Сигары, которыя курятъ только богатые люди, обложены также отъ 100 до 200 пен. съ ½, а табакъ курительный и нюхательный отъ 200 до 500 пен. съ ½. Половиная пропорція всего табака, употребляемаго въ Англіи, провозится контрабандою, и если бы пошлина на табакъ не превышала 1 шиллинга за фунтъ, тогда казна гораздо-болѣе получала бы дохода, ибо контрабандистамъ не выгодно было бы провозить тайно табакъ въ Англію.

— Въ Лондонѣ между тысячами чудаковъ появился новый оригиналъ, лордъ Санторшъ, который въ-теченіе каждаго мѣсяца живетъ троякимъ образомъ. Первые десять дней онъ проводитъ время какъ транзистъ, въ отдаленной комнатѣ своего замка, наблюдаетъ строжайшій постъ и молчаніе, ѣстъ сухой хлѣбъ и пьетъ только воду. Съ 11 же числа лордъ начинаетъ снова пировать, ѣдать съ своими друзьями каждый день на охоту, глотать шампанское какъ воду, роскошничаетъ подобно Крезу, шутить, смѣется, а вечера проводитъ съ хорошенькими актрисами. Въ полночь на 20-е число онъ опять перемѣняетъ свой образъ жизни, даетъ вечера и балы, какъ богатый аристократъ, и дѣлаетъ самъ визиты всей лондонской знати. Онъ счета не знаетъ деньгамъ, швыряетъ гиней за окошко, ѣстъ только черешашій супъ, устрицы, страсбургскіе пастеты, и пьетъ кларетъ, бургонское, и шампанское; но къ концу мѣсяца онъ совершенно истощивъ свои силы, немощаетъ отъ питья и обжорства. Слуги относятъ больного опять въ отдаленную комнату замка, гдѣ бѣдный грѣшникъ снова обрекаетъ себя явочкаше,

строгий постъ и жизни отшельническую въ-теченіе десяти дней.

— Въ Лондонѣ живетъ претендентъ на тронъ Франціи, извѣстный Наундорфъ, у котораго вовсе нѣтъ приверженцевъ или партіи, поддерживающей его квази-законныя права; за то тьмѣющая долговъ. Кредиторы претендента, несмотря на высокую его особу, потребовали его къ суду за неуплату по разнымъ векселямъ. Лудовикъ XVII, какъ называетъ себя Наундорфъ, имѣетъ всего капитала не болѣе 10 фунт. стерл., а долгъ его состоитъ изъ 150,000 франковъ. Должникъ, въ обезпеченіе своего долга предложилъ кредиторамъ своимъ въ закладъ—всю Францію!! Сапожнику своему онъ уже отдалъ доходы съ Наварры, шляпнику — всѣхъ алжирскихъ колоній; замокъ Сен-Клу онъ поручилъ въ распоряженіе своей прачкѣ, которой около 10 лѣтъ ничего не платилъ за мытье и глаженіе своего бѣлья; доходы съ замка Рамбуля приказалъ покуда собирать своему груму, обязавшавшему въ долгъ верховыхъ лошадей претендента. Теперь кредиторы Наундорфа толкуютъ только о томъ какъ бы имъ попасть въ управленіе имѣніями которыя заложилъ имъ претендентъ!!

— Въ Англіи вышла недавно пренеприятная книга объ ужасахъ и опустошеніяхъ войны — «On the horrors of war». Авторъ, ея докторъ Дикъ, говоритъ, что, начиная отъ сотворенія міра до нашихъ временъ, въ разныхъ войнахъ убито 14,000,000,000 человекъ. Еслибы эти жертвы человеческихъ распрей схватили другъ друга за руки, то составилибы цѣпь длиною въ 14,583,330 англійскихъ миль, которою можно обмотать весь земной шаръ 688 разъ. Если положить среднимъ числомъ вѣсъ человека въ 1 центнеръ, то выйдетъ, что въ-продолженіе означеннаго времени изрублено, разстрѣляно и передавлено 69,250,000 тоннъ (англійскій тоннъ содержитъ въ себѣ 224 фунта) человеческого мяса. Если указательныя пальцы всѣхъ убитыхъ на войнѣ людей сложить вмѣстѣ, то изъ нихъ

можно составить линію на 600,000 миль, которая, начиная отъ земли, не только достигла бы луны, но и прошла бы далеко за луну. Докторъ Дикъ также вычислилъ, что во всѣхъ войнахъ пролито человѣческой крови 3,500,000 оксофтоновъ.

— Въ Парижѣ многіе утверждаютъ, что новыя укрѣпленія столицы фортами и крѣпостями породятъ новыя болѣзни въ народѣ. Доселѣ воздухъ Парижа не почитался нездоровымъ и въ этомъ отношеніи превосходилъ Вѣну, Штутгардъ, Мюнхенъ и другія столицы Европы. Когда рвы нечыхъ укрѣпленій наполнятся стоячею водою; то весь городъ, такъ-сказать, превратится въ болото, населенное утками и лягушками; тогда-то извѣстная въ Римѣ болѣзнь *malaria* посѣтитъ и Парижанъ.

— Въ Пруссіи происходятъ нынѣ жарніе споры о томъ, какое слово слѣдуетъ употреблять офицерамъ земскаго ополченія (*Landwehr*) въ разговорѣ съ рядовымъ: «ты» или «вы»? — Слѣдующій анекдотъ можетъ, кажется, рѣшить этотъ споръ. Одинъ поручикъ земскаго ополченія, сынъ берлинскаго сапожника, на ротномъ ученіи сказалъ рядовому, сыну богатаго прусскаго банкира: «Ты, братецъ, худо маршируешь». Солдатъ отвѣчалъ: «Не могу лучше, господинъ поручикъ». — Почему? закричалъ грозно офицеръ. Солдатъ отвѣчалъ: «потому, ваше благородіе, что вы изволили мнѣ шить узкіе сапоги».

— Въ Японіи, замужнія женщины имѣютъ преимущество предъ дѣвщинами, а потому первыя могутъ чернить свои зубы и выщипывать брови, что запрещено закономъ послѣднимъ. Въ Багарѣ (въ Индіи) кредиторъ можетъ взять въ закладъ у своего должника жену и держать ее въ своемъ домѣ до тѣхъ-поръ, пока не послѣдуетъ уплата долга. Если жена въ закладѣ родитъ двойню, то одинъ ребенокъ по праву принадлежитъ ея мужу, а другой кредитору. Въ Афганистанѣ, дѣвщцы имѣютъ право выбирать себѣ мужей по

своему прощалоу; дѣвица, желающая выйти за-мужъ, отправляется съ барабанщикомъ въ лагерь или на базаръ, и если ей приглашается какой-нибудь Аггаецъ, то она приказываетъ барабанщику припильить къ его чалмѣ вуаль. Молодой человекъ, получившій дѣвическое покрывало, долженъ непременно жениться; но прежде обязанъ заплатить обычнымъ казимъ отцу невесты. Въ Суматрѣ, прелюбодѣйники и волокиты убиваютъ и съѣдаютъ съ причиннымъ торжествомъ въ присутствіи народа. Въ Бамбукѣ можно купить женщину за одинъ фунтъ соли или выжнѣть на барана. Въ Абиссиніи черныя принцессы могутъ по своей волѣ и капризамъ перемѣнять мужей сколько нитъ угодно. Въ древнемъ Вавилонѣ, по свидѣтельству Геродота, дѣвицы выходили за-мужъ слѣдующимъ образомъ. Онѣ собирались вмѣстѣ на одну обширную площадь, гдѣ ихъ окружали молодые люди. Вавилонскій аукціонщикъ предлагалъ сперва на продажу самую прекрасную изъ дѣвицъ тому, кто дастъ больше. По продажѣ женихамъ такимъ-образомъ всѣхъ хорошенекъ дѣвицъ, дѣло наконецъ доходило до дурныхъ и безобразныхъ. Тутъ уже спрашивалъ аукціонщикъ, кто желаетъ взять несмазливую дѣвушку съ значительнымъ капиталомъ приданого. Такимъ-образомъ, вырученная отъ продажи красавицъ сумма поступала въ приданое дурнымъ невестамъ, и чѣмъ хуже была лицомъ невеста, тѣмъ болѣе получала она приданого.

— Нигдѣ такъ-часто не случаются убійства, какъ въ Испаніи, въ которой число убійствъ въ 48 разъ бываетъ болѣе, чѣмъ во Франціи. Продажность и влзочничество испанскихъ уголовныхъ судей вошло въ пословицу, такъ-что честные граждане гораздо-болѣе боятся суда и испанской расправы, чѣмъ настоящіе разбойники и убійцы. На-примѣръ, если въ какомъ-нибудь городѣ случится убійство, то юстиція, не заботясь сперва объ открытіи сѣдого преступника, беретъ подѣ

стражу, того кто случайно подаетъ руку помощи раненому, или поднималъ убитого на дорогѣ. Если на улицѣ послышится жалобный вопль умирающаго отъ руки злодѣя, то всѣ сосѣди поспѣшно запираютъ окна и двери, опасаясь, чтобъ раненный не вбѣжалъ въ какой-нибудь домъ искать убійщика. Въ противномъ случаѣ, полиція тотчасъ влзываетъ въ такой домъ и забираетъ подѣ стражу жильцовъ и хозяевъ. Если алькальдъ замѣтитъ еще признаки жизни въ убитомъ, то онъ сперва посылаетъ за священникомъ, а послѣ уже за докторомъ. Если гдѣ-либо на улицѣ упадетъ человекъ отъ припадка болѣзни, отъ обморока или другихъ причинъ, то никто не смѣетъ прикоснуться къ нему, покуда не явится на мѣсто промшества алькальдъ и муниципальные чиновники.

— Леонъ Фомѣ изобразилъ въ *Revue des deux Mondes* страшную картину нищенства и пороковъ прихода Сен-Жильскаго, въ Лондонѣ. Известно, что эта часть города населена рѣшительно сволочью: бродягами, нищими, ворами и жрицами Венеры. Этотъ приходъ служитъ безопаснымъ убѣжищемъ для мошенниковъ и плутовъ всякаго рода, и полиція рѣдко рѣшается проникать туда, ибо увѣрена, что ей придется имѣть дѣло съ густыми толпами самыхъ отчаянныхъ злодѣевъ. Въ Лондонѣ, нищета и бродяжество безпріютнаго народа увеличивается болѣе-и-болѣе съ каждымъ годомъ. Въ разныхъ пріютахъ нищенства живутъ постоянно до 30,000 человекъ, болѣею частью дѣтей и стариковъ; кромѣ того, 130,000 бѣднаго народа получаютъ пищу и разныя вспоможенія въ своихъ квартирахъ. Въ одной части города, принадлежащей къ графству Миддлсекскому, въ 1840 году считалось 49,814 бѣдныхъ, которые содержимы были на счетъ общественный, а въ 1841 году число такого рода нищихъ увеличилось до 73,815 человекъ. Ужасный развратъ и нищенство ходять рука-объ-руку въ Лондонѣ. Тамъ вы видите множество

мальчишекъ, дѣтъ двѣнадцати, которые умѣютъ любить, дѣвчонокъ хохлящихъ по міру. Мальчишки отъ десяти до одиннадцати дѣтъ крадутъ и мошенничаютъ такъ же ловко и проворно, какъ старыя, испытанныя въ своемъ ремеслѣ воры. Въ 1817 году сидѣло въ тюрьмахъ за кражу 11,785 дѣтей, а въ 1840 году число малолѣтнихъ преступниковъ увеличилось до 16,301 человека.

— Въ Неаполѣ, многія оперы, играемыя на всѣхъ европейскихъ театрахъ, должны являться на тамошней сценѣ съ важными перемѣнами и урѣзками въ текстѣ. Опера «Вильгельмъ Тель», въ Россіи, была вовсе переначена; напр. Тель не долженъ убивать на сценѣ Гесслера, но Гесслера беретъ подъ арестъ полиція и сажаетъ въ тюрьму. Опера «Маскарадъ», музыка Обера, вовсе запрещена въ Неаполѣ. Всякія театральныя дуэли изгнаны вовсе со сцены. Въ пьесѣ «Gabriel de Vergu», вмѣсто вызова на поединокъ; Фафель убиваетъ своего соперника тайно, какъ подкупной бандитъ. Танцовщицы на театрѣ Сан-Карло не могутъ иначе выходить въ балетѣ, какъ въ зеленыхъ атласныхъ панталонахъ, вмѣсто гриме тѣльнаго цвѣта, что производитъ отвратительный эффектъ: танцовки снизу похожи на лагушекъ. Тальиони никогда не хотѣла одѣться въ такой костюмъ, и, слѣдовательно, не могла танцовать въ Неаполѣ. Не знаемъ, какого вѣроятія заслуживаетъ этотъ рассказъ объ неаполитанской оперѣ, помѣщенный въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ, и не насмѣшка ли это какого-нибудь досужаго журналиста?

— Въ Парижѣ, нѣкто Роомаленъ (Roosmalen) предлагаетъ свои услуги почтеннѣйшей публикѣ, и готовъ по призыву во всякомъ частномъ обществѣ читать лекціи о литературѣ, религіи, философіи, земледѣліи, астрономіи, и пр. Собравшіеся гости въ обществахъ могутъ его слушать въ промежуткахъ между танцами, вистомъ и за чаемъ. Целобный артистъ-ре-

знайка предлагалъ недавно такія же услуги брусельской публикѣ, облызавая говорить въ собраніяхъ о какой угодно наукѣ или предметѣ, въ продолженіи часа, за извѣстную плату, по билетамъ.

— Пишутъ изъ Берлина отъ 18-го ноября: «Здѣшнюю публику очень интересуетъ проектъ новой лоттерей извозничьихъ дрожжъ. Надобно предварительно сказать, что въ Берлинѣ «дрожками, называются весьма-спокойныя и уютныя коласочки, покрытыя кожей и стеклами и запряженныя въ одну лошадь или парюу. За пять грошей серебромъ по таксѣ, каждый сѣдокъ можетъ ѣхать въ такомъ экипажѣ изъ коппа въ концѣ во всю длину города. Приѣхавшій получаетъ отъ извозника контромарку, которую можно послѣ послать для выкупа къ содержателю извозничьихъ экипажей. За каждую контромарку выдается, кажется, по пенсигу (мелкая мѣдная монета). Всѣ содержатели такихъ экипажей согласились каждый мѣсяцъ отъ своей чистой прибыли откладывать извѣстную сумму въ пользу любителей лотерейныхъ выигрышей и въ пользу бѣдныхъ; сѣдокъ, нанявшій извозника за пять грошей, имѣетъ надежду выиграть премію въ 500 талеровъ. Это средство, конечно, возбудитъ охоту въ самыхъ экономическихъ пѣшеходахъ ѣздить на дрожжахъ, и, разумеется, содержатели экипажей не останутся отъ-того въ нападѣ. Они очень-хорошо знаютъ, что каждый извозникъ утаитъ въ день отъ своего хозяина, по-крайней-мѣрѣ, пять грошей серебромъ, потому-что многіе сѣдоки не берутъ контромарокъ отъ извозниковъ, и извозника нельзя подвергать строгому контролю. И такъ, надѣясь на случайный выигрышъ, каждый сѣдокъ будетъ брать отъ извозника контромарку, и, слѣдовательно, всякая утайка денегъ за провозъ должна прекратиться.—Истребленный пожаромъ берлинскій оперный театръ весьма-быстро возобновляется.— Въ день тезоименитства прусскаго короля была умъ до-

ставлены строили на краи́хъ съ приличною тому случаю церемонію. Дирекція театра угостила завтракомъ весь рабочій народъ, находящійся при постройкѣ здания. Говорятъ, что король намѣренъ построить на Дёнгофской Площади еще огромный оперный театръ, въ родѣ миланскаго *la Scala*. Новое здание будетъ посвящено исключительно оперѣ и балету, а въ столицѣ оперный театръ возобновится единственно въ память Фридриха-Великаго, который, какъ извѣстно, былъ первымъ основателемъ его. Постройка новаго музея приближается къ концу; со старымъ музеемъ онъ будетъ соединенъ мостомъ. Въ новомъ помѣстятся всѣ замѣчательныя по художеству картины, антики, статуи, которые теперь разсыпаны по разнымъ дворцамъ и королевскимъ замкамъ Пруссіи. — Говорятъ, что составляется проектъ для постройки храма славы въ родѣ баварской Вальгалы, гдѣ будутъ помѣщены статуи всѣхъ великихъ людей Пруссіи, прославившихся въ исторіи этого государства. — Въ заключеніе, надобно сказать, что въ Берлинѣ, кромѣ четырехъ желѣзныхъ дорогъ, скоро построится еще пятая желѣзная дорога, которой локомотивы будутъ действовать атмосферическимъ сжатіемъ воздуха. Эта дорога будетъ проведена изъ Берлина въ Шарлоттенбургъ, на разстояніи одного часа ѣзды. — Столицѣ Пруссіи угрожаетъ цѣлый потокъ сочиненій подъ заглавіемъ: *Берлинскія Тайны*. Четыре автора со множествомъ соудиниковъ трудятся надъ этими Тайнами. Двое изъ нихъ имѣли случай глубоко наблюдать правы подвальной публики; но надобно сказать, что Эженъ Сю прославился въ своихъ Тайнахъ не тѣмъ, что переписалъ съ педантическою точностію судебныя акты о разныхъ городскихъ плутахъ, бродягахъ и дѣвахъ веселья, но рѣзкими очерками представилъ интересныя картины изъ народнаго быта.

— Къ намъ ишутъ изъ Парижа отъ

25 ноября: «Въ Олимпійскомъ-Циркѣ назначено было первое представленіе «Донъ-Кихота Лананчскаго»; но дирекція цирка стала въ-туникъ, не зная, откуда взять знаменитаго коня Росинанта, на которомъ разъяжалъ рыцарь-печальнаго-образа. Въ Парижѣ, измученныхъ влячь можно найти нѣсколько-тысячь, но нѣтъ такого коня, который бы съ поразительною художбою соединилъ въ себѣ и художественный сценическій талантъ. Олимпійскій-Циркъ наконецъ рѣшился взять для своихъ представленій обученую кавалерійскую лошадь и, за нѣсколько недѣль до главной пробы «Донъ-Кихота», начали уменьшать у ней порціи корма, чтобы она похудѣла слію возможно. Сперва лишили ее орса, потомъ сѣна, и наконецъ, обѣдъ ея состоялъ изъ одной соломы. Жирный конь въ нѣсколько дней такъ похудѣлъ, что почти сравнялся съ Росинантомъ: ребра его можно было пересчитать, а на высунувшихся костяхъ окороковъ повѣсить шляпу. Голодный конь, превращенный продолжительною діетою въ самую сухую влячь, выдержалъ съ честью три представленія на сценѣ: въ первое, публика вызвала его нѣсколько разъ, во второе и третье наградила огромнымъ вѣнкомъ, свитымъ изъ сѣна. На четвертое представленіе «Донъ-Кихота» билеты всѣ уже на-канули были расхвачены: но конь рыцаря-печальнаго-образа — сдѣлалъ жертвою своей собственной славы: его нашли въ конюшнѣ околожившимъ отъ голода. Парижскіе филантропы начали кричать, что это непопозительное мученіе животныхъ, и что директора Олимпійскаго-Цирка за такой тиранскій поступокъ надлежитъ позвать къ суду, но настоящіе любители изящныхъ искусствъ и въ-особенности берейторскихъ эволюцій цирка, подняли на смѣхъ сантиментальную приверженность филантроповъ къ издохшей скотинѣ. — Нѣкоторые парижскіе журналисты — настоящіе мажоры въ театральной критикѣ; искусство собирать съ актѣровъ, особенно съ дебютантовъ.

разные подарки дарили до совершенства. Одинъ актёръ послалъ недавно въ подарокъ извѣстному рецензенту прекрасную бронзовую лампу, чтобы онъ написалъ въ пользу его дебюта свѣтлую похвалу, а не темную, желчную критику. На другой день послѣ дебюта, актёръ прочиталъ на себя презлую сатиру въ «*Moniteur de Théâtres*». Артистъ взбѣсился на такую неблагодарность журналиста, побѣждалъ къ нему, и осылалъ его упреками. Рецензентъ выдержалъ прехладнокровно нападеніе артиста и сказалъ ему съ ироническою улыбкою: «милостивый государь! ваша лампа такъ мнѣ понравилась, что я желалъ бы имѣть такихъ же одну, но! пару!» Актёръ понявъ этотъ намекъ и прислалъ другую лампу — дружку къ первой. За этотъ поступокъ, разумеется, игру его превознесли до небесъ въ слѣдующемъ же номерѣ газеты. — Къ этому же самому критику пришелъ недавно первый театральный любовникъ и сказалъ ему: «милостивый государь! мнѣ скоро придется дебютировать на сценѣ театра des Variétés я полагаю, что у меня есть талантъ, который составляетъ мое единственное достоинство. Не забудьте меня на-пожалъ своею критикою, но ободрите сколько можно мое искусство, и я вамъ обещаю въ-последствіи...» Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, первый любовникъ прочиталъ въ газетѣ слѣдующее: «Вчера дебютировалъ на сценѣ des Variétés господинъ Артуръ...; онъ обещаетъ много...» Дебютантъ понявъ эту фразу и успѣвши исполнить свое обѣщаніе. — Знаменитый актёръ Буффе, любимецъ парижской публики, недавно оставилъ театръ Gynpaze Dramatique, противъ котораго составили общій заговоръ всѣ парижскіе водевиллисты, и условились не давать означенному театру ни одной пьесы своего сочиненія. Буффе въ декабрѣ поступаетъ на сцену театра des Variétés. Этотъ переходъ заинтересовалъ публику: пошли толки и разговоры о Буффе во всѣхъ салонахъ, — онъ по-неволѣ долженъ былъ оставить театръ, противъ

котораго вооружилась цѣлая масса драматическихъ писателей, и отыска у него всѣ свои пьесы. Теперь, театръ Gynpaze Dramatique клонится быстро къ своему совершенному упадку. Директоръ, его г. Роклянь, уступилъ знаменитаго Буффе директору театра des Variétés Делестру Пуарсону за 100,000 франковъ, потому-что, по контракту, заключенному между Буффе и Рокляньомъ, первый обязанъ былъ играть на театрѣ Драматической-Гимназій еще полтора года. Вотъ какъ въ Парижѣ цѣнятъ извѣстные драматическіе таланты! — Gynpaze Dramatique понесъ еще чувствительную потерю въ лицѣ г-жи Вольнй (madame Volny), которая славилась въ свои юныя лѣта подъ именемъ Леонтины Фэ, и дожила уже нынче до 3½ лѣтъ. Малютка Леонтина Фэ играла уже на сценѣ почти при своемъ рожденіи, восьмью лѣтъ уже путешествовала по Голландіи и объѣздила всю Францію, одиннадцати лѣтъ дебютировала на театрѣ Gynpaze Dramatique. Въ 1821 году, она интересовала собою весь Парижъ. Каждый считалъ себя а счастливымъ, если видѣлъ знаменитую въ то время пьесу: «*le Mariage Enfantin*», гдѣ первую роль занимала Леонтина. Мало-по-малу, это дитя выросло и преобразовалось въ mademoiselle Леонтинъ. Тогда Юпитеръ волевила, Скрибъ, сказалъ ей: «будешь друзьями!» и Леонтина съ помощію его вышла замужъ и преобразовалась въ мадамъ Вольнй. Она родилась, была воспитана, выросла и сочеталась бракомъ на театрѣ Гимназій, но теперь разсталась съ родною сценою и перешла на Théâtre Français. Она наирѣнн была и прежде перейти туда, но дѣло это разладилось, потому-что дирекція не хотѣла ангажировать также и ея мужа Вольнй, весьма-предостерегаюаго актёра. Теперь, по настоянію г-жи Вольнй, эта нѣжная чета ангажирована на первый французскій театръ, и мужъ вступилъ на аналы благородныхъ отцовъ. За два года передъ этимъ, онъ игралъ роли мѣрвыхъ любовниковъ. Sic transit gloria mundi! —

Въ Парижѣ вышла недавно Филологія Хористинъ. Дамы такого рода иѣють мѣсто и голосъ въ углубленіи сцены. Хористка съ почтеніемъ стоитъ всегда позади тенора или баса, контр-альта или сопрано, которые прославились своимъ голосомъ, искусствомъ и отличною методою. Хористка присутствуетъ непремѣнно при всѣхъ свѣтѣ-бахъ, похоронахъ, праздникахъ, народныхъ возмущеніяхъ, триумфахъ и сраженіяхъ на театральномъ помостѣ. Преимущественно она восхваляетъ любовь и счастье новобрачныхъ. Изъ устъ ея перѣдно выходятъ такіе стихи:

О, день счастливымъ, незабвенный!
Восторгомъ грудь моя полна, и пр.

Хористка бываетъ при выходахъ и торжественныхъ шествіяхъ полководцевъ, возвращающихся побѣдителями съ битвы; тогда она поетъ:

Люкуй, герой, гордись побѣдой новою;
Тебѣ подносимъ мы вѣнокъ лавровый.

Всякій день 'отъ семи часовъ утра до шести вечера (исключая времени, потребнаго для театральной пробы) хористка работаетъ въ модномъ магазинѣ, или шлетъ дома шихъ заказъ рубашки, манишки, галстуки, вызываетъ мундирные воротники золотомъ, серебромъ, или мотъ и гладитъ тонкое бѣлье. Я говорю только про ея официальные занятія, а другія прочія остаются во нравѣ невѣдѣнности для публики. Хористка обыкновенно живетъ на чердакѣ шестого этажа, въ уютной комнатѣ, у которой, вмѣсто котелка, красуются строгала, покрытые черешнею; хотя ея комнату называютъ вездѣ будуаромъ, но это названіе принадлежитъ болѣе къ области поэзіи, чѣмъ къ дѣйствительности. Вечеромъ изъ скромной своей лачуги она вдругъ переходитъ къ раззолоченнымъ декорациямъ Большой-Оперы, и въ хористкѣ происходитъ чудная метаморфоза. Простой тюлевый чепецъ замѣняется красавицъ тюрбетомъ, скромное ситцевое платье уступиваетъ мѣсто шикозе-

му или бархатному наряду со шлейфомъ, жемчужные колусапожки бросаетъ хористка подъ лавку, надѣвая атласные башмачки. Хористка можетъ служить на театрѣ отъ 20 до 50 лѣтъ включительно; красота и добродѣтель не составляютъ необходимыхъ качествъ этого разряда женщинъ; также онѣ не богаты бываютъ собственными волосами, и носить часто булки или накладки. У рѣдкой хористки вы увидите во рту полный комплектъ бѣлыхъ алмазовыхъ зубовъ. Каждая почти имѣетъ вакантные мѣста для двухъ, трехъ и пяти искусственныхъ зубовъ, которыми снабдить себя имѣетъ ей никакой возможности, потому что она не получаетъ весьма-ограниченное жалованье, недонускающее никакихъ лишешнихъ расходовъ на туалетъ.

— Въ Парижѣ недавно возмла оманъ въ большую моду игра въ мячи; но это полезное для тѣла гимнастическое упражненіе, кажется, хотѣтъ вытѣснить изъ большого свѣта англійскій кулачный бой (боксъ), который сильно началъ распространяться между парижскими дѣлами. Тамошніе франты считаютъ за необходимость между прочимъ: фешенбельными искусствами изучать также искусство ловко биться на кулачки. Для этого, они вызвали знаменитаго англійскаго профессора Кутса, который прославился во всей Великобританіи своимъ боксениемъ, и имѣетъ право убивать людей по всѣмъ правиламъ кулачнаго искусства. Кутсъ завелъ теперь классъ боксеровъ въ Парижѣ, и не можетъ похвалиться на малое число учениковъ, которую болѣею частью принадлежатъ къ артистическому кругу общества. Особенно тѣ молодые люди, которые прославились закладами, скачками и охотою, хотѣтъ непремѣнно достигнуть всемірной извѣстности коммодио и силою своихъ кулаковъ.

— Гамбургскія дамы составили противо-персетно общество. Когда мы видимъ, что во многихъ земляхъ Германіи возобновляютъ феодальныя общества, невозможности наравне съ

равить и мучить домашнихъ животныхъ, то уже давно бы пора всѣмъ добрымъ матерямъ семействъ позаботиться о совершенномъ уничтоженіи добровольной человѣческой пытки — корсетнаго шнурованія. Мы знаемъ многихъ вѣжнхъ и чувствительныхъ матерей, которыя падаютъ въ обморокъ при видѣ убитаго комара и отравленной мухи; но прехладнокровно смотрятъ на тяжкія мученія и пытку своихъ дочерей, когда ихъ горничныя затягиваютъ въ желѣзные тиски т. е. корсеты. Да и что за пріятность видѣть

бѣдную затянутую въ корсетъ двѣушкѣ съ осанкою и талиєю осы или стрекозы? при этомъ теряются красивыя волнистыя линіи тѣла, которыми природа такъ щедро надѣлила прекрасный полъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что женскіе корсеты — источники, многоразличныхъ болѣзней и даже причина преждевременной смерти многихъ щеголихъ, а потому отъ всей души желаемъ преуспѣянія обществу гамбургскихъ дамъ, которыя вѣроятно найдутъ себѣ жаркихъ подражательницъ въ другихъ странахъ Европы.

М О Д Ы.

Платья большею частію убираются въ видѣ передника лентами, которыя собираются какъ рюшъ и съ обѣихъ сторонъ пришиваются къ платю въ гладь.

Рукава дѣлаются и гладкіе и широкіе; главное ихъ достоинство зависитъ отъ уборки.

Лясы, какъ закрытыя, такъ и открытыя, большею частію гладкіе въ три шва. Уборка на нихъ бываетъ почти всегда въ видѣ французскаго е, у; но берты все-таки еще въ большомъ употребленіи.

Кружево теперь есть вещь необходимая для наряда. Все, что вы только ни захотите, все можете получить изъ кружевъ: наптыльи, чепчики, берты, вуали для годовныхъ оборокъ, вуали

для шляпъ, маленькія пелеринки, воротнички и наконецъ самыя широкія кружева для уборки платья.

Для гулянья дѣлаются длинныя кацавейки, о которыхъ мы уже говорили въ прошедшемъ номерѣ, а для визитовъ онѣ дѣлаются очень-коротенькія и съ самымъ маленькимъ воротничкомъ. Обшиваются онѣ большею частію горностаемъ.

Фасонъ шляпъ все тотъ же: маленькія, поля и тулья въ прямой линіи съ полями. Перо — лучшее украшеніе для шляпъ.

Впрочемъ, новѣйшія, самыя свѣжія моды вы найдете на прилагаемой картинѣ, только — что полученной нами изъ Парижа съ послѣднею почтою.

ПОДПИСКА
НА
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ
1844 года.

Всѣ экземпляры «Отечественныхъ Записокъ» 1844-го года уже распроданы, и подписка на этотъ журналъ должна была бы прекратиться 1-го марта; но какъ требованія все еще продолжаютъ поступать въ значительномъ количествѣ, то Редакція рѣшилась, продолживъ подписку, увеличить число печатаемыхъ ею экземпляровъ съ четвертой книжки, и немедленно приступить ко второму изданію первыхъ трехъ книжекъ. Такимъ образомъ, гг. подписавшіеся, которыхъ требованія поступили въ редакцію послѣ 1-го марта, сначала получаютъ четвертую книжку, а потомъ, въ самомъ скоромъ времени, первую, вторую и третью. Второе изданіе будетъ, разумѣется, совершен-

но-одинаково съ первымъ; только, внизу первой страницы каждаго листа его, будетъ выставлено: *Изд. второе.*

Подписка продолжаетъ приниматься исключительно въ конторахъ Редакціи, при книжныхъ магазинахъ: А. Ш. Иванова (въ Санктпетербургѣ), А. В. Глазунова (въ Москвѣ), и г. Григорьева (въ Одессѣ).

Цѣна за годовое изданіе *15 рублей сер.* въ Санктпетербургѣ, и *16 р. 50 коп. сер.* съ пересылкою.

